

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2025

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2025

ISBN 978-985-589-136-0 (CD)
ISBN 978-985-589-137-7 (on-line)

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2025

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(CD), 2025

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное сетевое текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2025. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8895. – Загл. с титул. экрана. ISBN 978-985-589-137-7.

В сборник вошли научные статьи, представленные на VIII Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (23 мая 2025 года), организованную кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные направления развития теоретического юридического знания, проблемные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры; характеристики современного общества с позиции юридического, политологического, социологического и исторического знания.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Языки публикаций — русский и белорусский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: oonmid@institutemvd.by
<https://www.institutemvd.by>

- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2025
- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2025

Научное электронное сетевое текстовое издание

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2025. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-136-0.

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор),
профессор кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;

Т. И. Вишневская, начальник кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД,
кандидат экономических наук, доцент;

А. А. Дыжова, профессор кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Рецензенты:

заведующий кафедрой юриспруденции факультета экономики и права
учреждения образования

«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»
кандидат юридических наук, доцент *Ю. А. Матвейчев*;

профессор кафедры политологии и социологии
учреждения образования

«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»
доктор социологических наук, доцент *Н. Е. Лихачев*

Сведения о программном обеспечении:

современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Е. И. Дзен*

Корректоры: *Т. Ю. Лухтанова, Н. П. Ковалькова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.

www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 26.05.2025.

Объем 5,56 Мб. Заказ № 5.

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 343.01

РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ «КУЛЬТУРНОГО КОДА»

Т. П. Афонченко

Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации,
доцент кафедры права и экономических теорий,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Внедрение высокого уровня правового менталитета в культурный код нации обеспечивает качественный формат взаимодействия как на внутригосударственном уровне, так и с внешними вызовами, что представляется возможным обеспечить в том числе с помощью уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: культурный код, правопослушное поведение, норма права, уголовно-правовая норма.

Annotation. Introduction of a high level of legal mentality into the cultural code of the nation ensures a high-quality format of interaction both at the domestic level and with external challenges, which can be ensured, among other things, with the help of criminal law norms.

Keywords: cultural code, law-abiding behavior, rule of law, criminal law norm.

Формирование стандартов осознанного правопослушного поведения является залогом эффективного развития социума и составляющих его страт. «Большой толковый словарь по культурологии» предлагает понимать под культурным кодом ключ к пониманию определенного типа культуры [1]; уникальные культурные особенности, доставшиеся нации от предков в ходе различных этапов исторического развития; закодированный в некой доступной к восприятию форме набор информации, позволяющей идентифицировать аутентичную культуру.

В контексте расхожего суждения о том, что современная социальная среда есть общество потребления, представляется весьма символичным, что категория «культурный код» как специфический маркер, определяющий уровень культуры современного индивида, связывается прежде всего с именем К. Рапая — известного консультанта по продажам, автора работ по психологии и культурной антропологии [2].

Появившееся в среде маркетинга и получившее широкое распространение в современных условиях понятие «культурный код» может быть применимо и как инструмент измерения правового менталитета. Правовое нормирование общественного поведения как регулятор допустимого, возможного либо запретного олицетворяет сущность государственности на различных этапах ее развития. Правовые акты, выступающие сегодня как памятники права, безусловно, рассматриваются и как памятники культуры, дающие достаточно точные представления о системе общественных ценностей, а также о допустимом формате их защиты, в том числе посредством норм уголовного права. Действительно, исторический срез позволяет утверждать, что в любой период государственности нормативное оформление стандартов человеческого поведения немыслимо без установления уголовно-правовых запретов. Уголовно-правовая норма — элемент самоорганизации общества, объективация ценностных приоритетов и воплощенный в перечне четких запретов формат ожидаемого поведения. Уголовно-правовая норма отражает уровень гуманности и справедливости в их понимании на каждом историческом этапе.

Криминализация определенных проявлений потребностей индивидов и способов их удовлетворения с точки зрения глобального исторического среза — это выражение в публично-правовой форме решений социума, констатирующих опасность подобных частных (или относительно массовых) проявлений для значимых ценностей социума в данный конкретный момент развития общества и государства, а не некая абсолютная величина. Оценка поступков человека производится с точки зрения общественной морали и утвержденных правовых норм (считая их общепринятыми), однако отдельные поведенческие проявления субъекта при других обстоятельствах могли бы оцениваться не как социально вредные, а как социально полезные качества, если публичные институты обнаруживали возможность их использования для достижения общественно значимого блага. В ряде случаев как общественный вред оценивается не столько причиненный различным охраняемым интересам ущерб либо реальная угроза его причинения, сколько готовность нарушить общепринятый запрет, тем самым продемонстрировав презрение к общественно-нравственным институтам, то есть более ярко выраженную склонность использовать общественные ценности в угоду личному интересу, воплощенную в настоящий момент времени в уголовно наказуемом деянии. Уголовно-правовая норма — квинтэссенция достигнутого на данном этапе развития общества, перечень того, что социум признает наиболее ценным в данный период времени, указывая на эти ценности как современному, так и будущим поколениям в их постоянной динамике. Невозможно представить себе сколько-нибудь известный исторический нормативный акт из числа памятников права без закрепления в той или

иной форме санкционного воздействия за посягательства на действующую в соответствующий исторический период время систему ценностей. Законы Хаммурапи, Законы XII таблиц, Дхармашастры, Русская правда, Статуты Великого княжества Литовского демонстрируют культурные коды различных эпох, рас, наций и народностей и неизменно включают в свое содержание меры уголовно-правового воздействия.

Не является в этой части исключением и современный законодатель. Одним из стратегических национальных интересов Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Всебелорусским народным собранием в 2024 г., называет благополучие граждан, создание комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала, в том числе в социальной сфере, основными национальными интересами являются снижение уровня преступности и криминализации общества [3]. Для реализации указанных целей роль государства видится в реализации превентивной составляющей воздействия на социум и воспитание граждан в духе уважения закона. Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК), в отличие от ранее действовавших нормативных актов, базовый перечень социальных ценностей артикулирует вполне определенно. Статья 2 УК называет в числе задач охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств [4]. Перечень объектов уголовно-правовой охраны — доступная к восприятию кодировка и ориентация на современную систему ценностей. Однако для формирования подлинно правового менталитета как отличительного признака современной белорусской нации и элемента национального культурного кода недостаточно декларирования объектов правовой охраны. Необходимо достичь действенного эффекта в части правореализации, что, в свою очередь, невозможно без интенсивного процесса обеспечения правовой информированности и правового воспитания. Несмотря на презумпцию знания норм законодательства с момента вступления их в силу, далеко не каждый правопослушный индивид фокусируется на целенаправленном изучении правовых предписаний по всем направлениям функционирования социума, предпочитая более детальное внимание уделять правовому регулированию профессиональной сферы либо области личных интересов, в то время как законодательные веления, непосредственно затрагивающие указанные области, остаются для большинства граждан реализующимися в фоновом режиме.

В подобном контексте очевидно, что часть совершаемых правонарушений допускается ввиду недостаточной внимательности, неосведомленности, что

особенно актуально в условиях динамично развивающегося законодательства. Не случайно информированию населения об осуществляемых нормативных новациях отводится значительная роль. Правовой базой вовлечения в разнообразные формы профилактической деятельности широкого круга субъектов выступает Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», нормы которого к полномочиям субъектов профилактики в сфере профилактики правонарушений, помимо прочего, относят размещение в общественных местах, на официальных сайтах информации о формировании правопослушного поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан [5]. Правовое просвещение граждан как формирование и повышение уровня их правового сознания и правовой культуры также закрепляется в ст. 10 указанного Закона в качестве меры общей профилактики. Реализация образовательных программ, содержащих правовые дисциплины, позволяет добиться удачного сочетания мер общей профилактики и компетентностного подхода, а также самовоспроизведения посредством образовательных программ тех элементов культурного кода, которые отвечают за формирование ответственного отношения к общественным и частным ценностям. В подобном случае правовые нормы воспринимаются не как искусственно сформированные конструкции, навязываемые извне, а как необходимый и адекватный объективным реалиям фактор, сопутствующий качественной выработке навыков правопослушного поведения. Освоение обучающимися учебных дисциплин, включающих отдельные вопросы правового регулирования либо в качестве профессиональных компетенций, направлено на формирование должного уровня правовой культуры и позволяет достичь осознанного правопослушного поведения, в том числе в конфликтных ситуациях, повысить уровень самооценки и самоосознания в качестве потенциально востребованного, обладающего комплексным инструментарием выполнения социальной функции индивида и носителя культурного кода.

-
1. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече, 2000. 512 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Rapaille Cl. The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy as They Do. New York : Broadway Books, 2006. 304 p. [Вернуться к статье](#)
 3. Об утверждении Концепции национальной безопасности [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом

Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340;342

ЛЕГАЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА КАК ПРИЗНАК ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

С. Г. Василевич

Международный институт управления и предпринимательства,
доцент, кандидат юридических наук

Аннотация. Проведен анализ определений юридического конфликта, которые дают ученые. Предлагается рассматривать юридический конфликт как возникшее на основе апелляции к юридическим нормам противостояние между его сторонами, стремящимися посредством применения юридических механизмов и форм к его разрешению. Проведена типологизация юридических конфликтов.

Ключевые слова: правовая культура, юридический конфликт, социальный конфликт.

Annotation. The definitions of legal conflict given by scientists are analyzed. Proposes to consider a legal conflict as a confrontation between its parties arisen on the basis of appeal to legal norms and striving through the application of legal mechanisms and forms to its resolution. The typologization of legal conflicts is carried out.

Keywords: legal culture, conflictology, conflict, legal conflict, social conflict.

Категории «культура», «правовая культура» широко используются в философской, педагогической, юридической литературе. Проблематика правовой культуры как разновидности более широкого понятия «культура» привлекает особое внимание теоретиков права, конституционалистов, представителей некоторых иных юридических научных направлений (например, криминологов). В связи с этим важно иметь если не полностью совпадающее, то консолидированное определение понятия «правовая культура», отражающее его главные черты.

Некоторые ученые в качестве базовой характеристики правовой культуры называют информационно-ценностные ориентиры личности в области права [1, с. 12]. Другие правовую культуру определяют как разновидность духовно-материальной культуры, вбирающей в себя юридические ценности [2, с. 8].

Оригинальный подход к определению сущности правовой культуры предложила Н. А. Славова. Она исследовала функции правовой культуры и на этой основе дает определение данной категории. Ею выделяются следующие функции правовой культуры: регулятивная (связана с регулированием общественных отношений), гуманистическая (создание наиболее благоприятных условий для жизни человека, реализации им прав и свобод), исторической преемственности (формирование генетического кода правовой ментальности народа и

формирование народом своего духовного мира), познавательная (гносеологическая) (познание человеком себя, общества, правовой системы), прогностическая (создание модели развития права), воспитательная (формирование ценностных векторов) [3, с. 51–53].

Н. А. Славова предложила такое определение понятия правовой культуры: «качественное состояние правовой жизни общества, которое выражается в соответствующем уровне развития правовой реальности, правотворчества (законотворчества), правовой доступности (посредством предоставления правовой информации и ее обмена), правоприменительной и правореализационной деятельности и представляет собой ценностно-нормативную систему, ориентированную на идеалы гуманизма, верховенства права, исторические правовые памятники, а также базовые правовые убеждения, взгляды, ориентации, способствующие пониманию права, прогнозированию правовых событий, действий и последствий, а также знание и умение применить правовые нормы (законодательство) для урегулирования общественных отношений (умение пользоваться правовым инструментарием в повседневной жизни)» [3, с. 54]. Не возражая в целом против предложенного определения, заметим, что в нем используются общие и частные характеристики (признаки) правовой культуры.

Правовую культуру необходимо рассматривать в широком (правовую культуру общества) и узком смысле (правовую культуру отдельного человека). Чем выше правовая культура отдельного человека и чем больше людей, обладающих высокой правовой культурой, тем выше общая правовая культура. Заметим также, что значительно легче формировать высокий уровень правовой культуры, когда она хорошо «накладывается» на менталитет народа (учитывает его), его исторические, национальные, иные традиции. В связи с этим предложим свое определение правовой культуры в широком смысле слова. Правовая культура — это такое состояние общества, которое отражает уровень законотворчества, насколько строго при этом учитываются конституционные принципы и нормы, приемлемые международные стандарты о правовом статусе человека, обеспечивается защита национальных интересов, оптимальный баланс частного и коллективного, насколько правовые ценности стали основой для действий организаций, поведения граждан и должностных лиц, их внутренним убеждением, умением правильно руководствоваться нормами права, исполнять действующие акты законодательства, при необходимости оспаривать принятые решения легитимным способом, то есть посредством обращения в суд или иной компетентный орган власти.

Ни одно общество или государство не может избежать конфликтов. Выделяют социальные и в качестве их разновидности юридические конфликты.

Категория «конфликт» широко используется в законодательстве Республики Беларусь: по состоянию на окончание 2024 г. — в 72 законах, в 21 кодексе, в 63 указах Президента, более чем в 817 постановлениях министерств и ведомств, в том числе 130 инструкциях. Однако этот термин не используется в Конституции.

Понятие «конфликт» происходит от латинского *conflictus* и означает «столкновение» или «бой». Конфликты могут возникать в различных сферах жизнедеятельности людей, например, в политической, экономической, социальной и других, в связи с чем они изучаются не только в теории права, но и в различных отраслях права, существуют различные методы их разрешения, а в каждой отрасли — свои правовые инструменты, позволяющие легально завершить конфликтную ситуацию. Причины для их появления различные (субъективного и объективного характера). Причинами могут послужить любые факторы, к примеру, неясность и неточность законодательства, нарушение должностным лицом или иным лицом прав других лиц, а также прочие объективные и субъективные аспекты.

В научной литературе конфликтом предлагается считать столкновение людей, их позиций в силу несовпадения их интереса, потребности или целей. [4, с. 14]

При этом выделяются следующие подходы относительно соотношения противоречия и конфликта: а) конфликт — самостоятельное явление, и он не связан с противоречием; б) конфликт является следствием обострения противоречий; в) конфликт и противоречия являются категориями, не совпадающими по объему, но соотносятся друг с другом [4, с. 15]. Противоречие рассматривается в качестве более широкого и глубинного понятия по сравнению с конфликтом. Несмотря на самостоятельность конфликта как явления, конфликты и противоречия взаимосвязаны и образуют «спираль», которая с каждым новым «витком» обостряет и усугубляет и без того напряженную обстановку между сторонами конфликтов (противоречий).

Полагаем, что противоборство между юридическими лицами может осуществляться (и практика об этом свидетельствует), также неправовыми средствами, например, рейдерский захват, незаконное демпингование цен, неправомерная монополизация рынков сбыта и т. д. То есть могут возникать такие же разнообразные ситуации, что и между физическими лицами.

Физическое лицо, как и юридическое лицо, выступающее в качестве участника конфликта, естественно, должно соблюдать правовые нормы. За их нарушение возможна юридическая и иная (например, моральная) ответственность. Вместе с тем подчеркнем два основных аспекта: во-первых, необходимость строгого соблюдения требований законодательства; во-вторых,

возможности его критики, внесения предложений по совершенствованию, устранения в нем дефектов как посредством нормотворческих действий, так и посредством механизмов, допустимых на практике для разрешения возникшей спорной ситуации (получение официального разъяснения, применение аналогии закона или аналогии права при наличии пробелов, использование правила о приоритете норм акта, обладающего более высокой юридической силой, и др.).

На наш взгляд, могут быть ситуации, когда формально юридический конфликт возникает, но в процессе изложения мотивов с целью защиты собственных интересов другая сторона соглашается с высказанными претензиями, то есть может происходить не обострение спора, а его разрешение. Что касается когнитивного характера конфликта, то, по мнению А. В. Дмитриева, происходит спор между утверждениями, соображениями и даже поступками их участников. В то же время он подчеркивает, что в конфликте правовые аспекты встречаются не часто [5, с. 45, 47].

Вызывает сомнение точка зрения, высказанная в литературе, согласно которой наряду с юридическими конфликтами существуют так называемые ложные юридические конфликты, которые возникают по причине ошибок или заблуждений сторон (участников) конфликта [5, с. 47]. На наш взгляд, в итоге любой конфликт выявляет чье-то заблуждение, неправоту одного или обоих участников (сторон). Поэтому многие конфликты можно охарактеризовать как заведомо ложные, например, когда выясняется, что правовое регулирование является точным и адекватным сложившемуся уровню общественных отношений, нет никаких дефектов в законодательстве и правоприменении.

Конфликты подразделяются на внутрисистемные и внесистемные, их можно типологизировать по сферам появления (экономика, политика), включая межнациональные, бытовые, культурные, иные социальные [5, с. 81–84].

Также конфликты дифференцируют в зависимости от количества участников, мотивов их возникновения, длительности развития, от наличия ресурсов (материальных и духовных), по степени антагонизма, последствиям [5, с. 80–86].

Значение типологизации конфликтов состоит в том, что она способствует выработке адекватного способа его преодоления, так как внешне проявляемые противоборства не всегда могут отражать их глубинные мотивы [5, с. 87].

Конфликты имеют не только причины, но и повод, то есть определенное событие или обстоятельство, которое выступает триггером. Повод может возникнуть случайно или может быть надуман специально, то есть конфликт может быть спровоцированным [5, с. 89].

В правоохранительной сфере особенно важно заранее выявлять назревание конфликта, анализировать причины и предпринимать меры по его упреждению, а в случае возникновения принимать меры по его разрешению, используя меры убеждения (разъяснение законодательства, его смысла и последствий неисполнения) и принуждения в той степени, в какой это соответствует необходимости устранения угроз общественной безопасности, общественному порядку.

Среди причин конфликта можно назвать различия в понимании людьми, что является должным, рекомендованным и запрещенным [6, с. 90].

Конфликты, если стороны не находят взаимопонимания между собой, разрешаются, как правило, в судебном порядке либо органами исполнительной власти.

1. Лебедева Н. Н. Правовая культура личности и Интернет: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рос. правовая акад. юстиции Рос. Федерации. М., 2004. 21 с. [Вернуться к статье](#)

2. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции : моногр. / редкол.: В. Н. Карташов [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2008. 200 с. [Вернуться к статье](#)

3. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 48–55. [Вернуться к статье](#)

4. Дурин В. П. Противоречие и конфликт: методологические основы конфликтологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 1994. 32 с. [Вернуться к статье](#)

5. Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. Изд. 3-е, перераб. М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2011. 336 с. [Вернуться к статье](#)

6. Омилаенко Н. В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12. № 4. С. 85–96. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

А. А. Гамалей

Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения математических методов в теоретических юридических науках, а также при проведении судебной экспертизы и в криминологии. Роль математических методов в исследованиях по юриспруденции ежегодно возрастает, поскольку спектр того, где они могут быть использованы, увеличивается.

Ключевые слова: математические методы, количественные методы, статистические закономерности, прогностическая функция, правовые исследования.

Annotation. The article examines the features of the application of mathematical methods in theoretical legal sciences, as well as in conducting forensic examinations and in criminology. The role of mathematical methods in research on jurisprudence increases annually, since the range of where they can be used increases.

Keywords: mathematical methods, quantitative methods, statistical patterns, predictive function, legal research.

В современном мире наблюдается усиление роли технических наук, в результате в гуманитарных исследованиях начинают активно использоваться математические методы. Наблюдаемое взаимное обогащение общественных и естественных наук, укрепление и расширение их методологического единства способствуют повышению их теоретического и практического потенциала. Тенденции взаимопроникновения общественных и естественных наук наблюдаются еще с середины XX в., и на данном этапе данный процесс в юридической науке лишь усиливается [1, с. 585].

По мнению Т. С. Волчецкой, «процесс проникновения математических методов исследования в юридическую науку в гносеологическом аспекте следует рассматривать как закономерный и объективный процесс развития теории и методологии права» [2, с. 63]. В современных условиях этот процесс стимулируется рядом факторов. К их числу относится постоянное развитие инновационных технологий, их воздействие на государство и право; формирование в юридической науке прогностической функции; использование информационно-поисковых систем по законодательству; разработка формализованных

языков и алгоритмов права; совершенствование криминалистических и судебно-экспертных исследований.

Отметим, что юридической науке никогда не были чужды количественные методы исследования. Но новый этап развития математики и информатики, наблюдаемый сегодня, способствует обращению к математическим методам уже на новой основе.

В правовом исследовании математические методы выполняют функцию повышения точности результатов правовых разработок, реализации принципа воспроизводства и повторяемости результатов научных исследований, теоретического описания правовых процессов, строгого логически доказательственного мышления, расширения понятийного аппарата права, прогнозирования правовых процессов.

Методологической основой эффективного применения математических методов для познания количественных и структурных закономерностей правовой реальности служат философские знания. Математическое моделирование социальных и правовых процессов опирается на использование философских категорий количества и качества, формы и содержания, системы и структуры, закона и случайности, вероятности и достоверности.

В методологии современной математики понятие «математическая структура» непосредственно связывает математические методы с системным подходом, реализует диалектический принцип полноты юридического исследования. Существование объективных правовых структур, наличие у многих правовых явлений количественной меры, а также формирование статистических закономерностей, действующих на основе закона общих чисел, являются предпосылками, которые делают возможным моделирование правовых процессов.

В то же время современное развитие математической науки, появление различных прикладных дисциплин показало, что представление о математике как о научном методе не обязательно связано с категорией количества. Язык математики и информатики активно используется в качестве одного из эффективных средств системного и структурно-функционального подхода в юридической науке. Ведь в процессе конкретного правового исследования непосредственным результатом выступают количественные данные, статистические таблицы, различные коэффициенты связи правовых явлений, математические модели. Однако данная форма позитивного знания не может рассматриваться как окончательная, поскольку за этапом сбора и обработки информации следует этап интерпретации математических моделей, где огромную роль играют теоретические и методологические представления общей теории государства и права, позволяющие дать всестороннюю и глубокую оценку материалам, полученным на основе применения математики. Именно на данном этапе

окончательно формулируются конкретные содержательные выводы по существу рассматриваемой юридической проблемы, осуществляется синтез математических и юридических знаний.

Еще в конце XX в. сформировалось несколько научных направлений, в рамках которых осуществлялся процесс освоения юридической наукой математических методов.

Первое направление — применение математических методов в правовых конкретно-социологических исследованиях, а именно в процессе накопления и сбора эмпирического материала, а также при обработке и анализе данных. Особое внимание в данном направлении уделялось выборочному методу сбора информации с целью формулировки точных критериев оценки.

Второе направление — это использование математических методов в целях реализации процедуры социального измерения, поскольку право есть система общеобязательных установленных государством правил поведения и характеризуется, прежде всего, эмпирическим уровнем измерения, который основан на эмпирическом обобщении правового опыта.

Поэтому именно использование математических методов позволяет измерить эффективность действия различных правовых норм, а также исследовать различные элементы правового сознания личности, включая знания права, ценностей и правовую ориентацию.

Однако, на наш взгляд, одним из важных направлений применения математических методов в праве является моделирование социально-правовых явлений. Математическая модель социально-правового явления есть его математический образ, математическое представление и математическая формулировка его сторон, качеств и свойств, которые допускают выражение на математическом языке, при помощи средств и методов современной математики [3, с. 136].

Естественно, что математическое моделирование получило свое распространение и применение в криминологии. А правильно построенные и проверенные на объективном эмпирическом материале криминологические модели дают возможность однозначно охарактеризовать влияние на динамику и состояние преступности различных социальных и демографических факторов, что позволяет подойти к проблеме прогнозирования уровня преступности в стране [4, с. 512].

Отметим, что к числу распространенных методов построения системы правовых норм и правовых институтов относится аксиоматический метод, который представляет собой разновидность формализации права. Этот метод характеризует черты системности и структурированности российского законодательства. Область действия данного метода определяется теми разделами

юридической науки, в которых есть достаточная стабильность основных понятий и категорий.

Еще одно направление применения математического аппарата в правовой сфере — использование математических средств в судебной экспертизе, поскольку объекты экспертного исследования наиболее близки к естественно-научным, что облегчает их формализацию и математический анализ. Фактически процесс криминалистической идентификации может быть описан на математическом языке.

Вышеперечисленные направления не исчерпывают всех возможностей эффективного применения математических методов в юридической науке. Представители конкретных юридических наук на материале каждой отрасли могут определить те проблемы, которые нуждаются в помощи математики. А использование достижений компьютерных разработок лишь усилят эффективность.

По существу юридическая наука имеет дело с обширным математическим аппаратом. Поэтому математические методы заслуживают внимания как средство изучения причинно-следственных связей и их точного количественного выражения. В частности, подобные исследования могут поставить на объективную основу изучение эффективности права путем измерения случаев воздействия правовых институтов на соответствующие социальные отношения. В подобных исследованиях решаются вопросы о связи между рассматриваемыми социальными явлениями, об их характере.

Вместе с тем в заключение хотелось бы отметить, что применение в необходимых случаях математических методов исследования обогащает теоретический и методологический потенциал юридической науки, особенно в условиях усложнения правовых явлений. Именно математические методы могут позволить изучить сложные правовые явления, хотя расценивать их как универсальные средства научного познания не представляется правильным.

1. Комиссарова Е. С. Математическая культура и ее роль в формировании, интерпретации и реализации правовых норм // Юрид. техника. 2016. № 10. С. 585–587. [Вернуться к статье](#)

2. Волчецкая Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике. Калининград : КГУ, 1997. 95 с. [Вернуться к статье](#)

3. Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание. М. : Проспект, 2014. 318 с. [Вернуться к статье](#)

4. Артемьев Н. С., Панкратов В. А. Методы прогнозирования рецидивной (пенитенциарной) преступности // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 4. С. 511–514. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА****И. А. Демидова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу системного подхода в исследовании правовой культуры общества. Обозначены базовые положения в отношении таких структурных элементов системы правовой культуры, как право, правовое сознание, правовая деятельность. Показана роль функциональных связей системы правовой культуры.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the system approach in the study of legal culture of society. The basic provisions concerning such structural elements of the system of legal culture as law, legal consciousness, legal activity are outlined. The role of functional relations of the system of legal culture is shown.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность, теория, системный подход, правовая культура, право, правовое сознание, правовая деятельность, правовая жизнь.

Keywords: postnon-classical rationality, theory, system approach, legal culture, law, legal consciousness, legal activity, legal life.

Социальная востребованность в эффективности правового регулирования, как следствие, в сформированности правовой культуры белорусского общества устанавливает необходимость научного осмысления феномена правовой культуры, что требует разработки логико-теоретических и методологических основ исследования. Выбор и обоснование научного инструментария познания правовой культуры современного общества определяется рядом факторов, в числе которых тип научной рациональности, правовая парадигма, сложившиеся в правоведении подходы к изучению правовой культуры, методологические и ценностные установки исследователя и др.

Постнеклассический тип научной рациональности, в рамках которого происходит изучение правовой культуры как сложной саморазвивающейся человекомерной системы, характеризуется не только социальной детерминацией научного познания, но и изменениями в организации науки, которые определяются в том числе увеличением сферы технологического применения научных знаний и развитием междисциплинарных связей. Представление правовой реальности как целостности, которая объединяет в себе элементы, имеющие разную природу и проявления, обуславливает исследование правовой

культуры в рамках не только юридической, но и политологической, а также философской, социологической, педагогической и иных отраслей знания. Современные исследования отличает тенденция увеличения сферы философско-методологической рефлексии над основными параметрами и структурными компонентами научно-исследовательской деятельности, ее ценностно-целевыми структурами. Методологически значимым представляется признание множественности модусов бытия социального явления или процесса, что не позволяет вести речь об единственно правильном методе, абсолютно верной методологии и универсальном, конечном знании [1, с. 40–41]. Примененная в конкретном исследовании методология призвана решать поставленные научные задачи. Так, системный подход позволяет рассмотреть правовую культуру с позиций функционирования самоорганизующихся систем.

Реализация системного подхода в исследовании правовой культуры требует учета положений общей теории систем, которая предстает как форма методологического осознания системных методов исследования, которые получили широкое распространение в современной науке, и как основа междисциплинарного подхода. Установление элементов системы правовой культуры и их взаимосвязи предполагает использование системно-структурного и системно-функционального методов, применение теоретической типологии, метода идеализации. Посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному полученное теоретическое знание фиксируется в системе понятий, отражающих сущностные признаки и связи изучаемого явления.

Осмысление правовой культуры с использованием философских категорий *части и целого* исходит из того, что всякая система состоит из элементов, находящихся в структуре. В данной связи теоретическое исследование оперирует общенаучными категориями «система», «структура», «элемент» [2, с. 326–327]. Специфика объекта исследования (правовая культура как социально-правовое явление) определяет при реализации системного подхода использование теоретического анализа, состоящего из двух аналитических частей: статики (требует обозначения строения явления); социальной генетики (устанавливает необходимость выявления общих тенденций развития социальной жизни) [3, с. 103]. Правовая жизнь предстает составной частью социальной жизни.

Общепринято рассмотрение системы как взаимосвязанной целостности составляющих ее элементов. Целостность системы проявляется в основной системообразующей связи, что делает систему качественно своеобразной, имеющей особое свойство, которого нет у составляющих ее элементов. Состояния и процессы развития системы определяются спецификой и характером внутренних и внешних связей ее элементов. Характеристиками системы

устанавливаются: динамическая устойчивость (состоит в способности приспосабливаться к изменениям среды); надежность (позволяет поддерживать нагрузки); управление (дает возможность поддержания системы в заданном состоянии); самоуправление (представляет механизм приспособления системы к среде) [1, с. 37–38]. Элементом самоорганизации системы выступают кодовые связи (кодовые зависимости), которые складываются, исходя из происходящих в ней информационных процессов [1, с. 41–43].

Анализ научных подходов в отношении структурирования правовой культуры позволяет констатировать отсутствие единства среди исследователей по данному вопросу. В качестве структурных элементов правовой культуры определяются право, правоотношения, правовые учреждения, правовая деятельность (В. И. Каминская и А. Р. Ратинов) [4, с. 43]; правовое сознание, правовая наука, правовая деятельность, материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность, юридические акты (Е. В. Клейменова и К. А. Моралева) [5, с. 51]; право, правовое сознание, правомерное поведение (Л. А. Петручак) [6, с. 95] и др. В условиях отсутствия совпадения теоретических позиций имеет место их пересечение в части обозначения в качестве структурных элементов системы правовой культуры права, правового сознания и правовой деятельности. В свою очередь, в структуре правосознания как системообразующего элемента правовой культуры выделяется правовая идеология, правовая психология, правовой менталитет. В свою очередь, правовая деятельность включает теоретическую, образовательную и практическую деятельность (правотворческую и правореализационную, в т. ч. правоприменительную) [7, с. 331].

Сформированность и качественные характеристики правового сознания на уровне общества, личности, отдельных социальных и профессиональных групп устанавливают характеризующие признаки правовой деятельности. В частности, в научных исследованиях используется термин «культура правовой деятельности», который содержательно включает законность, правопорядок, законотворческую, правоприменительную и другие виды деятельности в сфере функционирования права [8, с. 10]. При этом ряд авторов выделяют их в качестве самостоятельных структурных элементов системы правовой культуры, устанавливая в качестве критерия правовой культуры их состояние — состояние законности, состояние правопорядка, состояние законодательства, его содержание и формы и т. д. (научная позиция В. П. Сальникова, С. С. Алексеева и др., которая транслируется в научных и учебных изданиях).

Элементы системы порождают функциональные связи и отношения структуры. В данной связи каждый структурный элемент системы имеет свое

функциональное назначение, что предполагает использование структурно-функционального метода в исследовании системы правовой культуры. Установление кодовых зависимостей требует выявления содержания и функционального назначения в первую очередь базовых элементов системы правовой культуры — права и правового сознания. Так, содержание и функционирование права определяется состоянием правового сознания. Одновременно право связано с иными социальными регуляторами, прежде всего с моралью и религией и т. д. При этом имеют место отличия в содержательных характеристиках права в контексте различных видов правопонимания. Так, с позиций естественно-правовых концепций право по своей природе, смыслу и сущности есть естественное право, предданное богом, разумом, природой вещей: «Естественное право — это везде и всегда наличное, извне преданное человеку, исходное для данного места и времени право, которое как выражение объективных ценностей и требований человеческого бытия является единственным и безусловным первоисточником правового смысла и абсолютным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство» [9, с. 44]. В контексте либертарно-юридической концепции право — это математика свободы [9]. С позиций позитивистской концепции право есть принудительное установление государства, совокупность (система) обязательных правил (норм), предписанных официальной властью [9]. Каждое из представленных пониманий права характеризует его назначение в обществе.

В системе правовой культуры право взаимодействует с правовым сознанием. Признается, что между данными явлениями существует встречная зависимость и обусловленность в процессе формирования права, в правотворчестве и правореализации, что определяет их функциональную связь с правовой деятельностью [6, с. 77]. Одновременно подлежат учету функциональные связи права и правового сознания с другими элементами, в частности, связь с правовыми учреждениями, юридическими актами, правомерным поведением. Солидарны с мнением А. П. Семитко о необходимости различения прямых (целевых) и обратных (оценочных) связей структуры правовой культуры [10, с. 28–29], при том что ряд авторов в структуре правовой культуры выделяют законность и правовой порядок (научная позиция В. П. Сальникова [11, с. 36–38] и др.), представляется более правильным рассматривать их в качестве целевой функции системы правовой культуры.

В совокупности установление элементов системы правовой культуры и выявление их взаимосвязи позволяют конструировать идеальную модель правовой культуры, параметрами которой выступают сформированность правового сознания, критерии совершенства правового регулирования (прежде всего, качество национального законодательства), культура правовой деятельности.

Представленная модель фиксируется в научных исследованиях посредством соответствующих понятий, которые имеют свое содержательное значение, составляют логические понятийные ряды. Так, характеристика правовой культуры общества возможна с использованием таких понятий, как национальное право, общественное правовое сознание, правовая деятельность, правовая действительность (правовая жизнь) общества.

-
1. Яскевич Я. С., Лукашевич В. К. Философия и методология науки : учеб. пособие. Минск : БГЭУ, 2009. 475 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Завьялов Ю. С. Правовая культура и пути ее изучения // Государство и право. 2013. № 10. С. 103–105. [Вернуться к статье](#)
 4. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67. [Вернуться к статье](#)
 5. Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 50–56. [Вернуться к статье](#)
 6. Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества : моногр. М. : Юриспруденция, 2012. 400 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Теория государства и права : учеб. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М. : ИНФРА-М — НОРМА, 1997. 570 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Агапов Д. А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. 2007. № 1 (2). С. 10–14. [Вернуться к статье](#)
 9. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. М. : ИНФРА-М — НОРМА, 1999. 552 с. [Вернуться к статье](#)
 10. Семитко А. П. Правовая культура общества: сущность, противоречие, прогресс. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 176 с. [Вернуться к статье](#)
 11. Сальников В. П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 144 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.12

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ****О. Н. Ковалёв**Академия национальной безопасности Республики Беларусь,
доцент кафедры**Е. А. Шаркова**Академия национальной безопасности Республики Беларусь,
профессор кафедры,
кандидат юридических наук доцент

Аннотация. В статье исследуются некоторые теоретические и практические аспекты методологических проблем научного познания в правоведении. Рассматриваются вопросы основных методов исследования юридических процессов и явлений.

Ключевые слова: юридическая наука, научное познание, методы и методология.

Annotation. The article examines some theoretical and practical aspects of the methodological problems of scientific knowledge in jurisprudence. The issues of basic research methods of legal processes and phenomena are considered.

Keywords: legal science, scientific knowledge, methods and methodology.

Сегодня юридическая наука развивается на основе инновационных методологических исследований, где анализируется изменяющаяся правовая действительность, переосмысливаются укрепившиеся в правоведении научные концепции и теории, формируются новые парадигмы.

Научное знание о правовых явлениях на протяжении длительного времени прочно базировалось на накопленном опыте правовой жизни. Юридические исследования, как правило, ограничивались логическими операциями, осуществляющими аналитику правового материала для практического использования в процессе реализации того или иного закона. Обоснованием данного подхода служило твердое убеждение в главном предназначении юриспруденции — отвечать требованиям практики, опирающейся на результаты исторического развития общественных отношений. В целом юридическая наука как система знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права и государства является также инструментом совершенствования правовой системы.

Методология — это учение о способах и приемах практического и теоретического освоения действительности, наука о принципах познания существующей объективной реальности [1, с. 398].

Методология юридической науки представляется собирательным понятием, совокупностью элементов, а в настоящее время методологию юридической науки выделяют как самостоятельную область юриспруденции. Первичная задача юридической методологии состоит в поиске оптимального способа изучения правовой действительности с учетом сложившихся правил и практических навыков. В правовой литературе иногда такие разносторонние понятия, как метод, методология и способ научного исследования, рассматриваются как тождественные, в то же время у каждой науки должен быть самостоятельный метод и свой предмет.

В широком понимании объектом юридической науки выступают право и социально-правовые процессы, а предметом являются общественные отношения, которые регулируются нормами права. Предмет отвечает на вопрос, что изучает соответствующая наука, а ее метод представляет собой совокупность путей, с помощью которых этот предмет исследуется.

На основе вышесказанного методологию юридической науки можно интерпретировать как целостную систему теоретико-логических приемов исследования для получения инновационных знаний о правовой действительности.

Методологической базой исследования служит толкование юридической науки в историческом и социально-правовом смысле, поэтому в юридической методологии принято использовать традиционный общенаучный метод познания для всех гуманитарных и естественных наук и конкретный частный метод для юриспруденции.

Общие научные методы познания включают философский и исторический методы, общие логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, конкретизация), герменевтический, синергетический и др. Следует отметить, что каждый из перечисленных методов не применяется отдельно, он сочетается и работает с другими.

Например, всеобщий философский метод диалектического материализма используется во всех науках и на любых этапах научного исследования, потому что исходит из апробированной идеи о том, что мироздание существует независимо от сознания людей, но осмысление его закономерностей доступно для человека. Согласно историческому методу, правовые отношения рассматривают в контексте изменяющейся во времени социальной действительности.

Среди общих логических методов познания выделяют следующие: 1) анализ — мысленное расчленение изучаемого объекта на определенные элементы для их отдельного изучения и определения возможных связей между ними; 2) синтез — воссоздание целого на основе имеющихся частей; 3) индукция — объединение знаний меньшей степени общности для получения нового знания большей степени общности; 4) дедукция — переход от знаний большей

степени общности к знаниям меньшей общности; 5) абстрагирование — мысленный отрыв отдельных компонентов и рассмотрение их изолированно как от объекта в целом, так и от других составляющих его частей; 6) конкретизация — изучение абстрактных представлений и их согласование; 7) аналогия — это такой прием познания, при котором на основе сходства изучаемых объектов в одних признаках приходят к выводу об их сходстве и в других признаках; 8) моделирование — изучение объекта посредством создания и исследования его копии, замещающей оригинал с определенной стороны [2; 3].

Герменевтический метод в юридической науке опирается на то, что «право» и «нормы права» есть особые понятия, которые нуждаются в истолковании их на базе внутреннего опыта человека (термин «герменевтика» определяется как интерпретация, осмысление социального бытия [4, с. 115]).

Например, чтобы уяснить смысл закона, действовавшего в далеком прошлом, недостаточно знать его содержание, здесь надо раскрыть контекст, который вкладывался в него ранее, и понять, что было приемлемо для той или иной эпохи.

Интересен синергетический метод, имеющий особый взгляд на правовые явления, представляющие собой разносторонние процессы. Синергетика — это одно из направлений современной науки, реализующее новый прием, предполагающий восстановительный порядок из хаоса. В юриспруденции синергетика изучает сложные юридические системы как социальные явления, обусловленные множеством факторов и условий.

Поскольку общенаучные методы определяют не все, а лишь основополагающие возможности в решении проблем юридической науки, то наряду с ними используются специальные методы, такие как метод социологических исследований, математический, кибернетический и др.

Широко применяемый в юриспруденции метод социологических исследований предполагает глубокий анализ собранной правовой информации в виде законодательства, нормативных правовых актов, официальных документов, материалов правоохранительной и судебной практики, опросов населения, анкет, печатных изданий и т. д.

Математический метод основан на подсчете полученных при исследовании количественных показателей и интерпретации графиков, которые отражают динамику некоего социально-правового явления (например, уровень преступности или объем информированности общественности о новых законах). Кибернетический метод — это способ познания, связанный с применением компьютерных технологий для автоматизированной обработки правовой информации с возможностью прогнозирования событий.

Можно сказать, что методология исследования в юриспруденции не является набором готовых незыблемых методов, позволяющих стандартно описывать и объяснять существующее право и возникающие правовые отношения. Основным условием использования того или иного метода служит следующая аргументация: как и для чего он был нужен, с обоснованием собственной точки зрения и отстаиванием предлагаемой концепции перед научным сообществом для реализации ее в дальнейшем в научную жизнь.

Серьезной методологической проблемой научного познания юридической науки является вопрос об эмпирике. К эмпирическим знаниям в юриспруденции многие относят источники права; акты официального и неофициального толкования законов; нормативные правовые и правоприменительные акты; письменные документы в виде соглашений, договоров; статистическую отчетность правоохранительных органов, судов; документы, которые выражают государственно-правовую политику; международные договоры; источники, свидетельствующие о деятельности научных и образовательных юридических учреждений, а также материалы средств массовой информации, публикующие обзорные статьи о научных исследованиях, значимых для социума и формирующих общественное мнение.

В настоящее время приходится констатировать, что в связи с небывалым развитием современного общества и невозможностью быстро переосмысливать возникающие проблемы научные исследования находятся в активном поиске новых мировоззренческих ориентиров. Совершенно очевидно, что структура юридической науки стала многократно усложняться, а юридическая практика и законотворческая деятельность — остро нуждаться в регулярном критическом анализе и ценных рекомендациях. Поэтому для решения некоторых научных задач требуется применение особых методов на основе заимствования из других наук существующего опыта методологических исследований.

Насущная потребность в новаторских формах правового мышления обуславливает применение знаний, например, из области естественных наук, для изучения права, так сказать, «юридизацию» их методов. Это характерно для метода эмпирического исследования в виде эксперимента не только для естественных, но и для юридических наук, который проводится в оригинально заданных условиях. Процесс конструирования содержания метода может представлять собой генерацию идей на базе уже имеющихся знаний.

Подобный эксперимент должен формироваться логикой научного познания, где в отличие от обычного наблюдения исследователь-юрист может активно вмешиваться в протекание изучаемого процесса с целью получения требуемых знаний. Эксперимент как метод юридического исследования может широко использоваться для нахождения оптимальных способов управления

сложными социально-правовыми явлениями. Трактовка и объяснение научного метода в виде эксперимента основывается на предполагаемом соответствии поставленной цели и полученных результатов.

Следует отметить, что анализ всех широко применяемых научных методов включает круг задач, связанных с выяснением особенностей их составных элементов, специфики влияния друг на друга, критериев научности. Новаторские идеи в юридической науке предполагают оригинальные технологии для исследования правовых явлений.

Необходимо постоянно учитывать ответственный момент, выражающийся в возможности повторной выполнимости предлагаемого метода для неоднократной реализации его предписаний. Последовательно применяя те или иные научные методы, исследователь должен получать на выходе оптимально эффективную систему реализации правовых новшеств.

Таким образом, современная методология юридической науки — это научная система принципов особого мировоззрения, которая благодаря экспериментальным методам исследования дает возможность получить новые знания о правоведении. Методология любой науки в целом и правоведения в частности никогда не стоит на месте.

По мере развития и углубления теоретических и практических исследований юриспруденция все время обогащается, совершенствуется, благодаря чему в научный оборот вводятся новые категории и дефиниции. Это обеспечивает ценный прирост научного знания, а также способствует внедрению прогрессивных инноваций.

Проблемы методологии юридической науки признаются актуальными, если их решение оказывает положительное воздействие на развитие какой-то отрасли права или правоведения в целом. Только правильно подобранная методология исследования способна привести к позитивным результатам в научном поиске. Необходимость разработки новейших методик характерна не для всех исследований в юридических науках, а лишь для тех, которые обладают такими критериями, как практическая целесообразность и экономическая обоснованность.

1. Яскевич Я. С. Философия и методология науки. Вопросы и ответы : полный курс подготовки к кандидатскому экзамену. Минск : Выш. шк., 2007. 656 с. [Вернуться к статье](#)

2. Вишневецкий А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учеб. / под ред. В. А. Кучинского. 3-е изд., пересмотр. Минск : Акад. МВД, 2017. 478 с. [Вернуться к статье](#)

3. Шафалович А. А. Общая теория права : пособие. Минск : Амалфея, 2018. 584 с. [Вернуться к статье](#)

4. Марчук В. В. Методологические основы квалификации преступления : моногр. М. : Юрлитинформ, 2016. 440 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.211

ОТРАЖЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИДЕИ СОРАЗМЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

А. В. Ковальчук

Академия МВД Республики Беларусь,
докторант научно-педагогического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Раскрывается многомерность уголовно-правовой соразмерности через анализ докторских диссертаций белорусских ученых. Обосновывается, что соразмерность выступает системообразующим концептом, влияющим на конструирование уголовно-правовых норм, эффективность уголовного закона, квалификацию общественно опасных деяний и реализацию уголовной ответственности.

Ключевые слова: гармония, пропорциональность, соразмерность, справедливость, уголовно-правовая соразмерность.

Annotation. The multidimensional nature of criminal law proportionality is revealed through the analysis of doctoral dissertations of Belarusian scientists. It is proved that proportionality is a system-forming concept that influences the construction of criminal law norms, the effectiveness of criminal law, the qualification of socially dangerous acts and the implementation of criminal responsibility.

Keywords: harmony, proportionality, equivalence, justice, criminal-legal proportionality.

Уголовно-правовая соразмерность является одной из ключевых категорий, которая позволяет идентифицировать закономерности в соотношении различных объектов, явлений и процессов в уголовном праве. Изучение содержания упомянутого феномена способствует выявлению своеобразных индикаторов достижения оптимального баланса и гармонии в уголовно-правовой сфере. Именно поэтому представляется интересным проанализировать отражение уголовно-правовой Идеи соразмерности в докторских диссертациях отечественных ученых, посвятивших свои труды совершенствованию науки белорусского уголовного права.

И. О. Грунтов рассматривает Идею соразмерности через призму принципа личной виновной ответственности в уголовном законодательстве. Обосновывая, что упомянутый принцип основывается на двух аспектах вины — психическом и социально-психическом, которые должны учитываться при конструировании не только признаков состава преступления Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), но и уголовно-правовых норм Общей части УК, связанных с ответственностью и

наказуемостью, ученый ведет речь о соразмерности отражения аспектов принципа личной ответственности с виной деятеля, описанной в конструкции уголовно-правовой нормы: «Психический и социально-психический аспекты вины составляют основу содержания принципа личной виновной ответственности. С учетом этого сущность принципа личной виновной ответственности состоит в том, что формирование признаков состава преступления и уголовно-правовых норм Общей части УК, связанных с ответственностью и наказуемостью деяния лица, должно быть таким, чтобы в созданной конструкции абстрактного поведения отношение субъекта к фактическим обстоятельствам, закрепленным в этой модели поведения, отражало психический и социально-психический аспект вины» [1, с. 6]. При этом автор обращает внимание на несоразмерность отражения в отдельных составах преступлений психического аспекта вины с законодательными моделями умысла и неосторожности, а социально-психического — с отрицательным, характерным для умысла и недостаточно бережным или внимательным, свойственным для неосторожности, отношением субъекта преступления к объекту уголовно-правовой охраны, в связи с чем аргументирует необходимость внесения соответствующих коррективов в УК [1, с. 7–8]. Для обеспечения соразмерности назначенного наказания степени вины субъекта автором аргументируется необходимость закрепления в ч. 1 ст. 62 УК такого основания назначения наказания, как вина [1, с. 14], что будет способствовать установлению точного соотношения тяжести совершенного им деяния и назначенной меры ответственности.

Таким образом, концепция соразмерности, согласно И. О. Грунтову, заключается в необходимости учета при конструировании уголовно-правовых норм как психического, так и социально-психического аспектов вины для обеспечения справедливой и обоснованной уголовной ответственности, соответствующей характеру и тяжести совершенного лицом общественно опасного деяния.

Оригинальная концепция соразмерности изложена в исследовании В. В. Марчука, который понимает рассматриваемую нами Идею через методологические основы квалификации преступления. Давая оценку социальной справедливости при квалификации преступления как основы соразмерности, автор акцентирует внимание на ее уравнивающим и распределяющим аспектах, отмечая, что уравнивающий аспект требует, чтобы основание уголовной ответственности было равнозначно для всех, а распределяющий — запрещает двойное инкриминирование [2, с. 5]. «Социально-правовой уровень, — пишет автор, — определен синтезирующей идеей социальной справедливости, которая... преломляется сквозь призму квалификации преступления в совокупности следующих требований... вменение совершенного деяния любому лицу только

при наличии вины, а в случаях, предусмотренных законом, — мотива и (или) цели; недопустимость двойного инкриминирования» [2, с. 5]. Основываясь на герменевтико-феноменологическом подходе, где процесс квалификации предполагает триединство понимания, толкования и применения, автор тем самым видит соразмерность в адекватной интерпретации уголовно-правовых норм относительно конкретного деяния. Ученый указывает: «Процесс познания преступления при квалификации преступления... есть основания рассматривать... как единый процесс, существующий и развивающийся в триединстве герменевтических процедур “понимание — толкование — применение”» [2, с. 5]. Процесс соразмерности ученым рассматривается через формально-логическую процедуру идентификации, где признаки деяния должны соответствовать гипотезе уголовно-правовой нормы, а также через соблюдение такого специального принципа квалификации преступления, как сопоставимость. «Логическим основанием квалификации (идентификации) преступления, — пишет автор, — следует признавать законодательное суждение, содержащееся в гипотезе уголовно-правовой нормы» [2, с. 29]. По его мнению, специальным принципом квалификации преступления предложено признавать сопоставимость, характеризующую порядок сличительного процесса, соблюдение которого способствует правильному установлению правоприменителем норм УК [2, с. 29].

Тем самым соразмерность в исследовании В. В. Марчука интегрирует философско-правовые (справедливость), логические (сопоставимость) и правоприменительные (запрет двойного инкриминирования) компоненты, обеспечивающие методологические основы квалификации преступления.

Не менее интересной видится концепция соразмерности, представленная в докторской диссертации А. Л. Савенка, который рассматривает эту Идею как ключевой принцип эффективности уголовного закона. По мнению ученого, соразмерность проявляется в следующих положениях. Уголовный закон должен отвечать принципам социальной и криминологической обусловленности, т. е. соответствовать объективным потребностям и тенденциям общественного развития, уровню правосознания и правовой культуры общества (социальная обусловленность), а также количественным и качественным показателям преступности (криминологическая обусловленность) [3, с. 27–28]. Автор акцентирует внимание на поддержании гармонии формы и содержания уголовного закона: «Оптимальное соотношение содержания и формы уголовного закона прямо влияет на его качество и эффективность» [3, с. 30], что подразумевает его логичную и непротиворечивую структуру, а также четкость законодательных формулировок. Применительно к соразмерности наказания тяжести совершенного деяния ученый подчеркивает необходимость соответствия санкций статей категориям преступлений, в связи с чем предлагает авторскую

категоризацию преступлений, основанную на минимальных и максимальных границах размера наказания в виде лишения свободы [3, с. 32]. Для обеспечения соразмерности соответствия уголовного закона изменяющимся реалиям и преодоления пробелов автор предлагает посредством «мягкой криминализации» использовать нормативное толкование уголовно-правовых норм в процессе их правоприменения [3, с. 33].

Сказанное позволяет резюмировать, что соразмерность в исследовании А. Л. Савенка предполагает установление баланса между формированием, качеством и реализацией уголовного закона, которые обеспечивают его эффективность.

Идея соразмерности в докторской диссертации В. М. Хомича представлена в разработанной им концепции и правовой модели института уголовной ответственности. Наиболее ярко она проявляется в авторских выводах относительно судимости и мер уголовной ответственности. «Продолжительность состояния осуждения, — пишет автор, — определяется классификационной тяжестью совершенного преступления, а не видом и размером назначенного наказания. Осуждение — не свойство и не последствие наказания. Это изначальное сущностное проявление уголовной ответственности независимо от того, назначено ли осужденному наказание и отбывалось ли оно реально» [4, с. 10]. По мнению В. М. Хомича, «продолжительность осуждения регулируется установлением порядка погашения судимости с учетом классификационной тяжести совершенного преступления и формы вины» [4, с. 20]. Таким образом, В. М. Хомич видит соразмерность судимости во взаимосвязи (соотношении) продолжительности осуждения с классификационной тяжестью преступления и формой вины. Применительно к вопросу о соразмерности уголовной ответственности ученый, выделяя правовые формы реализации уголовной ответственности, ранжированные от менее строгих к более строгим, указывает на необходимость соответствия применяемых мер воздействия за совершенное преступление целям уголовной ответственности. Автор пишет: «В уголовном законе следует говорить о целях ответственности, а не о целях наказания, поскольку осуществление известных целей реализуется и при применении мер воздействия, не связанных с реальным применением наказания; на основе режима осуждения моделируются следующие правовые формы реализации уголовной ответственности от менее строгих к более строгим: осуждение без применения наказания; осуждение с применением вместо наказания принудительных мер воспитательного характера (в отношении несовершеннолетних); осуждение с условным неприменением назначенного наказания; осуждение с отсрочкой исполнения назначенного наказания; осуждение с реальным применением назначенного наказания» [4, с. 10–11]. Не сложно заметить, что

предложенные формы реализации уголовной ответственности нашли свое отражение в ст. 46 УК.

Таким образом, концепция соразмерности В. М. Хомича основывается на соответствии назначаемых мер уголовной ответственности целям такой ответственности и тяжести совершенного преступления, а продолжительность осуждения и интенсивность применяемых мер должны определяться не видом или размером наказания, а классификационной тяжестью совершенного деяния и формой вины.

Анализ отражения уголовно-правовой Идеи соразмерности в докторских диссертациях отечественных ученых позволяет утверждать, что исследователи предлагают ее многомерную концепцию, интегрирующую философско-правовые, социальные, психологические и правоприменительные аспекты, что формирует новый уровень восприятия рассматриваемой Идеи в контексте современного уголовного права. Соразмерность выступает как системообразующий концепт, влияющий на конструирование уголовно-правовых норм, эффективность уголовного закона, квалификацию общественно опасных деяний и реализацию уголовной ответственности. При этом следует признать, что белорусская уголовно-правовая доктрина создала прочный фундамент для дальнейшего исследования Идеи соразмерности в уголовном праве.

1. Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2014. 49 с. [Вернуться к статье](#)

2. Марчук В. В. Методологические основы квалификации преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2022. 57 с. [Вернуться к статье](#)

3. Савенок А. Л. Теоретические и прикладные проблемы эффективности уголовного закона : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск, 2017. 48 с. [Вернуться к статье](#)

4. Хомич В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (Концепция и правовая модель института уголовной ответственности) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1997. 34 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.023

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕФОРМИРОВАНИЯ**

К. Е. Кордобовская

Управление МВД России

по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга,

старший специалист (по воспитательной работе)

отделения морально-психологического обеспечения

отдела по работе с личным составом

Аннотация. Правовая культура и ее важнейшая составляющая — профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел — рассматриваются как детерминанта эффективной деятельности правоохранительных органов по реализации поставленных перед ними задач.

Проявления деформаций правосознания в профессиональной деятельности обуславливают необходимость поиска способов противодействия деформации правового сознания.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, деформация правового сознания, профессиональное правовое сознание, профессиональное правовое сознание полицейского.

Annotation. The legal culture and its most important component, the professional legal awareness of law enforcement officers, are considered as a determinant of the effective activity of law enforcement agencies in the implementation of their tasks.

The manifestations of deformations of legal consciousness in professional activity necessitate the search for ways to counteract the deformation of legal consciousness.

Keywords: legal culture, legal consciousness, deformation of legal consciousness, professional legal consciousness, professional legal consciousness of a policeman.

Правовая культура выступает детерминантой всех социально значимых процессов и преобразований государственно-правовой сферы, в связи с чем важной задачей государства является формирование правовой культуры общества в целом и государственных служащих, обеспечивающих режим законности, в частности.

На обеспечение безопасности граждан и общественного порядка направлена деятельность полиции, правовая культура сотрудников которой является важным фактором выполнения полицией поставленных перед ней задач [1].

Составляющей правовой культуры полицейских является их *профессиональное правовое сознание*. Правовое сознание выступает регулятором поведения не только в правовой сфере, но и в политической, оказывает воздействие

на формирование и укрепление правового государства, обеспечение законности.

Правосознание отражает представления субъекта о праве, законности как основе правовой системы государства, восприятии им правовых традиций и духовно-нравственных ценностей, принятых в государстве, оценке личностью трансформаций правовой системы.

Составляющей формирования профессионального правосознания является получение правовых знаний. Какими знаниями должен обладать сотрудник правоохранительных органов? В. Н. Коробка полагает, что необходимы знания только тех нормативных правовых актов, которые касаются его компетенции; в остальных нормах сотрудники должны ориентироваться, но не обязаны знать досконально [2, с. 30]. Н. Я. Соколов подчеркивает, что «неразрывная с повседневной юридической практикой, профессионально-правовая психология выступает в качестве первоначальной сферы правового сознания юристов, представляя собой органическое единство сознательного и бессознательного, эмоционального и рационального, прямо и непосредственно отражающего повседневные нужды профессиональной юридической группы» [3, с. 143]. Исследователи подчеркивают, что сотрудник полиции должен обладать большим объемом правовых знаний, без которых эффективное осуществление его служебных обязанностей невозможно.

Требования, предъявляемые к сотруднику полиции современной России, закреплены в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4], в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Сотрудник полиции обязан обеспечивать безопасность и правопорядок, выявлять преступления и правонарушения, осуществлять оперативно-розыскную деятельность, обеспечивать защиту прав и свобод граждан, осуществляя свою деятельность открыто и безукоризненно. В числе требований, предъявляемых к сотруднику органов внутренних дел, — знания, необходимые для выполнения обязанностей по замещаемой должности.

При этом особое значение придается социально-психологической компетентности как профессионально важной характеристике личности, проявляющейся в эффективном взаимодействии с окружающими людьми, умении ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять межличностные особенности других людей и выбирать адекватные способы общения с ними [6]. Оценка уровня развития правосознания является одним из критериев, учитываемых при приеме на службу в полицию [7, с. 161].

Чертами профессионала — сотрудника, осуществляющего правоохранительную деятельность, являются:

- знание и понимание правовых понятий и терминов;
- углубленное знание общеправовых и отраслевых правовых принципов;
- знание структуры законодательства;
- глубокое знание правовых норм, которыми сотрудник оперирует ежедневно;
- умение анализировать, толковать и применять нормы права;
- понимание социальной роли права, необходимости неуклонного соблюдения его требований и предписаний;
- высокий уровень правовой культуры и правосознания;
- наличие социально-психологической компетентности, позволяющей коммуницировать с гражданами и умело действовать в любой ситуации.

Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел — особое правовое сознание юристов, формирующееся в процессе специальной подготовки и осуществления профессиональной практической деятельности.

Под воздействием различных факторов в профессиональной сфере может присутствовать *деформация правосознания*. В связи с этим возникает необходимость изучения проблем деформации правового сознания сотрудников органов внутренних дел, так как их деятельность непосредственно связана с обеспечением защиты граждан и обеспечением реализации ими прав.

Деформация (от лат. deformation — «искажение») — искажение сущности, изменение формы или размеров предмета в результате изменения относительного положения его частиц, которое возникает вследствие действия внешних сил. Деформация правового сознания — это «искаженное отражение юридической действительности, выражающее негативное отношение к действующему праву, законности и правопорядку» [8].

К признакам профессиональной деформации можно отнести:

- общение исключительно в узкой профессиональной среде [9];
- чрезмерную концентрацию на работе [10];
- потерю интересов к другим сферам жизни [11];
- склонность к совершению правонарушений [12];
- стереотипное мышление и поведение [13];
- изменение ценностей [14].

О профессиональной деформации свидетельствуют совершение сотрудниками органов внутренних дел правонарушений или преступлений, в том числе коррупционной направленности. Так, злоупотребление сотрудником

полиции своими должностными полномочиями влечет уголовную ответственность, предусмотренную ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации [15]. Совершение преступления является проявлением правового нигилизма, характеризующего его действия как внутренний посыл корыстных побуждений к совершению действия. Незнание сотрудника об ответственности не уберезет его от наказания. Отсутствие или неполнота правовых знаний составляют основу правового инфантилизма [16], получающего в последнее время все более широкое распространение [17].

Противодействию деформации правового сознания сотрудников органов внутренних дел могут служить:

- повышение квалификации сотрудников;
- своевременное доведение актуальной информации об изменениях в нормативных актах;
- создание социокультурного образовательного пространства;
- просветительская деятельность пресс-служб по связям с общественностью Министерства внутренних дел России [18];
- осуществление правового воспитания как организованного, систематического и целенаправленного процесса;
- формирование должных взаимоотношений внутри социального окружения, сплочение коллектива;
- профилактическая работа, ориентированная на повышение значимости правовых ценностей;
- привитие нравственных качеств (совесть, честность, долг).

Таким образом, правовое сознание сотрудника органов внутренних дел является важной детерминантой его профессиональной деятельности. Различные внешние факторы могут приводить к деформации правосознания. Противодействовать деформации правосознания могут целенаправленное и систематическое правовое просвещение и правовое воспитание.

1. Нижник Н. С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 19 мая 2023 г. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2023. С. 106–114. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

2. Коробка В. Н. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ростов. юрид. ин-т. Ростов н/Д, 1999. 202 л. [Вернуться к статье](#)

3. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Наука, 1988. 222 с. [Вернуться к статье](#)

4. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 6 апр. 2015 г. № 68-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ : в ред. от 12 окт. 2023 г. № 47-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Кордобовская К. Е. Значение психолого-педагогической компетенции руководящего состава органов внутренних дел // Актуальные проблемы укрепления законности, служебной и дорожно-транспортной дисциплины сотрудников органов внутренних дел : материалы внутриведомств. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 25 сент. 2018 г. / С.-Петерб. ун-т МВД России. СПб., 2019. С. 61–63. [Вернуться к статье](#)
7. Власов А. Э., Кордобовская К. Е. Уровень развития правосознания как критерий профессионального психологического отбора на службу в полицию // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2023) : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20–21 апр. 2023 г. / С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации ; под ред. Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова. СПб., 2023. С. 160–165. [Вернуться к статье](#)
8. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–38. [Вернуться к статье](#)
9. Беспалова Т. М., Левина Ю. Н. Профессиональные деформации личности: факторы, признаки и профилактика // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества : сб. науч. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 12–14 окт. 2023 г. Рязань : ИП Коняхин А. В., 2023. С. 141–147. [Вернуться к статье](#)
10. Астапова Э. Н. Психологический анализ взаимосвязи уровня вовлеченности в сетевую активность и концентрации внимания // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. № 2. С. 10–28. [Вернуться к статье](#)
11. Сорокина Ю. Н. О деформации правосознания и профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Научная сокровищница образования Донетчины. 2021. № 2. С. 95–99. [Вернуться к статье](#)
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 7 апр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
13. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. 5-е изд., испр. и доп. СПб. : Речь, 2003. 655 с. [Вернуться к статье](#)
14. Кордобовская К. Е. Ценности правового сознания [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2024. С. 60–65. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)
15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ : в ред. от 4 марта 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

16. Нижник Н. С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 3 (103). С. 68–95. [Вернуться к статье](#)

17. Нижник Н. С. Правовой инфантилизм как вид деформации правового сознания: атрибутивные черты и особенности проявления [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2024. С. 113–122. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

18. Лапова Е. С. Служба по связям с общественностью МВД России — субъект формирования правовой культуры современного российского общества // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всерос. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 дек. 2022 г. / С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации ; сост. Э. Р. Миргородская. СПб., 2022. С. 81–86. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

И. И. Костян

Институт правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь,
старший научный сотрудник, аспирант

Аннотация. Автором обращается внимание на необходимость теоретического осмысления влияния цифровизации государственных услуг как важнейшей формы взаимодействия государства и граждан на правовое сознание последних в дискурсе развития правовой культуры общества. В рамках парадигмы правовой культуры определена связь феноменов правового сознания и государственных услуг, а также динамика процессов цифровизации сферы государственных услуг в современном белорусском обществе. Выделены основные теоретические аспекты трансформации правового сознания граждан в условиях цифровизации государственных услуг.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, цифровизация, государственные услуги, электронные государственные услуги, теоретическое осмысление.

Annotation. The author draws attention to the need for a theoretical understanding of the impact of digitalization of public services as the most important form of interaction between the state and citizens on the legal consciousness of the latter in the discourse of the development of the legal culture of society. Within the framework of the legal culture paradigm, the connection between the phenomena of legal consciousness and public services, as well as the dynamics of the digitalization of public services in modern Belarusian society, is determined. Author highlights the main theoretical aspects of the transformation of the legal consciousness of citizens in the context of digitalization of public services.

Keywords: legal culture, legal consciousness, digitalization, public services, electronic public services theoretical understanding.

Переформатирование общественного уклада, детерминированное технологическим прогрессом, приводит к формированию нового типа мировосприятия, которое ориентировано на информационную составляющую бытия. Заданный дискурс естественным образом меняет характер взаимодействия человека с социумом, прежде всего с государством как важнейшим социальным институтом в современном мире. Отношения между государством и человеком-личностью имеют множество форм. При этом фасадным проявлением данных отношений, эксплицирующим сущность того или иного конституционного

строю, является осуществление государством своих функций по запросам граждан, что находит отражение в институте государственных услуг.

Наряду со всеми сферами воплощения правовой реальности как совокупности всех форм права [1, с. 69] процессы оказания государственных услуг населению существенно модернизируются под воздействием цифровизации общественной жизни. Соответствующие технологические инновации определяют различные грани общественного сознания, в том числе отвечающие за характер правовых отношений как проекции идеального типа взаимодействия между властными структурами и личностью.

Такой гранью общественного сознания предстает правовое сознание граждан, которое, в своей сущности, являясь динамичным феноменом, также подвержено трансформации под воздействием процессов цифровизации механизмов государственного управления. Теоретическое осмысление тенденций формирования и развития правового сознания граждан сквозь призму изменений в сфере оказания им государственных услуг в условиях цифровизации представляет особый интерес для прогнозирования и реализации государственной правовой политики, основанной на балансе интересов граждан и государства в рамках их взаимодействия.

Для взаимосвязанного понимания государственных услуг как политико-правового института и правового сознания как социально-психологического феномена, детерминированных процессами цифровизации, видится целесообразным их системное осмысление в рамках правовой культуры — явления, характеризующего через правовые аспекты специфику картины мира на том или ином этапе развития общества. Именно правовая культура, по нашему мнению, являет ту модальность, в рамках которой можно рассмотреть в совокупности категории государственных услуг и правового сознания в их трансформационной динамике.

Спекулятивное помещение категорий государственных услуг и правового сознания в дискурс правовой культуры позволяет заключить, что развитие механизмов оказания государственных услуг, воплощаясь в правовой реальности, будет, с одной стороны, наполнять правовое сознание, а с другой стороны, в ходе процесса объективизации будет отталкиваться от находящейся под воздействием правового сознания цели, представленной областью реализующихся государством интересов граждан.

Из этого следует, что любая модернизация в сфере оказания гражданам государственных услуг вызовет трансформацию их правового сознания, которая в последующем окажет влияние как на дальнейшее развитие института государственных услуг, так и на другие сферы воплощения правовой реальности как объективного выражения правовой культуры общества.

Также для определения аспектов влияния модернизации государственных услуг на правовое сознание граждан важно понимать динамику цифровизации данной сферы. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за 2023 г. количество оказанных электронных услуг посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы на 100 человек населения составило 1 396 (для сравнения: в 2022 г. — 825, в 2021 г. — 187). Удельный вес населения в возрасте от 6 до 72 лет, использующего сеть Интернет для взаимодействия с государственными органами и организациями, в 2023 г. составил 32,2 % от общей численности населения данного возраста (в 2022 г. — 27 %, в 2021 г. — 27,2 %) [2]. Несмотря на то, что степень принятия гражданами электронной формы организации государственных услуг в масштабах всего белорусского общества остается невысоким, очевидной является перспектива увеличения интенсивности работы системы государственного управления в данном ракурсе, а также постепенного роста популярности среди населения электронного формата предоставления государственных услуг.

Таким образом, учитывая подверженность правового сознания граждан процессам модернизации государственных услуг и, в свою очередь, влияние правового сознания на развитие института государственных услуг, принимая во внимание тенденцию по повышению популярности электронного формата осуществления соответствующих процедур в белорусском обществе, предлагается выделить ряд аспектов, которые могут определить перспективы трансформации правового сознания граждан в условиях цифровизации государственных услуг:

1. Повышение в сознании граждан доверия к государственным институтам. Цифровизация государственных услуг стремится к созданию более комфортных условий их предоставления, обеспечивающих оперативность процедур и исключение коррупционных проявлений. Все это вызывает положительное социальное восприятие населением реализации государственных функций и, как следствие, формирование в правовом сознании граждан уверенности в защищенности их прав и соблюдении интересов. Таким образом, цифровая форма взаимодействия между государством и гражданами предполагает доверительное отношение со стороны последних.

2. Усиление тенденций к потере гражданами пиетета по отношению к государству. Упрощение в условиях цифровизации процедур предоставления государственных услуг, уже по своей сущности основанных на паритетных началах взаимодействия государства и граждан, способствует развитию неформального восприятия гражданами государственных институтов. Данный аспект способствует разрушению в правовом сознании классического представления

о сущности государства и угрожает подменой понятий относительно его функций и социальной роли.

3. Ослабление в правовом сознании граждан представлений о социальной ответственности. Опосредованное и упрощенное цифровой реальностью взаимодействие государства и граждан в рамках предоставления им государственных услуг выставляет государство в качестве слабой стороны, обязанной проактивно удовлетворять потребности человека. Развитие технологий оказания электронных государственных услуг, направленное на достижение проактивности, с одной стороны, помещает граждан в максимально комфортные условия, однако с другой стороны, нивелирует чувства правовой активности и инициативы граждан. Когда электронная государственная услуга предоставляется не по запросу гражданина, обязанного самостоятельно отслеживать возникновение тех или иных юридических фактов, с которыми будет связано предоставление ему государственных услуг (тем самым стимулируя и поддерживая его правовую грамотность и небезразличное отношение к правовой реальности), в правовом сознании теряются представления о социальной ответственности.

4. Усиление в правовом сознании представлений об информационной безопасности. Ключевой составляющей развития правового сознания граждан под влиянием цифровизации государственных услуг является развитие в нем представлений об информационной безопасности как залога комфортного существования в информационном обществе. Потребность в обеспечении информационной безопасности ложится в основу правовых идей, фигурирующих в правовом сознании, формируемом в рамках процессов по оказанию электронных государственных услуг.

5. Приоритет технических средств регулирования над правовыми как стремление к выходу правового сознания за рамки правовой реальности. Процесс оказания государственных услуг гражданину протекает в телематической матрице, где на первое место выходят технические детерминанты, а не правовые. Таким образом, поведение и выбор субъекта в рамках реализации института государственных услуг определяют сперва технические возможности (функционирование электронной системы), а затем правовые. Это стимулирует стремление правового сознания гражданина, получающего электронные государственные услуги, к выходу за пределы правовой реальности в цифровую, ориентированную на сугубо технологическое, а не социальное регулирование.

6. Потеря интерсубъективности правового сознания как способности устанавливать соотношение между несколькими точками зрения. Опосредованное цифровыми технологиями взаимодействие государства и граждан,

пресекающее межличностное общение между гражданином и представителем государственного органа, ведет к образованию строго очерченной техническими параметрами формы коммуникации, не допускающей в правовом сознании проявления релятивности. В связи с этим в правовом сознании граждан угасают свойства проявления широкого и комплексного взгляда на правовую реальность, а также утрачивается способность выстраивать свое правовое поведение с учетом различных позиций, подходов и суждений.

7. Неопределенность правового мышления. Коммуникационная ограниченность при передаче информации в электронном виде существенно сужает сферу правового восприятия. В сознании граждан, получающих государственные услуги, велика вероятность возникновения элемента правовой неопределенности, связанная с невозможностью предоставления в исключительно цифровом формате полной, всесторонней и доступной для понимания информации услугополучателю.

8. Зависимость граждан от коммуникационно-цифровых технологий как основа интериоризации идей правового неравенства в их правовое сознание. Конвергенция всех модернизационных процессов при взаимодействии государства и граждан в рамках оказания государственных услуг только с помощью технологического инструментария порождает осознание невозможности иной эффективной коммуникации и привязывает граждан к техническому компоненту («гаджетозависимость» потребителей услуг). В свою очередь, это отражается на проникновении и укоренении в правовом сознании граждан, испытывающих фактические трудности в пользовании коммуникационно-цифровыми технологиями (физиология, материальное положение), а также иных коммуницирующих с ними граждан идей о цифровом, а следовательно, в данном дискурсе правовом неравенстве.

9. Дегуманизация правового сознания. Цифровизация государственных услуг ведет к обезличиванию субъектов, когда гражданин, которому оказываются услуги, прежде всего воспринимается как абонент, без учета его личностной специфики. При оказании услуг не учитываются личные обстоятельства, требующие осмысления при оказании государственных услуг. Зачастую эти личностные обстоятельства, транслирующие психическое состояние услугополучателя, являются юридическим фактом, породившим правоотношения по поводу оказания той или иной государственной услуги. Цифровизация процедур оказания государственных услуг может обуславливать трансформацию правового сознания субъектов в усеченные процессы психического восприятия и отражения, что может привести к постепенной утрате антропологического содержания, человекомерности права [3, с. 91].

10. Необходимость осознанного существования субъектов одновременно в правовой и цифровой реальности. В рамках функционирования института государственных услуг, осуществляемого в цифровой правовой реальности [3, 89], субъекты вынуждены осознавать не только необходимость своего участия в складывающихся правоотношениях, но и необходимость взаимодействия при этом с информационно-цифровой средой. Реализация правоотношений в данной среде в ходе предоставления электронных услуг является обязательным условием, без выполнения которого правоотношения не возникнут. Таким образом, в правовое сознание субъектов оказания электронных государственных услуг, помимо правовых нюансов, связанных с их вступлением в правоотношения, проникают аспекты, предполагающие обязанность использования ими для этого технических средств и персонифицированного существования в цифровой среде.

11. Включение в правовое мышление технических категорий. Система предоставления электронных услуг предполагает формирование особой субкультуры с характерными этикой, правилами поведения и терминологией, порожденными цифровой реальностью. Таким образом, правовое мышление, детерминированное процессами предоставления электронных услуг, использует не только правовые, но и технические категории в процессе своего раскрытия как формы познания.

12. Неустойчивость правового сознания в связи с нестабильностью правового регулирования в информационно-цифровой сфере. Постоянно развивающиеся технологии, внедряемые в систему оказания государственных услуг, характеризуются стремительной скоростью технического, а в последующем социально-правового осмысления. Правовое регулирование, имеющее, как правило, «догоняющий» характер, также не успевает за модернизационными процессами, происходящими в данной сфере, что сказывается на нестабильности представлений о правовой реальности в целом.

13. Интенция правового сознания на дальнейшее законодательное регулирование сферы оказания государственных услуг. Институционализация электронных государственных услуг требует усвоения в правовом сознании граждан правовых очертаний соответствующих процессов. Оптимальным способом упорядочивания представлений о данном институте в правовом сознании является совершенствование его правового регулирования как путем создания новых правовых норм, регулирующих постоянно развивающиеся правоотношения в сфере электронных государственных услуг, так и путем систематизации устоявшихся нормативных положений. Появление новых принципов и терминов, обновление правил оказания государственных услуг в цифровом формате закрепляются в правовом сознании иногда на «донормативном уровне», то есть

в сыром и не обработанном виде. Такое состояние правового сознания вызывает рефлексию по совершенствованию законодательства в данной сфере. Направленность правового сознания граждан на нормативное регулирование сферы электронных государственных услуг видится проявлением его способности к саморазвитию как феномена в системе правовой культуры. Способствуя в процессе правового культурогенеза появлению научных идей и правовых норм, правовое сознание стремится к подпитке указанными формами правовой реальности на стадии объективизации в ней. Тем самым правовое сознание отражает насущную потребность граждан в совершенствовании правового регулирования сферы электронных государственных услуг в ментальной модальности, а также приобретает внутреннюю упорядоченность за счет влияния на него искомого уровня правового регулирования в сфере взаимодействия государства и граждан в объективной модальности.

Осмысление приведенных выше аспектов поможет выявить оптимальные варианты дальнейшей модернизации сферы государственных услуг как фасадной формы взаимодействия государства и человека, а также определить перспективы проведения государственной правовой политики в области формирования и повышения уровня правового сознания граждан в целом.

1. Демидова И. А. Преемственность в национальном праве как фактор правовой культуры общества // Правовая политика, наука, практика — 2024 : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь ; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. Минск : Колорград, 2024. С. 68–72. [Вернуться к статье](#)

2. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.belstat.gov.by%2Fupload-belstat%2Fupload-belstat-excel%2FOficial_statistika%2F2023%2Fdigital_economy-2023.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 06.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Вершок И. Л. Актуальные проблемы понятия правового сознания / Белорус. гос. ун-т. Минск : БГУ, 2024. 181 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

С. Я. Лебедев

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатурой,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Аннотация. Научно обосновывается неизбежность трансформации правовой культуры и ее уголовно-правового сегмента в эпоху глобальной цифровизации. Оценивается противоречие между традиционными и инновационными уголовно-правовыми ценностями обеспечения общественной безопасности от цифровой преступности и иных инновационных преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Определяются направления и перспективы трансформации уголовно-правовой культуры в системе обеспечения безопасности от инновационной преступности.

Ключевые слова: правовая культура, уголовно-правовая культура, глобальная цифровизация, кибербезопасность, общественная безопасность.

Annotation. The article scientifically substantiates the inevitability of the transformation of legal culture and its criminal law segment in the era of global digitalization. Evaluates the contradiction between traditional and innovative criminal law values of ensuring public safety from digital crime and other innovative crimes in the field of information and telecommunication technologies. Defines the directions and prospects for the transformation of criminal law culture in the system of ensuring security from innovation crime.

Keywords: legal culture, criminal law culture, global digitalization, cybersecurity, public safety.

Очевидно, что исходной позицией в оценке любой правовой культуры и ее составляющих является прежде всего научное осмысление симбиоза двух социальных феноменов — права и культуры. Потому заметную в юридической литературе распространенность множества определений правовой культуры можно в определенной степени объяснить отсутствием у ряда специалистов общего понимания ее сущности, основанной на безусловном учете в определении правовой культуры, главным образом, этих двух ключевых ее феноменологических платформ¹. Приоритетной при этом следует считать культуру, поскольку именно она по своей сути предопределяет формирование и развитие

¹ Здесь и далее автор умышленно отходит от анализа различных точек зрения касательно понятия правовой культуры, обоснованно предполагая, что осведомленный о рассматриваемом феномене читатель наверняка понимает сущность таковой, независимо от многообразия содержательной аргументации частных определений.

соответствующей общей культуре той или иной цивилизации правовой материи, нацеленной на ее собственное упорядочение и сохранение отвечающими целевому предназначению такой цивилизационной культуры нормативными правовыми установлениями.

Такая логика взаимодействия культуры и права в конечном счете определяет и формирование, и развитие самой правовой культуры. Отвечая запросам общей культуры правовой защиты общественных отношений на просторах той или иной цивилизации, всякая правовая культура закономерно отражается на законотворческом процессе, его результатах, последующем правоприменении, да и на всей системе правоохранения с множеством ее субъектов и разносторонним целевым функционалом.

До сих пор во всех предшествующих современному 6-му технологическому укладу цивилизациях развитие правовой культуры на ее широких просторах в целом, равно как и на конкретных национальных территориях, было подчинено именно такому, *реальному*, «круговороту» традиционных («живых») социально-правовых взаимосвязей и взаимодействий: традиционное общество — традиционная культура — традиционная система права — традиционная правовая культура — традиционное правовое (законодательное, правоприменительное, правоохранительное) обеспечение безопасности традиционных общественных отношений. Разумеется, это не исключало привнесения с течением времени в такой «правовокультурный круговорот» инновационных нюансов. Однако все они так или иначе культивировались в рамках опять-таки традиционных *реальных* общественных отношений.

Как известно, четвертая промышленная революция как сущностная основа 6-го технологического уклада современной цивилизации всеми своими НБИКС-мегатехнологиями, сопровождаемыми виртуальными, искусственно интеллектуальными и прочими цифровыми ресурсами, положила начало развитию эры совершенно иных по своему формальному осуществлению цивилизационных общественных, а вместе с ними и социально-правовых отношений. Масштабность и всепроникающая интенсивность цифровых коммуникаций, с каждым днем поглощающая собой реальность традиционных социокультурных взаимодействий, последовательно создают новую *эру глобальной цифровизации*, закономерно уводящую человечество за собой в мир *виртуальных* общественных (включая, несомненно, социально-правовые) коммуникаций. Отставание каких-либо сегментов традиционной общественной культуры от этого пути (не говоря уже о противодействии ему) и тем более правовой культуры как приоритетного обеспечительного ресурса ее сохранения и безопасного существования и воспроизведения неизбежно повлечет за собой

разрушение значимых для человечества социокультурных связей. Тут уж, воистину, «кто не с нами, тот против нас».

Вывод напрашивается сам собой: руководствуясь инстинктом самосохранения, общество и его правовая культура должны активно использовать в своих целях предлагаемые эрой глобальной цифровизации форматы инновационного цифрового коммуницирования, и, более того, заботясь об обеспечении своего безопасного существования в условиях нарастания криминального информационно-телекоммуникационного (цифрового) «натиска» на общественную безопасность, — переосмыслить, прежде всего, существовавшие до сих пор фундаментальные взгляды и методологические подходы к формированию и реализации главного, пока еще традиционного для любого государства и общества, базового правового ресурса обеспечения такой безопасности — уголовного права и его правоприменительного воплощения — уголовного закона.

То есть лежащие в основе прошлого и современного уголовного права, достигнутые многими поколениями прежних цивилизаций социокультурные ценности, выражающиеся в незыблемости обеспечения реальной защиты личности, общества, государства от преступных посягательств реальными уголовно-правовыми средствами, сегодня могут достигнуть своей превентивной эффективности в отношении инновационной преступности только будучи адаптированными к цифровым ее трансформациям. В этом случае необходима трансформация не просто механизмов уголовно-правового контроля над современной и тем более будущей так называемой цифровой (а она уже сегодня на 80 % таковая) преступностью, а с учетом обеспечения надежной уголовно-правовой защиты человечества от такой криминальной угрозы — трансформация именно существующей до сих пор традиционной уголовно-правовой культуры воздействия на преступность [1; 2; 3; 4; 5].

Речь идет действительно о трансформации применительно к современным (и, несомненно, будущим) запросам человечества на надежные обеспечительные, главным образом правовые, ресурсы защиты от преступности, прежде всего, системы передававшихся из поколения в поколение уголовно-правовых идей, уголовно-правовых и лежащих в их основе гуманистических ценностей, формирующих до сих пор традиционное массовое и индивидуальное, а также профессиональное правоохрнительное, уголовно-правовое сознание и соответствующее ему уголовно-правовое общечеловеческое и индивидуальное уголовно-правопослушное, а равно профессиональное правоохрнительное поведение, направленное на всецелое обеспечение законности и правопорядка в условиях глобальной цифровизации. Все это отражает суть уголовно-правовой культуры и, следовательно, именно ее трансформации в эпоху глобальной

цифровизации, смысл которой кратко можно свести к следующему: *цифровой преступности* — *цифровую уголовно-правовую репрессию*.

Следует заметить, что необходимость подобной цифровой трансформации уголовно-правовой культуры и последующей за этим модернизации ее правоприменительного и правоохранительного ресурса в лице уголовного закона созвучна государственному разуму и государственной воле, ярко отражающим сегодняшнюю активность субъектов государственной власти в области цифровой мобилизации общества на решение проблемы кибербезопасности. Потому наряду с научной убежденностью автора в целесообразности трансформации уголовно-правовой культуры, которая бы адекватно соответствовала цифровой трансформации преступности, еще и в развитие предложений Президента Российской Федерации В. В. Путина, высказанных им на заседании Совета по правам человека 10 декабря 2024 г., о необходимости систематизации отечественного законодательства в цифровой области, положений принятой Правительством Российской Федерации 30 декабря 2024 г. Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, руководимая автором инициативная группа специалистов в области правового обеспечения безопасности в киберпространстве предложила в этом году к реализации в рамках законотворческой работы *высокотехнологичный, не имеющий аналогов в мировой информационно-технологической и правоохранительной практике обеспечения кибербезопасности, инновационный проект цифрового уголовно-правового воздействия на криминогенные угрозы в информационно-телекоммуникационной среде — цифровой уголовный кодекс* [6].

Проект направлен на формирование правовых основ создания и применения цифрового уголовно-правового инструмента:

- выявление, предупреждение и нейтрализация в виртуальном (информационно-телекоммуникационном) и реальном пространствах информационно-технологических (цифровых) и производных от них общественно опасных (криминогенных) деяний, формально подпадающих под признаки реальных преступлений, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, однако в силу своего «аналогового» свойства и такого же «аналогового» правоприменения не способных достичь реального и адекватного правоохранительного успеха в виртуальном информационно-телекоммуникационном (цифровом) пространстве;

- назначение и реализация за совершение подобных цифровых преступлений инновационных цифровых уголовных наказаний по принципу: цифровому преступнику — цифровую уголовную ответственность и цифровое уголовное наказание.

Предлагаемый к созданию совместно с законодателями, правоохранителями, специалистами в сфере общественной, экономической, национальной и информационно-технологической безопасности инновационный цифровой уголовный кодекс будет предусматривать определение:

- видов инновационных цифровых преступлений;
- видов инновационных цифровых наказаний, планируемых к реализации правоохранительными органами посредством специально создаваемого для этих целей программного информационно-технологического продукта (к примеру, цифровое лишение преступника киберсвободы на определенный срок с помощью применения к нему *длительной* (в отличие от существующей кратковременной) блокировки его присутствия в киберпространстве («забанивания») на основе оставляемых в киберпространстве индивидуальных киберследов).

Реализация в правоохранительной практике инновационного цифрового уголовного кодекса позволит:

- оснастить правоохранительную и судебные системы доступным и долговременным высокотехнологичным уголовно-правовым инструментом выявления цифровых преступлений и обеспечить необходимую адекватную и оптимальную по своим вновь созданным цифровым ресурсам уголовно-правовую реакцию на их распространение;
- обеспечивать эффективное и всестороннее достижение цели уголовного судопроизводства в отношении киберпреступлений и киберпреступников и достигать таким образом масштабного адекватного соблюдения уголовно-правового принципа неотвратимости уголовной ответственности и уголовного наказания в отношении лиц, совершающих преступления в киберпространстве и в реальном пространстве с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Конечной целью предлагаемого проекта должно стать снижение масштабов ущерба от киберпреступлений, развитие эффективной государственной системы кибербезопасности, надежно обеспечивающей в стране безопасное развитие личности, общества, государства¹. Разумеется, для этого потребуются принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», *дополняющего Кодекс определениями понятий цифровых преступлений и цифровых наказаний*, для практической реализации

¹ Базовые алгоритмы цифрового уголовного кодекса с определением цифровых преступлений и цифровых уголовных наказаний, технологии их реализации в отношении киберпреступников разработаны, теоретически обоснованы и представлены в опубликованной работе: Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право : моногр. М. : Проспект, 2024. 392 с.

которых в правоохранительной практике необходимо создание информационно-технологического программного обеспечения.

Представляется, что высказанная в настоящей статье идея о целесообразности трансформации уголовно-правовой культуры в эпоху глобальной цифровизации, ее конструктивное обсуждение и в итоге обоснованное законодательное оформление, отвечающее ему инновационное информационно-технологическое уголовно-правоприменительное воплощение способны обеспечить прорыв в сфере надежной защиты личности, общества и государства от эскалации цифровой преступности в эпоху глобальной цифровизации.

1. Антонян Ю. М. Цивилизация и преступность : моногр. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 133–162. [Вернуться к статье](#)

2. Джафарли В. Ф. Криминологическая кибербезопасность: теоретические, правовые и технологические основы : моногр. / под ред. и с предисл. С. Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 480 с. [Вернуться к статье](#)

3. За пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем вдвое [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты» : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2024/09/25/policiia-v-seti.html?ysclid=m4pglyl08p959132694> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Сбербанк зафиксировал пик в 20 миллионов мошеннических звонков в сутки [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20241106/sberbank-1982188852.html> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Количество киберугроз в сети «Лаборатории Касперского» выросло [Электронный ресурс] // Business Media : [сайт]. URL: <https://bm.ge/ru/news/kolicestvo-kiberugroz-v-seti-laboratorii-kasperskogo-vyroslo> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 дек. 2024 г. № 4154-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПОНЯТИЕ «ПЕРЕХОДНАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА» В РОССИЙСКОЙ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Т. Г. Лясович

Санкт-Петербургский университет МВД России,
докторант научно-исследовательского отдела,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье автор исследует опыт анализа проблемы переходности в государственно-правовой сфере, накопленный в отечественной теоретико-исторической науке, и предпринимает попытку дать базовое определение понятия «переходная государственно-правовая система», которое могло бы лечь в основу теоретической модели переходной государственно-правовой системы.

Ключевые слова: переходная государственно-правовая система, государственно-правовая система переходного типа, переходное государство и право, переходная государственность, переходный период, традиционное государство, переходное государство.

Annotation. The author explores the experience of analyzing the problem of transition in the state-legal sphere, accumulated in Russian theoretical and historical science, and attempts to give a basic definition of the concept of «transitional state-legal system», which could form the basis of a theoretical model of the transitional state-legal system.

Keywords: transitional state and legal system, transitional state and legal system, transitional state and law, transitional statehood, transitional period, traditional state, transitional states.

Исследование любой научной проблемы предполагает анализ и осмысление результатов научной деятельности ученых предшествующих поколений [1; 2; 3; 4; 5]. Несмотря на то, что в отечественной теоретико-исторической правовой науке до сих пор отсутствует единая, универсальная дефиниция переходной государственно-правовой системы, на страницах различных юридических изданий неоднократно предпринимались попытки исследования этого феномена с целью выявления закономерностей развития государственно-правовой материи и ее погружения в переходное состояние.

В отечественной науке проблема переходных состояний в государственно-правовой сфере являлась предметом пристального внимания исследователей из различных областей научного знания: истории, философии, теории права, социологии.

Так, переходные периоды в историческом процессе с позиций философии права исследовал доктор философских наук, профессор

В. И. Стрельченко (2013). В цикле научных статей (в том числе и в соавторстве с М. З. Буном) он неоднократно отмечал, что «в мировой истории неоднократно встречались периоды, когда одна форма правления или политический режим уже изжили себя, а новая форма (или режим) еще не сформировались, уступив место переходному состоянию» [6], которое характеризуется в числе других признаков отсутствием традиционных (завершенных) политико-правовых форм и институтов. Таким образом, В. И. Стрельченко, рассуждая о переходных периодах, не дает каких-либо определений (в том числе и определения переходной государственно-правовой системы), но выделяет критерии (трансформация формы правления и (или) политического режима) и причины перехода государства, общества, права к новой стадии (к последним относится непременно обострение социальных антагонизмов, разрешающихся в ходе революционных преобразований) [6].

Осмыслению проблемы переходных состояний в контексте социального развития и социальных противоречий посвящено исследование В. В. Попова и В. А. Тарановой [7], в котором авторы с позиций современной философской науки анализируют ведущие противоречия в социально-политической сфере развития и заключают, что именно они становятся «своеобразным зеркалом, в котором преломляются главные проблемы переходного периода в жизни общества» [7].

В отечественной теоретико-исторической правовой науке глубокую проработку получили такие понятия, как «государственно-правовая система», «правовая система», «переходная государственность», «переходное государство», «государство и право переходного типа», «переходное право», которые естественным образом тесно связаны с исследуемой нами дефиницией переходной государственно-правовой системы.

Особое место в ряду работ, авторы которых так или иначе затронули вопросы переходности в государстве и праве, стоят труды доктора юридических наук, профессора М. Н. Марченко, который еще в конце 90-х гг. XX в. заявил о существовании особого типа государства и права — государства и права переходного типа [8]. Автор выделил некоторые особенности государства и права переходного типа, сформулировал определение понятия «переходное состояние государства и права», проанализировал опыт зарубежных авторов по исследованию переходных периодов. Позже эти идеи нашли отражение в учебниках и учебных пособиях, изданных профессором М. Н. Марченко индивидуально и в соавторстве с профессором Е. М. Дерябиной, которая в настоящее время продолжает исследование проблем переходной государственности в интерпретации теории систем [9; 10; 11; 12]. М. Н. Марченко рассматривал государство и право переходного типа как отдельно существующие явления (а не как

элементы единой переходной государственно-правовой системы) применительно к современному российскому государству и праву конца XX – начала XXI в., а также истории некоторых зарубежных государств.

Ощутимый вклад в исследование проблем переходного государства и права внес доктор юридических наук, профессор В. В. Сорокин, который разработал общее учение о государстве и праве переходного периода [13; 14] и концепцию эволюционного развития правовой системы в переходный период [15], а также сформулировал теоретико-правовое понятие и признаки переходной государственности [15]. При этом подход В. В. Сорокина представляется достаточно дискуссионным: ученый отвергает формирование переходного государства и переходного права как результата революционных трансформаций, считая, что в результате революций переход происходит единомоментно. Однако исторический опыт формирования государственно-правовых систем в России в результате революций (Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической 1917 г.) дает основания для иных выводов. В указанный исторический период государственно-правовая материя, лишенная из-за революционных потрясений стабильности, не обрела единомоментно традиционно стабильного состояния и еще достаточно долгое время находилась в ситуации перехода от одной формы правления (или политического режима) к другой. Особенно ярко это прослеживается при обзоре истории существования Российской республики (март – октябрь 1917 г.), образовавшейся де-факто после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Анализу российской государственности как государственности переходного типа посвящена монография доктора юридических наук, профессора Н. С. Нижник и кандидата юридических наук, доцента Т. Г. Лясевич. Авторы на основе использования методов теоретического анализа, а также индуктивных и дедуктивных методов — логических методов обобщения полученных эмпирическим путем данных — обнаруживают признаки переходной государственности в истории Российской республики постфевральской фазы развития [16]. Исследователи рассматривают проблемы перехода от монархической формы правления в России к республиканской, описывают возможные перспективы развития российской государственности после падения монархии, дают оценку реформаторской деятельности Временного правительства как верховного органа власти в Российском государстве в марте – октябре 1917 г., определяют место Временного правительства в системе органов власти переходного государства. Но универсальное определение понятия «переходная государственно-правовая система» не сформулировано, хотя о переходной государственно-правовой системе говорится во всех разделах монографии.

Заслуживает особого внимания и посвященное проблемам переходного государства исследование О. В. Прокофьевой, в котором с позиции теории государства и права осмысляются теории переходности [17], дается понятие переходного периода в государстве, рассматриваются этапы его развития, особенности содержания и формы переходного состояния. Интересна позиция автора относительно начала и завершения переходного периода. О. В. Прокофьева связывает начало формирования переходных процессов (переходного состояния) с наличием «существующих противоречий и неспособностью государства преодолеть их» [17]. Однако представляется более логичным рассматривать кризисное состояние государственно-правовой системы в качестве необходимого условия начала переходного периода (и начала трансформации традиционной государственно-правовой системы в переходную) и не включать формирование «противоречий» в непосредственную хронологию переходного периода.

Очевидно, что наибольший интерес к проблеме переходности в государственно-правовой сфере наблюдался в конце 90-х гг. XX в. — начале 2000-х гг. XXI в., что определялось состоянием развития российского государства и права в условиях кризиса и распада социалистической системы, формирования однополярного мира, перестройки, развала СССР, принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., формирования российской государственности буржуазно-демократического типа.

На протяжении последующего периода — первого десятилетия нулевых годов — в связи с относительной стабилизацией обстановки в России и в мире проблема переходности утратила свою остроту и уступила место проблеме проведения различных преобразований и выработки эффективных реформационных технологий.

Проводились отдельные исследования, направленные на осмысление переходных процессов применительно к узкой сфере научных интересов автора [18, с. 162], или обобщение уже имеющегося теоретико-правового материала [19] с учетом различных подходов. К примеру, Л. А. Зубкевич исследовала переходные периоды с позиции науки философии на основе прагматического и структурно-функционального анализа, выделив формальные и содержательные признаки переходных периодов [20]. Поэтому нельзя категорично заключить, что проблема переходности в государстве и праве была полностью исключена из круга научных интересов российской научной общественности. В то же время понятие «переходная государственно-правовая система» не являлось предметом ни одного исследования упомянутого периода.

Начиная с 2014 г. в связи с обострением международной обстановки, чередой «цветных революций» в мире, изменением федеративного устройства

Российской Федерации (от укрупнения регионов до включения новых регионов в состав Российской Федерации с последующим внесением поправок в Конституцию Российской Федерации) вопрос о переходных периодах в мировой истории, формировании переходных государственно-правовых систем и их исследовании снова стал актуальным.

В 2022 г. вышла монография доктора юридических наук, профессора А. И. Левченкова и доктора юридических наук, профессора В. В. Груздева, посвященная правовому регулированию общественных отношений в нестабильных социумах [21]. Авторы исследовали отдельные проблемы правового регулирования, в частности, проблему эффективности правового регулирования в «государствах переходного типа», «непризнанных государствах», «нестабильных социумах», а также определили роль войн и революций в регулировании общественных отношений и т. д. В монографии дается понятие «государство переходного типа» и раскрываются признаки государства переходного типа, «нестабильного социума» и «непризнанного государства». При проведении исследования авторы акцентировали внимание на политической ситуации на Украине и событиях вокруг нее, рассматривая ее как классический пример переходного государства. Авторы особое внимание уделяют проблеме определения понятия «непризнанное государство» применительно к Луганской Народной Республике и Донецкой Народной Республике и делают прогноз сценариев развития российской и украинской государственности. При этом понятие «переходные государственно-правовые системы» авторы не используют, хотя фактически на протяжении всего исследования рассуждают о них.

Об исследовании переходных государственно-правовых систем в исторической ретроспективе (на примере конкретных государств) было заявлено в коллективной монографии «Государственно-правовые системы современности», вышедшей в свет в 2023 г. под редакцией доктора юридических наук, профессора Р. А. Ромашова [22]. Авторы с позиций теории и истории государства и права, а также конституционного права представили свои умозаключения, в том числе и авторское определение понятия переходной государственно-правовой системы [22, с. 177]. В основу дефиниции было положено определение государственно-правовой системы, данное Р. А. Ромашовым [23, с. 36], в соответствии с которым переходная государственно-правовая система представляет собой самостоятельный этап политической истории, в рамках которого складывается ситуация политико-правовой аномии, обуславливающая перманентную трансформацию государственных и правовых институтов.

В 2024 г. вышла статья Р. А. Ромашова, посвященная проблеме формирования переходных государственно-правовых систем в исторической ретроспективе. Автор рассуждает об институциональных признаках государственно-

правовых систем переходного типа, раскрывает их сущностное содержание с позиции теории государства и права. Р. А. Ромашов выделяет три основных признака государственно-правовых систем переходного типа, хотя представляется, что их намного больше; не упоминает о периоде существования Российской республики как об отдельном историческом периоде формирования переходной государственно-правовой системы, смотрит на трансформации более глобально, акцентируя внимание на переходе от Российской империи к пролетарской советской республике. В исследовании не содержится понятия государственно-правовой системы переходного типа, однако его сущность вытекает из рассуждений автора по проблеме переходности государственно-правовой материи и представленного им определения государственно-правовой системы как комплексной логической умозрительной конструкции, которая объединяет государство и право и может находиться в традиционном (устойчивом) состоянии и в состоянии перехода [24, с. 64].

Таким образом, в отечественной теоретико-исторической правовой науке, несмотря на незатухающий интерес к проблеме переходности в сфере государства и права, универсальное определение (равно как и модель) переходной государственно-правовой системы отсутствует (нет и официальной единой хронологии — перечня переходных периодов в истории отечественного государственно-правового строительства). В то же время исследования последних лет оставляют надежду на устранение этого пробела.

В силу ограниченности объема статьи мы остановились лишь на некоторых исследованиях переходных государственно-правовых систем, констатируя дискуссионный характер проблемы переходности в государственно-правовой сфере. Многогранность термина «переходность» определяет вариативность его использования в различных отраслях научного знания и дискуссионный характер понятия «переходная государственно-правовая система» («государственно-правовая система переходного типа»).

1. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49. [Вернуться к статье](#)

2. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 410–426. [Вернуться к статье](#)

3. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. [Вернуться к статье](#)

4. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 1 (101). С. 34–50. [Вернуться к статье](#)
5. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека — проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражд. общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)
6. Стрельченко В. И., Бун М. З. Переходные периоды в историческом процессе [Электронный ресурс] // Философия права. 2013. № 4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehodnye-periody-v-istoricheskom-protsesse> (дата обращения: 21.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Попов В. В., Таранова В. А. Переходные состояния в социальном развитии и социальные противоречия [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehodnye-sostoyaniya-v-sotsialnom-razviti-i-sotsialnye-protivorechiya> (дата обращения: 20.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Марченко М. Н. Теория государства и права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 640 с. [Вернуться к статье](#)
9. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Основы права : учеб. М. : Проспект, 2008. 336 с. [Вернуться к статье](#)
10. Дерябина Е. М. Особенности отечественного государства и права переходного типа в интерпретации теории систем [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2012. Вып. 4 (18). С. 24–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otechestvennogo-gosudarstva-i-prava-perehodnogo-tipa-v-interpretatsii-teorii-sistem> (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. М. : Норма, 2019. 784 с. [Вернуться к статье](#)
12. Дерябина Е. М., Марченко М. Н. Теория государства и права : учеб. М. : Проспект, 2025. 432 с. [Вернуться к статье](#)
13. Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода : учеб. Новосибирск : Изд-во НГИ, 2008. 502 с. [Вернуться к статье](#)
14. Сорокин В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 424 с. [Вернуться к статье](#)
15. Сорокин В. В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2003. 56 с. [Вернуться к статье](#)
16. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Российская государственность в 1917 году : моногр. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2023. 164 с. [Вернуться к статье](#)
17. Прокофьева О. В. Проблемы переходного государства (теоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ульянов. гос. ун-т. 2005. 28 с. [Вернуться к статье](#)
18. Кудалева Г. Ф. Некоторые особенности переходного периода в Кыргызской Республике // Право. Журн. высш. шк. экономики. 2011. № 4. С. 162–166. [Вернуться к статье](#)
19. Бортников С. Д., Халев В. В. Проблема переходности в гуманитарном образовании и переходные периоды в существовании общества [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-perehodnosti-v-gumanitarnom-obrazovanii-i->

perehodnye-periody-v-suschestvovanii-obschestva (дата обращения: 13.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

20. Зубкевич Л. А. Переходные периоды как часть закономерного исторического процесса : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. 2005. 28 с. [Вернуться к статье](#)

21. Левченков А. И., Груздев В. В. Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах : моногр. М. : Проспект, 2022. 480 с. [Вернуться к статье](#)

22. Государственно-правовые системы современности : моногр. / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2023. 298 с. [Вернуться к статье](#)

23. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы современности // Ленингр. юрид. журн. 2020. № 3 (61). С. 34–46. [Вернуться к статье](#)

24. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленингр. юрид. журн. 2024. № 4 (78). С. 64–81. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ОТВЕТ НА ЗАПРОС В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

К. А. Орлов

Уральский юридический институт МВД России,
начальник кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье раскрывается содержательная характеристика развивающегося и формирующегося теоретического знания как реакции на развитие общественных отношений. Глобализация, цифровизация, политизация как процессы с разной степенью оказывают влияние на развитие общетеоретического знания, которое в этих непростых, прагматичных и циничных условиях должно сохранять ценность научного поиска, самого знания, не превращаясь лишь в инструмент властвующего субъекта.

Ключевые слова: общетеоретическое знание, юридическая практика, ценность знания, теоретические разработки в области права, практическая значимость теоретического знания.

Annotation. The article reveals the substantive characteristics of developing and emerging theoretical knowledge as a reaction to the development of social relations. Globalization, digitalization, politicization as processes have varying degrees of influence on the development of general theoretical knowledge, which in these difficult, pragmatic, and cynical conditions should preserve the value of scientific research and knowledge itself, without becoming just a tool of a ruling entity.

Keywords: general theoretical knowledge, legal practice, value of knowledge, theoretical developments in the field of law, practical significance of theoretical knowledge.

Нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Именно это высказывание весьма содержательно характеризует ценность теоретического знания по отношению к практической деятельности. При этом необходимо отметить, что указанный смысл может быть актуален не только для знания в области точных наук, но и для гуманитарного направления. Смысловое наполнение, которое содержится в указанном суждении, не только подчеркивает высокую значимость природы теоретического знания самого по себе, но и указывает на его мощнейшую созидательную функцию.

Накопленный массив знаний и сформировавшиеся на его основе теории и концепции могут не только выступать гипотезами, но и становиться конкретным руководством к действию, при этом в отдельных случаях — без обязательной проверки практикой.

Сама по себе специфика как юридического знания в целом, так и общетеоретического знания в частности обусловлена тем, что оно выступает как реакция на формирующиеся общественные отношения, что вполне объективно и естественно. Научное общетеоретическое знание, находя выражение в конкретных категориях и определениях, стремится к аккумулярованию сформировавшихся достижений таких регуляторов поведения, как мораль, религия, обычаи. Подтверждения данного тезиса находили свое отражение на разных стадиях исторического развития.

Имеющиеся по состоянию на текущее время научные разработки в различных областях знаний являются основой для создания оптимальных и эффективных механизмов и моделей, будь то техническая сфера, осуществление управленческой деятельности или обыденные правила поведения субъектов в обществе. Реальность такова, что выработка универсальных и конструктивных норм и образцов поведения, основанная на имеющихся разработках в области политической и правовой теорий, может быть достигнута на основе уже имеющегося объема теоретического политического и юридического знания. Сформировавшиеся и наполненные необходимым содержанием теоретические категории и конструкции (понятие, сущность и основные признаки государства, государственная власть, функции и механизм (аппарат) государства, типы и формы государства, государство в политической системе общества; понятие права, признаки, сущность, генезис, правовое регулирование и его механизм, норма права, источники (формы) права, система права и система законодательства, правотворчество и систематизация законодательства, правоотношения, реализация и применение права, пробелы и коллизии в праве, юридическая техника, толкование права, правовое поведение, юридическая ответственность, законность и правопорядок, правосознание и правовая культура, правовые системы современности, правовое государство и гражданское общество) в различном их выражении и конфигурации достаточны для создания эффективных методов и приемов политической власти, а также правовых форм и норм. Это подтверждается и тем фактом, что первые политические модели управления обществом, причем разные по своему содержанию, появились еще в глубокой древности.

Если обратиться к истории политических и правовых учений, различные вариации форм правления и политических режимов были предложены разными представителями античной мысли, среди наиболее известных из них можно назвать Сократа, Платона, Аристотеля. Предложенные ими идеи реализовывались на протяжении более 2 тысяч лет (достаточная по продолжительности практика), поэтому данное теоретическое знание ценно и достаточно само по себе.

Стоит упомянуть и о сформировавшихся и получивших в последующем практическое воплощение общетеоретических категориях. В Древней Греции и в Древнем Риме получили развитие юриспруденция, право, справедливость, соразмерность, законность, республика, демократия, сервитут, узупфрукт и иные [1, с. 12, 54]. В дальнейшем по мере развития и усложнения общественных отношений юридическое знание пополнялось новыми идеями, концепциями, теориями и конструкциями. Уместно упомянуть период Возрождения и Нового времени, когда устои Средневековья постепенно утрачивают свои позиции и новое звучание получает естественно-правовая парадигма, которая послужила основой появления новых концепций в области права (например, теория общественного договора), появляются новые категории: теория разделения властей, правовое государство, гарантии и защита прав и свобод, взаимная ответственность государства и личности, запрет на заключение под стражу без решения суда [2, с. 170–171].

В прошлом столетии в научный оборот и практику стали активно внедряться такие категории, как медиация, коллективные права (права третьего поколения), механизм правового регулирования, монопольный (картельный) сговор.

Современная действительность не исключение с позиции появления и развития новых правовых категорий, поскольку изменения происходят во всех сферах жизни общества: социальной, экономической, политической и, как следствие, правовой.

Влияние процессов глобализации, цифровизация общественных отношений, целенаправленное воздействие отдельных иностранных государств, а также сформировавшийся политический режим в государстве самым непосредственным образом оказывают воздействие на существующий уклад жизни, обуславливают внесение коррективов в сформировавшуюся систему права и существующую систему законодательства, что весьма наглядно демонстрируется внедрением в научный оборот и практическую деятельность, в том числе в сфере права, новых категорий: консенсус в праве, электронная форма, цифровое пространство, цифровая (электронная) подпись, цифровая валюта (электронный рубль), криптовалюта, кибермошенничество, алгоритмизация права, самозапрет на кредитование, кредитная история, право на забвение, правовые лакуны.

С учетом природы данных новых терминов и категорий они в большей мере представляют собой результат развития и специфики общественных отношений, реакцией на которые они являются. Так, например, появление электронной формы документа уже является сложившейся реальностью и воспринимается как само собой разумеющееся — разработанные и внедренные

сервисы Портала «Госуслуги» в области генерирования и отправки заявления о получении паспорта, водительского удостоверения, разрешения на хранение или ношение оружия, регистрации права на недвижимое имущество прочно вошли в повседневную жизнь. Появляются механизмы внедрения в повседневную экономическую жизнь цифрового рубля, начала функционировать процедура установления самозапрета на получение кредитных средств в целях противодействия уловкам мошенников.

Не все указанные новые механизмы имеют правовую природу происхождения, но они с ней тесно связаны и объективно нуждаются в единообразном восприятии со стороны всех субъектов правовых отношений, где они будут выступать неотъемлемым элементом. В связи с этим вполне оправданно, что они становятся предметом исследований как теоретико-правовых, так и отраслевых юридических наук, в целом задавая импульс развитию юридической науки.

Учитывая обозначенные аспекты развития общетеоретического знания, следует констатировать, что грамотная, гармоничная и учитывающая все необходимые нюансы теория способна стать моделью поведения без каких-либо дополнительных испытаний и экспериментов. Вместе с этим этот сценарий возможен далеко не всегда, тем более когда речь идет о новых общественных отношениях и формируемых для них правилах.

В целом существующий объем сформировавшегося на данный момент общетеоретического юридического знания характеризуется большим массивом уже устоявшихся и подкрепленных временем научных разработок, поэтому способен адекватно, оперативно и полно охватывать формирующиеся запросы в новых моделях правового поведения.

В качестве последнего, но не менее важного аспекта в развитии общетеоретического знания хотелось бы отметить важность его передачи нашим современникам и будущим поколениям. Умение грамотного, компетентного и интересного доведения любой информации о праве и правовых явлениях является крайне важным направлением в развитии общетеоретического знания. Связано это с тем, что формирование представлений, знаний, чувств, эмоций в отношении права не должно сводиться исключительно к его характеристике как инструмента, ремесла, которым должен руководствоваться (заниматься) правоприменитель. Право, являясь широким и многогранным явлением, как бы наивно это ни звучало, есть искусство добра и справедливости, а приобщать к искусству в условиях современной искушенной и вместе с этим низкой по уровню образования аудитории — это большой труд, который непосредственно связан с развитием общетеоретического юридического знания.

1. Кофанов Л. Л. Lex и jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М. : Статут, 2006. 587 с. [Вернуться к статье](#)
2. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура. М. : Госполитиздат, 1955. 238 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ОПТИКЕ АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

В. И. Павлов

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Рассматривается понимание правовой культуры с позиции классической общеправовой теории и с позиции методологии постклассической юриспруденции. Обосновывается, что для корректного понимания правовой культуры следует руководствоваться цивилизационно-культурной интерпретацией правовой культуры и в центр правокультурного анализа ставить действующего в праве человека.

Ключевые слова: право, правовая культура, человек, правовая личность, ценности.

Annotation. The understanding of legal culture is considered from the standpoint of classical general legal theory and from the standpoint of the methodology of postclassical jurisprudence. It is proved that for a correct understanding of legal culture, one should be guided by the civilizational and cultural interpretation of legal culture and place human rights at the center of legal and cultural analysis.

Keywords: law, legal culture, human being, legal personality, values.

Теория правовой культуры в русскоязычной юриспруденции была сформирована в советском общетеоретическом правоведении в 1960–1980-х гг. Формирование учения о правовой культуре связывалось с необходимостью повышения уровня развития социалистического общества и личности, выражающегося прежде всего в соблюдении норм социалистического права и высокой социальной активности людей. После распада СССР и крушения советского правопорядка на фоне процессов построения новой либеральной политико-правовой системы в условиях сложного этапа рыночных преобразований уровень правовой культуры в постсоветском обществе значительно снизился. Состояние правовой культуры в целом характеризовалось правовой anomией, недоверием праву и государственным институтам, высоким уровнем правового нигилизма и т. д. Правоведы периода 1990-х гг., характеризовавшие правокультурное состояние постсоветского общества и человека и проводившие соответствующие полевые исследования, ориентировались в основном на *рационально-юридическую интерпретацию* правовой культуры (так называемый узкоюридический подход к правовой культуре). Такая модель понимания правовой культуры была не только зеркальным отражением советской теории правовой культуры, но и предлагалась западной правовой доктриной и была

основана на идее юридизации повседневности как залога социального порядка. Как следствие такого подхода, человек, не знающий право либо не уделяющий в своей повседневной жизни ему значительного внимания, рассматривался главной причиной правовой декультурации социума. При этом не учитывался другой, альтернативный, подход к правовой культуре, который постепенно стал использоваться только к концу 2000-х гг. Условно его можно назвать *цивилизационно-культурным*, или *культурно-историческим*. Согласно ему, далеко не в каждом обществе право, понятое как практическая юридическая рациональность, выступает базовым маркером должной социальной регламентации. При анализе правовой культуры должны браться в расчет и иные срезы социальной онтологии — своего рода базовые приоритеты человеческого существования (нравственность, религия, традиция, обычай, повседневные общепринятые подразумеваемые договоренности и т. д.), которые по историческим, религиозным, этнопсихологическим и иным причинам являются значимыми для данного социума. Это означало не только расширение пространства правовой культуры, но, что вполне логично, также расширение понимания самого права. В рамках такого широкого подхода к правовой культуре, по сути, речь шла об отказе от западнцентристского понимания правовой культуры как социальной нормы и необходимости принятия правокультурных различий на основе известной в социогуманитарной науке XX в. идеи «признания Другого». Впервые мысль о равнозначности и самоценности различных социокультурных моделей, в том числе включающих в себя различные типы правовых культур, была сформулирована в постклассической науке К. Леви-Стросом [1].

Одним из первых на ограниченность узкоюридического подхода к интерпретации правовой культуры в отечественном правоведении обратил внимание В. П. Малахов, который также является одним из первых правоведов, предложивших использовать в правовом познании элементы антрополого-правовой методологии (понятия субъекта права как особой правовой личности, «правового существа») [2]. Практикуемую в 1990-х гг. исследовательскую стратегию, в рамках которой отсутствие правовой культуры выводилось из культурно-исторических особенностей формирования восточнославянских обществ (общинность, религиозность, самодержавие, терпимость и др.), якобы являющихся причинами аксиологической ущербности белорусского, российского обществ по сравнению с западноевропейским обществом, В. П. Малахов справедливо назвал «мифом о правовом нигилизме» [3, с. 143–149]. Как раз, напротив, для уяснения правовой культуры незападных обществ необходимо не ее узкоюридическая интерпретация, а размифологизация самого учения о правовом сообществе, сформированном в западном дискурсе. Насущной была и остается на современном этапе комплексная оценка различных феноменов правовой

культуры (например, причин сложившейся криминогенной ситуации, уровня правопорядка, юридически значимой социальной активности граждан и др.), понимания причин опыта непосредственного восприятия юридического как значимого либо, наоборот, как незначимого для человека и т. д.

Начиная со второй половины 2010-х гг. в юридическом дискурсе возникло новое для юриспруденции понятие «правовая идентичность», которое было неизвестно в 1990-е гг. В 2023 г. понятие конституционной идентичности как видовая вариация родового понятия «правовая идентичность» обрело легальный статус в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В п. 20 Концепции отмечено, что одной из характерных черт правовой системы Республики Беларусь является конституционная идентичность, а подп. 41.2 прямо определяет, что «в сферах конституционного законодательства и законодательства о государственном управлении необходимо... осуществлять толкование конституционных норм и положений законов, принятых в их развитие, *на основе модели конституционной идентичности, опирающейся на социально-культурные ценности белорусского общества*» [курсив наш. — В. П.] [4].

Полагаем, что формулирование понятия конституционной идентичности в правовой системе Республики Беларусь указывает на широкое понимание правовой культуры. Суть правовой или конституционной идентичности состоит в блокировке размывания национально-государственного понимания фундаментальных правовых ценностей со стороны наднациональных судов, использующих эволютивное и динамическое толкования права, а также применяющих унифицированный западноевропейский, то есть, по сути, региональный подход к пониманию фундаментальных правовых ценностей, лежащих в основе национальных конституций. Концепция правовой идентичности, таким образом, дает возможность формировать устойчивую *аксиологию права* в социальном порядке, т. е. учение о ценностях в праве и практику его применения, которая опиралась бы на цивилизационно-культурные основания конкретного общества и личностно-правовые ценности, реализуемые в поведении людей. При такой интерпретации ядром правовой культуры общества становится наличие и на социальном, и на институциональном уровнях правовой идентичности.

Вместе с тем использование широкого понимания правовой культуры создает проблемы как теоретического, так и практического плана. В частности, если в понимании правовой культуры мы переходим от чисто юридической интерпретации к социокультурным ценностям, возникает проблема смешения права и нравственности в социальном поле, а также риск подмены юридического содержания нравственной нормой. Традиционно в рамках классических правокультурных исследований данный вопрос решается путем квалификации

элементов культуры как правовых с помощью использования нормативного, а также иногда и юснатуралистического аргументов [5, с. 33]. То есть неюридические, социокультурные элементы (например, социальные, традиционные ценности) квалифицируются как правовые через их атрибутирование к действующему позитивному праву либо его элементам, а также и к естественно-правовым установкам, обычно «входящим» в правопорядок путем утверждения юснатуралистических стандартов на уровне Конституции.

В постклассической методологии правовых исследований проблема разграничения права и неправа не является приоритетной, хотя она имеется в виду. Правовая культура, как справедливо отмечает профессор И. Л. Честнов, рассматривается в качестве «специфического человеческого способа жизнедеятельности и механизма воспроизводства правовой реальности» [6, с. 373]. Главный акцент в постклассической методологии относительно правовой культуры делается не на поведении людей на основе «права в книгах», а на практиках их поведения на основе «права в жизни», даже если такое «право» и не является формальным. Однако в конечном счете эта неформализованная культурная ситуация и есть момент правовой культуры за счет его общезначимости и взаимного признания «здесь и сейчас» *ipso facto*.

В антропологии права как направлении развития современной фундаментальной юриспруденции также используются положения постклассической методологии юридической науки, однако с поправкой на *принцип человекомерности права*. Данный принцип предполагает, что право и все элементы правовой реальности анализируются только в связи с действующим в них человеком как правовым деятелем — правовой личностью, которая ставится в центр правового анализа. Не только правовая культура, но и само право в рамках антрополого-правовой методологии имманентно связывается с идеей человекомерности. Поэтому в антропологии права решение вопроса разграничения права и нравственности при рассмотрении правовой культуры в связи с социокультурными ценностями переносится с уровня нормативной системы права на уровень человека, действующего в праве, — такова особенность правопонимания в рамках антропологической концепции права. И действительно, поскольку в познании правовой культуры выражается степень усвоения и активного использования личностью правовых ценностей, их воспроизводства [7], постольку для обозначения правовой культуры в антропологии права *важно наличие у лица личностной позиции — акта правокультурного самоопределения, коррелирующего с общепризнанностью и ценностью права в конкретном правопорядке*. Такая корреляция — и это важный момент — не обязательно означает конкретное знание содержания права, которое лицо использует в юридически значимой ситуации и правовой жизни в целом. Здесь важна опора на определенный

положительный внутренний ресурс человека, которым наиболее часто выступает усвоенная нравственная установка — значимая для человека личностная ценность, воспроизводящаяся в практике его поведения. Отличие этой ценности от простого «знания права» заключается в том, что она включена в личностную конституцию и идентичность человека, в то время как знание правового предписания находится в рефлексивной области правового сознания. Поэтому на уровне правовой личности не разграничение права и нравственности, а, напротив, их синтез во многом способствует поддержанию правовой культуры.

На этом основании следует заключить, что правовая культура как акт правокультурного самоопределения и поведения личности, выражающийся в общезначимом и ценном для данного социума и правопорядка способе и практике поведения, связан не только со знанием человеком содержания правовых предписаний, но и с его личностной нравственной конституцией, теми личностными ценностями, которые усвоены человеком и воспроизводятся в его повседневной жизнедеятельности. Если сказать более жестко — а к этому нас обязывает постоянное расширение сферы цифровой среды и виртуальной реальности, имеющей юридическую значимость, — именно социокультурные ценности, воспроизводящиеся на уровне личностных практик жизни, сегодня способны поддерживать правовую культуру, а также давать ориентиры для развития самого права. По крайней мере, мы будем понимать наше общество, юридически значимое поведение человека и его правовую личность как они есть. Парадоксально, но предложенный антрополого-правовой подход, указывая на пределы правовой детерминации правовой культуры, связанные со сферой личностного как юридически значимого, одновременно не игнорирует ценность права как формально-догматического средства, направленного на достижение «добра и справедливости». Однако он дает понять, что правовая культура — это не институциональный, а антропологический правовой феномен и центральным объектом ее анализа является правовая личность человека, в которой всякие попытки отделить право от нравственности и иных регулятивных систем будут несостоятельны.

1. Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 536 с. [Вернуться к статье](#)

2. Павлов В. И. Методология и антропология в философско-правовой концепции В. П. Малахова в контексте современной антропологии права // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 97–101. [Вернуться к статье](#)

3. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории : моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 152 с. [Вернуться к статье](#)

4. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Крупеня Е. М. Политико-правовая активность личности. М. : Унив. кн., 2009. 312 с. [Вернуться к статье](#)
6. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 840 с. [Вернуться к статье](#)
7. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, Минск, 3–5 февр. 2005 г. Минск : МИТСО, 2005. С. 10–15. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

ДЕФЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СВЯЗИ С ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В. В. Попов

Волгоградская академия МВД России,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Примат политико-идеологического подхода, отражающий прагматический аспект анализа предмета теории государства и права, может породить некорректные теоретические модели субъективных прав. Это предполагает необходимость использования логических подходов к построению таких моделей в качестве теоретического фундамента обеспечения национальной безопасности.*

Ключевые слова: *субъективные права, права человека, реконструкция субъективных прав, модель субъективных прав, контекстуальное управление.*

Annotation. *The primacy of the political-ideological approach, reflecting the pragmatic aspect of the analysis of the subject of the theory of state and law, can generate incorrect theoretical models of subjective rights. This presupposes the need to use logical approaches to the construction of such models as a theoretical foundation for ensuring national security.*

Keywords: *subjective rights, human rights, reconstruction of subjective rights, model of subjective rights, contextual management.*

Теория государства и права со времени своего формирования и по сей день осуществляет целый ряд очень важных функций, присущих подлинно научной теории. Однако нельзя не отметить тот факт, что в формируемых данной наукой моделях теоретической реконструкции возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений существуют довольно серьезные изъяны, затрудняющие реализацию потенциала общетеоретической юридической науки по совершенствованию юридической деятельности как одного из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности в современный период.

Одним из изъянов методологического характера является своего рода смешение, с одной стороны, прагматического, политико-идеологического, а с другой — логического подхода к постановке и решению теоретических проблем. Представляется, что в отдельных проявлениях подобный политико-идеологический подход имеет сходство с так называемым старым методом *mos italicus* [1, с. 96], который был выработан еще глоссаторами в ходе

университетской рецепции римского права и ярко продемонстрирован около 1250 г. в сочинении Аккурзия «Glossa Ordinaria», а также в многочисленных трудах постглоссаторов.

Логический же подход, который в большей степени отражает семантический аспект анализа юридической проблематики в гораздо большей степени схож (но, разумеется, не идентичен ему) с так называемым новым методом *mos gallicus*.

Представляется, что, хотя проблема некоего предпочтения исследованиям, проводимым в русле *mos italicus*, присуща различным типам правопонимания, все же наиболее зримо она выражена в естественно-правовом подходе к изучению правовых явлений.

Тенденция к выбору средств познания, которые выражают в большей мере политико-прагматическую, нежели гносеологическую функцию общетеоретической юридической науки, особенно ярко проявляется в теоретической реконструкции субъективных прав, поскольку проблематика данных прав отличается высокой мерой политизированности. Думается, что истоки ухода от логико-семантического анализа юридической проблематики восходят к традициям университетской рецепции римского права. Эта традиция весьма значима и ныне. Неслучайно Г. Берман, выделявший шесть великих революций, сопровождавших становление западного права, отмечал, что легитимация меняющегося правопорядка происходила через обращение к римскому праву [2, с. 35]. Подобную легитимацию было принято производить в первую очередь через интерпретацию дигестов (из свода римского гражданского права «*Corpus juris civilis*»), которые рассматривались как сокровищница, содержащая в себе не подверженные времени правовые ценности¹. Автор же берется утверждать, что истолкованные в форме глосс *brocarica* и *distinctionis* [3, с. 27] дигесты (причем дигесты сами в определенной мере являлись актами интерпретации) вряд ли претендуют на подтверждение слов Фомы Аквинского о том, что Бог вписал естественное право в сердца людей. Высказывания типа «*potius est jus naturale quam principatus*»² (Балдус) и тому подобные претендуют, скорее, не на объективацию естественного права, а на обоснование Иернерием, Булгаром, Мартином, Рогерием, Вакарием, Аккурзием и другими учеными мужами из университетов Болоньи, Падуи, Перуджи, Орлеана и т. д. праведности власти императора Генриха V, Фридриха I, римского папы Геласия II и т. п.

¹ Неслучайно, например, Г. Берман отмечал, что открытие Свода Юстиниана было воспринято в академической среде того времени так, как если бы был найден утерянный список приложений к Ветхому Завету.

² Естественное право сильнее власти государя.

Конечно, о прямом заимствовании подобного подхода советской юридической наукой речь вести нельзя, хотя Г. Берман, говоря о легитимации революционных изменений через обращение к римскому праву, упоминал и революцию 1917 г. Но отмеченный подход в контексте легитимации революционного обновления государственно-правового устройства был фактически продолжен в русле развития юридической науки на марксистском гносеологическом и философско-политическом фундаменте с приматом прагматического аспекта анализа исследуемых проблем над логико-семантическим.

В дальнейшем после разрушения СССР произошло относительно легкое замещение политико-правовых идей марксистского толка иными учениями, но особая значимость при этом «обновлении» фактически признавалась за учениями естественно-правового характера. И в первую очередь потому, что в ст. 2 Конституции России 1993 г. права человека признаются высшей ценностью, а сама идея прав человека наиболее тесным образом связана с естественно-правовыми воззрениями [4]. Не отрицая значимости тех ценностей, которые опосредованы правами человека, нельзя при этом не согласиться, например, с Э. Визелем, Н. Гордимер, Р. Дебре и другими в том, что в нынешнее время права человека превращены в «религию человечества», а любая критика учений об этих правах рассматривается чуть ли не как святотатство.

Вместе с тем думается, что теоретическая реконструкция субъективных прав и, соответственно, прав человека в рациональной, логико-семантической плоскости позволит решить вопрос о том, что есть бытие субъективных прав (как и прав человека) само по себе, т. е. позволит выявить онтологический статус субъективных прав, хотя и не в том контексте, как об экзистенции ведут речь, например, С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер и ряд их последователей. В свою очередь, это позволит уйти от определения субъективного права, например, как меры свободы (такое определение проблематично хотя бы в силу неопределенности и исключительной политизированности термина «свобода»); как возможности/меры возможного поведения (такое определение проблематично и в диалектической, и в алетической, и в так называемой деонтической интерпретации возможности); как господства / власти / воли / волевой мощи / правомочия / состояния и т. д. (такие определения некорректны не только в силу некоторых частных неточностей, но также в силу проблематичности отнесения их к метадогматическим предельно обобщающим категориям для описания правовой реальности). Подобный уход откроет путь к построению не только корректной, но и методологически фундаментальной модели субъективных прав. Построение сообразной реальности модели субъективных прав поможет использовать теорию государства и права для построения корректного информационного поля, позволяющего реализовывать социально полезное

государственное управление через так называемое контекстуальное управление в части формирования соответствующих ценностных контекстов как объектного, так и метаязыка права.

Социальная полезность государственного управления упомянута не случайно. В настоящее время ряд деструктивных последствий глобализации обусловлен прежде всего тем, что она реализуется преимущественно в рамках агрессивной западной модели. Теоретическая часть данной модели имеет либеральный (неолиберальный) фундамент, элементами которого являются весьма специфические представления о свободе, демократии, гражданском обществе, прогрессивности деятельности законодателя и, соответственно, о правах человека и субъективных правах и т. п., изобилующих противоречиями и двойными стандартами.

Именно поэтому уход от некорректных, но востребованных некоторыми субъектами управления моделей субъективных прав и формирование рационального фундамента, позволяющего описать и объяснить данное правовое явление, позволят выстроить также правильную модель их ценностной интерпретации. Это поможет более адекватно отразить в субъективных правах не только политико-идеологические, но и мировоззренческие, культурные и иные аспекты алгоритмов социального взаимодействия. Конструктивность такого подхода выражается в более точном определении места и роли субъективных прав в правовом регулировании как элементе социального управления, реального значения данных прав в укреплении государственного суверенитета и в правовом обеспечении национальной безопасности.

-
1. Зенн М. История права: культурно-исторический очерк / перевод с нем. Т. М. Ключановой. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2016. 530 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / перевод с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 624 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Виноградов П. Г. Римское право в средневековой Европе. М. : Издание А. А. Карцева, 1910. 99 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята все-нар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗНАНИЯ ПОНЯТИЯ
«ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ»****Е. А. Реутская**

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается понятие общественной опасности, которое служит основополагающим критерием для определения преступности деяния и степени угрозы, которую оно представляет для общества. Автором анализируются три ключевых аспекта общественной опасности: общественная опасность преступления, деяния и личности виновного. Отмечается, что, несмотря на их внешнее сходство, эти категории обладают различным содержанием и практическим значением, что предполагает их четкое разграничение. Особое внимание уделено проблемам методологической недостаточности в оценке общественной опасности, которая ведет к рассогласованию подходов в судебной практике и правоприменении.

Ключевые слова: общественная опасность преступления, общественная опасность деяния, общественная опасность личности виновного, соотношение.

Annotation. The article examines the concept of public danger, which is a fundamental criterion for determining the criminality of an act and the degree of threat it poses to society. Three key aspects of public danger: the public danger of the crime, the act and the personality of the offender, are analyzed. It is noted that, despite their external similarity, these categories have different content and practical significance, requiring clear differentiation. Special attention to the methodological shortcomings in assessing public danger, which lead to discrepancies in judicial practice and law enforcement is given.

Keywords: public danger of the crime, public danger of the act, public danger of the offender's personality, correlation.

Правопонимание играет ключевую роль в уяснении смысла правовых понятий, в том числе и оценочных, поскольку позволяет интерпретировать нормы права с учетом их целей, принципов и социальной значимости. Оценочные категории, такие как «общественная опасность», «иные тяжкие последствия», «справедливость» и иные, не имеют четко закрепленного законодательного содержания, а их смысл формируется в процессе правоприменения. Оценочные понятия, в особенности в уголовном праве, требуют гибкости в интерпретации, но при этом должны сохранять правовую определенность. Например, в уголовном праве понятие «общественная опасность» может варьироваться

в зависимости от социального контекста, но именно правопонимание способствует формированию обобщенных критериев его оценки.

В теории уголовного права понятие общественной опасности занимает центральное место, поскольку является основополагающим признаком преступления и позволяет определить степень угрозы, которую оно представляет для общества. Более того, общественная опасность выступает в качестве одного из основных критериев уголовно-правовой оценки любого деяния как преступного путем оценки совокупности объективных и субъективных признаков деяния, указывающих на его негативное воздействие на основные общественные блага — жизнь, здоровье, имущество, общественный порядок и иные. Именно на основании анализа общественной опасности осуществляется криминализация/декриминализация деяний, дифференциация преступлений по характеру и степени тяжести, что позволяет формировать категории преступлений и индивидуальные меры уголовно-правового воздействия. Процесс познания общественной опасности усложняется еще и тем фактом, что она может существовать и вне правового поля, без запрещения законом соответствующего вида поведения [1, с. 52].

Несмотря на неоспоримо важное значение для уголовного права, общественная опасность продолжает оставаться самым неопределенным и оценочным признаком преступления из всех закрепленных в ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) и вызывает у правоприменителя затруднения при уяснении его содержания. Так, противоправность выражена в диспозициях статей Особенной части УК, виновность закреплена в главе 4 УК, а наказуемость — в уголовно-правовых санкциях, в то время как общественная опасность определяется лишь на доктринальном уровне [2].

В отечественной уголовно-правовой науке выделяют несколько аспектов содержания общественной опасности, отражающих разные стороны указанной категории. Среди них можно выделить три ключевых термина: «общественная опасность преступления», «общественная опасность деяния» и «общественная опасность личности виновного». В научных исследованиях и судебной практике наблюдается тенденция к не всегда корректному употреблению этих близких, но принципиально различных понятий. Полагаем, что, несмотря на внешнюю схожесть, данные категории имеют различное содержание, методологические подходы и практическое значение, что обуславливает необходимость их четкого разграничения.

Общественная опасность преступления характеризует степень угрозы, исходящую от конкретного вида преступного деяния для общественных отношений, и традиционно представляет собой способность причинять существенный вред объектам уголовно-правовой охраны или создавать угрозу

причинения такого вреда. Например, убийство, акт терроризма или изнасилование представляют собой преступления, обладающие высокой степенью общественной опасности, поскольку они наносят прямой ущерб фундаментальным общечеловеческим ценностям. Соответственно, квалификация этих деяний как преступлений и назначение наказания в таких случаях основываются на степени общественной опасности именно исходя из преступного поведения конкретного вида (группы преступлений). Обращаясь к научным воззрениям, процитируем С. С. Босхолова, который определяет общественную опасность как «объективное свойство преступлений влечь за собой, порождать негативные изменения в социальной действительности, приводить к нарушению установленных в социуме общественных отношений, причинять им вред» [3, с. 130]. В уголовно-правовой литературе большинство авторов придерживаются схожего определения. Однако, несмотря на свою исключительную важность, определение общественной опасности преступления, которое бы отражало базовые признаки рассматриваемого понятия и позволяло выделить основные закономерности ее измерения, на уровне уголовного закона отсутствует.

К традиционным инструментам измерения общественной опасности относят ценность объектов уголовно-правовой охраны, а также характер и степень общественной опасности. Однако обозначенный инструментарий не исчерпывает всех возникающих вопросов ввиду того, что общественная опасность преступления не является плодом исключительно законодательного конструирования, а представляет собой реальный феномен [3, с. 130, 131], который предполагает более глубокое понимание сущности общественной опасности, особенно в процессе криминализации. Так, основанием криминализации наряду с социальным основанием в виде нетипичных форм социального поведения, неизбежно приводящих к нежелательным для максимально большого круга людей изменениям в жизни отдельных индивидов, общества и государства, и политическим основанием, заключающимся в наличии политической воли на признание этой формы поведения преступной [4, с. 202], выступает именно общественная опасность соответствующего вида преступлений. Обозначенное свидетельствует, что общественная опасность преступления выражается в типовой степени общественной опасности, которая закрепляется в санкции уголовно-правовой нормы.

Далее обратимся к характеристике общественно опасного деяния. В соответствии со ст. 11 УК, преступление определяется через «деяние в форме действия или бездействия» [2]. Следовательно, преступление всегда выражено через общественно опасное деяние, которое определяет степень негативного воздействия конкретного акта на общественные отношения, исходя из его содержания, последствий и условий совершения.

Получается, что в науке уголовного права понятие «деяние» используется двояко: для обозначения сущности преступления и для характеристики объективной стороны состава преступления как внешней формы проявления преступного деяния. Общественная опасность деяния является понятием, которое рассматривает конкретный акт преступления в совокупности с условиями его совершения и последствиями. В процессе уголовно-правовой оценки содеянного следует ориентироваться на оценку общественной опасности конкретного акта, а не на типовую общественную опасность. Это позволяет не только определить тяжесть преступления, но и учесть смягчающие или отягчающие ответственность обстоятельства, влияющие на меру справедливого наказания. Таким образом, общественная опасность деяния определяется судом в процессе индивидуализации уголовного наказания.

Общественная опасность личности виновного, в свою очередь, отражает опасность, которую представляет субъект преступления с точки зрения его склонности к повторным противоправным действиям, психологических особенностей, социальной адаптации и уровня деструктивного влияния на окружение. Учет общественной опасности личности виновного имеет значение при индивидуализации наказания. В судебной практике этот критерий позволяет оценить, насколько субъект представляет угрозу для общества в будущем, и, соответственно, скорректировать меры уголовно-правового воздействия (например, смягчить или ужесточить наказание, назначить принудительные меры безопасности и лечения). Следует отметить, что личности виновного не уделяется должного внимания в научной литературе. Справедливым представляется суждение о том, что общественная опасность как признак преступления не может быть адекватно понята и оценена вне учета данных о лице, совершившем преступление, т. к. она является неотъемлемой предпосылкой в механизме совершения преступления, связана с опасностью преступления через категорию «генезиса» [5, с. 624], способствует реализации таких целей уголовной ответственности и наказания, как частное предупреждение и исправление осужденного, которых невозможно достичь, если игнорировать общественную опасность личности виновного.

Обращаясь к вопросу о соотношении исследуемых понятий, отметим, что понятия «общественная опасность преступления», «общественная опасность личности виновного» и «общественная опасность деяния» представляют собой взаимодополняющие, но в то же время различающиеся категории. Каждому из исследуемых понятий присуща своя функция в механизме уголовно-правового регулирования: «Опасность деяния формирует основание уголовной ответственности; опасность деяния в совокупности с опасностью личности определяет содержание и форму таковой. Попытки интегрировать данные

об опасности личности в структуру опасности деяния методологически несостоятельны, приводят к смешению источников опасности и вносят путаницу в рассуждения о механизме уголовно-правового регулирования» [4, с. 626]. Общественная опасность преступления фокусируется на универсальных свойствах преступлений определенного вида и их негативном влиянии на общественные отношения, в то время как опасность деяния охватывает анализ конкретного случая преступного поведения с учетом его обстоятельств и последствий, что позволяет оценить индивидуальную опасность каждого конкретного акта. Опасность личности виновного, в свою очередь, обращает внимание на субъекта преступления, его склонность к повторным противоправным действиям и особенности исправления. При комплексном анализе уголовно-правовой ситуации все три составляющие должны использоваться для формирования полной картины негативного социального явления — преступления. Отказ хотя бы от одной из обозначенных составляющих приведет к кризису как в науке уголовного права [3, с. 134], так и в законотворческой деятельности, ведь общественная опасность сначала познается, «просеивается» человеческим сознанием законодателя, но в случае искажения «на выходе» в тексте закона понимание может существенно отличаться и от своего первоначального образа, и от намерений инициаторов запрета [1, с. 55] ввиду отсутствия инструментария измерения общественной опасности в уголовном праве.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что одной из основных проблем в уголовном праве является недостаточная методологическая разработанность инструментов оценки общественной опасности, что порождает рассогласованность в судебной практике. Перспективным направлением является разработка методических рекомендаций по измерению общественной опасности, основанных на эмпирических исследованиях и сравнительном анализе отечественного и зарубежного опыта, что позволит обеспечить более объективное и комплексное понимание и интерпретацию исследуемого понятия. Понятия «общественная опасность преступления», «общественная опасность личности виновного» и «общественная опасность деяния» являются взаимосвязанными, но различными аспектами уголовно-правовой оценки. Их комплексный анализ позволяет не только точно квалифицировать преступное деяние, но и индивидуализировать уголовное наказание с учетом особенностей субъекта преступления.

1. Лобанова Л. В., Рожнов А. П. Объективное и субъективное в общественной опасности преступления // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 4. С. 51–60. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Босхолов С. С., Номоконов В. А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всерос. кримinol. журн. 2024. № 2. С. 128–136. [Вернуться к статье](#)

4. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация. Екатеринбург : Sapientia, 2020. 256 с. [Вернуться к статье](#)

5. Куфлева В. Н. Проблемы общественной опасности преступления // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитар. науки. 2024. Т. 18, № 4 (70). С. 618–627. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

МОРАЛЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СУБСУМЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

М. В. Савельева

Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются моральные аргументы, используемые судьями для интерпретации юридических фактов при принятии судебного решения.

Ключевые слова: судебное решение, интерпретация норм права, юридические факты, мораль, справедливость, ценности национальной правовой культуры.

Annotation. The article examines the moral arguments used by judges to interpret legal facts when making a court decision.

Keywords: judicial decision, interpretation of legal norms, legal facts, morality, justice, values of national legal culture.

В последнее время под влиянием плюралистического, локального постижения мировой истории, подорвавшего представления о едином историческом пути человечества, проявляется необходимость понимания правовых явлений, происходящих в обществе, через духовно-нравственные и моральные ориентиры, зафиксированные в традиционных культурно-нравственных традициях. Юридическая наука, становясь важным фактором социальных трансформаций современности [1; 2; 3], все большее внимание обращает на значение духовно-нравственных и моральных ориентиров [4; 5].

Что рассматривать как моральные ориентиры? «Мораль», согласно «Новой философской энциклопедии», является понятием европейской философии и служит для обобщенного выражения сферы высших ценностей и долженствования [6, с. 610]. Мораль является тем срезом человеческого опыта, который мы называем словами «добро» и «зло», «добродетель» и «порок», «правильное» и «неправильное», «справедливое» и «несправедливое». Согласно наиболее распространенному современному подходу, мораль, наряду с правом, является нормативным системным регулятором.

На развитие права воздействие оказывают обыденная мораль и идеалы отдельных социальных групп. Любое действие человека подлежит оценке и интерпретации. Оцениваемый факт может быть интерпретирован как самим действующим лицом (актором), так и третьими лицами (интерпретаторами). Судебного интерпретатора общество наделяет компетенцией принятия решения [7; 8]. Принятие решения — это стратегическая интеллектуальная деятельность,

представляющая собой процесс порождения, оценки и выбора альтернатив интерпретатора с целью достижения желаемого результата [9, с. 40]. Социально значимые действия оцениваются с культурно-нравственной, моральной, эстетической, экономической, экологической, политической, правовой позиций. Правовая норма устанавливается внешним авторитетом и формально закрепляется в источнике права.

Норма права является традиционно установившимся правилом, истоки которого часто уходят в обычай, подкрепленный моральными, этическими и духовными ценностями, характерными для национальной культуры. Так, на совете старейшин первым говорил старший рода, и этот обычай закрепился в качестве нормы и установлен в формально-юридическом источнике права. Правовая норма содержит идеальное условие (гипотезу), при котором она действует. Однако сама по себе правовая норма бессмысленна, мертва, если она не влечет возникновение за собой правовых отношений, если она не функционирует. Само функционирование правовых норм, как отмечает профессор А. В. Поляков, возможно только при наличии ценностных отношений между ними и соответствующими субъектами [10, с. 22]. Задача интерпретатора заключается в «опознании» конкретных правовых ценностей как социально значимых. Сопоставление идеальной гипотезы нормы с произошедшими событиями реальной жизни не проходит без когнитивных, мыслительных процессов, однако для признания состоявшегося события юридически значимым необходимо волеизъявление интерпретатора.

У интерпретатора при соотношении идеального условия, содержащегося в норме права, и фактически состоявшегося события реальной жизни всегда есть выбор. Г. Харт отмечает: «Когда судьи делают выбор, не являющийся ни произвольным, ни механическим, они часто проявляют судебные добродетели» [11, с. 206]. Судебными добродетелями являются нейтральность в изучении альтернатив, беспристрастность, учет интересов всех заинтересованных лиц на основе принципов равенства, справедливости. То, что сообразно с добродетелью, взятой в целом, по замечанию Аристотеля, определено законом [12, с. 625].

Во всем процессе принятия решения у интерпретатора присутствуют попытки найти компромисс и справедливость между соперничающими интересами, начиная от признания или непризнания фактически состоявшегося события значимым для права — юридическим фактом — в случае пробела в праве. Этот выбор определяется на основе критериев, которые сложились у интерпретатора в виде субъективных, внутренних образов, ценностных понятий, понятий о «добре», «зле», «правде», «чести», «справедливости». Представления, сформированные в процессе осмысления, в первую очередь зависят от понимания

правильного, должного поведения, условий и пределов позволений человека, ограниченного собственным долженствованием, а также условий, создаваемых извне, задаваемых правовым порядком.

С античных времен вопрос добродетели при интерпретации фактической действительности и принятия справедливого решения волновал философов [13]. Аристотель, рассуждая о правде и справедливости, заметил, что «если закон есть общее положение, а частный случай не подходит под общее положение, то, говоря безусловно, правильно поступит тот, кто исправит недостаток и пополнит пробел, оставленный законодателем; недостаток, который сам законодатель исправил бы, если б присутствовал и если б он знал о таком случае, когда давал закон» [12, с. 624].

Термин «ἡ δικαιοσύνη», использованный Аристотелем при характеристике таких ситуаций, переводится и как «справедливость», и как «правосудие» [14, с. 172]. Аристотель выделяет несколько видов частной справедливости: распределительную, воздающую, меновую справедливость. Частная справедливость, по мнению мыслителя, связана с законностью конкретного государства, относится к государственному праву, действующему между свободными и равными членами полиса. Необходимо руководствоваться справедливостью, подразумевающей равенство среди равных, что выступает источником сохранения и укрепления государства.

Осуществляя правосудие, судья опирается на добродетели. Его субсумция, или юридическая квалификация, состоит из нескольких этапов:

- отнесение индивидуального случая к родовому;
- установление решения, которое нормативная система соотносит с родовым случаем;
- выведение решения для индивидуального случая посредством правил вывода данной системы [15, с. 170].

Характеризуя методологию толкования в рамках юридической квалификации, А. Росс обратил внимание на внутренний (психический) и внешний (поведенческий) аспекты существования норм. Особое значение А. Росс придает культурной традиции, стремясь показать, насколько нереалистичен тот вид юридического позитивизма, который наполняет право лишь позитивными нормами и предполагает, что деятельность правоприменителя состоит лишь в механическом применении норм. Правовые нормы как объективное проявление культуры не могут быть поняты в отрыве от культурной среды, в которой они зародились. Право привязано к языку как к средству передачи смысла, а передаваемый словами смысл обусловлен множеством различных способов через подразумеваемые предпосылки в виде убеждений, предрассудков, стремлений,

стандартов и оценок, которые существуют в культурной традиции, охватывающей равно и законодателя, и судью [16, с. 90].

В процессе осуществления профессиональной деятельности судья подвержен культурной традиции, образ его мышления сформирован под влиянием внешних факторов и субъективного опыта. Судья является не только биологическим субъектом, но и культурным феноменом. Рассматривая свою деятельность как службу обществу, он желает принимать не случайные решения, ставшие результатом механических манипуляций текста нормы права и фактов, а решения, которые пронизаны смыслом, «духом права». А. Росс полагает, что культурная традиция может выступать как непосредственный «источник права», «фундаментальный элемент», который позволяет судье сформулировать правило, необходимое для принятия решения по делу, [16, с. 90].

В ситуации, не урегулированной позитивными источниками права, судья может признать ее неподсудной либо принять решение по делу, если он чувствует, что в конкретном случае имеет место пробел в праве, который необходимо восполнить. Во втором случае, опираясь на ценности, неотъемлемо присущие правовой культуре и национальным правовым традициям, а также профессиональному правосознанию, сложившемуся у судьи и определяющему его эмоциональную реакцию, судья сформулирует общее правило. Приняв решение по конкретному делу, судья попытается обосновать свое решение, подчеркивая в деле релевантные моменты, сопоставляя свои ощущения с пониманием справедливости. Со временем, после серии решений по схожим обстоятельствам, правило превратится в норму права.

Таким образом, в процессе интерпретации юридических фактов с целью принятия решения мораль является доминирующим фактором принятия справедливого решения.

1. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. [Вернуться к статье](#)

2. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49. [Вернуться к статье](#)

3. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 1 (101). С. 34–50. [Вернуться к статье](#)

4. Савельева М. В. Теория юридических фактов в советской правовой науке // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 28–29 апр. 2022 г. : в 2 т. / С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. СПб., 2022. Т. 1. С. 1760–1764. [Вернуться к статье](#)

5. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека — проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)
6. Апресян Р. Г. Мораль // Новая философская энциклопедия : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Т. 2 / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. С. 610–612. [Вернуться к статье](#)
7. Толкование права: классика и постклассика / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. 526 с. [Вернуться к статье](#)
8. Нижник Н. С. В продолжение дискуссии о толковании права: интерпретация в контексте постклассических юридических исследований // Государство и право. 2024. № 9. С. 232–236. [Вернуться к статье](#)
9. Болдырев А. С., Назаренко А. Ф. Категории как детерминанты саморазвития философского знания // Логико-философские штудии. 2013. № 11. С. 39–48. [Вернуться к статье](#)
10. Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 650 с. [Вернуться к статье](#)
11. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с. [Вернуться к статье](#)
12. Аристотель. Никомахова этика / пер. с др.-греч. А. Кубицкого, Э. Радлова, Б. Фохта. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. 736 с. [Вернуться к статье](#)
13. Савельева М. В. Проблема интерпретации юридического факта в римском праве // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 17 мая 2024 г. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2024. С. 154–157. [Вернуться к статье](#)
14. Батиев Л. В. Закон и право в философии Аристотеля // Правоведение. 2004. № 3. С. 165–178. [Вернуться к статье](#)
15. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 380 с. [Вернуться к статье](#)
16. Стратегии судебного толкования и принципы права : учеб. пособие / под ред. Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 362 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ****Е. И. Стабровский**

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук

Аннотация. *Анализируются возможности правового регулирования в сфере цифровых технологий. Исследуются пределы правового регулирования в связи с человеком в праве, интересами общества и национальной безопасностью.*

Ключевые слова: *пределы правового регулирования, цифровые технологии, цифровое право, антропологическая концепция права, человек в праве, национальная безопасность.*

Annotation. *The possibilities of legal regulation in the field of digital technologies are analyzed. The limits of legal regulation in connection with a person in law, the interests of society and national security are explored.*

Keywords: *limits of legal regulation, digital technologies, digital law, anthropological concept of law, person in law, national security.*

В настоящее время все большую актуальность приобретает цифровизация общественных отношений. В этой связи становится неизбежным столкновение новых форм взаимодействия субъектов с ранее сложившимися. Отсюда перед участниками правоотношений возникает вопрос о правилах поведения в цифровой среде и, как следствие, о взаимных правах, обязанностях, запретах и ответственности. Одним из основных регуляторов общественных отношений выступают правовые нормы. Вопросы определения и установления пределов правового регулирования в цифровом праве требуют научного исследования.

В современном мире право выступает универсальным средством регулирования общественных отношений. Право позволяет прийти к согласию по основным, принципиальным вопросам взаимодействия и ожидать предсказуемого поведения от участников отношений. Основной отличительной чертой правовых норм выступает возможность обращения за государственной защитой нарушенного или оспариваемого права. Подобного результата не получается достичь при использовании других социальных регуляторов, которые обладают значительным регулятивным потенциалом, подчеркивают гуманистические основания человеческой жизни, но при этом не позволяют сгладить противоречия, вызванные широким понимаемым нравственных ориентиров, разнородностью обычаев, религиозной традицией, групповыми представлениями и т. п.

Одним из направлений развития юриспруденции в современности выступает цифровизация, которая вносит в сложившиеся отношения новые возможности. Так, в настоящее время такие цифровые явления, как токен, блокчейн, майнинг, криптовалюта, смарт-контракт, цифровая платформа, виртуальная реальность, облачные технологии, технологии больших данных, искусственный интеллект и многие другие, вошли в деловой оборот и позволяют их обладателям пользоваться конкурентными преимуществами, создавая новые продукты. При вступлении в отношения, связанные с использованием цифровых технологий, возникает вопрос о том, подлежат ли соответствующие отношения правовому регулированию, и если подлежат, то в каких пределах.

В настоящее время государства и международные организации значительное внимание уделяют вопросам правового регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий. Исходная идея о том, что интернет-пространство (а равно цифровая среда) существует вне границ конкретного государства и не находится под его юрисдикцией, а управляется собственными автономными (саморегулирующими) правилами Сети, не нашла широкой поддержки как в научном сообществе, так и в практике государственного регулирования сети Интернет.

Порождаемые использованием цифровых технологий цифровые права потребовали научного исследования и, как следствие, правового закрепления. Отметим, что в науке не сложилось устоявшегося представления о природе цифровых прав. Ведется научная дискуссия об их отраслевой принадлежности. Но вместе с тем научное сообщество пришло к консенсусу относительно того, что цифровые права и цифровые технологии представляют собой часть правовой реальности, их использование порождает взаимные права и обязанности, и они нуждаются в правовом закреплении.

Закрепление цифровых прав в актах законодательства способствует развитию экономики, совершенствованию правового регулирования, устранению пробелов в праве, определению субъективных прав и обязанностей участников правоотношений, укреплению правопорядка и обеспечению национальной безопасности в целом. В настоящее время объективно складывается новая отрасль законодательства, а в перспективе намечаются контуры и новой отрасли права.

Формирование новой подсистемы в системе законодательства в виде совокупности нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с использованием цифровых технологий, обозначает потребность в определении пределов правового регулирования.

Как отмечает Е. А. Березина, «пределы правового регулирования представляют собой обусловленную наличием объективных и субъективных

факторов меры допустимого, необходимого и достаточного воздействия права на общественные отношения, осуществляемого с помощью специальных юридических средств» [1, с. 45].

О. И. Чуприс отмечает, что «пределы правового регулирования устанавливаются государством, но не могут быть четко заданы или спрогнозированы на будущее, подтверждением чего служит наблюдающаяся тенденция расширения границ правового регулирования, которое происходит как за счет установленной целесообразности регулирования новых общественных отношений, так и за счет постоянного охвата детализирующим правовым регулированием все большего круга общественных отношений, ранее попавших в правовое поле, или смежных с ними отношений» [2, с. 7].

Важно отметить, что пределы правового регулирования определяются объективными потребностями правовой жизни, реальным взаимодействием участников общественных отношений, и они должны отвечать возможностям государства по обеспечению реализации права в необходимых случаях.

При этом пределы правового регулирования являются изменчивыми. В этой связи перед государством возникает необходимость в поддержании баланса между частными и публичными интересами, которые выражают потребности общественного развития и находят отражение в частноправовом и публично-правовом регулировании. Е. А. Березина отмечает, что подобная изменчивость «влечет за собой неизбежное отставание правового регулирования от текущих и тем более будущих потребностей общественного развития» [1, с. 52].

Возникающие потребности в правовом регулировании должны отвечать предназначению права как регулятору поведения человека. Право создается человеком и для человека. В сфере регулирования цифровых технологий есть опасность того, чтобы сместить фокус внимания с человека в праве на юридико-технологическую составляющую права, которая существует независимо от человека. О. И. Чуприс указывает: «Существование права как независимой субстанции нецелесообразно. Право должно опираться на потребности человека и служить ему» [2, с. 6].

Полагаем, что в сфере цифрового права также на первом месте должен быть человек. Данный подход раскрывается с помощью антропологической концепции правопонимания, согласно которой пределы правового регулирования определяются природой человека как личности. Человек в праве рассматривается как реальный участник правовой жизни, обладающий личностными характеристиками (правовым сознанием, правовыми ценностями, правовой культурой, правовой волей и пр.) [3, с. 52].

В этой связи в цифровом праве антропологическим пределом правового регулирования выступает человек в праве, и необходим учет его личностных характеристик, имеющих правовое значение.

С точки зрения обеспечения правопорядка и национальной безопасности пределами правового регулирования выступают интересы общества и государства. Дело в том, что цифровые технологии могут использоваться как в достижении общественно полезных целей, так и в противоправной деятельности, которая в условиях цифровизации многих сфер жизни может наносить вред правам и свободам отдельного человека, интересам и безопасности общества и государства. В этой связи закономерным решением является установление ограничений и запретов, введение процедурных мер.

О. И. Чуприс обращает внимание: «Учитывая все возрастающие риски глобальной цифровизации, прямо влияющей на национальные интересы отдельных государств в условиях, когда разработчики интеллектуальных и цифровых разработок и виртуальных сред поглощены коммерческим интересом или интересами государств своей национальной принадлежности, целесообразно оперативно устанавливать необходимые запреты и ограничения. Поэтому в белорусском национальном правовом сегменте урегулированы отдельные вопросы управления и обеспечения безопасности в цифровой среде и при использовании Интернета» [2, с. 12]. Нормативное правовое регулирование способствует тому, что деятельность, связанная с использованием цифровых технологий и затрагивающая права и интересы человека, общества и государства, становится организованной и упорядоченной, а участники отношений получают гарантии правовой защиты.

Таким образом, цифровизация способствует развитию права, что находит отражение в правовом закреплении цифровых технологий и особенностей их использования. Пределы правового регулирования в цифровом праве определяются личностными характеристиками человека, а также интересами и потребностями общества, обеспечением правопорядка и национальной безопасности государства.

1. Березина Е. А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15, № 4. С. 42–55. [Вернуться к статье](#)

2. Чуприс О. И. О некоторых аспектах расширения пределов правового регулирования // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : НЦЗПИ, 2024. Вып. 19. С. 4–18. [Вернуться к статье](#)

3. Павлов В. И. Разработка антрополого-ориентированных цифровых инструментов как вызов устойчивому развитию национального права и правовой безопасности человека (методологический анализ и оценка системы нормативной правовой охраны) // Право.by. 2023. № 5 (85). С. 49–58. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ****Г. С. Стародубцев**

Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева,
профессор кафедры международного права,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье раскрываются проблемы определения понятия международно-правовой культуры. Показываются особенности воздействия правовой культуры на современную систему международных отношений. Рассматриваются и анализируются мнения теоретиков права.

Ключевые слова: международное право, правовая культура, международно-правовая культура, международно-правовое сознание, правовая действительность.

Annotation. The article reveals the problems of defining international legal culture. The features of the impact of legal coronavirus culture on the modern system of international relations are shown. The opinions of legal theorists are considered and analyzed.

Keywords: international law, legal culture, international legal culture, international legal consciousness, legal reality.

Современные реалии устанавливают значимость правового взаимодействия государств и роль правовой культуры. Представляется, что в первой трети XXI в. взаимодействие государств будет долгосрочным и стратегическим фактором, что определяет роль международного права в развитии и функционировании современного мироустройства.

Правовое взаимодействие носит объективный характер [1]. Современное международное право ориентировано на выстраивание политики государств с использованием таких инструментов, как демократия, приоритет прав и свобод человека, что исходит из принятия универсальных ценностей и определяет как внешние, так и внутренние аспекты функционирования государств. Международное право, будучи продуктом согласования воли субъектов международного права, прежде всего суверенных государств, в процессе своего существования находится от них в зависимости. В данной связи реализация международного права определяется позицией государств и их отношением к обеспечению его основополагающих принципов. На реализацию международного права оказывают влияние совокупность факторов, в их числе не только внешние, но и внутренние, такие как сформированность и состояние общественного правового сознания, наличие юридических знаний всего населения, правомерность функционирования негосударственных объединений,

политических партий. Особую значимость приобретает правовая деятельность государственного аппарата. Подлежат учету развитость юридической науки, тенденции правоприменительной практики и иные аспекты правовой жизни общества.

В научных публикациях используется термин «международно-правовая культура», под которой понимается система взглядов, оценок, убеждений, традиций, стереотипов поведения, принятых членами определенной общности (государств, наций, физических и юридических лиц, общественных, религиозных, этнических и иных объединений), оказывающих влияние на формирование норм международного права и используемых для регулирования их деятельности в международной сфере [2]. Международно-правовая культура выступает мерилем публичной оценки международного права. Чем выше уровень экономики, военной мощи страны, его достижений в различных сферах, тем выше общий авторитет и международный имидж конкретного государства. Компоненты формирования международно-правовой культуры выходят за сферу политики. Каждое государство стремится к тому, чтобы максимально обладать статусом носителя, исполнителя и гаранта международно-правовой культуры.

Пространство международно-правовой культуры неуклонно расширяется. Свидетельством тому являются процессы прогрессивного развития и кодификации международного права, устранения существующих в нем пробелов и неясностей [3]. Вехи международно-правовой культуры связаны с разработкой таких международных документов, как Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. [4], Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций 1945 г. [5], Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [6], Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [7], Заключительный акт Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [8], Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. [9], и других актов.

Следует признать, что проблематика формирования международного правосознания и сущностные характеристики международно-правовой культуры не выступали предметом исследования российских ученых. Специальные работы, посвященные определению содержания данного сложного явления, установлению его структуры, обозначению проблем формирования, отсутствовали. При этом констатируется необходимость обеспечения должного уровня международно-правовой культуры, международного правосознания отдельных индивидов, представителей государственных структур, общества в целом.

При оценке международно-правовой культуры подлежат выявлению факторы, оказывающие влияние на развитие государственных и правовых институтов, требуется анализ процесса взаимопроникновения культур. Следует

исходить из того, что нельзя найти классически чистую национальную правовую культуру. Характеристики информационного общества повышают удельный вес внешнего и международного фактора в формировании правовой культуры. Глобальный характер в условиях современности имеет западная культура. Ее вклад в политико-правовую сферу велик. Это связано и с формированием парламентаризма, и с развитием института прав человека, и с созданием международного правового сообщества.

Отмечается, что восприятие или заимствование каких-то элементов чужеземной или мировой политико-правовой культуры неизбежно, при этом нередко оно оказывается плодотворным [10]. Между тем политическая и правовая культура немыслимы без идейных основ, которые характеризуют правовое развитие конкретного общества. Они либо вырабатываются сознательно, либо формируются стихийно.

Определение характера государства призвано обозначению целей и устоев политической и правовой культуры. Это требует выявления отношения к современному Западу, к истории дореволюционной, советской и современной России, к опыту стран бывшего социалистического лагеря, прежде всего Китая. Представляется, что в оценке этих важнейших явлений прошлого и настоящего могут формироваться основы современной российской правовой и политической культуры. В них необходимо искать критерий того, что возможно заимствовать.

Опыт постсоветской России свидетельствует о необходимости четкого обозначения идеологических ориентиров общественного развития. Представляется необходимым формирование государственной, в том числе правовой, идеологии путем разработки и гласного обсуждения соответствующих документов, которые можно рассматривать как своего рода манифесты и политические программы.

Необходимо отметить, что некоторые русские дореволюционные теоретики права считали возможным распространять идеи западной цивилизации даже вопреки воле «не доросших» до нее народов. Так, А. С. Яценко полагал, что «социальная задача международного права состоит в том, чтобы поддерживать интересы всемирного капитала против исключительности отдельных государств» [11, с. 808].

В настоящее время восприятие многих элементов западной правовой и политической культуры протекает в России под флагом демократии и в реальности способствует становлению отдельных атрибутов демократии. При этом процесс демократизации России выступает одним из нередких в истории примеров того, как лозунги и убеждения, иногда вполне искренние, приводят к последствиям, которые не соответствуют их сущностному содержанию,

т. е. приобретают иной исторический смысл. В данном случае можно вести речь об исторической наследственности, которая оказывает влияние на нынешнее состояние национальной, политической и правовой культуры, определяет общее социально-экономическое состояние страны, устанавливает определенную модель управления. Данные обстоятельства делают необходимым отказ России от механического копирования западных образцов в политической и правовой сферах. Это делает оправданным наличие переходных, далеких от совершенства мер и моделей отношений в государственно-правовой сфере.

Применение международного опыта должно иметь не критический характер, базироваться на четких идейно-политических ориентирах, приводится в соответствие с условиями, традициями и национальными интересами государства. Зарубежный опыт, в первую очередь опыт наиболее развитых стран Запада, весьма многообразен и достаточно противоречив. Главная проблема заключается в определении того, что и как необходимо заимствовать.

Рассмотренные нами примеры не являются исчерпывающим свидетельством того, как правовая культура выступает в роли фактора современных международных отношений [12]. Для развития международного сотрудничества и формирования международного правосознания необходимо уделять должное внимание международному праву, а также иным компонентам правовой культуры.

1. Демидова И. А. Преемственность правовой культуры в контексте правового измерения социальной реальности // Правовые реформы и современные технологии: новые вызовы и новые возможности для государств Кавказского региона : сб. материалов Междунар. юрид. форума, Ставрополь, 26–28 сент. 2024 г. Ставрополь : Параграф, 2024. С. 75–81. [Вернуться к статье](#)

2. Коновалова К. А. Правовая культура как фактор современных международных отношений // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 358–366. [Вернуться к статье](#)

3. Лихачёв В. Н. Россия и международно-правовая культура государств [Электронный ресурс]. URL: <https://politika-magazine.ru/76/217-rossija-i-mezhdunarodno-pravovaja-kultura-gosudarstv.html> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Статут [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/c66/%D0%A5%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%20%D0%9E%D0%91%D0%A1%D0%95.pdf> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Мартышин О. В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4. С. 9–17. [Вернуться к статье](#)

11. Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 841 с. [Вернуться к статье](#)

12. Шипилова А. Д. Правовая культура на международно-правовом уровне. Отраслевое правосознание как элемент развития гражданского общества // Актуальные проблемы рос. права. 2008. № 2 (7). С. 437–449. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Советская теория права до сих пор вызывает интерес у ученых-правоведов, а ряд ее положений сохранил свою актуальность и в настоящее время. Ее создание началось в первые годы советской власти на основе конкуренции различных научных подходов к праву, среди которых наиболее значимыми являлись психологическая и социологическая теории.

Ключевые слова: советская теория права, марксистское учение, позитивизм, психологическая теория права, социологическая теория права.

Annotation. The Soviet theory of law is still of interest to legal scholars, and a number of its provisions have retained their relevance at the present time. Its creation began in the early years of Soviet power based on the competition of various scientific approaches to law, among which the most significant were psychological and sociological theories.

Keywords: Soviet theory of law, Marxist doctrine, positivism, psychological theory of law, sociological theory of law.

Создание советской теории права является одним из главных достижений юридической науки в СССР. Юридический позитивизм, ставший единственной официально признанной точкой зрения на право, получил настолько глубокую доктринальную разработку, что его основные положения до настоящего времени лежат в основе современного научного знания о праве не только в России, но и в ряде других государств, ранее являвшихся республиками Советского Союза.

Использование либеральных подходов к строительству государственно-правовой сферы и увлечение соответствующими взглядами западных идеологов и ученых показало, что они не могут стать прочной основой для развития Российской Федерации как демократического правового государства. Самобытный менталитет многонационального народа России, существование традиционных российских духовно-нравственных ценностей, история возникновения и эволюции отечественной государственности, особенности национальной правовой системы и ряд других причин привели к тому, что, несмотря на активно предпринимавшиеся попытки, западная правовая культура, в том числе правовая доктрина, не были в полной мере восприняты российской юридической наукой.

В этой связи в последние годы в России наблюдается повышенный интерес к изучению различных вопросов, связанных с советским периодом развития государства и права и советской юридической доктриной. Одним из наиболее интересных из них является история разработки советской теории права, создание которой неразрывно связано с процессами, протекавшими в обществе и в ходе государственно-правового строительства в период, начавшийся после Октябрьской революции 1917 г. Главными факторами, обусловившими особенности ее формирования и содержания в первые годы советской власти, стали следующие: 1) ее идейную основу составляло марксистское учение; 2) начала создаваться в тяжелейших условиях Гражданской войны, обострения классовой борьбы, поиска новых способов управления социумом; 3) формировалась одновременно с созданием советского права; 4) ее доктринальные положения сразу же проверялись на практике — реализовывались в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Важной особенностью создания советской теории права стала преемственность в научных исследованиях, проводимых до и после Октябрьской социалистической революции. Это было связано с тем, что к 1917 г. значительное количество русских ученых-правоведов уже разделяло положения марксистского учения, а многие из них принимали активное участие в революционном движении.

При этом следует отметить, что марксистская теория весьма слабо освещала тематику социалистического права, основные ее положения были направлены на критику буржуазных государственно-правовых институтов. В этой связи советским ученым-юристам пришлось самостоятельно разрабатывать доктрину нового права, используя принципиальные положения марксистского учения, на их основе создавая новые и развивая уже сложившиеся направления юридической мысли, при этом отвергая ряд достижений дореволюционной юриспруденции, на тот момент не вписывавшихся в концепцию строительства социалистической государственности.

Важной особенностью первых лет советской власти стало то, что разрабатываемые правовые доктрины получили практическую реализацию в действующем законодательстве Советской России. На основе изучения эффективности правового регулирования и правоприменительной деятельности из нескольких конкурирующих научных подходов к праву был выбран один — позитивизм, который и был воплощен в практике советского строительства.

В связи с невозможностью рассмотрения всех существовавших в первые годы советской власти научных подходов к праву остановимся только на двух из них, первоначально получивших широкое распространение и реализованных

в законодательстве, а позднее поглощенных позитивизмом, — психологической и социологической теории права.

В рассматриваемый период среди советских юристов (как ученых, так и практиков) огромной популярностью пользовался психологический подход к праву. Его автором являлся М. А. Рейснер, развивавший идеи психологической школы права Л. И. Петражицкого [1; 2]. Профессор М. А. Рейснер считал, что, помимо права, установленного государством, существует право, формирующееся народом. Это право имеет классовый характер. Поэтому есть право буржуазии, право пролетариата, право крестьянства. Классовое право возникает интуитивно и существует самостоятельно, независимо от государства до момента, пока этот класс не придет к власти. Тогда он воплощает свое право в законодательстве. Однако в целом право представляет собой объединение на основе компромисса интуитивного права различных классов. Справедливым признается только то законодательство, в основе которого лежит именно такое право. Если же в основе закона лежит право только одного класса, например, буржуазии, то это право несправедливо и подлежит отмене. Поэтому после свержения буржуазного строя и отмены буржуазного права нужно было руководствоваться рабоче-крестьянским правом революционных народных масс, которое представляло собой компромисс между интуитивным правом этих классов.

В первые месяцы советской власти идеи М. А. Рейснера являлись крайне востребованными и были реализованы в законодательстве (Декреты о суде [3]; Положение о народном суде РСФСР 1918 г. [4] и др.) и правоприменительной практике, поскольку в условиях отсутствия норм советского права давали возможность разрешать юридические коллизии на основе революционной (социалистической) совести, революционного (социалистического) правосознания, правосознания трудящихся классов. Однако в последующем в связи с активной правотворческой работой, созданием советского законодательства и формированием на его основе правоприменительной практики актуальность психологического подхода к праву снизилась, как и его роль в теории права.

В. Д. Зорькин, оценивая концепцию М. А. Рейснера, отмечал: «М. Рейснер преувеличил место правосознания в понятии права, фактически отождествил право и правосознание, однако акцентирование психологического аспекта права составляет его несомненную заслугу. Вне этого аспекта понятие права было бы далеко не полным и явно обедненным...» [5, с. 232].

В условиях Гражданской войны широкое распространение приобрел социологический подход к праву. В его рамках, например, П. И. Стучка указывал, что «право — это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной

силой его (т. е. этого класса)» [6, с. 58]. П. И. Стучка рассматривал право как социальное явление, которое меняется под действием классовой борьбы. В его основе лежат общественные отношения, в первую очередь экономические, и классовый интерес. Именно они определяют содержание процесса правообразования, который представляет собой трансформацию общественных отношений под воздействием классовых интересов, их перерастание из локальных, не развитых, в господствующие. Система господствующих общественных отношений и является правом.

Еще одним известным представителем отечественной социологической школы являлся Д. И. Курский. Его важнейшим научным достижением стало обоснование и введение в научный оборот понятия «пролетарское право» [7, с. 83–88]. Главными его особенностями, по мнению автора, стали классовый характер и активная роль советского суда в его создании [8, с. 74–82].

Положения социологического подхода к праву были реализованы в ряде нормативных актов. Особенно ярко они были выражены в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. [9]. Однако впоследствии идеи сторонников данного подхода потеряли свою актуальность. Как и в случае с психологической теорией права, необходимость осуществления нормативного регулирования новых социалистических отношений потребовала создания законодательства, научное осмысление которого в тот период было возможно только в рамках позитивизма.

Таким образом, в первые годы советской власти в теории права разрабатывались различные подходы. Следует отметить сложность стоявших перед отечественными правоведами задач по осмыслению фундаментальных общественных преобразований с точки зрения юриспруденции, а также практическую реализацию высказанных ими идей. Советские ученые-юристы пытались применить марксистскую теорию к процессам практического государственно-правового строительства, развивали ее положения и на этой основе создали свои, оригинальные теоретико-правовые концепции.

1. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л. ; М., 1925. 276 с. [Вернуться к статье](#)

2. Скибина О. А. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого и марксизм в учении М. А. Рейснера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1. С. 163–167. [Вернуться к статье](#)

3. Шпаковский Ю. Г., Потапчук И. В. Декреты о суде № 1, 2, 3 [Электронный ресурс] // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekrety-o-sude-1-2-3/viewer> (дата обращения: 30.01.2025). [Вернуться к статье](#)

4. 30 ноября. Положение ВЦИК о народном суде РСФСР [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10148-30-noyabrya-polozhenie-vtsik-o-narodnom-sude-rsfsr> (дата обращения: 30.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. 270 с. [Вернуться к статье](#)
6. Стучка П. И. Революционная роль права и государства // Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. 748 с. [Вернуться к статье](#)
7. Курский Д. И. Пролетарское право // Избранные статьи и речи. М., 1958. 330 с. [Вернуться к статье](#)
8. Курский Д. И. Новое уголовное право // Избранные статьи и речи. М., 1958. 330 с. [Вернуться к статье](#)
9. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [Электронный ресурс] : постановление Народного комиссариата юстиции Российской Федерации от 12 дек. 1919 г. // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 30.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ИНТЕГРАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВА И ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК УСЛОВИЕ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

В. М. Хомич

Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *Диалектически существует два полюса понимания и взаимодействия права: один полюс права представлен и провозглашен человечеством — это право на свободу слова, право на возмещение вреда, право на образование, право на безопасное сосуществование и т. п.; другой полюс прав — это законы, написанные законодателем, доступные для прочтения и изучения. Задача науки состоит в том, чтобы изучать, как эти два полюса права согласуются и как второй полюс прав обеспечивает реализацию первого полюса прав. При этом следует иметь в виду, что второй полюс прав — это право, уже сформированное, смоделированное и обеспеченное принуждением, находящееся под защитой государственной воли. Однако есть одна закономерность, которая состоит в том, что эффективность второго полюса прав снижается, когда из него уходит договорная часть и усиливается императивно-принуждающая.*

Ключевые слова: право, правовая система, интегративное правовопонимание, базовые правовые ценности, действительное право.

Annotation. *Dialectically, there are two poles of understanding and interaction of law: one pole of law is presented and proclaimed by humanity — this is the right to freedom of speech, the right to compensation for damage, the right to education, the right to safe coexistence, etc. The other pole of rights are laws written by the legislator, available for reading and studying. And the task of science is to study how these two poles of law are consistent and how the second pole of rights ensures the implementation of the first pole of rights. It should be borne in mind that the second pole of rights is a law that has already been formed, modeled and provided by coercion, protected by the will of the state. However, there is one pattern, which is that the effectiveness of the second pole of rights decreases when the contractual part leaves it and the imperative-coercive part is strengthened. Actually, this and related things are described in this publication.*

Keywords: law, legal system, integrative legal understanding, basic legal values, actual law.

Длительность нахождения Республики Беларусь в социально-политических условиях, допускающих внешнее информационное воздействие на общественное сознание идей и взглядов псевдодемократического, ложно-исторического и иного деструктивного характера, оказала разрушительное воздействие на общественное сознание и на состояние правовой системы,

определила неустойчивость и неспособность разрешать социальные противоречия правовыми средствами [1, с. 106–124]. Оказавшись под влиянием новой реальности, общественное сознание далеко не всегда сегодня демонстрирует безоговорочную готовность адекватно воспринимать эту реальность и соответствовать ей, что делает его неоднородным, разрозненным, противоречивым, нестабильным и, как результат, — потенциально высококриминогенным. Непременным следствием происходящих изменений стало отсутствие сколько-нибудь значимого единства в мировоззренческих представлениях относительно номенклатуры и содержания базовых правовых ценностей. Увеличение множества ценностных ориентаций в праве и правопонимании осуществлялось на фоне конкурентной борьбы за человека, но в силу пока неведомых причин мы потеряли ведущую институциональную основу общества — коллективные представления об общем праве, что считается фундаментом построения гуманитарной правовой системы (конструирования объективной социальной реальности) [2, с. 122].

Несмотря на значительные изыскания юридической (мировой и отечественной) науки относительно сути феномена права — его роли в организации и самоорганизации социальных сообществ на принципах добра, равенства, свободы, справедливости и должного стандарта суверенности социальной ответственности каждого и всех членов общества, включая публичную власть, за обеспечение указанных общечеловеческих ценностей, однозначного подхода к определению такого контекста содержательно-функционального понимания права в жизни человеческих сообществ не наблюдается прежде всего в социальных практиках развития человеческой цивилизации. И юридическая наука, следуя в фарватере требований социальных конструкций экономического бытия, стремилась находить и объяснять реальность феномена права и его ценность в жизни общества сообразно его историческому состоянию. И в этом всегда (как и сегодня) была заинтересована публичная власть с момента ее зарождения, прежде всего, с целью обоснования своего права быть сувереном в формировании права и по отношению к себе, и по отношению к обществу. Отсюда понятно и объяснимо, почему за исходную позицию в понимании права тогда и сегодня берут божественную или государственную волю либо пытаются их объединить. Обусловлено это тем, что государство давно монополизировало феномен правопонимания и правообъяснения, равно как и систему правообразования и правоприменения как общесоциальную ценность, применяемую в «общих» интересах.

Наличие сегодня, как и прежде, различных подходов к пониманию права хотя и содействовало выявлению глубинных свойств проявления действительного права на уровне личностной и общественной самоорганизации

человеческого сообщества на условиях и правилах безопасного взаимодействия между людьми, однако не позволяло субъектно и объектно определиться с общечеловеческими истоками, приоритетами и уровнем социально ценностной ориентации правового регулирования. О том, что право своим содержанием (правилами, дозволениями, обязыванием, запретами и т. п.) выражало и выражает поныне волю господствующего класса и что в классических и постклассических формах эту преобразованную в право волю формирует и выражает государственная власть, всем хорошо известно и общепринято. Но со времен Манифеста, о котором мы почему-то забываем, было провозглашено, что *право — это не только воля господствующего класса*, и человечеству хотелось бы, чтобы право выражало и волю людей, народа, граждан государства через систему сбалансированных обществом и подконтрольных ему публичных отношений. Известный белорусский теоретик права С. Е. Данилюк, ссылаясь на античного философа Протогора, который провозгласил человека мерой всех вещей, и, исходя из антропологической трактовки меры, заключает, что именно человек является *главным и единственным определителем меры* всего сущего и действительного, в том числе законодательства [3, с. 78]. Хорошо, если бы речь шла о правовой позиции, согласно которой человек (народ) является пусть и не единственным, но приоритетно равным в определении меры действительного права в законодательстве. Но далее автор, обращаясь к действительно сложной цивилизационно-правовой проблеме — поиску правовой соразмерности в необходимости ограничения прав и свобод человека политико-организованным обществом в целях его безопасного существования, полагает, что ограничения допустимы, *если* предусмотрены законом, *если* преследуют правомерную цель и *если* необходимы в демократическом обществе [3, с. 78]. Каждое из этих «если» не выражает само по себе наличие правовой мерности (правовой законности) установленных в законодательстве ограничений прав и свобод человека, если нет в этом правовой определенности в их необходимости с позиции общесоциальной безопасности человека и гражданина — для чего и для обеспечения каких и (или) чьих интересов они устанавливаются.

Неопределенность правовой мерности законодательства (позитивного права, то есть права, формируемого государством) исторически обусловлена и обременяется давно утвердившимся теоретическим положением о том, что право — это неотъемлемый институт государства и оно всегда вторично. Между тем право есть, прежде всего, естественный результат развития человечества, человеческой цивилизации, обусловленный объективной закономерностью объединения людей в человеческие сообщества для совместной деятельности и обеспечения безопасного существования и выживания посредством

определения согласованных нормативов безопасного поведения и взаимодействия между членами сообщества. Право как социально-культурный и *автономный* феномен человеческого сообщества сформировалось до появления публично организованных в государство человеческих цивилизаций.

Полагаем, что право в социально и политически организованном обществе интегрально и предназначено (должно быть предназначено) для общего блага социального бытия человека, а правовая мерность позитивного права (законодательства) должна определяться уровнем нормативно-правового обеспечения общечеловеческих ценностей, неотъемлемых прав и свобод человека в единстве с его обязанностями и ответственностью в контексте общественно-исторического и прогрессивного развития человечества. Поэтому, по нашему мнению, исходным в понимании сути, смысла и предназначения права является такое понимание права и правового закона, которое вынуждает и обязывает государство (законодателя и всю систему государственного управления и административного властвования) подчиняться и выполнять требования социально сбалансированного приоритета общечеловеческих правовых ценностей (права на равенство, права на безопасную для других, общества и государства свободу распоряжаться собственной свободой, право на гарантированную государством справедливую защиту судом и в суде своего права, в том числе нарушенного системой государственного управления и публично-властного нормирования).

Сегодня давно утвердившимся историческим фактом является то, что право с появлением государства формировалось и формируется государством и рассматривается им как правовой инструмент (к сожалению, только как *инструмент*) государственного управления, к тому же потенциально принуждающего характера. Тезис о том, что право является инструментом и не может командовать государством — создателем права — вот давнее социально-историческое противоречие прошлых и современных правовых систем. Государства исторически давно, с момента их появления в форме организованной публичной власти над обществом, монополизировали на так называемой патерналистской основе право на формирование объективного (позитивного) права с позиций властного господства и продолжают пользоваться этим монопольным правом с тех же позиций и с той же интенсивностью. Как результат такой правовой политики — наблюдаемое циклически то ослабевающее, то усиливающее отчуждение человека от государственно-правового пространства регулирования и его результатов, возрастающая конфликтность и напряженность в правовой и деловой коммуникации граждан между собой, с обществом и государством [4, с. 5–19; 5, с. 5–13]. Появляется состояние социальной неустойчивости и необеспеченности безопасности общественного бытия людей и

поддержания устойчивого правопорядка, а отсюда и кризис доверия к политическим институтам государственности и их решениям. В таких условиях со стороны государства усиливается принуждающий потенциал в правовом регулировании и обеспечении стабильного правопорядка. Это связано с отсутствием единой системы ценностей в обществе, посредством которых трактуются социальные практики правопорядка и в которых воспроизводится правовая система социума. Его (правопорядок), как отмечает И. Л. Честнов, «образуют субъекты права, их взаимодействия и правовые фреймы», «наиболее сложными проблемами являются определение интересов субъектов правопорядка и его легитимности», то есть «механизм воспроизводства правопорядка», который «включает стадии экстернализации, объективации, селекции и легитимации» [6, с. 16–21].

Право, формируемое государством, выполняет и способно выполнять важную позитивную роль в деятельности политически организованного сообщества людей при условии, что оно, контролируя гражданское общество, одновременно легитимируется им и тем самым воздействует и на создателя права (законодательную и исполнительную власть), обязывая ее гарантированно соблюдать правовую (общесоциальную) мерность и гармонию в обеспечении и защите человеческого потенциала государственных образований. Право изначально задумывалось и потенциально формировалось условиях и с целью сохранения возможности управлять и контролировать самого создателя права. И эта функция должна обеспечиваться государством и должна быть возложена на правосудную власть (судебную власть). Она и только она имеет право распоряжаться делами о соблюдении законодательной и исполнительной властью верховенства права и правовой общесоциальной мерности в системе правового регулирования и правоприменения законодательства, рассматривать споры о правовой мерности законодательных норм (по традиционной терминологии — о конституционности законодательных актов), выносить решения по таким спорам правоустанавливающие или правоизменяющие решения, обязательные для субъектов как частно-правовых, так и публично-правовых отношений. Действительное право наделяет и не может не наделять судебную власть соответственно полномочиями и компетенциями контролировать законодателя и исполнительную власть и при необходимости интегрировать в законодательство или в его применение правовые позиции [7, с. 6–7]. Задача органов государственного управления и суда (судебной власти) — служить усилению права, а не практиковать регулятивно-управляемое и принудительно-правовое воздействие, которое не имеет никакого отношения к действительному праву. При этом никто не должен питать иллюзий по поводу необходимости силового обеспечения правовых по содержанию и целеполаганию предписаний.

Принцип «воздавать каждому свое» — это тоже право из арсенала средств принуждения к действительному праву.

В своих изысканиях сущностных основ права и, в частности, *уяснения сущности права* в уголовном праве исходим из интегративной концепции или теории понимания права, что, однако, не означает отрицания значимости в познании права иных классических и постклассических теорий правопонимания. В силу универсального свойства интегративное правопонимание объединяет различные подходы в отношении понимания сущности и предназначения права как социально-культурной ценности человечества, раскрывая антропологическое и аксиологическое соотношение права и морали, закона и права, правовых и иных социальных норм и, конечно, экономики и права. На состоявшемся в феврале 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации круглом столе «Интегративное понимание права» В. В. Лазарев дал такое общее определение интегративному праву: «Право — это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом». Практическая ценность такого определения, по его мнению, состоит в том, что оно дает возможность достаточно определенно сказать, что является правом в том или другом сообществе людей в данное время. Это определение отражает реалии и тем самым претендует на то, чтобы право в конкретный исторический период определялось с учетом того, насколько оно служило и служит интересам участников правовых отношений. Оно снимает противоречивость разных суждений о праве. Нормативы права могут устанавливаться не только в нормативных актах, но и вырабатываться в индивидуальных решениях и коллективных коммуникациях людей. Важно, чтобы они (нормативы) по своему содержанию отражали формальные требования равенства и справедливости и были легитимированы (признаны) публичной властью, например, судебной, чем обеспечивается и возможность государственного принуждения к несоблюдающим нормативы права. Социальная оценка прав и обязанностей участников правового общения не сводится только к общему признанию взаимосвязи и единства трех или более его атрибутов в виде свободы, равенства и справедливости, а представляет собой воплощение требований соблюдения определенной ответственной свободы, ответственного равенства и ответственной законной справедливости.

В объективном смысле право призвано определять правомерное поведение людей, которое, как и противоправное поведение, проявляется через конфликты участников общественных отношений путем их бесконфликтного предупреждения и разрешения. Вопрос состоит в том, реализует ли современное

позитивное право (право, утверждаемое государством) указанную социальную функцию. По большому счету — да, поскольку правовые акты публичной власти всегда легитимны, во всяком случае они так воспринимаются. В свою очередь, в контексте права они далеко не совершенны, поскольку всегда позиционируют приоритет безопасности интересов государства, а не конкретного человека с его неотчуждаемыми правами на достойную жизнь в обществе.

-
1. Дамаскин О. В. Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 106–124. [Вернуться к статье](#)
 2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Данилюк С. Е. Право как выражение универсальной меры регулирования: теоретико-конституциональные аспекты // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2022. № 3. С. 76–100. [Вернуться к статье](#)
 4. Агамиров К. В. Правовое отчуждение государств — участников Евразийской интеграции от гражданских обществ своих стран в контексте проблемы справедливости // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 5–19. [Вернуться к статье](#)
 5. Честнов И. Л. Модернизация права в постсовременном обществе: смена парадигмы // Журн. рос. права. 2021. С. 5–13. [Вернуться к статье](#)
 6. Честнов И. Л. Правовый порядок в ситуации постмодерна // Вестн. Акад. права и управления. 2017. № 3 (48). С. 16–21. [Вернуться к статье](#)
 7. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 5–18. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.12

ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЯ

Е. И. Шабалина

Белгородский университет кооперации, экономики и права,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуется правовое понимание эффективности контроля с учетом достижений советской и современной юридической науки.

Ключевые слова: эффективность контроля, результат, действие, цель.

Annotation. The article examines the legal understanding of the effectiveness of control, taking into account the achievements of Soviet and modern legal science.

Keywords: effectiveness of control, result, action, goal.

Эффективность контроля как научная категория исследуется длительный период в рамках различных отраслей научного познания.

Понятие «эффективность» определяется как производное от термина «эффект», соответственно, «эффективный» — дающий эффект, где эффект понимается как впечатление, производимое кем-чем-нибудь на кого-нибудь; действие как результат чего-нибудь, следствие чего-нибудь; средство, с помощью которого создается какое-нибудь впечатление [1, с. 910].

Эффективность контроля как научная категория не имеет единообразного понимания, трактуется исследователями в зависимости от собственной мировоззренческой концепции, а также целей и задач исследования.

В. П. Тимохов в статье «Историко-правовой генезис понятия “эффективность”» проводит глубокий анализ историографии понимания эффективности в юриспруденции. Так, в отечественной юридической науке научный анализ тех или иных правовых институтов с помощью термина «эффективность» стали осуществлять с конца 50-х гг. прошлого столетия [2, с. 345]. В советской теории права эффективность полностью или частично отождествлялась с оптимальностью, правильностью и обоснованностью норм права [3]. Такую позицию занимают Д. А. Керимов [4], М. П. Лебедев [5], А. С. Пашков [6], М. Д. Шаргородский [7]. Ф. Н. Фаткуллин и Л. Д. Чулюкин рассматривают эффективность как внутреннее свойство правовых норм, как их способность оказывать благоприятное воздействие на объект в заданном направлении [8].

Е. В. Шорина отмечает, что, когда рассматривают вопрос об эффективности любой общественной деятельности, прежде всего имеют в виду адекватность достигнутых в процессе ее осуществления положительных результатов намеченным целям, степень приближения результата к цели с одновременным

учетом произведенных затрат (времени, материальных и денежных средств, трудовых ресурсов и т. д.) [9, с. 279].

М. П. Лебедев, формулируя определение понятия эффективности государственного решения, считает главными компонентами цель, средства и достигнутый результат, т. е. эффективным можно считать такое решение или мероприятие, результат которого приближается к намеченной цели при затрате минимально возможных в данных условиях средств (ресурсов, времени, энергии и т. п.) [10, с. 194].

Е. Ю. Жарова определяет эффективность контроля как соотношения между результатом его действия и поставленной социальной целью [11, с. 188].

А. М. Тарасов считает, что «эффективный контроль» включает в себя позитивное организующее воздействие контроля на организацию работы в подконтрольном субъекте управления, на улучшение результатов его работы в связи с принятием целенаправленных организационно-практических мер со стороны руководства органа, подвергнувшегося проверке [12, с. 142].

Из имеющегося многообразия понимания эффективности контроля выделим тезисы, отражающие сущность категории «эффективность контроля». По нашему мнению, к ним следует относить:

- эффективность контролирующих субъектов в лице органов и должностных лиц;
- эффективность контрольного процесса при выработке и реализации конкретных управленческих решений;
- эффективность контрольных процедур, форм и методов;
- эффективность всей системы контроля с учетом иерархии, включая общественный контроль.

Указанную последовательность целесообразно рассматривать по нарастающему итогу.

Принимая во внимание взаимосвязь указанных тезисов, формирующих единство контроля, исследование указанной совокупности позволит сформулировать юридическое определение понятия «эффективность контроля».

Эффективность контроля целесообразно рассматривать как собирательное явление, основанное на философском, юридическом, социологическом и экономическом научных представлениях. В указанном ключе эффективность контроля рассматриваем как соотношение достигнутого контролирующим органом или контролирующим лицом результата и стоящей перед ними цели, достижение этой цели (считаем, что цель контроля определена корректно и верно) с наименьшими затратами времени, сил и средств.

Полагаем, что эффективность контроля — это свойство действия качественных правовых решений, основанное на индивидуализации

телеологических установок, по степени достижения которых можно судить об эффективности функционирования всего государственного механизма.

С учетом систематизации имеющихся научных достижений в исследовании контроля полагаем, что к ключевым условиям его эффективности следует относить принципы, через которые и раскрываются условия его эффективности. По нашему мнению, к ним относятся:

- достоверность и опережающее отражение действительности как аспекты познавательного процесса, направленного на обнаружение действий и событий, требующих корректировки;
- объективность отражения государственно-правовых и социальных интересов в балансе «весомости», поскольку интерес выступает движущей силой любого решения;
- непрерывность развития, обеспечивающая правопреемственность каждого последующего этапа, с целью сохранения и обеспечения устойчивости юридических процедур, юридических традиций и национально-правового менталитета [13, с. 42–48];
- системность правового регулирования контроля, обеспечивающая согласованное или одновременное развитие разных отраслей и институтов законодательства на основании комплексного сочетания различных способов правового воздействия (норм, процедур, органов) с целью обеспечения баланса публичного и частного права и соответствующих методов императивно-властного или договорно-дозволительного регулирования [14, с. 7];
- обоснованность выбора юридических формул поведения и деятельности контролирующих органов, выраженных в конкретной юридической форме в соответствии с действующими нормативными правовыми актами;
- процедурно-регламентированное регулирование, обеспечивающее функционально-целевой характер, ориентированное на достижение конечного результата контроля;
- цифровизация с целью автоматизированного учета заданий, задач и сроков их реализации.

Таким образом, условием эффективности контроля является его результативность, выражающаяся в корректировке деятельности подконтрольных субъектов и объектов в форме усовершенствования функционирования и выявления отклонений от заданных параметров.

В условиях современной правовой действительности правовыми ориентирами, определяющими эффективность контроля, являются Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [15], Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной

безопасности Российской Федерации» [16], распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 мая 2016 г. № 934-р «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности» [17], Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 г. № 12) [18], а также отдельные постановления Правительства Российской Федерации и профильных министерств по видам контроля в рамках отдельных сфер правового регулирования.

В актуальную эмпирическую составляющую эффективности контроля в включаем и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [16]. Контроль в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации упоминается 18 раз, в том числе в рамках достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности путем реализации государственной политики, направленной на решение задач по:

1) совершенствованию механизмов пограничного, таможенного, санитарно-эпидемиологического и иных видов контроля; системы государственного контроля (надзора) в сфере экономической деятельности; контроля за иностранными инвестициями в стратегически значимые сектора российской экономики;

2) усилению контроля за миграционными потоками, контроля над вооружениями;

3) повышению доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, совершенствованию системы общественного контроля, включая контроль в сфере охраны окружающей среды; защищенности и устойчивости функционирования единой сети электросвязи Российской Федерации, российского сегмента сети Интернет, иных значимых объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также недопущение иностранного контроля за их функционированием;

4) развитию системы контроля за соблюдением экологических нормативов и природоохранных требований хозяйствующими субъектами;

5) обеспечению контроля качества выполнения государственного заказа на проведение научных исследований, публикацию научно-популярных материалов, создание произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной, видео- и интернет-продукции, оказание услуг, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры, защиту исторической правды и сохранение

исторической памяти; усилению контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка [16].

Обобщая имеющийся исторический опыт, современный законодатель установил, что оценка результативности и эффективности деятельности контрольных органов осуществляется по каждому виду контроля на основе системы показателей результативности и эффективности государственного контроля, муниципального контроля [15]. Порядок организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в соответствующей сфере деятельности по общему правилу устанавливается положением о виде федерального государственного контроля (надзора), которое утверждается Президентом или Правительством Российской Федерации [19].

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1990. 921 с. [Вернуться к статье](#)

2. Тимохов В. П. Историко-правовой генезис понятия «эффективность» // Вестн. Мурм. гос. техн. ун-та. 2003. № 2. С. 344–353. [Вернуться к статье](#)

3. Эффективность действия правовых норм / А. С. Пашков [и др.] ; редкол.: А. С. Пашков (отв. ред.) ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; Науч.-исслед. ин-т комплексных социальных исследований. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 143 с. [Вернуться к статье](#)

4. Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М. : Госюриздат, 1960. 223 с. [Вернуться к статье](#)

5. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Совет. государство и право. 1963. № 1. С. 22–31. [Вернуться к статье](#)

6. Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Совет. государство и право. 1965. № 8. С. 3–11. [Вернуться к статье](#)

7. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 160 с. [Вернуться к статье](#)

8. Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / науч. ред. В. П. Малков. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. 119 с. [Вернуться к статье](#)

9. Шорина Е. В. Теоретические проблемы контроля за деятельностью государственных органов в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук / Акад. наук СССР ордена Трудового Красного Знамени, Ин-т государства и права. М., 1978. 382 с. [Вернуться к статье](#)

10. Лебедев М. П. Государственное решение в системе управления социалистическим обществом. М. : Юрид. лит., 1974. 296 с. [Вернуться к статье](#)

11. Жарова Е. Ю. Программа как юридический документ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2006. 234 с. [Вернуться к статье](#)

12. Тарасов А. М. К вопросу об эффективности государственного контроля // Тр. Акад. упр. МВД России. 2020. № 3 (55). С. 140–147. [Вернуться к статье](#)
13. Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журн. рос. права. 2007. № 7. С. 42–48. [Вернуться к статье](#)
14. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона и мониторинг. М. : Изд-во РАГС, 2011. 54 с. [Вернуться к статье](#)
15. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 июля 2020 г., № 248-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2024 г. № 540-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
16. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
17. Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 17 мая 2016 г., № 934-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
18. Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 г. № 12) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
19. Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.128

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА»
И «ДИКТАТУРЫ ПАРТИИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В. И. ЛЕНИНА**

Д. В. Щербик

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В публикации исследуется развитие взглядов лидера большевиков В. И. Ленина касательно вопроса установления «диктатуры пролетариата», соотношения «диктатуры пролетариата» и «диктатуры партии». Рассматриваются представления В. И. Ленина о взаимодействии партии с государственными органами и профессиональными общественными организациями в сфере осуществления власти.

Ключевые слова: диктатура пролетариата, коммунистическая партия, диктатура партии.

Annotation. The publication examines the development of the views of the Bolshevik leader V. I. Lenin on the issue of establishing the «dictatorship of the proletariat», the relationship of the «dictatorship of the proletariat» and the «dictatorship of the party». Lenin's views on the interaction of the party with state bodies and professional public organizations in the sphere of exercising power are considered.

Keywords: dictatorship of the proletariat, communist party, dictatorship of the party.

Объяснение проблемы соотношения и взаимодействия партийной и государственной власти в СССР обнаруживается в идейных установках лидеров Советского государства по вопросу соотношения «диктатуры пролетариата» и «диктатуры партии».

Прежде всего следует указать, что марксизм берет свои истоки в идеях эпохи Просвещения, которая, поставив задачи просвещения населения и обеспечения эффективности просвещенного правления, тем самым имманентно включала в себя мысль об иерархической организации власти. Просвещенные правители, соответственно, должны были просвещать народ и реорганизовывать, избавляясь от средневековых пережитков, государство. Восприятие данного подхода, хоть и модифицированного гегельянским диалектическим процессом самоосознания и высвобождения человечества, перенято и марксизмом.

К. Маркс и Ф. Энгельс, связывая высвобождение человека, преодоление им социального и трудового отчуждения с построением общества, в котором обеспечивается централизованное рациональное планирование, тем самым закладывали проблему иерархического построения будущего общества

коммунизма, решить которую они считали возможным через объективность и научность планирования и демократичность формирования центра планирования. Данный риск диктатуры центра управления отмечался в свое время П.-Ж. Прудоном, М. А. Бакуниным и другими представителями антиавторитарного социализма [1]. Еще один аспект необходимости управления постреволюционным обществом из единого центра вытекал из необходимости самой революции и революционного переустройства. Классики марксизма в целом склонялись к необходимости диктатуры пролетариата как способа переустройства общества, отмечая при этом некоторую вероятность перехода к социализму и без диктатуры в таких развитых государствах, как Англия. При этом диктатура пролетариата понималась ими как диктатура передового большинства в лице класса пролетариата в отношении сопротивляющегося меньшинства реакционного класса буржуазии.

В ходе Октябрьской революции вопрос диктатуры пролетариата встал перед руководством большевиков ввиду конфликта с иными левыми партиями, нежелающими признавать главенство первых в руководстве страной (что стало еще более очевидно и актуально после роспуска Учредительного собрания и мятежа левых эсеров в начале 1918 г.), а равно в условиях продолжающейся Гражданской войны. В. И. Ленин уже в 1917 г. в своем труде «Государство и революция» [2], а затем и в 1918 г. в трактате «Пролетарская революция и ренегат Каутский» [3] обосновывает необходимость диктатуры пролетариата важностью борьбы с сопротивляющейся буржуазией. Четкого указания на формы реализации данной диктатуры, в отличие от указания на обязательные для ее функционирования конкретные задачи, он не делает, отмечая лишь в общих словах роль в ее осуществлении рабочей партии: «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [2, с. 26].

Нарастание сопротивления политике большевиков и разрухи при возникновении рассогласованности действия Советов, профсоюзов привело к необходимости ужесточения политики, введения реальной диктатуры, а равно ее осмысления с позиций реалий времени и согласования с марксистской теорией. Особенно остро сложилась ситуация в сфере железнодорожного транспорта, которую Совет народных комиссаров (далее — СНК) вынужден был разрешить принятием Декрета «О централизации управления, охране дорог и повышении их правозоспособности», в котором по инициативе В. И. Ленина Народному комиссару путей сообщения, а также выбранным в железнодорожных центрах и

ответственным перед народным комиссаром лицам были переданы фактически диктаторские полномочия в данной области [4]. За Коллегией Народного комиссариата путей сообщения, сформированной Всероссийским железнодорожным съездом и утвержденной СНК и Всероссийским центральным исполнительным комитетом, оставалось лишь право обжаловать действия Народного комиссара в СНК [5].

В начале 1918 г. В. И. Ленин пишет трактат «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент», который после обсуждения на заседании Центрального комитета партии 26 апреля 1918 г. публикуется в виде брошюры под названием «Очередные задачи Советской власти». В нем вождь большевиков осмысляет практику диктатуры, отмечая, что, кроме сопротивления буржуазии, диктатура пролетариата вынуждена преодолевать и «хаос» мелкобуржуазных колебаний и метаний, проявления «элементов разложения» в форме «увеличения преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода» [4, с. 195]. В. И. Ленин повторяет тезисы про необходимость диктатуры пролетариата, отмечает ее демократический характер, а также указывает, что специфика момента может требовать «единоличной диктаторской власти», при этом фактически прямо указывая, что марксистский проект построения индустриального общества объективно требует этого: «Всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли* [курсив наш. — Д. Щ.], направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного» [4, с. 200]. Далее он отмечает, что единоличное управление может выступать как в форме «дирижизма», при идеальной сознательности и дисциплине, так и в форме «диктаторства» при отсутствии оной. Именно воспитание повседневной трудовой дисциплины становится для большевиков, по его мнению, насущной задачей будущего: «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* [курсив наш. — Д. Щ.] — воле одного лица, советского руководителя, во время труда» [4, с. 203].

К 1920 г. реализация большевиками практики диктатуры пролетариата столкнулась с обвинениями в ее подмене диктатурой партии (К. Каутский, меньшевики, эсеры и др.). Так, К. Каутский критике большевистской политики по установлению диктатуры, подавлению демократических форм, практике

террора посвятил целый трактат под названием «Терроризм и коммунизм» (1919) [6].

В этом же году В. И. Ленин в своей работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме. Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике», обращаясь в первую очередь к зарубежным марксистам, следующим образом описал «механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный “сверху”, с точки зрения практики осуществления диктатуры»: «Диктатуру пролетариата осуществляет коммунистическая партия большевиков... Партией, собирающей ежегодные съезды... руководит выборный на съезде Центр. Комитет из 19 человек, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым “Оргбюро” (Организационному бюро) и “Политбюро” (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро... Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии... Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы... Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального все-российского центра или бюро... состоят из коммунистов и проводят все директивы партии» [7, с. 30–31]. Кроме этого, партия использует беспартийные рабочие и крестьянские конференции, чтобы следить за настроением масс, а также работа партии идет через Советы: «Через уездные съезды Советов, а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.» [7, с. 32].

Однако в 1920 г. по вопросам стратегии дальнейшего развития, в том числе взаимодействия партии и профсоюзов, Советов и т. д., в РКП(Б) назрел конфликт и партия стояла на грани раскола. В результате на X съезде была принята разработанная В. И. Лениным резолюция «О единстве партии», которая запрещала создание в партии фракций и групп [8]. Именно в это время усиливаются процессы по обеспечению централизации партии, обеспечению ее единства как командного штаба.

Таким образом, очевидно, что идейные установки В. И. Ленина и в целом большевиков изначально имели потенциал, а затем в перипетиях в период и после Гражданской войны прямо предусматривали создание иерархической системы власти, в которой централизованная партия осуществляет прямое управление всей системой государственных и общественных органов в целях

построения социалистического централизованного общества как первого этапа на пути перехода к коммунизму, когда централизация планирования и управления станет естественной и перестанет требовать политического принуждения со стороны партии и государственного аппарата. Данные установки, а не «злая» воля руководства партии («вождей») обусловили постепенное выстраивание системы власти, в которой «выдисциплинированные» представительные (ВЦИК, система Советов) и управленческие органы (СНК) признавали руководство партии, фактически происходило тесное слияние партийного аппарата государства.

-
1. Шубин А. В. Социализм. «Золотой век». Теории. М. : Новое литератур. обозрение, 2007. 744 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений : [в 55 т]. Изд. 5-е. М. : Изд. полит. лит., 1969. Т. 33. Государство и революция. С. 1–120. [Вернуться к статье](#)
 3. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. М. : Политиздат, 1987. 117 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений : [в 55 т]. Изд. 5-е. М. : Изд. полит. лит., 1969. Т. 36. Март – июль 1918. С. 165–208. [Вернуться к статье](#)
 5. № 395. Декрет Совета Народных Комиссаров. О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности [Электронный ресурс] // Исторические Материалы : [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/29136> (дата обращения: 06.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 6. Каутский К. Терроризм и коммунизм : пер. с нем. Берлин : Т-во И. П. Ладъжникова, 1919. 227 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике // Полное собрание сочинений : [в 55 т]. Изд. 5-е. М. : Изд. полит. лит., 1981. Т. 41. Май – ноябрь 1920. С. 1–104. [Вернуться к статье](#)
 8. О единстве партии. Резолюция X съезда РКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/99896#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 06.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.962

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. Ярмоц

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье указывается на господствующий долгое время в современной юриспруденции узкий (этактистский) подход к пониманию судебной деятельности. Указывается на несовершенство такого подхода в методологическом плане. Демонстрируется целесообразность рассмотрения судебной деятельности с позиций социологического подхода в контексте постклассической теории правопонимания.

Ключевые слова: судебная деятельность, судебная власть, социологический подход, правопонимание, социальный конфликт, ценность правосудия.

Annotation. The article points to the narrow (etastistic) approach to the understanding of judicial activity prevailing for a long time in modern jurisprudence. It points out the imperfection of such an approach in terms of methodology. The article demonstrates the expediency of considering judicial activity from the standpoint of sociological approach in the context of post-classical theory of legal understanding.

Keywords: judicial activity, judicial power, sociological approach, legal understanding, social conflict, value of justice.

После распада СССР и обретения Республикой Беларусь своей независимости в периодической литературе и текстах нормативных правовых актов прочно закрепилось «юридическое реноме» всего, что связано с судебной деятельностью. Следует отметить, что данное положение дел во многом связано с концепцией единовластия, доминировавшей в период советской государственности, согласно которой судебная власть не рассматривалась в качестве самостоятельной. Фактически осуществляемая и юридически закреплённая возможность участия населения в деятельности суда по осуществлению правосудия, введение института народных заседателей, образование и функционирование народных и товарищеских судов не являлось тем не менее основанием для выделения социально-философского содержания судебной власти. Считалось, что судебная деятельность опосредуется в первую очередь через юрико-правовые отношения в обществе. Соответственно, ее инструментально-исследовательское поле также находится в области юриспруденции [1, с. 21].

В последнее десятилетие появилось немалое количество публикаций и исследований, рассматривающих судебную деятельность вне рамок

привычного, этатистского подхода. Как правило, исследователи увязывают судебную деятельность с социологическим подходом в юриспруденции, что вполне логично, учитывая исторические предпосылки возникновения государства и права. В контексте исследования социологического направления в праве наибольший интерес представляет взаимодействие юридической науки с науками социально-гуманитарного цикла, такими как социология, философия, культурология, этика, эстетика, антропология и т. п.

В современной литературе по теории государства и права выделяют так называемое постклассическое правопонимание, основанное на множественности модусов бытия права, его исторической и социокультурной обусловленности. Именно односторонность классических теорий правопонимания является их слабой стороной: каждая из этих теорий по-своему абсолютно верно интерпретировала право, но делала это односторонне. Именно абсолютизация одной из сторон права служит визитной карточкой «вчерашнего» правопонимания [2, с. 73].

Право с позиций постклассического правопонимания не является статичным, а представляет собой непрерывную деятельность по конструированию норм права и их воспроизводству юридически значимыми практиками. Поэтому право нельзя рассматривать как нечто статичное и материальное, неизменно самотождественное [3, с. 36–37]. Процесс правообразования представляет собой придание властью юридического значения (соответствующей формы права) некоторым социальным явлениям и процессам. Поэтому правовыми можно назвать политические, экономические и иные социальные отношения, которым придано юридическое значение. В этом смысле нет чисто правовых явлений, которые бы существовали вне социума, культуры, политики, экономики и т. п.

По словам В. Н. Бибило, в общей теории права «наметился такой подход к анализу правовых явлений, при котором в качестве исходной методологической категории выступает понятие “социальное регулирование”» [4, с. 23]. В. Н. Бибило, к слову сказать, стала первым ученым в суверенной Беларуси, осуществившим фундаментальное исследование социально-правовой природы правосудия по уголовным делам. Помимо нее, о необходимости расширительного понимания судебной деятельности говорит Е. В. Богданов [5, с. 39], И. Л. Петрухин [6] и др.

Исследование общественных отношений, связанных с осуществлением судебной деятельности, в настоящее время не может основываться исключительно на инструментарии юридической науки. Несмотря на то, что организация и деятельность судебной власти, судебной системы Республики Беларусь и правосудия регулируются исключительно нормативными правовыми актами государства (Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь

о судоустройстве и статусе судей, соответствующие процессуальные кодексы [7; 8]); судьи Республики Беларусь являются государственными служащими; финансирование судебной системы осуществляется за счет средств республиканского бюджета; иные формы осуществления правосудия, помимо законодательно предусмотренных, а также органы, их осуществляющие, не признаются государственными судебными органами и не входят в судебную систему Республики Беларусь (деятельность Международного арбитражного суда), судебная деятельность органически связана с общественным началом.

Предположение об исключительной государственной природе судебной деятельности является оспоримым. По справедливому замечанию И. Л. Честнова, исторические предпосылки самого государства и права необходимо искать в возникновении общества, которое представляет собой главную посылку, а также в механизмах перехода общества от одного состояния к другому [9, с. 14–15]. Так, значимые представители современной политической антропологии утверждают, что политическая организация общества и право являются универсальными социальными явлениями, изначально присущими обществу. В ходе эволюции изменяется лишь степень зрелости права, но не его сущность [10; 11]. Государство и право возникают одновременно с зарождением человеческого общества в виде древнейших органов самоуправления и социальных норм и затем эволюционируют вместе с обществом к развитому современному государству и праву [9, с. 15].

Ядро судебной деятельности образует деятельность суда по разрешению юридического конфликта, который, как известно, является разновидностью социального конфликта. Деятельность по разрешению социальных конфликтов существовала до формирования государственно-подобных образований и возникновения официального права как одного из регуляторов общественных отношений. Э. Аннерс, к примеру, процедуру разрешения межобщинных конфликтов называет примирительным правом родового строя [12, с. 10–20]. Таким образом, в древние времена существовала деятельность по разрешению конфликтов, и сущностная природа этой деятельности остается неизменной до сих пор. И. Л. Честнов заключает, что государство и право возникли в том числе в качестве адаптивной функции социума, как средство включения каждого отдельного индивида в социальное целое, прежде всего с целью подавления его агрессии [9, с. 15].

Сужение социально-философского содержания судебной власти ведет к системным проблемам, связанным с ценностью судебной власти как социального института [13, с. 101]. Социально-правовую ценность правосудия образует совокупность социальных и правовых характеристик, демонстрирующих его роль и значимость для каждого индивидуума, общества и государства.

Ценность правосудия для граждан состоит в защите прав и свобод, гарантированных государством; для общества — в регулировании и разрешении социальных конфликтов в соответствии с законодательными актами; для государства — в стабилизирующем действии судебной власти, основанной на демократических началах [14, с. 14]. Ведь суды, помимо отправления правосудия, осуществляют функцию судебного контроля: «Судебная власть как одна из ветвей государственной власти есть прежде всего средство управления обществом» [15, с. 10].

С точки зрения социологической школы права судебная деятельность — это не просто применение норм, а сложный социальный процесс, который формируется под влиянием общественных отношений, ценностей и практик. Суды играют ключевую роль в адаптации права к изменяющимся условиям жизни общества, обеспечении социальной справедливости и укреплении доверия к правовой системе. Этот подход подчеркивает, что право и судебная деятельность должны быть гибкими, учитывать социальный контекст и быть направленными на удовлетворение потребностей общества относительно всего, что касается его взаимодействия с судебной властью.

Социологические начала в судебной деятельности призваны объяснить взаимоотношения между правом и различными социальными структурами, социальными институтами, культурой, идеологиями и ценностями [16], что образует значительный исследовательский потенциал в данном направлении.

-
1. Цыганаш В. Н. Судебная власть в российском обществе: концептуальное обоснование и способ социального функционирования : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2011. 54 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание : избр. тр. СПб. : Алеф-пресс, 2014. 575 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Варга Ч. Загадка права и правового мышления / пер. с англ. и венг. ; сост. и науч. ред. М. В. Антонова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 395 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Бибило В. Н. Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1995. 252 л. [Вернуться к статье](#)
 5. Богданов Е. В. Судебная власть как публичный феномен // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило [и др.]. Минск, 2002. Вып. 12. С. 39–49. [Вернуться к статье](#)
 6. Петрухин И. Л. Судебная власть [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: <https://old.bigenc.ru/text/5033147> (дата обращения: 18.11.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 7. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. от 17.07.2023 г. № 285-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
9. Честнов И. Л. Теория государства и права : учеб. М. : ИНФРА-М, 2020. 233 с. [Вернуться к статье](#)
10. Hoebel E. A. The Law of Primitive Man. A study in Comparative Legal Dinamics. Cambridge, 1954. 372 p. [Вернуться к статье](#)
11. Pospisil L. J. Antropology of Law. A comparative Theory. N. Y., 1971. 276 p. [Вернуться к статье](#)
12. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. М. А. Исаева. М. : Наука, 1994. 397 с. [Вернуться к статье](#)
13. Цыганаш В. Н., Бровко Н. В. Социально-правовое определение феномена судебной власти // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 98–101. [Вернуться к статье](#)
14. Телегина В. А. Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Владим. юрид. ин-т ФСИН России. Саратов, 2006. 26 с. [Вернуться к статье](#)
15. Пономаренко Е. В. Роль судебной власти в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Рос. судья. 2005. № 4. С. 10–12. [Вернуться к статье](#)
16. Rocher G. Law, Sociology of [Electronic resource] // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B0080430767019094#preview-section-abstract> (date of access: 17.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ)

УДК 347.195.21

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ПУБЛИЧНОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Ю. А. Амелъченя

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права
Института правовых исследований,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового статуса публичного (государственного) юридического лица и предложено для сферы государственных закупок создание государственного научно-практического учреждения с рядом функций публичного содержания.

Ключевые слова: публичное (государственное) юридическое лицо, государственные закупки, научно-практическое учреждение.

Annotation. The article examines the specifics of the legal status of a public (state) legal entity and suggests the creation of a state scientific and practical institution with a number of public functions in public procurement.

Keywords: public (state) legal entity, public procurement, scientific and practical institution.

Дискуссия, посвященная правовому статусу субъектов гражданского права, продолжается со времен римских юристов. Сегодня исследования ведутся в свете происходящих изменений правового порядка, трансформации роли и функций государства, трансфера ряда компетенций из исконно публичной сферы в частную.

Традиционно субъекты гражданских отношений (все, кроме физических лиц) рассматриваются через призму юридической фикции — фикции юридического лица, относительно юридической сущности которого сформулирован значительный пласт соответствующих теорий [1].

Создавая правовую конструкцию юридического лица, законодатель допускает ее универсальный характер, формулируя сущностные его признаки,

которые в равной степени могут быть применимы независимо от того, частные или публичные интересы такой субъект будет представлять своим существованием и деятельностью.

Наличие таких интересов вызвало к жизни дискуссию о целесообразности классификации юридических лиц на частные и публичные [2, с. 16], с наделением последних всеми признаками, присущими юридическому лицу, но с выделением признака осуществления публичных функций, которыми обусловлено их существование [2, с. 17] наряду с активным участием в гражданском (имущественном) обороте [3, с. 82]. Для таких лиц применяется распорядительный способ образования и таким же образом осуществляется ликвидация, а их правовое положение определяется нормативными правовыми актами [4].

В советский период таких публичных юридических лиц именовали государственными юридическими лицами, связанными имущественно с государством с наделением их правами хозяйственного ведения и оперативного управления [5, с. 189].

Но не только функциональной и имущественной может быть принадлежность государству. Л. А. Козыревская указывает также на появление учредительных отношений [6, с. 248–249].

В отечественном законодательстве воспринята категория государственного юридического лица в противопоставлении «негосударственному юридическому лицу» (ст. 71 Кодекса Республики Беларусь о земле) и хозяйственным обществам, в отношении которых Республика Беларусь либо административно-территориальная единица, обладая долями (акциями) в уставных фондах, может определять решения, принимаемые этими обществами (подп. 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности»). В совокупности государственные юридические лица и названные выше хозяйственные общества определены как «государственная организация» (подп. 1.1 п. 1 ст. 40 Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании») [7; 8; 9]. В свою очередь, к государственным юридическим лицам исследователи относят государственные унитарные предприятия, государственные учреждения, республиканские государственно-общественные объединения, государственные объединения, и теоретически возможен, но не целесообразен вариант создания государством единолично хозяйственного общества [6, с. 249–254].

Факт выполнения публичных функций при осуществлении деятельности государственными юридическими лицами, с одной стороны, означает трансфер таких функций от государства в пользу юридического лица, которое, как правило, имеет более широкие возможности для выполнения таких функций, гибкость в принятии решений и средства их обеспечения, получаемые вследствие

осуществления предпринимательской деятельности в допустимых пределах. С другой стороны, за счет специализации такого юридического лица качество и эффективность выполнения публичных функций повышается.

Как представляется, сфера государственных закупок нуждается в создании государственного юридического лица с рядом публичных функций, которое бы совместно с Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее — МАРТ) выполняло актуальные для данной сферы государственные задачи.

Это обусловлено следующим.

Во-первых, признавая важность реализации функционального назначения системы государственных закупок, состоящего в удовлетворении потребностей государства в товарах (работах, услугах) наряду с выполнением сопутствующих целей, следует констатировать, что на сегодняшний день объективно назрела необходимость методического сопровождения на системной основе правового регулирования и единообразия в применении законодательства о государственных закупках. Актуализация такой необходимости связана с тем, что ранее до 1 июля 2019 г. в компетенцию МАРТ входили полномочия по оказанию методической помощи, проведению консультаций и разработке рекомендаций в области государственных закупок (абз. 3 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее — Закон) в редакции, действующей до 1 июля 2019 г.). С 1 июля 2019 г. такое полномочие исключено. Между тем количество спорных вопросов применения законодательства о государственных закупках в совокупности с нормами иного отраслевого законодательства увеличивается многократно. Как правило, свое разрешение такие вопросы находят в индивидуальных ответах на обращения юридических лиц, но системная методическая помощь заказчикам (организаторам), потенциальным участникам в применении законодательства отсутствует.

Во-вторых, существующие в Республике Беларусь две электронные торговые площадки для проведения процедур государственных закупок находятся в неравном положении, поскольку одна из них выполняет функции оператора государственной информационно-аналитической системы управления государственными закупками (далее — ГИАС), что в некоторой степени создает для нее конкурентное преимущество. Принимая во внимание предписания ст. 6 Закона, из которых следует обособленное, особое положение ГИАС в системе государственных закупок, представляется, функции оператора ГИАС должен выполнять субъект, отличный от операторов электронных торговых площадок, товарной биржи.

В-третьих, с 4 мая 2024 г. к компетенции Совета Министров Республики Беларусь отнесено определение порядка создания, функционирования и использования каталога товаров (работ, услуг) для целей осуществления государственных закупок (ст. 10 Закона). На сегодняшний день данное полномочие не реализовано, однако, представляется, функционирование каталога товаров (работ, услуг), включая его наполнение товарными позициями, может быть вменено такому отдельно созданному юридическому лицу.

В-четвертых, недостаточность научных исследований в сфере государственных закупок, отличающейся сложным, комплексным характером, находящейся на стыке частных и публичных отраслей права и законодательства, актуализирует необходимость проведения научных и теоретико-прикладных исследований на постоянной основе, в том числе по запросу МАРТ и иных государственных органов.

В связи с изложенным представляется необходимым создание публичного (государственного) юридического лица — Национального центра государственных закупок Республики Беларусь как государственного научно-практического учреждения, подчиненного Совету Министров Республики Беларусь, обеспечивающего:

- оказание методической помощи, проведение консультаций и разработку рекомендаций в сфере государственных закупок при взаимодействии с МАРТ;
- выполнение функций оператора государственной информационно-аналитической системы управления государственными закупками;
- функционирование каталога товаров (работ, услуг) для целей осуществления государственных закупок;
- проведение теоретико-прикладных исследований проблематики государственных закупок.

Наряду с этим для обеспечения качественного законодательства о государственных закупках, внутренне согласованного и отличающегося правовой определенностью, на указанный центр может быть возложено содействие в подготовке проектов нормативных правовых актов в сфере государственных закупок и их обоснования, иницируемая МАРТ. Равно как при необходимости экспертной оценки может осуществляться подготовка экспертных заключений на предмет соблюдения предписаний иных актов национального законодательства, а также права Евразийского экономического союза, в том числе для целей рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и (или) решения заказчика (организатора), комиссии по государственным закупкам и (или) ее членов, товарной биржи, оператора электронной торговой площадки. Также для комплексного решения проблемы профессионализации в сфере государственных закупок

на указанный центр может быть возложена функция реализации образовательных программ дополнительного образования взрослых в сфере государственных закупок, а также организация и проведение просветительских информационных мероприятий совместно с МАРТ.

Выбор в пользу учреждения как организационно-правовой формы некоммерческой организации обусловлен содержанием указанных выше функций как функций некоммерческого характера, наличием управленческих отношений в связи с полномочиями собственника имущества, а также режимом имущества (право оперативного управления), позволяющим права владения, пользования и распоряжения им осуществлять только в пределах, установленных законодательством, в соответствии с целями деятельности, заданиями собственника и назначением имущества.

1. Гюлумян В. Г. О проблеме научного поиска сущности юридического лица [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-nauchnogo-poiska-suschnosti-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 10.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Рудакова В. Д. Признаки публичного юридического лица в российской правовой науке // Юрид. образование и наука. 2012. № 4. с. 15–19. [Вернуться к статье](#)

3. Винницкий А. В. О необходимости законодательного закрепления института юридических лиц публичного права // Журн. рос. права. 2011. № 5. С. 81–90. [Вернуться к статье](#)

4. Салей Е. А. Публичные юридические лица (по материалам Республики Беларусь) // Університетські наукові записки. 2012. № 1 (41). С. 340–348. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/42874/1/Salei%201.-1.pdf?ysclid=m78rхоу33v144724241> (дата обращения: 17.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Салей Е. А. Система юридических лиц // Право в современном белорусском обществе. Вып. 10. / редкол.: В. И. Семенов [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2015. С. 390–403. [Вернуться к статье](#)

6. Свадковская Е. А. Право государственных юридических лиц на закрепленное за ними имущество // Современное частное право: вызовы и преемственность : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь ; под ред. М. В. Мещановой [и др.]. Минск : НЦЗПИ, 2024. С. 188–197. [Вернуться к статье](#)

7. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указа Президента Респ. Беларусь от 25 авг. 2006 г. № 530 : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. О лицензировании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 окт. 2022 г. № 213-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.11.2024 г. № 39-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.254

ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

А. С. Андрианова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. В статье рассмотрен порядок создания товарищества собственников как организационно-правовой формы некоммерческого юридического лица и выделены его специфические черты.

Ключевые слова: некоммерческое юридическое лицо, товарищество собственников, жилье, кондоминиум.

Annotation. The article considers the procedure for the creation of the partnership of owners as an organizational and legal form of a non-profit legal entity and highlights the specific features.

Keywords: non-profit legal entity, partnership of owners, housing, condominium.

Одной из приоритетных социальных задач государства является обеспечение граждан доступным и качественным жильем. В Республике Беларусь решение данной задачи находится в фокусе постоянного внимания Главы государства. Для упорядочения деятельности по удовлетворению потребностей различных категорий граждан в жилье и управления ею Советом Министров Республики Беларусь принята и реализуется государственная программа «Строительство жилья» на 2021–2025 годы [1]. Данным программным документом установлен рост объема вводимого в эксплуатацию жилья с 4 000 тыс. м² в 2021 г. до 4 500 тыс. м² в 2025 г.

Государственная поддержка, а также увеличение объемов строительства жилья позволяют, с одной стороны, улучшить жилищные условия граждан, а с другой — актуализируют вопросы, связанные с совместным домовладением.

Товарищество собственников — организационно-правовая форма некоммерческого юридического лица, создаваемого для управления общим имуществом кондоминиума. Статья 116² Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (в ред. от 17 февраля 2025 г. № 62-3) (далее — ГК) детализирует цели создания товарищества собственников [2]:

- 1) сохранение и содержание общего имущества, включающего в себя жилые и (или) нежилые помещения;
- 2) владение и пользование общим имуществом;

3) иные цели, например, контроль за целевым расходованием средств, отчисляемых членами товарищества (обязательные платежи, членские и целевые взносы), которые аккумулируются на счетах товарищества собственников.

Нормативной основой создания и деятельности товариществ собственников в Республике Беларусь являются Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З (в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З) (далее — Жилищный кодекс), Закон Республики Беларусь от 8 января 1998 г. № 135-З «О совместном домовладении» (в ред. от 4 января 2021 г. № 78-З) и другие нормативные правовые акты.

Анализ Жилищного кодекса (гл. 29) и Закона «О совместном домовладении» (гл. 3) позволил определить алгоритм создания товарищества собственников (рис. 1).

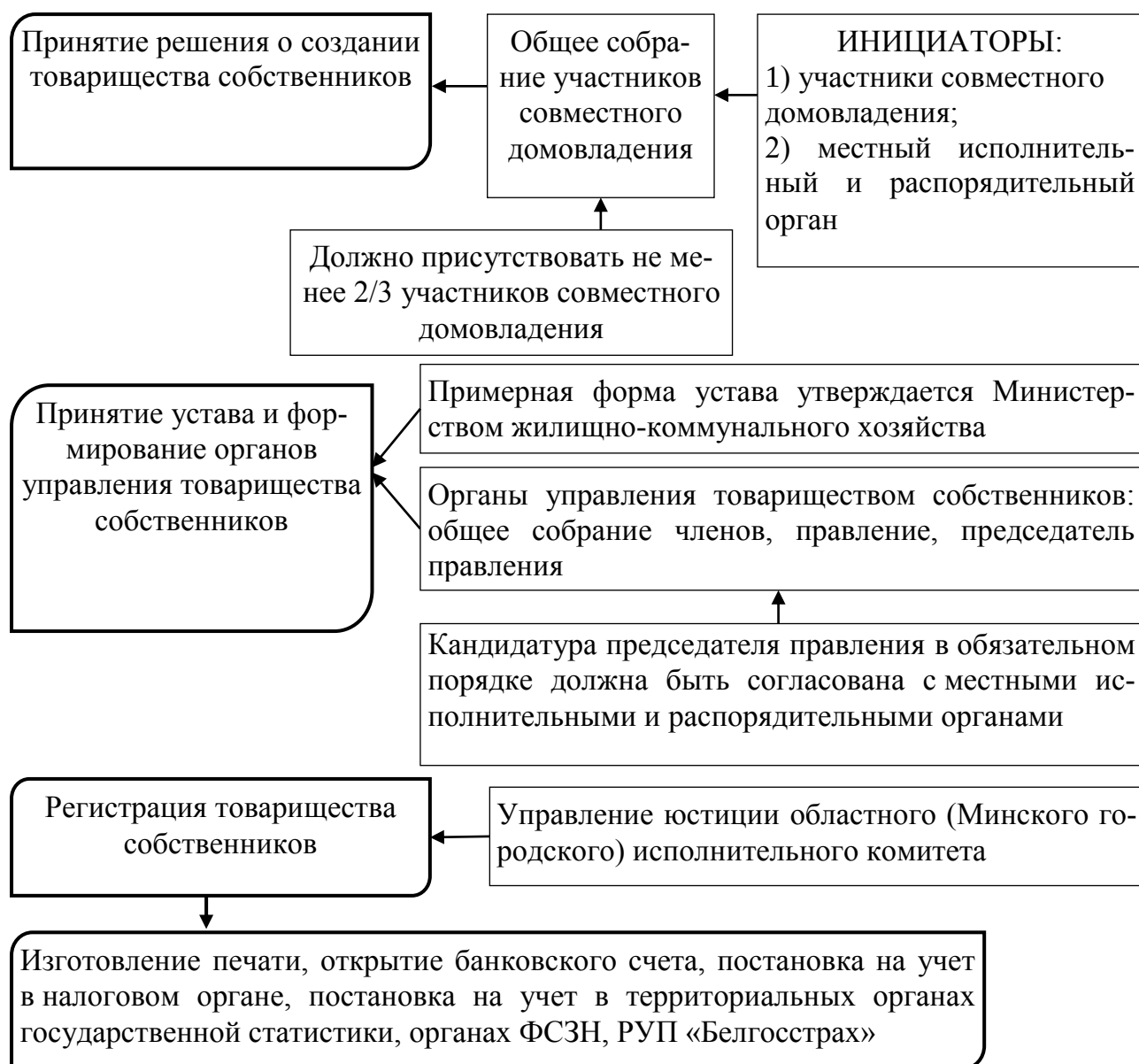

Рис. 1. Порядок создания товарищества собственников

Следует акцентировать внимание на специфике членства в товариществе собственников: членами товарищества собственников являются все участники совместного домовладения вне зависимости от того, участвовали ли они в создании товарищества собственников или нет. Любое лицо, которое приобретает в собственность, хозяйственное ведение или оперативное управление объект недвижимости, становится автоматически членом товарищества собственников [3, ст. 33].

«Принудительность» членства в товариществе собственников отличает данную организационно-правовую форму некоммерческого юридического лица от потребительского кооператива, участники которого объединяются на добровольных началах.

Отличительными чертами товарищества собственников также являются:

1) при принятии решения на общем собрании количество голосов у участника товарищества собственников определяется объемом доли в праве собственности на общее имущество совместного домовладения;

2) отсутствуют паевые отношения, поскольку участники товарищества собственников обладают не только правом собственности на свое жилое помещение, но и на общее имущество [4, с. 79];

3) неограниченность срока функционирования товарищества собственников;

4) законодательно установленные требования к кандидату в председатели товарищества собственников — наличие высшего либо среднего специального образования (технического, экономического, юридического); наличие не менее трех лет опыта работы в сфере жилищно-коммунального хозяйства; наличие документа, удостоверяющего освоение программы курсов по управлению общим имуществом кондоминиума [3, ст. 31].

Членство в товариществе собственников может быть прекращено по основаниям, указанным в ч. 3 ст. 33 Закона «О совместном домовладении»:

1) прекращение права собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления на объект недвижимости;

2) смерть члена товарищества собственников — физического лица;

3) ликвидация либо реорганизация члена товарищества собственников — юридического лица [4, ч. 3 ст. 33].

Перечень оснований для прекращения членства в товариществе собственников является закрытым.

Товарищество собственников характеризуется всеми признаками юридического лица:

1. Организационное единство. Как уже отмечалось, система органов управления товариществом собственников имеет двухзвенную структуру:

общее собрание членов товарищества собственников и правление товарищества собственников, в состав которого входит председатель правления и члены правления. Кроме того, для осуществления ревизии финансово-хозяйственной деятельности товарищества собственников может избираться ревизор либо ревизионная комиссия.

2. Имущественная обособленность. Имущество товарищества собственников обособлено от имущества членов товарищества собственников, что находит отражение, например, в самостоятельном банковском счете, на который перечисляются взносы членов товарищества и иные средства, полученные товариществом (государственные социальные гарантии; средства, от предоставления жилищно-коммунальных услуг и т. д.).

3. Имущественная ответственность: члены товарищества собственников не отвечают по обязательствам товарищества, а товарищество собственников не отвечает своим имуществом по обязательствам членов товарищества. В случае возникновения долгов у товарищества собственников они погашаются из средств фонда товарищества, а при их недостаточности — посредством дополнительных взносов членов товарищества собственников, размер которых определяется общим собранием. При этом неиспользование участниками кондоминиума принадлежащих им объектов недвижимого имущества либо отказ от владения и пользования общим имуществом совместного домовладения не освобождает их от участия в расходах по эксплуатации данного имущества [5, ст. 147]. Более того, при наличии у участника товарищества собственников задолженности по уплате взносов данные средства взыскиваются в бесспорном порядке.

4. Способность выступать от своего имени в гражданском обороте. Нормативно установлено требование к наименованию товарищества собственников — обязательное указание на организационно-правовую форму. Кроме того, являясь некоммерческим юридическим лицом, товарищество собственников не преследует цели получения прибыли, однако может осуществлять хозяйственную деятельность и получать прибыль, например, от сдачи в аренду части общего имущества. Полученные средства направляются на достижение целей деятельности товарищества собственников:

- обслуживание и благоустройство придомовой территории, например, ее озеленение, обустройство детской игровой площадки, установку системы видеонаблюдения и т. д.;
- обслуживание инженерных коммуникаций и общего имущества членов товарищества собственников (крыши, электрическое оборудование, ограждающие конструкции, групповые приборы учета тепло- и электроэнергии, воды и др.).

Таким образом, товарищество собственников — некоммерческое юридическое лицо, объединяющее участников совместного домовладения с целью управления, сохранения и содержания общего имущества. В качестве членов товарищества собственников могут выступать физические и (или) юридические лица, являющиеся собственниками жилых и (или) нежилых помещений, а также лица, у которых данное имущество находится в хозяйственном ведении либо оперативном управлении.

1. О Государственной программе «Строительство жилья» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 янв. 2021 г. № 51 : в ред. от 05.12.2024 г. № 908. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 62-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О совместном домовладении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 1998 г. № 135-З : в ред. от 04.01.2021 г. № 78-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Тимофеева Е. А. Теоретико-правовые взгляды на понятие совместного домовладения через образование товариществ собственников жилья // Юстиция Беларуси. 2020. № 3. С. 77–80. [Вернуться к статье](#)

5. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 авг. 2012 г. № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.78

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
АВТОРСКОГО ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД****А. С. Блинников**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
магистр юридических наук

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию и развитию отдельных аспектов становления авторского права в советский период как надежного фундамента для дальнейшего развития законодательства об авторском праве в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** авторское право, авторско-правовые отношения, гражданское законодательство, советский период.*

***Annotation.** The article is devoted to the study and development of individual aspects of the formation of copyright in the Soviet period, as a reliable foundation for the further development of copyright legislation in the Republic of Belarus.*

***Keywords:** copyright, copyright relations, civil legislation, Soviet period.*

В связи с постоянным развитием науки и искусства возникающие вопросы регулирования в области авторского права как отдельной сферы юриспруденции стали носить осознанный характер. После принятия в 1886 г. Бернской конвенции «Об охране литературных и художественных произведений» стартовал процесс защиты авторских прав на международном уровне, основополагающие принципы которого используются и в настоящее время в различных странах.

Что же касается советского периода, то вопросы, связанные с авторским правом, до наступления Октябрьской революции 1917 г. разрешались в соответствии с Законом Российской империи «Положение об авторском праве» [1]. С наступлением нового периода в жизни страны и сменой власти новым советским руководством принимаются декреты Центрального исполнительного комитета (далее — ЦИК) и Совета Народных Комиссаров (далее — СНК). Все эти меры были направлены на то, чтобы установить государственную монополию на произведения науки, искусства и литературы.

К примеру, в 1917 г. образованная Народная комиссия по просвещению имела все права на объявление монополии от имени государства, в отношении произведений авторов, которые должны быть опубликованы в изданиях, не более чем на пять лет. Кроме того, монополия устанавливалась и на классические произведения таким образом, чтобы творения авторов становились

коллективной собственностью. Данные нововведения содержал принятый Декрет ЦИК «О государственном издании» 1917 г. [2].

Позже произведения авторов, которые были опубликованы, стали признаваться собственностью издательств, а договорные обязательства являлись ничтожными. Все это обеспечивал Декрет СНК РСФСР 1919 г. «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства» [3, с. 492].

Вместе с тем с 1920 г. начинается активное финансирование издательской деятельности с привлечением частного капитала, что активизировало изменения правового регулирования вопросов заключения договоров между авторами произведений и тех, кто их использует. Все это нашло свое отражение в постановлении ЦИК и СНК СССР «Об основах авторского права» 1925 г. и Декрета СНК «Основы авторского права Союза СССР» 1928 г. Из содержания указанных документов следовало, что «авторское право на произведение как появившееся в свет на территории СССР, так и находящееся на территории СССР в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме, признается за автором и его правопреемниками независимо от гражданства» [4, с. 67].

В принятом Законе «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» 1961 г. был отведен отдельный раздел под названием «Авторское право», из которого следовало, что авторское право распространялось «на произведения науки, литературы или искусства независимо от формы, назначения и достоинства произведения, а также от способа его произведения» [5]. Автору принадлежали право на опубликование, воспроизведение и распространение своего произведения всеми дозволенными законом способами под своим именем, под условным именем (псевдоним) или без обозначения имени (анонимно); право на неприкосновенность произведения; право на получение вознаграждения за использование произведения другими лицами, кроме случаев, указанных в законе [5].

Изменения коснулись и срока действия авторского права, который устанавливался в течение всей жизни автора произведения, а также 15 лет с момента ухода его из жизни [6, с. 174].

После принятия Гражданского кодекса РСФСР в 1964 г. стало возможным публично использовать при радиовещании и телетрансляции произведений, изданных авторами, причем совершенно бесплатно. В связи с чем можно было наблюдать значительное сокращение процента охраны авторских прав со стороны государства. При этом свободное использование различных произведений предусматривало получение вознаграждений или их полное отсутствие.

Очередные изменения в нормах гражданского права произошли после того, как СССР в 1973 г. изъявил желание присоединиться ко Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве 1952 г. К новшествам, появившимся в законодательстве, относились: право автора на перевод своего произведения, а также подлежал увеличению срок авторского права (с 15 до 25 лет с 1 января, следующим за годом смерти автора) [7].

Стоит обратить внимание и на другие изменения в правовых актах СССР того времени, направленные на обеспечение стабильной работы всех отраслей экономики, в том числе и защиту авторского права. Так, был установлен размер ставок авторского права при использовании произведений лицами, которые не являются авторами. Это же касалось и использования произведений для создания кино, а также публичного исполнения. Из важных решений следует отметить принятие, разработку и утверждение типовой формы договора по использованию произведений [6, с. 174].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что основные положения гражданского законодательства об авторском праве, применяемые во времена СССР, явились надежным фундаментом для дальнейшего развития законодательства об авторском праве как в Республике Беларусь, так и других республиках бывшего Союза.

1. Об авторском праве : Закон от 20 марта 1911 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXI. 1911. СПб. : Гос. тип., 1914. С. 194–202. [Вернуться к статье](#)

2. Декрет о государственном издательстве [Электронный ресурс] : принят в заседании ЦИК 29 дек. 1917 г. // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348107-dekret-o-gosudarstvennom-izdatelstve-prinyat-v-zasedanii-tsentr-isp-k-ta-29-dekabrya-1917-g> (дата обращения: 06.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Назаров А. Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : моногр. М. : Проспект, 2016. 184 с. [Вернуться к статье](#)

4. Лосев С. С. Исторический очерк возникновения и развития института авторского права и смежных прав [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР от 8 дек. 1961 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/gaspadarchae_pravo/sov_period/ob_utvergdenii_osnov_gragdanского_zakonod.pdf (дата обращения: 06.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Кубышко М. В. Развитие законодательства об авторском праве советского периода // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2011. № 10. С. 174–174. [Вернуться к статье](#)

7. Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве 6 сентября 1952 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900510> (дата обращения: 06.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.515

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

О. А. Бойко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
магистр юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются особенности договора дарения в семейных отношениях. В результате проведенного исследования было установлено, что дарение между супругами как имущественная сделка разрешено в случае, если имущество было подарено одному из супругов или перешло в его/ее собственность в порядке наследования.

Ключевые слова: договор дарения, одаряемый, даритель, недопущение дарения, ограничение дарения, общая совместная собственность супругов, брачный договор.

Annotation. The article examines the features of a gift agreement in family relations. As a result of the study, it was established that a gift between spouses as a property transaction is permitted if the property was gifted to one of the spouses or passed into his/her ownership by inheritance.

Keywords: donation agreement, donee, giver, non-donation, limitation of donation, common joint property of spouses, marriage contract.

Вопрос правомерного распоряжения своей собственностью при жизни набирает все большую актуальность среди граждан. Причины возникновения такого желания различны, однако наиболее популярным способом решения данной проблемы является составление договора дарения [1]. Однако для того, чтобы действительно грамотно подойти к проблеме распоряжения своим имуществом, необходимо учесть, что договор дарения как самостоятельный гражданско-правовой договор обладает рядом особенностей, характерных для него и отграничивающих от иных правовых категорий.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК), а именно п. 1 ст. 543, определяет договор дарения как передачу одной стороной (дарителем) другой стороне (одаряемому) какой-либо вещи в собственность или какого-либо имущественного права (требования) к себе или к третьему лицу [2].

Важным и отличительным признаком договора дарения является безвозмездность дара. Нередки случаи встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства. Договором дарения такой договор не признается, к нему применяются правила притворной сделки, предусмотренные п. 2 ст. 171 ГК. Если имеет место встречное исполнение символического характера, то

признак безвозмездности не нарушается. Помимо этого, еще одной немаловажной отличительной особенностью договора дарения является отсутствие обязательственно-правовых отношений между дарителем и одаряемым. Принимающая дар сторона только лишь выражает свое согласие на принятие дара.

Также законодательством определено, кто может выступать стороной договора дарения. Даритель должен быть собственником вещи либо имущественного права (дееспособное физическое лицо, зарегистрированное в предусмотренном законодательством порядке юридическое лицо, а также Республика Беларусь). В качестве одаряемого могут выступать как родственники, так и сторонние лица, не обладающие родственными связями с дарителем. Что касается дееспособности одаряемых, то, в отличие от дарителя, ими могут быть и дееспособные граждане, и несовершеннолетние (малолетние до 14 лет), и признанные судом недееспособные граждане. При этом необходимо уточнить немаловажную особенность принятия дара — необходимость уплаты подоходного налога одаряемым в случае отсутствия родственных связей с дарителем (подп. 2.1 п. 2 ст. 196 Налогового кодекса Республики Беларусь) [1; 3].

В последние годы все более востребованным становится договор дарения супругов между собой, а также с третьими лицами. В силу различных жизненных обстоятельств супруги изъявляют желание распорядиться своим имуществом путем передачи его в дар, что не запрещено законодательством, однако имеет свои правовые нюансы.

Согласно действующему законодательству, лица, состоящие в браке, имеют право заключать договор дарения (как между собой, так и с третьими лицами). Однако договор дарения в семейных отношениях имеет свои особенности. Так, согласно ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС), нажитое супругами в период брака имущество принадлежит обоим на праве общей совместной собственности. Аналогичную норму содержит ст. 259 ГК. При этом тот факт, на кого из супругов оно приобреталось либо кто из супругов вносил денежные средства, не имеет значения [1; 4]. На нажитое в браке имущество супруги имеют равные права, а в случае раздела данного имущества их доли являются равными. Не стоит забывать, что Брачным договором (довольно распространенная имущественная сделка среди супругов, предусмотренная ст. 13 КоБС) возможно предусмотреть и иной режим имущества, отличный от регулируемого законодательством. По общим правилам именно в отношении общего совместного имущества договор дарения между супругами невозможен. Например, супруг не может определить в дар приобретенное после заключения брака имущество своей супруге даже при условии, если оно оформлено и зарегистрировано на его имя. Опять же, Брачным договором возможно определить и иной вариант раздела имущества.

Таким образом, в случае установления Брачным договором принадлежности имущества одному из супругов на праве собственности договор дарения между супругами возможен (ст. 27 КоБС).

Договор дарения между супругами возможен лишь в определенных случаях. К таковым относятся следующие: 1) одному из супругов в период брака лично перешло в дар имущество; 2) переход имущества в собственность к одному из супругов по наследству [1]. В данной ситуации супруг, ставший наследником либо получивший лично в дар имущество в период брака, является собственником данного имущества и, соответственно, может распорядиться им по своему личному усмотрению (подарить супругу либо третьим лицам без согласия супруга), т. к. данное имущество не будет считаться совместно нажитым.

Таким образом, в случае расторжения брака имущество, полученное лично в дар или в порядке наследования одним из супругов, разделу не подлежит. Зачастую супруги, владея указанными правовыми нюансами, готовят себе так называемую подушку безопасности на случай расторжения брака [1]. Движимые нежеланием делить совместно нажитое имущество, они находят выход, совершая притворную сделку, как уже упоминалось выше. Используя договор дарения как инструмент передачи имущества одному из супругов, последний при расторжении брака имеет возможность избежать раздела переданного в дар. Порой встречается такое явление, как прикрытая договором дарения сделка купли-продажи. Даритель передает «в дар» одаряемому имущество, однако по своей сути сделка является возмездной, так как одаряемый уплачивает вознаграждение дарителю. Как результат — договор, противоречащий условиям безвозмездности договора дарения, на который распространяются правила притворной сделки, предусмотренные п. 2 ст. 171 ГК.

В случае передачи совместно нажитой собственности супругов в дар третьим лицам необходимо согласие супруга (супруги) дарителя. Обязательным требованием является заверенное нотариусом согласие супруга (супруги) дарителя на передачу имущества в дар. В случае, если такое согласие получено не будет, передать в дар совместно нажитую собственность будет невозможно.

Таким образом, договор дарения — реальный инструмент передачи в дар определенного имущества при жизни дарителя, в результате которого последний теряет право собственности на перешедшее в дар. Если говорить о ключевой особенности договора дарения, то таковой является безвозмездность дара. Встречное предоставление со стороны одаряемого отсутствует, он лишь изъявляет согласие на принятие дара. Договор дарения в семейных отношениях также имеет свои особенности: в отношении общего совместного имущества договор дарения между супругами невозможен. Однако в законодательстве указаны

случаи, при которых составление договора дарения между супругами разрешено: 1) если Брачным договором установлена принадлежность имущества одному из супругов на праве собственности; 2) если в период брака одному из супругов имущество перешло лично в дар или в порядке наследования в период брака. К дарению совместно нажитого имущества супругов третьим лицам предъявляется требование об обязательном получении согласия супруга (супруги) дарителя, заверенного нотариусом.

Если говорить о недостатках договора дарения, а они, как показывает практика, имеют место, то к таковым можно отнести факт его использования в качестве простого варианта легального обхода правовых норм. Часто именно договором дарения прикрывают договор купли-продажи [1], что позволяет сделать вывод о необходимости постоянного анализа правового регулирования отношений по отчуждению имущества путем передачи в дар по договору дарения.

1. Бойко О. А. Особенности договора дарения в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Академ. публицистика. 2025. № 1. URL: <https://aeterna-ufa.ru/events/ar> (дата обращения: 20.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 365-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2024 г. № 47-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 17.02.2025 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 349.2+343.85

**СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТРУДА
И ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДЕЖИ****Е. В. Боровая**

Академия МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции развития рынка труда, отмечается диффузность социальной формы труда, изменение представлений о труде как ценности общества. Показана взаимосвязь нерешенности проблем занятости и маргинализации молодежной среды. Обосновывается необходимость формирования ценностного отношения к труду у современной молодежи, трудоустройства несовершеннолетних.

Ключевые слова: труд как ценность, маргинализация молодежи, занятость и трудоустройство молодежи.

Annotation. The current trends in the development of the labor market are considered, the diffuseness of the social form of labor is noted, and the change in ideas about labor as a value of society is noted. The interrelation between unresolved employment problems and the marginalization of the youth environment is shown. The necessity of forming a value-based attitude to work among modern youth and the employment of minors is substantiated.

Keywords: labor as a value, youth marginalization, youth employment and employment.

Проблемы обеспечения эффективной занятости и трудоустройства являются важными для любого общества. Именно активная занятость обеспечивает экономическую безопасность любого государства, формирует национальное благосостояние. Вместе с тем следует отметить, что современное общество столкнулось с рядом проблем в сфере обеспечения занятости. Объясняется это самыми разнообразными факторами. В первую очередь следует отметить, что механизация и интеллектуализация труда привели к переосмыслению ценности самого труда как такового. Многие трудоемкие процессы, которые ранее требовали использования долговременного ручного труда, в современном обществе заменили станки и даже роботы. У людей появилось много свободного времени, в течение которого они не заняты в сфере производства. В то же время современный труд становится все более интеллектуальным, требует получения профессионального образования в различных сферах. Более того, получение образования носит характер *lifelong learning*, т. е. непрерывного образования в течение всей жизни, когда на рынке труда требуется постоянное совершенствование профессиональных навыков.

Безусловно, накопление социального капитала в виде знаний, умений и навыков происходит наиболее интенсивно в юношеские годы. Особенно в том

случае, если молодой человек мотивированно получает профессиональное образование [1, с. 104]. Результаты социологических исследований показывают, что поиск работы, переход от учебы к работе существенно быстрее у тех молодых людей, которые совмещают получение образования с занятостью [2, с. 39–46]. Каким же образом возможно обеспечить осознанный выбор профессии и образования? На выбор профессии, а в перспективе — и сферы трудоустройства, влияет множество факторов: престижность и статусность профессии, семейная преемственность, склонности и таланты молодого человека и т. д. В настоящее время восприятие труда в обществе, его место в иерархии жизненных ценностей претерпели некоторые изменения.

Диффузия социальной формы труда — сложная проблема современного общества. Особо отметим, что данная проблема характерна и для молодежи. Рассматривая проблемы занятости в современном обществе, доктор философских наук Л. М. Марцева отмечает, что свободные от труда граждане могут быть сведены к двум основным группам: к первой группе относятся граждане, ведущие праздный образ жизни, как богатые, так и бедные (бедные предпочитают случайные заработки и сокращение потребления ради свободного времяпровождения), вторая группа представлена безработными из-за дефицита рабочих мест [3, с. 201]. В целом ситуация на рынке труда Республики Беларусь достаточно стабильна, уровень безработицы остается достаточно низким. Однако существует некоторый дисбаланс в наличии свободных рабочих мест: большое количество вакансий в крупных городах и сложности в поиске места работы в малых населенных пунктах.

Нерешенность проблемы занятости потенциально может привести к росту преступности, т. к. у людей формируется желание «заработать» деньги легким путем через преступную деятельность, например, занимаясь продажей наркотиков, сетевым маркетингом и сбытом некачественных товаров в Интернете, азартные игры, развитие порноиндустрии и т. д. С целью получения средств для существования, начиная от элементарной оплаты жилья до приобретения предметов роскоши, пропагандируемых западным потребительским обществом, не занятое в организованном труде население может включаться в сферу околопреступной или преступной деятельности. Экономически активное население оказывается вне сферы социально-трудовых отношений, подконтрольных государству.

На формирование подобного образа жизни во многом влияют средства массовой информации, которые тиражируют эстетизацию праздного образа жизни, зарабатывания денег даже криминальным путем. Подобных примеров достаточно много в современной культуре. Например, современные блогеры часто зарабатывают деньги путем демонстрации порочащих, нередко

аморальных проступков. Тиражируемые образцы такого поведения воспринимаются многими подростками как образец для подражания, желаемая легкодостижимая цель в жизни.

Современные телекоммуникации в качестве основного контента демонстрируют развлекательные передачи, которые не способствуют формированию осмысленных целей в жизни, а демонстрируют и пропагандируют праздное времяпрепровождение.

Нельзя не согласиться с мнением А. В. Лукаша, что «крайне необходимо средствами культуры — кинематографом, книгами, социальной рекламой, телевизионными передачами — воссоздавать высокую культуру труда и трудового воспитания, утраченные за последние два десятилетия» [4, с. 205]. Здесь следует вспомнить положительные образцы советского кинематографа, который демонстрировал позитивные примеры человека труда в различных сферах деятельности: ученого, агрария, рабочего, шахтера, лесоруба, водителя, учителя и многих других.

Безусловно, добиться интернализации в сознании молодежи труда как ценности невозможно только с помощью средств кинематографа. Очень большую часть свободного времени современные молодые люди проводят в Интернете, который сам может стать каналом для зарабатывания денег, в том числе и противоправным путем. Важно создать такой контент в Интернете, который будет свидетельствовать о созидательной роли труда, возможности защиты гражданина в различных сферах жизнедеятельности посредством закона. Безусловно, как положительный пример можно рассматривать деятельность канала TikTok учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», который в виде коротких роликов рассматривает различные юридические вопросы, связанные, например, с трудоустройством несовершеннолетних, гарантиями для несовершеннолетних в случае совмещения работы с получением образования, защитой от мошеннических действий в сети Интернет и др. Деятельность данного канала позволяет пропагандировать значимость правовых ценностей, формирует уверенность в возможности защиты своих прав и законных интересов легальными способами.

Немаловажным является и реальный практический опыт молодых людей. Если молодежь будет видеть, что реальный труд занятых в экономике оплачивается крайне низко, отсутствует свобода на рынке труда в выборе рабочих мест, а теневая занятость позволяет получать большие доходы и не влечет никакой юридической ответственности, то это будет формировать лишь негативное отношение к труду и занятости, осознанному выбору будущей профессии. Для каждого государства важно создать такую систему правового регулирования занятости, которая будет гарантировать высокую оплату труда

для реального сектора экономики, а все люди, получающие доходы от противоправной деятельности, будут нести ответственность в соответствии с законом в зависимости от тяжести содеянного. Только при таких условиях система трудового воспитания современной молодежи может быть эффективной.

Вопросы обеспечения эффективной занятости являются значимыми для Республики Беларусь, о чем свидетельствует большое количество нормативных правовых актов в данной сфере правового регулирования, переработка и существенное расширение системы гарантий для лиц, занятых поиском работы, а также безработных.

Отметим, что в Республике Беларусь не только осуществляется постоянный государственный контроль за своевременностью получения заработной платы, но и предпринимаются активные действия, противодействующие выплате заработной платы «в конвертах». Кроме того, в последнее время появляется все больше социальной рекламы, объясняющей, что получение нелегальных доходов является не только противоправным, но и невыгодным для работников, которые лишаются из-за этого множества различных социальных гарантий, связанных с расчетом и выплатой пенсий, оплатой в случаях временной нетрудоспособности и т. д.

Одним из важных аспектов трудоустройства является поиск работы. Полагаем, что в настоящее время основными способами трудоустройства для населения в целом и молодежи в частности являются поиск работы через Интернет, использование связей и знакомств, поиск работы по объявлениям, рассылка резюме потенциальным работодателям, обращение в службу государственной занятости.

Одним из способов, позволяющих облегчить поиск работы, является широкое внедрение различных цифровых платформ, что сейчас и делается в Республике Беларусь. Вместе с тем отметим, что сайты gsz.gov.by, prasa.by, rabota.by размещают предложения по имеющимся вакансиям, не позволяя отсортировать их, например, по возрастному критерию, по видам работ в зависимости от состояния здоровья или уровня образования. В ряде объявлений о предоставлении работы указывается, что практический опыт не требуется. Это свидетельствует о том, что работодатели готовы рассматривать в качестве соискателей и молодежь. Активно помогают в поиске работы БРСМ, а также различные учебные заведения.

Как положительный опыт следует рассматривать широкое вовлечение студенческой молодежи Республики Беларусь для работы летом в студенческих отрядах. Работа в студотрядах становится все более популярным способом трудоустройства во время летних каникул. Студотряды объединяют молодежь в возрасте от 14 лет до 31 года. Так, например, только на территории Минска

по состоянию на начало 2024 г. проживали около 445 тыс. человек в возрасте от 14 лет до 31 года. По сравнению с 2021 г. количество молодых людей, отработавших в студенческих отрядах в 2024 г., выросло почти вдвое. Если три года назад таким образом были заняты около 9,5 тыс. ребят, то уже в 2024 г. их число превысило 17,7 тыс. [5]

Широкое вовлечение молодежи в трудовую деятельность не только важнейший элемент социализации, но и действенное средство профилактики правонарушений, поскольку позволяет молодым людям иметь независимый и законный источник доходов, дисциплинирует их организацию свободного от получения образования времени, поскольку все работники обязаны подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, установленным у нанимателя.

Труд формирует такие позитивные качества, как ответственность, трудолюбие, работоспособность, коммуникабельность, толерантность, стрессоустойчивость, умение рационально организовывать и использовать свое время и способности и т. д. Важно отметить, что работа в коллективе способствует также формированию социальных связей, осознанию ценности своего труда, его общественной значимости.

В современном обществе важно расширять сферу трудоустройства молодежи в целом и несовершеннолетних в частности. Опыт трудовой деятельности позволяет сделать выбор будущей профессии более осознанным, мотивирует на получение новых знаний.

1. Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З. Конкурентоспособность работающей молодежи на основе самооценок (по данным исследования в Тюменской области) // Социс. 2018. № 8. С. 102–107. [Вернуться к статье](#)

2. Варшавская Е. Я. Успешность перехода «учеба — работа»: для кого дорога легче? // Социс. 2016. № 2. С. 39–46. [Вернуться к статье](#)

3. Марцева Л. М. Диффузия социальной сферы труда — источник преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов XIV науч.-практ. конф., г. Красноярск, 17 февр. 2011 г. Красноярск, 2011. Ч. 1. С. 197–203. [Вернуться к статье](#)

4. Лукаш А. В. Трудовое воспитание молодого поколения средствами культуры как фактор снижения преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов XIV науч.-практ. конф., г. Красноярск, 17 февр. 2011 г. Красноярск, 2011. Ч. 1. С. 203–207. [Вернуться к статье](#)

5. В 2024 г. в составе студотрядов трудились свыше 17,7 тыс. минчан [Электронный ресурс] // Агентство «Минск-Новости» : [сайт]. URL: <https://minsknews.by/v-2024-g-v-sostave-studotryadov-trudilis-svyshe-177-tys-minchan/?amp> (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985+343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. И. Бородич

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Сущность статьи составляет понимание важности правовой культуры в правоотношениях, возникающих между государственными органами, их сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и объектами оперативно-розыскных мероприятий. Предложено понятие и содержание правовой культуры в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: правовая культура, оперативно-розыскная деятельность, правовые нормы, реализация, профессиональная культура.

Annotation. The essence of the article is an understanding of the importance of legal culture in the legal relations that arise between government bodies, their employees carrying out operational investigative activities and the objects of operational investigative activities. The concept and content of legal culture in operational investigative activities is proposed.

Keywords: legal culture, operational investigative activity, legal norms, implementation, professional culture.

Автор затрагивает некоторые аспекты правовой культуры при реализации норм законодательства об оперативно-розыскной деятельности, основанного на Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) и состоящего из Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), иных актов законодательства и международных договоров Республики Беларусь¹. Согласно ст. 1 Закона

¹ В Решении Конституционного Суда Республики Беларусь 28 декабря 2020 г. № Р-1251/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечено, что «международно-правовыми актами универсального характера также предусмотрена возможность использования государственными органами в целях противодействия преступности оперативно-розыскных мероприятий, включая негласные. Конвенцией Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, ратифицированной Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г., определено, что если это допускается основными принципами его внутренней правовой системы, то каждое государство-участник, в пределах своих возможностей и на условиях, установленных его внутренним законодательством, принимает необходимые меры, с тем чтобы разрешить надлежащее использование контролируемых поставок и в тех случаях, когда оно считает это уместным, использование других специальных методов расследования, таких как электронное наблюдение или другие формы наблюдения, а также агентурные

об ОРД, данная деятельность направлена на «...защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее — граждане), прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства» [1]. Рассматриваемые аспекты помогут понять важность правовой культуры в правоотношениях, возникающих между государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее — оперативные подразделения), их сотрудниками и объектами оперативно-розыскных мероприятий (способы действий, применяемые оперативными подразделениями, при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности в целях получения сведений в соответствии с Законом об ОРД). Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, закреплено в статье 59 Конституции, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Несомненно, за действия, нарушающие права и свободы личности, эти органы и лица несут ответственность.

В этой связи представляется обязательной правовая оценка, например, сведений о событиях и действиях, создающих опасность защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивающих его устойчивое развитие, источникам их получения. Поэтому значение правовой культуры состоит в том, что она влияет на развитие у оперативных сотрудников зрелости правовых качеств, способствующих принятию решений, соответствующих задачам оперативно-розыскной деятельности. Иными словами, правовая культура является составной частью оперативно-розыскной деятельности, оказывающей важное влияние на отношения при ее осуществлении, законопослушного оперативного сотрудника, принимающего решения при отсутствии имеющихся шаблонов в современных условиях динамично изменяющейся оперативной обстановки. Такова в основном сущность правовой культуры в оперативно-розыскной деятельности, определяющей права, свободы, законные интересы граждан в соответствии с Конституцией, Законом об ОРД, иными актами законодательства и международными договорами Беларуси.

Вместе с тем способы действий, применяемые оперативными подразделениями, могут затрагивать права и свободы лиц, не подпадающих под задачи оперативно-розыскной деятельности. Несомненно, и эти действия требуют наличия как соответствующих гарантий государства по соблюдению прав, свобод и законных интересов граждан, путем их соблюдения посредством установления обязанностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную

операции, его компетентными органами на его территории с целью ведения эффективной борьбы против организованной преступности (п. 1 ст. 20)».

деятельность, определения порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, надзора и контроля за ее осуществлением, так и правовой культуры оперативных сотрудников в разрешении сложившихся противоречий при проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях получения сведений. Иначе говоря, должна быть соответствующая система защиты, восстановления нарушенных прав и законных интересов субъектов отношений, возникающих при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, основанная на правовой культуре как оперативного подразделения, так и его сотрудников.

Выделяют виды правовой культуры: правовая культура общества, правовая культура личности, правовая культура социальной группы. Здесь нельзя не согласиться с И. А. Демидовой, указывающей, что правовая культура общества зависит от уровня общественного сознания, законодательства, правосудия, деятельности правоохранительных органов и др. Как часть общей культуры, она охватывает все виды поведения и действий, связанных с правовым общением и использованием правовых средств регулирования общественных отношений. Правовая культура личности, отмечает И. А. Демидова, подразумевает уважительное отношение к праву, остаточный уровень правовой информированности и особенности правового поведения. Для того чтобы строить свое поведение в соответствии с законом, достаточно знать требования морали, понимать социальное назначение права и осознавать его ценность для стабильного развития современного общества, а также знать основные права и обязанности, устанавливаемые Конституцией и другими законодательными актами [2]. Несомненно, право само по себе относится к числу фундаментальных ценностей человеческой культуры. Ценностные свойства права, утверждает И. А. Демидова, обусловлены не только природой этого явления, в котором фиксируется общественное представление о правильном, справедливом, но также его значением как особой формы, задающей направление развития общественных отношений, что определяет его доминирование в соционормативной системе современного общества [3]. В отличие от законов природы социальные нормы в первую очередь связаны с сознанием людей и могут изменяться по мере совершенствования человеческого общества, что оказывает непосредственное влияние на регулирование правоотношений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Правовая культура социальной группы представляет собой степень правового воспитания и образования группы людей, определенного слоя общества. Различные социальные группы отличаются различным уровнем правовой культуры, например, сотрудники, имеющие юридическое образование и осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, должны отличаться большим, по сравнению с другими сотрудниками, уважением к праву.

Положительное восприятие развития общественных отношений в правовой сфере будет влиять на закрепление единых стандартов в области прав человека, повышение уровня гарантирования и защиты основных прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому правовая культура оперативных сотрудников имеет существенные особенности и должна основываться на правовых ценностях общества, знаниях и соблюдении законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений, не говоря о добросовестном выполнении возложенных обязанностей по должности. Только при высокой правовой культуре, высоком уровне правового мышления, осознанности конкретной ситуации достигается эффективная реализация правовых норм при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

В связи с этим, учитывая существенные особенности, сложности в правовом отношении, профессиональной деятельности, включающей профессиональную культуру (служебные знания, способности, практические умения, навыки, привычки, нормы, стандарты, мастерство, которые связаны с оперативно-розыскной деятельностью), допустимо введение понятия «правовая культура в оперативно-розыскной деятельности», представляющего собой качественное состояние государственного органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и его должностных лиц, законодательства, регулирующего отношения, возникающие при ее осуществлении, уровень развития правосознания, правовой и правоприменительной деятельности, степени ответственности органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и его должностных лиц, личности и государства.

Правовая культура в оперативно-розыскной деятельности, как и правовая культура общества, личности, социальной группы, будет представлять собой сложное, многообразное явление, обладающее упорядоченной структурой, включающей основные элементы, такие как:

Право (законодательство об оперативно-розыскной деятельности, основанное на Конституции, состоящее из Закона об ОРД, иных актов законодательства и международных договоров Республики Беларусь, сочетающееся с иными нормами права).

Правовые отношения, возникающие при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (проведение оперативно-розыскных мероприятий, применение оперативных сил, средств и методов права и обязанности субъектов оперативно-розыскных правоотношений регламентированы Законом об ОРД и ведомственными нормативно-правовыми актами).

Правосознание (общественное и индивидуальное, при их тесной взаимосвязи. Общественное правосознание отражающее позитивные оценки правовой организации общества, оперативного подразделения, стремление к его

совершенствованию. Правосознание сотрудника — представления о праве, законности, правопорядке, принципах оперативно-розыскной деятельности, тенденциях их развития).

Правовые учреждения в лице функционирующей системы правоохранительных органов, обеспечивающих законность и правопорядок в обществе, права и свободы граждан; органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, правовая активность и правовая деятельность граждан.

Таким образом, следует отметить, что правовая культура является сложным и многоаспектным явлением, отражающим все срезы общественной жизни, выражает собой уровень правовой подготовленности как оперативного сотрудника, так и оперативного подразделения к решению задач оперативно-розыскной деятельности.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.02.2023 г. № 248-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Демидова И. А. Правовая культура личности как фактор правомерного поведения [Электронный ресурс] // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 27 февр. 2014 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. С. 271–272. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/4043 (дата обращения: 31.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Демидова И. А. Правовая культура общества в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД. Могилев, 2019. Вып. 7. С. 13–19. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/3081 (дата обращения: 31.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.454.3

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

И. К. Вербицкая

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
старший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
аспирант

Аннотация. В статье представлен анализ действующего законодательства, регламентирующего понятие строительной деятельности (строительство) и ее виды. Сделан вывод о необходимости унификации норм Гражданского кодекса и специального законодательства с целью выработки единообразия при определении видов строительной деятельности, составляющих предмет договора строительного подряда.

Ключевые слова: предмет договора, договор строительного подряда, строительная деятельность, строительство.

Annotation. The article presents an analysis of the current legislation regulating the concept of construction activities (construction) and its types. A conclusion was made on the need to unify the norms of the Civil Code and special legislation in order to develop uniformity in determining the types of construction activities that constitute the subject of a construction contract.

Keywords: subject of the contract, construction contract, construction activity, construction.

Белорусская цивилистическая наука показала неоднородность своего развития, что связано с фрагментарным нормативно-правовым регулированием отдельных гражданско-правовых институтов, не всегда отвечающим специфике договорных связей, требующим совершенствования законодательства и новых доктринальных подходов. Договор строительного подряда как гражданско-правовое средство обеспечивает сторонам возможность его использования в качестве правового инструмента для урегулирования правоотношений, возникающих в процессе исполнения принятого на себя обязательства.

Вступивший в силу 27 июля 2024 г. Кодекс об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности Республики Беларусь (далее — Градостроительный кодекс) строительную деятельность (строительство), составляющую предмет договора строительного подряда, определил как деятельность по выполнению изыскательских работ, подготовке разрешительной документации на строительство, оказанию инженерных услуг, выполнению пусконаладочных, строительного-монтажных и иных работ на строительной

площадке (объекте) при возведении, реконструкции, модернизации, технической модернизации, ремонте, сносе объекта, ремонтно-реставрационных работах и монтаже всех видов оборудования, консервации объекта незавершенного строительства [1]. Ранее данное определение было закреплено в Законе «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» от 5 июля 2004 г. без учета таких видов деятельности, как модернизация, техническая модернизация и монтаж всех видов оборудования [2].

Несмотря на неоднократное упоминание в Градостроительном кодексе договора строительного подряда, порядок его заключения и исполнения п. 1.12 ст. 21 отнесен к компетенции Совета Министров Республики Беларусь, утверждающего правила заключения и исполнения договора. Как указывает М. В. Мещанова, «договор строительного подряда является гражданско-правовым договором, основанным на равенстве его субъектов, отмеченные правила не должны противоречить не только Кодексу Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, но и § 3 главы 37 Гражданского кодекса Республики Беларусь “Строительный подряд”» [3, с. 341]. Ч. 4 п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса (далее — ГК), закрепив правило о применимости гражданского законодательства к отношениям в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, установила приоритет специалитета, если соответствующим законодательством не предусмотрено иное, о чем отмечено М. В. Мещановой, формулирующей вывод о субсидиарном характере норм гражданского права [3, с. 345]. Таким образом, при определении предмета договора мы должны исходить из определения строительной деятельности (строительства), предусмотренного Градостроительным кодексом.

Правовая регламентация договора строительного подряда в п. 1 ст. 696 ГК определила предмет договора как строительство капитального строения (здания, сооружения) либо выполнение строительных, монтажных и иных выполняемых при строительстве работ [4]. Аналогично данный вопрос урегулирован и в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. № 1450 «Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда» (далее — Правила № 1450) [5], где регулятор в качестве предмета договора закрепил строительство объекта строительства или выполнение строительных, специальных, монтажных, пусконаладочных работ.

Употребление в нормах ГК и Правилах № 1450 союзов «либо» и «или» предполагает указание в предмете договора строительного подряда только одного вида деятельности: строительство объекта или выполнение строительных и иных, связанных с ним работ, что существенно сужает сущностное

содержание строительной деятельности, закрепленное Градостроительным кодексом, дифференцирующим строительную деятельность на три составляющие, где первая — это выполнение изыскательских работ, подготовка разрешительной документации, оказание инженерных услуг, вторая — деятельность, непосредственно связанная со строительством (возведением) объекта строительства, и третья — выполнение строительно-монтажных и иных работ на строительной площадке.

В области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности принято применять строительные правила наравне с техническими нормативными правовыми актами, содержащими термины и определения, рекомендуемые для применения не только в технических нормативных правовых актах, но и в проектной и другой документации в области архитектурной, градостроительной, строительной деятельности и использующих результаты этих работ.

Строительные правила Республики Беларусь от 1 ноября 2024 г. № 121 (далее — СП 1.01.01-2024) установили основные термины и определения для применения в технических нормативных правовых актах и проектной документации на всех этапах их разработки [6]. В соответствии с п. 4 ст. 30 Градостроительного кодекса, применение строительных правил является достаточным, но не обязательным условием, подтверждающим выполнение обязательных требований строительных норм. Следовательно, если стороны договора строительного подряда при заключении соглашения заявят о соблюдении строительных правил для целей выполнения работ, то положения данных правил для них становятся обязательными для соблюдения в силу добровольного волеизъявления (самообязывания).

СП 1.01.01-2024 не дают определения строительной деятельности, но регламентируют понятие строительных работ, под которыми следует понимать результат строительного производства как комплекса рабочих операций и процессов, осуществляемых при возведении, реконструкции, ремонте и сносе зданий и сооружений. С точки зрения семантики лексических единиц «деятельность» и «работа» за ними следует признать единое смысловое содержание, следовательно, понятие строительной деятельности, закрепленное в ГК, Градостроительном кодексе, Правилах № 1450 и СП 1.01.01-2024, демонстрирует несогласованность в содержании (видах) работ, что затрудняет их правоприменение и может привести к вариативности выносимых экономическими судами решений о признании договора строительного подряда заключенным.

Включение белорусским регулятором в Градостроительном кодексе в состав строительной деятельности подготовку разрешительной документации, выполнение изыскательских работ и оказание инженерных услуг заказчику в целях осуществления контроля и надзора за строительством, не может

входить в структуру предмета договора строительного подряда в силу их иной функциональной направленности. Данные правоотношения направлены на создание условий по возведению будущего объекта строительства, тем самым играют вспомогательную, обслуживающую роль.

Так, в соответствии с п. 25 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 8 октября 2008 г. № 1476 «Об утверждении Положения о порядке разработки, согласования и утверждения градостроительных проектов, проектной документации», разработка проектной документации на возведение, реконструкцию, реставрацию, капитальный ремонт и благоустройство выполняется на основании заключенного между заказчиком, застройщиком, подрядчиком и разработчиком проектной документации договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и ведение авторского надзора за строительством), обязательным приложением к которому является задание на проектирование [7].

Подряд на выполнение проектных и изыскательских работ представляет собой самостоятельный вид договора подряда, где предметом выступает выполнение проектных и изыскательских работ и передача заказчику их результата. Как подчеркивает Е. А. Суханов, «этот результат носит промежуточный характер, а конечный результат достигается при реализации договора строительного подряда, по которому осуществляется строительство на основе соответствующей проектно-технической документации» [8, с. 80]. Полученный подрядчиком результат может быть причислен к объекту авторского права (подп. 1 п. 1 ст. 992 ГК), в результате чего подрядчик гарантирует заказчику отсутствие у третьих лиц права воспрепятствовать выполнению работ или ограничивать их выполнение на основе подготовленной подрядчиком проектной документации. Следовательно, предмет договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ отличен от предмета договора строительного подряда, несмотря на возможность, предоставленную проектанту, осуществлять авторский надзор за ходом дальнейших строительных работ.

Представленные цивилистикой советского периода взгляды указанные виды деятельности соотносили с договором подряда на капитальное строительство, рассматривая проектно-изыскательские работы в качестве разновидности данного договора (О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, И. Л. Брауде и др.). Впоследствии Ю. Г. Басин обозначил индивидуальный характер предмета договора на выполнение проектных и изыскательских работ, выявил общие черты с подрядом на капитальное строительство, отмечая их сущностные отличия, выраженные в предмете, особом порядке исполнения, приемки и оплаты работ [9, с. 55].

Научные работы в рамках исследования договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ в настоящее время демонстрируют приверженность позициям о самостоятельности данного договора, где составляющие его предмет «проектные и изыскательские работы выступают этапами, предшествующими возведению, реконструкции, реставрации, капитальному ремонту, благоустройству объекта, его сносу и иным видам деятельности, определенным законодательством» [10, с. 460].

Для осуществления технического надзора застройщик вправе привлекать инженера (инженерную организацию), а также при необходимости оказания других инженерных услуг, в том числе по комплексному управлению строительной деятельностью. Правоотношения, возникающие из договора на оказание инженерных услуг, положены в основу самостоятельного соглашения, предметом которого выступают работы по подготовке документов для получения земельных участков, сбор данных, необходимых для составления разрешительной и проектной документации, выбор подрядчиков, поставщиков товаров, подготовка проектов договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, договоров строительного подряда, технадзор, организация приемки объекта в эксплуатацию и иные работы, напрямую не связанные с возведением, реконструкцией, сносом объекта строительства и иными строительномонтажными работами, что указывает на автономность договоров, их предметов, отличных от предмета договора строительного подряда.

Таким образом, при определении предмета договора строительного подряда необходимо исходить из понятия строительной деятельности (строительства), предусмотренного Градостроительным кодексом, но без учета таких видов деятельности, как: выполнение изыскательских работ, подготовка разрешительной документации на строительство и оказание инженерных услуг, ввиду того что они составляют предмет иных гражданско-правовых договоров, регламентированных ГК. Предмет договора строительного подряда, предусмотренного п. 1 ст. 696 ГК, необходимо привести к единообразию с п. 2 Правил № 1450 в части регулирования возведения, реконструкции, модернизации, технической модернизации, ремонта, сноса объекта, ремонтно-реставрационных работ и консервации объекта незавершенного строительства.

1. Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [Электронный ресурс] : 17 июля 2023 г., № 289-З : принят Палатой представителей 28 июня 2023 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2023 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.06.2024 г. № 15-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 июля 2004 г.

№ 300-3 : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Мещанова М. В. Соотношение гражданского законодательства со смежными областями правового регулирования: теоретические вызовы и прикладные последствия // Право в современном белорусском обществе. 2024. С. 335–357. [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. № 365-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [Электронный ресурс] : постановлении Совета Министров Респ. Беларусь от 15 сент. 1998 г. № 1450 : в ред. от 01.07.2022 г. № 431. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении и введении в действие СП 1.01.01-2024 [Электронный ресурс] : постановление М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь от 1 нояб. 2024 г. № 121. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Об утверждении Положения о порядке разработки, согласования и утверждения градостроительных проектов, проектной документации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 8 окт. 2008 г. № 1476 : в ред. от 23.10.2023 г. № 721. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Гражданское право : учеб. : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. Т. 4. 606 с. [Вернуться к статье](#)

9. Басин Ю. Г. Правовые вопросы проектирования в строительстве. М. : Госюриздат, 1962. 162 с. [Вернуться к статье](#)

10. Карпович А. Ю. К вопросу о существенных условиях договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ // Государство и право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, г. Минск, 26–27 нояб. 2020 г. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2021. С. 460–464. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.518

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Е. М. Ефременко

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Проведен анализ соотношения понятий «нематериальные блага» и «персональные данные» в контексте их значения для формирования правовой культуры участников гражданского оборота, сформулированы предложения о целесообразности нормативного закрепления голоса как нематериального блага.

Ключевые слова: правовая культура, нематериальные блага, персональные данные.

Annotation. The analysis of the relationship between the concept of «intangible assets» and «personal data» was conducted within the framework of their significance for the formation of legal culture; proposals have been formulated on the normative consolidation of the voice as an intangible assets.

Keywords: legal culture, intangible assets, personal data.

Одной из задач любого правового государства являются обеспечение и защита прав и (или) законных интересов субъектов, на которых распространяется его юрисдикция. Данные гарантии правовой защищенности являются важным условием обеспечения общественного порядка и национальной безопасности Республики Беларусь, формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры. Личные нематериальные права являются объектом комплексной межотраслевой правовой охраны, которая осуществляется посредством норм как публичного, так и частного права.

Анализ современного действующего законодательства Республики Беларусь позволяет говорить о том, что в ст. 2 Конституции в соответствии с принципами демократического социального правового государства закреплено положение о том, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. В последующих статьях Конституции Республики Беларусь данный постулат получил дальнейшее развитие. Так, государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25); каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь (ст. 28); гарантируется неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан (ст. 29) и т. д. [1] В абз. 6 ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь нематериальные блага

указаны в качестве самостоятельного вида объектов гражданских прав, однако законодателем не предлагается определение данного понятия в качестве нормы-дефиниции [2]. В пользу значимости нематериальных благ как объектов прав свидетельствуют правовые нормы, изложенные в различных законодательных актах, а также их принадлежность к различным отраслям права (ст. 188, 369 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3], ст. 10.2, 24.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [4], ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2], ст. 20¹, 21, 190 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [4], абз. 2 п. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» [6], ст. 17, ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [7] и т. д. Безусловно, обеспечение и сформированность эффективных социальных (в первую очередь — правовых) механизмов их защиты является важным слагаемым формирования правовой культуры.

Правовая природа и содержание многих видов нематериальных благ, их виды и подходы к классификации в современной цивилистической доктрине являются предметом научной полемики. Отметим, что реализация принципа правовой определенности как совокупности требований, предполагающих наличие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе отсутствие пробелов в законодательстве и коллизий нормативных правовых актов, что дает возможность однозначного понимания норм права и их единообразного применения, также выступает необходимым слагаемым формирования высокого уровня правовой культуры. В связи с этим полагаем, что в рамках научной дискуссии могут быть обсуждены следующие вопросы.

Во-первых, соотношение понятий «нематериальные блага» и «персональные данные». С принятием Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» нормативно закреплённая в актах белорусского гражданского законодательства система объектов нематериальных благ была дополнена. В частности, в соответствии со ст. 1 названного Закона, появилось новое понятие — «специальные персональные данные», касающееся расовой либо национальной принадлежности, политических взглядов, членства в профессиональных союзах, религиозных или других убеждений, здоровья или половой жизни, привлечения к административной или уголовной ответственности, а также биометрические и генетические персональные данные [8]. Анализ представленных в законодательстве Республики Беларусь относительно определенных перечней нематериальных благ и персональных данных позволяет говорить о том, что понятие «нематериальные блага» является более широким и включает в себя персональные данные. Критерием их разграничения может выступить возможность существования в объективированной форме

(т. е. сведения, существующие на каком-либо носителе информации), например, сведения о таких персональных данных, как имя, национальная принадлежность, членство в организациях, место жительства, состояние здоровья и т. д., содержатся в базах данных как объективированных источниках. Как правило, данные объекты подлежат буквальному толкованию в правоприменительной практике. В то же время такие нематериальные блага, как честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя, являются по сути оценочными категориями и сведения об их состоянии на таких носителях отразить не представляется возможным. В правоприменительной практике они могут подлежать распространительному толкованию.

Во-вторых, представляется целесообразным, что такое нематериальное благо, как голос физического лица, требует самостоятельного правового регулирования и нормативного закрепления. В настоящее время в силу развития информационных технологий участились случаи противоправного поведения субъектов, когда имеет место имитация голоса родных либо знакомых потенциальной жертвы с помощью специальных программ. Прямое указание в законодательстве на голос как нематериальное благо (а в настоящее время он не включен в перечень таких благ в ст. 151 ГК и его наличие предполагается в силу относительно-определенного изложения данной нормы) дополнительно позволит носителю голоса требовать защиты своих прав в гражданско-правовом порядке. В российских научных изданиях уже ведется научная полемика о голосе как объекте гражданских прав, в частности, обсуждается его отнесение к нематериальным благам, к персональным биометрическим данным, к объектам смежных прав [9, с. 283].

В-третьих, в последнее десятилетие в научных изданиях достаточно широко представлена позиция о необходимости нормативного закрепления понятий «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство», в том числе и сотрудников органов внутренних дел [10, с. 156–157]. Одним из аргументов выступает необходимость повышения престижа и авторитета как непосредственно сотрудников (работников), так и органов внутренних дел в целом. В данном контексте, не умаляя значения формирования положительного имиджа правоохранительных органов и их сотрудников (работников), следует отметить нецелесообразность дополнения понятийного аппарата терминами «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство», поскольку данные лица не являются специальными субъектами и в отношении них применяются общие нормы гражданского права. Кроме того, они входят в содержательный конфликт с понятием «деловая (профессиональная) репутация». Честь — этическая, социальная категория, она является оценкой гражданина обществом с учетом всех сторон его жизнедеятельности, т. е. в понятии «честь»

доминирует нравственная составляющая, она комплексная по своей природе и не связана с какой-либо одной сферой жизни, в том числе профессиональной. Репутация трактуется как сложившееся о лице суждение, мнение, основанное на объективной и субъективной оценке его личных качеств. Если оцениваются профессиональные качества, то нематериальным благом выступает деловая репутация.

Таким образом, цивилистическая доктрина и законодательство Республики Беларусь в рассматриваемой области общественных отношений нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. № 365-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. № 22-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. № 365-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2024 г. № 353-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. № 209-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 г. № 175-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Чернякова М. Д. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта // Журн. Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 283–293. [Вернуться к статье](#)

10. Чигилейчик А. В. Профессиональная честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданско-правовой защиты // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2017. № 2. С. 155–160. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.77

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

А. И. Иванцова

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционных гарантий обеспечения прав и свобод человека в период особых (чрезвычайных) правовых режимов. Среди юридических нормативных гарантий важное место занимает установление пределов ограничения прав и свобод человека. Автором в основной части определяются их аспекты, и делается вывод о необходимости рассмотрения чрезвычайного положения и военного положения в качестве средств правового арсенала, обеспечивающих права и свободы личности при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, военное положение, конституция, права человека, гарантии.

Annotation. The article is devoted to the study of constitutional guarantees of ensuring human rights and freedoms during special (emergency) legal regimes. Among legal normative guarantees, an important place is occupied by the establishment of limits for limiting human rights and freedoms. The author, in the main part, defines their aspects, and draws a conclusion about the need to consider emergency situations and martial law as means of the legal arsenal that ensure the rights and freedoms of the individual in the event of emergency circumstances.

Keywords: state of emergency, martial law, constitution, human rights, guarantees.

Конституционной аксиомой является определение человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства [1, с. 39]. Ограничение прав человека в правовом государстве, как правило, имеет характер исключения из обычного режима нормативно-правового регулирования, допускаемого в том числе в период введения чрезвычайного положения (далее — ЧП) и военного положения (далее — ВП) в целях устранения угрозы безопасности государства, обеспечения правопорядка, прав и свобод других. Для правового регулирования соответствующего института эффективная система гарантий защиты прав и свобод человека является необходимым элементом. В науке конституционного права конституционные гарантии, по мнению В. Н. Кивеля, «являясь структурным элементом конституционно-правового статуса личности, представляют собой конституционно-правовую категорию в виде самостоятельного конституционно-правового института — систему условий, средств и способов (экономических, политических, социальных, юридических (процессуальных)), обеспечивающих каждому человеку правовые

возможности для реализации всех конституционных прав и свобод на современном этапе развития общества и государства» [2, с. 19].

Особый интерес для правовой науки имеют юридические гарантии, закрепленные в национальном законодательстве и обладающие ведущей ролью в правовом государстве. В Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) установлен универсальный в смысле распространения на законодательную, исполнительную и судебную власть принцип: ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ч. 1 ст. 23). Указанная конституционная отсылка к закону свидетельствует об отнесении к полномочиям законодателя определения границ допустимого ограничения прав и свобод личности. При этом такие ограничения будут удовлетворять требованию обоснованности при их применении для реализации исчерпывающего перечня целей, содержащихся в ст. 23 Конституции, а также учете «закрепленных в ней таких ценностей, как верховенство права, равенство и справедливость» [3, с. 221].

Согласно позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, ограничение прав должно строиться на вытекающих из конституции принципах справедливости и соразмерности, быть минимально необходимыми и достаточными для защиты государственных интересов, представлять собой безусловную потребность, реально и эффективно способствовать достижению конституционных целей» [4].

В рассматриваемом ракурсе ограничение прав и свобод человека представляет собой конституционное средство, используемое в повседневной жизни. Однако при введении в государстве ЧП и ВП оно может оказаться недостаточным, что обуславливает возможность использования особой меры, заключающейся в значительном дополнительном вторжении в права и свободы человека по сравнению с допускаемым в ст. 23 ограничением — институте приостановления прав, в соответствии с положениями ст. 63 Конституции. Он схож по содержанию и порядку осуществления вмешательства и аналогично может быть рассмотрен в качестве одной из нормативных юридических гарантий защиты прав и свобод человека.

Вместе с тем стоит учитывать основное отличие рассматриваемых институтов. Ограничения прав и свобод являются более точечными и, зачастую, носят персонифицированный характер вмешательства в правовой статус личности. В доктрине конституционного права оно рассматривается в качестве способа частичного ограничения прав и свобод, избегая их полной отмены. При приостановлении может происходить фактическое изъятие всего права, распространяющееся на неограниченный круг субъектов. Данный правовой

институт исключает возможность реализации определенных прав в полном объеме в период ЧП и ВП. Приоритет государственных интересов выражается в возможности применения в указанных обстоятельствах дополнительных ограничений, ограничений-запретов [5, с. 53; 6, с. 597].

Приведем некоторые примеры приостановления прав, установленные в конституционных положениях: возможность приостановления осуществления избирательного права предусмотрена посредством установленного запрета на проведение выборов в период ЧП и ВП (ч. 6 ст. 71 Конституции); право законодательной инициативы в некоторой степени может быть приостановлено в части предусмотренного ч. 2 ст. 139 запрета на изменение и дополнение Конституции Парламентом в период ЧП и ВП.

В качестве приостановления права на свободу объединений (ст. 36 Конституции) можно рассматривать запрет на организацию гражданами и участие в собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях, пикетировании и иных массовых мероприятиях (ч. 4 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении»), возможность запрещения создания или приостановления деятельности политических партий, иных общественных объединений, их союзов (ассоциаций) в случае нарушения ими законодательства о ВП (абз. 25, 26 ч. 1 ст. 15 Закона «О военном положении») [7].

Свобода слова, закрепленная в ст. 33 Конституции, может быть приостановлена путем применения следующих чрезвычайных мер: ограничение свободы печати и других средств массовой информации; доступа к интернет-ресурсам, сетевым изданиям, новостным агрегаторам (абз. 11–12 ч. 1 ст. 11, абз. 3 ч. 1 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» [8]; абз. 34, 35 ч. 1 ст. 15 Закона «О военном положении»); введение цензуры (абз. 9 ч. 1 ст. 15 Закона «О военном положении»; абз. 3 ч. 1 ст. 13 Закона «О чрезвычайном положении»).

Правовая природа приостановления прав и свобод человека свидетельствует о возможности его применения исключительно при введении ЧП и ВП с соблюдением конституционных гарантий обеспечения прав и свобод. Важное место среди них отводится конституционному требованию, содержащемуся в ст. 63 о соблюдении пределов приостановления осуществления прав и свобод, определенных Конституцией и законом. Указанной конституционной оговорке корреспондирует ст. 23 Закона «О чрезвычайном положении», согласно которой чрезвычайные меры, применяемые в условиях ЧП и влекущие за собой ограничение (приостановление) установленных Конституцией Республики Беларусь, иным законодательством Республики Беларусь полномочий государственных органов, прав и свобод граждан, прав организаций, должны, во-первых,

осуществляться в тех пределах, которых требует создавшееся положение, во-вторых, соответствовать требованиям Конституции Республики Беларусь и ее международным обязательствам, вытекающим из договоров в области прав человека [8]. По нашему мнению, основные аспекты пределов ограничения (приостановления) прав и свобод человека в период введения ЧП и ВП определяются перечнем следующих теоретических положений:

1. Применяемые ограничения и приостановления прав и свобод человека должны соответствовать законодательно установленным временным и территориальным пределам, распространяться на определенную сферу или область жизнедеятельности общества и государства в зависимости от степени и характера возникших угроз.

2. Ограничения прав допустимы в общественно значимых интересах, определенных на конституционном уровне в ч. 1 ст. 23. Правомерность целей ограничения является составляющей конституционного порядка ограничения прав и свобод.

3. При применении чрезвычайных мер, ограничивающих (приостанавливающих) права и свободы человека, правовые нормы, устанавливающие порядок их реализации, не подлежат расширительному толкованию.

4. При применении чрезвычайных мер не могут затрагиваться абсолютные права, предусмотренные в ч. 2 ст. 63 Конституции. Среди них: право на жизнь и защиту от любых противоправных посягательств (ст. 24); запрет пыток, жестокого, бесчеловечного либо унижающего достоинство человека обращения или наказания, а также запрет проведения без согласия медицинских или иных опытов (ч. 3 ст. 25); презумпция невиновности (ст. 26); свобода совести (ст. 31).

5. В условиях ЧП применению подлежит законодательно установленный закрытый перечень чрезвычайных мер и временных ограничений (приостановлений).

6. Полномочия государственных органов и должностных лиц по обеспечению ЧП и ВП, в том числе при ограничении (приостановлении) прав и свобод, подлежат детальной законодательной регламентации в национальном законодательстве.

Таким образом, установление объективно обусловленных правомерных ограничений и приостановлений, пределы которых определены Конституцией и законом, призвано в качестве исключительной меры гарантировать и охранять наиболее важные, фундаментальные права и свободы личности, конституционные ценности и интересы государства. С данной точки зрения особые (чрезвычайные) правовые режимы следует рассматривать в качестве средств правового арсенала, обеспечивающих не только национальную безопасность, суверенитет

государства и правопорядок в нем, но и выступающих важнейшей гарантией обеспечения прав и свобод человека в чрезвычайных обстоятельствах путем конституционного установления целей и оснований их ограничения (приостановления), фиксации неотъемлемых прав и свобод, регламентации пределов такого ограничения.

1. Серeda P. A. Гарантии прав и свобод человека: понятие, уровни и отраслевая охрана (на примере Республики Беларусь) // Образование и право. 2016. № 3. С. 35–41. [Вернуться к статье](#)

2. Кивель В. Н. Теоретические проблемы конституционно-правового статуса личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2019. 49 с. [Вернуться к статье](#)

3. Краснобаева Л. А., Иванова Ю. И. Пределы и критерии ограничений прав и свобод человека // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., г. Новополоцк, 28–29 окт. 2016 : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. Новополоцк : ПГУ, 2016. Т. 1. С. 221–225. [Вернуться к статье](#)

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам защиты суверенитета и конституционного строя» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 6 июля 2021 г. № Р-1278/2021. Доступ из информ. правовой системы iLex. [Вернуться к статье](#)

5. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации: конституционные основы и законодательное регулирование // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2018. № 1 (77). С. 50–54. [Вернуться к статье](#)

6. Шпаковский Ю. Г., Олейник В. В., Суворов И. А. Правовое регулирование ограничений прав и свобод населения при чрезвычайных ситуациях в период действия особых государственно-правовых режимов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. № 1. С. 593–602. [Вернуться к статье](#)

7. О военном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 янв. 2003 г. № 185-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.04.2024 г. № 363-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Ю. Г. Иванцова

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
доцент кафедры современных технологий образования взрослых,
кандидат юридических наук

Е. Н. Кудряшова

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
заведующий кафедрой гражданского права,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье авторами выделены отдельные проблемы правового регулирования в области защиты персональных данных (отсутствие четких критериев к информации, которая может идентифицировать физическое лицо; обработка персональных данных без согласия субъекта; нарушение «права на изображение») и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность личности, обработка персональных данных, персональные данные, право на изображение.

Annotation. In the article, the authors highlight individual problems of legal regulation in the field of personal data protection (lack of clear criteria for information that can identify an individual; processing of personal data without the consent of the subject; violation of the «right to an image») and propose ways to solve them.

Keywords: information, information security of an individual, processing of personal data, personal data, right to an image.

Безопасность в информационной сфере сочетает в себе три компонента: человек и гражданин (личность), общество, государство. Под категорией «личность» мы понимаем физическое лицо (человека), независимо от принадлежности к гражданству (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства). Информационная безопасность личности — это состояние защищенности физического лица (человека), при которой реализуются его конституционные права в информационной сфере.

Конституция Республики Беларусь содержит целый комплекс прав и свобод человека и гражданина, определяющих его правовой статус в информационной сфере. Так, в Конституции Республики Беларусь закреплено право на информацию, свободу средств массовой информации, защиту информации о частной жизни физического лица и персональных данных, доступность государственной информации, которая не является государственным секретом, или другой защищенной законодательством информацией и пр. [1]. Таким образом,

информационная безопасность личности включает и меры по защите персональных данных при их обработке.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникационных сетей во все сферы деятельности общества породило опасность несанкционированного и бесконтрольного использования персональных данных, последствия которого могут нанести вред человеку или государству. В отличие от других видов информации, доступ к которой ограничен, защита персональных данных обусловлена не только их конфиденциальностью, но и правами личности на контроль над их обработкой и использованием. Это означает, что ключевым аспектом правового регулирования персональных данных является не столько ограничение доступа к ним, сколько установление режима их обработки, направленного на защиту интересов субъектов данных.

Несмотря на созданную в 2021 г. в Республике Беларусь отрасль законодательства в области защиты персональных данных, в правовом регулировании этой сферы остается ряд недостаточно проблемных вопросов.

1. В законодательстве Республики Беларусь отсутствуют четкие критерии информации, которая может идентифицировать физическое лицо. Законы Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее — Закон о защите персональных данных) [2] и от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» (далее — Закон о регистре населения) [3] не содержат исчерпывающего перечня основных, дополнительных и специальных персональных данных. Это приводит к правовым спорам по поводу отнесения отдельных видов информации к персональным данным. Например, могут ли номер мобильного телефона, адрес электронной почты, идентификационный номер транспортного средства или IP-адрес считаться персональными данными, если их нельзя напрямую связать с конкретным физическим лицом без дополнительной информации?

Из-за отсутствия четких критериев некоторые данные могут быть обработаны без согласия граждан, поскольку формально они не относятся к персональным данным. Чтобы устранить эту неопределенность, предлагается определять персональные данные не по фиксированному перечню, а исходя из их способности в совокупности (или отдельно) идентифицировать физическое лицо.

2. Обработка персональных данных без согласия субъекта. Из норм законодательства вытекает, что обработка персональных данных разрешается только при согласии субъекта персональных данных (ст. 5 Закона о защите персональных данных) [2] или обработка персональных данных возможна без согласия субъекта, если это прямо закреплено в законодательстве.

При передаче персональных данных другим субъектам может переходить только право использования этих данных.

Иногда согласие запрашивается формально, без предоставления субъекту реальной возможности отказаться от обработки его данных, либо осуществляется без его явного ведома. Приведем примеры:

- при заключении договоров с банками, небанковскими кредитно-финансовыми, страховыми и другими организациями физические лица вынуждены подписывать согласие на обработку персональных данных, т. к. предоставление услуг прямо зависит от подписания согласия;
- пользовательские соглашения цифровых платформ содержат положения об автоматическом согласии на обработку данных без достаточно полного информирования граждан;
- современные онлайн-платформы, мобильные приложения и социальные сети собирают огромные объемы информации о пользователях (геолокационные данные, сведения о платежах и пр.), зачастую также без их согласия;
- скрытые механизмы сбора данных — cookie-файлы и другие технологии — фиксируют информацию без явного информирования пользователя или предоставления ему возможности отказаться и пр.

Считаем, что для решения данных проблем следует законодательно закрепить обязательство субъектов хозяйствования четко разъяснять субъектам персональных данных, какие данные собираются и для каких целей, и ввести требования о «раздельном» согласии на обработку персональных данных.

3. Нарушение «права на изображение». Само право на изображение в белорусском законодательстве не закреплено в качестве самостоятельного института, несмотря на его признание в доктрине [4; 5], судебной практике [6] и правовых актах иностранных государств (например, ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) [7] и пр. Так, Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018 отмечает, что «к охраняемым Конституцией нематериальным благам относится и внешний облик человека, принадлежащий ему от рождения, не отчуждаемый и не передаваемый иным способом, а также основанное на нем право на изображение гражданина» [6].

Право на изображение означает, что человек вправе контролировать использование своего образа. Это право основано на принципах защиты частной жизни, достоинства и персональных данных. Образ человека — это данные о внешности, фигуре, голосе, одежде и т. д.

В Республике Беларусь закреплен только отдельный элемент образа человека — цифровой фотопортрет в качестве основных персональных данных (п. 1.6 ст. 8 Закона о регистре населения) [3]. При этом в некоторых

нормативных правовых актах говорится о запрете использования (распространения) образов людей и отдельных его элементов без их согласия (или согласия законных представителей). Например, в п. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» [8], в подп. 4.7 п. 4 ст. 34, 38, 40 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» [9] и др.

Как видим, право на изображение прямо не закреплено в белорусском законодательстве, а его нарушение может повлечь ответственность на основе: норм о защите персональных данных (Закон о защите персональных данных); гражданско-правовых норм о защите чести, достоинства и деловой репутации (Гражданский кодекс Республики Беларусь); международных стандартов защиты частной жизни (Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятой в г. Страсбурге 28 января 1981 г., Общий регламент защиты персональных данных от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 и др.).

Считаем необходимым ввести прямое регулирование права на изображение, включая запрет на обработку отдельных элементов образа личности (которые отдельно или в совокупности позволят его идентифицировать) без согласия, за исключением случаев, предусмотренных нормами законодательства.

Подводя итог, отметим следующее. На сегодняшний день встречаются некоторые неточности в правовом регулировании защиты персональных данных (отсутствие четких критериев к информации, которая позволяет идентифицировать физическое лицо; обработка персональных данных без явного согласия субъекта; нарушение «права на изображение»). Учитывая быстрое развитие цифровых технологий и возрастающую угрозу нарушений в области персональных данных, следует уделить более пристальное внимание разработке новых нормативных положений и (или) изменения действующих. Это позволит обеспечить эффективную защиту персональных данных физических лиц и сбалансировать интересы всех сторон, участвующих в процессе обработки персональных данных.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 г. № 175-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О регистре населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 г. № 209-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Трунова Е. В. Право гражданина на охрану изображения // Государственное и муниципальное право : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиян. 2015. С. 115–117. [Вернуться к статье](#)
5. Брайцева Е. А. Право на изображение гражданина, его реализация и охрана // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 11-5 (69). С. 323–325. [Вернуться к статье](#)
6. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 30 окт. 2018 г. №Р-1145/2018. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 08.08.2024 г. № 237-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2024 г. № 353-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
9. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г., № 427-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2023 г. № 274-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.988

РОЛЬ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЖЕРТВЫ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

О. В. Катушонок

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права,
магистр юридических наук

Аннотация. Правовое просвещение влияет на формирование общественного мнения относительно жертвы домашнего насилия. В статье идет речь о мужчинах-жертвах домашнего насилия, необходимости искоренения гендерных стереотипов виктимологической составляющей, а также формирования объективного восприятия семейного насилия независимо от пола жертвы.

Ключевые слова: семейное насилие, жертва, правовое просвещение, Интернет, YouTube, TikTok.

Annotation. Legal education influences the formation of public opinion about the victim of domestic violence. There is an article about male victims of domestic violence. The author says that it is necessary to eliminate gender stereotypes about the victim of marital violence, and it is also necessary to objectively perceive the victim of marital violence, regardless of the gender of the victim.

Keywords: marital violence, victim, legal education, Internet, YouTube, TikTok.

В целях защиты конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, а также обеспечения правопорядка противодействие домашнему насилию должно стать приоритетной задачей государства. Данная проблема требует комплексного подхода, включая не только совершенствование законодательной базы, но и внедрение иных альтернативных механизмов предотвращения насильственных действий в семье.

Говоря о противодействии домашнему насилию, следует отметить, что правовое просвещение населения является одним из ключевых средств профилактики подобных девиаций. Эффективное правовое просвещение представляет собой постоянное и последовательное распространение информации о предусмотренной ответственности за домашнее насилие, правовых механизмах защиты пострадавших и оказания им действенной помощи, возможном корректирующем воздействии на агрессоров.

Как правило, при освещении проблемы домашнего насилия акцентируется внимание именно на доступности юридической помощи и возможности обращения пострадавших за защитой в правоохранительные и иные уполномоченные органы; указывается на необходимость организации информационно-просветительских мероприятий, направленных на формирование нетерпимости к домашнему насилию. Вместе с тем посредством распространения подобного

рода информации правовое просвещение влияет и на формирование общественного мнения относительно данной проблемы. Не последнюю роль правовое просвещение играет в формировании мнения населения относительно того, кто может быть жертвой домашнего насилия, как общество ее принимает и воспринимает ли вообще.

В значительной части как научных исследований, так и публикаций в рамках правового просвещения в качестве жертвы домашнего (супружеского) насилия рассматриваются только женщины. Зачастую даже отмечается, что домашнее насилие является наиболее распространенным видом насилия на гендерной почве [1, с. 108].

Основная причина такого одностороннего подхода видится в том, что подавляющее большинство современных публикаций (даже отечественных) при освещении данной темы для обоснования проблемы домашнего насилия основывается на статистических данных, представленных Международным бюро труда, Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, международными организациями. Кроме того, за основу берутся американские и другие западные исследования, которые проводятся не в рамках криминофамилистики, а «ограничены преимущественно сферами медицины, психологии и социологии» [2, с. 157].

Анализ зарубежных исследований показывает несостоятельность их применения в рамках белорусской действительности. Различия в национальных особенностях, традиционных ценностях и складывающихся веками устоях семьи, а также отсутствие их учета в криминологических исследованиях обуславливают некорректность экстраполяции результатов зарубежных исследований на решение данной проблемы в Республике Беларусь. Поскольку в большинстве зарубежных отчетов, «касающихся семейного насилия, говорится исключительно о женщинах и детях как жертвах жестокого обращения... накладывается табу на сам факт возможности возникновения ситуации, где пострадавшим будет мужчина» [3, с. 15], это приводит к искаженному восприятию проблемы домашнего насилия в белорусском обществе.

Как показало проведенное исследование, в супружеских отношениях в равной степени и мужчина, и женщина склонны к применению насилия. Мужчины чаще подвергаются психологическому насилию (чрезмерный контроль, управление финансами, шантаж, унижение и запугивание и др.), женщины — физическому. Указанное обстоятельство связано с тем, что мужчины физически сильнее, в связи с этим женщины становятся чаще жертвами именно физического насилия. Факт применения к женщине физического воздействия и становится достоянием общественности. При этом не рассматривается и не

учитывается то обстоятельство, что насилие к женщине стало следствием ее психического давления на мужчину.

Полагаем, есть необходимость при освещении проблем домашнего насилия уделять достаточное внимание и виктимологическому аспекту механизма супружеского насилия. Сказанное выше не означает отсутствие вины агрессора или возможность освобождения его от ответственности при виктимном поведении жертвы. Но для того, чтобы надлежащим образом разобраться в возникшей ситуации и качественно осуществить виктимологическую профилактику с целью недопущения повторения случившегося, специалисты должны знать, в каком направлении вести работу не только с агрессором, но и с жертвой.

Мужчины-жертвы же воспринимаются с непониманием и насмешкой как лица, проявляющие слабость. Под давлением такого общественного восприятия мужчинам сложнее решиться на обращение за помощью. Ошибочное восприятие гендерной принадлежности жертвы супружеского насилия влечет определенные правовые и социальные последствия, препятствующие объективному исследованию сущности домашнего насилия, снижению уровня его латентности и оказанию помощи жертве. При этом зачастую именно общественная оценка и восприятие жертвы имеют решающее значение для предотвращения домашнего насилия и для своевременного оказания помощи пострадавшим. Сложившаяся же тенденция дискриминации мужчин как жертв домашнего насилия и недооценка данной проблемы приводят к ограничению их доступа к специализированной помощи, гарантированной государством, может препятствовать объективному рассмотрению дел о домашнем насилии, где потерпевшим является мужчина.

В Республике Беларусь действует национальная модель комплексной работы с мужчинами-агрессорами, разработанная в рамках проекта международной технической помощи «Развитие национального потенциала Республики Беларусь в целях противодействия домашнему насилию в условиях достижения гендерного равенства» [4], который реализуется при поддержке Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА). Как видно, под воздействием гендерных стереотипов и в силу отсутствия должного правового просвещения в рамках рассматриваемой проблемы в нашей республике не принимается тот факт, что женщина также способна на насилие. Полагаем, существует необходимость в разработке национальных образовательных программ, направленных на преодоление домашнего насилия ко всем членам семьи. Обучение ненасильственным формам обращения в семье и ненасильственному разрешению семейных конфликтов должно быть ориентировано в равной степени и на женщин-агрессоров.

В п. 50 Плана мероприятий по правовому воспитанию и просвещению граждан в 2024–2029 годах указывается на освещение мероприятий по правовому просвещению граждан в теле- и радиоэфире, печатных средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет, социальных сетях и посредством других ресурсов [5]. Полагаем, в настоящее время возможности социальных сетей, мессенджеров, YouTube, TikTok используются не в полной мере.

Среди ошибок освещения проблемы домашнего насилия можно выделить дублирование контента на разных площадках без учета целевой аудитории, отсутствие интересного контента, отсутствие визуальной составляющей, поверхностный подход к продвижению [6].

В современном мире, характеризующемся широким распространением информационных технологий, именно Интернет стал чуть ли не единственным источником информации для широкого круга лиц, особенно молодежи. Данное обстоятельство порождает объективно обусловленную необходимость адаптации методов правового просвещения к современным реалиям. В связи с чем целесообразно ориентироваться на предпочтения целевой аудитории использовать цифровые платформы, такие как YouTube и TikTok.

Видеоформат данных платформ сочетает в себе и визуальные, и звуковые элементы, в связи с чем обладает значительным потенциалом в вопросе привлечения внимания. Правовое просвещение посредством YouTube и TikTok позволит охватить широкую аудиторию, поскольку краткие, но при этом содержательные видеоролики, адаптированные к формату указанных платформ, способны эффективно донести нужную информацию. Платформы предоставляют доступ к нужному контенту без привязки к определенному времени, информация на них представлена в привлекательном для целевой аудитории формате.

Заслуживает внимания и предложение выхода правового просвещения на игровые платформы [7], привлечение для освещения данной проблемы представителей общественности, например, известных блогеров [6].

Вместе с тем важным аспектом является актуальность и достоверность информации, в связи с чем для правового просвещения посредством рассматриваемых площадок требуется привлечение высококвалифицированных специалистов, способных адаптировать правовой контент к нужному формату и представить объективное видение проблемы домашнего насилия.

Таким образом, Республика Беларусь, по нашему мнению, так же как и Россия, «нуждается в разработке свободной от феминизма государственной концепции противодействия внутрисемейным преступлениям» [8, с. 54]. Правовое просвещение должно быть направлено на искоренение гендерных

стереотипов видения только женщины в качестве жертвы супружеского насилия, а также способствовать формированию объективного восприятия супружеского насилия независимо от пола потерпевшего. Усиление информационно-просветительской деятельности, ориентированной на признание жертвой домашнего насилия лиц любого пола, повысит осведомленность общества о данной проблеме, будет способствовать толерантному отношению к мужчине-жертве и возможности равной защиты всех жертв домашнего насилия.

Использование в качестве каналов правового просвещения социальных сетей, YouTube и TikTok видится в качестве актуального и перспективного направления объективного освещения темы супружеского насилия и его виктимологической составляющей.

1. Рахлина Е. В. Психологическая работа с мужчинами, применяющими насилие в близких отношениях. Опыт работы психолога Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр социальной помощи семье и детям “Аист” Пушкинского района» // Социальное обслуживание семей и детей : науч.-метод. сб. 2017. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. С. 108–122. [Вернуться к статье](#)

2. Харламов В. С. Цветочки и ягодки криминофамилистики // Невско-Волжская школа — маяк преступностиведения : сб. материалов, посвящ. Невско-Волж. криминол. школе, приуроч. к семидесятипятилетнему юбилею проф. Д. А. Шестакова / С.-Петерб. криминол. клуб. СПб., 2024. С. 154–162. [Вернуться к статье](#)

3. Брайцева Е. А. Домашнее насилие: мужчины также могут быть жертвами // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 14–19. [Вернуться к статье](#)

4. В Беларуси разработан проект национальной модели комплексной работы с мужчинами-агрессорами [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: <https://belta.by/comments/view/v-belarusi-razrabotan-proekt-natsionalnoj-modeli-kompleksnoj-raboty-s-muzhchinami-agressorami-3626/?ysclid=m7oirangt573329051> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 янв. 2024 г. № 24 : в ред. от 28 июня 2024 г. № 453. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Кобелькова Д. Е. Продвижение проектов, направленных на решение социальной проблемы домашнего насилия [Электронный ресурс] // International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology. 2022. № 1. С. 56–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43621199&ysclid=m7rkw3u9t173312185> (дата обращения: 02.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Стадникова О. А. Правовое просвещение несовершеннолетних как фактор противодействия семейному насилию [Электронный ресурс] // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 мая 2023 г. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2023. С. 68–70. URL:

<https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=m7rvxgm1kt644321438&id=54727270> (дата обращения: 02.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Харламов В. С. Уникальность научных новаций в учении о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 53–56. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. С. Ковпаев

Экономический суд Могилевской области,
судья

Аннотация. Статья рассматривает процессуальную экономию как элемент культуры судебной деятельности, ее правовые основы, влияние на эффективность судопроизводства и цифровизацию судебных процессов.

Ключевые слова: процессуальная экономия, культура судебной деятельности, судопроизводство, судебная эффективность, правоприменение, цифровизация, судебные технологии.

Annotation. The article examines procedural efficiency as part of judicial activity culture, its legal basis, impact on judicial effectiveness, and court digitalization.

Keywords: procedural efficiency, judicial activity culture, legal proceedings, judicial effectiveness, law enforcement, digitalization, court technologies.

Судебная деятельность — это не только судебное заседание или судебный процесс. Это понятие гораздо более широкое и охватывает не только стадии судопроизводства, но и события, происходящие до и после него, например работа адвокатов в урегулировании спора и подготовке искового заявления, исполнение вынесенного судебного постановления и действия суда после рассмотрения дела по существу.

Согласно преамбуле к Постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2016 г. № 9 «Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности» (далее — Постановление № 9), деятельность судов должна способствовать укреплению основ правового демократического государства, поддержанию законности и правопорядка, разрешению и урегулированию социальных конфликтов. Необходимым условием решения этой задачи следует признать обеспечение высокого уровня организации и культуры судебной деятельности [1].

Нормативного закрепления термин «культура судебной деятельности» не получил. Однако белорусскими и российскими учеными предприняты попытки сформулировать значение данного термина.

Так, согласно мнению белорусского ученого Г. И. Займист [2], культура судебной деятельности определяется как совокупность этических, профессиональных и процессуальных стандартов, обеспечивающих надлежащее рассмотрение дел.

Советский ученый-процессуалист А. Л. Ликас [3] определяет понятие культуры судебной деятельности как точное и неуклонное соблюдение законности, понимание целей и задач правосудия, высокую политическую и деловую квалификацию, а также организованность и дисциплинированность самих судебных работников.

Для точного понимания соотношения культуры судебной деятельности и процессуальной экономии следует также дать определение последней. Согласно ст. 14 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) [4], суд, рассматривающий экономические дела, выполняет задачи судопроизводства в возможно короткие сроки в пределах, установленных законодательными актами.

Более подробное толкование принципу процессуальной экономии дает ст. 23 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС) [5], вступающего в силу с 1 января 2026 г., согласно которой суд выполняет задачи гражданского судопроизводства с использованием наиболее рациональных процессуальных средств в возможно короткие сроки и с минимальными издержками для суда и лиц, участвующих в деле. Необоснованные отложение судебного разбирательства и приостановление производства по делу, необоснованные перерывы в судебном заседании по гражданскому делу не допускаются.

Таким образом, процессуальная экономия сводится к выполнению задач судопроизводства в максимально короткие сроки, с минимальными финансовыми и временными издержками как для суда, так и для сторон.

С философской точки зрения процессуальную экономию можно рассматривать через призму принципов рациональности, которые позволяют минимизировать издержки, сохраняя при этом высокие стандарты справедливости и законности. В этом контексте процессуальная экономия становится инструментом оптимизации правоприменения, направленным на повышение доверия к правосудию и снижение бюрократической нагрузки на систему. Рациональность позволяет не только экономить ресурсы, но и создавать более адаптивные и устойчивые правовые механизмы. Это особенно важно в условиях цифровизации общества и роста объема судебных дел. Однако границы применения процессуальной экономии должны быть четко очерчены, поскольку чрезмерное сокращение сроков рассмотрения дел может привести к снижению качества правосудия.

В ч. 2 п. 3 Постановления № 9 указан перечень мероприятий, отражающих суть культуры судебной деятельности, которая включает в себя организацию работы по рассмотрению дел.

Таким образом, процессуальная экономия может и должна рассматриваться как одна из основных составных частей культуры судебной деятельности.

В идеальных условиях процесс судебного разбирательства дела должен быть завершен в первом же судебном заседании, что, безусловно, является ярким показателем оперативности рассмотрения дела и не повлечет для сторон больших судебных издержек по оплате явки представителей в судебное разбирательство. Достичь такого разбирательства дела призвана надлежащая подготовка сторон на досудебной стадии и надлежащая подготовка дела к судебному разбирательству судом.

Под выполнением своих обязанностей сторонами имеется в виду полное соблюдение сторонами претензионного порядка урегулирования спора, когда стороны в соответствии с приложением к ХПК не только обменялись правовыми позициями, но и обменялись документами, которые отсутствуют у другой стороны.

На суд, в свою очередь, возлагается обязанность уже на стадии принятия иска (заявления) изучить его, определить нормы права, подлежащие применению, установить круг лиц, участвующих в деле, правильно определить предмет и пределы доказывания по делу и, при необходимости, истребовать окончательный перечень недостающих доказательств к подготовительному судебному заседанию.

Выполнение указанных действий в большинстве своем позволяет окончить подготовительное заседание с одновременным переходом к рассмотрению дела по существу в тот же день и завершить рассмотрение дела. В 2024 г. показатель рассмотрения дел в первом судебном заседании в экономическом суде Могилевской области достиг 61 % от общего количества окончанных рассмотрением дел [6].

Век информационных технологий в корне изменил подходы к организации рассмотрения дел в судах. Примерно за 25 лет судебная система Республики Беларусь перешла от ручного написания судебных постановлений на бумаге к практически электронному судопроизводству. Разработанная и внедренная Верховным Судом Республики Беларусь Автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) позволяет регистрировать поступающие материалы в электронном виде и впоследствии наполнять регистрационно-контрольную карточку (электронную карточку дела) сканированными электронными копиями документов. Возможность прикрепить к этой же карточке аудиовидеопротокол судебного заседания, возможность составить краткий протокол судебного заседания в электронном виде по уже готовым шаблонам непосредственно в судебном заседании выводят организацию

рассмотрения дела в суде на качественно новый уровень. Возможность уплаты государственной пошлины посредством Единого расчетного информационного пространства (ЕРИП), в том числе с 2025 г. такой возможностью могут воспользоваться и юридические лица, позволяет истцу полностью исключить затраты на почтовую пересылку документов в суд.

Правильное выполнение дальнейших процессуальных действий судом, которые приведут к рассмотрению дела в первом судебном заседании не только соответствует принципу процессуальной экономии, но и повышает в целом уровень культуры судебной деятельности, поскольку истец фактически реализовал предоставленную ему возможность защиты нарушенных прав, ответчику предоставлена возможность защищаться в процессе, реализовать право на представление суду отзыва на исковое заявление, всех доказательств в подтверждение своей позиции.

Еще одним обстоятельством, относящимся к процессуальной экономии и напрямую влияющим на культуру судебной деятельности, является вынесение мотивированного и законного решения. В идеальных условиях решение суда должно быть лаконичным и понятным для сторон, в том числе лиц, не обладающих глубокими познаниями в юриспруденции, законным и мотивированным. При этом мотивы принятого решения должны сформировать у сторон четкое понимание причин вынесения именно такого решения, снять напряженность в правовом конфликте между сторонами, исключить дальнейшее обжалование решения в апелляционном и кассационном порядке.

Таким образом, процессуальная экономия, выражающаяся в надлежащей подготовке дела к судебному разбирательству, рассмотрении спора в первом судебном заседании, составлении качественного судебного постановления по результатам рассмотрения дела, способствует не только выполнению задач судопроизводства в максимально короткие сроки, с минимальными издержками для суда и лиц, участвующих в деле, но и укреплению имиджа судебной власти в обществе, формированию правовой культуры и обычаев в деловой среде, то есть повышению культуры судебной деятельности.

1. Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 22 дек. 2016 г. № 9 // Верхов. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/jurisprudence/post_plen/general/57a2c6653ee545a9.html (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Займист Г. И. Культура профессиональной деятельности юриста : учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2018. 564 с. [Вернуться к статье](#)

3. Ликас А. Л. Культура судебного процесса. М., 1971. 78 с. [Вернуться к статье](#)
4. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. Материалы судебной практики экономического суда Могилевской области за 2024 год. [Вернуться к статье](#)

УДК 347

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т. А. Корень

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заместитель декана факультета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Исследование посвящено соотношению хозяйственных процессуальных норм и процессуальных норм законодательства об урегулировании неплатежеспособности в Республике Беларусь.

Ключевые слова: законодательство, урегулирование неплатежеспособности, несостоятельность, банкротство.

Annotation. The study is devoted to the relationship between economic procedural norms and procedural norms of legislation on the resolution of insolvency in the Republic of Belarus.

Keywords: legislation, insolvency resolution, insolvency, bankruptcy.

Вопросы банкротства как неотъемлемого института рыночной системы не теряют своей актуальности на протяжении веков. В период БССР по понятным причинам банкротство государственных предприятий места не имело, в связи с чем его правовое регулирование отсутствовало. С переходом к рыночным отношениям и объявлением Беларуси независимым государством происходит становление, развитие и совершенствование законодательства о банкротстве. Одним из теоретических вопросов, имеющих важное значение для правильного правоприменения, является вопрос о соотношении норм законодательства о банкротстве и отраслевых норм. В настоящей статье рассмотрим соотношение законодательства о банкротстве и норм Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) [1].

Законодательство Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности, как и иных государств, представляет собой совокупность материальных и процессуальных норм, определяющих порядок проведения процедур несостоятельности и банкротства. К процессуальным нормам относятся нормы о возбуждении производства по делам о несостоятельности и банкротстве, подготовке к рассмотрению дел указанной категории, судебного разбирательства и вынесения решения, порядке и основаниям прекращения производства по делу, порядке утверждения мирового соглашения по делам указанной категории и др.

Процессуальные нормы содержатся как в общей части Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» 2022 г. (далее — Закон 2022 г.) [2], преимущественно в гл. 3 разд. II «Судебный порядок рассмотрения дел о несостоятельности и банкротстве», так и в главах, посвященных различным процедурам несостоятельности и банкротства субъектов хозяйствования, отдельных видов должников, упрощенным процедурам банкротства. При этом следует заметить, что нормы материального и процессуального права в Законе 2022 г., как и в предыдущих одноименных законах 2000 г. и 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [3; 4], настолько тесно сплетены, что зачастую создают общую неразрывную систему.

Применение исторического метода исследования обозначенной проблемы показало следующее. В XVII–XIX вв., в частности испанский юрист Сальгадо де Сомоза, германский юрист Шульце, на конкурсный процесс смотрели как на форму гражданского процесса, конкурсный процесс признавался исковым, где заявление (прошение) о банкротстве сравнивается с иском, кредиторы являются истцами, а должник — ответчиком, мировую сделку рассматривали в качестве судебного решения, процедуру распределения погашения долгов — исполнительного производства [5].

Противники указанной выше позиции (Канштейн, Эндельманн и др.) утверждали, что конкурсное производство не является состязательным между сторонами, при банкротстве спор не является условием для признания должника банкротом, что имеет место лишь определенное сходство с исковым процессом. На публичный характер конкурсного производства, присущий гражданскому процессу, указывали Шенк и Фукс, ссылаясь на историческое развитие конкурсного производства средневековой Италии и назначение конкурсного попечителя (прототип нынешнего антикризисного управляющего) именно судом.

В конце XIX в. появился подход к конкурсному процессу как к исполнительному производству, его виду в форме способа совместного взыскания, которое возникает с открытием несостоятельности (Зейферт, Персер, Гельман) [5].

Классик русской юриспруденции Г. Ф. Шершеневич считал, что «с наибольшей наглядностью истинный характер конкурсного процесса выразился в швейцарском законе 1889 г. о порядке взыскания по долгам и несостоятельности, где прямо сказано, что взыскание начинается повесткой об исполнении и кончается конкурсом (параграф 38)» [5, с. 106]. Г. Ф. Шершеневич также не сомневался в наличии тесной связи конкурсного процесса с гражданским судопроизводством, полагал, что такая связь подтверждена судебной практикой России (конец XIX – начало XX в.).

С современной точки зрения изложенные позиции имеют свои сильные и слабые стороны. Бесспорно, конкурсное производство имеет как общие черты с гражданским (хозяйственным, арбитражным) процессом, в некотором роде с исполнительным производством, так и существенные отличия.

На современном этапе развития белорусского государства и права, по нашему мнению, основанному на законодательстве, следует исходить из того, что производство по делам о несостоятельности и по делам о банкротстве является отдельным видом хозяйственного судопроизводства. Действующий ХПК содержит отсылочную норму (ст. 265), размещенную в главе «Иные виды производств в суде, рассматривающем экономические дела, первой инстанции», и определяет исключительную подсудность этих дел экономическому суду по месту нахождения ответчика (ч. 6 ст. 51 ХПК).

Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС), вступающий в силу с 1 января 2026 г., также содержит отсылочную норму (ст. 464), размещенную в главе «Иные виды производств» [6].

Отметим, что, согласно п. 6 ст. 1 КГС. под термином «гражданские дела» понимаются все дела искового производства, дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, дела особого производства, иные дела, отнесенные к компетенции судов с сохранением действующей специализации судов, в частности — подсудности экономическим судам дел в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [7]. В связи с указанным представляется, что с 1 января 2026 г. дела о несостоятельности и дела о банкротстве «переходят» в категорию отдельного вида гражданского судопроизводства.

Основное правило, отвечающее на вопрос о применении процессуальных норм, сводится к следующему: дела о несостоятельности или банкротстве юридических лиц и индивидуальных предпринимателей рассматриваются экономическими судами по правилам, установленным ХПК (КС с 1 января 2026 г.), с учетом особенностей, предусмотренных законодательными актами об урегулировании неплатежеспособности. Таким образом, при производстве по делам о несостоятельности и о банкротстве соблюдаются правила ХПК настолько, насколько они вообще применимы к производству по указанной категории дел и настолько, насколько они не изменены нормами законодательства об урегулировании неплатежеспособности.

Нами проанализированы соответствующие нормы и сделан вывод о том, что, в частности, по делам о несостоятельности и банкротстве применяются нормы ХПК о составе суда, рассматривающего экономические дела, секретаре судебного заседания — помощнике судьи, правах и обязанностях лиц, участвующих в деле, процессуальной правоспособности и процессуальной

дееспособности, процессуальном правопреемстве, иных участниках хозяйственного процесса, доказательствах и доказывании обстоятельств по делу, процессуальным срокам, решении суда, рассматривающего экономические дела, порядку обжалования судебных постановлений и др.

Также, помимо упомянутых ранее норм об исключительной подсудности дел о несостоятельности и банкротстве экономическим судам и об определении подсудности по месту нахождения должника (ст. 51 ХПК), ХПК установил требование к обязательному составлению мотивировочной части решения по делам этой категории (ч. 5 ст. 193 ХПК), немедленному исполнению определения об открытии конкурсного производства и решения по делу о несостоятельности, банкротстве (ч. 1 ст. 205 ХПК). КГС таких норм не содержит.

Действующий Закон 2022 г. закрепил большое количество особенностей регулирования процессуальных отношений. Так, вопросы о принятии заявления и возбуждении производства по делу решаются в судебном заседании, в этом же заседании должен быть решен вопрос о процедуре (введении защитного периода или открытии конкурсного производства) (ст. 32 Закона 2022 г.), аналогичные нормы содержались в Законах 2000 г. и 2012 г. Законодательством об урегулировании неплатежеспособности введено право обжалования уже первого определения по делу и др. Особенности касаются состава лиц, участвующих в деле, объема их прав и обязанностей, представительства в суде, процессуальных сроков, порядка и условий заключения мирового соглашения, др.

Законодательство об урегулировании неплатежеспособности содержит ряд процессуальных норм по вопросам, требующим урегулирования в силу специфики применяемых процедур, в частности, специальные основания прекращения производства по делу (ст. 39 Закона 2022 г.), обязанность суда по решению вопросов назначения и освобождения временного (антикризисного) управляющего, продления сроков санации, и др.

Изучение судебной практики позволило выявить вопросы, не урегулированные законом напрямую, ответы на которые дает сложившаяся судебная практика. Так, при решении вопроса о принятии заявления и возбуждении производства по делу не применяются нормы ХПК об оставлении без движения, не подлежат применению нормы ст. 164 ХПК об отказе в принятии заявления [8] и др. Между тем отметим, что в банкротном законодательстве отдельных стран Евразийского экономического союза указанные институты имеют место. Ряд вопросов правоприменения разъяснил Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, так, в частности, направление копий судебных постановлений по делам о несостоятельности и банкротстве по общему правилу не направляется лицам, участвующим в деле, принятые по делу судебные постановления размещаются управляющим в Едином реестре сведений о банкротстве (подп. 5.4.

п. 5 ст. 38 Закона 2022 г.), копии постановлений могут быть выданы лицам, участвующим в деле, по их просьбе (ч. 3 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 8 от 26 декабря 2024 г. «О судебной практике применения законодательства об урегулировании неплатежеспособности» [9]).

В заключение отметим, что производство по делам о несостоятельности и по делам о банкротстве является отдельным видом хозяйственного судопроизводства. Дела о несостоятельности и о банкротстве рассматриваются экономическими судами по правилам ХПК с учетом особенностей, установленных Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» [2]. При этом нормы ХПК применяются настолько, насколько они вообще применимы к производству по указанной категории дел и настолько, насколько они не изменены нормами законодательства об урегулировании неплатежеспособности.

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г., № 227-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2000 г., № 423-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М. : Статут, 2021. 477 с. [Вернуться к статье](#)

6. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г., № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : вступает в силу с 1 янв. 2026 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Людмила Колесникова: К вопросам о Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь. О названии кодекса. О соблюдении обязательного досудебного порядка [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/1696760277f644e4.html (дата обращения: 27.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Рассмотрение дел об экономической несостоятельности (банкротстве) в экономических судах (по материалам обзора) [Электронный ресурс] : обзор

судебной практики Верхов. Суда Респ. Беларусь. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. О судебной практике применения законодательства об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 дек. 2024 г. № 8. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97

**ОСМЫСЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИН ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ****И. О. Кравченко**

Байкальский государственный университет,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В работе представлено видение экологического сознания современного общества в рамках понимания причин экологической преступности.

Ключевые слова: экологическое сознание, экологическая преступность, причины преступности.

Annotation. The work presents a vision of the environmental consciousness of modern society within the framework of understanding the causes of environmental crime.

Keywords: environmental consciousness, environmental crime, causes of crime.

Традиционно определение причинного комплекса отдельных видов преступности является дискуссионным вопросом, в связи с чем не утрачивает своей актуальности. В криминологии можно выделить как минимум четыре самостоятельных научных направления определения причинности — это кондиционалистический, традиционный, традиционно-диалектический и интеракционалистический подходы [1, с. 152]. В данной работе за основу принят именно традиционный вариант в связи с его высокой адаптивностью с современной парадигмой уголовной политики Российской Федерации. В рамках данной теории в качестве причин преступности предлагается рассматривать общественное сознание. В самом общем виде сознание — это «способность идеального воспроизведения действительности; некая идеальная форма отражения, воспроизведения, порождения действительности, что не мешает ей быть реальной, объективной, бытийной» [2, с. 466]. В свою очередь, общественное сознание — это отражение общественного бытия.

В рамках же так называемой психологической концепции причинности речь идет не только об общественном сознании, но и о его деформациях. Именно деформации сознания, порождаемые объективными общественными отношениями, являются причинами преступности [3, с. 94]. Таким образом, искажения сознания формируют преступность. Представляется целесообразным принять за основу данный подход понимания причинности экологической преступности. Соответственно, в качестве причин экологической преступности можно выделить различного вида деформации правосознания, а также экономического сознания, нравственного сознания, политического сознания и экологического сознания. При этом именно деформации экологического сознания

являются уникальной причиной экологической преступности, поскольку все остальные виды деформаций могут порождать разные преступления, а экологические здесь лишь одна из возможных вариаций. Только изменения в экологическом сознании способны порождать исключительно экологические преступления.

Соответственно, в исследовании причин экологической преступности в указанном направлении предметом становится экологическое сознание. При этом важно, что экологическое сознание надлежит рассматривать с двух сторон — идеальное (эталонное) общественное сознание и деформированное. За аксиому можно принять утверждение, что экологическое сознание определяет гармоничный характер отношений с природой [4, с. 145].

Надо признать, что на фоне научной полемики о сущности сознания вообще понимание содержания экологического сознания является новым и малоизученным феноменом. Действительно, до настоящего времени экологическое сознание исследовалось бессистемно, под разными углами зрения, с различных позиций и подходов, цель которых заключалась в выявлении отдельных фрагментов феномена. Комплексного подхода к изучению и формированию экологического сознания сделано не было [5, с. 254].

Очевидно, что экологическое сознание сформировалось давно, еще на стадии развития человечества, проблема в том, что концептуально оно не исследовалось до настоящего времени. Исторически сформировалось три основных типа взаимодействия человека с природой — господство природы над человеком; «человек — царь природы» и консенсус как основополагающий принцип, определяющий взаимоотношения.

С уверенностью можно заявить, что экологическое сознание динамично, оно подвергается изменению под влиянием различных факторов. Действительно, отношение человека к природе не является заложенным от рождения, а формируется в процессе социализации. Долгое время приоритет в эволюции экологического сознания был отдан внешним факторам. Однако в настоящее время активно развивается духовная экология, основной тезис которой заключается в идее о том, что экологический кризис «детерминирован кризисом духовным, а опустошение внешней природы является следствием опустошения внутреннего мира человека» [6, с. 12].

Феномен экологического сознания личности исследовался в рамках различных наук, как то: философия, психология, социология, юриспруденция, что привело к образованию множества определений экологического сознания личности. Изучив различные научные определения экологического сознания, думается, целесообразным выделить два основных подхода к построению данных понятий — это системный и функциональный подходы.

В первом варианте акцент делается на системность экологического сознания как совокупность определенных факторов в своем единстве, представляющих указанный феномен. Экологическое сознание — совокупность имеющихся у личности экологических знаний, субъективного отношения к природе, экологических установок и намерений, освоенных и усваиваемых стратегий, способов взаимодействия с природой [7, с. 44].

Второй подход акцентирует внимание на определенной деятельности как значимом факторе рассматриваемого явления, основная функция его «позволяет подавить те элементы эгоистического отношения к природе, которые могут возникнуть в том или ином конкретном случае» [8, с. 180]. Сегодня можно отметить, что экологическое сознание гармонического типа находится лишь в стадии осмысления, оно еще не получило всеобщего признания. Красочно эту ситуацию охарактеризовал Т. Мортон, заявив о существовании «темной экологии». «Темнота» здесь ярко «символизирует неполную ясность или невозможность получения такой ясности, так как нельзя полностью устранить завесу незнания и непостижимости, скрывающую рассматриваемый объект» [9, с. 37].

В этом смысле основная проблема в понимании причин экологической преступности заключается в том, что экологическое сознание нового времени еще не получило окончательного оформления. Значит, нет понимания эталонного экологического сознания, а это, в свою очередь, затрудняет выявление деформаций и установление причин экологической преступности.

Экологическое сознание, свойственное потребительскому обществу, содержит определенные характеристики, признающие за норму факты отрицательного воздействия на природную среду для решения экономических задач, сиюминутное повышение качества жизни общества (без оглядки на последствия), предполагающие ощущение господства над природой. Указанные свойства в рамках нового времени абсолютно неприемлемы и не могут восприниматься через призму нормальности. Актуальным становится установление факторов, характеризующих современное экологическое сознание.

Данные официальной статистики позволяют сформировать общие представления о портрете экологического преступника. На протяжении всего периода применения Уголовного кодекса Российской Федерации данные, характеризующие лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, остаются достаточно стабильными. Обобщенный портрет экологического преступника выглядит следующим образом: это мужчина, постоянный житель местности, где совершено преступление, находящийся в возрасте от 30 и более лет, имеющий среднее общее или среднее профессиональное образование, трудоспособный, неработающий. Очевидно, что уровень экологического сознания у данных лиц выглядит крайне примитивно и

пессимистично. Надо отметить, что этим лицам не свойственны злостные установки на причинение вреда природе, но отсутствие прогностической функции и, как следствие, непонимание важности охраны природы в tandem с приоритетом в удовлетворении насущных потребностей — важные характеризующие признаки их экологического сознания. Им свойственны скверное обращение с природой; мизерные усилия для сохранения природы; потребительское отношение к природе; беспечное отношение к природе. Парадокс и проблема заключаются в том, что такое экологическое сознание является нормальным для большинства лиц, имеющих среднее образование и неработающих.

Действительно, им не характерны явные дефекты правового и нравственного сознания. Интервьюирование указанных лиц показало [10], что охрана природы воспринимается ими как второстепенная задача, либо они вообще не заостряют своего внимания на данной проблеме. В основном они указывают на вынужденный характер своей преступной деятельности. В частности, недостаток средств для существования выделяется ими как мотивирующий фактор, толкнувший их на совершение экологического преступления. Традиционно люди привыкли использовать природную среду для улучшения своего материального положения. Так исторически определено. Действительно, испокон веков человек жил за счет собирательства и охоты. Поэтому данная деятельность просто не воспринимается как нечто недопустимое.

Немаловажно, что проявления самодетерминации экологической преступности крайне высоки. Дело в том, что окружающие люди совершенно спокойно реагируют на факты совершения экологических преступлений. Надо признать, что общество их не осуждает, не отвергает. Напротив, воспринимает с некоторой долей снисходительности, юмором или даже с уважением. Интервью местных жителей показало, что им известны факты совершения экологических преступлений со стороны родственников или знакомых, что никак отрицательно не отражается на их отношениях. Это свидетельствует о том, что экологическое сознание общества в целом находится в крайне пассивном, неразвитом состоянии.

В такой ситуации выявление деформаций этого вида сознания становится практически утопичным. Кроме того, для принятия рассматриваемой концепции причинности важно определить общее экологическое сознание, которое являлось бы адекватным отражением действительности, чтобы можно было принять его за образец, на основании которого уже возможно было бы выявить определенные деформации, т. е. отклонения от идеальной модели. Действительно, отклонение от нормы можно выявить только путем сопоставления измененной формы с идеальным вариантом.

Становление нового типа экологического сознания, соответствующего духовному обществу, находится лишь в стадии понимания его основ. В настоящее время можно отметить лишь слабые тенденции к гармонизации взаимоотношений человека и природы. К сожалению, потребительское отношение к природе еще доминирует. Очевидно, что процесс формирования нового типа экологического сознания длительный. По сей день в доминанте находится все еще потребительское отношение к природной среде. Можно лишь отметить, что в настоящее время наметились некоторые достаточно слабые тенденции к гармонизации взаимоотношений человека и природы. Формирование экологического сознания нового, гармоничного типа не произошло.

Дело в том, что только с формированием нового экологического сознания возможно выявить на глубинном уровне его деформации. Эти деформации экологического сознания порождают экологическую преступность и в совокупности с условиями позволяют экологической преступности иметь определенные характеристики (масштаб, структуру, динамику и т. д.). Имея представления о сущности деформаций экологического сознания, потенциально допустимо разработать стратегию точечного, локального на них воздействия, что, в свою очередь, положительно, т. е. в сторону значительного уменьшения, отразится на состоянии экологической преступности.

-
1. Долгова А. И. Криминология. М. : Норма, 2004. 352 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 666 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Биджиева Р. У. Диалектика формирования экологического сознания в условиях развитого социализма. М., 1981. 169 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Чуйкова Л. Ю. Экологическое сознание: социально-педагогические аспекты, детерминирующие его формирование. Астрахань : Изд-во Нижеволж. экоцентра, 2013. 376 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Иванова Е. В. Экологическое сознание и экологистика // Вестн. ЧГПУ. 2012. № 7. С. 252–262. [Вернуться к статье](#)
 6. Рочняк Е. В. Экологизм как направление современной гуманитарной мысли // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. Т. 50. № 3. С. 11–18. [Вернуться к статье](#)
 7. Чердымова Е. И. Психолого-педагогическая концепция интеграции экологического и профессионального сознания // Педагогика и психология. 2011. № 8. С. 44–46. [Вернуться к статье](#)
 8. Медведев В. И., Алдашева А. А. Экологическое сознание : учеб. пособие. М. : Логос, 2001. 384 с. [Вернуться к статье](#)
 9. Волков А. Н. Как стать экологичным: сущность «экологической» философии М. Мортон // Вестн. обществ. и гуманитар. наук. 2023. Т. 4. № 2. С. 35–42. [Вернуться к статье](#)

10. Лавыгина И. В. Организованные формы незаконной рубки лесных насаждений // Криминол. журн. БГУЭП. 2013. № 3 (25). С. 135–142. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

ПАРТИСИПАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА И ЕЕ ОТЛИЧИЯ ОТ ДРУГИХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

А. А. Маслакова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. В статье рассматриваются профессиональные компетенции адвоката в партисипативной процедуре, а также отличия переговоров сторон при содействии адвокатов от процедуры медиации и мирового соглашения.

Ключевые слова: партисипативная процедура, альтернативное урегулирование юридических конфликтов, медиация, мировое соглашение, адвокаты, переговоры сторон.

Annotation. The article discusses the professional competencies of a lawyer in a participatory procedure, as well as the differences between negotiations between the parties with the assistance of lawyers from the mediation procedure and settlement agreement.

Keywords: participatory procedure, alternative resolution of legal conflicts, mediation, settlement agreement, lawyers, negotiations of the parties.

Современная юридическая наука проявляет все больший интерес к альтернативным методам урегулирования конфликтов. Это объясняется стремлением ученых-процессуалистов к поиску наиболее эффективных способов разрешения споров. Внедрение и активное применение примирительных процедур должно способствовать снижению нагрузки государственных судов, что, в свою очередь, позволит сэкономить государственные средства. Иными словами, ученые ищут способы разгрузить суды, предлагая альтернативные, внесудебные методы решения споров, которые позволят разрешать конфликты быстрее, дешевле и эффективнее для всех сторон.

Примирительные процедуры условно можно разделить на три вида:

- 1) партисипативные процедуры;
- 2) медиация;
- 3) процедуры, в результате которых заключается мировое соглашение.

Все перечисленные виды примирительных процедур по своей сути представляют собой переговоры. Только в первом случае это переговоры с участием адвокатов, во втором случае — это переговоры с участием медиатора, в третьем случае — прямые переговоры сторон.

Переговоры сторон при содействии их адвокатов (партисипативная процедура) являются новым для нашей страны институтом примирения, который нашел свое законодательное закрепление в новом Кодексе гражданского

судопроизводства Республики Беларусь (ст. 169–170), который вступит в законную силу в январе 2026 г. Партисипативная процедура представляет собой такой альтернативный способ урегулирования юридических конфликтов, при котором стороны без участия суда, но при содействии адвокатов пытаются найти взаимоприемлемый вариант разрешения спора [1].

Партисипативная процедура характеризуется тем, что центральную роль в ней играют адвокаты. Благодаря своему особому статусу и экспертизности в области юриспруденции, они являются ключевыми участниками процесса разрешения конфликтов. Успех такой процедуры будет напрямую зависеть от профессионализма адвокатов, их умения организовывать и вести переговоры. В рамках процедуры адвокат, выступая представителем своего клиента (доверителя), выполняет следующие функции:

- ведение переговоров (адвокат представляет интересы своего клиента на переговорах, отстаивает его позицию и добивается наилучшего результата для своего клиента);
- юридическое консультирование (адвокат консультирует своего клиента по всем возникающим в ходе переговоров правовым вопросам);
- составление соглашения (адвокат участвует в разработке и анализе проекта партисипативного соглашения, убеждаясь в том, что оно защищает интересы клиента и соответствует действующему законодательству; проверяет договор на наличие неясностей, противоречий и потенциальных рисков).

Таким образом, адвокат не просто присутствует на переговорах, но и является незаменимым экспертом, обеспечивающим эффективное и законное разрешение конфликта в рамках партисипативной процедуры. Его профессионализм во многом определяет исход дела.

В ходе проведения партисипативной процедуры адвокат должен уделить особое внимание следующим важным моментам:

- переговоры, осуществляемые в рамках партисипативной процедуры, ведутся исключительно с разрешения доверителя и направлены только на его благо;
- при возникновении обстоятельств, препятствующих проведению переговоров, адвокат обязан своевременно уведомить об этом своего клиента;
- в процессе переговоров, проводимых в рамках партисипативной процедуры, недопустимо вмешательство третьих сторон в деятельность адвоката;
- перед началом процедуры адвокат обязан проинформировать доверителя о его правах и обязанностях, целях проведения процедуры, а также о правовых последствиях заключения мирового соглашения и других важных аспектах.

Партисипативная процедура может быть применена для урегулирования разногласий в сфере гражданского, трудового, семейного права, а также споров, возникших из других правоотношений, где участвуют как физические, так и юридические лица. Однако споры, связанные с публично-правовыми отношениями, не подпадают под данную процедуру, поскольку они могут затрагивать интересы третьих лиц, не вовлеченных в переговоры.

В ст. 170 Кодекса гражданского судопроизводства законодатель отмечает, что к условиям, форме, содержанию и порядку заключения, утверждения и исполнения соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов применяются те же правила, что и для мирового соглашения [1]. То есть в Законе прослеживается схожесть правового регулирования данных примирительных процедур.

Согласно ч. 1 ст. 121 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, мировым соглашением является соглашение сторон о прекращении судебного спора на основе взаимных уступок [2]. Мировое соглашение характеризуется двусторонностью и обоюдностью, то есть обе стороны должны достичь компромисса на основе взаимных уступок без давления со стороны. В свою очередь, партисипативная процедура предполагает многосторонность, поскольку в разрешение конфликта вовлечены не только стороны, но и их адвокаты. Основой для проведения партисипативной процедуры является договор поручения, который представляет собой письменное соглашение между каждой стороной и ее адвокатом. Этот договор направлен на оказание юридической помощи, включая урегулирование спора в рамках примирительных процедур, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством. Это означает, что адвокаты обязательно должны выступать представителями сторон по делу, тогда как участие адвокатов в мировом соглашении вовсе не является обязательным. Если адвокат участвует в заключении мирового соглашения, его задача заключается лишь в разъяснении клиенту целей и правовых последствий заключения такого соглашения.

Согласно Закону Республики Беларусь «О медиации», медиация представляет собой способ разрешения конфликта, при котором конфликтующие стороны преодолевают конфликт путем проведения переговоров с участием нейтрального лица — медиатора [3].

Хотя медиация и партисипативный процесс имеют много общего, между ними существует принципиальное различие, касающееся ролей медиатора и адвоката в переговорном процессе. Адвокат стремится к заключению партисипативного соглашения, максимально выгодного его подопечному. Его задача как примирителя — отстаивать интересы клиента, однако для достижения взаимоприемлемого результата он должен учитывать также позицию

противоположной стороны. Такой подход позволяет сторонам в итоге подписать законный и подлежащий исполнению договор, разрешающий их разногласия. При этом, согласно Правилам профессиональной этики адвоката, если адвокат убежден в явной необоснованности требований или возражений клиента и отсутствии у него четкой правовой позиции, то в такой ситуации он должен сообщить свое мнение по существу спора клиенту, а также у него возникает право отказаться от ведения дела или же предложить клиенту прекратить правовой спор [4]. Это связано с тем, что в случае нарушения заключенным соглашением прав одной из сторон спора, такой неразрешенный конфликт неминуемо получит свое развитие в суде либо в других уполномоченных органах. Медиатор, в свою очередь, выступает в роли нейтрального посредника, не принимающего сторону ни одного из участников конфликта. Любая предвзятость нарушает основополагающий принцип независимости медиатора и сводит на нет эффективность процедуры. Главная цель медиатора — обеспечить равные условия для переговоров и способствовать согласованию интересов конфликтующих сторон.

Вместе с тем, если в процедуре медиации соглашение может быть не утверждено судом по причине того, что его текст и содержание не соответствуют действующему законодательству, то в партисипативной процедуре адвокаты должны тщательно оценивать все правовые риски для своих клиентов. Это, в свою очередь, упростит дальнейшее исполнение соглашения, повысит доступность правосудия для населения, уменьшит критику судебной системы и снизит нагрузку на судебные органы.

Отметим также, что, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О медиации», медиация может проводиться как до обращения сторон в суд в порядке гражданского судопроизводства (досудебная медиация), так и после возбуждения производства по делу в суде (судебная медиация). Переговоры сторон при содействии их адвокатов могут проводиться только после возбуждения судом дела искового производства.

Таким образом, следует подчеркнуть, что институты альтернативного разрешения споров, существующие в законодательстве Республики Беларусь (партисипативная процедура, медиация и мировое соглашение), несмотря на свои отличия, преследуют общую цель — снижение конфликтности в обществе. Примириательные процедуры не заменяют государственное правосудие и не являются частью судебной системы нашей страны, но в то же время представляют собой важное дополнение к государственной судебной системе, способствуют совершенствованию общественных отношений, увеличению доверия к правовым институтам и уменьшению нагрузки на суды. Одной из ключевых задач для юристов является максимально широкое информирование сторон

споров о целях и возможностях примирения, что будет способствовать сохранению и развитию деловых, семейных, трудовых и других отношений в гражданском обществе.

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 фев. 2024 г. : вступает в силу с 1 янв. 2026 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г. № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь от 30 сент. 2021 г. № 180. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**Н. С. Минько**

Институт правовых исследований

Национального центра законодательства и правовой информации

Республики Беларусь,

ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Автором раскрываются некоторые теоретико-прикладные проблемы развития корпоративных отношений в современных экономических условиях. Отмечается важность закрепления дефиниции «корпоративный акт» на уровне Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах». Предлагается пересмотр структуры и содержания модельного Кодекса корпоративного управления, выработка его новой редакции. Обосновано, что в отечественном законодательстве важными являются разработка и принятие нормативного правового акта, включающего принципы корпоративного управления, ключевые вопросы саморегулирования, обновленную примерную форму Корпоративного кодекса (Кодекса корпоративного управления, Кодекса корпоративного поведения) и регулирующие иные смежные вопросы в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: корпоративные акты, субъекты корпоративных отношений, корпорация (корпоративное юридическое лицо), корпоративное объединение.

Annotation. The author reveals some theoretical and applied problems of corporate relations development in modern economic conditions. The importance of fixing the definition of «corporate act» at the level of the Law of the Republic of Belarus of July 17, 2018 № 130-3 «On normative legal acts» is noted. It is proposed to revise the structure and content of the model Code of Corporate Governance, to develop its new edition. It is substantiated that in the domestic legislation it is important to develop and adopt a normative legal act that includes the principles of corporate governance, key issues of self-regulation, updated model form of the Corporate Code (Code of Corporate Governance, Code of Corporate Behavior) and regulates other related issues in the field under consideration.

Keywords: corporate acts, subjects of corporate relations, corporation (corporate legal entity), corporate association.

В современных экономических условиях корпоративные отношения носят смешанную правовую природу и включают в себя не только отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими:

по поводу имущественных прав, долей, паев, акций участников корпорации — *непосредственно корпоративные отношения*, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, но и *иные сопутствующие, связанные с корпоративными отношения* (например, отношения в сфере корпоративной безопасности, разрешения корпоративных конфликтов и др.). Данный факт, в свою очередь, обуславливает уникальность системы источников корпоративного права, учитывая многогранность и взаимосвязь различных аспектов корпоративной деятельности. Таким образом, современное понимание корпоративных отношений выходит за рамки узкого определения и требует комплексного подхода.

Система источников корпоративного права может быть определена как комплексная, иерархически организованная и взаимосвязанная совокупность актов в сфере регулирования корпоративных отношений. Эта система может быть подразделена на три укрупненные частные подсистемы: нормативные правовые акты, ненормативные акты, корпоративные обычаи. Нормативные правовые акты, в свою очередь, включают корпоративное законодательство (Основной Закон, законодательные и подзаконные акты), локальные акты, среди которых важно отметить устав корпорации. Корпоративные обычаи могут включать в том числе обычаи делового оборота. Нужно обратить внимание на то, что конструкция квазикорпоративного договора в рамках корпоративных отношений открывает обширные возможности для его применения как эффективного инструмента, служащего обеспечительным механизмом надлежащего выполнения обязательств должником.

Одной из характерных особенностей системы источников корпоративного права выступает их комплексность. Она выражается в сочетании отраслевого законодательства с обширным комплексом правовых актов, включающих нормы различных отраслей права, которые охватывают широкий спектр деятельности корпораций. Разнообразие источников корпоративного права определяется также сложной сетью правовых взаимоотношений, формирующихся между участниками корпоративных правоотношений (особый субъектный состав, основания возникновения корпоративных правоотношений).

Необходимо разграничивать понятия «корпоративное законодательство» и «источники корпоративного права»: первое по своему объему значительно уже второго и является его составной частью. Если корпоративное законодательство в узком смысле можно рассматривать как совокупность законов, а в широком смысле — как совокупность законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы корпоративного права (указы Президента Республики Беларусь, постановления Правительства, акты местных органов власти), то источники корпоративного права включают в себя также локальные

акты организаций, правовые обычаи, судебную практику. При этом законодательные акты по вопросам саморегулирования в системе источников корпоративного права занимают важное значение, поскольку они призваны снизить непосредственное участие государства в регулировании предпринимательской и профессиональной деятельности субъектов при сохранении ответственности бизнеса перед потребителями, оптимизировать организационно-правовые формы некоммерческих организаций. Современное законодательство не содержит легальных дефиниций «корпоративные нормы» и «корпоративные акты».

При этом корпоративные акты могут регламентировать различные вопросы корпоративного управления, корпоративные процедуры, корпоративные стандарты, полномочия и статус корпоративных органов, а также уполномоченных лиц (к ним относятся положения, инструкции, правила). Корпоративные акты, которыми регулируются конкретные вопросы, называются индивидуальными корпоративными актами. Нормативные корпоративные акты (наряду с законодательными актами) содержат юридические основания для разрешения индивидуальных дел. Корпоративные нормативные акты представляют собой документы органов управления корпорации, содержащие корпоративные нормы. Поэтому важной задачей является создание руководства по выработке корпоративных актов в организации. Корпоративным актам присущи некоторые признаки локальных актов — волевое содержание, внутриорганизационный характер, подзаконный характер, многократность применения, длительность существования, обязательность для адресатов норм.

Е. А. Алексанян выделяет ряд признаков, характерных для понятия «корпоративный акт»: «корпоративный акт сочетает в себе правотворческий и правореализационный аспекты технологии подготовки; корпоративный акт принимается юридическим лицом, построенным на началах членства; он характеризуется большей оперативностью принятия, нежели законодательные акты; корпоративный акт распространяет свое действие на всех участников корпорации, в зависимости не от их нахождения на ее территории, а от их членства в ней» [1, с. 2]. «Специфика юридической технологии корпоративного нормотворчества заключается в том, что она соединяет полномочия юридического лица с конкретным видом корпоративного акта и средствами юридической техники, необходимыми для его подготовки. Подобная технология не только повышает качество создания корпоративного акта, но и обеспечивает эффективность и стройность системы корпоративного регулирования» [1, с. 5].

Р. В. Зелепукин анализирует проблематику места и роли актов корпоративного характера в системе источников спортивного права и делает попытку осмысления корпоративного правотворчества. Особое внимание сосредоточено на феномене *lex sportiva*, который проявляется через совокупность мер,

принятых спортивными корпорациями на различных уровнях — от наднационального до внутригосударственного, — а также через практику их правоприменения. «Независимый комплекс норм спортивного права, принимаемых спортивными корпорациями международного и национального уровня, включающий в себя также практику их применения, институционализировался в категории *lex sportiva*, содержание которой обуславливает, во-первых, уникальность системы источников спортивного права, во-вторых, ее экстерриториальный характер, в-третьих, автономность спорта в системе общего нормативного регулирования, обусловленную определенной самостоятельностью спортивных корпораций по принятию собственных норм» [2, с. 23]. «При этом *lex sportiva* будет включать в себя не только акты национальных спортивных корпораций, но и, в первую очередь, акты надгосударственных спортивных объединений» [2, с. 21].

Представляется целесообразным закрепление дефиниции «корпоративный акт» на уровне Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (п. 1 ст. 5) в следующей редакции: «корпоративный акт — документ, принятый (изданный) корпоративным юридическим лицом, построенным на началах членства, устанавливающий правила поведения (корпоративные нормы) в целях регулирования организационных и имущественных отношений данного корпоративного юридического лица (его территориальных органов), который распространяет свое действие на всех его участников». Сфера действия корпоративных норм территорией организации не определяется, охватывая сферу ее деятельности преимущественно отношениями членства. Это позволит провести различия с понятием «локальный акт», поскольку корпоративные акты призваны регулировать отношения, возникающие в рамках корпоративных юридических лиц, в то время как локальные нормы направлены преимущественно на урегулирование трудовых и связанных с ними отношений государственных органов и иных организаций, что будет способствовать дальнейшему развитию корпоративных отношений и корпоративного нормотворчества. А также поможет устранить правовую неопределенность, связанную с различными интерпретациями данного понятия, снизит риски возникновения корпоративных споров, позволит создать единообразную практику применения корпоративных актов, послужить основой для стабильности бизнес-среды и укрепления правового доверия. Конкретизация и унификация (гармонизация) терминологии облегчает возможность сравнительного анализа корпоративных практик как на национальном, так и на интеграционном, международном уровнях.

В связи с дальнейшим развитием экономических отношений формируются новые предпринимательно-правовые обычаи самими участниками

общественных отношений (субъектами предпринимательской деятельности, участниками корпорации, членами органов управления и т. д.), что возвращает к вопросу о саморегулировании в корпоративных отношениях. Классическим примером локальных предпринимательских обычаев выступают корпоративные кодексы (кодексы корпоративного управления (далее — ККУ), кодексы корпоративного поведения), которые по своему содержанию представляют собой свод правил взаимодействия общества, его акционеров, органов управления и контроля как между собой, так и с государственными и иными организациями, они представляют собой стандарты надлежащего корпоративного поведения. Особенностью Корпоративного кодекса (ККУ, Кодекса корпоративного поведения) является его рекомендательный характер, акционерные общества самостоятельно решают вопрос о необходимости применения положений данного кодекса для регулирования отношений в данном обществе. Видится возможной разработка Корпоративного кодекса (ККУ, Кодекса корпоративного поведения) общества с учетом особенностей и специфики его корпоративных отношений. В условиях дальнейшего развития интеграционных процессов необходим пересмотр структуры и содержания модельного ККУ, выработка его новой редакции на уровне международного правового акта Содружества Независимых Государств с предварительной разработкой научно обоснованной концепции. С учетом динамики развития экономических отношений представляется актуальной дальнейшая разработка проблематики принципов корпоративного права в правовой доктрине. В целом в отечественном законодательстве является важной разработкой и принятием нормативного правового акта, включающего принципы корпоративного управления, ключевые вопросы саморегулирования, обновленную примерную форму Корпоративного кодекса (ККУ, Кодекса корпоративного поведения) и регулирующего иные смежные вопросы в рассматриваемой сфере.

В современных условиях можно вести речь о таких самостоятельных субъектах корпоративных отношений, как государство, корпорации — субъекты хозяйствования (коммерческие организации), в том числе акционеры, а также некоммерческие организации. Определенный интерес представляют категории «корпоративный секретарь», правовое положение «спящего» акционера, корпоративное объединение, корпоративная структура и др.

К. В. Чуешовым высказывались предложения о введении новой организационно-правовой формы юридических лиц — хозяйственного партнерства. Хозяйственное партнерство как новая организационно-правовая форма может содействовать реализации инновационных и венчурных проектов, а также привлечению иностранных инвестиций государством. К. В. Чуешов предлагает дополнить ГК нормой следующего содержания: «Хозяйственным партнерством

признается созданная двумя или более лицами коммерческая организация, в управлении деятельностью которой принимают участие его участники, а также иные лица в пределах и в объеме, которые предусмотрены договором об управлении хозяйственным партнерством. Особенности правового положения, создания, деятельности, реорганизации и ликвидации хозяйственного партнерства определяются законодательством о хозяйственных партнерствах, а также отмечает необходимость кодификации законодательства о юридических лицах» [3, с. 143–144].

В доктрине неоднократно предлагалось закрепить определение термина «корпорация (корпоративное юридическое лицо)» в ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), акцентируя внимание на его ключевом признаке — объединении капиталов. Закрепление в ГК понятия «корпорация (корпоративное юридическое лицо)» может быть оценено положительно и необходимо для обеспечения правовой определенности: так, четкое определение корпоративного юридического лица позволит проводить разграничение с другими организационно-правовыми формами юридических лиц, создаст основу для единообразного применения правил корпоративного управления, что повысит уровень защиты прав акционеров и других участников. Также это станет важным шагом в развитии института корпоративной ответственности, способствуя формированию прозрачной бизнес-среды, повышению доверия к бизнесу и привлечению инвестиций. Кроме того, предлагались изменения в ст. 1 ГК, касающиеся определения корпоративных отношений и управления, например, введение организационно-правовой формы юридических лиц под названием «хозяйственное партнерство». Данная форма может способствовать развитию инновационных и венчурных проектов, а также привлечению иностранных инвестиций в страну. Правовые аспекты создания, функционирования, реорганизации и ликвидации хозяйственных партнерств должны регулироваться специальным законодательством. Кроме того, в науке поднимается вопрос о необходимости кодификации законодательства, касающегося юридических лиц.

Определенный интерес представляет категория корпоративного объединения. Корпоративное объединение — это форма предпринимательского объединения, которая включает в себя группу экономически связанных юридических лиц, организованных на основе членства и выполняющих согласованную хозяйственную деятельность. В отличие от корпорации, корпоративное объединение не обладает статусом юридического лица; оно является разновидностью интеграции юридических лиц. К таким объединениям относятся холдинги и союзы, образованные на основании договора о совместной деятельности. Существует необходимость выработки понятий, касающихся корпоративных объединений и иных структур, в том числе кооперативных (основные элементы

таких структур включают различные единицы и подразделения, зоны ответственности, роли и функции). Корпоративная структура призвана обеспечить действенную коммуникацию внутри компании, ускорить процесс принятия решений и повысить общую эффективность, стимулируя корпоративное развитие. Корпоративное развитие, в свою очередь, является ключевым направлением экономической деятельности: внутри организации анализируются внешние и внутренние факторы, влияющие на финансовые результаты, это, как правило, сопряжено с созданием инновационных инвестиционных планов, сделок и стратегических альянсов.

Корпоративное объединение может пониматься и нормативно закрепляться в ГК как разновидность предпринимательского объединения, которое представляет собой совокупность экономически взаимосвязанных юридических лиц, осуществляющих скоординированную предпринимательскую деятельность. Нормативное закрепление корпоративных объединений является важным этапом в развитии современной экономической деятельности и гражданского оборота, что предполагает создание четких правил и норм, регулирующих деятельность указанных объединений, повышение прозрачности их деятельности. В рамках нормативного закрепления следует выделить несколько ключевых направлений: определение правового статуса корпоративных объединений, порядок их формирования и функционирования, а также требования к корпоративному управлению. Указанное включает в себя создание внутренних регламентов, а также выработку норм, устанавливающих ответственность и права участников.

Субъекты корпоративных отношений для защиты своих интересов и субъективных прав могут использовать корпоративный иск. Корпоративный иск реализуется в трех направлениях: иск корпорации против участника (участников) корпорации; иск участника (участников) корпорации против корпорации как юридического лица; иск участника (участников) корпорации против должностных лиц (менеджеров) корпорации или другого ее участника (участников). Перспективным направлением дальнейших научных исследований является разработка понятия корпоративного иска, выделение его признаков и классификации, законодательное установление особенности рассмотрения отдельных видов корпоративных исков. Важно проводить различие между участниками корпоративных отношений и субъектами корпоративной ответственности. В рамках корпоративных отношений должен функционировать сбалансированный механизм юридической ответственности, который, с одной стороны, сохранял бы привлекательность корпоративной модели ведения бизнеса, а с другой, — обеспечивал бы возможность привлечения к ответственности недобросовестных участников, злоупотребляющих своей корпоративной

властью и нарушающих права и интересы других лиц, вовлеченных в корпоративную деятельность. Установление таких защитных механизмов порождает необходимость рассмотрения и анализа концепции корпоративной ответственности, принимая во внимание другие виды юридической ответственности, позволяющей верно определить способы реализации прав и обязанностей участников корпораций, порядок их перехода и способы защиты в случае нарушений. Таким образом, на современном этапе развития экономических отношений видится актуальной дальнейшая разработка научно обоснованной концепции корпоративной ответственности с выработкой и закреплением категорий «корпоративная ответственность», «корпоративный иск», «корпоративный деликт».

1. Алексанян Е. А. Корпоративные акты: природа, признаки и виды [Электронный ресурс] // Концепт. 2018. № 5 (май). С. 110–115. URL: <http://e-koncept.ru/2018/183026.htm> (дата обращения: 25.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Зелепукин Р. В. К вопросу о месте и значении актов корпоративного характера в системе источников спортивного права // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2, № 6. С. 16–25. [Вернуться к статье](#)

3. Чуешов К. В. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о коммерческих юридических лицах с учетом современных интеграционных процессов // Теоретико-прикладные аспекты совершенствования гражданского законодательства с учетом современных интеграционных процессов / Ю. А. Амелеченя [и др.] ; под ред. О. А. Бакиновской. Минск : Колорград, 2017. С. 121–147. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.9

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Н. В. Пантелеева

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры хозяйственного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена обозначению роли хозяйственных правоотношений в построении и развитии экономической системы на разных уровнях ее формирования, аспектам правового регулирования с учетом методологии, формируемой в рамках хозяйственного права, а также направлениям защиты прав и интересов субъектов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: хозяйственные правоотношения, хозяйственное право, экономика, экономическая система, хозяйствующий субъект, юрисдикционная защита, самозащита.

Annotation. The article is devoted to the designation of the role of business legal relations in the construction and development of the economic system at different levels of its formation, aspects of legal regulation taking into account the methodology formed within the framework of business law, as well as areas of protection of the rights and interests of business entities.

Keywords: business legal relations, business law, economy, economic system, business entity, jurisdictional protection, self-defense.

Отношения представляют собой взаимосвязь, коммуникацию и взаимодействие их участников, обусловленную общим и частным интересом, факторами объективной реальности, в целом — юридическими фактами и объективными процессами развития социума. Участник общественных отношений, имея мотив и цель осуществления хозяйственной деятельности не зависимо от вида такой деятельности (либо отдельного типа хозяйственной деятельности) вступает в отношения, на которые распространяется механизм хозяйственно-правового регулирования в статусе субъекта хозяйственной деятельности.

Основу хозяйственных правоотношений раскрывает Н. Л. Бондаренко, обозначив, что это правовая конструкция, представляющая собой субъектный состав, объект и содержание общественных отношений, складывающихся по поводу производства материальных и нематериальных благ, и соответствующая форма осуществления хозяйственной деятельности, в процессе которой осуществляется создание материальных и нематериальных благ и удовлетворение потребностей материального и нематериального характера посредством созданных благ [1].

По мнению В. Н. Годунова, в процессе хозяйственной деятельности возникают две группы хозяйственных отношений: связанные с непосредственным осуществлением хозяйственной деятельности (предпринимательские отношения и некоммерческие отношения) и связанные с регулированием хозяйственной деятельности со стороны государства или организаций хозяйственной деятельности [2]. Первым соответствует частноправовой характер, не лишенный публично-правовых элементов, вторым — публично-правовое начало.

Спектр правоотношений, регулируемых хозяйственным правом, представляется таким же сложным, многоаспектным, как само хозяйственное право. Их групповая и видовая принадлежность зависит от критерия, уровня, цели и сферы формирования при осуществлении и организации хозяйственной деятельности.

Таким образом, можно согласиться с позицией Н. Л. Бондаренко [1] в том, что хозяйственные отношения выступают как один из аспектов экономики и представляют собой социальный институт, то есть совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу производства материальных и нематериальных благ для личного, семейного, прочего бытового потребления, для внутрихозяйственного использования в рамках производственной функции либо для реализации таких благ на товарных рынках в форме товара.

Возникающие и развивающиеся на уровне государства, они составляют макроэкономику и являются ресурсом реализации внутренней и внешней экономической политики государства. Возникающие в пределах административно-территориальной единицы, составляют региональную экономику. Соответственно, субъекты хозяйственных отношений представляют экономическую систему государства на международном и наднациональном уровнях. Это можно проследить на примере Концепции взаимного правового регулирования хозяйственных отношений и выравнивания условий хозяйственной деятельности государств — членов Экономического союза, Решения Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 10 февраля 1995 г. Целью является взаимное правовое регулирование хозяйственных отношений и выравнивание условий хозяйственной деятельности государств — членов Экономического союза, которое осуществляется для правового обеспечения формирования условий стабильного развития экономик государств в интересах повышения жизненного уровня населения, поэтапного создания общего экономического пространства на базе рыночных отношений, предоставления равных возможностей и гарантий хозяйствующим субъектам государств — членов Экономического союза.

Таким образом, хозяйственные отношения складываются в условиях развития институциональной среды по производству материальных и

нематериальных благ и являются содержанием экономической системы. Значимая роль хозяйственных правоотношений в формировании, наполнении и развитии экономики повышает ответственность государства в определении стратегии их правового регулирования, в частности, хозяйственные правоотношения являются предметом ряда стратегических программ по отдельным направлениям социально-экономического развития, а также гарантируются и охраняются государством. Субъекты хозяйственной деятельности могут выступать в качестве истца и ответчика в суде или обращаться в компетентные органы за защитой своих прав и законных интересов. Механизм юрисдикционной защиты возникает в силу закона и при нарушении субъектом норм хозяйственного и иного законодательства в процессе осуществления хозяйственной и сопряженной с ней деятельности.

Рассмотрим следующую ситуацию в качестве примера по материалам обзора судебной практики Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности [3].

Приговором суда Окт-го района г. Минска Н. осужден по ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) к штрафу в размере 2 000 базовых величин. Н. был признан виновным в незаконном перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза без таможенного декларирования наличных денежных средств в крупном размере в сумме 39 942 долларов США и 12 400 ливанских фунтов. В этой связи, в соответствии с ч. 6 ст. 61 УК, денежные средства в сумме 39 942 долларов США и 12 400 ливанских фунтов конфискованы в доход государства.

Однако заместителем Генерального прокурора был принесен надзорный протест, в котором ставился вопрос об изменении судебного решения по следующим основаниям.

На основании Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. без таможенного декларирования в письменной форме разрешается единовременный ввоз (вывоз) физическим лицом наличных денежных средств в сумме, равной либо не превышающей в эквиваленте 10 тысяч долларов США. При единовременном ввозе (вывозе) наличных денежных средств свыше 10 тысяч долларов США, указанные денежные средства подлежат таможенному декларированию в письменной форме.

При этом из всей суммы перемещаемых наличных денежных средств подлежит исключению та часть, которая разрешена к перемещению без таможенного декларирования в письменной форме или была задекларирована. Это требование закона судом выполнено не было и в объем обвинения Н., признанного доказанным, необоснованно включены 10 000 долларов США,

разрешенные к перемещению таможенным законодательством Таможенного союза без таможенного декларирования.

Соответственно, денежные средства в сумме 10 000 долларов США, разрешенные к перемещению через таможенную границу Евразийского экономического союза без таможенного декларирования, не относятся к установленной ст. 61 УК категории вещей и предметов, подлежащих специальной конфискации.

Постановлением президиума Минского городского суда приговор в отношении Н. изменен. Сумма незаконно перемещенных Н. через таможенную границу Евразийского экономического союза денежных средств, подлежащая специальной конфискации, снижена до 29 942 долларов США и 12 400 ливанских фунтов. Постановлено: денежные средства в сумме 10 000 долларов США вернуть Н. по принадлежности [2].

Незаконные действия Н. заключались в нарушении норм таможенного оформления перемещаемых денежных средств через границу. Непосредственно перемещение денежных средств через границу законом не запрещено. Однако Н. были нарушены легальные барьеры, которые Ю. Г. Конаневич определяет как «барьеры, обусловленные нормами международного права или вытекающие из международных обязательств, — легальные барьеры, являющиеся обязательными к применению в пределах национальной юрисдикции вследствие международного договора или принятых государством международных обязательств» [4, с. 116].

Наряду с юрисдикционной формой защиты прав и интересов субъектов хозяйствования обеспечение безопасности хозяйственной деятельности от противоправного воздействия возможно и посредством хозяйственно-правовой самозащиты. Данный способ относится к неюрисдикционным в том значении, что осуществляется самим субъектом хозяйствования вне обращения в органы правоохранительной системы, однако меры, принимаемые субъектом хозяйствования в целях самозащиты от противоправных посягательств, вырабатываются и реализуются в соответствии с нормами права. Пункт 6 ст. 11 ГК одним из способов защиты гражданских прав определяет самозащиту права. С. Г. Мухин указывает: «Что касается форм и способов защиты прав субъектов хозяйствования, то в научной литературе они отождествляются с формами и способами защиты гражданских прав» [5].

В силу того, что хозяйственное право является самостоятельной отраслью права, имеющей свой предмет, метод, систему, субъектный состав и др., обеспечение безопасности хозяйственной деятельности, как и меры самозащиты субъектов хозяйствования, должны вырабатываться прежде всего в соответствии с применением методологии хозяйственного права. Так как предмет

хозяйственного права составляют отношения, формирующиеся и осуществляющиеся в различных сферах экономики (хозяйства): промышленной, корпоративной, инвестиционной, предпринимательской, внешнеэкономической, инновационной и иных, методология хозяйственно-правового воздействия совершенно иная, нежели цивилистическая.

Отсюда следует, что отношения самозащиты субъектов хозяйствования являются объектом хозяйственно-правового регулирования, а институт самозащиты субъектов хозяйствования — хозяйственно-правовым. Указание на способы хозяйственно-правовой самозащиты содержится в отдельных нормативных правовых актах, составляющих массив хозяйственного законодательства. Однако единого механизма правового регулирования понятия, форм и способов самозащиты субъектов хозяйствования на данный момент законодательством не предусмотрено, что является одной из актуальных проблем для исследования и перспективного развития хозяйственного законодательства.

Относительно этого вопроса целесообразно опираться на концепцию правовой категории хозяйственно правовой самозащиты, предложенной Ю. Г. Конаневичем, определившим ее как совокупность организационно-правовых мер, предпринимаемых субъектом хозяйственной деятельности с целью недопущения противоправных действий в отношении него со стороны контрагентов субъекта хозяйственно-правовой самозащиты; субъектов общественных отношений, посягающих на собственность и иное имущество субъекта хозяйственно-правовой самозащиты; субъектов права, совершающих в отношении субъекта хозяйственно-правовой самозащиты общественно опасные действия, содержащие признаки административного правонарушения или преступления и иных [4, с. 233]. К примеру, в условиях расширения процесса цифровизации одним из видов мер самозащиты, на наш взгляд, являются меры по обеспечению кибербезопасности, внедрения мер по защите информации и персональных данных внутри структуры организации, оснащения надлежащей цифровой инфраструктуры, использования новых информационных технологий и т. д.

При этом система мер хозяйственно-правовой самозащиты, объединенных единой целью, зависит от множества факторов, присущих конкретному типу хозяйственной деятельности и организационно-правовой форме самого субъекта хозяйствования. Исходя из критерия деления хозяйственных правоотношений на внутрихозяйственные и внешние, спектр мер реализации хозяйственно-правовой самозащиты будет выстраиваться с учетом проводимой субъектом деятельности во внутренней организации функционирования субъекта и внешнехозяйственной реализации.

1. Хозяйственное право : электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-25 01 02 «Экономика», 1-96 01 02 «Экономическая безопасность» / Н. Л. Бондаренко [и др.]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310314> (дата обращения: 23.02.2025). [Вернуться к статье](#)
2. Годунов В. Н. Хозяйственные отношения: понятие, принципы и методы правового регулирования // Проблемы гражданского права и процесса — 3 : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2009. С. 35–50. [Вернуться к статье](#)
3. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности. Практика опротестования судебных решений [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Основы предпринимательской деятельности : пособие / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. Минск : Белорус. фонд финансовой поддержки предпринимателей, 2024. С. 232. [Вернуться к статье](#)
5. Мухин С. Г. Самозащита прав субъектов хозяйствования в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. 2015. № 6. С. 122–127. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/60690/1/Mukhin._S._G..pdf (дата обращения: 23.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. П. Пацкевич

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В современном обществе произошли существенные социокультурные изменения, которые повлияли на статус сотрудников органов уголовного преследования, социальные ценности, смену моделей профессионального поведения, что требует разработки и применения новых подходов, как в правовой культуре сотрудников, так и в психологическом сопровождении оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова: правовая культура, следователь, орган уголовного преследования, следственная деятельность, конфликтность, экстремальность.

Annotation. In modern society, significant socio-cultural changes have occurred that have affected the status of employees of criminal prosecution bodies, social values, and changes in models of professional behavior, which requires the development and application of new approaches, both in the legal culture of employees and in the psychological support of operational and service activities.

Keywords: legal culture, investigator, criminal prosecution body, investigative activity, conflict, extremity.

В современных условиях в Республике Беларусь продолжается формирование правового государства и развитие гражданского общества. При этом следует отметить, что в процессе становления правосознания общества не последнее место в нем отводится правовой культуре его граждан. Реализация правовых норм в гражданском обществе, в том числе и степень овладения ими населением страны, напрямую зависит от профессиональных юристов, к числу которых, несомненно, можно отнести и сотрудников органов уголовного преследования.

Одной из задач юристов является информирование граждан страны по отдельным положениям действующего на территории нашей страны законодательства. Все это направлено на совершенствование правовой грамотности населения Беларуси, а следовательно, и на повышение соответствующего уровня правовой культуры.

Необходимо отметить, что преобразования, проводимые в настоящее время, не всегда приводят к положительному результату. В республике еще фиксируются бюрократизм и безответственность отдельных государственных служащих во всех эшелонах власти, рост отдельных видов коррупционной и экономической преступности и т. д.

Практическое решение указанных проблем во многом зависит от уровня развития социально-экономических, политических и нравственных отношений в обществе, качественного состояния правовой культуры властных структур, в том числе и органов уголовного преследования.

Многие авторы обращают внимание, что в последнее время в обществе отмечается рост чувства личного достоинства граждан и их потребность в большей социальной и правовой защищенности [1, с. 72; 2, с. 370; 3, с. 120; 4, с. 70–81]. В этих условиях уровень социальных притязаний людей к деятельности правоохранительных органов, в том числе органов уголовного преследования, значительно возрос.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что новые условия в жизни общества требуют от сотрудников уголовного преследования все более сложной нравственной, социально-психологической, эстетической организации, что проявляется через правовую культуру и профессиональное правосознание.

Проблема исследования правовой культуры следователя как сотрудника органа уголовного преследования является одной из актуальных не только в теории права, но и в отраслевых юридических науках, прежде всего в процессуальном праве, криминалистике, криминологии, юридической психологии. Ее значимость обусловлена ролью правовой культуры в организации и осуществлении следственной деятельности, профессионального поведения и общения следователя.

К основным факторам, влияющим на формирование правовой культуры следователя как сотрудника органа уголовного преследования, следует в первую очередь отнести: уровень правовой образованности; правовую идеологию; уровень правосознания и социальное окружение.

В образовательных учреждениях как системы МВД, так и Министерства образования проходит формирование гражданско-патриотического, правового и нравственного воспитания будущего сотрудника правоохранительных органов. При этом у будущих сотрудников формируются соответствующие ценностные ориентации, нравственно-правовые убеждения, правовые знания, воспитываются чувства убежденности в справедливости закона, привычки соблюдать действующее законодательство и т. д.

Рассматривая личность следователя и его правовую культуру, на наш взгляд, необходимо проанализировать основные качества, которыми должен обладать следователь. Так, многие авторы к психическим качествам относят: внимание, наблюдательность, память, воображение и, конечно же, мышление и ум. При этом в силу специфики следственной деятельности сотруднику следствия приходится быстро переключать свое внимание с одного вида

умственной деятельности на другой, что весьма характерно для лиц, обладающих таким типом темперамента, как холерики и сангвиники.

При этом в процессе расследования преступлений следователь зачастую подвергается определенному негативному прессингу со стороны отдельных участников уголовного процесса (подозреваемых, обвиняемых, их родителей, близких родственников, друзей, коллег по работе или учебе и т. д.). В связи с этим мы полностью согласны с мнением видного белорусского криминалиста профессора Н. И. Порубова, указывающего, что в общении следователя с другими участниками процесса расследования необходимо выбирать такие методы воздействия, которые не позволяли бы подвергать следователя отрицательным эмоциям, таким как гнев, презрение, отвращение, злость, обида и т. п.

К сожалению, в практической деятельности многие молодые сотрудники порой эмоционально не готовы выдерживать те условия труда, с которыми они сталкиваются в процессе следственной деятельности: ненормированный рабочий день, иногда в экстремальных условиях, нестандартный объем решаемых служебных задач, постоянный контакт с асоциальными элементами, недостаточность профессионального опыта, сложность решаемых служебных задач в процессе раскрытия и расследования преступлений, где следователь является руководителем расследования уголовного дела с решением многих управленческих, организационных, процессуальных и оперативно-служебных задач. Он же является в силу своих служебных полномочий координатором во взаимодействии всех служб правоохранительных органов, направленных на решение соответствующих задач в ходе расследования преступления.

При этом следователь, особенно с недостатком профессионального опыта, в отдельных случаях попадает под влияние сотрудников оперативных подразделений, милиции общественной безопасности, экспертных подразделений, которые проработали в своих должностях более продолжительное время, имеют огромный опыт в противодействии преступности и иногда своим авторитетом влияют на поведение следователя, заставляя его принимать решения, в которых они заинтересованы, но которые не всегда являются правильными по существу.

Иная группа сотрудников следственных подразделений, наиболее подверженная так называемому эмоциональному выгоранию, проработав в следствии пятнадцать и более лет, морально и психологически устает бороться с возникающими трудностями и проблемами в повседневной деятельности, что приводит к эмоциональному опустошению и усталости. За период службы многие следователи, работая в условиях длительной психологической перегрузки, отличаются эмоциональным, физическим и умственным истощением, что приводит к профессиональной деформации.

О профессиональной деформации в правоохранительной деятельности неоднократно указывали в своих работах С. Е. Борисова [5, с. 11], В. Буданов [6, с. 15–16], Е. С. Красинская [7, с. 48], Е. В. Скворцова [8, с. 39–41], К. Р. Такасаева [9, с. 35–37].

Большую роль в устранении таких негативных явлений, как профессиональная деформация следователей, играет деятельность руководителя следственного подразделения и его сослуживцев [10, с. 89–92].

В подразделении необходимо не только создать психологический климат в коллективе, но и разработать систему мер, направленных на недопущение проявления признаков деформации, формирование установки на соблюдение профессионально-этических норм и принципов.

В первую очередь следует наметить воспитательные мероприятия, направленные на информирование следователей о признаках и последствиях негативных изменений личности в профессиональной деятельности органов уголовного преследования; осуществлять воспитание у сотрудников следственного подразделения высокой общей и профессиональной культуры, эстетического вкуса, принятие мер по организации активного отдыха, в том числе и с членами семей следователей, развитие морально-психологической устойчивости и деловой направленности в работе.

По нашему мнению, исследование правовой культуры следственной деятельности и ее анализ способствуют эффективности работы по повышению ее результативности, улучшению деятельности следственных подразделений, укреплению в конечном счете правовой основы общества, что ведет к созданию правового государства.

1. Баранов П. П., Окусов А. П. Аксиология юридической деятельности. Ростов н/Д : РЮИ МВД России, 2003. 364 с. [Вернуться к статье](#)

2. Морозова Л. А. Теория государства и права. М. : Юрист, 2002. 414 с. [Вернуться к статье](#)

3. Сальников В. П. Правовая культура. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М. : Юристъ, 2000. С. 120. [Вернуться к статье](#)

4. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журн. рос. права. 2004. № 3. С. 70–81. [Вернуться к статье](#)

5. Борисова С. Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06. М. : Акад. упр. МВД России, 1998. 27 с. [Вернуться к статье](#)

6. Буданов А. В. Работа с сотрудниками ОВД по профилактике профессиональной деформации. М. : Домодедово, 1992. 271 с. [Вернуться к статье](#)

7. Красинская Е. С. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и ее предупреждение // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та МВД России. 2016. № 3. С. 48–52. [Вернуться к статье](#)

8. Скворцова Е. В. Психолого-педагогическая реабилитация сотрудников милиции в ситуации профессиональной деформации личности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Моск. психол.-соц. ин-т. М., 2007. 168 с. [Вернуться к статье](#)
9. Такасаева К. Р. Морально-психологические факторы профессиональной деформации личности сотрудника ОВД : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06. М., 2001. 241 с. [Вернуться к статье](#)
10. Головин М. В. Некоторые психологические особенности личности современного следователя // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12. С. 89–92. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРАВ АВТОРА СЛУЖЕБНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ****Н. В. Пушко**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. В данной статье обоснована необходимость законодательного закрепления понятия «служебное задание» как обязательного элемента поручения работнику подготовки служебного произведения в рамках выполнения им трудовой функции.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, служебное произведение, служебное задание, наниматель, работник.

Annotation. This article substantiates the need to legislate the concept of «official assignment» as a mandatory element of the assignment to an employee to prepare an official work as part of his job function.

Keywords: intellectual property, official work, official assignment, employer, employee.

В настоящее время значительное число объектов интеллектуальной собственности создаются в рамках выполнения работниками своих трудовых обязанностей. При этом среди ученых-юристов нередки разногласия, касающиеся правовой природы возникших правоотношений: являются ли они отношениями, регулируемыми нормами права трудового или же права гражданского, или же данный вид правоотношений необходимо рассматривать как находящийся на стыке норм двух вышеназванных отраслей, так как автор произведения одновременно является и наемным работником, и создателем охраноспособного объекта авторского права. Поэтому одной из наиболее важных задач в рассматриваемой сфере является организация труда работника-автора и оформления полученных им результатов через выдачу служебного задания и соблюдение режима использования служебного произведения.

Согласно действующему законодательству, автор произведения является одновременно и обладателем исключительных прав на него. Изъятием из этого правила может являться обстоятельство, когда автор создал произведение, исполняя обязанности при работе по найму. При этом если работник сконструировал некий новый объект из материалов и на оборудовании, принадлежащем нанимателю, при этом получая за свой труд заработную плату, принадлежность полученного результата нанимателю не вызывает сомнений. В то же время, если итогом работы стало нематериальное явление, потенциально охраноспособное как объект права интеллектуальной собственности, то принадлежность прав

на него может являться дискуссионной, так как основой для создания такого произведения является творческая составляющая и интеллект работника-автора. Поэтому установление разумного баланса между интересами лица, работающего по найму, и нанимателя по поводу принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные таким лицом, обусловлено необходимостью равномерного распределения выгод от использования этого результата, а также, при необходимости, защиты нарушенных исключительных прав.

Отметим, что на современном этапе развития большинство исследователей сходятся во мнении, что в любом случае данные правоотношения должны быть закреплены в договорном порядке: или в качестве четкой регламентации гражданско-правовых условий по созданию служебного произведения в трудовом договоре, или в качестве отдельного условия об осуществлении творческой деятельности (в том числе деятельности в качестве автора служебного произведения) в трудовом договоре, которое будет реализовано через выполнение работником его должностных обязанностей.

В подавляющем большинстве случаев на момент создания служебного произведения работник-автор и наниматель находятся в трудовых правоотношениях, следовательно, служебное задание может выдаваться только в пределах должностных обязанностей работника, то есть лишь в рамках выполнения им трудовых функций. В соответствии со ст. 20 Трудового кодекса Республики Беларусь [1], наниматель не вправе требовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами. Следовательно, невозможно признать задание служебным, если его выполнение выходит за рамки осуществления работником его профессиональной деятельности. При этом полемичным является вопрос: как без наличия должным образом оформленного служебного задания на создание служебного произведения только при наличии трудовых связей между работником-автором и работодателем определить результат интеллектуального труда как принадлежащий нанимателю? Поэтому только зафиксированная надлежащим образом обязанность автора-работника через выдачу ему служебного задания в пределах его трудовой функции является необходимым и достаточным элементом для признания произведения как имеющего служебный характер.

Отметим, что отечественный законодатель не дает легального определения понятия «служебное задание». Так, ст. 17 «Авторское право на служебное произведение» Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» [2] не содержит определения данного понятия, а предусматривает лишь определенные особенности, с учетом которых

авторское право на служебное произведение принадлежит автору. При этом и в Трудовом кодексе Республики Беларусь, в частности в ст. 55 «Обязанности работника», также не содержатся указания на функцию работника по выполнению служебного задания [1].

Таким образом, законодательное закрепление понятия «служебное задание» как конкретного поручения нанимателем работнику создания объекта интеллектуальной собственности в пределах его должностных обязанностей является своевременным и актуальным.

В настоящее время для признания какого-либо произведения служебным необходимы письменные доказательства того, что работнику было дано конкретное задание по созданию служебного произведения. Таким доказательством, в частности, может являться письменный документ, оформленный определенным образом, содержащий подробно изложенное само служебное задание с разбивкой по этапам его исполнения (при необходимости), с датами и подписями нанимателя и работника-исполнителя. Кроме того, подтверждением выполнения работником именно служебного задания могут выступать должностные инструкции, приказы и другие локальные акты организации, прямо предусматривающие обязанность работника выполнять служебное задание нанимателя.

Отсюда следует, что в локальных правовых актах нанимателя должны быть отражены: принадлежность права собственности на охраняемые авторским правом материалы, создаваемые сотрудниками, порядок использования таких материалов третьими лицами, порядок и форма выдачи служебного задания на создание служебного произведения, вопросы урегулирования ситуаций, возникающих в связи с нарушением авторских прав, порядок работы с пользовательским контентом и др.

Помимо всего прочего, одним из основных проблемных вопросов правового регулирования прав автора служебного произведения является соблюдение баланса его интересов и выгоды нанимателя, особенно в части признания за автором права на получение вознаграждения как за создание, так и за использование объекта авторского права, полученного в результате выполнения работы по заданию нанимателя. Если работник будет уверен, что результаты его интеллектуального труда получат достойную оплату, это будет стимулировать его к более активному созданию служебных произведений. При этом повышение доходов работников-авторов как элемента системы мотивации труда персонала является одним из основополагающих в оплате труда работника, создающего такие объекты. Что же касается размера вознаграждения, то он определяется соглашением сторон, но не может не учитывать всю сложность процесса работы над произведением и уровень временных, а также трудовых

затрат автора при осуществлении им интеллектуального труда. Кроме того, размер гонорара за создание произведения должен быть напрямую закреплен в подписываемом сторонами соглашении и не может быть не ниже оплаты в случае заключения авторского договора с издательством об опубликовании своего труда.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что для квалификации произведения как служебного необходимо не только наличие трудовых отношений между работником и нанимателем, но и сам такой объект интеллектуальной собственности должен быть создан в пределах трудовых обязанностей работника с выдачей ему конкретного служебного задания от нанимателя. Кроме того, чтобы снизить риски, связанные с ненадлежащей фиксацией результатов, полученных при создании служебных объектов интеллектуальной деятельности, а также с их неверным оформлением, представляется обоснованным зафиксировать в локальном правовом акте организации перечень необходимых документов, регулирующих порядок юридического закрепления прав на такие объекты. Основу такого документационного комплекта должны составлять следующие материалы: служебное задание для конкретного работника-автора на создание служебного объекта интеллектуальной собственности, коррелирующего с трудовой функцией работника по трудовому договору; договор авторского заказа, а также документы, регулирующие контроль за созданием служебного произведения, порядок оформления прав на такой объект, ответственность персонала нанимателя за ненадлежащее оформление документов и нарушение режима использования служебного объекта.

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 25-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З : в ред. от 9 янв. 2023 г. № 243-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 341.63

**ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕ
ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В ЗАЩИТУ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГРАЖДАН
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

В. К. Раюшкин

Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований в области
гражданского, экологического и социального права,
магистр юридических наук, аспирант

***Аннотация.** В статье проведен анализ законодательной регламентации участия прокурора в суде общей юрисдикции в защиту прав и законных интересов организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в контексте третейского разбирательства. Особое внимание уделено анализу регламентации данных вопросов в Российской Федерации. Высказывается мнение относительно дальнейших перспектив совершенствования законодательства в данной области.*

***Ключевые слова:** прокурор, гражданское судопроизводство, третейское разбирательство, третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд.*

***Annotation.** The article analyzes the legislative regulation of the participation of the prosecutor in the court of general jurisdiction in defense of the rights and legitimate interests of organizations and citizens in the sphere of entrepreneurial and other economic activities in the context of arbitration proceedings. Particular attention is paid to the analysis of the regulation of these issues in the Russian Federation. An opinion is expressed regarding further prospects for improving legislation in this area.*

***Keywords:** prosecutor, civil proceedings, arbitration, arbitration court, international arbitration (arbitration) court.*

Согласно чч. 1, 2 ст. 71 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором в случае, если гражданин по состоянию здоровья, по возрасту, в силу недееспособности или

по другим уважительным причинам не может самостоятельно обратиться в суд [1]. При этом прокурор обязан принимать участие в рассмотрении гражданского дела, возбужденного по его инициативе. Также прокурор вправе вступить по тем же основаниям в уже начатый процесс.

По своему процессуальному статусу прокурор, участвующий в рассмотрении дела, является лицом, которое имеет исключительно государственный интерес в исходе дела, соответственно, обладает правами и несет обязанности как лицо, участвующее в деле и имеющее государственный интерес в его разрешении. Исходя из этого, при обращении прокурора в защиту государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности, либо в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, данные лица, в интересах которых подает заявление прокурор, и являются истцами по делу. По этой причине в случае отказа прокурора от своего заявления лицо, в защиту прав, свобод и законных интересов которого он обратился в суд, не утрачивает права требовать рассмотрения дела по существу.

Для целей анализа правовой регламентации участия прокурора в гражданском судопроизводстве в защиту прав, свобод и законных интересов организаций и граждан при осуществлении экономической деятельности обратимся к следующему. Так, согласно ч. 1 ст. 41 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, спор, возникающий из гражданских правоотношений, подведомственный суду до удаления суда в совещательную комнату для вынесения судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, может быть передан сторонами на разрешение третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа. Для передачи такого дела на разрешение третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа необходимо, чтобы между сторонами спора имелось действительное письменное соглашение о разрешении споров в таком порядке, отсутствовали основания для признания такой возможности обращения в третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд, иной постоянный арбитражный орган утраченной, а также изъясление ответчиком, возражающим против рассмотрения дела в суде, не позднее своего первого заявления по существу спора, путем заявления ходатайства о передаче спора на разрешение третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа. Соответственно, если сторона заявляет ходатайство о передаче дела в третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд,

иной постоянный арбитражный орган, то судом в подобном случае в первую очередь проверяется наличие и действительность соглашения о рассмотрении дел в такого рода организациях по разрешению споров. Если будет установлено, что соглашение действительно, то суд прекращает производство по делу.

При передаче спора на разрешение третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа судом выносится определение об оставлении искового заявления без рассмотрения. Как следствие этого, прокурор не может больше участвовать в процессе рассмотрения данного дела, поскольку по своей сути третейское разбирательство является частным и не предполагает участия в нем государственных органов, включая прокуратуру, а третейские суды, международный арбитражный (третейский) суд, иные постоянные арбитражные органы не входят в судебную систему Республики Беларусь.

Так, согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах», третейский суд разрешает любые споры, возникающие между сторонами, заключившими третейское соглашение, за исключением споров, непосредственно затрагивающих права и законные интересы третьих лиц, не являющихся сторонами третейского соглашения, и споров, которые не могут быть предметом третейского разбирательства в соответствии с законодательством Республики Беларусь или законодательством иностранного государства, если применение законодательства иностранного государства предусмотрено третейским соглашением или иным договором между сторонами [2].

В качестве лиц, участвующих в деле, рассматриваемом в третейском суде, могут выступать только истец, ответчик и привлекаемые с их согласия третьи лица, а со стороны суда процесс ведут третейские судьи. Участие прокурора в таком процессе не предусмотрено, как и возможность прокурора опротестовать решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда и иного постоянного арбитражного органа.

Законодательством о гражданском судопроизводстве предусмотрено право прокурора высказать свою позицию на этапе передачи гражданского дела из государственного суда на разрешение третейского суда. Так, если прокурор полагает, что прекращение производства по делу нарушает закон или публичные интересы, то он имеет право опротестовать определение суда об оставлении заявления без рассмотрения в апелляционном порядке.

Подобный порядок процессуальных действий установлен и в отношении передачи гражданского дела в международный арбитражный (третейский) суд. В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде», международный

арбитражный (третейский) суд — создаваемая в целях рассмотрения соответствующих споров постоянно действующая арбитражная (третейская) организация или третейский орган, специально образуемый по соглашению сторон спора вне постоянно действующей арбитражной (третейской) организации для рассмотрения отдельного спора [3]. Согласно абз. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде», в международный арбитражный суд по соглашению сторон могут передаваться гражданско-правовые споры между любыми субъектами права, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если местонахождение или местожительство хотя бы одного из них находится за границей Республики Беларусь, а также иные споры экономического характера, если соглашением сторон предусмотрена передача спора на разрешение международного арбитражного суда и если это не запрещено законодательством Республики Беларусь.

В качестве лиц, участвующих в деле, рассматриваемом в международном арбитражном (третейском) суде, участвуют истец и ответчик, а со стороны суда процесс ведут арбитры. Для оказания содействия в проведении разбирательства могут быть привлечены эксперт и переводчик. Участие прокурора в таком процессе также не предусмотрено.

Как указывалось ранее, прокурор имеет право опротестовать определение суда об оставлении заявления без рассмотрения по причине передачи дела в международный арбитражный (третейский) суд в апелляционном порядке, если он полагает, что прекращение производства по делу нарушает закон или публичные интересы.

Также отметим, что прокурор не указан в качестве участника в следующих видах производств, которые получили регламентацию в рамках гражданского судопроизводства в порядке исполнения, отмены или признания решений как часть описанных ранее третейского производства и международных арбитражных (третейских) производств:

- в производстве об отмене решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа, находящихся на территории Республики Беларусь;
- в производстве по заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, иного постоянного арбитражного органа, находящихся на территории Республики Беларусь;
- в производстве по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, иностранных третейских судов (арбитражей).

В Российской Федерации реализован другой подход к соотношению полномочий прокурора в арбитражном процессе и передаче дела на рассмотрение третейского суда или международного арбитражного (третейского) суда.

Согласно абз. 3 п. 5 ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности при рассмотрении заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда [4].

Кроме этого, согласно п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», при обращении прокурора в арбитражный суд с иском о признании недействительными сделок, совершенных органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований, а равно при обращении с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований, если в договоре содержится положение о передаче споров из этого договора на рассмотрение третейского суда, прокурор обязан обосновать, каким образом нарушаются публичные интересы в связи с заключением данной сделки. Если арбитражный суд установит, что оспариваемой сделкой не нарушаются публичные интересы, на которые указывает прокурор в своем обращении, то арбитражный суд оставляет заявление прокурора без рассмотрения применительно к п. 5 ч. 1 ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [5].

Также, в соответствии с п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», в случае, если после принятия арбитражным судом заявления прокурора к производству и возбуждения производства

по делу стороны заключили соглашение о передаче спора на рассмотрение третейского суда, суд продолжает рассмотрение дела по существу, не оставляя заявление прокурора без рассмотрения.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в Российской Федерации правовое положение прокурора в арбитражном процессе позволяет ему более эффективно осуществлять защиту прав и законных интересов организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности вне зависимости от заключенного сторонами спора соглашения о передаче дела на рассмотрение третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда при нарушении интересов публично-правовых образований.

Сам механизм обращения сторон для разрешения спора в третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд, иной постоянный арбитражный орган не исключается арбитражным процессуальным законодательством Российской Федерации. А кроме этого, участие прокурора в рассмотрении спора в арбитражном суде не приводит к нивелированию права сторон на обращение в третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд, иной постоянный арбитражный орган, поскольку первоочередное значение участия прокурора в подобного рода делах всецело зависит от того, нарушаются ли публичные интересы оспариваемой сделкой.

На наш взгляд, в Республике Беларусь следует на законодательном уровне расширить полномочия прокурора в аспекте участия в суде общей юрисдикции в защиту прав и законных интересов организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в контексте третейского разбирательства. Видится целесообразным по гражданским делам, по которым прокурор обратился в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности, исключить обязанность суда по вынесению определения об оставлении такого заявления без рассмотрения.

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : вступает в силу 1 янв. 2026 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О третейских судах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З : в ред. от 17.07.2020 г. № 42-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О международном арбитражном (третейском) суде : Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З : в ред. от 01.07.2014 г. № 174-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе : постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 23 марта 2012 г. № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.422:331.109

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ОПЛАТЕ ТРУДА КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ГАРАНТИЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ И ЗРЕЛОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

С. В. Садовников

Департамент по санации и банкротству
Министерства экономики Республики Беларусь,
консультант

Аннотация. В статье на основе теории «снятия корпоративной вуали» и содержания статутной субсидиарной ответственности обосновано ее применение в качестве инструмента защиты отношений по оплате труда. На основе анализа законодательства автором предлагается нормативное закрепление этой ответственности.

Ключевые слова: защита трудовых прав, злоупотребление нанимателя, неплатежеспособность, субсидиарная ответственность.

Annotation. The article substantiates the application of statutory subsidiary liability as a tool for protecting relations on remuneration based on the theory of «lifting the corporate veil» and the content of statutory subsidiary liability. Based on the analysis of legislation, the author proposes a normative consolidation of this liability.

Keywords: protection of labor rights, employer abuse, insolvency, subsidiary liability.

В настоящий период времени правовая культура оказывает значительное влияние на трудовые отношения между работниками и нанимателями. Цель регулятивной функции правовой культуры заключается в том, чтобы указать на наиболее приемлемый вариант поведения, наставить индивида на правильный и законный путь, а в конкретных случаях склонить к предлагаемому варианту и способу действия как оптимальному. Зрелость правовой культуры отражает уровень гарантированности прав личности и в первую очередь степень гарантированности государством трудовых прав [1, с. 112].

Одним из аксиоматических принципов гарантированности прав личности, который ни при каких обстоятельствах не может нарушаться, является обеспечение права работника на своевременную и полную заработную плату. Вместе с тем недостаточная эффективность принудительных предписаний трудового права в неплатежеспособных организациях позволяет отдельным работодателям извлекать выгоду из своего экономико-правового состояния и порождает нарушение прав трудящихся, являющихся непосредственным производителем материальных благ.

Неплатежеспособность нанимателя порождает социальный риск в виде лишения единственного средства существования работника. Такой риск требует законодательного способа компенсации (минимизации) его последствий.

Статьей 42 Конституции Республики Беларусь лицам, работающим по найму, гарантируется справедливая доля вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением. При этом ст. 73 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК) установлено, что выплата заработной платы производится регулярно в дни, определенные в коллективном договоре, соглашении или трудовом договоре, но не реже двух раз в месяц.

«Прибыль капиталиста состоит... из избытка всей суммы труда, содержащейся в товаре, над содержащейся в нем оплаченной суммой труда» [2]. Недобросовестность работодателей в присвоении этого избытка в полном объеме ставит перед государством задачу выработки механизма защиты работников. Они находятся в крайне невыгодном положении, когда вынуждены многие месяцы ожидать причитающейся им выплаты, имея при этом необходимость осуществлять ежедневные расходы на содержание семьи без постоянного источника доходов. Более того, суть данной ситуации состоит в том, что трудящиеся кредитуют частного собственника, поскольку не получают зарплату за уже произведенную ими работу.

В ряде случаев работодатели «бросают» бизнес при появлении финансовых трудностей безотносительно к наличию задолженности по оплате труда перед сотрудниками этих организаций. Взыскать задолженность по заработной плате с таких «мертвых» работодателей при наличии у работника документов, подтверждающих его заработок, несложно, однако привести решение суда в исполнение практически невозможно. На момент получения исполнительного листа какое-либо имущество организации из нее выводится, организация фактически перестает вести хозяйственную деятельность. В указанной ситуации даже инициирование собственниками ликвидации своего бизнеса (в том числе банкротства) лишь удлиняет бесперспективный период ожидания работников получить причитающуюся им заработную плату.

Это вызывает необходимость разрешения государством ситуаций, связанных с нарушением прав трудящихся, с созданием соответствующих эффективных механизмов. На важность бескомпромиссной борьбы с уклонением от оплаты труда обратил особое внимание Президент Республики Беларусь, заявив 28 февраля 2020 г. на VIII съезде Федерации профсоюзов Беларуси следующее: «Белорусский народ выбрал путь социального диалога, и в стране не раз убеждались в его разумности и перспективности... Ответственность руководителей предприятий должна быть однозначная. Зарплату, кровь из носу, платить надо... Более того, люди не только зарплаты своей не видят, но и лишаются части пенсии. Потому что наниматели не платят за них взносы в Фонд социальной защиты. Это, конечно, недопустимо!» [3].

Из этого следует, что партнеры социального диалога должны иметь общий интерес в обеспечении жизненного уровня работников и урегулировании разногласий. В условиях неплатежеспособности должно продолжаться социальное партнерство вплоть до принуждения к такому партнерству законодательством на основе принципа предупреждения социальных конфликтов в сфере трудовых отношений.

Риск зарплаты полностью лежит на нанимателе. Как говорится, «вынь да положь». Работники не должны нанимать адвокатов, чтобы разбираться в причинах просрочки зарплаты. Не проблемы экономики, а безразличие и равнодушие лиц, ответственных за судьбу предприятия, является главной причиной нарушения трудовых прав.

В 2024 г. субъекты хозяйствования «зашли» в процедуру банкротства с задолженностью по зарплате 16,3 млн рублей [4]. Из этого следует, что норма ст. 76 ТК о создании резервного фонда «не срабатывала». Наличие просроченной задолженности по зарплате на предприятиях, «попадающих» в банкротство, дает основания утверждать наличие практики «экономии на труде» в хозяйственной деятельности предприятий.

Со стороны государственных органов принимаются все возможные меры. Так, например, в г. Новогрудке после реорганизации на предприятии с неиспользуемым и неликвидным имуществом остался долг по зарплате более 40 тыс. рублей. После вмешательства органа финансовых расследований задолженность в полном объеме была погашена в рамках уголовного дела по воспрепятствованию возмещению убытков кредиторам [5, с. 62].

Решение проблемы долгов по заработной плате должно осуществляться не только за счет репрессивных методов административной и уголовной ответственности (этих мер недостаточно, т. к. проблема невыплат остается). Необходимо использование такого действенного механизма, как взыскание всей суммы задолженности по оплате труда с лица, имеющего право давать обязательные для нанимателя указания, либо возможность иным образом определять его действия путем привлечения этого лица к субсидиарной ответственности. Такая мера соответствует подходу о расширении возможностей гражданско-правовой защиты охраняемых отношений, реализуемому по результатам совещания у Главы государства 16 декабря 2019 г. о совершенствовании законодательства об административной ответственности [6].

Институт субсидиарной ответственности тесно связан с концепцией «снятия корпоративной вуали». По смыслу этой концепции возможен перенос ответственности за вред с организации на ее участников. Данная теория является взаимодополняющей принцип ограниченной ответственности юридических

лиц, поскольку причиненный вред часто становится последствием злоупотреблений, реализованных, исходя из названного принципа.

Субсидиарная ответственность в этом случае возлагается на лиц, состоящих в корпоративных отношениях с юридическим лицом и имеющих в отношении него комплекс корпоративных прав, основным из которых является право на участие в управлении. Невыплата заработной платы, как правило, связана с действиями лиц, составляющих органы управления юридического лица либо являющихся его работниками. Ответственность за их найм (как часть управленческой деятельности) в конечном счете несут участники юридического лица. Даже если участник привлекается к субсидиарной ответственности не за свои неправомерные действия, а за неправомерные действия юридического лица, он несет ответственность за свои упущения при осуществлении им права корпоративного управления юридическим лицом [7, с. 66].

В этом смысле можно провести условную аналогию между ответственностью субсидиарных должников, создавших юридическое лицо, и ответственностью владельца источника повышенной опасности (ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Владение имуществом, представляющим опасность для окружающих, влечет принятие риска возможных неблагоприятных последствий в виде причинения этим источником вреда третьим лицам. Точно также и юридическое лицо можно образно рассматривать в качестве «источника повышенной опасности» для кредиторов-работников, а его участники в предусмотренном законом случае должны нести риск неисполнения юридическим лицом обязательств перед кредиторами в виде субсидиарной ответственности [7, с. 67].

В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 25 мая 2016 г. № Р-1034/2016 «О правовом регулировании приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» подчеркивается, что в силу принципа справедливости, проявляющегося, в частности, в необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников гражданского оборота, свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность.

Данное требование ответственного отношения к правам кредиторов распространяется также на лиц, имеющих право давать обязательные для юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия. Управомоченный субъект (участник) обязан реализовывать свое право управления юридическим лицом так, чтобы не создавалась угроза такого

состояния юридического лица, при котором оно не сможет исполнить свои обязательства перед кредиторами. В таком случае конструкция юридического лица и связанное с ней признание самостоятельности и ограниченной ответственности будет рассматриваться как инструмент, который используется управомоченным субъектом с намерениями, не соответствующими целям правопорядка и ущемляющими права и интересы других лиц [8, с. 58–59].

Возможность привлечения контролирующих лиц к ответственности не может сказаться на ценности конструкции юридического лица. Напротив, обратная ситуация, когда кредиторы юридического лица остаются беззащитными и не имеют возможности защитить свои права, позволяет ставить вопрос о дальнейшем смысле, значении и девальвации юридического лица как правовой конструкции. Концепция «снятия корпоративной вуали» — это многогранное явление, включающее в себя различные правовые подходы. Например, некоторые правоведы включают сюда не только случаи привлечения участников по долгам юридического лица, но и случаи «пронизывающего вменения», заключающиеся в приписывании участникам определенного правового статуса [9, с. 4–5].

В зависимости от основания возникновения субсидиарная ответственность подразделяется на статутную, договорную и деликтную. При этом к статутной ответственности относится ответственность участников и собственника имущества юридического лица или других лиц, которые вправе давать обязательные для этого юридического лица указания или имеют возможность иным образом определять его действия [10, с. 38].

Термин «статутный» используется применительно к юридической ответственности в общей теории права как объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством необходимость осознанного и добровольного выполнения правовых предписаний участниками правоотношений [11, с. 80].

Для нее свойствен ряд особенностей, в числе которых возникновение дополнительных неблагоприятных имущественных последствий не для нарушителя прав кредиторов, а для участника — отсутствие у участника вины, противоправности, причинной связи; направленность на компенсацию имущественных потерь. Статутная ответственность реализуется при отсутствии незаконности действий участника и направлена на восстановление имущественного положения кредиторов за счет участника [12].

Современное законодательство существенно расширило сферу применения субсидиарной ответственности, в связи с чем предложена ее классификация [13, с. 3–4]. Исходя из нее, субсидиарную ответственность участников по оплате труда можно отнести к публичному и частному праву (по сфере

применения), считать регулируемой межотраслевым законодательством (по источнику регулирования) и императивными нормами (по характеру регулирования), возникающей из статутных отношений (по основанию возникновения).

Данная субсидиарная ответственность не связывается с фактом объявления нанимателя банкротом, так как задолженность по оплате труда генерируется в организациях задолго до банкротства. Процедура банкротства является длительным процессом (увеличивающим период неуплаты), вовлекает в процесс всех кредиторов (уменьшая шансы на оплату труда) и не гарантирует выплаты в полном размере (признается погашенной после ликвидации нанимателя при отказе или невозможности работника взыскивать долг самостоятельно).

Указом Президента Республики Беларусь от 9 января 2023 г. № 3 «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы» предусмотрен механизм воздействия Департамента государственной инспекции труда Минтруда и соцзащиты в качестве взыскателя на нанимателей без участия самих работников, направленный на обеспечение права на заработную плату. Предлагается развить этот механизм, установив субсидиарную ответственность участников (акционеров, собственников имущества) юридических лиц по оплате труда работников этих юридических лиц, а также полномочие указанного Департамента выступать, в соответствии со ст. 370 Гражданского кодекса Республики Беларусь, субъектом предъявления требования к субсидиарному должнику (истцом, взыскателем).

Предполагается, что введение подобной конструкции в белорусское законодательство сможет дисциплинировать нанимателей, позволит минимизировать случаи невыплаты зарплаты. Контролирующие нанимателя лица постоянно будут иметь в виду, что их участие в руководстве юридического лица не носит формальный характер, поскольку это может повлечь при нарушении трудовых прав субсидиарную ответственность.

Проблема своевременной оплаты труда является социальной проблемой, от решения которой зависит общественный и деловой климат. Механизм ее решения выступает индикатором эффективности государства как регулятора социально-трудовых отношений.

Норма о субсидиарной ответственности участников (акционеров, собственников имущества) юридических лиц по оплате труда работников будет выполнять предупредительную функцию, повышать уровень гарантированности трудовых прав и зрелости белорусской правовой культуры.

1. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции : моногр. ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : б. и., 2008. 199 с.
[Вернуться к статье](#)

2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/1951-iiiKarl_Marx_1951_Kapital_Tom_3 (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Участие в VIII съезде Федерации профсоюзов Беларуси [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-viii-sjezde-federatsii-profsojuzov-belarusi-23147> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Бюллетень по делам о несостоятельности и банкротстве, итоги 2024 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://economy.gov.by/ru/statistica-ru/> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Туптало С. Справедливость восстановлена // Государственный контроль. 2024. № 2 (52). [Вернуться к статье](#)
6. Совещание по вопросам применения мер административной ответственности. 16 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveschanie-po-voprosam-primeneniya-mer-administrativnoj-otvetstvennosti-22606> (дата обращения: 10.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2018. № 1. С. 45–77. [Вернуться к статье](#)
8. Мороз В. Доведение до банкротства как факт, подлежащий оценке в делах о субсидиарной ответственности // Судовы Веснік. 2021. № 1. [Вернуться к статье](#)
9. Хлюстов П. В. На новом витке развития корпоративного права // Экономика и жизнь. Юрист. 2017. № 17–18. [Вернуться к статье](#)
10. Огнев В. Н. Гражданско-правовая ответственность третьих лиц в обязательствах // Гражд. право. 2008. № 4. С. 38–40. [Вернуться к статье](#)
11. Черных Е. В. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. Вып. 1 (10). Саратов : СГАП, 1998. С. 80–83. [Вернуться к статье](#)
12. Зайцева Ю. А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса : моногр. М. : Юстицинформ, 2024. 224 с. [Вернуться к статье](#)
13. Долинская В. В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА УСТАНОВЛЕНИЯ
ОТРАЖАЕМОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ
ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ
(ЛИЦЕНЗИИ)**

Д. А. Свиридов

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы получения криминалистически значимой информации, отражаемой в процессе осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). Определяются основные направления, по которым осуществляется поиск такой информации. Предлагается алгоритм работы по получению криминалистически значимой информации для последующей ее реализации в рамках уголовных дел по фактам преступлений о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии). Констатируется факт наличия особенностей получения такой информации по преступлениям в экономической сфере в целом.

Ключевые слова: преступление, расследование, криминалистика, субъект хозяйствования, экономика, предпринимательская деятельность.

Annotation. The article examines the issues of obtaining forensically significant information reflected in the process of carrying out entrepreneurial activity without a special permit (license). The main directions in which the search for such information is carried out are determined. An algorithm for obtaining forensically significant information for its subsequent implementation in the framework of criminal cases on the facts of crimes on entrepreneurial activity carried out without a special permit (license) is proposed. The fact of the presence of features of obtaining such information on crimes in the economic sphere in general is stated.

Keywords: crime, investigation, forensics, business entity, economics, entrepreneurial activity.

Совершение преступных деяний в экономической сфере, в том числе и в предпринимательской деятельности, осуществляемой без лицензии, специального разрешения (лицензии), с неизбежной закономерностью влечет возникновение изменений окружающей среды точно так же, как и при совершении иных видов преступлений. Такого рода изменения проявляются в следах, а именно материальных, идеальных и цифровых следах. С точки зрения криминалистики их происхождение предопределяется законами материалистической

диалектики. Следы, формирующиеся в процессе осуществления преступных действий в предпринимательской деятельности, находятся в причинно-следственной связи как с действиями субъектов, так и событием преступления в целом, складываясь в процессе этого в систему объектов — носителей следовой информации, а значит, криминалистически значимой.

Преступления такого характера, как правило, маскируются под вид легальных финансово-хозяйственных операций, внешне носящих законный характер. Исходя из этого, значимую часть следовой картины составляют следы отображения, в которых проявляются процессы осуществления финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, их гражданско-правовых сделок с контрагентами, государственными и частными организациями. На современном этапе развития общества, характеризующемся высокой степенью цифровизации, такого рода следы в своем большинстве сохраняются в цифровом виде на различного рода носителях, в программах и информационных системах, которые используются как самой организацией, так и другими субъектами.

Помимо прочего, не следует забывать, что значительная часть криминалистически значимой информации может содержаться в электронной переписке (различные мессенджеры, электронная почта, смс-сообщения и др.). В этом кроется серьезное обстоятельство, отличающее преступления против порядка осуществления экономической деятельности от других видов преступлений, где несмотря на цифровизацию все-таки преимущество остается за классическими следами: материальными и идеальными. В трудах ученые-криминалисты прямо указывают на специфику следообразования экономических преступлений [1, с. 167; 2, с. 42].

Вместе с тем следует признать, что признаки преступлений в предпринимательской деятельности, осуществляемой без лицензии, специального разрешения (лицензии), зачастую профессионально маскируются под законную деятельность, а их установление требует от лица, осуществляющего проверку по материалу проверки либо расследованию уголовного дела, определенных знаний порядка функционирования различных субъектов хозяйствования, нормативных правовых актов регулирования конкретных отраслей и сфер экономики. Все это свидетельствует о том, что выявление признаков преступлений в сфере экономики, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности, процедура достаточно сложная, что связано с необходимостью их выделения из ряда внешне законных документов и фактов.

Посредством детального исследования первичной криминалистически значимой информации, как правило, устанавливается действительное финансовое состояние субъекта хозяйствования, возможности исполнения этим

субъектом взятых на себя обязательств; стоимость товаров, работ, услуг, предлагаемых субъектом хозяйствования; наличие необходимых разрешений (лицензий), когда такие лицензия, специальное разрешение (лицензия) обязательны; наличия опыта деятельности в конкретной сфере оказания услуг, выполнения работ и многое другое.

С учетом проведенных исследований, а также с учетом отмеченной учеными-криминалистами специфики преступлений в сфере экономики, видится возможным следующий алгоритм выявления и фиксации следовой криминалистически значимой информации о преступлениях, связанных с предпринимательской деятельностью, осуществляемой без лицензии, специального разрешения (лицензии):

1. Определение конкретной модели законной предпринимательской деятельности, для которой характерна определенная следовая картина. Для решения данной задачи необходимы глубокие знания лица, осуществляющего расследование уголовного дела, в конкретных отраслях экономической деятельности, что не всегда возможно в силу объективных обстоятельств. В случае если таких знаний недостаточно — привлечение к расследованию в различных формах (процессуальных и непроцессуальных) специалистов, знания которых помогли бы должностному лицу, осуществляющему расследование, установить эту модель деятельности.

2. Сравнение установленной модели с фактически установленными данными, которые удалось выяснить в процессе проверки деятельности субъекта хозяйствования, что также невозможно без должной профессиональной подготовки (например, знание определенных индикаторов незаконной деятельности). После выявления определенных маркеров противозаконной деятельности — определение механизма и структуры проверки (в данном случае определение алгоритма действий проверочного характера). К таким действиям следует отнести проверку статуса (законный или нет) субъекта хозяйствования; в случае законного характера деятельности — проверка действительных разрешений (лицензий) на осуществление деятельности, подлежащей данной процедуре; установление круга должностных лиц (учредители, руководители, менеджеры) субъекта хозяйствования за весь предполагаемый период времени осуществления преступной деятельности; установление механизма, по которому осуществлялась незаконная деятельность; установление круга контрагентов, их взаимоотношения; анализ финансово-хозяйственной деятельности как в целом, так и представляющих повышенный интерес отдельных хозяйственно-финансовых операций; анализ ранее проводимых ревизий, ведомственных и вневедомственных проверок, в том числе принятых по ним решений; анализ документации бухгалтерского и налогового учета, исследование внутреннего

документооборота, которые сопровождали финансово-хозяйственную деятельность; выявление всех фактов неисполнения принятых на себя обязательств субъектом хозяйствования с установлением сопутствующих обстоятельств (причин неисполнения, анализ судебных решений при наличии таковых); назначение и проведение ревизий, проверок финансово-хозяйственной деятельности, экспертиз; выявление фактов возможного использования лицами, осуществляющими незаконную предпринимательскую деятельность, коррупционных связей.

3. По результатам проведенного сравнения формирование вывода о соответствии действий субъекта хозяйствования определенной модели предпринимательской деятельности либо о наличии в действиях такого субъекта признаков правонарушения. При этом под правонарушением следует понимать весь спектр: от гражданско-правового деликта до преступления. Кроме того, после проведенной проверки может сложиться ситуация, при которой могут быть установлены некоторые несоответствия в деятельности, требующие дополнительной проверки.

4. После вывода о характере деятельности субъекта хозяйствования, в случае установления незаконного ее характера, лицом, осуществляющим расследование, производится сбор доказательств, которые устанавливают фиктивный характер осуществления предпринимательской деятельности субъектом хозяйствования, а также иных обстоятельств (например, использования статуса субъекта хозяйствования с целью маскировки преступления, установление размера незаконно полученной прибыли и иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Подводя итог проведенного исследования, представляется возможным отметить, что серьезное влияние на механизм слеодообразования по делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без лицензии, специального разрешения (лицензии), оказывает всеобъемлющая цифровизация. Данное обстоятельство предопределяет деятельность лица, осуществляющего расследование данной категории дел, наталкивает его на установление информации цифрового характера, образуемой в процессе осуществления такой деятельности и оставляющей следы на цифровых носителях и платформах, в информационных базах и компьютерных программах. Знание вышеуказанных закономерностей слеодообразования по уголовным делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без лицензии, специального разрешения (лицензии), и применение на практике алгоритма, предложенного выше, позволит лицу, осуществляющему расследование уголовных дел о преступлениях данного вида, грамотно и правильно организовать деятельность по осуществлению проверки поступившей информации, верно

определить места сохранения криминалистически значимой информации, определить методы по ее получению и использованию в процессе расследования, а кроме того, еще в стадии проверки исключить факты преждевременного возбуждения уголовного дела, проверить версии, а также нейтрализовать возможное противодействие предварительному расследованию по уголовному делу.

1. Волынский А. Ф. Отражение информации о преступлении и преступнике // Криминалистика : учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. 943 с. [Вернуться к статье](#)

2. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М. : Норма, 2008. 224 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9(476)

**О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ВИДА ПРАВОСУДИЯ
(ГРАЖДАНСКОГО ИЛИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА)
ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕЛ,
СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ**

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет,
заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Показано, что действующее законодательство не дает четкого ответа на вопрос, в каких случаях дела о признании экстремистскими организаций и о признании экстремистской деятельности индивидуальных предпринимателей подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а когда — по правилам хозяйственного правосудия.*

***Ключевые слова:** экстремизм, суды общей юрисдикции, гражданское судопроизводство, хозяйственное судопроизводство, организация, индивидуальный предприниматель.*

***Annotation.** It is shown that the current legislation does not provide a clear answer to the question of in what cases disputes on recognizing organizations as extremist and on recognizing the extremist activities of individual entrepreneurs are subject to consideration in the order of civil proceedings, and when — according to the rules of economic justice.*

***Keywords:** extremism, courts of general jurisdiction, civil proceedings, commercial proceedings, organization, individual entrepreneur.*

В ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» (далее — Закон № 203-З) экстремизм (экстремистская деятельность) определяется как деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств, экстремистских формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность путем совершения ряда действий (насильственного изменения конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь, захвата или удержания государственной власти неконституционным путем, создания экстремистского формирования либо участия в экстремистском формировании и пр.) [1].

Отсюда следует, что борьба с экстремизмом, в том числе разработка правовых основ противодействия ему, имеет первостепенное значение. В число правовых основ противодействия экстремизму входит законодательное закрепление порядка рассмотрения и разрешения судами дел, касающихся осуществления физическими и юридическими лицами экстремистской деятельности. Закон № 203-З относит к компетенции судов общей юрисдикции рассмотрение ряда подобных дел, в том числе дел о признании экстремистскими организаций и признании экстремистской деятельности индивидуальных предпринимателей. По смыслу Закона № 203-З данные дела подлежат рассмотрению в порядке гражданского (т. е. согласно нормам Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) [2]) или хозяйственного (т. е. по правилам Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) [3]) правосудия, вместе с тем Закон № 203-З не дает четкого ответа на вопрос, в каких случаях необходимо обращаться к гражданскому судопроизводству, а в каких — к хозяйственному. При этом в отечественной юридической литературе отмеченный вопрос фактически не исследован.

Так, в первом предложении ч. 2 ст. 11 Закона № 203-З сказано, что одновременно с вынесением постановления о приостановлении деятельности организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, индивидуального предпринимателя «Генеральным прокурором, прокурорами областей, г. Минска подается соответственно в Верховный Суд Республики Беларусь, областные (Минский городской) суды, экономические суды областей (г. Минска) заявление (исковое заявление) о признании организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь и ее ликвидации, запрещении использования ее символики и атрибутики, либо о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, признании этой иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, запрещении использования ее символики и атрибутики, либо о признании деятельности индивидуального предпринимателя экстремистской и прекращении его деятельности, запрещении использования его символики и атрибутики» [1].

Из приведенного предложения невозможно сделать вывод не только о критериях выбора надлежащего вида правосудия, но и вообще о том, каким из перечисленных судебных органов подлежит рассмотрению то или иное

упомянутое в данном предложении заявление (исковое заявление). Однако третье и четвертое предложения ч. 2 ст. 11 Закона № 203-З гласят: «Такие дела рассматриваются Верховным Судом Республики Беларусь — в отношении представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, а также политических партий, республиканских профессиональных союзов, республиканских и международных общественных объединений; областными (Минским городским) судами — в отношении иных некоммерческих организаций; экономическими судами областей (г. Минска) — в отношении коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей. При подаче такого заявления Генеральным прокурором эти дела рассматриваются Верховным Судом Республики Беларусь» [1].

Предписания по поводу рассмотрения названных дел соответствующими судебными органами содержатся и в других структурных элементах Закона № 203-З, а именно:

«Заявление (исковое заявление) о признании организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, ее ликвидации и запрещении использования ее символики и атрибутики подается в Верховный Суд Республики Беларусь Генеральным прокурором, а в областные (Минский городской) суды, экономические суды областей (г. Минска) — прокурорами областей, г. Минска» (ч. 2 ст. 12 Закона № 203-З);

«Исковое заявление о признании деятельности индивидуального предпринимателя экстремистской, ее прекращении и запрещении использования его символики и атрибутики подается в Верховный Суд Республики Беларусь Генеральным прокурором, а в экономические суды областей (г. Минска) — прокурорами областей, г. Минска» (ч. 2 ст. 13 Закона № 203-З);

«Решение о признании иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, прекращении деятельности представительства такой иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, запрещении использования их символики и атрибутики принимается Верховным Судом Республики Беларусь на основании заявления (искового заявления) Генерального прокурора» (ч. 3 ст. 16 Закона № 203-З) [1].

Поскольку областные, Минский городской суды рассматривают дела по правилам ГПК, а экономические суды областей и г. Минска — по правилам ХПК, то присутствие в третьем предложении ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 13 Закона № 203-З указаний на данные судебные органы и распределение дел между ними является ключом к решению вопроса о том, в порядке какого вида

правосудия подлежат рассмотрению соответствующие дела. Так, дела о признании экстремистскими белорусских некоммерческих организаций (за исключением политических партий, республиканских профессиональных союзов, республиканских и международных общественных объединений), подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (поскольку разрешение этих дел отнесено к компетенции областных и Минского городского судов), а дела о признании экстремистскими белорусских коммерческих организаций и признании экстремистской деятельности белорусских индивидуальных предпринимателей — в порядке хозяйственного судопроизводства (т. к. разрешение данных дел отнесено к ведению экономических судов областей и г. Минска).

Вместе с тем наличие в третьем предложении ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 13, ч. 3 ст. 16 Закона № 203-З упоминания про Верховный Суд Республики Беларусь и относящиеся к его ведению дела никак не позволяют решить вопрос о выборе надлежащего вида правосудия для рассмотрения данных дел, потому что в Верховном Суде Республики Беларусь функционируют несколько судебных коллегий, подчиняющихся разным процессуальным регламентам, в том числе судебная коллегия по гражданским делам (она рассматривает дела по правилам ГПК) и судебная коллегия по экономическим делам (она рассматривает дела по правилам ХПК). Какая из этих двух коллегий подразумевается в третьем предложении ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 13, ч. 3 ст. 16 Закона № 203-З, из буквального текста данных норм какие-либо выводы сделать невозможно.

Можно лишь предположить, что коль скоро на областном уровне дела о признании экстремистскими белорусских некоммерческих организаций подлежат рассмотрению в областных, Минском городском судах (т. е. в порядке гражданского судопроизводства), а дела о признании экстремистскими белорусских коммерческих организаций и признании экстремистской деятельности белорусских индивидуальных предпринимателей — в экономических судах областей, г. Минска (т. е. в порядке хозяйственного процесса), то и на уровне Верховного Суда Республики Беларусь такие же дела (в случае подачи по ним заявлений в высшую судебную инстанцию Генеральным прокурором согласно четвертому предложению ч. 2 ст. 11 Закона № 203-З) будут распределяться между судебными органами аналогичным образом: дела о признании экстремистскими белорусских некоммерческих организаций должны разрешаться судебной коллегией по гражданским делам (т. е. по правилам ГПК), а дела о признании экстремистскими белорусских коммерческих организаций и признании экстремистской деятельности белорусских индивидуальных предпринимателей — судебной коллегией по экономическим делам (т. е. по правилам ХПК).

Вместе с тем, как видно из третьего предложения ч. 2 ст. 11, ч. 3 ст. 16 Закона № 203-З, некоторые из дел, связанных с экстремистской деятельностью, судами областного уровня не рассматриваются, т. к. подсудны исключительно Верховному Суду Республики Беларусь. Это дела о признании экстремистскими политических партий, республиканских профессиональных союзов, республиканских и международных общественных объединений, запрещении их деятельности на территории Республики Беларусь и их ликвидации, запрещении использования их символики и атрибутики, а также дела о признании экстремистской иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, прекращении деятельности представительства такой иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, запрещении использования их символики и атрибутики. Какой из коллегий Верховного Суда Республики Беларусь — по гражданским делам или по экономическим делам — должны рассматриваться подобного рода дела, сказать достаточно сложно.

С одной стороны, можно предположить, что все эти дела подлежат разбирательству в судебной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь по гражданским делам. Поводом для такого вывода может служить наличие в ч. 2 ст. 158 ГПК нормы о том, что «дела о признании организации, в том числе иностранной или международной организации, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, ее ликвидации, запрещении использования ее символики и атрибутики, о признании символики и атрибутики, информационной продукции экстремистскими материалами должны рассматриваться судом первой инстанции не позднее одного месяца со дня принятия заявления» [2]. И подобной нормы в тексте ХПК нет.

С другой стороны, отсутствие упомянутой нормы в ХПК может быть следствием упущений, допущенных в ходе нормотворческих работ, и потому такое отсутствие нельзя трактовать как невозможность рассмотрения связанных с экстремистской деятельностью дел по правилам ХПК, в том числе рассмотрения их судебной коллегией по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь. Ведь мы уже отмечали выше, что заявления о признании экстремистскими белорусских коммерческих организаций и признании экстремистской деятельности белорусских индивидуальных предпринимателей подлежат рассмотрению экономическими судами областей, г. Минска, а в случае подачи таких заявлений Генеральным прокурором — судебной коллегией по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь. С учетом этого есть все основания по крайней мере для следующего утверждения: если иностранная организации, зарегистрированная за пределами Республики Беларусь,

имеет статус коммерческого (т. е. занимающегося предпринимательской деятельностью) юридического лица, то дело о признании такой организации экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, прекращении деятельности расположенного на территории Республики Беларусь представительства организации, запрещении использования символики и атрибутики организации должно разрешаться судебной коллегией по экономическим судам Верховного Суда Республики Беларусь.

Значительно усложняет анализируемую проблему также норма четвертого предложения ч. 2 ст. 11 Закона № 203-З о том, что «при подаче такого заявления Генеральным прокурором эти дела рассматриваются Верховным Судом Республики Беларусь». Ведь получается, что определенность в распределении соответствующих дел между гражданским и хозяйственным судопроизводством, которая имеет место в случае подачи заявления по данным делам прокурором области или г. Минска (определенность обусловлена тем, что, как нами уже отмечалось выше, присутствующее в третьем предложении ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 13 Закона № 203-З указание на тип суда областного уровня, в который прокурором области или г. Минска должно быть подано заявление, предопределяет вид правосудия, в котором будет рассматриваться дело), при подаче заявления Генеральным прокурором совершенно утрачивается, т. к. не понятно, в какой из судебных коллегий Верховного Суда Республики Беларусь это заявление рассмотрению подлежит.

1. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З : в ред. от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. № 22-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.1

О ЗНАЧЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА ИНФОРМАЦИЮ

П. А. Тарасов

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

Аннотация. Рассматривается значение гражданско-правового принуждения для защиты прав субъектов на информацию. Проанализировано законодательство Республики Беларусь, устанавливающее меры принуждения в информационной сфере. Предложено проведение их систематизации.

Ключевые слова: возмещение убытков, гражданские права, информация, компенсация морального вреда, меры принуждения, право на информацию.

Annotation. The article considers the importance of civil law coercion for the protection of subjects' rights to information. The legislation of the Republic of Belarus, which establishes coercive measures in the information sphere, is analyzed. Their systematization is proposed.

Keywords: compensation for damages, civil rights, information, compensation for moral harm, coercive measures, right to information. civil rights, information, compensation for moral damage, coercive measures, right to information.

Повсеместное применение информационных и цифровых технологий является важным фактором развития белорусского государства. Возникающие в информационной сфере общественные отношения требуют постоянного совершенствования их правового регулирования. Одним из аспектов, требующих особого внимания законодателя, является защита прав субъектов на информацию. В связи с этим возникает необходимость эффективного применения неблагоприятных мер различного характера к лицам, нарушившим право субъекта, обладающим соответствующим правом на те или иные сведения. Такими мерами обеспечивается принуждение физических и юридических лиц к исполнению или неисполнению определенных действий для защиты прав субъектов на информацию.

Некоторые особенности принуждения в гражданском праве нашли отражение в исследованиях таких отечественных и зарубежных цивилистов, как Н. А. Баринов, Р. Ю. Березнёв, Е. М. Ефременко, Д. Е. Захаров, Д. Н. Кархалев, Э. А. Кузбагаров, М. А. Ткачева, Н. В. Южанин и др. Имеющиеся сегодня исследования в основном носят общий характер, вследствие этого приобретает свою актуальность рассмотрение значения основных мер принуждения именно в сфере защиты отдельных прав субъектов, в частности, права на информацию.

Современная словарно-справочная литература, описывая термин «принуждение», указывает на его происхождение от глагола «принуждать», то есть «заставлять что-либо сделать», а также «силою побуждать к чему-либо» [1, с. 1018; 2, с. 482]. Таким образом, полагаем, что принуждение будет представлять собой некоторое воздействие на субъекта с целью побуждения его к необходимому поведению, определенным действиям или отказу от них.

В настоящее время в цивилистической науке ведутся дискуссии о соотношении таких понятий, как «гражданско-правовое принуждение», «принуждение в гражданском праве», «государственное принуждение», «правовое принуждение», «публичное правовое принуждение», «частно-правовое одностороннее принуждение» и др. Необходимо признать, что данные понятия в разной степени связаны друг с другом. Вместе с тем они не являются идентичными и дифференцируются по ряду признаков. В частности, Е. М. Ефременко и Р. Ю. Березнёв разграничивают «принуждение в гражданском праве» и «гражданско-правовое принуждение» как родовое и видовое понятия. Белорусские правоведы справедливо выделяют первое в качестве более широкого, в связи с тем, что оно «включает иные меры принудительного воздействия (административное, уголовное и т. д.)» [3, с. 149]. Отметим, что все они в различной степени могут быть использованы в сфере защиты прав субъектов на информацию.

Среди прав субъектов на информацию выделяются такие, как: право на тайну, право на получение информации, право на распространение информации, право на доступ к информации и др. Перечисленные права могут быть нарушены в результате: разглашения принадлежащих субъектам сведений конфиденциального характера, непредоставления надлежащей информации о товарах, работах или услугах, ее предоставления в искаженном виде, препятствования получению сведений, доступ к которым не может быть ограничен в соответствии с законодательством, и т. д. Подобные действия при определенных обстоятельствах (в частности, при наличии вины субъекта) представляют собой не что иное, как гражданское правонарушение, которое является одним из оснований для применения мер принуждения к лицу, его совершившему.

Важное значение для защиты гражданских прав на информацию имеет применение к нарушителю данного права мер государственного гражданско-правового принуждения. Анализ положений Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» показывает, что одной из таких мер в рассматриваемой сфере является возмещение убытков [4]. Например, на основании ст. 19 указанного законодательного акта применение такой меры возможно к лицам, незаконно ознакомившимся со сведениями, составляющими коммерческую тайну, незаконно их использовавшими, а также

субъектам, разгласившим коммерческую тайну. Эта мера принуждения имеет свою особенность. Она носит материальный характер и направлена на восстановление имущественных потерь, вызванных действиями с нематериальным объектом гражданских прав — информацией.

Сложность возникает в доказывании и определении размера убытков для их возмещения. Кроме того, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О коммерческой тайне», оно должно включать упущенную выгоду. Также представляется проблематичным установление стоимости тех сведений, которые были разглашены или использованы неправомерно. В связи с этим требуется разработка специального механизма определения ее цены. Вместе с тем на сегодняшний день возмещение убытков является одной из основных мер гражданско-правового принуждения в сфере защиты прав субъектов на информацию, составляющую коммерческую тайну.

Наряду с возмещением убытков одной из мер гражданско-правового принуждения является компенсация морального вреда. Как отмечает Д. Н. Кархалев, «принуждение всегда характеризуется возложением на лицо определенных неблагоприятных последствий в ответ на правонарушение» [5, с. 28]. На наш взгляд, в случае разглашения субъектом информации, составляющей личную тайну или семейную тайну другого лица, денежная компенсация морального вреда, предусмотренная ст. 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь, и будет представлять собой указанные последствия [6]. Следует отметить, что использование конкретно данной меры принуждения является особенностью защиты права субъекта на неприкосновенность частной жизни, включающую в себя право на названные тайны.

Меры гражданско-правового принуждения имеют значение и в сфере защиты прав потребителей. К примеру, ими обеспечивается защита нарушенного права потребителя на информацию о товарах, работах или услугах. Предоставление таких сведений физическому лицу в ненадлежащем виде (недостаточность, недостоверность и т. д.) может причинить вред жизни, здоровью или имуществу указанного субъекта. В качестве меры принуждения, направленной на защиту нарушенного права потребителя, выступает возмещение вреда, предусмотренное ст. 17 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» [7]. Наличие данной нормы в законодательстве свидетельствует о важности таких мер применимо к информации. В связи с этим представляется необходимой их систематизация в данной области. В ее основе могут лежать как общие критерии (используемые во всех сферах общественных отношений), так и специальные критерии (применяемые только в отношениях, связанных с получением, использованием, передачей, а также предоставлением тех или иных сведений).

Таким образом, меры принуждения могут быть использованы и при защите прав субъектов на информацию в различных общественных отношениях, регулируемых нормами гражданского права. Возможность применения широкого спектра мер гражданско-правового принуждения (возмещение убытков, компенсация морального вреда и др.) в исследуемой сфере свидетельствует об их значимости на современном этапе и актуальности разработки их классификации в дальнейшем.

-
1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ : Астрель, 2006. Т. 2 : М–П. 1160 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеол. выражений / под ред. Л. И. Скворцова. М. : ОНИКС : Мир и Образование, 2010. 736 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Ефременко Е. М., Березнёв Р. Ю. Сущность принуждения в гражданском праве // Вестн. Баранов. гос. ун-та. Сер.: Ист. науки и археология. Экон. науки. Юрид. науки. 2017. № 5. С. 145–149. [Вернуться к статье](#)
 4. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 16-З : в ред. от 08.07.2024 г. № 27-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 5. Кархалев Д. Н. Гражданско-правовое принуждение // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1. С. 26–29. [Вернуться к статье](#)
 6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 62-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 7. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-З : в ред. от 22.04.2024 г. № 365-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.4

О РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т. Г. Терещенко

Академия МВД Республики Беларусь,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье автор определяет правовые основания регионального взаимодействия в борьбе с коррупцией с учетом современных вызовов и угроз, возникающих для стран — участниц Содружества Независимых Государств. Отмечается развитие антикоррупционной политики государств в контексте формирования компетентных органов-участниц для межпартнерского взаимодействия, наличие правовых форм, методов и принципов сотрудничества; перспективы развития отдельных направлений противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, правовая политика, соглашение о сотрудничестве.

Annotation. In the article the author defines the legal basis for regional cooperation in the fight against corruption, taking into account modern challenges and threats arising for the CIS member countries. The development of the anti-corruption policy of states in the context of the formation of competent participating bodies for inter-partner cooperation, the presence of legal forms, methods and principles of cooperation; prospects for the development of individual areas of combating corruption are noted.

Keywords: corruption, legal policy, cooperation agreement.

Коррупция на современном этапе развития государств не утратила своей межкультурной и межнациональной проблематики. Понимая данную проблему и принимая важность ее разрешения, страны — участницы Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) продолжают комплексную работу, развивая антикоррупционное законодательство. Тем самым развивается региональное взаимодействие между заинтересованными субъектами.

Так, для белорусского государства, Кыргызстана и Таджикистана 22 января 2025 г. вступило в силу Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в противодействии коррупции (далее — Соглашение) [1]. Указанное Соглашение подписано 14 октября 2022 г. в Астане, и по процедуре требовалось письменное уведомление об урегулировании внутригосударственных процедур для вступления его в силу. С учетом данного регламента уведомления поступили от трех государств в Исполнительный комитет СНГ.

Основной целью принятия соглашения явилось повышение эффективности национальных усилий и сотрудничества сторон регионального партнерства в противодействии коррупции. Стороны однозначно убеждены в важности данного направления работы и заверяют в приоритетности норм международного права, в частности, Конвенции ООН против коррупции, положения которой учтены при составлении соглашения, о чем отмечено в преамбуле.

В контексте унифицированного подхода в восприятии основных терминов и понятий, используемых в соглашении, стороны раскрыли наиболее важные из них, такие как «антикоррупционный мониторинг», «антикоррупционные стандарты», «компетентный орган», «коррупция», «коррупционное правонарушение» и т. п. Стоит отметить, что в преамбуле соглашения также отмечена важность проведения согласованной политики в сфере противодействия коррупции. Вместе с тем понятие «политики противодействия» или «антикоррупционной политики» авторами не приведено, как и отсутствуют базовые принципы взаимодействия региональных субъектов. Указанные положения, в отличие от данного Соглашения, раскрыты в белорусском законодательстве, в частности, в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» и в Стратегии борьбы с коррупцией от 2022 г. [2; 3].

В качестве основных задач сотрудничества стороны определили для себя следующие:

- выработка согласованной политики, включая реализацию совместных программ и иных мероприятий в указанной сфере, а также антикоррупционный мониторинг;
- совершенствование правовой базы сотрудничества и ее гармонизация (включая возможную унификацию);
- объединение межрегиональных усилий для преодоления дальнейшего роста коррупционных преступлений и правонарушений;
- информационный обмен в сфере борьбы с коррупцией;
- антикоррупционное просвещение и укрепление международного авторитета сторон в сфере противодействия коррупции.

Для решения приоритетных задач определены основные направления и формы сотрудничества. Последние можно условно разделить на процессуальные, оперативные, кадровые, информационно-аналитические, научно-методические, исследовательские и информационно-просветительские. При этом каждая из сторон может развивать и иные формы сотрудничества при соблюдении национального законодательства.

На наш взгляд, важно в этой связи развивать стратегические направления для сотрудничества, включая принятие межрегиональных стратегий и стандартов антикоррупционного поведения, разрешения конфликта интересов,

нивелирования коррупционных рисков и коррупциогенных функций, принятия кодексов этики и т. п.

В качестве компетентных органов сотрудничества каждая из сторон вправе самостоятельно определять последние с уведомлением депозитария. Так, от белорусской стороны установлена Генеральная прокуратура Республики Беларусь. В то же время Межгосударственный совет по противодействию коррупции (действует по соответствующему соглашению от 25 октября 2013 г.) также оказывает содействие компетентным органам в целях реализации положений соглашения.

В рамках развития нормативной правовой базы противодействия коррупции определено, что каждая из сторон принимает соответствующие меры по введению антикоррупционных стандартов; совершенствованию механизма антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов; развитию участия гражданского общества в противодействии коррупции; возвращению активов от актов коррупции.

С целью дальнейшего развития законодательства установлено, что каждая из сторон вправе безвозмездно получать информацию, необходимую для выполнения своих функций, а также вносить предложения об аннулировании, приостановлении, лишении специальных разрешений на осуществление отдельных видов деятельности в компетентный государственный орган.

Немаловажным представляется и определение соответствующих требований к должностным лицам как специальным субъектам. Соглашение кратко определяет специальные требования по правовому и функциональному статусу, включая соблюдение ограничений и запретов в их деятельности; обязанность уведомления о выявленных актах коррупции; контроль декларирования доходов и имущества как у должностных лиц (приравненных к ним лиц), так и у членов их семей¹.

При этом, развивая положения об уголовной ответственности за коррупцию, стороны пришли к заключению о необходимости признания в качестве уголовно наказуемых деяний лишь пяти составов преступлений, а именно: дача и получение взятки, злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение таковых и хищение, совершенное специальным субъектом. В отличие от национального законодательства и положений международного права, перечень составов в Соглашении значительно сужен, как и не имеется указания на включение в противоправную деятельность юридических лиц (например, подкуп последних, торговля влиянием и т. п.) и физических лиц, не обладающих специальным правовым статусом должностного лица (на уровне бытовой коррупции).

¹ Конкретизация членов семей не осуществлена (примечание автора).

Отдельными разделами выделены положения, касающиеся информационного взаимодействия и исполнения запросов об оказании содействия, конфискации имущества, т. е. процессуальные аспекты правовой помощи. При этом каждая из сторон обязуется предоставлять стороне-инициатору по установленной форме сведения из оперативно-справочных, розыскных, криминалистических и иных учетов, архивов; исполнять запросы с сохранением защиты информации в срок не более 30 суток; принимать должные меры по обнаружению доходов от коррупции, обеспечению их сохранности, в том числе наложение ареста (на доходы и имущество).

Таким образом, мы видим, что страны — участницы СНГ в рамках развития регионального партнерства в сфере противодействия коррупции продолжают принимать действенные правовые меры, направленные не только на унификацию законодательства, но и на расширение спектра системы мер борьбы с коррупцией (криминологические, уголовно-правовые и процессуальные). Необходимо в этой связи не останавливаться на достигнутом, а гармонично и поступательно двигаться вперед в контексте включения предложений в перспективный план модельного законодательства в СНГ на 2026–2028 гг.

1. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции [Электронный ресурс] : [заключено в г. Астане 14.10.2022]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З : в ред. от 24.05.2024 г. № 7-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Стратегия борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://www.prokuratura.gov.by/upload/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

**О НЕКОТОРЫХ ВЫВОДАХ ИЗ АНАЛИЗА СТАТИСТИКИ
РЕШЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА****В. В. Якубук**

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь,
заместитель начальника отдела юридического управления

***Аннотация.** В статье сформулированы некоторые выводы из анализа статистических данных о вынесенных решениях об отказе в возбуждении уголовного дела.*

***Ключевые слова:** спор (конфликт), стадия возбуждения уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела.*

***Annotation.** The article formulates some conclusions from the analysis of statistics of having been made decisions of refusal to initiate a criminal case.*

***Keywords:** controversion (conflict), stage of initiation of a criminal case, refusal to initiate a criminal case.*

Человечество на протяжении всего эволюционного развития стремится к совершенствованию себя самого и окружающего мира. На всех исторических этапах развивающиеся технологии облегчали этот процесс. При этом в настоящее время в научной литературе сфера действия технологий помимо технических способов деятельности распространяется также на социальную и культурные сферы, что свидетельствует в определенной степени о возможности дефиниции уголовного процесса как технологии разрешения уголовно-правовых споров (конфликтов). Немаловажное значение в предупреждении и рациональном эффективном разрешении любых правовых споров (конфликтов) имеет правовая культура всех их участников.

Начальной стадией уголовного процесса является стадия возбуждения уголовного дела. В первую очередь эта стадия призвана решать задачи оперативного реагирования на поступающую в органы уголовного преследования информацию о противоправных деяниях. По результатам проверочной деятельности в случае отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, наличия обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, выносится процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Проблематика стадии возбуждения уголовного дела неоднократно рассматривалась учеными-процессуалистами. После принятия в 2012 г. Уголовно-процессуального кодекса Украины белорусскими правоведомы неоднозначно был оценен новый законодательный опыт отказа от полноценной стадии возбуждения уголовного дела, регламентации начала уголовного судопроизводства моментом регистрации поступающей информации в соответствующих реестрах. В научной литературе давались как положительные оценки возможности аналогичного реформирования белорусского законодательства

[1, с. 28], так и негативные в связи с объективным отсутствием такой необходимости и значительным увеличением расходов государственных ресурсов после указанного реформирования [2, с. 17]. В то же время сами украинские правоведы признают вызванные указанным решением существенное повышение нагрузки следственных органов и необходимость введения упрощенных форм досудебного расследования [3, с. 299]. Фактически для оптимизации имеющихся ресурсов правоохранительных органов происходит распределение потоков уголовных дел, вводятся сокращенные и упрощенные формы расследования с разной степенью сложности технологии их расследования, что также в определенной степени можно соотнести с проведением «доследственной» проверки на стадии возбуждения уголовного дела. При этом решение украинского законодателя об исключении таким образом из уголовного процесса решения об отказе в возбуждении уголовного дела привело к объективному увеличению количества прекращенных уголовных дел [2, с. 17]. Кроме того, в Украине определенная часть уголовных дел фактически возбуждается без достаточных оснований, чем также нарушаются права граждан, необоснованно подвергаемых уголовному преследованию. Стремление украинского законодателя путем регламентации обязательной регистрации всего поступающего массива заявлений и сообщений избежать сокрытия преступлений [4, с. 102] так же полностью не исключило возможность произвольного усмотрения должностными лицами наличия информации уголовно-правового характера в заявлениях граждан для начала уголовного судопроизводства. Как отмечается украинскими учеными-процессуалистами, «неединичны случаи, когда сообщения граждан... по небрежности или из личной заинтересованности регистрируются не как сообщения об уголовных правонарушениях, а как письма (обращения) граждан» [5, с. 65]. Законодатель Казахстана в 2014 г. с учетом опыта Украины одновременно с упразднением полноценной стадии возбуждения уголовного дела определил случаи, при которых регистрация в соответствующем реестре не производится: отсутствие сведений о нарушениях действующего законодательства и другие. Однако отсутствие в таком случае процессуального решения, по нашему мнению, также предоставляет правоприменителям возможность бесконтрольного усмотрения, не основанного на материалах проверок. Дискуссия по вопросам необходимости совершенствования первоначальной стадии досудебного производства с учетом практического опыта правоохранительных органов Украины и Казахстана продолжается.

Вместе с тем для принятия решения по любым управленческим вопросам необходим анализ статистической информации. С этой целью нами исследованы статистические данные о вынесенных решениях об отказе в возбуждении

уголовного дела в Республике Беларусь за 2019–2024 годы. В связи с определенным объемом настоящего исследования нами продемонстрируются только некоторые значимые выводы из проведенного анализа. Так, ежегодно всеми правоохранительными органами и должностными лицами выносятся в среднем около 135 тыс. указанных процессуальных решений, что более чем в 1,5 раза превышает ежегодные показатели фактически завершенных активным производством на стадии предварительного расследования уголовных дел (прекращенных, направленных для рассмотрения в суд и по которым производство предварительного расследования приостановлено). Таким образом, реализация предложений об исключении указанной процессуальной стадии автоматически повлечет увеличение более чем в 2,5 раза нагрузки на следственные подразделения и в связи с этим необходимость существенного повышения расходов государства на расследование фактически не имеющих какой-либо значимости для выполнения задач уголовного процесса и прекращаемых производством уголовных дел. Кроме того, по нашему мнению, вынесение письменных мотивированных решений об отказе в возбуждении уголовного дела в Республике Беларусь открыто показывает всем заинтересованным лицам наличие для этого определенных оснований, предоставляет возможность обжалования и независимой проверки такого решения, служит де бюрократизации государственного аппарата. С учетом изложенного, весомых причин для отказа от стадии возбуждения уголовного дела и упразднения института отказа в возбуждении уголовного дела в белорусском уголовном процессе в настоящее время не имеется.

Кроме того, посредством анализа статистической информации установлено, что из 7 исследуемых регионов непосредственно около 25 % процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела ежегодно выносятся в г. Минске. В целом, такое значение, по нашему мнению, можно объяснить совместным компактным проживанием в мегаполисе около 2 млн человек, а также постоянными туристическими и транзитными потоками, что порождает большее количество социальных и экономических контактов как в трудовой сфере, так и вне ее. В ходе большего числа взаимодействий, очевидно, возникает больше противоречий в интересах сторон и последующих конфликтных ситуаций (социальных, экономических и других), для разрешения части которых физические и юридические лица обращаются в правоохранительные органы. Вместе с тем, например, трехкратное уменьшение числа таких вынесенных процессуальных решений в Могилевской области не может быть объяснено только распределением проживанием на территории области около 1 млн человек (соответственно, двукратным уменьшением числа жителей). Отсутствие прямой взаимосвязи между общим количеством решений об отказе

в возбуждении уголовного дела и другими показателями по регионам (количество населения и другое) в целом может свидетельствовать о совокупном влиянии многих факторов на усмотрение множества отдельных граждан и должностных лиц инициировать начало уголовного судопроизводства. Немаловажными факторами для такой инициативы, по нашему мнению, являются возможность собственной первоначальной правовой оценки любым гражданином (должностным лицом) наличия признаков преступления в произошедшем споре (конфликте) и доверие правоохрнительным органам для вовлечения их в разрешение этого спора (конфликта), то есть сформировавшаяся правовая культура.

Отсутствие прямой взаимосвязи динамики общего числа решений об отказе в возбуждении уголовного дела с уровнем преступности и, соответственно, количеством возбужденных уголовных дел, по нашему мнению, свидетельствует только о частичной обусловленности криминогенной ситуацией процесса инициирования начала «доследственных» проверок гражданами и должностными лицами. В научной литературе отмечается, что «почти две трети заявлений или сообщений о преступлении, о чем свидетельствует статистика, не имеют отношения к сфере уголовно-правовых отношений, являются надуманными, ложными и т. д.» [2, с. 17]. В числе очевидных причин, по нашему мнению, выступает желание урегулировать возникшие споры (конфликты) с помощью ресурсов правоохрнительных органов. При этом в некоторых ситуациях при длительных семейно-бытовых конфликтах такое вмешательство правоохрнительных органов необходимо для предупреждения назревающих трагедий.

Доля решений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и состава преступления составляет в среднем около 97 %. Указанное число также объективно демонстрирует более универсальный характер указанных исключющих производство по уголовному делу обстоятельств, в том числе в случаях очевидного отсутствия уголовно-правового спора, в отличие от других более «частных» обстоятельств (например, истечение сроков давности).

Изложенное приводит к выводу о необходимости наличия в уголовном процессе Республики Беларусь полноценной стадии возбуждения уголовного дела и института отказа в возбуждении уголовного дела. В связи с наличием фактов инициирования гражданами и должностными лицами начала уголовно-процессуальной деятельности не для разрешения уголовно-правовых споров, а по другим основаниям, в том числе путем злоупотребления ими своим правом на подачу заявления или сообщения для разрешения не относящихся к уголовно-правовой сфере социальных и экономических конфликтов, необходимо

усиление роли государственных органов в дальнейшем повышении правовой грамотности населения. «Объективно необходимо наличие правовых знаний, а также сформированность правового мышления» [6, с. 40] для исключения конфликтного и деструктивного поведения, выстраивания гражданами и юридическими лицами социально-экономических отношений с учетом требований законодательства и взаимных интересов с целью предупреждения возникновения споров (конфликтов) и их взаимоприемлемого разрешения. Формирование высокой правовой культуры граждан, по нашему мнению, повлечет уменьшение нагрузки правоохранительных органов, что позволит более рационально распределять государственные ресурсы в сфере правоохранительной деятельности. Кроме того, в связи с даваемой правовой оценкой возникшим спорам (конфликтам) необходимо также рассмотрение научным сообществом возможности придания большей правовой значимости решениям об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе, с целью непосредственного разрешения споров (конфликтов) и профилактики их повторного возникновения, усиления примирительной (медиативной) роли правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы как непосредственно в практической деятельности правоохранительных органов, так и в нормотворческом процессе в ходе дальнейшего совершенствования положений законодательства.

1. Кукреш Л. Актуальные проблемы досудебного производства на современном этапе // Юстиция Беларуси. 2013. № 6. С. 26–29. [Вернуться к статье](#)

2. Швед А. И. Актуальные тенденции развития стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2014. № 2. С. 15–20. [Вернуться к статье](#)

3. Бойко А. П. Некоторые проблемные аспекты закрытия уголовного производства дознавателем по уголовному процессуальному законодательству Украины и зарубежных стран [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. С. 299–302. URL: https://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/5205 (дата обращения: 12.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Каплина О. В. Новеллизация криминального процессуального законодательства Украины: основные положения // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 25 марта 2016 г. : в 2 ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. Ч. 1. С. 99–102. [Вернуться к статье](#)

5. Выговская Л. О приемлемости анонимных заявлений, сообщений об уголовных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров // Законность и правопорядок. 2015. № 4. С. 61–66. [Вернуться к статье](#)

6. Демидова И. А. Правовая культура и правовая жизнь общества: к вопросу соотношения (теоретико-правовой анализ) [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2024. С. 36–40. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8086 (дата обращения: 12.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

УДК 342.9

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

И. В. Волкова

Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,
старший преподаватель кафедры административного права
и административно-служебной деятельности ОВД

И. Д. Хрипунков

Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,
инспектор группы профессиональной, служебной и физической подготовки

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию принципа презумпции невиновности в обеспечении безопасности дорожного движения. Приводятся примеры спорных ситуаций, возникающих вследствие некорректной работы систем фото- и видеофиксации. Предлагаются пути совершенствования законодательства для обеспечения справедливости и прозрачности в административной практике.*

***Ключевые слова:** принцип презумпции невиновности, средства фото- и видеофиксации, видеозаписи, оценка доказательств «по своему внутреннему убеждению», относимость, допустимость, достоверность, достаточность, административное правонарушение.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the principle of presumption of innocence in ensuring road safety. Examples of controversial situations arising from incorrect operation of photo and video recording systems are given. Ways to improve legislation are proposed to ensure fairness and transparency in administrative practice.*

***Keywords:** the principle of the presumption of innocence, photo and video recording equipment, video recordings, evaluation of evidence «according to one's inner conviction», relevance, admissibility, reliability, sufficiency, administrative offense.*

Принцип презумпции невиновности является фундаментальным правом человека и гражданина, закрепленным в Конституции Российской Федерации и международных правовых актах [1]. Он призван защищать граждан

от необоснованных обвинений и гарантировать справедливое решение. В контексте административных правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения этот принцип приобретает особую актуальность, так как каждый среднестатистический автолюбитель в Российской Федерации более двух раз в год становится субъектом административного правонарушения, нарушающим правила дорожного движения.

По данным статистики, наибольшее количество административных правонарушений после правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, приходится именно на сферу дорожного движения, в том числе зафиксированными специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и видеофиксации [2].

В соответствии со статистикой Госавтоинспекции, в 2023 г. в Российской Федерации по вышеуказанному виду правонарушений вынесено 220,9 млн постановлений на сумму около 140,9 млрд рублей, что на 36,4 млн больше, чем в 2022 г. [3].

За пять месяцев 2024 г. вынесено 79,4 млн постановлений по делам об административных правонарушениях [4].

Эффективность обеспечения безопасности на дорогах напрямую зависит от качества административно-юрисдикционной деятельности, включая применение мер юридической ответственности к участникам дорожного движения [5]. Вместе с тем при установлении виновности лица и вынесении постановления об административном правонарушении и о назначении административного наказания правоприменитель должен соблюдать требования принципа презумпции невиновности, обеспечивающего вынесение законного, обоснованного и справедливого решения, что гарантирует соблюдение прав и свобод граждан.

В 2007 г. в ч. 3 ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) были внесены изменения, согласно которым лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, обязано самостоятельно доказывать свою невиновность в случае фиксации правонарушения автоматическими техническими средствами фото- и видеофиксации [6]. Эти изменения коснулись правонарушений, ответственность за которые предусмотрена главой 12 КоАП, и вызвали серьезные дискуссии среди ученых и юристов.

Некоторые представители научного сообщества (в их числе Кириллова Наталия Павловна, Стойко Николай Геннадьевич) не поддерживают эти нововведения, утверждая, что они нарушают принципы презумпции невиновности. Они указывают на невозможность существования каких-либо законодательных

исключений из данного принципа, независимо от вида правонарушения или средств доказывания.

Мария Петровна Пронина и Николай Владимирович Макарейко также выражают свое несогласие с этими изменениями, отмечая, что они ограничивают право на защиту и порождают сомнения в корректности использования специальных технических средств для выявления административных правонарушений.

Некорректная фиксация правонарушений автоматическими техническими специальными средствами фото- и видеофиксации является частой проблемой, с которой сталкиваются собственники транспортных средств. В результате возникает множество спорных ситуаций. В качестве примера можно привести случаи, когда владелец транспортного средства привлекается к ответственности за действия, которые он не совершал:

- пересечение двойной сплошной линии разметки тенью автомобиля, тогда как само транспортное средство продолжало движение в пределах своей полосы без нарушения правил дорожного движения;
- превышение скоростного режима транспортным средством, находящимся на эвакуаторе, в то время как нарушение правил дорожного движения было допущено водителем эвакуатора, а не владельцем автомобиля;
- к административной ответственности привлекается собственник транспортного средства за нарушение правил дорожного движения, несмотря на то, что в момент совершения правонарушения его автомобилем управляло другое лицо;
- к административной ответственности за совершение одного и того же нарушения правил дорожного движения собственник транспортного средства привлекается дважды по причине фиксации правонарушений двумя камерами видеонаблюдения с разных мест;
- нарушение правил применения ремней безопасности в то время как наличие таких средств не предусмотрено конструкцией завода — изготовителя автомобиля.

Производители комплексов фото- и видеофиксации никогда во всеуслышание не говорят о возможности сбоев. Максимум — осторожно отметят, что «ошибки возможны». Официально факты ошибок все же признают, но всеми способами дают понять, что эти случаи исключительные и обращать внимание на них не стоит.

Результаты фиксации таких правонарушений вызывают сомнения в соответствии их критериям доказательств, требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Однако, согласно ч. 3 ст. 28.6 КоАП, в такой ситуации протокол об административном правонарушении не составляется,

а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении. Его направляют заказным письмом или через «Госуслуги» собственнику авто, даже если за рулем был не он. Такой ускоренный процесс ущемляет права лица, лишая его возможности представить все необходимые аргументы и доказательства [7].

Решение возникших проблем мы видим в совокупности изменений, в частности:

1. Следует восстановить четкую формулировку ч. 3 ст. 1.5 КоАП: «Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность». Борис Вульфович Россинский разделяет данную точку зрения, считая необходимым вернуть редакцию ст. 1.5 КоАП, которая существовала до внесения изменений Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ [8].

Считаем, что реализация данного подхода позволит в полном объеме применять принцип презумпции невиновности в процессе производства по делам об административных правонарушениях, при котором автолюбитель считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке. При этом обязанность установления вины будет возлагаться на субъект, осуществляющий производство по делу об административном правонарушении. Для этого потребуются предоставление и оценка различных доказательств, включая не только данные автоматической фото- и видеофиксации нарушений, но и такие материалы, как протокол об административном правонарушении, объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административных правонарушениях, объяснение свидетелей, подтверждающих алиби последнего, в случае его нахождения в момент совершения правонарушения в другом месте. Эти доказательства помогут подтвердить либо опровергнуть результаты фотофиксации правонарушения, что будет способствовать исключению возможных ошибок при установлении виновности лица [9].

2. После реализации вышеуказанного предложения вторым шагом, обеспечивающим вынесение законного, обоснованного, справедливого решения за нарушения правил дорожного движения, зафиксированные с помощью фото- и видеофиксации, считаем совершенствование законодательства об административных правонарушениях в части оценки доказательств.

Необходимость данных изменений обусловлена тем, что, в соответствии с КоАП, оценка доказательств в процессе производства по делам об административных правонарушениях субъектами, рассматривающими дело, основывается на их субъективном мнении о критериях доказательств (относимость,

допустимость, достоверность и достаточность) при установлении виновности лица.

Так, в соответствии со ст. 26.11 КоАП, судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства «по своему внутреннему убеждению», которое не поставлено в рамки закона с учетом критериев доказательств (относимость, допустимость, достоверность и достаточность) и требований их оценки [10]. В результате на основе личного восприятия и личных взглядов одни доказательства могут быть приняты, а другие — отклонены.

Важно отметить, что мы не предлагаем исключить оценку доказательств «по внутреннему убеждению». Полагаем, что оно должно быть поставлено в рамки закона, как это реализовано в законодательстве других отраслей права, где оценка доказательств по своему внутреннему убеждению основана на совокупности имеющихся доказательств и руководствуется при этом законом и совестью. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — в соответствии с достаточностью для установления виновности лица.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем:

- Законодательное закрепление дефиниций критериев доказательств (относимость, допустимость, достоверность и достаточность) в качестве требований к доказательствам по делам об административных правонарушениях.
- Законодательное закрепление критериев оценки доказательств, определяющих правила их анализа. Одним из них считаем требования обязательного наличия совокупности относимых, допустимых, достоверных и достаточных доказательств, полученных из разных источников при установлении виновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.
- Внесение изменений в ст. 26.11 КоАП с изложением в следующей редакции: «Судья, члены коллегиального органа, должностное лицо при рассмотрении дела об административном правонарушении оценивают каждое доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, руководствуясь законом, с учетом относимости, допустимости, достоверности и их взаимосвязи, а все собранные доказательства в совокупности — исходя из достаточности для вынесения решения». Тем самым внутреннее убеждение при установлении виновности лица будет поставлено в рамки закона.

Внедрение вышеуказанных изменений позволит минимизировать риски ошибочного привлечения к ответственности, обеспечить вынесение законных, обоснованных, справедливых решений, соблюдение требования принципа

презумпции невиновности, повлияет на общественное мнение и увеличит доверие граждан к органам внутренних дел и государственным органам в целом.

Упреждая вопрос о том, что вышеуказанные изменения повлекут затягивание производства по делам об административных правонарушениях, необходимо отметить, что, действительно, в случаях, связанных с нарушением правил дорожного движения, важно своевременно принять меры для восстановления порядка и предотвращения дальнейших нарушений.

Однако здесь важно понимать, что скорость не должна идти в ущерб справедливости и законности. Ускоренное рассмотрение дела без предоставления лицу, в отношении которого ведется производство, возможности полноценно защитить свои права будет нарушать его конституционное право. Предложенные изменения в законодательстве не препятствуют оперативности действий, они лишь требуют, чтобы установление виновности было основано на относимых, допустимых, достоверных, достаточных доказательствах, которые будут оценены в соответствии с установленными в законодательстве правилами их анализа. Это помогает предотвратить ошибки и необоснованные, незаконные решения, укрепляя таким образом доверие к правовой системе.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Дадаев Ю. Ш. Проблемы доказывания по делам об административно-правовых нарушениях в сфере дорожного движения // Матрица научного познания. 2022. № 1-1. С. 138–141. [Вернуться к статье](#)

3. В РФ в 2023 году штрафы по камерам за нарушения ПДД составили рекордную за пять лет сумму [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/20064853> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Парк дорожных камер в РФ приблизился к отметке 30 тыс. штук [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6790055> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Волкова И. В., Дерюга А. Н. Нарушение презумпции невиновности в административном законодательстве: проблемы оценки доказательств // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 12 (125). С. 176–182. [Вернуться к статье](#)

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Коломейцев Г. С. Использование средств фото-, видеофиксации в деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России // Юрист-Правовед. 2011. № 6 (49). С. 114–117. [Вернуться к статье](#)

8. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Федер. закон

от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Полинцов К. А., Руденко А. В. Доказывание в делах об административных правонарушениях : моногр. Симферополь : Ариал, 2020. 119 с. [Вернуться к статье](#)

10. Волкова И. В. Презумпция невиновности в административно-деликтном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Дальневосточ. юрид. ин-т им. И. Ф. Шилова. Хабаровск, 2024. 30 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЕЕ РОЛЬ
В ИСПРАВЛЕНИИ ПОЖИЛОГО ОСУЖДЕННОГО, ОТБЫВАЮЩЕГО
ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: ОПЫТ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Ю. М. Заборовская**Кузбасский институт ФСИН России,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин

Аннотация. В статье анализируется криминологический портрет пожилого осужденного, сделан вывод о том, что изучение личности пожилого осужденного должно стать основой для реализации дифференцированного подхода к применению средств исправления в период отбывания лишения свободы.

Ключевые слова: пожилой возраст, пожилой преступник, криминологическая характеристика личности, лишение свободы, исправление.

Annotation. The article analyzes the criminological portrait of an elderly convict, concluded that the study of the personality of an elderly convict should become the basis for the implementation of a differentiated approach to the use of means of correction during the period of serving imprisonment.

Keywords: elderly age, elderly criminal, criminological characteristics of the personality, imprisonment, correction.

Рост преступности пожилого населения имеет проблемный характер и является мировой тенденцией. Не являются исключением и такие страны, как Российская Федерация и Республика Беларусь. Смещение концентрации преступности с возраста 30 лет на более зрелый возраст [1, с. 90] связано с мировой тенденцией старения населения и снижением рождаемости. Исследование криминологической характеристики геронтологической преступности имеет важное значение для применения средств исправления к лицам, совершившим преступления. Большинство преступлений, совершаемых в зрелом возрасте, являются тяжкими и особо тяжкими, поэтому для возрастных преступников суд назначает наказание, связанное с лишением свободы. С целью применения наиболее эффективных форм и методов воспитательной работы, а также иных средств исправления научный интерес представляет исследование криминологической характеристики личности преступника в возрасте старше 65 лет, совершившего преступление и отбывающего наказание в исправительном учреждении. Для анализа сравним особенности криминологического портрета пожилого преступника в возрасте старше 65 лет в Российской Федерации и Республике Беларусь (таблица 1). За основу возьмем исследование личности пожилого преступника, отраженное в диссертации Т. И. Вишневской (2022) [2, с. 5], и результаты авторского анкетирования пожилых осужденных,

отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях России, проведенного в 2019–2024 гг.

Таблица

*Криминологический портрет пожилого преступника
в возрасте 60 лет и старше*

Критерий	Республика Беларусь	Россия
Семейное положение	Не состоит в браке	Состоит в официальном или неофициальном браке
Трудоустройство на момент совершения преступления	Не работает	Трудоустроен
Средства существования и род деятельности на момент совершения преступления	Живет за счет пенсии или накоплений	Получает пенсию
Связь с родственниками на момент совершения преступления и в период отбывания наказания	Не поддерживает взаимоотношения со своими родственниками	Отношения с родственниками поддерживает
Особенности характера	Раздражительность, обидчивость	Вспыльчивость, раздражительность
Уровень образования	Общее среднее образование	Среднее специальное и неоконченное высшее образование
Отношение к алкоголю на момент совершения преступления	Злоупотребление спиртными напитками	Совершил преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения
Наличие преступного опыта	Имеет опыт ранней криминализации	Не имеет опыта ранней криминализации
Мотив преступления	Корысть	Корысть, ревность, личная неприязнь

Сравнительный анализ результатов сопоставления криминологического портрета пожилого преступника в возрасте старше 60 лет, отбывающего наказание в виде лишения свободы в Российской Федерации и в Республике Беларусь, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Большинство пожилых осужденных в Российской Федерации продолжали работать до совершения преступления, основным мотивом преступления не является корысть и поиск средств к существованию. Напротив, в Республике Беларусь пожилые осужденные до совершения преступления не работали, основной мотив преступления носил корыстный характер.

2. Большинство пожилых осужденных в Российской Федерации состоят в браке (официальном или неофициальном), поддерживают связь и общение с родственниками как до совершения преступления, так и в период отбывания наказания. Напротив, в Республике Беларусь большинство пожилых осужденных до совершения преступления не поддерживали отношения с родственниками и не состояли в браке.

3. Если в Республике Беларусь пожилые осужденные, как правило, имели опыт преступной деятельности в более молодом возрасте, то в Российской Федерации преступление, как правило, было совершено пожилыми осужденными впервые.

4. И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь преступления были совершены пожилыми осужденными в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

5. И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь преступления совершались пожилыми осужденными из-за вспыльчивого характера, мотивом могла быть агрессия, раздражительность (таблица).

Несомненно, криминологический портрет влияет на выбор средств исправления, применяемых к пожилым осужденным. При проведении воспитательной работы необходимо учитывать мотивы преступления, желание продолжать общение с родственниками, особенности характера пожилых осужденных. Использование средств исправления должно носить дифференцированный характер [3, с. 89] с учетом возрастных изменений осужденных в связи с непрерывным процессом старения (развитие заболеваний, возможность появления деменции), что свидетельствует о необходимости внесения изменений в режим отбывания лишения свободы и порядок применения иных средств исправления. Режим как самостоятельное средство исправления направлен на повышение общей правовой культуры осужденного и формирование уважения к закону в целом. Низкий уровень информационной грамотности пожилых осужденных требует изменения подхода к применению такого средства исправления, как получение образования. Отсутствие цифровых навыков у пожилого населения [4, с. 314] является одной из причин их виктимности. Отсутствие данных навыков негативно сказывается и после освобождения пожилых осужденных. Поэтому знания науки криминологии в области профилактики рецидивной преступности могут учитываться при изменении порядка применения к пожилым осужденным такого средства исправления, как образование. Организация курсов по повышению цифровой грамотности для пожилых лиц после освобождения должна стать частью их программы реабилитации в обществе. Считаем, что при использовании труда как средства исправления к пожилым осужденным также следует учитывать состояние трудоспособности

с возможностью организации перерывов на кратковременный отдых. Например, если пожилой осужденный не имеет средств к существованию в форме пенсии, то он обязан работать в исправительном учреждении. Возможность получения новой профессии может стать стимулом к правопослушному поведению после освобождения. Согласимся с мнением Т. И. Вишневской о необходимости дифференцированно подходить к процессу исправления пожилых рецидивистов и лиц, совершивших преступление в пожилом возрасте [5, с. 28].

Единство подходов в продолжении изучения как причин преступности, так и личности пожилого осужденного, порядка исполнения наказания в отношении пожилых осужденных в странах России и Республики Беларусь положительным образом скажется на применении средств исправления и достижении целей наказания — исправлении пожилых осужденных и профилактике геронтологической преступности в этих странах.

1. Тепляшин П. В., Молоков В. В. Структура преступности в Российской Федерации: статистический анализ и криминологическая характеристика // Алтайский юрид. вестн. 2023. № 1 (41). С. 89–97. [Вернуться к статье](#)

2. Вишневская Т. И. Геронтологическая преступность в Республике Беларусь: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2022. 29 с. [Вернуться к статье](#)

3. Тепляшин П. В., Тепляшина Е. А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации // Вестн. Кузбас. ин-та. 2019. № 3 (40). С. 87–96. [Вернуться к статье](#)

4. Столярова Н. Б. Аспекты развития цифровых навыков у людей старшего поколения // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-4. С. 312–315. [Вернуться к статье](#)

5. Вишневская Т. И. Особенности профилактической работы с пожилыми лицами, склонными к криминогенному и (или) виктимному поведению, в Республике Беларусь : метод. рекомендации. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2022. 46 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПЕРЕВОЗКИ ДЕТЕЙ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Р. С. Карягин

Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,
преподаватель кафедры административного права
и административно-служебной деятельности ОВД

Аннотация. В статье автор рассматривает порядок и правила перевозки несовершеннолетних пассажиров, обязанности субъектов организованных перевозок групп детей и ответственность за нарушение установленных правил.

Ключевые слова: организованная перевозка, несовершеннолетние пассажиры, безопасность, ответственность.

Annotation. In the article the author examines the procedure and rules for the transportation of underage passengers, the duties of subjects of organized transportation of groups of children and responsibility for violating established rules.

Keywords: organized transportation, minor passengers, safety, responsibility.

Водитель всегда должен осознавать, что автомобильный транспорт является источником повышенной опасности. Чем моложе пассажир, тем выше уровень риска. Важно помнить, что ответственность за здоровье и жизнь ребенка полностью ложится на взрослых, и они обязаны заранее предпринять все необходимые меры для обеспечения его безопасности.

Перевозка несовершеннолетних может осуществляться не только в легковых автомобилях для личного пользования, где действуют общие правила, обязывающие водителя обеспечить установку и правильную эксплуатацию детских удерживающих систем (устройств), соответствующих весу, росту и возрасту ребенка, но и при перевозке детей автобусами, где в настоящее время действует комплекс правил, регламентов, а также рекомендаций, от которых зависит качество самой перевозки и ее организация.

В данной статье предпринята попытка проанализировать организационную структуру детских групповых перевозок автобусами, с целью изучения содержательной сущности данного вида деятельности, а также объема прав и обязанностей, которые возложены на всех его участников.

По итогам 9 месяцев 2024 г. отмечается рост всех показателей аварийности с участием несовершеннолетних лиц (до 18 лет) зарегистрировано 18 053 (+ 7,3 %) дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), в которых погибли 630 (+ 2,6 %) несовершеннолетних и 20 129 (+ 7,6 %) получили ранения. Зарегистрировано 14 213 (+ 4,2 %) ДТП, в которых 436 (– 7 %)

погибли и 15 581 (+ 4,5 %) ребенок получил ранения. В 8 регионах страны в результате ДТП не зарегистрировано ни одного погибшего ребенка. В то же время значительное увеличение числа погибших детей произошло в Кабардино-Балкарской Республике (+ 150 %), Хабаровском крае (+ 300 %), Амурской (+ 133,3 %), Липецкой (+ 600 %), Московской (+ 116,7 %), Псковской (+ 400 %), Рязанской (+ 200 %), Смоленской (+ 150 %) областях и г. Москве (+ 150 %) [1].

В ряде регионов за аналогичный период прошлого года (далее — АППГ) не было зарегистрировано погибших в ДТП детей, а за период 9 месяцев 2024 года смертельные случаи отмечены в Магаданской (1), Новгородской (3) областях, г. Севастополе (2) и на федеральной территории «Сириус» (1). Подавляющее большинство (82,2 %, или 11 690) ДТП с участием детей по-прежнему происходит по причине нарушения водителями Правил дорожного движения (далее — ПДД). В этих происшествиях погибли 396 (90,8 %) и ранены 13 054 (83,8 %) ребенка. При этом относительно АППГ число погибших уменьшилось на 7 %, количество ДТП и раненых детей увеличилось на 5,9 % и 6,1 % соответственно [1].

Данные о распределении показателей аварийности в детском дорожно-транспортном травматизме за 9 месяцев 2024 г. показывают тенденции, которые мы можем сгруппировать следующим образом:

1. Пассажиры транспортных средств:

- наиболее частый вид участия пострадавших детей в ДТП — пассажиры транспортных средств (39,3 %);
- наибольшее количество погибших также приходится на эту категорию лиц (59,9 %).

2. Пешеходы:

- вторая по величине группа пострадавших — дети-пешеходы (36,7 %);
- удельный вес погибших среди этой группы данных не представлен.

3. Дети-велосипедисты:

- меньший процент пострадавших приходится на детей-велосипедистов (10,2 %);
- среди них зафиксирован самый низкий показатель смертельных исходов (6,4 %).

Эти данные указывают на то, что хотя число пострадавших детей-пассажиров выше, чем у других категорий, именно для них риск гибели значительно возрастает при участии в ДТП [1].

В Российской Федерации действительно существуют строгие правила и требования, регулирующие организованные перевозки групп детей автобусами.

Эти меры прежде всего направлены на обеспечение безопасности несовершеннолетних участников дорожного движения и минимизацию рисков возникновения ДТП. Вот некоторые ключевые аспекты этих требований.

Легальное определение организованной перевозки детей дано в ПДД и звучит следующим образом: «Организованная перевозка группы детей — перевозка в автобусе, не относящемся к маршрутному транспортному средству, группы детей численностью 8 и более человек, осуществляемая без их родителей или иных законных представителей» [2, п. 1.2].

Организованная перевозка группы детей должна осуществляться в соответствии с ПДД, а также Правилами организованной перевозки групп детей автобусами [3], в автобусе, обозначенном опознавательными знаками «Перевозка детей» (п. 22.6 ПДД).

Опознавательный знак «Перевозка детей» — в виде квадрата желтого цвета с каймой красного цвета (ширина каймы — 1/10 стороны), с черным изображением символа дорожного знака 1.23 (сторона квадрата опознавательного знака, расположенного спереди транспортного средства, должна быть не менее 250 мм, сзади — 400 мм).

Скорость движения автобуса, осуществляющего организованную перевозку групп детей, не должна превышать 60 км/ч (п. 10.3 ПДД). В связи с этим на задней части кузова слева у автобуса также должен быть установлен опознавательный знак «Ограничение скорости» — в виде уменьшенного цветного изображения дорожного знака 3.24 с указанием разрешенной скорости 60 км/ч (диаметр знака — не менее 160 мм, ширина каймы — 1/10 диаметра).

Согласно п. 3.4 ПДД Российской Федерации, транспортные средства, участвующие в организованной перевозке группы детей, обязаны включать проблесковые маячки желтого или оранжевого цвета. Однако важно понимать, что такие маячки не предоставляют преимущество в движении, а служат исключительно для привлечения внимания других участников дорожного движения и предупреждения их об особой осторожности вблизи транспортного средства, перевозящего детей. Это означает, что водители остальных автомобилей не обязаны уступать дорогу такому транспортному средству, но они должны проявлять повышенную внимательность и осторожность, учитывая возможное наличие детей поблизости.

Таким образом, включение проблескового маячка является важным элементом обеспечения безопасности при организованной перевозке детей, однако он не дает права нарушать другие пункты ПДД или требовать привилегий на дороге.

И это лишь небольшая часть требований к детским перевозкам. В действительности законодателем было разработано немалое количество административно-правовых норм, касающихся организации групповых перевозок детей автобусами. Это и требования, предъявляемые к транспортным средствам, требования к водителям, осуществляющим организованную перевозку групп детей, к сопровождающим лицам и организаторам перевозки, а также требования к условиям перевозки (время суток, численность детей, количество автобусов и т. д.).

Первостепенным субъектом организации перевозки групп детей, на наш взгляд, является юридическое лицо (индивидуальный предприниматель), осуществляющий свою лицензируемую деятельность по перевозке пассажиров автобусами лицензиата на основании договора перевозки пассажиров или договора фрахтования транспортного средства, что является коммерческой перевозкой. Наличие лицензии на осуществление деятельности по перевозке людей автобусами можно проверить на официальном сайте Ространснадзора [4].

Наличие должности водителя (физическое лицо) в штатном расписании юридического лица (индивидуального предпринимателя) требует со стороны руководителя ответственного подхода по подбору указанного лица (лиц).

В соответствии с Правилами организованной перевозки групп детей автобусами [3], к водителям и документам при организованной перевозке группы детей предъявляются определенные требования:

Требования к водителям:

1. Стаж работы. Водителями автобусов, осуществляющих организованную перевозку группы детей, могут быть только те, кто имеет стаж работы в качестве водителя транспортного средства категории «Д» не менее одного года из последних двух лет.

2. Предрейсовый инструктаж. Водители должны пройти предрейсовый инструктаж согласно Правилам обеспечения безопасности перевозок автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, утвержденным Министерством транспорта Российской Федерации.

3. Отсутствие административных правонарушений. Водители не должны были подвергаться административным наказаниям в виде лишения прав управления транспортным средством или административного ареста за нарушение ПДД в течение последнего года перед началом перевозки.

Документы, которые водитель обязан иметь при себе:

1. Удостоверение на право управления транспортным средством соответствующей категории.

2. Регистрационные документы на транспортное средство.

3. Полис обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства, который может предъявляться в электронной форме или на бумаге.

4. Путевой лист, подтверждающий маршрут и продолжительность поездки.

5. Договор фрахтования. Если перевозка осуществляется по договору фрахтования, необходим оригинал или копия этого договора (включая электронные версии, распечатанные на бумаге).

6. Документ с информацией о маршруте. Этот документ составляется в свободной форме и содержит сведения о маршруте перевозки, включая пункт отправления, промежуточные остановки, пункт назначения, места отдыха и питания, а также контактные телефоны ответственных лиц.

Соблюдение этих требований обеспечивает безопасность перевозки детей в промежуточных пунктах посадки/высадки (если имеются) детей и иных лиц, участвующих в организованной перевозке группы детей, в пунктах назначения, а также в местах остановок для приема пищи, кратковременного отдыха, ночного отдыха (при многодневных поездках) — в случае организованной перевозки группы детей в междугородном сообщении.

Лицом, планирующим организованную перевозку группы детей, подается уведомление об организованной перевозке группы детей автобусами в соответствии с формой, установленной Министерством внутренних дел Российской Федерации и с учетом положений Правил организованной перевозки групп детей автобусами, причем уведомление может быть подано как фрахтователем, так и фрахтовщиком (если перевозка осуществляется по договору фрахтования).

Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор) и ее территориальные органы играют важную роль в обеспечении безопасности на дорогах наряду с сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Их полномочия распространяются на контроль и надзор в области перевозок несовершеннолетних автомобильным, городским, и наземным электрическим транспортом.

Ответственность за нарушение требований к организованной перевозке групп детей автобусами установлена ст. 12.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Санкции по вышеуказанной статье, в зависимости от части, устанавливают достаточно серьезные суммы административных штрафов как на водителей, так и на должностных и юридических лиц.

Проверка соблюдения ПДД и иных требований в области безопасности организованной перевозки групп детей может проводиться в период

проведения оперативно-профилактического мероприятия «Автобус» сотрудниками Госавтоинспекции, а также в рамках постоянного государственного контроля (надзора), например, в ходе постоянного рейда [5], уполномоченными должностными лицами.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что организация перевозок групп детей требует особого внимания и соблюдения всех установленных требований, независимо от того, используется ли общественный транспорт (автобусы) или личный автомобильный транспорт. Важно помнить, что главная цель этих мер — защита жизни и здоровья детей, что является одной из важнейших охраняемых законом ценностей. Соблюдение всех обязательных требований позволяет снизить риски, связанные с безопасностью детей во время транспортировки. Это включает в себя как технические аспекты (требования к транспортным средствам), так и организационные моменты (наличие сопровождающих, согласование маршрутов, соблюдение скоростного режима и т. д.). При этом ответственность лежит не только на водителях и транспортных компаниях, но и на родителях, организаторах мероприятий и других заинтересованных сторонах. Все участники процесса должны осознавать свою роль в обеспечении безопасности детей и строго следовать установленным правилам. Только комплексный подход и соблюдение всех норм могут гарантировать минимизацию рисков и защиту детей в процессе их перемещения.

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года // Научный центр безопасности дорожного движения МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/8092246> (дата обращения: 12.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 23 окт. 1993 г., № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 23 сент. 2020 г., № 1527 : в ред. от 30.11.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Реестр лицензий на деятельность по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами // Министерство транспорта Российской Федерации Ространснадзор : [сайт]. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/documents/1541> (дата обращения: 12.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 июля 2020 г., № 248-ФЗ : в ред. от 28.12.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 338.2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. А. Ключихин

Академия управления МВД России,
старший преподаватель кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения

М. Т. Бероев

Академия управления МВД России,
адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров

Аннотация. Продовольственная безопасность населения выступает фундаментом основных программных целей Российской Федерации. В условиях санкционного давления со стороны недружественных стран существуют угрозы обеспечения продовольственной безопасности населения.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инвестиционный проект, искусственный интеллект, подготовка кадров, роботизация, экономическая безопасность.

Annotation. Food security of the population is the foundation of the main program goals of the Russian Federation. Under conditions of sanctions pressure from unfriendly countries, there is a threat to ensuring the food security of the population.

Keywords: agro-industrial complex, investment project, artificial intelligence, personnel training, robotization, economic security.

Очевидно, что эффективность обеспечения государственной политики в сфере продовольственной безопасности находится в прямой зависимости от возможности регулятора обеспечить доступность качественных и безопасных продовольственных товаров.

Качественное обеспечение населения страны безопасным продовольствием является абсолютным приоритетом для органов государственной власти любой страны. Ориентир на отечественных производителей необходим для повышения самообеспеченности в рамках формирования продовольственной безопасности государства. Для поддержки новых инвестиционных проектов и реконструкции существующих мощностей государство продолжает масштабную поддержку агропромышленного комплекса Российской Федерации, которому до 2030 г. необходимо серьезно увеличить производство и экспорт по всем направлениям, в связи с чем национальный агропромышленный комплекс нуждается в квалифицированных кадрах для стабильного роста инновационной деятельности в сельском хозяйстве. Фундаментом в данном случае

выступает синергия научной и предпринимательской деятельности, ориентированная на повышение производительности и безопасности в продовольственной сфере.

Отечественный агропромышленный комплекс в настоящее время представляет собой современный, высокотехнологичный и стремительно развивающийся механизм обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. Повышение основных аспектов формирования продовольственной безопасности заключается в эффективном, современном и качественном производстве. Представляется, что для эффективного роста уровня экономической безопасности Российской Федерации требуется внедрение инновационных цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, автоматизация и роботизация имеющихся производственных процессов. Научные изыскания в данной области необходимо субсидировать и создавать благоприятные условия для обеспечения необходимого уровня независимости. Национальная система среднего и высшего образования ориентирована на подготовку кадров с компетенциями, которые будут востребованы в условиях современного производства продовольственных товаров.

Кроме того, развитие агропромышленного комплекса невозможно без производства современного инновационного оборудования, способного обеспечивать высокий уровень производственной независимости, вследствие чего система образования должна быть готова подготовить необходимое количество технических специалистов.

Развитие указанных отраслей предусмотрено национальным проектом «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» (далее — Национальный проект), в рамках реализации которого предполагается выделить из федерального бюджета более 260 миллиардов рублей.

С учетом того, что основной целью национального проекта является обеспечение технологической независимости Российской Федерации, отмечается, что для ее формирования необходимо эффективно развивать биоэкономику, экономику данных, цифровую трансформацию.

Современный отечественный агропромышленный комплекс в условиях импортозамещения показывает высокий уровень темпов роста по всем направлениям и свидетельствует об эффективной государственной политике в области обеспечения продовольственной безопасности страны. Условием реализации мер по эффективному обеспечению продовольственной безопасности Российской Федерации выступила стратегическая государственная программа. Грамотное определение целей, задач и основных направлений государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации позволило обеспечить качественный рост объемов

продовольственных товаров, преодолеть зависимость отечественного агропромышленного комплекса от импорта и обеспечить более высокий уровень жизни населения. Создание необходимых условий для развития агропромышленного сектора экономики на основе модернизации технико-технологической базы, совершенствование системы государственного регулирования и широкое освоение инноваций обуславливают приоритетные направления государственного регулирования продовольственной безопасности Российской Федерации.

Долгосрочное развитие агропромышленного комплекса, ориентированное на импортозамещение критически важных видов продовольственных товаров, для повышения уровня продовольственной безопасности и развития экспорта товаров выполнимо при качественной цифровой трансформации с учетом текущих внешнеполитических и экономических рисков.

В настоящее время агропромышленный комплекс демонстрирует рост, который стал возможен при поддержке государства. Различные программы льготного кредитования являются важным инструментом поддержки отечественных сельскохозяйственных производителей.

Органы внутренних дел Российской Федерации играют важную роль в системе обеспечения необходимого уровня продовольственной безопасности. На органы внутренних дел Российской Федерации возлагается обязанность по противодействию коррупционной преступности по ключевым направлениям деятельности агропромышленного комплекса. Противодействие коррупционным правонарушениям является одним из факторов повышения уровня экономической безопасности государства. Коррупция является угрозой экономической безопасности Российской Федерации. Борьба с коррупционными проявлениями актуальна и в сфере агропромышленного комплекса. Оказывая негативное влияние на все сферы экономического развития государства, коррупционные проявления также отрицательно влияют на отношение населения к органам государственной власти, при этом снижая нормы нравственности и основных ценностей современности, нивелируя представления граждан о законности и правопорядке. В конечном итоге коррупция является стратегической угрозой национальной безопасности. В соответствии с требованиями Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция является злоупотреблением должностными полномочиями, дачей либо получением взятки, коммерческим подкупом или иным незаконным использованием своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера для себя или для иных лиц [1].

В рамках исследования установлено, что коррупционные проявления в агропромышленном комплексе оказывают существенный вред экономической безопасности государства. Вся история государства на современном этапе пронизана коррупционными проявлениями. В сфере продовольственной безопасности сотрудниками правоохранительных органов выявляются факты злоупотребления полномочиями должностными лицами, которые создают искусственные бюрократические барьеры сельскохозяйственным производителям. В свою очередь, незаконные действия должностных лиц способствуют взяточничеству при определении получателей средств государственной поддержки. Проекты, ориентированные на развитие агропромышленного комплекса, иницируют правонарушителей на преступный сговор с коррумпированными должностными лицами для получения выгоды. Несвоевременно выявленные коррупционные преступления наносят серьезный ущерб экономической безопасности страны. Постоянный мониторинг и совершенствование органами государственной власти антикоррупционного законодательства с учетом мер противодействия коррупционным правонарушениям путем внедрения инновационных, своевременных и эффективных методов противодействия коррупционным явлениям — вот необходимый комплекс экономического благополучия Российской Федерации. В настоящее время модернизируются формы взаимодействия между правоохранительными органами и подразделениями аграрного сектора. Современные тенденции развития агропромышленного комплекса свидетельствуют об эффективных механизмах противодействия коррупционным проявлениям, выявление потенциально опасных участков направлено на развитие добросовестной конкуренции между сельскохозяйственными производителями при проведении конкурсов на получение субсидий и грантов. Эффективность противодействия коррупционным проявлениям коррелируется с мерами пропаганды нетерпимости населения к коррупционным проявлениям и морально-этическим принципам должностных лиц, наделенных соответствующими полномочиями в сфере агропромышленного комплекса.

С учетом изложенного можно констатировать тот факт, что управление продовольственной безопасностью Российской Федерации представляет собой сложный организационный процесс. Комплексный подход к решению проблем в сфере обеспечения продовольственной безопасности позволил эффективно противостоять санкционному давлению недружественных стран. Теоретические и методологические аспекты обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации позволяют реализовать эффективные меры, ориентированные на снижение рисков угроз на различных уровнях обеспечения продовольственной безопасности. В этой связи исследование проблематики,

связанной с формированием и развитием продовольственной безопасности Российской Федерации, обладает высоким уровнем актуальности.

1. О противодействии коррупции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ
УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Н. И. Кузнецова

Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется такой способ решения уголовно-экологического конфликта, как медиативная процедура. Автор предлагает понятие уголовно-экологического конфликта и называет его признаки. Предлагается введение института примирительных процедур в уголовное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: экологическое преступление, медиация, конфликт, уголовная политика, вред природной среде.

Annotation. The article analyzes such a method of resolving a criminal-environmental conflict as a mediation procedure. The author suggests the concept of a criminal-environmental conflict and names its signs. It is proposed to introduce the institution of conciliation procedures into the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: environmental crime, mediation, conflict, criminal policy, harm to the natural environment.

Как известно, мир интенсивно меняется. Он уже не просто трансформируется, поскольку трансформация предполагает медленное, постепенное приобретение новых форм, а именно меняется, настолько стремительно, что люди даже не успевают отследить и описать эти изменения [1, с. 84]. Это касается большинства сфер, в том числе сферы правовой. К примеру, в уголовной политике государств требуются новые, порой неожиданные методы противодействия преступности.

Исследования последних лет показывают, что использование исключительно карательных методов противодействия преступности не является достаточно эффективным. Так, по мнению ряда ученых, идеология «мягкого права» [2], одержав победу на ниве частного права, обратила свой взор на публичное право, в том числе уголовное, по-новому выстраивая приоритеты современной уголовно-правовой политики. К ним можно отнести гибкость уголовного законодательства, экономию мер репрессии, внедрение альтернативных способов решения уголовно-правового конфликта, позиционирование возмещения причиненного преступлением вреда в качестве меры государственного принуждения, существенный пересмотр взглядов на цели наказания [3]. Согласно нашему подходу, значительную роль в урегулировании конфликта в целом и уголовно-правового конфликта в частности призваны сыграть альтернативные способы его разрешения.

Мы придерживаемся самого широкого понимания «альтернативных способов решения уголовно-экологического конфликта» и полагаем, что к альтернативным способам решения уголовно-экологического конфликта можно также отнести правомерное причинение вреда лицу, совершившему экологическое преступление [4]. Кроме того, не будет лишним присоединить к этому понятию институт уголовной ответственности юридических лиц именно за совершение преступлений против природной среды [5].

Существует и более узкое понятие «альтернативные способы разрешения конфликтов», когда под ними понимают институт их урегулирования посредством процедур, согласованных сторонами, а именно посредством урегулирования конфликта вне суда путем консультаций, переговоров, медиации и др. Если сторонами не будет достигнут необходимый результат, то дело должно разрешаться в суде [6].

Таким образом, применяются иные способы, не связанные (во всяком случае — до поры) с применением уголовно-репрессивных мер. В настоящей работе мы рассмотрим только медиативные способы урегулирования конфликтов.

Исследования показывают, что именно диалог (переговоры) представляет собой наиболее эффективную модель разрешения конфликта, которая позволит сторонам выработать устойчивый подход к проблеме на основе взаимоприемлемых уступок [7, с. 544]. Подобный способ разрешения конфликта несет позитивные психологические особенности. Порой сторонам (людям) нужно выговориться, они желают, чтобы их услышали и приняли во внимание их доводы. Психологически удовлетворенный человек в последующем не будет совершать преступления, поскольку устранена психологическая причина конфликта [8, с. 223]. Медиация как раз способствует устранению психологических причин уголовно-экологического конфликта.

Сам термин «медиация» происходит от латинского «mediare» — посредничать. Медиация — это переговоры с участием третьей, нейтральной стороны, заинтересованной лишь в том, чтобы стороны взаимовыгодно разрешили свой конфликт [9].

Если задаться вопросом, откуда возникла идея примирения, то, как ни удивительно, на него есть ответ в Евангелии от Матфея, где сказано: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге и не вверг бы тебя в темницу» [10].

Медиативные технологии сегодня апробированы во многих сферах нашей жизнедеятельности и признаны достаточно эффективными [11]. В этой связи

видится весьма актуальным и перспективным широкое применение процедуры примирения медиации, в том числе в уголовном праве.

Примирительные процедуры могут быть использованы для решения уголовно-экологического конфликта. Под уголовно-экологическим конфликтом мы понимаем конфликт, вызванный совершением лицом общественно опасного деяния, запрещенного гл. 26 «Экологические преступления» или ст. 358 «Экоцид» Уголовного кодекса Российской Федерации [12].

Уголовно-экологический конфликт имеет свои ярко выраженные особенности. Во-первых, уголовно-экологический конфликт связан только с незаконными (преступными) деяниями. Другими словами, говорить о том, что возник именно уголовно-экологический конфликт, можно только после того, как совершено соответствующее экологическое преступление. Во-вторых, от уголовно-экологического конфликт отличается повышенной общественной опасностью, которая с каждым годом увеличивается. В-третьих, уголовно-экологический конфликт разрешается посредством уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, в основе разрешения экологического конфликта лежит экологическое законодательство [13].

В настоящее время в отечественном уголовном законодательстве пока еще отсутствуют нормы о возможности использования посредников для примирения сторон. Однако медиация уже является предметом острой научной дискуссии в качестве альтернативы традиционному уголовному преследованию в уголовном судопроизводстве [14; 15; 16] и продолжает развиваться в доктрине уголовного права [17].

Полагаем, что достижение компромисса и применение процедуры медиации является целесообразным для разрешения уголовно-экологического конфликта, поскольку медиация способна если не устранить совсем, то по меньшей мере нейтрализовать негативные последствия экологического преступления. По нашему мнению, при реализации процедуры медиации по разрешению уголовно-экологического конфликта в Российской Федерации может применяться следующий алгоритм действий:

Первый этап — подготовительный. Должностное лицо правоохранительного органа до принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела разъясняет лицу, совершившему деяние, его право на альтернативное разрешение уголовно-экологического конфликта, а именно прохождение процедуры медиации, объясняет его преимущества перед уголовным преследованием и направляет материал в медиативную службу.

Второй этап — непосредственно медиация. Виновный и потерпевший, а в некоторых случаях экологический представитель являются в службу

медиации, где профессиональный медиатор (посредник) предлагает им незамедлительно или не позднее чем в срок до 15 суток достичь взаимовыгодного соглашения и достижения так называемого экологического соглашения.

Отдельно укажем, что в заключенном экологическом соглашении перечисляется, какие природовосстановительные мероприятия и в какой срок лицо, совершившее экопреступление, обязано выполнить. Это может быть высадка деревьев, кустарников, цветов, сбор и сортировка мусора, очистка водоемов, тушение природных пожаров и т. д.

Важно заметить, что на время проведения процедуры медиации рассмотрение первоначального материала о признаках совершенного преступления или производство расследования по уголовному делу приостанавливаются, и, в зависимости от результатов проведенной медиации, расследование может быть продолжено или прекращено.

Третий этап — реализация экологического соглашения. Если потерпевший (экологический представитель) и причинитель вреда приходят к соглашению и последний выполняет его (приступает к выполнению), то медиатор передает направившему материал должностному лицу постановление о том, что сторонами достигнуто соглашение, которое выполнено (выполняется). В этом случае лицо, совершившее общественно опасное деяние, освобождается от уголовной ответственности [18]. В случае если лицо не выполнило экологическое соглашение, то расследование по уголовному делу возобновляется и лицо привлекается к уголовной ответственности.

Можно сказать, что отдельной стороной уголовно-экологического конфликта выступает окружающая среда. Она получает наибольшую выгоду от исполненного экологического соглашения.

В начале 2025 г. в Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева проведен анкетный опрос сотрудников Следственного комитета Российской Федерации по теме «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности». В ходе анкетирования было опрошено более 400 респондентов.

Интересно, что идею о возможности альтернативного разрешения уголовно-экологического конфликта в ходе примирительной процедуры (процедуры медиации) поддержало 30 % респондентов. В свою очередь, при интервьюировании следователи Следственного комитета Российской Федерации, когда устно до респондентов были доведены все положительные стороны медиативной процедуры, с необходимостью существования данного института согласились 72 % опрошенных.

Отметим, что потребность в разрешении уголовно-экологических конфликтов подкрепляется тем, что общественная опасность экологически

вредоносного поведения с каждым годом только увеличивается, экологическая ситуация во всех уголках мира усугубляется. Если вовремя не разрешать имеющиеся конфликты, то они могут привести в итоге к крайне негативным последствиям и, возможно, даже к гибели человеческой цивилизации.

1. Голик Ю. В. Уголовный закон как регулятор общественных отношений // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. Саратов: СГЮА, 2018. С. 83–92. [Вернуться к статье](#)
2. Демин А. В. Феномен «мягкого права»: pro et contra // Вестн. Омского ун-та. Сер.: Право. 2014. № 4 (41). С. 6–10. [Вернуться к статье](#)
3. Бурлаков В. Н., Матвеева Я. М. Новые нормы об альтернативах уголовной ответственности и наказанию в уголовном праве России в отношении экономических преступников и больных наркоманией // Всерос. криминол. журн. 2017. Т. 11. № 1. С. 132–145. [Вернуться к статье](#)
4. Милюков С. Ф., Кузнецова Н. И., Зуева Ю. В. Проблемы необходимой обороны от экологических противоправных посягательств в ракурсе поиска нестандартных решений силового противодействия // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2024. № 3 (67). С. 216–224. [Вернуться к статье](#)
5. Кузнецова Н. И. Юридическое лицо как субъект экологического преступления // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Акад. упр. МВД России. М., 2023. С. 286–294. [Вернуться к статье](#)
6. Иванова А. П. Медиация: понятие, признаки и новые технологические возможности разрешения правовых конфликтов (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2023. № 3. С. 87–98. [Вернуться к статье](#)
7. Осемян А. К. Конфликт как предмет социологического анализа: структура и сущность // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 16 (135). С. 541–545. [Вернуться к статье](#)
8. Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. 3-е изд., перераб. М. : Альфа-М : Инфра-М, 2013. 336 с. [Вернуться к статье](#)
9. Понятие, принципы и области применения медиации [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Сахалинской области : [сайт] URL: <https://sakhalin.arbitr.ru/process/mediation> (дата обращения: 08.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь : [сайт]. URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/mf/5/> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Судакова Т. М., Корягина С. А. Медиативные технологии в раннем и непосредственном предупреждении преступного поведения школьников // Изв. Байкал. гос. ун-та. 2017. Т. 27. № 3. С. 425–433. [Вернуться к статье](#)
12. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации

5 июня 1996 г. : в ред. от 21.04.2025 г. № 102-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

13. Кузнецова Н. И. Уголовно-экологический конфликт: постановка проблемы в ракурсе уголовной политики // Мир криминалистики. 2024. № 2. С. 68–73. [Вернуться к статье](#)

14. Хидзева Х. Понятие медиации в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. следователь. 2008. № 23. С. 14–17. [Вернуться к статье](#)

15. Волосова Н. Ю., Барабанова Т. С. Вопросы использования процедуры медиации в уголовном процессе // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 3 (152). С. 43–47. [Вернуться к статье](#)

16. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ин-т государства и права Рос. Акад. Наук. М., 2012. 262 л. [Вернуться к статье](#)

17. Сенина Е. Н. Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2022. 233 с. [Вернуться к статье](#)

18. Кузнецова Н. И. Медиация как альтернативный способ разрешения уголовно-экологических конфликтов и возмещения ущерба, причиненного окружающей среде // Байкал. экол. форум. Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 94–100. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНТРАБАНДЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОПЫТ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

А. Д. Медведев

Санкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт адъюнктуры

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы квалификации контрабанды культурных ценностей, принимаемые меры противодействия незаконному перемещению культурных ценностей на примере опыта правоохранительных органов России и Беларуси. Предложены меры для повышения эффективности борьбы с указанным видом преступления.

Ключевые слова: контрабанда, культурные ценности, противодействие преступлениям, правоохранительная деятельность.

Annotation. The article discusses problematic issues of qualification of smuggling of cultural property. Measures taken to counter the illegal movement of cultural property are based on the experience of law enforcement agencies in Russia and Belarus. Measures are proposed to increase the effectiveness of the fight against this type of crime.

Keywords: smuggling, cultural values, crime prevention, law enforcement.

Сохранение и приумножение культурного наследия страны является важным фактором национальной идентичности любого государства, культурные богатства играют значительную роль в формировании гражданственности и патриотизма и пронизывает практически все сферы социально-экономической жизни страны.

Защита культурных ценностей является устоявшейся международной практикой, базирующейся на трех основных международных соглашениях по защите культурных ценностей от разграбления и борьбе с незаконной торговлей (Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., насчитывающая 128 государств-участников [1], Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., насчитывающая 146 государств-участников [2], и Конвенция ЮНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г., насчитывающая 54 участников [3]).

Следует отметить, что при рассмотрении проблемных вопросов, связанных с международным сотрудничеством, квалификацией контрабанды культурных ценностей, учитывались исследования, проведенные Л. Р. Клебановым,

И. Э. Мартыненко, Е. В. Медведевым, О. С. Бочаровой, И. А. Пантелеевой, Д. А. Бакшт.

В целях достижения своего преступного умысла контрабандисты используют различные противоправные схемы и предпринимают различные способы сокрытия культурных ценностей. Основными способами совершения контрабанды культурных ценностей являются недекларирование предметов либо их недостоверное декларирование, сокрытие от различных форм таможенного контроля путем использования тайников в транспортных средствах, чемоданах, сумках, а также их маскировка под иной вид товара.

Например, рассмотрим пресечение в 2022 г. незаконного вывоза из Российской Федерации в Республику Беларусь 97 резцов бивней мамонтов. Так, сотрудниками Смоленской и Центральной оперативной таможен во взаимодействии с сотрудниками Управления Федеральной службы безопасности России по Смоленской области при осмотре грузового транспортного средства среди задекларированного офисного оборудования, запчастей и электроприборов обнаружены три деревянных ящика, содержащих более 1 тонны бивней мамонтов. Изъятые бивни мамонтов, согласно заключению эксперта Министерства культуры Российской Федерации, являются культурной ценностью и представляют интерес для палеонтологии, стоимость незаконно перемещаемых предметов оценивается в 16 млн рублей. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации [4].

В декабре 2023 г. сотрудниками Краснодарской и Центральной почтовой таможен во взаимодействии с сотрудниками Управления Федеральной службы безопасности России по Краснодарскому краю предотвращена попытка контрабанды в Израиль более 200 государственных наград и знаков отличия времен СССР. При оформлении почтового отправления гражданин указал недостоверные сведения относительно перемещаемых предметов, то есть осуществил недостоверное декларирование. По результатам экспертизы изъятые предметы признаны культурными ценностями, их рыночная стоимость превышает 100 тыс. рублей. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 226.1 УК Российской Федерации [5].

Безусловно, основной мерой противодействия контрабанде культурных ценностей в Российской Федерации является уголовно-правовая норма, закрепленная в ст. 226.1 УК Российской Федерации. Диспозиция статьи предусматривает уголовную ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Евразийского экономического союза культурных ценностей в крупном размере. При этом следует

отметить, что с 1 апреля 2024 г. в силу вступили изменения, внесенные в ст. 226.1 УК Российской Федерации [6], вследствие которых контрабанда культурных ценностей стала относиться к преступлениям средней тяжести и предусматривать санкцию в виде лишения свободы на срок до 5 лет (в предыдущей редакции — от 3 до 7 лет лишения свободы; соответственно, относилась к тяжкому преступлению, что влияет на возможность проведения правоохранными органами ряда оперативно-розыскных мероприятий). Состав преступления является материальным, согласно п. 4 примечания к ст. 226.1 УК Российской Федерации, крупным размером культурных ценностей признается их стоимость, превышающая 100 тыс. рублей.

Полагаем, что одной из проблем квалификации выступает отсутствие дифференциации понятия «культурные ценности» в диспозиции ч. 1 ст. 226.1 УК Российской Федерации. Например, законодатель не выделяет отдельно категорию предметов и документов, имеющих особое культурное, историческое, научное, художественное или религиозное значение. Вместе с тем предметом контрабанды может являться один предмет, имеющий культурную или иную ценность, стоимость которого превышает 100 тыс. рублей, либо несколько предметов, общая стоимость которых превышает порог привлечения к уголовной ответственности. При этом считаем верным утверждение, что контрабанда культурных ценностей носит ярко выраженный публичный интерес, в связи с чем дифференциация необходима для разграничения степени общественной опасности совершенного противоправного деяния [7, с. 580].

Следует отметить, что Республика Беларусь, являясь участником Евразийского экономического союза, особое внимание уделяет проблемам противодействия контрабанды культурных ценностей. Согласно сведениям, размещенным на Интернет-портале таможенных органов Республики Беларусь, в 2024 г. выявлено 3 факта незаконного перемещения через таможенную границу предметов, представляющих историческую и культурную ценность, путем недекларирования и недостоверного декларирования товаров [8]. При этом в 2021 г. таможенными органами Республики Беларусь выявлено 17 правонарушений, связанных с незаконным перемещением культурных ценностей. В основном предметами правонарушений являлись мебель, предметы обихода, монеты, иконы, холодное оружие, медали общей стоимостью свыше 218 тыс. рублей [9].

При этом действия лица, виновного в совершении контрабанды культурных ценностей, будут квалифицироваться по ст. 228 УК Республики Беларусь [10], которая имеет схожую диспозицию и предусматривает уголовную ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза культурных ценностей в крупном размере.

Преступление предусматривает ответственность в виде лишения свободы на срок до 3 лет и относится к категории менее тяжких. Однако следует обратить внимание на п. 2 примечания к ст. 228 УК Республики Беларусь, в которой установлено, что крупным ущербом признается стоимость перемещаемых товаров, превышающая в две тысячи и более раз размер базовой величины, установленной на день совершения контрабанды.

Таким образом, полагаем, что действующая конструкция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за контрабанду культурных ценностей в Республике Беларусь, приводит к тому, что в большинстве случаев возбуждается производство об административном правонарушении в таможенной сфере, к аналогичному выводу приходят такие научные деятели, как И. Э. Мартыненко [11, с. 56] и О. С. Бочарова [12, с. 216].

Подводя итог, следует отметить значимость культурных ценностей как уникального и важного свидетельства культуры и самобытности народов, а также необходимость их защиты, в том числе путем развития и укрепления основ международного сотрудничества в сфере предупреждения незаконного оборота ценностей, а также уголовного преследования и наказания за них на всеобъемлющей и эффективной основе, в том числе посредством оказания взаимной правовой помощи, в рамках применимой нормативно-правовой базы. Необходимо рассмотреть на государственном уровне вопрос о целесообразности ратификации Конвенции Российской Федерацией и присоединении Республики Беларусь. На наш взгляд, присоединение и ратификация Конвенции позволят использовать международно-правовой механизм, предусматривающий обязанность владельца похищенной культурной ценности вернуть (реституировать) ее собственнику или в страну происхождения, что, безусловно, является важной мерой в современном мире.

Вместе с тем следует признать тот факт, что противоправная природа незаконного перемещения культурных ценностей приобрела транснациональный характер, что также обуславливает необходимость оказания взаимной международной правовой помощи и совершенствования национального законодательства.

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [Электронный ресурс] // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900810> (дата обращения: 10.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности [Электронный ресурс] // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900836> (дата обращения: 10.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О Конвенции ЮНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях [Электронный ресурс] // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902018858> (дата обращения: 10.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Контрабанду более тонны бивней мамонтов пресекли смоленские таможенники [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба : [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/373896> (дата обращения: 10.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Таможенники предотвратили контрабанду более 200 госнаград и знаков отличия времен СССР [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба : [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/543654> (дата обращения: 10.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Пантелеева И. А., Бакшт Д. А. Проблемы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей // Всерос. криминол. журн. 2017. № 3. С. 577–586. [Вернуться к статье](#)

8. Правоохранительная деятельность за 1 квартал 2024 года [Электронный ресурс] // Таможенные органы : [сайт]. URL: <https://www.customs.gov.by/pravookhranitelnaya-deyatelnost/pravookhranitelnaya-deyatelnost> (дата обращения: 05.02.2025). [Вернуться к статье](#)

9. Правоохранительная деятельность за I квартал 2023 года [Электронный ресурс] // Таможенные органы : [сайт]. URL: <https://www.customs.gov.by/pravookhranitelnaya-deyatelnost/35402> (дата обращения: 05.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 17.02.2025 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

11. Мартыненко И. Э. Уголовная ответственность за контрабанду культурных ценностей по законодательству государств — участников Евразийского экономического союза // Евразийская адвокатура. 2015. № 3 (16). С. 53–61. [Вернуться к статье](#)

12. Бочарова О. С. Уголовная ответственность за незаконное перемещение через границу культурных ценностей: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств — членов Таможенного союза // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. 2016. № 6. С. 215–221. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. А. Мурин

Омская академия МВД России,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли государства в формировании правовой культуры общества в Российской Федерации с акцентом на влияние национальных проектов. Автор анализирует механизмы государственного воздействия, включая создание правовой базы, правовое воспитание, информационные кампании и поддержку гражданского общества. Особое внимание уделяется реализации национальных проектов, таких как «Цифровая экономика», «Образование» и «Демография», которые способствуют повышению доступности правовой информации и укреплению социальной справедливости.

Ключевые слова: правовая культура, государство, национальные проекты, правовое просвещение, цифровизация, гражданское общество, социальная справедливость.

Annotation. The article examines the role of the state in shaping the legal culture of society in the Russian Federation, with a focus on the impact of national projects. The author analyzes state mechanisms, including the creation of a legal framework, legal education, information campaigns, and support for civil society. Particular attention is paid to the implementation of national projects such as «Digital Economy», «Education», and «Demography», which contribute to enhancing the accessibility of legal information and strengthening social justice.

Keywords: legal culture, state, national projects, legal education, digitalization, civil society, social justice.

Правовая культура является важнейшим элементом функционирования правового государства и гражданского общества. Правовая культура общества — это комплекс ценностей, знаний и практик, связанных с уважением закона, осознанием прав и обязанностей и готовности граждан следовать правовым нормам [1, с. 437]. Государство является основным субъектом, ответственным за формирование правовой культуры. Оно выполняет эту роль через следующие механизмы:

1. Создание правовой базы: разработка и принятие законов, кодексов и подзаконных актов, которые регулируют общественные отношения и устанавливают правовые нормы (например, Конституция Российской Федерации

закрепляет основные права и свободы граждан, создавая основу для правовой культуры [2]).

2. Правовое воспитание и образование: государство активно вовлечено в процесс правового просвещения через образовательные программы в школах и вузах (в рамках школьного курса обществознания ученики изучают основы права, а в высших учебных заведениях готовятся специалисты в области юриспруденции).

3. Информационные кампании: государственные органы проводят мероприятия, направленные на повышение правовой грамотности населения (регулярно организуются дни правовой помощи, публикуются информационные материалы, проводятся лекции и семинары).

4. Поддержка институтов гражданского общества: государство сотрудничает с неправительственными организациями, правозащитными группами и другими структурами, которые способствуют распространению правовых знаний и ценностей.

В условиях современной России формирование правовой культуры приобретает особую актуальность в связи с необходимостью преодоления правового нигилизма, укрепления доверия к государственным институтам и обеспечения устойчивого развития общества. В последние годы наблюдаются положительные тенденции. Развитие цифровых технологий, таких как портал «Госуслуги», способствует повышению доступности правовой информации и упрощению взаимодействия граждан с государственными органами. Особое внимание уделяется правовому просвещению молодежи. В школах и вузах проводятся олимпиады, конкурсы и другие мероприятия, направленные на популяризацию правовых знаний. Исследования российских правоведов подчеркивают, что государственные инициативы могут стать драйвером изменений в правосознании и правовой культуре общества, если сочетаются с системным подходом и учетом региональных особенностей [3, с. 25].

В современной России формирование правовой культуры тесно связано с реализацией государственных стратегий, среди которых ключевую роль играют национальные проекты. Национальные проекты как инструмент государственной политики — это комплексные программы, охватывающие ключевые сферы жизни общества: здравоохранение, образование, цифровизацию, инфраструктуру и другие. Их главная задача — улучшение качества жизни граждан и модернизация страны [4]. Однако, помимо прямых целей, проекты косвенно влияют на правовую культуру через повышение доступности правовой информации (например, цифровые сервисы); укрепление социальной справедливости (например, проекты в здравоохранении и образовании); формирование правовых компетенций (например, образовательные программы). Так, нацпроект

«Цифровая экономика» способствовал развитию электронных госуслуг, что во многом упростило взаимодействие граждан с правовой системой. Согласно исследованию Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в 2024 г. 67 % россиян отмечают, что цифровые сервисы во многом повысили их правовую грамотность [5].

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» были определены 12 национальных проектов, являющихся, по сути, ключевыми направлениями стратегического развития Российской Федерации до 2024 г. [6]. Эти программы, запущенные в 2019 г., были направлены на достижение прорывных результатов в социально-экономической сфере. 7 мая 2024 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [7]. В рамках данного Указа уже 19 национальных проектов федерального масштаба, разработанные в России в 2024 г., пришли на смену 12 национальным проектам 2019–2024 гг., многие из которых продолжили свое развитие. Так, например, в рамках федерального проекта «Инфраструктура доступа к сети Интернет», который разрабатывается в рамках нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», планируется создание российского аналога Starlink — низкоорбитальной спутниковой группировки «Бюро 1440» — к 2027 г., в 2030 г. она должна состоять из 292 спутников. Цель проекта — увеличение доли домохозяйств с широкополосным Интернетом до 97 % к 2030 г. [8].

Влияние национальных проектов Российской Федерации оказало и продолжает оказывать комплексное воздействие на правовую культуру российского общества.

Во-первых, это правовое просвещение через образование. Благодаря нацпроекту «Образование» реализованы программы по повышению юридической грамотности. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень правовой грамотности молодежи (18–25 лет) вырос на 15 % за последние 3 года [9].

Во-вторых, цифровизация и доступ к правовым ресурсам. В результате реализации нацпроекта «Цифровая экономика» создана инфраструктура для доступа к правовой информации, что позволяет гражданам получать юридические услуги дистанционно.

В-третьих, укрепление социальной справедливости. Нацпроекты «Здравоохранение» и «Демография», направленные на обеспечение равенства прав, гарантировали оказание бесплатной медицинской помощи, а также реализацию программы поддержки семьи и детей. Так, например, в рамках

нацпроекта «Демография» 14 млн семей получили сертификаты на материнский капитал, что также повысило осведомленность граждан Российской Федерации о социальных правах [10].

В-четвертых, борьба с правовым нигилизмом. Улучшение качества жизни через нацпроекты («Жилье и городская среда», «Экология») способствовало росту доверия к государству и закону. Так, согласно опросу, проведенному Фондом общественного мнения, 54 % граждан отмечают, что улучшение инфраструктуры повлияло на их готовность соблюдать правовые нормы [11].

Кроме того, усилению роли нацпроектов в формировании правовой культуры способствует интеграция правового компонента во все национальные проекты, например, в рамках нацпроекта «Здравоохранение» — разъяснение пациентам их прав через мобильные приложения, а также развитие обратной связи с населением через цифровые платформы, например, пилотный проект в Свердловской области, чат-бот «Правовой помощник», показал рост удовлетворенности граждан оказанием правовых услуг на 40 % [12].

В заключение необходимо отметить, что роль государства в формировании правовой культуры общества трудно переоценить. В Российской Федерации государство активно работает над созданием условий для развития правовой культуры, однако этот процесс требует дальнейшего совершенствования. Успех зависит не только от усилий государства, но и от активного участия граждан, которые должны осознавать свои права и обязанности. Только совместными усилиями общества и государства можно преодолевать правовой нигилизм и развивать общество, основанное на уважении к закону.

1. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2025. 521 с. [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 21–30. [Вернуться к статье](#)

4. Национальные проекты России [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalprojects.ru> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Отчет НИУ ВШЭ «Цифровизация и правовая культура», 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://chrome-extension://efaidnbmninnibpcjpcglclefindmkaj/https://strategy.hse.ru> (дата обращения: 10.04.2025). [Вернуться к статье](#)

6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос.

Федерации № 204 от 7 мая 2018 г. : в ред. от 21.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации № 309 от 7 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Стратегия развития «Бюро 1440» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/events> [Вернуться к статье](#)

9. Исследование ВЦИОМ «Правовая грамотность молодежи» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 10.04.2025). [Вернуться к статье](#)

10. Отчет Социального фонда России [Электронный ресурс]. URL: <https://sfr.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2025). [Вернуться к статье](#)

11. Опрос ФОМ «Доверие к правовым институтам» [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru> (дата обращения: 10.04.2025). [Вернуться к статье](#)

12. Пилотный проект «Правовой помощник» [Электронный ресурс] // Правительство Свердловской области. URL: <https://zabota050.msp.midural.ru/deiatelnost-u050/informaciya-po-pilotnomu-proektu-na-2022-2024.html> (дата обращения: 10.04.2025). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

НАТУРАЛИЗАЦИЯ: СПОСОБ, СРЕДСТВО ИЛИ ПРОЦЕСС?

Е. И. Небогатикова

Академия управления МВД России,
адъюнкт

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия натурализации иностранных граждан в контексте его многогранности. Делается вывод о том, что натурализация является одновременно способом и процессом, что требует четкого разграничения этих понятий в зависимости от контекста.

Ключевые слова: натурализация, гражданство, иностранные граждане, способ, средство, процесс.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the concept of naturalization of foreign citizens in the context of its versatility. It is concluded that naturalization is both a method and a process, which requires a clear distinction between these concepts depending on the context.

Keywords: naturalization, citizenship, foreign citizens, method, means, process.

В современной науке понятие натурализации занимает важное место. Натурализация, или приобретение гражданства иностранным гражданином, является сложным социальным и правовым явлением, требующим точного определения и разграничения от других смежных понятий. В контексте научных исследований часто возникает вопрос: натурализация является способом, средством или процессом?

Прежде чем дать ответ на данный вопрос, разберемся с тем, что означает каждое из данных терминов. Согласно словарю С. И. Ожегова, способ — это действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь. Средство — прием, способ действия для достижения чего-нибудь. Процесс — ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь [1, с. 321].

Таким образом, данные термины связаны между собой, способ определяет порядок действий, средство — инструменты и ресурсы для этих действий, а процесс — динамику развития и изменения во времени.

Термин «натурализация» (англ. naturalization) исторически означает приобретение прав природных [2, с. 278] (англ. natural) граждан (или подданных). Понятие «натурализация» в словаре Д. Н. Ушакова звучит как «переход в подданство другой страны, предоставление государством прав гражданства иностранцу» [3], согласно Большой российской энциклопедии — это прием в гражданство определенного государства, связано с признанием права на изменение гражданства [4], в юридическом энциклопедическом словаре О. Г. Румянцева — это прием в гражданство иностранца по его заявлению [5].

При анализе научной литературы установлено, что натурализацию определяли как «принятие иностранца в подданство актом правительственной власти, обусловленное предварительным согласованием или его ходатайством» [6, с. 13], или как средство, предоставляющее иностранцу определенные преимущества и льготы, которыми по общему правилу пользуется подданный государства [7, с. 183], совокупность условий, требований, цензов, процедур, которым должно соответствовать лицо для того, чтобы быть принятым в гражданство (подданство) какого-либо государства [7, с. 36].

Способ, как мы определили выше, подразумевает конкретный метод или методику, определяющую, как что-либо делается. В контексте натурализации способы — это различные методы, применяемые для получения гражданства. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 183-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» устанавливает следующие способы получения гражданства: 1) по праву рождения; 2) через прием в гражданство Российской Федерации; 3) путем восстановления в гражданстве Российской Федерации; 4) по другим основаниям, предусмотренным данным Федеральным законом или международными договорами Российской Федерации [8]. Прием в гражданство Российской Федерации осуществляется двумя формами: с соблюдением всех условий натурализации и соблюдением сокращенного числа условий натурализации. Первая форма — это натурализация соискателей российского гражданства с соблюдением всех условий натурализации, таких как проживание в стране, знание языка и т. д. Вторая форма предусматривает снижение требований к соискателям российского гражданства при наличии особых связей со страной. Также законодательством Российской Федерации предусмотрен прием в гражданство в исключительном порядке, когда лицо имеет особые заслуги или представляет особый интерес для страны. Приобретение гражданства по международным договорам применяется на основании международных соглашений, устанавливающих особые условия для получения гражданства Российской Федерации. Как способ натурализация является методом приобретения гражданства, отличным от рождения на территории страны или рождения от граждан страны. Она требует выполнения определенных условий и прохождения установленных законом процедур. В рамках способа мы рассматриваем механизмы, благодаря которым иностранный гражданин может стать гражданином Российской Федерации, и тут натурализация является одним из таких механизмов. Таким образом, для достижения одной и той же цели (получение гражданства) существуют различные способы, каждый из которых имеет свои особенности и требования. Выбор способа натурализации определяется индивидуальными обстоятельствами соискателя.

Средство, как мы определили ранее, подразумевает инструмент или ресурс, используемый для осуществления действия. В контексте натурализации средства — это ресурсы, необходимые для осуществления процесса и применения конкретных способов. Согласно Федеральному закону от 28 апреля 2023 г. № 183-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», к нематериальным средствам необходимо отнести: 1) знание русского языка, так как владение государственным языком является необходимым требованием; 2) правовые знания, т. е. знание законодательства страны; информация, знание требований, применяемых при натурализации [9].

Процесс, как мы установили ранее, — динамическая последовательность действий, этапов или состояний, связанных между собой. В этом контексте натурализация является именно процессом — совокупностью последовательных действий и этапов, которые проходит иностранный гражданин для получения гражданства. Как процесс натурализация включает следующие этапы: 1) подача заявления — инициирование процедуры; 2) сбор документов — подтверждение права на гражданство и соответствия критериям; 3) проверка документов — оценка соответствия представленных сведений; 4) собеседование и тестирование — подтверждение знания языка и основ законодательства; 5) принятие решения — выдача документа о предоставлении гражданства; 6) принятие присяги — завершение процедуры и приобретение статуса гражданина России. В этом смысле натурализация не является единовременным актом, а представляет собой динамичный процесс, реализующийся посредством конкретных способов, установленных действующим законодательством и осуществляемых с помощью различных средств (документов, ресурсов, знаний).

Таким образом, процесс натурализации является более широким понятием, а способ — это конкретный метод, используемый внутри этого процесса. Для того чтобы четко разграничивать эти понятия, важно учитывать контекст их использования. Когда мы говорим о натурализации в общем плане, с точки зрения ее этапов и динамики, мы подразумеваем процесс, а когда мы говорим о натурализации как одном из путей получения гражданства, в сравнении с другими путями, мы подразумеваем способ.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2003. 943 с. [Вернуться к статье](#)

2. Конституционное право России. Словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. М. : Юристъ, 2001, 559 с. [Вернуться к статье](#)

3. Натурализация [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=34204> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Додонов В. Н., Румянцев О. Г. Юридический энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1997. 377 с. [Вернуться к статье](#)
6. Николаев В. Б. Подданство Российской Империи: его приобретение и прекращение (историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2008. 29 с. [Вернуться к статье](#)
7. Гессен В. Н. Подданство, его установление и прекращение. СПб. : Тип. Правда, 1909. 448 с. [Вернуться к статье](#)
8. Овсепян Ж. И. Филиация и натурализация как ключевые категории конституционно-процессуального института возникновения и прекращения гражданства // Северо-Кавказ. юрид. вестн. 2009. № 2. С. 36–45. [Вернуться к статье](#)
9. О гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ // Информ.-правовой портал «Гарант» : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/406811055/> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.123.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДОЗРЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ю. Г. Овчинников

Владивостокский филиал

Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова,
начальник кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент

С. А. Шохалевич

отдел уголовного розыска отдела МВД России
по Хорольскому муниципальному округу Приморского края,
начальник отдела

Аннотация. В статье анализируется правовая природа уведомления о подозрении, его отличия от обвинения, а также значение данного института для обеспечения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Особое внимание уделяется необходимости совершенствования процессуальных механизмов признания лица подозреваемым, включая унификацию порядка уведомления о подозрении и расширение полномочий следователей.

Ключевые слова: уведомление о подозрении, подозреваемый, процессуальные действия, уголовно-процессуальное законодательство, права обвиняемого, дознание, предварительное следствие.

Annotation. The article analyzes the legal nature of the notification of suspicion, its differences from the charge, as well as the importance of this institution for ensuring the rights of persons brought to criminal responsibility. Particular attention is paid to the need to improve the procedural mechanisms for recognizing a person as a suspect, including the unification of the procedure for notification of suspicion and the expansion of the powers of investigators.

Keywords: notification of suspicion, suspect, procedural actions, criminal procedure legislation, rights of the accused, inquiry, preliminary investigation.

Изучение практики применения отдельных норм уголовно-процессуального законодательства позволило выявить ряд нерешенных проблем на законодательном уровне. Институт уведомления о подозрении, используемый исключительно в рамках дознания, закреплён в ст. 223.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК). В научной среде существуют противоположные мнения относительно данного правового механизма [1].

С одной стороны, исследователи В. М. Быков и А. А. Терегулова критически оценивают применение уведомления о подозрении [2, с. 202]. С другой стороны, позиция В. В. Кальницкого представляется более обоснованной

и заслуживающей внимания. Он справедливо отмечает, что данный институт служит важным механизмом защиты прав лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, предоставляя им возможность быть проинформированными о предъявляемых подозрениях, давать показания и использовать иные предусмотренные законом средства защиты [3, с. 60].

На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и сложившейся практики его применения можно заключить, что уведомление о подозрении является наиболее подходящим способом признания лица подозреваемым в ситуациях, когда отсутствуют основания для его задержания или избрания меры пресечения.

Согласно ст. 223.1 УПК, присвоение статуса подозреваемого через уведомление о подозрении осуществляется при соблюдении определенных условий. Важно отметить, что данная процедура не предусматривает применения мер процессуального принуждения и не ограничивает свободу передвижения лица, если для этого отсутствуют законные основания.

Процесс уведомления о подозрении включает следующие этапы со стороны дознавателя: 1) составление письменного документа об уведомлении; 2) вызов лица, в отношении которого вынесено подозрение, проверка его личности, вручение копии уведомления, разъяснение прав подозреваемого, а также составление протокола об указанных процессуальных действиях; 3) проведение допроса по существу предъявленного подозрения.

Статус подозреваемого возникает у лица именно с момента получения уведомления. При подготовке к допросу необходимо гарантировать возможность подозреваемого воспользоваться помощью защитника. Сам допрос должен быть проведен не позднее чем через трое суток после вручения копии уведомления о подозрении.

Необходимо подчеркнуть, что некоторые исследователи проводят параллели между процедурой уведомления о подозрении в рамках дознания и привлечением лица в качестве обвиняемого при предварительном следствии. На первый взгляд, определенное сходство в процессуальных действиях действительно прослеживается. Однако содержательная сторона этих институтов существенно различается.

Уведомление о подозрении не предполагает окончательного вывода о виновности лица. Оно лишь фиксирует наличие подозрения, то есть предположение о причастности конкретного человека к совершению преступления. Такое подозрение становится основанием для начала уголовного преследования, но оно еще не подкреплено достаточным объемом достоверных и проверенных доказательств [4, с. 255]. В отличие от обвинения, которое требует наличия

полноценной доказательной базы, подозрение носит предварительный характер и служит лишь отправной точкой для дальнейшего расследования.

Получается, что использование уведомления о подозрении в рамках дознания предоставляет дознавателю возможность наделять лицо статусом подозреваемого без необходимости искусственного создания оснований для его задержания или применения мер пресечения. Это позволяет избежать необоснованного процессуального давления на лицо, когда отсутствуют реальные предпосылки для таких действий.

В целях защиты прав лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также для исключения необоснованного применения мер процессуального принуждения предлагается расширить полномочия следователей, предоставив им возможность уведомлять лиц о подозрении на тех же основаниях, что и дознавателям. В связи с этим считаем целесообразным перенести норму об уведомлении о подозрении (ст. 223.1 УПК) из главы 32 «Дознание» в главу 21 «Общие условия предварительного расследования», например, в новую статью 161.1 УПК. Такой шаг позволит унифицировать процедуру уведомления о подозрении и обеспечит единообразие ее применения как в рамках дознания, так и при предварительном следствии.

С момента уведомления лица о подозрении между дознавателем и подозреваемым возникают уголовно-процессуальные отношения, основанные на четком определении прав и обязанностей каждой из сторон [5, с. 33].

Процедура уведомления о подозрении имеет ключевое значение в уголовном процессе, так как выступает одним из механизмов обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное преступление. В дальнейшем обоснованное подозрение становится важной предпосылкой для назначения справедливого наказания, соответствующего характеру и тяжести содеянного.

Юридическая значимость уведомления о подозрении также заключается в том, что на этапе досудебного расследования фиксируется достаточный объем доказательств, позволяющий конкретизировать подозрение в отношении определенного лица. Это подозрение впервые официально формулируется в письменном документе — уведомлении о подозрении, где дознаватель излагает выводы о факте и сути совершенного деяния. Однако вынесение решения об уведомлении о подозрении не означает завершения расследования. Следуют дополнительные процессуальные шаги: допрос подозреваемого, проверка его показаний, выполнение иных следственных действий. В результате таких мероприятий первоначальное уведомление о подозрении может быть скорректировано или дополнено.

Как справедливо подчеркивает К. В. Муравьев, основания для уведомления о подозрении отличаются разнообразием и могут быть классифицированы

на две категории: формальные и юридические [6, с. 108]. Данное разделение представляется логически обоснованным и отражает различную природу предпосылок для вынесения такого уведомления.

К формальным основаниям относятся те, которые прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. Однако их особенность заключается в том, что они не подразумевают прямого указания на причастность лица к совершению преступления, а носят косвенный характер. Эти основания возникают как следствие уже принятых процессуальных решений, например, связанных с задержанием лица или избранием в отношении него меры пресечения [7, с. 168]. Таким образом, формальные основания являются вторичными, поскольку зависят от предшествующих процессуальных действий.

В свою очередь, юридическим основанием для уведомления о подозрении служит наличие достаточных доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению уголовного преступления. Это основание носит прямой характер, так как базируется на результатах досудебного расследования, в ходе которого собрано необходимое количество убедительных доказательств. Именно данный факт становится ключевым условием для официального уведомления лица о подозрении.

Решение о подозрении конкретного лица в совершении уголовного преступления оформляется не в виде постановления, а специальным процессуальным документом — письменным уведомлением. Этот документ должен соответствовать требованиям, установленным ст. 223.1 УПК.

При составлении уведомления о подозрении дознаватель выражает свое мнение относительно виновности лица, основываясь на анализе фактических данных, доступных в материалах уголовного дела на момент принятия решения. Однако сам факт наличия такого уведомления не означает официального признания лица виновным со стороны государства. Хотя вывод о виновности может считаться официальным в определенной степени, он все же представляет собой субъективную оценку дознавателя относительно достаточности оснований для привлечения данного лица к уголовной ответственности на основании конкретной нормы уголовного права.

Передача копии уведомления о подозрении лицу должна быть осуществлена в разумные сроки, которые не конкретизированы в законе. Обеспечение права на защиту требует от дознавателя не только вручения документа, но и подробного разъяснения прав подозреваемого. Особое внимание уделяется праву лица знать суть предъявляемых подозрений, что обязывает дознавателя объяснять их доступным языком. Фиксация факта передачи уведомления и разъяснения прав оформляется протоколом.

Указанные положения подчеркивают, что уведомление о подозрении, предусмотренное ст. 223.1 УПК, не является самостоятельным уголовно-процессуальным актом, содержащим государственно-властное решение. Это, скорее, инструмент реализации уже принятого решения о том, что конкретное лицо подозревается в совершении преступления. Однако отсутствие в законодательстве четкого процессуального акта, регламентирующего данное решение, представляет собой правовой пробел. По сути, содержание уведомления о подозрении, описанное в ч. 2 ст. 223.1 УПК, фактически совпадает с тем, что могло бы составлять основу постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого.

Предлагается возложить на дознавателя обязанность оформить процессуальное решение о привлечении лица в качестве подозреваемого до момента уведомления его о подозрении. Данное решение должно быть оформлено в виде постановления, которое станет юридическим основанием для признания лица подозреваемым.

Отсутствие возможности уведомить лицо о подозрении или дальнейшем осуществлении в отношении него уголовного преследования противоречит публичным интересам, направленным на защиту личности, общества и государства от преступлений, а также на обеспечение быстрого и полного расследования. С точки зрения частного интереса, то есть прав лица, в отношении которого составлено, но не вручено уведомление о подозрении, права этого лица, включая право знать, в чем оно подозревается, и приобрести статус подозреваемого только при вручении уведомления, формально соблюдены. Однако считаем, что в данном случае предпочтение следует отдать публичному интересу. Необходимо изменить порядок предоставления лицу статуса подозреваемого, исключив зависимость этого процесса от явки лица к дознавателю, его местонахождения или желания получить уведомление.

Баланс между публичным и частным интересами будет сохранен, поскольку с момента признания лица подозреваемым ему предоставляется комплекс прав, предусмотренных ч. 4 ст. 46 УПК. В частности, это базовое право на защиту от подозрения и обвинения, а также другие гарантии, обеспечивающие защиту прав лица в рамках уголовного процесса.

На основе проведенного исследования необходимо:

1. Для обеспечения прав лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также для исключения необоснованного применения мер процессуального принуждения в случаях, когда это не требуется, предлагается предоставить следователям право уведомлять таких лиц о подозрении на условиях, аналогичных полномочиям дознавателей. Для реализации данного предложения следует перенести норму об уведомлении о подозрении (ст. 223.1 УПК)

из главы 32 «Дознание» в главу 21 «Общие условия предварительного расследования», закрепив ее, например, в новой статье — ст. 161.1 УПК.

2. Обязать дознавателя до уведомления лица о подозрении оформить процессуальное решение о привлечении лица в качестве подозреваемого в форме постановления, которое станет юридическим основанием для признания лица подозреваемым. В связи с этим УПК целесообразно дополнить статьей 161.2 «Постановление о привлечении в качестве подозреваемого».

Предлагаемые изменения и дополнения к действующему УПК позволят более эффективно защищать права, свободы и законные интересы граждан при присвоении статуса подозреваемого, обеспечивая его практическую реализацию в рамках уголовно-процессуального законодательства.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Быков В. М., Терегулова А. А. Совершенствование оснований признания лица подозреваемым в совершении преступления // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1 (9). С. 194–204. [Вернуться к статье](#)

3. Кальницкий В. В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право. 2008. № 1 (14). С. 59–63. [Вернуться к статье](#)

4. Маламагамедова А. Р. Уведомление о подозрении в совершении преступления: перспективы применения в ходе предварительного следствия // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 12 нояб. 2021 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России. 2021. С. 255–258. [Вернуться к статье](#)

5. Виноградова А. И. К вопросу об обеспечении и соблюдении прав и законных интересов подозреваемого при производстве следственных действий // Актуальные вопросы формирования единого научного пространства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 20–22 июня 2017 г. Саратов : Центр профессионального менеджмента «Академия Бизнеса», 2017. С. 33–35. [Вернуться к статье](#)

6. Муравьев К. В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1. С. 106–112. [Вернуться к статье](#)

7. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб. для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 302 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.92

АКТУАЛЬНЫЕ МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К. С. Плаксицкая

Псковский филиал Университета ФСИН России,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об административных мерах пресечения, применяемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в целях предотвращения нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными, а также защиты прав и законных интересов всех участников уголовно-исполнительных правоотношений.

Ключевые слова: меры административного пресечения, сотрудники, уголовно-исполнительная система, ответственность.

Annotation. The article discusses the issue of administrative preventive measures applied by employees of the penal enforcement system of the Russian Federation in order to prevent violations of the established procedure for serving sentences by convicted persons, as well as to protect the rights and legitimate interests of all participants in penal enforcement legal relations.

Keywords: administrative restraint measures, employees, penal enforcement system, responsibility.

В современных условиях функционирования Российской Федерации правоохранительные органы выступают ключевым звеном в системе обеспечения национальной безопасности, приобретающей первостепенное значение для устойчивого развития государственных институтов России. Федеральная служба исполнения наказаний (далее — ФСИН) играет значительную роль в структуре государственных институтов, отвечающих за поддержание общественного порядка и безопасности. Ее компетенция распространяется и на режимные объекты, а также территории уголовно-исполнительной системы России. В рамках своих полномочий ФСИН применяет меры административного принуждения для достижения указанных целей.

Использование административных мер пресечения в сфере исполнения уголовных наказаний и борьбы с пенитенциарной преступностью действительно играет очень важную роль. Уголовно-исполнительная система стремится обеспечить безопасность и порядок в учреждениях, где содержатся осужденные, чтобы предотвращать новые преступления и защищать общество. Пресечение правонарушений в пенитенциарной системе выступает приоритетным вектором работы ФСИН России, учитывая масштаб негативного влияния

противоправных действий на функционирование исправительных учреждений и следственных изоляторов, а также значимость поддержания государственной безопасности через предупреждение преступности в местах лишения свободы.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», сотрудники органов федеральной службы являются лицами, уполномоченными применять административные пресекательные меры [1]. Сотрудники ФСИН России как уполномоченные лица имеют право применять административные пресекательные меры в соответствии с установленными правилами и процедурами. Это может включать в себя различные виды мер, такие как досмотры, изоляция, ограничение доступа к определенным ресурсам или пространству и другие. Целью таких мер является не только наказание за нарушения, но и предотвращение возможных негативных последствий для общества, охрана общественной безопасности.

В иностранной юридической литературе также отмечена важность мер административного пресечения в уголовно-исполнительной системе: «Вместе с тем пресечение правонарушений, совершаемых в сфере исполнения уголовных наказаний, представляет собой важное направление деятельности ФСИН России, поскольку они несут в себе непосредственную угрозу не только установленному порядку функционирования учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов, но и государственной безопасности от пенитенциарной преступности в целом» [2, с. 363].

Квалифицированное исполнение административных регламентов в пенитенциарной системе предполагает профессиональное мастерство персонала при неукоснительном следовании букве закона. Преступные деяния по доставке нелегальных предметов заключенным создают серьезную угрозу безопасности исправительных учреждений. Полученные противоправным путем запрещенные вещи становятся потенциальным инструментом совершения преступлений как внутри пенитенциарных заведений, так и за их пределами, что существенно повышает уровень криминогенной опасности.

Согласно статистическим данным пенитенциарной службы России, динамика преступлений среди заключенных продемонстрировала существенный рост за последние три года, включая дистанционные правонарушения, при общем снижении численности осужденных.

Статистический анализ демонстрирует устойчивую тенденцию увеличения скрытых административных нарушений, связанных с доставкой запрещенных предметов в пенитенциарные учреждения. Недостаточная результативность применяемых административно-правовых мер пресечения сотрудниками

уголовно-исполнительной системы создает существенные риски для безопасности исправительных учреждений и эффективности исполнения наказаний.

Меры административного пресечения используют в том случае, если «все иные средства прекращения противоправных действий исчерпаны и нет других, которые способны обеспечить на должном уровне охрану правопорядка и безопасность граждан» [3, с. 74], что и объясняет их особый характер.

Применение административно-принудительных мер в уголовно-исполнительной системе обеспечивает пенитенциарную безопасность, выступающую ключевым элементом функционирования исправительных учреждений. Эффективное использование данных мероприятий предотвращает проникновение запрещенных предметов на режимные территории, пресекает противоправные действия нарушителей установленного порядка отбывания наказаний. Комплексный подход к реализации принудительных мер способствует устранению потенциальных угроз безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы, других граждан и режимных объектов пенитенциарных учреждений.

Юридическим фундаментом для применения особых мер административного пресечения в пенитенциарной системе служат положения международного и российского права, включая, в частности, Всеобщую декларацию прав человека [4], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [5], Европейские пенитенциарные правила [6], Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [7], Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [8], Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [9], приказ Министерства юстиции России от 30 октября 2017 г. № 215 «Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы» [10].

Основания, условия и общий порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в уголовно-исполнительной системе регулируется гл. V Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [9]. Анализ правовых норм выявляет существенные пробелы в терминологическом аппарате закона, регламентирующего применение мер принуждения сотрудниками пенитенциарных учреждений. Отсутствие четких формулировок понятия физической силы создает неопределенность при оценке законности действий представителей уголовно-исполнительной системы. Законодательное закрепление точных характеристик данного термина

позволило бы конкретизировать допустимые меры воздействия для персонала исправительных учреждений в рамках служебных полномочий.

Сотрудники пенитенциарных учреждений при исполнении должностных полномочий осуществляют контактное силовое воздействие на нарушителей режима содержания, опираясь преимущественно на собственные физические способности. Мышечный потенциал и уровень индивидуальной подготовки выступают ключевыми факторами результативности силового пресечения противоправных действий. Реализация мер физического принуждения персоналом пенитенциарных учреждений осуществляется через непосредственное контактное воздействие, исключающее применение специализированного технического оснащения и огнестрельных средств поражения.

Применение силовых методов воздействия сотрудниками уголовно-исполнительной системы требует четкой регламентации и конкретизации понятийного аппарата для обеспечения правовой защищенности всех участников процесса. Законодательное закрепление критериев правомерности силового воздействия создает основу для объективной оценки действий персонала пенитенциарных учреждений при осуществлении принудительных мер и позволяет выстроить эффективную систему контроля соблюдения прав человека.

Меры административного пресечения в уголовно-исполнительной системе представляют собой эффективный инструментальный предупреждения противоправных деяний во всех сферах общественных отношений. Универсальность данных мер проявляется через возможность предотвращения как административных проступков, так и уголовных преступлений. Научное сообщество, специализирующееся на вопросах административного права, выдвигает различные концепции реализации специальных мер пресечения. Радикальную позицию по вопросам применения физической силы, специальных средств и оружия демонстрирует С. Ю. Учитель, выступающий «за регламентацию специальных мер пресечения в правоохранительной деятельности исключительно нормами уголовного законодательства» [11, с. 26].

Нормативно-правовая база применения мер административного пресечения включает множество специализированных законодательных актов, выходящих за рамки уголовного права. Федеральное законодательство, регламентирующее деятельность пенитенциарных учреждений, предоставляет сотрудникам право использования табельного оружия согласно установленным административным нормам. Законодательные положения об исполнении уголовных наказаний преимущественно опираются на административно-правовые механизмы регулирования.

Реализация административных мер пресечения персоналом уголовно-исполнительной системы требует строгого соблюдения установленных

законодательством границ применения принудительных средств. Правовое регулирование государством данных ограничений выступает основополагающим элементом действующей системы административно-правовых гарантий при осуществлении мер принуждения [12, с. 74]. Законодательное оформление процессуальных гарантий необходимо для регламентации работы сотрудников уголовно-исполнительной системы при применении мер принуждения. Внесение изменений в ст. 3 Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» создаст условия для четкой регламентации использования положений уголовного права о необходимой обороне, крайней необходимости и иных обстоятельствах, освобождающих от уголовной ответственности, в рамках исполнения служебных обязанностей работниками пенитенциарных учреждений. Это позволит обеспечить правовую защиту персонала и повысить эффективность его деятельности в сложных ситуациях.

Соблюдение законности при применении специальных мер административного пресечения требует от сотрудников уголовно-исполнительной системы четкого следования установленному регламенту. Законодательное регулирование данного процесса осуществляется согласно ст. 28.1 Федерального закона № 5473-1, определяющей последовательность обязательных действий правоохранительных органов. Начальный этап процедуры предусматривает своевременное информирование нарушителя о возможном применении мер принуждения с предоставлением достаточного времени для добровольного исполнения законных требований сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Правоприменительная деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы на втором этапе включает активное использование комплекса принудительных мер воздействия. Выбор конкретного инструмента принуждения — от применения физической силы до задействования специальных средств или огнестрельного оружия — основывается на тщательном анализе оперативной обстановки и требуемой степени силового воздействия.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы принимают решение о выборе меры пресечения на основании комплексной оценки ситуации, анализируя степень противоправного поведения субъектов и уровень оказываемого сопротивления представителям власти.

При реализации мер административного принуждения сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации сталкиваются с комплексом организационных и правовых затруднений, существенно ограничивающих эффективность выполнения служебных обязанностей.

По завершении третьего этапа административного производства сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны предоставить руководству

письменный рапорт о применении мер принудительного характера, соблюдая установленный двадцатичетырехчасовой регламент подачи документации.

Таким образом, административные меры уполномоченных субъектов уголовно-исполнительной системы реализуются через комплекс специфических мер, наполненных глубоким содержательным смыслом. Структурные элементы данных мер охватывают целевые установки, нормативные основания и процедурные механизмы их практического воплощения с учетом особенностей функционирования пенитенциарных учреждений.

1. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 9 марта 2004 г., № 314 : в ред. от 27.03.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Вулдридж Дж., Штайнер Б. Взгляд на девиантность заключенных на макроуровне // Наказание и общество. 2015. 17 (2). С. 361–368. [Вернуться к статье](#)

3. Лебедева О. О. Правовое регулирование применения принудительных мер административного предупреждения и пресечения : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 233 л. [Вернуться к статье](#)

4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Европейские пенитенциарные правила [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420361984> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Об оружии [Электронный ресурс] : Федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ : в ред. от 08.08.2024 г. № 279-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс] : . Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ : в ред. от 08.08.2024 г. № 269-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 : в ред. от 29.05.2024 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 30 окт. 2017 г. № 215. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

11. Учитель С. Ю. Необходимая оборона и ее роль в правоохранительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 28 с. [Вернуться к статье](#)

12. Анискина Н. В. Соблюдение принципа территориальности при применении мер административного принуждения сотрудниками правоохранительных органов // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 72–76. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.73

ВОПРОС О НЕОБХОДИМОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. А. Рыжков

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,
адъюнкт

Аннотация. В статье исследуются концептуальные вопросы развития и необходимости урегулирования стратегии экономического развития — экосистем. Акцентируется внимание на положительных аспектах ведения предпринимательства с использованием экосистем, а также недостатки, которые на сегодняшний день автором считаются наиболее существенными и требующими государственного регулирования.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экосистемы, цифровизация экономики, законодательство, предпринимательское право, финансовое право.

Annotation. The article examines the conceptual issues of development and the need to regulate the strategy of economic development — ecosystems. Attention is focused on the positive aspects of doing business using ecosystems, as well as the disadvantages, which are considered by the author to be the most significant today.

Keywords: entrepreneurial activity, ecosystems, digitalization of the economy, legislation, business law, financial law.

Активный рост и всесторонняя интеграция цифровых технологий в повседневную деятельность государства и общества, преобразования некоторых аспектов финансовых отношений, научно-исследовательские изыскания в области финансов, менеджмента и экономики в целом подталкивают участников рыночных отношений к усовершенствованию используемой ими бизнес-модели предпринимательской деятельности в различных секторах экономической деятельности. Грамотный, всесторонний и стратегически выработанный подход к разработке бизнес-модели позволяет в последующем обеспечить предприятию прибыль и достойное место на рынке. Одной из самых эффективных за рубежом и показывающей в последнее десятилетие выдающиеся результаты на отечественном рынке бизнес-моделью является цифровая экосистема.

Главной характерной чертой цифровых экосистем является «объединение ряда компаний с целью увеличения ценности их продуктов и/или повышения эффективности внутренних процессов» [1].

Согласно отчету Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара «Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию», на момент 2022 г. «на рынке присутствует более 10 экосистем, среди

которых «Сбер», «Яндекс», X5 Retail Group, Wildberries, «Тинькофф» (с 2024 г. — «Т-банк») и многие другие» [2]. Это свидетельствует об уже сложившейся тенденции российских компаний к внедрению теории экосистем в свою экономическую стратегию, объединении различных структур и сервисов и установлении внушительной конкуренции среди крупных компаний. Предприятия, которые не способны к объединению или не имеют этой возможности, вероятно, обрекают себя на неконкурентное положение на рынке.

Для Российской Федерации в условиях беспрецедентных экономических санкций развитие цифровых платформ и экосистем приобретает особое значение, так как цифровая среда экономических взаимодействий обеспечивает возможность гибкого и оперативного реагирования на внешнеэкономические вызовы на основе рыночных механизмов [3]. Цифровая экосистема имеет преимущества для экономики государства в целом — исключение неэффективных посредников, развитие малого и среднего секторов экономики, привлечение инвестиций в экономику, развитие национального венчурного рынка, обеспечение национальной безопасности, развитие технологий и обеспечение технологической независимости России, а для граждан и бизнеса — доступ к новой клиентской базе и быстрое удовлетворение их потребности [4].

Однако при всех своих преимуществах перед традиционной системой ведения предпринимательской деятельности использование стратегии экосистем влечет за собой и потенциальные риски. К таким рискам можно отнести:

- злоупотребление отношениями с клиентами, навязывание товаров и услуг;
- риск возникновения недобросовестной конкуренции;
- отсутствие на сегодняшний день конкурентноспособных национальных экосистем на международном рынке.

Говоря о рисках, стоит указать также на тот факт, что одним из важных инструментов для работы экосистем является сбор данных. Платформы применяют различные способы по сбору данных — платные подписки на предоставление услуг сервиса, внедрение модели для использования полученных данных в целях адаптации сервиса под пользователя, таргетированная реклама и иные.

Обращаясь к исследованиям, представленным новостным агентством TAdviser, следует отметить, что «общий объем утекших данных оценивается в 103,4 терабайта. Сферы услуг и электронной коммерции стали лидерами по утечкам» [5]. Данное явление характеризует экосистемы как потенциально уязвимое звено при нынешних масштабах киберпреступности. Получение данных пользователя, являющегося клиентом одного из участников экосистемного бизнеса, приводит к утечке его персональных данных из всего объединения. Возможным представляется смоделировать ситуацию, в которой вероятный

пользователь сервиса доставки еды становится «потерпевшим» в хищении пользовательских данных, когда злоумышленник получает доступ не только к адресам, но и к данным банковских счетов коммерческой банковской организации, входящей в структуру экосистемы.

Учитывая относительно недолгое существование экосистем на отечественном рынке, говорить о рисках становится возможным лишь на перспективу. Однако, следуя зарубежному опыту, в том числе США и КНР, где данная бизнес-стратегия уже давно закрепились на рынке (например, китайский мессенджер WeChat, который, кроме обмена сообщениями между пользователями, позволяет также совершать денежные переводы или используется в качестве удостоверения личности), становится возможным работать «на опережение», создавая нормотворческую базу для урегулирования данной деятельности в превентивных целях.

Учитывая все вышесказанное, а также те реалии, при которых активный и многоплановый переход различных сфер деятельности общества и государства в информационно-цифровую среду может привести к бесконтрольным и необратимым последствиям, перед органами государственной власти стоит ряд задач по правовому урегулированию этой среды, в том числе и с точки зрения финансового права как отрасли права, предметом которой является формирование, распределение и использование денежных ресурсов государства. Однако данная реформа должна проводиться постепенно, с изучением различных сторон данного вида деятельности и с упором на положения Конституции Российской Федерации.

1. Кобылько А. А. Перспективы развития бизнес-экосистем: конкуренция, сотрудничество, специализация [Электронный ресурс] // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 728–744. URL: https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2313?locale=ru_RU (дата обращения: 22.10.2024).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию [Электронный ресурс] // Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. URL: https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 22.10.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Напольских Д. Л. Цифровые платформы и цифровые экосистемы: экономическая сущность и перспективы интеграции с инновационными кластерами [Электронный ресурс] // Вестн. Поволж. гос. технол. ун-та. Сер.: Экономика и управление. 2023. № 4 (59). С. 5–14. URL: <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2023.4.5> (дата обращения: 22.10.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Управление рисками информационной безопасности цифровых продуктов финансовой экосистемы организации [Электронный ресурс] / А. В. Царегородцев [и др.] // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2020. Т. 8,

№ 4 (31). URL: <https://moitvvt.ru/ru/journal/pdf?id=888> (дата обращения: 22.10.2024).
[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Утечки данных в России [Электронный ресурс] // TAdviser : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A3%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%B8_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#.D0.97.D0.B0_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B7.D0.B0.D1.84.D0.B8.D0.BA.D1.81.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.BE_420_.D1.83.D1.82.D0.B5.D1.87.D0.B5.D0.BA_.D0.B1.D0.B0.D0.B7_.D0.B4.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D1.85_.D1.80.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D0.B9.D1.81.D0.BA.D0.B8.D1.85_.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D0.BF.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D0.B9 (дата обращения: 22.10.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

УДК 658.7

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

П. В. Самолысов

Академия управления МВД России,
доцент кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения,
кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты, регламентирующие процедуры государственных закупок в правоохранительных органах, а также анализируются практические решения по повышению эффективности использования бюджетных средств.

Ключевые слова: правоохранительные органы; органы внутренних дел; правовые аспекты; правоприменительная практика; государственные закупки; контрактная система; закупка товаров, работ, услуг.

Annotation. The article examines the key aspects regulating public procurement procedures in law enforcement agencies, as well as analyzes practical solutions to improve the efficiency of using budget funds.

Keywords: law enforcement agencies; internal affairs agencies; legal aspects; law enforcement practice; public procurement; contract system, procurement of goods, works; services.

В современных геополитических и социально-экономических условиях вопросы государственных закупок являются весьма актуальными и требуют особого внимания как со стороны законодательных, исполнительных и судебных органов, так и со стороны научного сообщества.

В рамках государственных закупок удовлетворяется потребность государства в товарах, работах, услугах, необходимых для выполнения возложенных обществом функций и полномочий. Отдельным блоком в системе публичной власти стоят правоохранительные органы, которые уполномочены охранять закон и обеспечивать правопорядок, защищать права и свободы человека.

Остановимся на некоторых основных аспектах регулирования государственных закупок для правоохранительных органов.

1. Нормативное правовое регулирование закупок.

Современную систему контрактных отношений в Российской Федерации определяет Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1], основу которого составляют положения Конституции Российской Федерации [2], Гражданского и Бюджетного кодексов

Российской Федерации [3; 4], а также другие федеральные законы, регулирующие отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд.

Кроме этого, Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти (далее — ФОИВ) вправе принимать нормативные правовые акты, регулирующие указанные правоотношения.

Отличительными особенностями нормативного правового регулирования закупок для правоохранительных органов являются:

- наличие специального закона (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [5], регулирующий отношения, связанные с формированием, особенностями размещения, выполнения заданий на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации (государственный оборонный заказ);
- закрепление функции государственного заказчика государственного оборонного заказа при осуществлении закупки в соответствии с Законом о контрактной системе в положениях правоохранительных органов (заказчика) [6; 7];
- наличие постановлений Правительства Российской Федерации, определяющих правила установления квот обязательных поставок (государственное бронирование) важнейших видов материально-технических ресурсов, положение о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, правила согласования проведения закрытых конкурентных процедур и др.;
- наличие приказов ФОИВ, определяющих специфику закупок в сфере государственного оборонного заказа.

2. Принципы государственных закупок.

Одним из принципов контрактной системы является принцип профессионализма заказчика, который подразумевает не только привлечение заказчиком квалифицированных специалистов, обладающих соответствующими теоретическими знаниями, практическими навыками в сфере закупок, но и обязанность заказчика поддерживать соответствующий уровень квалификации и профессионального образования должностных лиц, задействованных в закупках.

На рынке образовательных услуг присутствует большое количество учебных организаций, осуществляющих повышение квалификации, профессиональную подготовку в сфере закупок товаров, работ, услуг.

Специфика деятельности правоохранительных органов определяет и специфику подготовки их должностных лиц, которая в полной мере реализуется в ведомственных учебных заведениях. Так, в системе органов внутренних дел

в целях формирования определенных компетенций разрабатываются соответствующие программы [8; 9].

Например, в Академии управления МВД России реализуется комплекс дополнительных профессиональных программ «Повышение квалификации руководителей (заместителей руководителей) комиссий по осуществлению закупок для обеспечения нужд МВД России, контрактных служб, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющих полномочия контрактных управляющих», как для вновь назначенных сотрудников (базовый уровень) (с применением исключительно электронного обучения) [10], а также по программе углубленной подготовки (с применением исключительно дистанционных образовательных технологий) [11].

Необходимо отметить, что в учебных заведениях Министерства внутренних дел России по программам обучения в сфере закупок проходят обучение сотрудники не только органов внутренних дел, но и других правоохранительных органов, что позволяет обеспечить единство понимания контрактной системы.

3. Система внутреннего контроля.

Контрольно-ревизионные мероприятия в правоохранительных органах по анализу и оценке их деятельности при проведении закупок товаров, работ и услуг (на всех стадиях) осуществляет специальное подразделение. В Министерстве внутренних дел России таким подразделением является Контрольно-ревизионное управление. В иных правоохранительных органах указанные полномочия также осуществляются соответствующими контрольно-ревизионными органами, что позволяет не только профессионально проводить внутренний финансовый аудит и ведомственный финансовый контроль деятельности структурных подразделений и должностных лиц заказчика, но и в случае выявления нарушений привлекать к ответственности, а также обобщать практику применения соответствующего законодательства [12; 13; 14].

К особенностям финансового обеспечения правоохранительных органов, в отличие от иных ФОИВ, относятся:

- специализированное финансовое обеспечение (направляемые бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных ассигнований связаны с реализацией правоохранительной деятельности, а также с поддержанием материально-технической базы);
- система ведомственного контроля (финансовый контроль осуществляется не только внутренними ревизионными подразделениями правоохранительных органов, но и внешними органами, такими как Счетная палата и Федеральное казначейство);

– регламентация бюджетных расходов (поскольку правоохранительные органы относятся к органам исполнительной власти, то исполнение бюджета является расходным обязательством Российской Федерации и обеспечивается за счет средств федерального бюджета, что требует строгого соблюдения установленных норм и правил) [13].

4. Ограничения и исключения.

Специфические нужды правоохранительных органов предполагают установление определенных особенностей при проведении закупок товаров, работ, услуг.

Законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» установлено, что заказчиками, являющимися федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по выработке и реализации государственной политики в области обороны, в области государственной охраны, государственного управления в области обеспечения безопасности Российской Федерации, в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере внутренних дел, в сфере управления государственным материальным резервом, подведомственными им государственными учреждениями, применяются закрытые конкурентные способы.

Законом «О государственном оборонном заказе» установлено следующее:

– при размещении заказа на поставки вооружения, военной и специальной техники, военного имущества, принятых на вооружение, снабжение, в эксплуатацию, документация должна содержать указание на наименования или товарные знаки вооружения, военной и специальной техники, военного имущества;

– если в ходе исполнения государственного контракта произошло изменение цены на эту продукцию, цена такого контракта может быть изменена по решению Правительства Российской Федерации;

– при размещении заказа на создание, модернизацию, поставки, ремонт, сервисное обслуживание и утилизацию вооружения, военной и специальной техники государственный заказчик вправе в определенных случаях не устанавливать требование обеспечения исполнения государственного контракта.

Таким образом, в результате исследования основных аспектов государственных закупок в правоохранительной сфере можно сделать следующие выводы:

1. Деятельность должностных лиц правоохранительных органов, задействованных в закупках, строго регламентирована.

2. Большой объем законодательных и нормативных правовых актов в сфере закупок требует от сотрудников правоохранительных органов,

занимающихся закупками, постоянного обучения, в том числе с использованием современных технологий, включая цифровые технологии и коммуникации.

3. Систематический уровень внутреннего и внешнего аудита, ведомственный финансовый контроль за процессом государственных закупок является необходимым условием борьбы с коррупцией и других злоупотреблений в сфере таких закупок.

4. Применение для правоохранительных органов закрытых конкурентных процедур является оптимальным выбором для закупок, связанных с государственной тайной и требующих высокого уровня безопасности, конфиденциальности и секретности.

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. от 08.08.2024 г. № 237-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ : принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. : в ред. Федер. закона от 26.12.2024 г. № 488-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О государственном оборонном заказе [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 275-ФЗ : в ред. от 19.12.2022 г. № 519-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 21 дек. 2016 г. № 699 : в ред. от 02.04.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 30 сент. 2016 г. № 510. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Цвилий-Букланова А. А., Белова С. Н., Самолысов П. В. Вопросы формирования профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций МВД России в постковидный период // Экономическая безопасность России : сб. науч. ст. Т. 1. Волгоград : ИП Черняева Ю. И., 2022. С. 223–233. [Вернуться к статье](#)

9. Цвилий-Букланова А. А., Белова С. Н., Самолысов П. В. Вопросы формирования профессиональных компетенций при подготовке бакалавров и магистров по направлению подготовки «Менеджмент» // Совершенствование образовательных

программ, планирование и реализация образовательного процесса : материалы всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. Вып. 7. Омск, 2023. С. 48–53. [Вернуться к статье](#)

10. Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации руководителей (заместителей руководителей) комиссий по осуществлению закупок для обеспечения нужд МВД России, контрактных служб, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющих полномочия контрактных управляющих. Для вновь назначенных сотрудников (базовый уровень) (с применением системы дистанционных образовательных технологий). М. : Акад. упр. МВД России, 2024. 33 с. [Вернуться к статье](#)

11. Дополнительная профессиональная программа «Повышение квалификации руководителей (заместителей руководителей) комиссий по осуществлению закупок для обеспечения нужд МВД России, контрактных служб, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющих полномочия контрактных управляющих (по программе углубленной подготовки) (с применением исключительно дистанционных образовательных технологий)». М. : Акад. упр. МВД России, 2024. 35 с. [Вернуться к статье](#)

12. Механизмы снижения экономических и правовых рисков в сфере закупок для обеспечения нужд МВД России : учеб. пособие / П. В. Самолысов [и др.]. М. : Акад. упр. МВД России, 2024. 124 с. [Вернуться к статье](#)

13. Музалёва Т. И., Белова С. Н., Самолысов П. В. Организация и проведение контрольно-ревизионных мероприятий в образовательных организациях МВД России : учеб.-практ. пособие. М. : Акад. упр. МВД России, 2025. 76 с. [Вернуться к статье](#)

14. Самолысов П. В., Белова С. Н. Правовые и экономические инструменты осуществления государственного финансового контроля в сфере закупок // Тр. Акад. упр. МВД России. 2020. № 2 (54). С. 21–29. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

МЕСТО И РОЛЬ НАЛОГОВОГО ПРАВА В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО ПОЛЯ

В. А. Спильная

Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И. Ф. Шилова,
адъюнкт

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены подходы к определению места налогового права в системе российского правового поля с точки зрения самостоятельной отрасли права, подотрасли финансового права и подотрасли административного права, а также роль налогового права в современном обществе.

Ключевые слова: правовая норма, отрасль, подотрасль, институт, налоговое право, финансовое право, административное право, законодательство, право.

Annotation. This article examines approaches to determining the place of tax law in the system of the Russian legal field from the point of view of an independent branch of law, a sub-branch of financial law and a sub-branch of administrative law, as well as the role of tax law in modern society.

Keywords: legal norm, branch, sub-branch, institute, tax law, financial law, administrative law, legislation, law.

Структуру современного российского законодательства составляют нормы права, правовые институты и отрасли права. Особый интерес представляет крайний компонент этой системы, а именно отрасль права. Данное понятие определяется как совокупность правовых институтов и норм, регулирующих определенную сферу однородных общественных отношений.

По мере развития общества и усложнения возникающих отношений появились и устоялись основные отрасли права: конституционное, гражданское, трудовое, семейное, уголовное, административное и иные. Их возникновение обусловлено присутствием системообразующих признаков, которыми обладает отрасль права как феномен правового поля.

Прежде всего, первым и одним из самых существенных признаков самостоятельности отрасли права выступает предмет ее регулирования, то есть та совокупность общественных отношений, которая регулируется исключительно этой сферой, чем и определяется автономия той или иной отрасли права.

Дискуссионным до настоящего времени и на протяжении длительного периода в научных просторах выступает вопрос о месте налогового права в системе российского нормативного поля, а именно о его самостоятельности или подчиненности другой отрасли права (финансовой или административной).

Безусловно, важность налогового права обусловлена его ролью в деятельности государства. Основную доходную часть бюджета составляют именно налоговые поступления, которые в последующем в процессе распределения выступают функциональным элементом политики государства в различных сферах общественной жизни. В связи с данным обстоятельством и присутствует необходимость в полной и всесторонней законодательной регламентации данных отношений, носящих публичный характер.

Однако все же определение места и природы налогового права необходимо для того, чтобы иметь четкое представление о структуре российской системы права, понимание основных критериев отделения одной отрасли права от другой, а также схожих правовых явлений, таких как институт и подотрасль права.

На данный момент развития юридического знания система права представляет собой следующую цепочку компонентов (от меньшего к большему): норма права, институт права, подотрасль права, и наконец, отрасль. По мере развития и усложнения общественных отношений и государства в целом институты права могут трансформироваться в подотрасли, которые в последующем формируются в самостоятельные отрасли.

На наш взгляд, первоочередным признаком при выделении отраслей права выступает предмет регулирования, поскольку именно он определяет специфику возникших общественных отношений, сферу правовой регламентации, а также основной метод их регулирования. В настоящий момент существует два основных способа воздействия на общественные отношения: императивный и диспозитивный, в связи с чем основное деление на отрасли права происходит все же за счет качественной характеристики отношений между их участниками.

Предмет налогового права определен ст. 2 Налогового кодекса Российской Федерации [1], к которому, по смыслу закона, относятся властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. Таким образом, данная формулировка законодательной нормы определяет конкретный перечень возможных общественных отношений, которые будут отнесены к числу тех, что регулируются налоговым правом.

Финансовое право, являясь отраслью права, не ограничивающейся отдельным конкретным нормативно-правовым актом, имеет своим предметом регулирования совокупность однородных имущественных и связанных с ними неимущественных общественных отношений, складывающихся между

государством (муниципальным образованием) и иными субъектами по поводу аккумуляции, распределения, использования государственных фондов денежных средств, осуществления финансового контроля, привлечения к ответственности за совершение финансового правонарушения [2, с. 59].

Как отмечает Ю. А. Крохина, систему финансового права составляют следующие правовые общности: бюджетное и налоговое право, публичное банковское право, обязательное государственное страхование, правовое регулирование государственных доходов и расходов, государственные внебюджетные фонды, государственный и муниципальный кредит и иные [2]. Таким образом, на основании вышесказанного налоговое право является одним из структурных элементов финансового права, что определяет отношения соподчиненности между финансовым и налоговым правом, поскольку первое закладывает основу и направление для реализации второго.

Подобная точка зрения также говорит о том, что в систему финансового права входят такие подотрасли, как бюджетное, налоговое и банковское право. В данном случае сущность налогового права раскрывается в качестве подотрасли финансового права, представляющей собой совокупность установленных государством общеобязательных однородных правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере установления, введения и взимания налогов, осуществления налогового контроля, защиты прав налогоплательщиков и привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах [3, с. 28].

Другие же авторы, напротив, отмечают, что налоговое право — это самостоятельная отрасль российского права, представляющая собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере налогообложения, возникающие в процессе функционирования налоговой системы Российской Федерации [4, с. 15].

В литературе также существует точка зрения, согласно которой налоговое право выступает подотраслью административного права, однако она менее популярна, чем две иных.

Мнение о том, что налоговое право выступает в качестве самостоятельной отрасли права, прежде всего основывается на том, что налоги и сборы выступают важным инструментом функционирования государства и основных направлений его деятельности, в связи с чем их тщательная регламентация и особенность правового регулирования необходима в рамках обособленной структуры российского права — отрасли права.

Еще одним из признаков, определяющих самостоятельность отрасли права, является наличие кодифицированного источника права, однако, на наш взгляд, существование в структуре российского законодательства Налогового

кодекса Российской Федерации, регулирующего достаточно широкий спектр общественных отношений в сфере налогообложения, не является определяющим фактором для признания налогового права самостоятельной единицей правового поля. Данный факт может свидетельствовать о сложности и многогранности налоговых правоотношений, и, как следствие, о более детальном их законодательном регулировании мерами принудительного воздействия. Отождествление существования источника права и конкретной отрасли права может привести к чрезмерному расширению системы российского права и стиранию границ между такими понятиями, как отрасль, подотрасль, институт права.

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что налоговое право, хоть и представляет важный элемент функционирования государства и общества в целом, все же выступает подотраслью финансового права, беря свое начало в его предмете, состоящем из отношений, возникающих в процессе деятельности по формированию, распределению и использованию централизованных и децентрализованных денежных фондов государства и муниципальных образований, а также иных финансовых ресурсов публичного характера, необходимых для реализации соответствующих задач государства. На наш взгляд, в данном случае существуют отношения общего и частного между финансовым и налоговым правом. Но не стоит исключать и того, что по мере развития общества и государства в целом российская система права может быть подвержена изменению и всестороннему переосмыслению, а налоговое право выделено в качестве самостоятельной отрасли права.

1. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 31 июля 1998 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Крохина Ю. А. Финансовое право России : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 720 с. [Вернуться к статье](#)

3. Ильин А. Ю. Финансовое право : учеб. для академ. бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 623 с. [Вернуться к статье](#)

4. Тедеев А. А., Парыгина В. А. Налоговое право России : учеб. для академ. бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 499 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.843

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБАЦИОННЫХ НОРМ

П. В. Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Показаны проблемные аспекты реализации положений Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Предлагается создание мобильных исправительных центров, которые могли бы функционировать на арктических и дальневосточных территориях. Уточняется категория «трудная жизненная ситуация». Детализируются варианты реализации повторной постпенитенциарной пробации.

Ключевые слова: индивидуальная программа, нуждаемость, принудительные работы, реабилитация, ресоциализация, социальная адаптация.

Annotation. The article shows the problematic aspects of implementing the provisions of the Federal Law of February 6, 2023 № 10-ФЗ «On Probation in the Russian Federation». It is proposed to create mobile correctional centers that could operate in the Arctic and Far Eastern territories. The category of «difficult life situation» is specified. Options for implementing repeated post-penitentiary probation are detailed.

Keywords: individual program, need, forced labor, rehabilitation, resocialization, social adaptation.

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о пробации) ознаменовало полномасштабную институционализацию идеи социального служения и правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с восстановлением утраченных социальных связей и функций лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, то есть в условиях полной или частичной изоляции от общества, либо освобожденными от его отбывания, а также при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, но оказавшихся в трудной жизненной ситуации [1].

В этой связи можно привести справедливое мнение А. П. Скибы, который отмечает, что «принятие Федерального закона “О пробации в Российской Федерации” образует новые направления развития уголовного, уголовно-процессуального и иного права по вышеуказанным и иным направлениям» [2, с. 296]. Однако крайне сложное соединение норм уголовно-исполнительного, пробационного и иного законодательства уже стало

порождать нежелательные коллизии при их реализации, трудности при решении конкретных задач пробации.

Представляется возможным изложить ряд конкретных перспективных и практических ситуаций, возникающих либо способных возникнуть при реализации пробационных норм, которые требуют соответствующей правовой оценки, организационного либо законотворческого решения.

1. В целях реализации п. 11 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [3], устанавливающего меры по социальному развитию Арктической зоны, соответствующих положений Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года [4] представляется допустимым рассмотреть возможность создания и соответствующего правового регулирования мобильных исправительных центров, которые могли бы функционировать на арктических (приарктических), а также дальневосточных территориях. Так, отбывая (в том числе совместно с семьей) в данных исправительных центрах уголовное наказание в виде принудительных работ, осужденные смогут принять действенное участие в создании либо поддержании транспортной, социальной и иной инфраструктуры. Это потребует внесения соответствующих коррективов в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство. Кроме того, допустимо рассмотреть коррективы в ст. 72 УК РФ [5], а именно один день отбывания уголовного наказания в мобильных исправительных центрах на данных территориях засчитывать за два дня отбывания принудительных работ.

2. Пробация ориентирована на каждое конкретное лицо, которое оказалось в трудной жизненной ситуации. Это демонстрирует идею персонифицированности. Соответственно, точная идентификация трудной жизненной ситуации влияет на последующее применение конкретных мер пробационного характера, что в конечном итоге способно минимизировать либо купировать возможность совершения лицом повторного преступления либо иного правонарушения. Таким образом, выяснение всех параметров трудной жизненной ситуации, в которой оказалось конкретное лицо, позволяет понять, какие именно меры пробационного характера (в первую очередь речь идет о содержании индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации) следует избрать и затем применять, что непосредственно влияет на снижение рецидивоопасности данного лица.

Категория «трудная жизненная ситуация» закреплена в п. 9 ч. 1 ст. 5 Федерального закона о пробации: «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется

пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно» [1]. Данное определение почти полностью дублирует понятие «трудная жизненная ситуация», закрепленное в ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [6]. В целях оценки такого магистрального признака анализируемой дефиниции, как «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности», который не конкретизируется в Федеральном законе о пробации, следует применять фактически аналогию права и, таким образом, обратиться к целому перечню иных нормативных (в том числе подзаконных) правовых актов. Например, в ч. 1 ст. 15 «Признание гражданина нуждающимся в социальном обслуживании» Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [7] закреплены обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности гражданина. Однако практически каждое из указанных обстоятельств требует дальнейшего толкования и обращения к иным правовым актам (например, к Федеральному закону от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» при раскрытии понятия «дети, оставшиеся без попечения родителей») [8] либо специальным знаниям (например, для раскрытия понятия «внутрисемейный конфликт»). Применительно к оценке трудной жизненной ситуации лиц, подвергаемых пробации, следует отметить Критерии и методику оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, содержащиеся в приложении 4 приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”» (далее — Приказ № 350) [9].

Таким образом, в рамках пробационных отношений категория «трудная жизненная ситуация» должна быть ориентирована на достижение целей именно пробации. Это указывает на необходимость подготовки специализированных методических рекомендаций, направленных на детальное разъяснение признаков трудной жизненной ситуации (с акцентом на методику оценки последствий обстоятельства или обстоятельств, влияющих на ухудшение условий жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, а также на признаки ситуации, указывающей на то, что лицо не может самостоятельно преодолеть данные последствия) и особенностей процесса их установления.

3. В соответствии с ч. 3 ст. 21 Федерального закона о пробации, повторно постпенитенциарная пробация не применяется. Законодатель закрепляет данное

положение в ответ на неоднократное невыполнение лицом без уважительных причин мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (далее — индивидуальная программа). Однако остается неясным, можно ли применять постпенитенциарную пробацию повторно и, соответственно, подготовить соответствующую индивидуальную программу при возникновении у лица новой трудной жизненной ситуации. На данные моменты обращается внимание в специальных исследованиях, но только вскользь [10]. По логике общей идеи пробации она должна реализовываться в сложившейся ситуации, но в силу формально-юридических установлений реализовываться не будет. В этом видится правовая лакуна регламентации индивидуальной программы. На этом основании предлагается исключить из ч. 3 ст. 21 Федерального закона о пробации следующее предложение: «Повторно постпенитенциарная пробация не применяется».

4. Юридический смысл положений, содержащихся в ч. 3 ст. 21 Федерального закона о пробации, состоит в том, что запрет на повторное применение постпенитенциарной пробации закреплен как результат неоднократного невыполнения (уклонения от невыполнения) лицом без уважительных причин мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой. Данный вывод базируется не столько на «букве», сколько на «духе» нормативного акта и отражает юридическую и социальную природу пробационных отношений. В свою очередь, Приказ № 350 содержит императивный запрет повторного применения исполнительной (п. 56 приложения 1) и постпенитенциарной пробации (п. 67 приложения 1) без учета оснований (имеющих уважительный характер или не имеющих такого характера) такого невыполнения. Таким образом, предлагается в Приказе № 350 запрет на повторное применение исполнительной и постпенитенциарной пробации связать с фактом неоднократного невыполнения (уклонения от невыполнения) лицом без уважительных причин мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой.

Таким образом, в условиях возрастания многофакторных и нетривиальных вызовов, стоящих перед сферой реализации пробации, обозначение данных проблем и их преодоление обеспечивают более глубокое понимание концептуальных основ и стратегических установок по осуществлению конструктивной помощи осужденным, лицам, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

1. О пробации в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Скиба А. П. Направления совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного права с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1. С. 295–296. [Вернуться к статье](#)
3. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 26 окт. 2020 г. № 645. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 308. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 28.12.2024 г. № 515-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. О государственной социальной помощи [Электронный ресурс] : Федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.10.2024 г. № 367-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
7. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ : в ред. Федер. закона от 26.12.2024 г. № 476-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] : Федер. закон от 21 дек. 1996 г. № 159-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.05.2024 г. № 108-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 29 нояб. 2023 г. № 350 // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Кашкина Е. В., Широкова А. А. Роль уголовно-исполнительных инспекций в социальной адаптации лиц в рамках постпенитенциарной пробации // Вестн. Том. ин-та повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 2. С. 35–42. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.721

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Н. А. Трубачев

Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И. Ф. Шилова,
преподаватель кафедры уголовного процесса

Аннотация. В статье проводится анализ актуальных проблем правового регулирования отношений, возникающих в связи с куплей-продажей автотранспортных средств, имеющих скрытые дефекты. Рассматриваются ключевые пробелы и недостатки действующего законодательства Российской Федерации, которые создают предпосылки для совершения мошеннических действий в данной сфере. Автор исследует различные аспекты проблемы, включая вопросы защиты прав потребителей, масштабы правонарушений, трудности доказывания факта обмана, а также отсутствие специальной правовой регламентации указанных отношений. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости криминализации наиболее общественно опасных форм обмана при продаже автомобилей, что может стать эффективной мерой по защите добросовестных участников гражданского оборота и профилактике противоправных действий.

Ключевые слова: правовое регулирование, мошенничество, продажа автомобилей, скрытые дефекты, защита прав потребителей, криминализация, гражданско-правовая ответственность, уголовная ответственность, вторичный рынок автомобилей, недобросовестные продавцы.

Annotation. The article analyzes the current problems of legal regulation of relations arising in connection with the purchase and sale of vehicles with hidden defects. The article examines the key gaps and shortcomings of the current legislation of the Russian Federation, which create the prerequisites for fraudulent activities in this area. The author explores various aspects of the problem, including consumer protection issues, the scale of offenses, the difficulty of proving fraud, and the lack of special legal regulation of these relationships. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to criminalize the most socially dangerous forms of deception in the sale of cars, which can be an effective measure to protect bona fide participants in civil turnover and prevent illegal actions.

Keywords: legal regulation, fraud, car sales, hidden defects, consumer protection, criminalization, civil liability, criminal liability, secondary car market, unscrupulous sellers.

В современном обществе рынок транспортных средств играет значимую роль в экономике и повседневной жизни граждан. Однако вместе с развитием

автомобильного рынка увеличивается и количество мошеннических действий, связанных с продажей автомобилей. Одним из наиболее распространенных видов мошенничества являются сделки купли-продажи автомобилей со скрытыми дефектами. Рассматриваемые деяния не только наносят материальный ущерб покупателям, но и подрывают доверие к рынку автотранспорта в Российской Федерации [1].

Несмотря на серьезные последствия таких действий, многие страны, включая Россию, до сих пор не имеют определенных норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за сокрытие или фальсификацию информации о потребительских свойствах транспортных средств. Отсутствие правовых механизмов для противодействия этим преступлениям создает благоприятные условия для злоумышленников. По данным различных исследований, ежегодно тысячи автолюбителей становятся жертвами таких мошеннических схем, что вызывает озабоченность как среди населения, так и среди экспертов в области юриспруденции и правоохранительных органов [1].

Мошенничество в сфере автомобильного рынка можно определить как умышленные действия, направленные на завладение чужим имуществом или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. В рамках данного исследования нами рассматриваются конкретные виды мошеннических действий, таких как:

1. Продажа восстановленных автомобилей под видом целых — это одна из самых распространенных форм мошенничества, когда продавец скрывает информацию о повреждениях автомобиля, восстанавливает его внешний вид и техническую составляющую, не предоставляет информацию при продаже потенциальному покупателю.

2. Изменение показаний одометра: умышленное изменение пробега автомобиля для завышения его рыночной стоимости.

Механизм и способы совершения данных деяний подвергать подробному анализу считаем не целесообразным, больший научный интерес представляет отсутствие в российском законодательстве и правоприменительной практике предпосылок к криминализации данных деяний. Очевидно, что проблема доверия к автомобильному рынку в России и других странах имеет чрезвычайную актуальность, что подтверждается, как указано выше, как мнением экспертов, так и мнением автолюбителей. В данном аспекте важно сделать акцент на прогрессе в законодательстве таких стран, как Соединенные Штаты Америки [2], Германия [3], Республика Корея [4] и др., где существуют нормы, предусматривающие санкции за продажу транспортного средства с описанными выше «дефектами». Но вопросы квалификации и установления обстоятельств совершения данных правонарушений также остаются открытыми.

При анализе вопроса о необходимости криминализации рассматриваемых правонарушений в Российской Федерации мы выделяем следующие ключевые аспекты:

Во-первых, недостаточность правового регулирования. Это проявляется в том, что действующее законодательство не содержит нормативных предписаний, устанавливающих порядок раскрытия сведений о техническом состоянии транспортного средства при заключении договоров купли-продажи, что создает потенциальную возможность введения в заблуждение покупателей и препятствует эффективной защите их законных интересов.

При этом действующее законодательство, хотя и содержит общие принципы защиты прав потребителей, но не устанавливает конкретных требований к объему и форме предоставления сведений о реальном пробеге автомобиля, наличии предыдущих дорожно-транспортных происшествий и последующем ремонте, а также отсутствует механизм обязательной фиксации технического состояния транспортного средства на момент совершения сделки, что существенно затрудняет процесс доказывания факта предоставления недостоверной информации и привлечения недобросовестного продавца к ответственности [5].

Во-вторых, важным аспектом является недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие в структуре Министерства внутренних дел специализированных подразделений, целью которых является противодействие исследуемым деяниям.

Недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов в рассматриваемой сфере обусловлена отсутствием у них специализированных знаний и навыков, необходимых для эффективного выявления, расследования и предупреждения деяний, связанных с сокрытием или искажением информации о потребительских свойствах транспортных средств, что является следствием отсутствия профильных подразделений в системе органов внутренних дел Российской Федерации.

Заключающим аспектом является отсутствие полноценной и централизованной базы данных и иных информационных систем, затрудняющих эффективное противодействие исследуемым деяниям. В настоящее время информация о техническом состоянии транспортных средств, их истории эксплуатации, участии в дорожно-транспортных происшествиях, проведенных ремонтах и других значимых аспектах зачастую хранится в разрозненных источниках. Например: данные о регистрации транспортных средств находятся в ведении ГИБДД, информация о страховых случаях может быть доступна в страховых компаниях, сведения о проведенных техосмотрах хранятся в аккредитованных организациях, данные о продаже и покупке автомобилей могут фиксироваться в договорах купли-продажи, но не всегда попадают в общий доступ. Отсутствие

единой платформы, которая объединяла бы все эти данные, делает процесс проверки транспортного средства трудоемким и неэффективным.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости серьезных преобразований в правовом регулировании отношений, связанных с куплей-продажей автотранспортных средств. Существующая система защиты прав потребителей в данной сфере оказывается недостаточно эффективной. Отсутствие четких требований к раскрытию информации о техническом состоянии автомобиля, несовершенство механизмов доказывания факта мошенничества, а также полное отсутствие специальной юридической ответственности за подобные деяния создают благоприятную среду для совершения противоправных действий.

В условиях наличия значительных пробелов в правовом регулировании институализация уголовной ответственности за совершение наиболее общественно опасных форм обмана при продаже автотранспортных средств представляется объективно необходимой мерой защиты прав добросовестных потребителей. Введение механизма уголовно-правовой ответственности за умышленное сокрытие существенных дефектов технического состояния транспортных средств имеет профилактическое значение, поскольку позволяет не только привлекать к ответственности правонарушителей, но и создавать условия для предупреждения аналогичных противоправных действий, что способствует укреплению правопорядка в исследуемой сфере.

1. Никитенко И. В., Трубачев Н. А. Соккрытие и (или) фальсификация информации о реализуемом автотранспортном средстве: вопросы криминализации и ответственности // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2022. № 2 (59). С. 12–17. [Вернуться к статье](#)

2. 49 U.S. Code Chapter 327 — ODOMETERS [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/49/subtitle-VI/part-C/chapter-327> (date of access: 13.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Straßenverkehrsgesetz (StVG) [Elektronische Ressource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stvg/_22b.html (Datum des Zugriffs: 13.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. 자동차관리법 [전자 자원] [전자 자원]. URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EC%A0%84%EA%B8%B0%C2%B7%EC%A0%84%EC%9E%90%EC%A0%9C%ED%92%88%20%EB%B0%8F%20%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EC%9D%98%20%EC%9E%90%EC%9B%90%EC%88%9C%ED%99%98%EC%97%90%20%EA%B4%80%ED%95%9C%20%EB%B2%95%EB%A5%A0> (접속 날짜: 13.02.2025). [Вернуться к статье](#)

5. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации, 7 февр. 1992 г., № 2300-1 : в ред. от 08.08.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.91

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

О. В. Турчина

Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты и виды примирительных процедур, используемых в гражданском процессе, их правовое значение, порядок применения, отмечаются их преимущества и недостатки в правовом регулировании.

Ключевые слова: мировое соглашение, примирение, медиация, переговоры.

Annotation. The article examines the main aspects and types of conciliation procedures used in civil proceedings, their legal significance, the procedure for their application, their advantages and disadvantages in legal regulation.

Keywords: settlement agreement, reconciliation, mediation, negotiations.

Примирительные процедуры занимают важное место в современном гражданском процессуальном праве. Они направлены на разрешение споров мирным путем, минимизацию судебных издержек и сокращение нагрузки на судебную систему. Кроме того, разрешение правового конфликта между сторонами путем достижения ими мирового соглашения зачастую ведет к их взаимной выгоде, в то время как решением, принятым судом, одна из сторон может остаться недовольной и продолжить его обжаловать в различные инстанции.

Примирительные процедуры в гражданском процессе урегулированы Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — ГПК). Основные положения закреплены в ст. 39, 153.1–153.11, 170 и 221 ГПК [1]. Также примирительные процедуры предусмотрены иными нормативными правовыми актами, например, Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2].

Итак, право на заключение мирового соглашения и иных примирительных процедур является одним из проявлений принципа диспозитивности гражданского процессуального права, то есть предоставления сторонам возможности закончить дело без принятия судебного решения. Суд при рассмотрении дела обязан принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами

судопроизводства, в том числе своевременностью рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Следует признать, что цель и значение примирительных процедур трудно нивелировать. Они направлены на достижение компромисса между сторонами, что позволяет снизить эмоциональную и финансовую нагрузку на участников процесса, уменьшить количество судебных споров, требующих разрешения в суде, сохранить деловые и личные отношения между конфликтующими сторонами, обеспечить наиболее быстрое и эффективное разрешение спора. Особенно важно, что примирительные процедуры позволяют сторонам самостоятельно определить условия урегулирования спора, что часто оказывается более приемлемым, чем решение, принятое судом.

В юридической литературе достаточное внимание уделяется вопросу правовой регламентации и порядка применения примирительных процедур в российском законодательстве, этот вопрос рассматривается через призму зарубежного опыта, выделяются концепции примирительных процедур на примере Германии и Франции [3].

В гражданском процессе применяются следующие виды примирительных процедур: мировое соглашение, медиация, переговоры, судебное примирение. Также закон позволяет применять и иные виды примирительных процедур, если это не противоречит законодательству.

Мировое соглашение — это добровольное соглашение сторон о прекращении спора на условиях, которые они сами определяют. Для того чтобы мировое соглашение обладало юридической силой, оно должно быть утверждено судом. При рассмотрении конкретных гражданских дел суд обязан проверять условия мирового соглашения на предмет их законности. Суд вправе отказать в утверждении мирового соглашения, если условия соглашения нарушают нормы действующего законодательства либо если исполнение условий соглашения негативно повлияет на права и интересы тех, кто не является стороной этого соглашения. В таких случаях суд защищает правовую систему и интересы всех участников процесса, чтобы избежать возможных злоупотреблений или несправедливости.

Альтернативной формой разрешения юридического конфликта является процедура медиации, которая позволяет сторонам прийти к соглашению через посредничество нейтрального третьего лица — медиатора. Медиация становится все более популярной в России благодаря своей гибкости, конфиденциальности и возможности сохранения хороших отношений между участниками спора. Медиация может проводиться как до обращения в суд, так и в рамках судебного разбирательства.

Достижение согласия между сторонами посредством медиации, помимо положительных результатов, имеет также и отрицательные моменты, среди которых можно отметить, что решение медиатора не обладает юридической силой до момента утверждения его судом. Кроме того, одна из сторон может отказаться от участия в медиации, что делает процедуру невозможной.

Вместе с тем процедура медиации в гражданском процессе предоставляет сторонам возможность самостоятельно урегулировать спор без обращения в суд, сохраняя контроль над результатом и экономя ресурсы.

Переговоры являются одной из наиболее распространенных форм примирительных процедур в гражданском процессе. Они позволяют спорящим сторонам самостоятельно обсудить и разрешить возникшие разногласия без вмешательства суда. Переговоры могут проводиться как до подачи иска в суд, так и в ходе судебного процесса. Процедура переговоров состоит из нескольких этапов. Сначала одна из сторон инициирует проведение переговоров, обращаясь к другой стороне в письменной или устной форме. Далее стороны договариваются о том, какие вопросы будут обсуждаться на переговорах. Обычно это те же самые вопросы, которые являются предметом спора в суде. После определения повестки дня каждая из сторон предлагает свои предложения по разрешению конфликта. Эти предложения могут включать различные варианты компенсации ущерба, изменения условий договора и т. п. Стороны обсуждают предложенные варианты, высказывают свои мнения и аргументы. На этом этапе возможно внесение изменений в первоначальные предложения.

В случае эффективности переговоров и достижения сторонами взаимовыгодного согласия они оформляют свое решение в виде письменного документа, именуемого мировым соглашением, которое также подлежит утверждению судом для придания ему юридической силы.

Зачастую переговоры используются в спорах супругов о разделе совместно нажитого имущества, алиментах, порядке общения, месте проживания и воспитания детей без принятия судебного решения. Также в трудовых спорах работодатель и работник могут успешно решить конфликт, связанный с увольнением, оплатой труда или условиями работы. Переговоры являются эффективным инструментом разрешения гражданских споров, позволяющим сторонам контролировать процесс и находить взаимоприемлемые решения.

Следует отметить еще одну примирительную процедуру в законодательстве — судебное примирение, результатом которого станет заключение мирового соглашения между участниками спора, но уже посредством судьи, который предлагает такой исход дела, если стороны взаимно согласны на его условия.

Итак, подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что чаще всего результатом всех видов предусмотренных примирительных процедур является заключение мирового соглашения сторон. Законодательство четко определяет требования к порядку его заключения, к форме и содержанию, а также требования к оформлению определения об утверждении мирового соглашения.

Помимо мирового соглашения, результатом примирительных процедур может стать полный или частичный отказ истца от своих притязаний к ответчику, а со стороны ответчика — признание исковых требований как полностью, так и в части.

В то же время, несмотря на очевидные преимущества, примирительные процедуры сталкиваются с рядом проблем, среди которых недостаточная информированность граждан о возможностях и последствиях примирительных процедур; нередко отсутствие культуры компромисса среди участников, а также риск злоупотреблений, связанных с использованием примирительных процедур с целью затягивания процесса.

Примирительные процедуры в гражданском процессе представляют собой эффективный механизм разрешения споров, который позволяет сторонам сохранить контроль над ситуацией и найти взаимоприемлемое решение. Их использование способствует снижению нагрузки на судебную систему и создает условия для более гуманного и справедливого разрешения конфликтов.

Для дальнейшего развития института примирения необходимо совершенствовать законодательство в данной сфере, повышать уровень правовой грамотности населения и популяризации альтернативных методов урегулирования споров, развивать институт медиации, включая подготовку профессиональных медиаторов.

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Дегтярева В. С. Концепции примирительных процедур в гражданском процессе // Мировой судья. 2022. № 1. С. 32–37. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.163

О СУЩНОСТИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. Г. Шашин

Омская академия МВД России,
докторант,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуются вопросы вневедомственного государственного контроля оперативно-розыскной деятельности, осуществляемого парламентом Российской Федерации. На основе изучения правовой основы парламентского контроля выявлены уровни и формы контроля; обозначены проблемы, связанные с правовым регулированием контроля со стороны законодательных органов субъектов Российской Федерации, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: парламентский контроль; Совет Федерации; Государственная Дума; оперативно-розыскная деятельность; органы внутренних дел; орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность.

Annotation. The article examines the issues of non-departmental state control of operational investigative activities carried out by the Parliament of the Russian Federation. Based on the study of the legal basis of parliamentary control, the levels and forms of control have been identified, the problem associated with the legal regulation of control by the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation has been identified, and ways to solve them have been proposed.

Keywords: parliamentary control; Federation Council; State Duma; operational investigative activities; internal affairs bodies; body carrying out operational investigative activities.

Парламентский контроль, или контроль Федерального Собрания Российской Федерации, осуществляется палатами — Советом Федерации и Государственной Думой. Контроль указанного вида осуществляется различными способами. Контрольная функция парламента страны присуща законодательным органам демократического государства [1]. Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что парламентский контроль становится неотъемлемой конституционной формой осуществления Федеральным Собранием государственной власти и существенным элементом системы сдержек и противовесов в демократическом государстве [2].

В настоящее время в науке нет единого подхода к определению сущности парламентского контроля, а тем более однозначного представления о раскрывающих его аспектах.

Необходимо отметить, что началом для определения понятия, сущности и правовой природы полномочий по парламентскому контролю является теория

разделения властей. Логика, которая лежит в ее основе, проста: закон (решение), его реализация (исполнение) и контроль исполнения — это важные составляющие деятельности парламентской власти [3]. Правовую основу парламентского контроля в Российской Федерации составляют нормы Конституции Российской Федерации [4], ряда федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, которые закрепили основы парламентского контроля, его предмет, цели, основополагающие начала, субъекты и формы осуществления [5].

Основными целями парламентского контроля являются (ст. 2 Закона «О парламентском контроле»):

- 1) обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации, исполнения федеральных конституционных законов, федеральных законов;
- 2) защита гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина;
- 3) укрепление законности и правопорядка;
- 4) выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов Российской Федерации, повышение эффективности системы государственного управления и привлечение внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения;
- 5) противодействие коррупции;
- 6) изучение практики применения законодательства Российской Федерации, выработка рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации и повышение эффективности его исполнения [5].

Указанные цели контроля носят правоохранный характер.

К субъектам парламентского контроля относятся действующие в целях осуществления парламентского контроля:

- 1) палаты Федерального Собрания Российской Федерации — Совет Федерации и Государственная Дума;
- 2) комитеты и комиссии палат Федерального Собрания Российской Федерации;
- 3) парламентская комиссия по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования;
- 4) члены Совета Федерации (сенаторы), депутаты Государственной Думы;
- 5) Счетная палата Российской Федерации, являющаяся постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), подотчетная Федеральному Собранию Российской Федерации, участвующая

в осуществлении парламентского контроля в случаях, порядке и формах, предусмотренных Законом «О парламентском контроле» и Законом «О Счетной палате Российской Федерации» [5; 6].

Исходя из целей парламентского контроля, законодатель определил формы парламентского контроля, применительно к контролю правоохранительных органов, а соответственно, и отдельных направлений их деятельности (в частности, оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД)), закрепил формы его осуществления:

- заслушивание Государственной Думой ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности;
- направление палатами Федерального Собрания Российской Федерации парламентских запросов;
- направление запросов сенаторами Российской Федерации, депутатами Государственной Думы;
- заслушивание на заседаниях палат Федерального Собрания Российской Федерации информации членов Правительства Российской Федерации, иных должностных лиц в рамках «правительственного часа», а также заслушивание информации указанных должностных лиц на заседаниях комитетов и комиссий палат Федерального Собрания Российской Федерации;
- осуществление парламентского контроля посредством формирования Счетной палаты, призванной обеспечивать конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства путем осуществления внешнего государственного аудита (контроля);
- осуществление Государственной Думой взаимодействия с уполномоченным по правам человека в Российской Федерации;
- проведение парламентских расследований.

«Форма» как философская категория представляет собой «пространственное выражение материи, ее организацию и структуру» [7, с. 76]. Отсюда можно заключить, что «формы парламентского контроля представляют собой организационное выражение тех методов и средств, которые используются субъектами парламентского контроля для достижения его целей» [8, с. 67].

Исходя из вышеприведенных форм, мы не разделяем позицию авторов, утверждающих, что с учетом предписаний Конституции парламентский контроль реален только: в ходе законотворческой работы, когда парламентарии вправе принять (отклонить) законопроекты в области ОРД; за расходованием выделяемых на осуществление ОРД финансовых средств [9].

Исследователями, на наш взгляд, закономерно ставится вопрос о возможности парламентского контроля со стороны законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Основой постановки такого

вопроса в сфере оперативно-розыскной деятельности может стать ситуация, когда для целей ОРД региональными законами могут быть выделены денежные средства, что не противоречит законодательству. И хотя Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в настоящее время об этом ничего не говорит [10], но, согласно ч. 2 ст. 47 Закона «О полиции», расходы на реализацию возложенных на полицию обязанностей (в т. ч. и по осуществлению ОРД — п. 10. ст. 12) могут осуществляться из бюджетов субъектов Российской Федерации в соответствии с бюджетным законодательством [11]. До 22 августа 2004 г. ч. 2 ст. 19 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» напрямую это закрепляла: «Законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе самостоятельно за счет собственных бюджетов и внебюджетных целевых фондов увеличивать размер средств, выделяемых органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на территории соответствующих субъектов Российской Федерации» [10]. Однако, согласно ч. 3 ст. 19 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», контроль за расходованием бюджетных средств все равно оставался в ведении Министерства финансов Российской Федерации. Отметим, что законодатель Республики Беларусь нормативно закрепляет, что финансовое обеспечение ОРД осуществляется за счет средств республиканского бюджета, а также иных источников, предусмотренных законодательством, то есть не только из бюджета республики, но и иных бюджетов [12]. Полагаем, в указанной части Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» должен быть дополнен соответствующими нормами, позволяющими привлекать денежные средства субъектов Российской Федерации, что повлечет закрепление права за контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации на осуществление проверки, то есть контроля целевого использования денежных средств.

Вместе с тем следует констатировать, что Закон «О парламентском контроле» в настоящее время допускает контроль со стороны законодательного органа только федерального уровня, региональные парламенты полномочий по осуществлению контроля не имеют.

Таким образом, контроль парламента правоохранительных органов и силовых структур, в том числе их негласной деятельности — оперативно-розыскной, является на современном этапе актуальной проблемой обеспечения стабильности общества. Возникший в последние годы антагонизм между обществом и правоохранительными органами продолжает, к сожалению, нарастать. Специфика парламентского контроля в области ОРД заключается в том, что в данном случае речь идет о контроле практической деятельности органов государства, которые осуществляют свои функции в сфере, наименее доступной для гласности. Парламент осуществляет общий контроль законности

в сфере ОРД. Он не распространяется на основания и порядок проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий, а преследует цель оценки общей ситуации, складывающейся с соблюдением законности при ее организации и осуществлении.

1. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 240 с. [Вернуться к статье](#)

2. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2004 г. № 9-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Пахомов В. Г. Теория разделения властей: дискуссионные вопросы / Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2019. № 2. С. 53–61. [Вернуться к статье](#)

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О парламентском контроле [Электронный ресурс] : Федер. закон от 13 мая 2013 г. № 77-ФЗ : в ред. от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О Счетной палате Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 41-ФЗ : в ред. от 10.07.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Поляков А. Ф. Проблемы понятийной триады «форма — содержание — смысл» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 340. С. 76–80. [Вернуться к статье](#)

8. Гиздатов А. Р. Парламентский контроль за деятельностью полиции (конституционно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Тюмен. гос. ун-т. Екатеринбург, 2015. 171 с. [Вернуться к статье](#)

9. Ягодин Р. С., Абрамов М. К. Вневедомственный контроль и порядок его осуществления // Рос. следователь. 2013. № 18. С. 31–33. [Вернуться к статье](#)

10. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 07.02.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

11. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 28.12.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

12. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 07.02.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.72

**МОШЕННИЧЕСТВО, СОВЕРШЕННОЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

А. А. ШевченкоДальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,
адъюнкт

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение мошенничества в сети Интернет по российскому и белорусскому уголовному законодательству.*

Ключевые слова: *квалифицированный признак, мошенничество, сеть Интернет, уголовное законодательство.*

Annotation. *The article is devoted to a comparative analysis of the criminal liability of minors for fraud on the Internet under Russian and Belarusian criminal legislation.*

Keywords: *qualified sign, fraud, the Internet, criminal law.*

Основным источником уголовного права в Российской Федерации и Республике Беларусь выступает Уголовный кодекс (далее — УК) Российской Федерации [1] и УК Республики Беларусь [2] соответственно.

Сравнительно-правовой анализ особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение мошенничества с использованием сети Интернет в рамках изучения уголовного законодательства России и Беларуси имеет как теоретическую, так и практическую значимость, которая обусловлена наличием общих положений и в то же время различных подходов к регулированию данных общественных отношений.

При проведении исследования необходимо учитывать общие начала и принципы уголовного права, сформировавшиеся в период существования Советского Союза, а также правоприменительную практику, сложившуюся в обеих странах. Тридцатилетний период самостоятельного развития Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Содружества Независимых Государств позволяет провести оценку эффективности практического применения норм уголовного законодательства, а также выявить различные подходы к совершенствованию механизмов правового регулирования возникающих общественных отношений. Сравнительный анализ способствует выработке рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и повышению его эффективности в условиях современных вызовов, связанных с развитием информационных технологий и увеличением числа киберпреступлений [3, с. 35].

Исследование альтернативных подходов к правовому регулированию общественных отношений в рассматриваемой сфере обладает неоспоримой научной и практической значимостью, что обуславливает объективную необходимость проведения сравнительно-правового анализа норм, регулирующих уголовную ответственность несовершеннолетних, предусмотренных УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь.

Несовершеннолетние в силу своих возрастных особенностей (низкой правовой грамотности, наивности, стремления к быстрому обогащению и самоутверждению), используя современные цифровые технологии, совершают мошенничество в сети Интернет. Так, факторами, способствующими совершению несовершеннолетними кибермошенничества, выступают:

- недостаток контроля за активностью несовершеннолетних в сети Интернет со стороны родителей;
- низкий уровень цифровой и правовой грамотности несовершеннолетних;
- предложения быстро заработать в сети Интернет, которые являются очень привлекательными для подростков;
- влияние окружения (совершеннолетних и сверстников, осуществляющих противоправную деятельность посредством сети Интернет);
- высокий уровень анонимности сети Интернет, благодаря которому несовершеннолетние могут скрывать свою личность, используя анонимные аккаунты, VPN, криптовалюты и другие технологии.

В соответствии со ст. 20 УК Российской Федерации и ст. 27 УК Республики Беларусь, субъектом уголовной ответственности за преступление, предусмотренное нормами о мошенничестве, признается физическое лицо, достигшее к моменту совершения деяния шестнадцатилетнего возраста [1; 2].

Уголовная ответственность за простое мошенничество предусмотрена ст. 209 УК Республики Беларусь. Статья 243² УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за налоговое мошенничество (представление уполномоченному органу документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо заведомо ложных сведений иным способом в целях необоснованного возврата налогов, сборов).

В УК Российской Федерации содержится шесть составов мошенничества. В ст. 159 УК Российской Федерации предусмотрена ответственность за простое мошенничество. Специализированные составы мошенничества предусмотрены ст. 159.1–159.6 УК Российской Федерации и конкретизируют способ совершения хищения в различных сферах деятельности: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК Российской Федерации), при получении выплат (ст. 159.2 УК Российской Федерации), с использованием электронных средств платежа

(ст. 159.3 УК Российской Федерации), в сфере страхования (ст. 159.5 УК Российской Федерации) и в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК Российской Федерации).

Исходя из анализа данных официальной статистики Министерства внутренних дел России, за 2024 г. несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных технологий было совершено 150 преступлений, предусмотренных ст. 159 УК Российской Федерации; 1 преступление, предусмотренное ст. 159.1 и ст. 159.2 УК Российской Федерации; 2 преступления, предусмотренных ст. 159.5 и 159.6 УК Российской Федерации [4]. В связи с этим при сравнительном исследовании представляется целесообразным акцентировать внимание на простом составе мошенничества.

Согласно ч. 1 ст. 159 УК Российской Федерации, под мошенничеством следует понимать хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

В соответствии с ч. 1 ст. 209 УК Российской Федерации, мошенничеством признается завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

При конструировании нормы, устанавливающей уголовную ответственность за мошенничество, законодатель Республики Беларусь использует термин «завладение» имуществом, который фактически определяет юридический момент окончания указанного преступления. В соответствии с примечанием 1 к главе 24 УК Российской Федерации, мошенничество определяется как одна из форм хищения. При этом законодатель не дает легального определения термина «завладение», что порождает правовую неопределенность в толковании элементов объективной стороны данного преступления. В связи с этим остается неясной правовая природа «завладения» как формы хищения, способа или вида мошенничества. Если обратиться к конструкции ст. 159 УК Российской Федерации, устанавливающей ответственность за аналогичное деяние, российский законодатель определяет мошенничество как форму хищения, тем самым исключает возможные трудности при толковании рассматриваемой нормы.

В соответствии с положениями УК Республики Беларусь, законодатель Республики Беларусь аналогично УК Российской Федерации предусматривает два способа совершения мошенничества: обман и злоупотребление доверием. При этом в тексте УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь отсутствует легальное разъяснение содержания указанных способов, что предполагает их толкование в актах, содержащих разъяснения по вопросам судебной практики.

Что касается квалифицированных признаков мошенничества, в УК Республики Беларусь и в УК Российской Федерации отсутствует такой признак,

как совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), который является квалифицированным признаком во многих составах, предусмотренных УК Российской Федерации. Использование сети Интернет было введено в УК Российской Федерации в качестве квалифицированного признака из-за повышенной общественной опасности деяний, совершаемых с ее помощью. Так, за 2024 г. органами внутренних дел Российской Федерации было зарегистрировано 319 620 преступлений, предусмотренных ст. 159 УК Российской Федерации, совершенных с использованием сети Интернет [4].

Повышенная общественная опасность также связана с тем, что информационно-телекоммуникационные сети, к которым относится и сеть Интернет, позволяют злоумышленникам:

- одновременно воздействовать на большое количество потенциальных жертв, включая граждан разных регионов и государств;
- обеспечивать их анонимность;
- передавать информацию в короткий срок и предоставлять ее в формате, привлекающем внимание потенциальных жертв мошенничества;
- предоставлять информацию только целевой группе (по полу, социальному статусу, уровню доходов, местонахождению).

При анализе норм УК Республики Беларусь было выявлено, что сеть Интернет является квалифицированным признаком только в двух составах преступления, предусмотренных ч. 2 ст. 343.1 УК Республики Беларусь (изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних с использованием глобальной компьютерной сети Интернет) и ч. 3 ст. 361 УК Республики Беларусь (призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, совершенные с использованием глобальной компьютерной сети Интернет).

Таким образом, ввиду повышенной общественной опасности мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет, представляется целесообразным дополнить ст. 159 УК Российской Федерации и ст. 209 УК Республики Беларусь соответствующим квалифицирующим признаком.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 21.04.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом

Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Алешин С. В., Алешина В. С. Особенности наказания несовершеннолетних по уголовному законодательству России и Республики Беларусь // MODERN SCIENCE. 2022. № 8. С. 35–38. [Вернуться к статье](#)

4. Сводный отчет по России о результатах деятельности ОВД РФ по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за 2024 год // Данные из формы 280 кн.1 ЕГС ГИАЦ МВД России. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 347.19

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ХОЛДИНГАХ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

С. Д. Белоусова

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
аспирант

Аннотация. В статье рассматривается эволюция отечественного законодательства о холдингах. Выявлены особенности правового регулирования холдингов с момента принятия первого нормативного правового акта в указанной сфере в 1993 г. до настоящего времени.

Ключевые слова: холдинг, холдинговая компания, объединение юридических лиц.

Annotation. The article examines the evolution of domestic legislation on holdings. The peculiarities of the legal regulation of holdings have been revealed since the adoption of the first regulatory legal act in this area in 1993 to the present.

Keywords: holding, holding company, association of legal entities.

Холдинги как форма объединения юридических лиц получили широкое распространение во многих странах мира. Для Беларуси холдинг как правовая категория является относительно новым, он появился в отечественном законодательстве в 90-е гг. XX в. Соглашаясь с тезисом К. Ларенца о том, что для понимания права в его современном состоянии и того, как оно может развиваться в будущем, важно знать о его развитии в историческом разрезе [1, с. 14], полагаем необходимым рассмотреть эволюцию законодательства о холдингах в Республике Беларусь.

Первоначально холдинги появились в Соединенных Штатах Америки и Европе в конце XIX в. [2, с. 24]. Между тем Я. И. Функ подчеркивает, что «существо холдинга с момента возникновения первой холдинговой корпорации не изменилось до настоящего времени», оно заключается в том, что во главе холдинга имеется юридическое лицо, владеющее контрольным пакетом акций других юридических лиц, что дает ему «возможность предопределять действия указанных лиц» [3].

В Республике Беларусь легальное определение холдинга впервые было дано в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 20 апреля 1993 г. № 250 «О холдингах, создаваемых в процессе приватизации» (далее — Постановление № 250) [4]. Исходя из содержания документа, создание холдингов было предусмотрено только при разгосударствлении и приватизации республиканской собственности. Как отмечал В. Ф. Чигир, указанный акт был принят «вследствие разукрупнения крупных государственных предприятий с целью сохранения сложившихся в таких предприятиях кооперационных и технологических связей между структурными подразделениями таких предприятий» [5, с. 43].

Постановление № 250 в последней редакции под холдингом понимало «юридическое лицо любой организационно-правовой формы, в состав имущества которого входят и (или) в управлении которого находятся доли (акции) в имуществе иных юридических лиц, обеспечивающие ему право принятия или отклонения решений, принимаемых их высшими органами управления» (абз. 1 п. 1) [4]. В данном случае холдинг представлял собой не объединение юридических лиц, а одно юридическое лицо. Кроме того, холдинг мог быть создан только в том случае, если наличие доли (акций) в имуществе иных юридических лиц обеспечивало холдингу право принятия или отклонения решений, принимаемых их высшими органами управления. Иных оснований для возникновения холдинговых отношений не предусматривалось.

Вместе с тем в Законе Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. № 2034-ХІІ «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» использовалась категория «холдинговая компания» [6]. Первоначальная редакция указанного акта в ст. 12 обязывала Антимонопольный комитет Республики Беларусь осуществлять контроль за созданием холдинговых компаний, который выражался в даче его согласия на создание такой компании. Однако законодатель в данном случае не раскрывал, в чем состоит юридическая сущность холдинговой компании.

И. С. Шиткина, проведя анализ зарубежного законодательства и правовой литературы, обратила внимание, что в тот период в мировой практике под холдингом или холдинговой компанией традиционно понимали особый тип компании, которая создается для владения контрольными пакетами акций других компаний с целью контроля и управления их деятельностью [7]. При этом, к примеру, в российском праве категории «холдинг» и «холдинговая компания» либо использовались как равнозначные понятия, обозначающие совокупность юридических лиц, либо определяли холдинговую компанию как основное (материнское) общество или головную организацию [7, с. 3].

Относительно отечественного законодательства белорусские цивилисты высказывали мнение, что, поскольку термин «холдинговая компания» был помещен в Законе Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. № 2034-XII «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» вместе с иными видами объединений юридических лиц, вероятно и белорусский антимонопольный законодатель предполагал, что понятие «холдинговая компания» определяет не одно юридическое лицо, а именно группу юридических лиц [8].

В Постановлении № 250 были обозначены три типа холдингов в зависимости от вида деятельности и выполняемых функций: производственный, финансовый и смешанный (производственный и финансовый). При этом финансовый холдинг, в отличие от двух иных холдингов, мог создаваться только в форме открытого акционерного общества.

Стоит отметить, что создание холдинга могло осуществляться двумя способами: 1) реорганизация предприятия (объединения) с выделением из его состава структурных подразделений (единиц) в качестве юридически самостоятельных субъектов хозяйствования; 2) образование юридического лица с передачей ему долей, принадлежащих государству в имуществе субъектов хозяйствования. Первый способ был впоследствии конкретизирован в приказе Министерства по управлению государственным имуществом и приватизации Республики Беларусь от 21 мая 1996 г. № 116 «Об утверждении Временного положения о холдингах, создаваемых в процессе преобразования в открытые акционерные общества государственных и арендных предприятий путем выделения структурных подразделений (единиц) в самостоятельные акционерные общества» [9].

Вместе с тем в начале 2000-х гг., как отмечают исследователи, холдинги не получили широкого распространения [5, с. 44; 10, с. 8]. Более того, по замечанию Я. И. Функа, в период действия Постановления № 250 «в правовую систему Республики Беларусь вводятся сходные с холдингом явления, а именно: дочерние и зависимые общества, а также хозяйственные, в том числе финансово-промышленные, группы» [3].

В 2004 г. Постановление № 250 утратило силу в связи с изданием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 23 июля 2004 г. № 913 «О порядке создания унитарных предприятий, учреждений, имущество которых находится в республиканской собственности, их реорганизации и ликвидации и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь», и до 2009 г. правовая база в отношении холдингов отсутствовала, хотя фактически такие объединения юридических лиц все равно продолжали существовать и именовались как «группа компаний», «сетевая

структура» и др. [11, с. 214]. В указанный период холдинг как правовое явление существовал исключительно в банковской сфере в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 145-З «О внесении изменений и дополнений в Банковский кодекс Республики Беларусь» [12].

Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь» (далее — Указ № 660) не просто вернул в белорусское правовое поле холдинг, но и значительно изменил концепцию холдинга. Однако из-под сферы действия Указа № 660 были выведены банковские холдинги и холдинги с участием страховых организаций (п. 16) [13].

Указ № 660 не содержал толкование понятия «холдинг», определив лишь его признаки. В частности, под холдингом понималось «объединение коммерческих организаций (участников холдинга), в котором:

1) одна из коммерческих организаций является управляющей компанией холдинга в силу возможности оказывать влияние на решения, принимаемые другими коммерческими организациями — участниками холдинга (дочерними компаниями холдинга), на основании:

владения 25 процентами и более простых (обыкновенных) акций (долей в уставных фондах) дочерних компаний холдинга;

управления деятельностью дочерних компаний холдинга — унитарных предприятий, учрежденных управляющей компанией холдинга либо по отношению к которым управляющая компания холдинга приобрела статус учредителя по иным основаниям, предусмотренным законодательными актами;

2) физическое лицо — собственник простых (обыкновенных) акций (долей в уставных фондах) коммерческих организаций в размере 25 процентов и более осуществляет управление (участвует в управлении) этими коммерческими организациями без образования управляющей компании холдинга. В этом случае все участники холдинга считаются его дочерними компаниями» (п. 1) [13].

При этом сам холдинг в Указе № 660 юридическим лицом не признавался. Его участниками могли быть хозяйственные общества и (или) унитарные предприятия.

В Указ № 660 неоднократно вносились значительные изменения и дополнения. К моменту прекращения действия Указа № 660 (в 2022 году) субъектный состав холдинга был значительно расширен: управляющей компанией могла быть любая коммерческая организация, а дочерней компанией, наряду с коммерческими организациями, — учреждение.

Кроме того, помимо уже существующих, были введены два дополнительных основания для создания холдингов во главе с управляющей компанией:

договор доверительного управления 25 процентами и более простых (обыкновенных) акций (долей в уставных фондах) дочерних компаний холдинга;

иной договор, в соответствии с которым управляющей компанией холдинга приобретаются права по управлению деятельностью дочерних компаний холдинга.

Указ № 660 более подробно регламентировал процедуру создания холдингов, а также определял особенности его правового статуса, в том числе полномочия управляющей компании в отношении дочерних компаний, организацию управления в холдинге с участием государства и многое другое.

В указанный период также было достигнуто единообразие терминологии между Указом № 660 и антимонопольным законодательством в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», где термин «холдинг» однозначно стал пониматься как объединение хозяйствующих субъектов [14].

В действующем законодательстве основу правового регулирования создания и деятельности холдингов составляет Указ Президента Республики Беларусь от 7 октября 2021 г. № 385 «О создании и деятельности холдингов» (далее — Указ № 385), который пришел на смену Указу № 660 [15]. Указ № 385 концепцию холдинга не изменил, однако в нем были расширены полномочия управляющих компаний холдингов в управлении дочерними компаниями, определен порядок предоставления управляющей компании холдинга имущества в безвозмездное пользование от дочерней компании и безвозмездной передачи недвижимого имущества в пределах одного холдинга и т. д.

Таким образом, становление отечественного законодательства о холдингах началось в 90-е гг. XX в. Условно развитие законодательства о холдингах можно подразделить на два этапа: 1) 1993–2004 гг. — принятие Постановления № 250, внедрившего в белорусскую правовую систему холдинг только для процессов приватизации; холдинг признается юридическим лицом; отмечается использование в антимонопольном законодательстве категории «холдинговая компания» без определения ее юридической природы и соотношения с термином «холдинг»; 2) с 2009 г. по настоящее время — возвращение холдингов в белорусскую правовую систему без ограничения сферы их создания, за исключением банковской сферы и сферы страхования; утвердилось понятие холдинга как объединения юридических лиц, не обладающего статусом юридического лица; отмечается введение единообразной терминологии

в антимонопольном законодательстве и в Указе № 660; конкретизирован порядок создания и деятельности холдингов.

1. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М. : М-Логос, 2024. 357 с. [Вернуться к статье](#)
2. Правовая модель холдинга для России : моногр. / С. С. Сулакшин [и др.] ; Центр проблемного анализа и гос.-управленч. проектирования. М. : Науч. эксперт, 2012. 278 с. [Вернуться к статье](#)
3. Функ Я. И. О правовом регулировании холдингов в белорусском праве до принятия Указа Президента Республики Беларусь от 28.12.2009 № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь» : по состоянию на 30.03.2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. О холдингах, создаваемых в процессе приватизации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 20 апр. 1993 г. № 250 : утратило силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Чигир В. Ф. Правовое положение холдингов в Республике Беларусь // Актуальные проблемы экономического развития Республики Беларусь и его правовое регулирование : материалы респ. науч.-практ. конф., г. Минск, 30 сент. 2010 г. / редкол.: Г. Б. Шишко (науч. ред.) [и др.]. Минск : Интегралполиграф, 2010. С. 43–47. [Вернуться к статье](#)
6. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 дек. 1992 г. № 2034-XII : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Шиткина И. С. Холдинги. Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. М. : Волтерс Клувер, 2008. 552 с. [Вернуться к статье](#)
8. Функ Я. И. Об антимонопольных ограничениях в отношении холдингов и иных объединений в белорусском праве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. Об утверждении Временного положения о холдингах, создаваемых в процессе преобразования в открытые акционерные общества государственных и арендных предприятий путем выделения структурных подразделений (единиц) в самостоятельные акционерные общества [Электронный ресурс] : приказ М-ва по управлению гос. имуществом и приватизации Респ. Беларусь от 21 мая 1996 г. № 116 : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
10. Вабищевич С. С. Финансово-промышленные группы в Республике Беларусь: правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Беларус. гос. экон. ун-т. Минск, 2003. 20 с. [Вернуться к статье](#)
11. Харит Е. В. Юридический механизм создания холдингов в Республике Беларусь // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Выпуск 7 : в 2 т. / ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. Минск : Четыре четверти, 2011. Т. 1 / сост. С. В. Анцух. С. 214–216. [Вернуться к статье](#)
12. О внесении изменений и дополнений в Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2006 г. № 145-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

13. О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 660 : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

14. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г. № 94-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

15. О создании и деятельности холдингов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 7 окт. 2021 г. № 385. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 349.44

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. К. Гаджиев

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
аспирант факультета подготовки кадров высшей квалификации

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности использования правового обучения населения и сотрудников органов внутренних дел средствами массовой информации, подведомственными Министерству внутренних дел.

Правовое обучение рассматривается как углубленное и профессионально ориентированное правовое просвещение, осуществляемое с помощью различных каналов распространения информации с целью развития правосознания, формирования правовых знаний и умений.

Ключевые слова: правовая культура, профессиональная правовая культура, правовое информирование, правовое обучение, средства массовой информации, подведомственные Министерству внутренних дел.

Annotation. The article describes the features of the use of legal education for the population and employees of internal affairs bodies by the mass media subordinate to the Ministry of Internal Affairs.

Legal education is considered as an in-depth and professionally oriented legal education carried out through various information dissemination channels in order to develop legal awareness, form legal knowledge and skills.

Keywords: legal culture, professional legal culture, legal information, legal education, mass media subordinate to the Ministry of Internal Affairs.

Проблемы формирования правовой культуры продолжают оставаться в центре внимания исследователей различных специальностей [1; 2; 3; 4; 5]. Важной составляющей правовой культуры является сохранение исторической памяти и укрепление духовно-нравственных ценностей [6; 7], в числе коммеморативных практик — охрана памятников истории и культуры [8]. Особую страницу в отечественной истории охраны памятников истории и культуры составляет эта деятельность в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербург — один из крупнейших культурных и туристических центров России, основанный в XIX в. Город славится своей неповторимой архитектурой, богатым историческим наследием и многочисленными водными артериями, позволившими называть его Северной Венецией. «12 декабря 1990 года международные эксперты включили Ленинград в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Город первым в России вошел в этот список. Эксперты

признали, что ценность города универсальна и выходит за пределы национальных границ. На сегодняшний день объект всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» — это самый масштабный по площади и уникальный по составу объект из всего мирового Списка ЮНЕСКО» [9]. «Историческое и культурное наследие Санкт-Петербурга входит в число ключевых ресурсов города, объясняющих интерес и внимание, проявляемые к нему со стороны российской и мировой публики» [10], и является объектом культурной политики органов государственной власти Санкт-Петербурга. Сохранение предметов и памятников культуры в связи с такой особенностью города является крайне важной задачей региона.

В СССР охрана памятников культуры и истории развивалась в рамках централизованной государственной политики. Этот период — этап становления государственной охраны культурного наследия, связанный с идеологическими особенностями контроля за градостроительством и подходов к оценке исторической ценности объектов. В советский период была разработана система государственной охраны памятников, направленная на сохранение культурного наследия, которое воспринималось как важная составляющая социалистической идеологии. Центральный республиканский (РСФСР) орган охраны памятников был создан в 1932 г.: 10 июля было принято решение об образовании при Президиуме ВЦИК РСФСР Комитета по охране исторических памятников во главе с наркомом просвещения А. С. Бубновым [11].

В 1938 г. охрана наследия в Ленинграде была отнесена к ведению Отдела охраны памятников Управления по делам искусств Леноблгорсовета, в 1944 г. реорганизованного в Государственную инспекцию по охране памятников (ГИОП) в составе Управления по делам архитектуры [12].

В годы Великой Отечественной войны перед администрацией города встали сложные задачи по сохранению памятников в условиях блокады города: «Был создан аварийно-восстановительный батальон, бойцы которого осуществляли обмеры, фотофиксацию и консервацию поврежденных зданий. Они вели повседневную работу по проведению противоаварийных мероприятий, составлению планов реставрационных работ» [12].

Важным шагом в деле сохранения культурного наследия стало постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [13]. Нормативный правовой акт зафиксировал задачи сохранения культурного наследия в масштабах всей страны, обобщил теоретические подходы к сохранению исторического наследия и практику охраны памятников культуры, закрепив определение термина «памятник культуры» [14].

Активное расширение практики охраны объектов культурного наследия в Ленинграде началось в 1960-е гг. В 1960 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» [15], закрепившее правила охраны памятников, их реставрации и использования.

В 1978 г. юридическую силу приобрел Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [16]. На развитие законодательства об охране памятников в Санкт-Петербурге с 1990-х гг. оказали воздействие изменение государственной политики, административные реформы и общественное внимание к вопросам сохранения культурного наследия. Начали разрабатываться законы, регулирующие охрану культурного наследия. Так, Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» определил основные принципы охраны памятников, категорийность памятников и их статус [17].

В 2004 г. полномочия по охране памятников переданы с федерального уровня на региональный, что привело к развитию местного законодательства. Закон Санкт-Петербурга от 19 января 2009 г. № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (далее — Закон № 820-7) стал ключевым нормативным актом в сфере охраны культурного наследия города — определил границы зон охраны и установил правила строительства в исторических районах, направленные на сохранение архитектурного облика Санкт-Петербурга [18]. Изначально Закон № 820-7 предусматривал защиту всех зданий, возведенных до 1917 г., что позволило включить в охранные зоны значительное количество исторических построек. Однако со временем стало очевидно, что возраст здания не всегда является достаточным основанием для признания его исторической ценности. Некоторые строения, несмотря на дату постройки, оказались значительно перестроенными и утратили свой первоначальный архитектурный облик. Это привело к необходимости пересмотра подходов к охране наследия.

В 2010-е гг. начались острые споры между защитниками культурного наследия и строительным лобби. В 2012–2015 гг. в Закон № 820-7 были внесены изменения, ужесточившие правила проведения реконструкции зданий в охранных зонах; введены новые категории охраняемых объектов, усилены механизмы общественного контроля (в том числе посредством Градостроительного совета). Активность общественности привела к тому, что весной 2023 г. Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло поправку,

отсрочившую снос построек в районе Нарвской Заставы до 2029 г.: «Комиссия по градостроительству Законодательного собрания Петербурга поддержала поправку об отсрочке сноса малоэтажной застройки в районе Нарвской Заставы. При этом члены комиссии отклонили предложение полностью исключить уничтожение этих построек» [19]. В 2020 г. в Законе № 820-7 «детализированы все аспекты, обеспечивающие устойчивость положительной практики хозяйственной деятельности в исторической части Санкт-Петербурга: границы зон охраны, отдельные требования режимов, включая понятийный аппарат, а также сведения об исторически ценных градоформирующих объектах» [20].

Самые последние изменения в Закон № 820-7 приняты в конце февраля 2025 г. Теперь можно сказать, что это один из самых строгих региональных законов. Появилась методика дифференцированной исторической застройки, которая не является объектом культурного наследия. Введены новые понятия: «ценные средовые объекты» и «ценные рядовые объекты». По мере изучения исторической среды, выявления и включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия постепенно увеличивается площадь зон охраны объектов культурного наследия [21]. В рамках поправок большому количеству объектов присвоены новые статусы, расширился список охраняемых объектов историко-градостроительной среды. В то же время с помощью Закона № 820-7 власти пытаются сохранить баланс интересов между развитием города и сохранением культурного наследия. Новая редакция позволяет изменить режим пользования земельными участками для возведения социальных объектов (разрешены постройка бассейна для школы Кировского района, возведение объектов детской инфраструктуры в Курортном районе, открытие центра реабилитации для Городской больницы № 40 и т. д.).

Основополагающими принципами, на которых строится охрана культурного наследия в Санкт-Петербурге в настоящее время, являются:

- принцип преемственности (памятники как важная часть национального достояния должны сохраняться для нынешних и будущих поколений);
- принцип баланса интересов (охрана культурного наследия должна сочетаться с развитием города);
- принцип устойчивого развития (использование исторических объектов должно быть рациональным и соответствовать градостроительным нормам).

Современной тенденцией развития юридического знания о защите и охране памятников истории является цифровизация — создание электронного реестра памятников, внедрение систем мониторинга состояния объектов.

В деле охраны культурного наследия имеет место усиление общественного контроля в виде участия институтов гражданского общества

в градостроительных советах, позволяющее увеличить степень прозрачности принимаемых решений.

С момента вступления в силу Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» претерпел значительные изменения, отражающие стремление власти к более гибкому и точному регулированию общественных отношений в сфере охраны памятников и сохранения культурного наследия. Однако вопрос балансирования между сохранением исторической среды и развитием городской инфраструктуры остается предметом активных дискуссий и требует дальнейшего совершенствования правовых механизмов.

Таким образом, охрана памятников истории и культуры в Санкт-Петербурге является неотъемлемой частью правовой и общественной жизни города. Региональное законодательство Санкт-Петербурга в полной мере учитывает особенности города и наиболее эффективно и предметно осуществляет защиту памятников. Несомненно, бережное отношение к памятникам воспитывает в обществе уважение к истории и традициям. Имеющаяся правовая охрана памятников в Санкт-Петербурге не только сохраняет его архитектурное наследие, но и формирует культурную идентичность города, способствует развитию активной гражданской позиции, искусства и туризма. Это важный фактор, который поддерживает за Санкт-Петербургом статус культурной столицы.

1. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. [Вернуться к статье](#)

2. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49. [Вернуться к статье](#)

3. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 1 (101). С. 34–50. [Вернуться к статье](#)

4. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека — проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)

5. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 410–426. [Вернуться к статье](#)

6. Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск,

13–14 окт. 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2023. С. 226–237. [Вернуться к статье](#)

7. Нижник Н. С. Историческая память как детерминанта патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине, Москва — Старый Оскол, 30 нояб. 2023 г. М. : Нац. исследоват. технол. ун-т «МИСИС», 2023. С. 180–191. [Вернуться к статье](#)

8. Нижник Н. С. Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 13–14 окт. 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2023. С. 219–225. [Вернуться к статье](#)

9. Тридцать лет назад наш город был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/203122/> (дата обращения: 28.02.2025). [Вернуться к статье](#)

10. Палий К. Р. Нормативно-правовой механизм разработки и реализации политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. 2018. № 7 (115). С. 146–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoy-mehanizm-razrabotki-i-realizatsii-politiki-po-sohraneniyu-obektov-istoricheskogo-i-kulturnogo-naslediya-sankt> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Хайрутдинов Р. Р. Структура органов охраны памятников в РСФСР в 1930-е годы [Электронный ресурс] // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2008. № 3. С. 145–148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-organov-ohrany-pamyatnikov-v-rsfsr-v-1930-e-gody> (дата обращения: 12.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. История КГИОП [Электронный ресурс] // Администрации Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/istoriya-kgiop/ (дата обращения: 28.02.2025). [Вернуться к статье](#)

13. О мерах улучшения охраны памятников культуры [Электронный ресурс] : постановление Совета министров СССР от 14 окт. 1948 г. № 3898 // LibUSSR.RU : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

14. Османова М. Н., Бабошина Е. В. Послевоенное законодательство СССР об охране памятников истории, культуры и искусства [Электронный ресурс] // Образование и право. 2023. № 2. С. 397–402. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslevoennoe-zakonodatelstvo-sssr-ob-ohrane-pamyatnikov-istorii-kultury-i-iskusstva> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

15. О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР [Электронный ресурс] : постановление Совета министров РСФСР от 30 августа

1960 г. № 1327 // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9012089> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

16. Об охране и использовании памятников истории и культуры [Электронный ресурс] : Закон РСФСР от 15 дек. 1978 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

17. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

18. О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон [Электронный ресурс] : Закон Санкт-Петербурга от 19 января 2009 г. № 820-7 // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/891801807> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

19. В ЗакСе поддержали поправку об отсрочке сноса домов Нарвской заставы до 2029 года // Деловой Петербург : [сайт]. URL: https://www.dp.ru/a/2023/03/13/V_ZakSe_podderzhali_poprav (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

20. Опубликована новая редакция Закона Санкт-Петербурга № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия...» // Администрация Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/news/193449/ (дата обращения: 28.02.2025). [Вернуться к статье](#)

21. Принята новая редакция Закона Санкт-Петербурга № 820-7 // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры : [сайт]. URL: <https://kgior.gov.spb.ru/o-komitete/press-centr/news/90251/> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 94(476)

**КЛАСІФІКАЦЫЯ ПРАВАВЫХ РЭФОРМ
У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ****А. Я. Ігнатовіч**

Магілёўскі інстытут МУС Рэспублікі Беларусь,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анотацыя. Разглядаюцца розныя класіфікацыі прававых рэформ на прыкладах гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

Ключавыя словы: прававыя рэформы, класіфікацыя, беларуская дзяржаўнасць.

Annotation. Various classifications of legal reforms are considered using examples from the history of Belarusian statehood.

Keywords: legal reforms, classification, Belarusian statehood.

У сувязі з неабходнасцю адпавядаць патрабаванням у канкрэтны гістарычны перыяд прававая сістэма павінна пастаянна ўдасканальвацца. Дзяржава як стрыжнёвы элемент палітычнай сістэмы заклікана аказваць непасрэдны ўплыў на развіццё права. Прававая рэформа з'яўляецца глабальным працэсам змен прававой сістэмы, мэты і вынікі якога могуць змяняцца ў далейшым. А сістэмнасць права пастаянна абумоўлівае ўзгадненне вынікаў асобных змяненняў у сістэме права. Мэта артыкула — класіфікаваць прававыя рэформы ў гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

Першая магчымая класіфікацыя — прававыя рэформы, накіраваныя на забеспячэнне пераўтварэнняў у іншых сферах жыцця (палітычнай, эканамічнай, сацыяльнай і г. д.), і рэформы, закліканыя змяніць саму прававую рэальнасць [1, с. 11]. Відавочна, што першы з'яўляецца больш распаўсюджаным варыянтам: права ў гэтым выпадку выступае інструментам, які забяспечвае правядзенне палітычных, эканамічных, сацыяльных і іншых рэформ. Думаецца, што прыкладам з'яўляюцца пераўтварэнні, якія адбыліся ў перыяд станаўлення незалежнай Рэспублікі Беларусь. У сувязі з гэтым важна адзначыць, што юрыдычная сфера мае сваю логіку. Першапачатковая задача ажыццяўлення рэформы сістэмы права — гэта прыняцце новага Асноўнага Закона. Менавіта Канстытуцыя заклікана ўстанавіць прынцыпы права, дзяржавы, усяго грамадства, узаемаадносіны асобы з дзяржавай і г. д. І толькі пасля прыняцця новай Канстытуцыі лагічна змяняць астатнія законы. Таксама можна, як адзначаюць даследчыкі права, рэфармаваць састарэлыя законы з апераджальным або паралельным змяненнем некаторых канстытуцыйных палажэнняў, якім не адпавядаюць новыя законы. У гісторыі беларускай дзяржаўнасці на пачатку 1990-х гг. быў рэалізаваны свой шлях фарміравання новай прававой сістэмы. Згодна

з Канцэпцыяй судова-прававой рэформы (1992 г.), галоўнымі яе мэтамі сталі: стварэнне прававой сістэмы, здольнай забяспечыць функцыянаванне прававой дзяржавы; зацвярджэнне самастойнай і незалежнай судовай улады як асноўнага гаранта правоў і свабод грамадзян і іншых удзельнікаў праваадносін; увасабленне ў заканадаўстве дэмакратычных прынцыпаў арганізацыі і дзейнасці праваахоўных органаў, якія адпавядаюць агульнапрызнаным нормам міжнароднага права і навуковым рэкамендацыям [2]. 15 сакавіка 1994 г. была прынята Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь, якая абвясціла нашу рэспубліку ўнітарнай дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавай. Прыняцце новай Канстытуцыі, уцягванне Рэспублікі Беларусь у сусветную супольнасць як суверэннай і незалежнай дзяржавы прывялі да значных змен ў заканадаўстве. Адным з найважнейшых новаўвядзенняў Канстытуцыі стала вызначэнне сістэмы прыярытэтаў дзяржавы: на першае месца ставіцца чалавек, яго правы, свабоды і гарантыі іх рэалізацыі. Прыняцце 24 лістапада 1996 г. новай рэдакцыі Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь пацягнула за сабой істотнае перапамеркаванне паўнамоцтваў паміж дзяржаўнымі органамі. Была таксама актывізавана работа, накіраваная на вырашэнне найскладанейшых задач па фарміраванні новай прававой сістэмы, закліканай забяспечыць устойлівае развіццё эканомікі, эфектыўнае функцыянаванне дэмакратычных інстытутаў. На кіраўніка дзяржавы былі ўскладзены функцыі гаранта Канстытуцыі, правоў і свабод чалавека і грамадзяніна, забеспячэння пасрэдніцтва паміж органамі дзяржаўнай улады, іх пераемнасці і ўзаемадзеяння. У мэтах перспектыўнага вырашэння актуальных праблем функцыянавання нацыянальнай прававой сістэмы ў 2002 г. была адобрана Канцэпцыя ўдасканалення заканадаўства Рэспублікі Беларусь [3]. Значныя змены ў Асноўны Закон унесены па выніках рэспубліканскага рэферэндуму 27 лютага 2022 г. [4]. Падвергліся зменам прэамбула, 85 артыкулаў, з якіх 2 страцілі сілу, з'явілася 11 новых артыкулаў. Нягледзячы на вялікі аб'ём і скразны характар змяненняў і дапаўненняў Канстытуцыі, яна не выкладаецца ў новай рэдакцыі, што падкрэслівае канстытуцыйна-прававую пераемнасць у асновах канстытуцыйнага ладу, у характары ўзаемаадносін асобы, грамадства і дзяржавы, а таксама ў захаванні моцнай прэзідэнцкай улады.

Другая класіфікацыя прававых рэформ — завершаныя і незавершаныя рэформы [1, с. 13]. Мы пераканаліся на папярэднім прыкладзе, што практычна ніводная рэформа не можа быць аднаразовым дзеяннем. Яна аб'ектыўна прадугледжвае паступовасць, паэтапнасць, комплекснасць пераўтварэнняў. Пры гэтым ёсць і выключэнні. Яскравым прыкладам незавершанасці прававых пераўтварэнняў з-за слабасці дзяржавы з'яўляюцца падзеі ў Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. Так, у Канстытуцыі 3 мая 1791 г. знайшлі адлюстраванне ідэя суверэнітэту народа, прынцыпы вяршэнства закона, падзелу ўлад [5].

Але няздольнасць улад Рэчы Паспалітай забяспечыць стабільнасць развіцця і парадак у абедзвюх яе частках — Вялікім Княстве Літоўскім (далей — ВКЛ) і Польшчы — прывяла ў канчатковым выніку да трох падзелаў гэтай дзяржавы.

Магчымы таксама варыянт і з контррэформамі, калі ўзнікае ўсведамленне пастаўленай мэты як памылковай, непрымальнай для краіны ў сілу існуючых традыцыйных адносін, звычаяў, асаблівасцей развіцця або прызнання недастатковай падрыхтоўкі рэформы, вынікі якой прынялі непрадаказальны характар [1, с. 14]. Прыкладам, у тым ліку і ў адносінах да беларускіх зямель, з'яўляюцца контррэформы Аляксандра III, якія сталі рэакцыяй на ўздым рэвалюцыйнага руху пасля адмены прыгоннага права.

Трэцяя магчымая класіфікацыя — зыходзячы з мэты прававой рэформы [1, с. 15]. Можна вылучыць дзве глабальныя мэты. Першая — паляпшэнне жыцця грамадства ў цэлым і кожнага яго члена. Так, Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка адзначаў: «Наше белорусское государство существует с 1 января 1919 года, со времени образования БССР. Белорусский народ... выбрал и поддержал именно то государство, которое провозгласило важнейшим принципом социальную справедливость, защиту прав тружеников и равенство наций» [6]. Пераемніцай менавіта такой прававой традыцыі з'яўляецца Рэспубліка Беларусь. Іншы варыянт — у цэнтры рэформы знаходзяцца інтарэсы асобнага саслоўя, класа або народа. Так, Люблінская унія 1569 г., па вызначэнні першага Прэзідэнта Акадэміі навук БССР, вядомага беларускага гісторыка У. М. Ігнатоўскага, «шырока адчыніла браму для польскага ўплыву» [7, с. 115]. Напрыклад, у 1696 г. польскія ўлады пастанавілі, каб у справаводстве ВКЛ усе рашэнні складаліся толькі на польскай мове. Старабеларуская мова была забаронена. У сувязі з гэтым важна, што ўключэнне ў склад Расійскай Імперыі мела для беларускага этнасу выратавальны характар: была ліквідавана шляхецкая анархія, ад якой пакутаваў найперш просты беларускі народ.

Такім чынам, стварыць тыпалогію прававых рэформ у гісторыі беларускай дзяржаўнасці цяжка па многіх прычынах. Гэта і наяўнасць вялікай колькасці крытэрыяў для класіфікацыі, і абмежаванасць кожнага асобнага падыходу, і той факт, што беларускія землі ў розныя гістарычныя перыяды ўваходзілі ў склад розных дзяржаў. Варта адзначыць, што прававыя рэформы забяспечваюць прагрэсіўныя пераўтварэнні ва ўсіх сферах грамадскага жыцця і праводзяцца ў мэтах пабудовы ўзгодненай несупярэчлівай сістэмы права і вызначэння шляхоў далейшага развіцця дзяржавы. Сёння можна з упэўненасцю сказаць, што ў нашай краіне створаны трывалы фундамент для далейшага развіцця права.

1. Дорская А. А. Типология правовых реформ // Вестн. РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. № 2. С. 11–22. [Вернуться к статье](#)
2. О Концепции судебно-правовой реформы [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь от 23 апр. 1992 г. № 1611-XII. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 10 апр. 2002 г. № 205. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 3 мая 1791 г. («Ustawa Rzadowa») [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyyinae-prava-belarusi/akty-rechy-paspalitay/kanstytutsyya-rechy-paspalitay-3-maya-1791-g-ustawa-rzadowa/> (дата обращения: 09.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Лекция «Исторический выбор Республики Беларусь» в БГУ [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/leksiya-istoricheskij-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819> (дата обращения: 09.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск : Беларусь, 1992. 190 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.155

**ПРАВОВЕДЫ НАЧАЛА XX ВЕКА
О ВЛИЯНИИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА МАНИФЕСТА
17 ОКТЯБРЯ 1905 Г.**

Т. В. Ломова

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин

Аннотация. Статья посвящена характеристике оценок содержания и значения Манифеста 17 октября 1905 г. правоведами — современниками принятия правового акта, в числе которых

В. М. Гессен,
А. И. Елистратов, В. В. Ивановский,
Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин,
С. А. Котляревский. Обращая внимание на краткость положений Манифеста, ученые подчеркивали важную роль этого правового акта в трансформации государственно-правовой системы Российской империи и формировании правовой культуры российского общества начала XX в.

Ключевые слова: Манифест 17 октября 1905 г., Государственная дума, ограничение самодержавия, ограниченная монархия, российский парламентаризм, правоведа Российской империи начала XX в., В. В. Ивановский, права и свободы гражданина.

Annotation. The article is devoted to the characterization of assessments of the content and significance of the Manifesto of October 17, 1905 by legal scholars who were contemporaries of the adoption of the legal act, including V. M. Gessen, A. I. Elistratov, V. V. Ivanovsky, B. A. Kistiakovsky, F. F. Kokoshkin, S. A. Kotlyarevsky. Paying attention to the brevity of the provisions of the Manifesto, the scientists emphasized the important role of this legal act in the transformation of the state legal system of the Russian Empire and the formation of the legal culture of Russian society in the early 20th century.

Keywords: Manifesto of October 17, 1905; State Duma, limitation of autocracy, limited monarchy, Russian parliamentarism, jurists of the Russian Empire of the early 20th century, V. V. Ivanovsky, rights and freedoms of the citizen.

Одним из ключевых правовых актов в истории имперской России явился Манифест 17 октября 1905 г., который оказал значительное влияние на трансформацию государственно-правовой системы страны. Его принятие стало ответом на сложные социально-политические процессы, происходившие в начале XX в. Исследование публичной оценки Манифеста 17 октября 1905 г. современниками позволяет глубже понять этапы становления правовой и политической культуры в России и оценить влияние этого правового акта на государственный и общественный строй.

В начале XX в. социально-политическая обстановка в Российской империи была напряженной, обусловленной комплексом внутренних и внешних факторов. Важную роль играли экономические трудности, вызванные быстрым

индустриальным развитием и тяжелым положением рабочих и крестьян — основного населения страны. Политическая система самодержавной России не имела механизмов выражения общественного мнения или участия граждан в управлении государством. Поражение России в Русско-японской войне ослабило позиции страны на мировой арене и подорвало доверие к правительству внутри страны. Все эти факторы способствовали росту революционных настроений и требований создать представительный орган, способный ограничить власть монарха, и предоставить права гражданам участвовать в управлении государством.

Подписание Николаем II Манифеста об усовершенствовании государственного порядка в условиях острого политического кризиса, вызванного революционными событиями 1905 г., должно было стабилизировать обстановку в стране и укрепить позиции власти.

Манифест провозглашал основные гражданские свободы (слова, собраний, союзов), а также закреплял перспективы создания Государственной думы. Эти изменения стали важным шагом в развитии политической системы страны и ее переходе к более демократичным формам управления.

Манифест 1905 г. привлек, наряду со всеобщим публичным вниманием, и особое внимание правоведов-юристов, оценивших его содержание и значение, — В. М. Гессена, А. И. Елистратова, С. А. Котляревского, Б. А. Кистяковского, Ф. Ф. Кокошкина, В. В. Ивановского [1].

В. М. Гессен в своей работе «Русское самодержавие и Манифест 17 октября 1905 г.» [2] констатировал: «Манифест 17 октября 1905 года ни по форме изложения, ни по своему содержанию не указывает на отречение государя императора от самодержавной власти...» [2, с. 21]. Манифест лишь подтверждает несокрушимость самодержавия на Руси. В. М. Гессен считал, что, несмотря на появление Государственной думы в системе органов законодательной власти, полнота власти царя остается прежней и сам Манифест предпосылкой к изменению формы правления не создает.

Б. А. Кистяковский оценивал Манифест как акт, предшествующий конституции. Причиной, почему Манифест не стал конституцией, является его краткость. Манифест нуждался в дополнении [3].

А. И. Елистратов подчеркивал, что положение Манифеста о том, что никакой закон не может быть принят без одобрения Государственной думы, стало основой преобразований государственного строя. Оценку А. И. Елистратова о Манифесте как основе утверждения в России конституционной монархии, которая характеризовалась объединением монарха с представителями народа в законодательной сфере [4], разделял С. А. Котляревский [5], а также Ф. Ф. Кокошкин, который утверждал, что Манифест 17 октября 1905 г.,

провозгласивший конституционный принцип в качестве обязательной нормы русского государственного устройства, совершил переход к новой форме правления [6].

Вклад в осмысление событий государственной важности 1905 г. внес правовед, социолог, полицейист В. В. Ивановский. Он отметил, что в сложившейся обстановке Манифест был необходим, и называет его «величайшим»: «Это величие его заключается в признании со стороны монархической власти своевременности и необходимости привлечения к участию в государственной власти представителей народа» [7, с. 43].

Новеллами Манифеста В. В. Ивановский считает:

- наделение населения гражданской свободой;
- участие в Государственной думе представителей всех слоев населения и развитие начала общего избирательного права;
- предписание о принятии закона только с одобрения Государственной думы;
- возможность участия Государственной думы в надзоре за законностью действий администрации [8].

По оценке В. В. Ивановского, Манифест явился важным политическим документом, который проложил путь к «единому монархически-народному законодательству». Народ со своим революционным настроением стремился к решению экономических и административных вопросов, но не ожидал решения вопроса, который стал предпосылкой к смене формы правления [9]. Появление Манифеста по-разному повлияло на различные слои населения: «Для тех кругов интеллигенции, которые воспитались в чувстве законности и деятельность которых проявлялась в постоянном соприкосновении с требованиями закона, идеи манифеста должны были... вызвать усиленную законотолковательную работу, в смысле примирения и согласования с манифестом старых законов. Для всей администрации, воспитанной на началах старого бюрократического и авторитарного режима, манифест поставил трудную проблему — приспособления старых форм и способов управления к новым государственным началам; для господствующих сословий — дворянского землевладельческого и промышленного капиталистического — манифест создал новый круг идей гражданской свободы и равенства, сознание неизбежной необходимости отказаться от веками усвоенного привилегированного положения и привычки властвовать над неорганизованными низшими слоями населения» [7, с. 46–47].

В работе «Народное представительство и основные права граждан» В. В. Ивановский обратил внимание, что Манифест сыграл важную роль в жизни простых людей:

– Манифест установил общее избирательное право — участие в Государственной думе вне зависимости от слоя населения, вне зависимости от статуса, положения — все население призвано к участию в работе Государственной думы. Государственная дума стала законодательным органом: теперь император не мог принять закон без согласия Государственной думы, что должно было значительно укрепить законность и ответственность за свою деятельность государственных служащих;

– Манифестом устанавливались основы гражданской свободы, состоящие в неприкосновенности личности, в свободе веры, в свободе устного и печатного слова, в свободе собраний и союзов. Манифест стал первым законом, гарантирующим неприкосновенность личности. Это позволяло контролировать действия полиции и войск в отношении населения: теперь за незаконные действия в отношении граждан они подлежали судебной ответственности [10].

В. В. Ивановский был убежден, что Манифест от 17 октября 1905 г. послужил созданию нового законодательного порядка.

Как показала российская история начала XX в., Манифест 17 октября 1905 г. оказал значительное влияние на эволюцию государственно-правовой системы и формирование соответствующей ей правовой культуры населения России [11]. Манифест сыграл важную роль в трансформации политической культуры в России. Он способствовал введению новых политических свобод и созданию представительных органов власти, что стало основой для создания демократических институтов и развития институтов гражданского общества [12]. Манифест оказал существенное воздействие на политическую активность населения и формирование общественного мнения о целесообразности изменения формы правления.

Важный вклад в осмысление правовых актов и популяризацию их идей, как правило, вносят ученые [13]. Важный вклад в осмысление Манифеста внесли российские правоведы начала XX в., рассматривавшие его как важный шаг к демократическим преобразованиям в России. Труды В. М. Гессена, А. И. Елистратова, С. А. Котляревского, Б. А. Кистяковского, Ф. Ф. Кокошкина, В. В. Ивановского, посвященные Манифесту 17 октября 1905 г., являются ценным источником для изучения политико-правовой мысли и характеристикой правовой культуры населения имперской России начала XX в.

1. Ломова Т. В. Виктор Викторович Ивановский: вклад в развитие теории государственного управления // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Калининград, 16 дек. 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград : Калинингр. фил. С.-Петербург. ун-та МВД России, 2023. С. 88–89. [Вернуться к статье](#)

2. Гессен В. М. Русское самодержавие и Манифест 17 октября 1905 г. СПб. : Сенат. тип., 1906. 44 с. [Вернуться к статье](#)
3. Кистяковский Б. А. Политическое и юридическое значение Манифеста 17 октября 1905 г. // Юрид. вестн. 1915. Кн. XI (III). С. 107–111. [Вернуться к статье](#)
4. Елистратов А. И. Очерк государственного права (Конституционное право). 2-е изд., перераб. М. : Мысль, 1915. 166 с. [Вернуться к статье](#)
5. Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 217 с. [Вернуться к статье](#)
6. Кокошкин Ф. Ф. Юридическая природа манифеста 17 октября // Юрид. вестн. 1913. Кн. I. С. 35–56. [Вернуться к статье](#)
7. Ивановский В. В. Политико-культурное значение Манифеста 17 октября 1905 г. // Юрид. вестн. 1915. № 3. С. 43–52. [Вернуться к статье](#)
8. Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань : Тип. Казан. ун-та, 1908. 511 с. [Вернуться к статье](#)
9. Ломова Т. В. Идея прав и свобод человека в теоретическом наследии полицейста В. В. Ивановского // Социально-гуманитарный вестник : Всерос. сб. науч. тр. Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2024. С. 96–102. [Вернуться к статье](#)
10. Ивановский В. В. Народное представительство и основные права граждан. Казань : Тип. Казан. ун-та, 1906. 32 с. [Вернуться к статье](#)
11. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Парламентский дискурс на страницах региональной периодики как детерминанта формирования общественного сознания в России начала XX века // Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД России. 2021. № 2 (90). С. 57–69. [Вернуться к статье](#)
12. Нижник Н. С. Проблема прав человека в российской полицистике конца XIX – начала XX века // На службе Отечеству: история органов внутренних дел : сб. материалов междунар. науч. конф., приуроченной к 305-летию полиции России, г. Москва, 23 июня 2023 г. / Акад. упр. МВД России. М., 2023. С. 215–222. [Вернуться к статье](#)
13. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Мазан

Военная академия Республики Беларусь,
факультет внутренних войск,
преподаватель цикла (тактики внутренних войск)
кафедры оперативно-тактической подготовки внутренних войск

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития нотариата в Республике Беларусь с момента обретения страной независимости в 1991 г. и до настоящего времени. Анализируется процесс реформирования правовой системы и законодательства, регулирующего нотариальную деятельность. Особое внимание уделяется принятию Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» в 2004 г. и его обновлению в 2021 г. Также рассматривается роль нотариата в обеспечении защиты прав и законных интересов граждан и повышении качества обслуживания населения.

Ключевые слова: нотариат, Республика Беларусь, история, правовая система, законодательство, защита прав, обслуживание населения.

Annotation. The article examines the history of the emergence and development of the notary in the Republic of Belarus from the moment the country gained independence in 1991 to the present. The process of reforming the legal system and legislation regulating notary activity is analyzed. Special attention is paid to the adoption of the Law «On Notaries and Notarial Activities» in 2004 and its updating in 2021. The role of the notary public in ensuring the protection of the rights and legitimate interests of citizens and improving the quality of public services is also being considered.

Keywords: notary, Republic of Belarus, history, legal system, legislation, protection of rights, public services.

Нотариат является важным институтом правовой системы Республики Беларусь, обеспечивающим защиту прав и законных интересов граждан и организаций. В советский период нотариат в Беларуси претерпел значительные изменения, вызванные политическими и экономическими трансформациями, происходившими в стране. Нотариат как важный элемент правовой инфраструктуры адаптировался к новым условиям, что способствовало его трансформации от частного к государственному институту.

До 1917 г. нотариат в Беларуси действовал в рамках Российской империи, где его функции выполняли частные нотариусы. Их деятельность была регламентирована законами, действовавшими на тот момент, и они обеспечивали гражданам доступ к юридическим услугам, таким как удостоверение документов, завещаний и сделок. Однако с приходом к власти большевиков произошли

кардинальные изменения. Октябрьская революция 1917 г. привела к реформированию нотариата, который стал частью государственной системы [1, с. 19].

В 1920-е гг. нотариат в Беларуси был интегрирован в структуру Народно-го комиссариата юстиции Белорусской ССР. Нотариусы стали государственными служащими, что означало не только изменение их правового статуса, но и подчинение их деятельности новым принципам, установленным государством. На основании Положения о государственном нотариате РСФСР 1922 г. нотариусы начали осуществлять свою деятельность в соответствии с установленными нормами, что создало предпосылки для более строгого контроля за их работой и, соответственно, за выполнением их функций [2].

К 1930-м гг. нотариат в Беларуси претерпел еще одну значительную трансформацию. Ведением нотариата стали заниматься местные Советы депутатов трудящихся. Изменение предусматривало, что нотариусы теперь будут выборными должностными лицами, что, в свою очередь, подчеркивало идеологическую линию на демократизацию управления и вовлечение граждан в процесс принятия решений. Положение о государственном нотариате РСФСР 1936 года стало основой для осуществления нотариальной деятельности в этот период. Нотариусы, будучи избранными, должны были представлять интересы своих сообществ и обеспечивать доступ к юридическим услугам на местах [1, с. 21].

Послевоенный период, начавшийся после Второй мировой войны, стал временем стабильности для нотариата в Беларуси. Нотариусы продолжали работать как государственные служащие, что подразумевало сохранение существующей структуры и принципов их деятельности. Положение о государственном нотариате РСФСР 1964 г. стало основой для дальнейшего развития нотариата. В это время акцент делался на выполнение функций, связанных с правовым обеспечением сделок, защитой прав граждан и юридических лиц, а также удостоверением различных документов. Нотариусы играли ключевую роль в укреплении правопорядка и стабильности в стране, особенно в условиях послевоенного восстановления [3, с. 129].

История создания Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» началась в 1993 году, когда был принят документ, определивший основные принципы организации и деятельности нотариата. Этот закон установил государственную монополию на нотариальную деятельность и создал единую систему государственных нотариальных контор [3, с. 130].

До принятия Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» в Беларуси существовала смешанная система нотариата, включающая государственные и частные нотариальные конторы. Однако с принятием нового закона

монополия государства на нотариальную деятельность стала абсолютной, что привело к ликвидации частных нотариусов.

Закон «О нотариате и нотариальной деятельности» также определил основные задачи и функции нотариата, такие как удостоверение сделок, выдача свидетельств, совершение исполнительных надписей и другие. Нотариусы стали государственными служащими, которые назначались на должность и увольнялись с нее Министерством юстиции Республики Беларусь.

В последующие годы Закон «О нотариате и нотариальной деятельности» претерпел ряд изменений и дополнений, направленных на совершенствование нотариальной деятельности и повышение ее эффективности. В частности, были введены новые виды нотариальных действий, такие как удостоверение договоров ренты и пожизненного содержания с иждивением, а также расширены полномочия нотариусов по совершению исполнительных надписей [3, с. 42].

Новый Закон «О нотариате и нотариальной деятельности» существенно изменил организацию и деятельность нотариата. Закон отменил государственную монополию на нотариальную деятельность и ввел институт частных нотариусов [4].

Частные нотариусы стали независимыми профессионалами, которые самостоятельно осуществляют свою деятельность и несут ответственность за свои действия. Они также имеют право на частную собственность и могут заниматься предпринимательством.

Введение института частных нотариусов позволило расширить спектр предоставляемых нотариальных услуг, повысить их качество и доступность для населения. Также это способствовало развитию частной собственности и предпринимательской деятельности в стране.

Обновление Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» в 2021 г. существенно изменило подход к организации нотариальных услуг в Беларуси. Одним из ключевых направлений реформы стало изменение компетенции сельских исполнительных комитетов, которые больше не осуществляют удостоверение завещаний, согласий и доверенностей. Вместо этого нотариусы будут выезжать в сельские населенные пункты, что обеспечит доступность нотариальных услуг для населения, особенно в удаленных регионах [4].

Важным аспектом обновленного законодательства является улучшение качества нотариальных услуг. Нотариусы теперь обязаны оказывать более квалифицированную юридическую помощь населению, что включает проверку дееспособности граждан, разъяснение правовых последствий их действий и помощь в составлении проектов документов. Такие меры способствуют созданию более надежной правовой среды, где граждане могут быть уверены в правильности и законности нотариальных действий.

Введение единой электронной системы учета нотариальных действий станет значительным шагом к повышению прозрачности и доступности информации о совершенных нотариальных действиях. Граждане смогут проверять сведения о доверенностях и завещаниях через официальный сайт Белорусской нотариальной палаты, что существенно упростит процесс открытия наследственных дел и повысит уровень доверия к нотариальной системе [3, с. 134].

Развитие нотариата в Республике Беларусь началось с момента принятия Закона «О нотариате и нотариальной деятельности». Одним из ключевых аспектов развития нотариата стало повышение квалификации нотариусов. В Республике Беларусь действуют различные программы и курсы повышения квалификации, которые позволяют нотариусам обновлять свои знания и навыки в соответствии с изменениями в законодательстве и практике. Важным направлением развития нотариата является также внедрение информационных технологий. В Республике Беларусь активно используются электронные системы и сервисы, которые позволяют нотариусам автоматизировать свою работу, ускорить процесс оформления документов и обеспечить доступность нотариальных услуг для населения. Еще одним аспектом развития нотариата является обеспечение доступности нотариальных услуг для населения. В Республике Беларусь проводится работа по расширению сети нотариальных контор и увеличению количества нотариусов, что позволяет гражданам получать нотариальные услуги в удобном для них месте и в удобное время.

Таким образом, история возникновения и развития нотариата в Республике Беларусь демонстрирует значительные изменения, происходившие с момента обретения независимости в 1991 г., и отражает адаптацию правовой системы к современным требованиям общества. Принятие Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» в 2004 г. и его последующее обновление в 2021 г. стали важными вехами в упорядочивании нотариальной деятельности, что способствовало повышению качества обслуживания и доступности нотариальных услуг для населения, особенно в сельских регионах. Новые инициативы, такие как введение единой электронной системы учета нотариальных действий, а также усиление ответственности нотариусов, создают более прозрачную и надежную правовую среду, в которой граждане могут уверенно защищать свои права и законные интересы.

1. Нотариальное право : учеб. / под ред. проф. В. В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2017. 576 с. [Вернуться к статье](#)

2. Положение о государственном нотариате [Электронный ресурс] : Декрет СНК от 4 окт. 1922 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901869002> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Лобач А. Ю. Организация и контроль в системе нотариата Республики Беларусь на современном этапе // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2020. № 2. С. 129–136. [Вернуться к статье](#)

4. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З : в ред. от 05.01.2024 г. № 343-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 331.1

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. В. Новицкая

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин факультета повышения
квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. В статье исследуются вопросы становления и развития социального партнерства на территории Беларуси как результата длительной эволюции социально-трудовых отношений в тесной взаимосвязи с историческими событиями. Выделяются основные этапы становления социально-партнерских отношений на территории Беларуси, начиная с отмены крепостного права и заканчивая распадом СССР.

Ключевые слова: социальное партнерство, коллективный договор, профсоюз, коллективные трудовые споры, трудовой коллектив.

Annotation. The article examines the issues of the formation and development of social partnership in Belarus as a result of the long evolution of social and labor relations in close relationship with historical events. The main stages of the formation of social partnership relations on the territory of Belarus are highlighted, starting with the abolition of serfdom and ending with the collapse of the USSR.

Keywords: social partnership, collective agreement, trade union, collective labor disputes, labor collective.

Предпосылки становления системы социально-партнерских отношений в России, а также на значительной части белорусских земель кроются в специфике развития капиталистического производства. Так, отмена крепостного права стала важным движущим фактором миграции сельского населения в город, способствовала широкому распространению наемного труда. Благодаря продолжающемуся процессу накопления капитала начали появляться казенные заводы и частные фабричные производства, а развитие производственных отношений привело к формированию классов буржуазии и пролетариата [1].

Основным источником дохода класса буржуазии являлось безвозмездное присвоение прибавочной стоимости, производимой трудом наемных работников сверх стоимости рабочей силы. Погоня за прибылью привела к анархии производства, экономическим кризисам, жесткой эксплуатации рабочих, что вызывало многочисленные забастовки, стачки и приводило к объединению рабочих для защиты своих интересов. Так, в 1894 г. на территории Беларуси создан первый профсоюз щетинщиков, на отдельных предприятиях в 1901–1902 гг. возникали стачечные комитеты, заводские комиссии, цеховые сходы и т. п. Несмотря на то, что данные объединения действовали вне закона,

они стали предшественниками массовых профессиональных союзов [2, с. 166–170].

Легализация профсоюзов произошла с принятием Временных правил об обществах и союзах, утвержденных царским Указом 4 марта 1906 г. Указ имел пандектную структуру и условно включал два раздела: общую и особенную части. Традиционно в общей части устанавливались общие правила организации и деятельности обществ и союзов общего типа, а в особенной — конкретизировались особенности создания и деятельности профессиональных обществ для отдельных сфер производственной деятельности: лиц, занятых на торговых и промышленных предприятиях, владельцев предприятий. Пунктом 1 раздела 2 Указа нормативно закреплялась цель профессиональных обществ — выявление и согласование экономических интересов работников и нанимателей, улучшение условий труда членов данных обществ (в отношении работников), повышение производительности предприятий (для собственников предприятий) [3]. Отметим, что объем прав профессиональных организаций был гораздо меньше в сравнении с другими обществами и союзами. Образование профессиональной организации требовало обязательной регистрации с предоставлением устава в специально созданные губернские или городские по делам об обществах присутствия. Профсоюзам запрещалось объединяться и организовывать стачки. Кроме того, охват предприятий, на который распространяли свое действие указанные правила, был достаточно узким, что естественным образом препятствовало защите экономических и иных интересов работников многих отраслей.

Царским указом 4 марта 1906 г. за предпринимателями закреплялось право создавать общественные объединения, в том числе и работодательские. Как отмечает И. Н. Шапкин, всю деятельность союзов работодателей можно было разделить на три направления: 1) борьба со стачечным движением; 2) формирование и регулирование рынка труда; 3) работа в области рабочего законодательства [4, с. 546].

В рассматриваемый период союзы предпринимателей являлись базой для создания политических организаций. После Октябрьской революции они прекратили свою деятельность. В советский период необходимости в их существовании не было, а новый виток своего развития объединения нанимателей получили во время становления Республики Беларусь как самостоятельного государства в качестве стороны социально-партнерских отношений.

С принятием в 1903 г. Закона Российской империи «Об учреждении старост в промышленных предприятиях» была предпринята первая попытка учредить представительство работников [5]. Г. В. Балицкий указывал, что причины появления данного закона заключались в том, что «с одной стороны,

работодатели и власти были вынуждены вести переговоры с беспорядочной и недисциплинированной толпой, с другой стороны — рабочие, не имея права действовать скопом, лишены были возможности законным образом заявлять о своих общих интересах» [6, с. 92]. Поскольку при возникновении беспорядков на почве экономических вопросов выдвигались наиболее «беспокойные» (инициативные) личности, то необходимо было оградить рабочих от их влияния, а потому право на утверждение старост и их отстранение на основании норм закона закреплялось за работодателем. Таким образом, несмотря на достаточно прогрессивную идею, заложенную в указанном законе, реальной возможности защиты своих законных интересов работники не получили. Принятие Устава о промышленном труде 1913 г. ситуацию не изменило. В его нормах был закреплен прежний порядок избрания старост: «В предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности, подведомственных Губернским или Областным присутствиям по фабричным и горнозаводским делам, фабричные, заводские и промысловые управления, с разрешения названных Присутствий, имеют право, по предварительном распределении рабочих заведения или промысла на разряды, предоставлять этим разрядам избирать из своей среды кандидатов в старосты. Из числа избранных по каждому разряду кандидатов управление предприятия утверждает одного старостою данного разряда» [7, ст. 202].

Принятие подобных актов законодательства приводило к обострению противостояния рабочих и предпринимателей. Для того чтобы избежать острых конфликтов и не снижать собственную прибыль, отдельные работодатели пытались достигнуть договоренности с рабочими и стали прибегать к заключению коллективных договоров.

Так, по мнению А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой, заключению первых коллективных договоров в России предшествовало проведение в декабре 1904 г. крупной бакинской забастовки работниками каспийских нефтяных приисков. В результате было заключено соглашение, получившее название «мазутная конституция». Несмотря на то, что значение этого прецедента было велико, практика заключения коллективных договоров осталась местной и ограниченной по времени [8, с. 231].

На территории Беларуси первые коллективные договоры стали появляться в первом десятилетии XX в. в результате достижения соглашений рабочих с фабрикантами [9, с. 34–35]. Следует отметить отсутствие юридической силы у коллективных договоров того исторического периода, и при наличии спорных ситуаций они не были обеспечены правовой защитой.

Практика заключения коллективных договоров получила правовое регулирование лишь с принятием в 1918 г. Кодекса законов о труде (далее —

КЗоТ) [10] и Положения о порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда [11]. Согласно данным нормативным правовым актам, повысился статус коллективных договоров в регулировании отношений в сфере труда: они получили нормативный характер, установлены требования к содержанию коллективных договоров, необходимость их обязательной регистрации в соответствующих комиссариатах труда. Несмотря на отсутствие норм, устанавливающих право на ведение коллективных переговоров или заключение соглашений выше уровня предприятия, можно говорить о закреплении в советском законодательстве отдельных элементов социального партнерства в сфере труда.

Кроме того, Положение о порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда, стало основой зарождения правового регулирования разрешения трудовых конфликтов. Согласно нормам указанного положения, в случае если предприниматели отказывались от заключения коллективного договора или при невозможности достижения консенсуса при переговорах, союзы рабочих или служащих получили право вносить разработанный ими проект договора в местный орган труда или Народный комиссариат труда, который имел право утвердить, изменить или отклонить договор [11].

Следует отметить, что в КЗоТ 1918 г. специальный раздел, посвященный рассмотрению трудовых конфликтов, отсутствовал, однако эти вопросы регулировались в его отдельных статьях [10].

Усиление централизации регулирования отношений в сфере труда в период военного коммунизма привело к тому, что коллективные договоры перестали заключаться, а регулирование труда осуществлялось под жестким государственным контролем.

С 1922 г. советское коллективно-договорное регулирование получило новый импульс. Так, КЗоТ РСФСР 1922 г. (применялся на территории БССР до 1929 г.) включал отдельную главу, посвященную коллективным договорам [12]. Нормами указанной главы закреплялось определение понятия «коллективный договор», выделялись виды коллективных договоров (генеральные и локальные), определялся правовой статус профсоюза как единственного представителя трудящихся, предмет и направления их деятельности, а также указывалась возможность разрешения споров по заключению, выполнению, толкованию и изменению коллективных договоров или тарифных соглашений на основании действующего законодательства.

Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР «Положение о примирительных камерах и третейских судах» от 23 марта 1923 г. [13] закреплялся состав примирительных камер и третейских судов, а также порядок принятия

решения по спору и его исполнение. Примириательные камеры образовывались на паритетных началах из непосредственных представителей самих спорящих сторон. Председатель камеры назначался соответствующим органом Народного Комиссариата Труда. Председатель не имел решающего голоса, но содействовал выработке примириательных предложений. При недостижении соглашения в примириательной камере спор по соглашению сторон мог быть передан для разрешения в третейский суд.

Следует отметить, что КЗоТ РСФСР 1922 г. и Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР «Положение о примириательных камерах и третейских судах» была заложена нормативная основа порядка разрешения коллективных трудовых конфликтов через механизм их мирного урегулирования с участием спорящих сторон [12; 13].

Со становлением административно-командной системы управления значение коллективно-договорного метода регулирования трудовых и связанных с ними отношений с конца 20-х гг. XX в. резко снизилось, уступив позиции методу государственного нормирования. В период с 1935 по 1947 г. коллективные договоры не заключались, была упразднена система примириательно-третейских органов. Профсоюзы в это время фактически стали частью системы бюрократической государственной машины, они были полностью подконтрольны Коммунистической партии Советского Союза и администрациям, являлись звеном в системе государственного и хозяйственного управления, реализуя функцию социального обеспечения трудящихся [14, с. 96].

В послевоенные годы вплоть до 1966 г., несмотря на возобновление коллективно-договорного регулирования трудовых и связанных с ними отношений, характер самого коллективного договора существенно изменился. В нем вместо принципов и норм права стали закрепляться обязанности по выполнению государственного плана. Коллективный договор стал носить, скорее, идеологический, чем юридический характер [15, л. 29].

С принятием 6 марта 1966 г. совместного постановления Совета Министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов «О заключении коллективных договоров на предприятиях и в организациях» сместились приоритеты государственного регулирования в сторону повышения участия работников в коллективно-договорном процессе. Положения указанного постановления практически без изменений были перенесены в главу 2 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде в 1970 г., вступивших в силу 1 января 1971 г., вслед за которыми Верховным Советом БССР был принят КЗоТ Белорусской ССР от 23 июня 1972 г., который вступил в силу 1 октября 1972 г. [16].

Принятие данных нормативных правовых актов способствовало развитию прямой формы представительства работников — общего собрания трудового коллектива. В ч. 1 ст. 231 КЗоТ БССР 1972 г. за работниками признавалось право участвовать в управлении производством не только через профсоюзы и иные общественные организации, но и через органы народного контроля, общие собрания, производственные совещания, конференции и различные формы общественной самоорганизации работников. Согласно ч. 3 ст. 7 КЗоТ БССР 1972 г., заключению коллективного договора предшествует обсуждение и одобрение его проекта на общем собрании (конференции) работников. Несмотря на то, что трудовой коллектив на законодательном уровне признавался самостоятельным субъектом права, отсутствие правового механизма реализации его полномочий делало его существование формальным.

В 1983 г. принимается специальный Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятием, организацией, учреждением» [17].

Несмотря на то, что указанным Законом за трудовыми коллективами закреплялось порядка ста полномочий, большая часть из них носила совещательный характер, что означало возможность игнорирования мнения трудового коллектива со стороны администрации. Кроме того, трудовой коллектив не имел постоянно действующего органа, который бы обеспечивал реализацию прав трудового коллектива. Все это в совокупности снижало эффективность данного закона [8, с. 294].

Попыткой исправить ситуацию стало принятие в 1987 г. Закона «О государственном предприятии» и внесение в 1988 г. в КЗоТ БССР 1972 г. существенных изменений и дополнений. В частности, была введена в действие новая глава «Трудовой коллектив», в основу которой легла идея самоуправления трудового коллектива. Трудовой коллектив определялся как полноправный хозяин на предприятии, самостоятельно решающий все вопросы производственного и социального развития. Фактически это породило двойную диархию, когда властные полномочия в производственной сфере принадлежали двум руководящим органам — администрации предприятия и совету трудового коллектива, а в социальной сфере — профсоюзам и совету трудового коллектива. Подобная ситуация показала несостоятельность теории самоуправления трудового коллектива, как ранее теории «участия трудового коллектива в управлении предприятием», что в конечном счете привело к исключению трудового коллектива из состава субъектов отношений, тесно связанных с трудовыми.

В конце 80-х гг. XX в. происходят определенные изменения в коллективно-договорной практике. 27 ноября 1987 г. принимается постановление Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и Государственного

комитета по труду СССР «Общее положение о порядке заключения коллективных договоров» [18]. В соответствии с указанным постановлением, коллективный договор определял порядок взаимодействия администрации и трудящихся в области экономического и социального развития трудовых коллективов и являлся важной формой социалистического самоуправления на предприятии (в объединении). Структура и содержание коллективного договора разрабатывалась трудовым коллективом, администрацией и профсоюзным комитетом, исходя из сочетания интересов государства, коллектива и каждого работника, задач ускорения социально-экономического развития, внедрения полного хозяйственного расчета и самофинансирования. Данным нормативным правовым актом отменялась регистрация коллективных договоров, что означало уменьшение вмешательства государства в деятельность профсоюзов.

Вместе с тем затяжной экономический кризис в стране привел к значительному ухудшению положения трудящихся, что в конце 1980-х гг. вызвало волну массовых стихийных выступлений рабочих. Забастовки нередко носили острый и длительный характер. Требования варьировались от экономических требований до социально-экономических и политических. Был развеян миф о бесконфликтности советского общества [19, с. 32].

Ситуация требовала немедленного разрешения, поэтому в 1989 г. был принят Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [20], который стал своеобразным трамплином для восстановления системы урегулирования коллективных трудовых споров. В качестве обязательных стадий разрешения коллективных трудовых споров данным законом закреплялись примирительная комиссия и трудовой арбитраж. Забастовка признавалась крайней мерой разрешения коллективного трудового спора (конфликта).

После распада СССР и провозглашения независимости Беларуси начался новый период развития всей правовой системы, а вместе с ней и трудового законодательства. Реформы привели «к уничтожению системы исключительно государственного регулирования трудовых отношений» и положили начало развитию современной системы социально-партнерских отношений.

Таким образом, анализ предпосылок формирования социального партнерства как способа взаимодействия работников и нанимателей позволил выявить следующие этапы развития данного правового института:

1. Возникновение нелегальных объединений рабочих для защиты трудовых прав (стачечные комитеты, заводские комиссии, цеховые сходы и т. п.); легализация профсоюзов, создание общественных объединений, зарождение коллективно-договорных отношений.

2. Закрепление правовых основ порядка заключения коллективных договоров; определение правового статуса представителей трудящихся, зарождение нормативной основы порядка разрешения коллективных трудовых конфликтов.

3. Уменьшение вмешательства государства в деятельность профсоюзов, усиление коллективно-договорных начал, законодательное закрепление порядка разрешения коллективных трудовых споров.

1. Делегеоз Е. Г. Социальное партнерство в России: исторические основы становления и развития [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-v-rossii-istoricheskie-osnovy-stanovleniya-i-razvitiya> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Давидюк П. Г. Профсоюзное движение: история, теория, практика. Минск : МИТСО, 1999. 269 с. [Вернуться к статье](#)

3. Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Шапкин И. Н. Организованный капитал и труд. Деятельность союзов работодателей России в начале XX в. // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, № 4. С. 531–555. [Вернуться к статье](#)

5. Об учреждении старост в промышленных предприятиях : Закон Российской империи от 10 июня 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. XXIII. Отд. 1. № 23122. С. 734. [Вернуться к статье](#)

6. Балицкий Г. В. Фабричное законодательство в России. М. : Труд и воля, 1906. 96 с. [Вернуться к статье](#)

7. Устав о промышленном труде (Св. Зак. т. XI ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597) [Электронный ресурс] / сост. В. В. Громан. URL: <http://elibrary.ru/nodes/82504-groman-v-v-ustav-o-promyshlennom-trude-sv-zak-t-xi-ch-2-izd-1913-g-stati-1-228-i-541-597-pg-1915#mode/inspect/page/8/zoom/4> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Лушникова М. В., Лушников А. М. Социальное партнерство в сфере труда : учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2008. 432 с. [Вернуться к статье](#)

9. Волк Е. А., Костевич К. С., Томашевский К. Л. Коллективные договоры и соглашения как источники современного трудового права: теория и практика. Минск : Амалфея, 2012. 292 с. [Вернуться к статье](#)

10. Кодекс законов о труде [Электронный ресурс] : от 10 дек. 1918 г. № 87–88. URL: https://vcpil.by/static/pdf/kodexy-BSSR/st_905_kodeks_zakonov_o_trude.pdf (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда (Положение) [Электронный ресурс] : Декрет Совета Нар. Комиссаров РСФСР от 2 июля 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

12. Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 г. : принят на IV сес. 9 нояб. 1922 г. : введ. в действие постановлением Всерос. Центр. Исполн. Ком. 15 нояб. 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. № 70. Ст. 903. [Вернуться к статье](#)

13. Положение о примирительных камерах и третейских судах : Декрет Совета Нар. Комиссаров от 23 марта 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. № 20-40. Отдел первый. М., Б. г. № 24. Ст. 287–288. [Вернуться к статье](#)

14. Кубрацких М. С. Эволюция профсоюзного движения в России: теоретический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2012. Вып. 26, № 19 (273). С. 95–98. [Вернуться к статье](#)

15. Филиппова Н. А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Рос. гос. ун-т правосудия. М., 2016. 222 л. [Вернуться к статье](#)

16. Об утверждении Кодекса законов о труде Белорусской ССР [Электронный ресурс] : Закон Белорус. ССР, 23 июня 1972 г. URL: https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/n_18_1972_1.pdf (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

17. О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями [Электронный ресурс] : Закон Союза Советских Социалистических Республик, 17 июня 1983 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11617.htm (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

18. Общее положение о порядке заключения коллективных договоров. Постановление. Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам (Госкомтруд СССР). 27.11.87 [Электронный ресурс] // ООО «АМЦ» : [сайт]. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33666.html (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

19. Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность / под науч. ред. А. С. Запесоцкого. СПб. : СПбГУП, 2017. 120 с. [Вернуться к статье](#)

20. О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов) [Электронный ресурс] : Закон СССР, 9 окт. 1989 г., № 580-I. URL: <https://base.garant.ru/5139304/> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.5

**ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ЗИГЕЛЬ:
ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКОГО ПРАВА**

А. Д. Солонченко

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена,
соискатель кафедры теории права и гражданско-правового образования

Аннотация. *Статья посвящена научному наследию видного правоведа Российской империи — историка славянских законодательств Федора Федоровича Зигеля (1845–1921). Историю славянского права Ф. Ф. Зигель рассматривал как часть исторического развития славянских народов, неразрывно связанную с их политической, экономической и религиозной историей, как отражение их правовой культуры. Ф. Ф. Зигель заложил основу юридической славистики, выделил закономерности государственно-правового развития славянских народов, выявил особенности правовой культуры славянских народов.*

Ключевые слова: *юридическая наука, история славянских законодательств, Ф. Ф. Зигель, Императорский Варшавский университет, Донской университет.*

Annotation. *The article is devoted to the scientific heritage of a prominent legal scholar of the Russian Empire – historian of Slavic legislation Fyodor Fyodorovich Ziegel (1845–1921). F. F. Ziegel considered the history of Slavic law as part of the historical development of the Slavic peoples, inextricably linked with their political, economic and religious history, as a reflection of their legal culture. F. F. Ziegel laid the foundation for legal Slavic studies, identified the patterns of state and legal development of the Slavic peoples, and revealed the features of the legal culture of the Slavic peoples.*

Keywords: *legal science, history of Slavic legislation, F. F. Ziegel, Imperial Warsaw University, Donskoy University.*

История мысли о праве и государстве в современных условиях превращается в важную детерминанту формирования национальной правовой культуры и фактор разрешения международных конфликтов. Ретроспективный анализ политико-правовой мысли остается в центре внимания исследователей [1; 2; 3; 4].

Становление и развитие русской юриспруденции в XVIII – первой половине XIX в. было связано с освоением достижений западной правовой традиции. Расцвет юридического образования и самобытности отечественной юридической науки наступил во второй половине XIX в. В этот период список императорских университетов дополнился Новороссийским (1864), Варшавским (1869) и Томским (1888) университетами. Благодаря единому Уставу

университетов, утвержденному в 1863 г. императором Александром II, стали появляться новые кафедры, в том числе кафедры истории славянских законодательств [5, с. 257]. В 1884 г. кафедры истории славянских законодательств за неимением специалистов (магистров и докторов) были упразднены во всех российских университетах, кроме одного — Императорского Варшавского университета, который с 1869 г. функционировал по своему Уставу. В 1873 г. в стенах Варшавского университета и началась карьера единственного в Российской империи историка славянского права Фёдора Фёдоровича Зигеля (1845–1921).

Здесь представляется важным вспомнить, что в российской науке вплоть до начала XIX в. отсутствовало научное обобщение и систематизация знаний о славянской истории, поэтому говорить о сколько-нибудь серьезной разработке проблемы древнеславянской правовой культуры в этот период не представлялось возможным. Свое новое качество развитие университетского славяноведения в России получило лишь в 1840-х гг. благодаря вкладу первого поколения ученых-славистов: О. М. Бодянского, М. Т. Каченовского, П. И. Прейса, И. И. Срезневского, А. Л. Дювернуа, А. Ф. Гильфердинга, Н. А. Попова [6, с. 94–110]. В Петербурге широкий отклик в академической среде получили идеи «славянского единства под эгидой России и Православия» выдающегося исследователя славянских языков и литературы, историка Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). К концу XIX в. научный центр изучения истории и духовной жизни славян постепенно переместился из Москвы в Санкт-Петербург. Славистические кафедры российских университетов в это время заняли ученики В. И. Ламанского — И. С. Пальмов, А. С. Будилович, К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, Н. В. Ястребов. Одним из них стал и Ф. Ф. Зигель.

Немец по происхождению, Ф. Ф. Зигель, родился в семье врача 22 ноября 1845 г. в Новгородской губернии Боровического уезда. Образование получил в школе Святой Анны, основанной в Петербурге для детей немецких поселенцев. Завершив в 1867 г. обучение на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, Ф. Ф. Зигель был оставлен его стипендиатом для приготовления к испытанию на степень магистра гражданского права и к последующей профессорской деятельности [5, с. 260].

В 1872 г. молодой ученый защитил магистерскую диссертацию, которая была посвящена сборнику законов средневековой Сербии, составленному и принятому в 1349 г. по инициативе царя Стефана Душана. Диссертация «Законник Стефана Душана» представляет собой монографическое исследование, подробно раскрывающее свод административных, церковных, гражданских, уголовных и процессуальных норм, заимствованных из судебных византий-

ского феодального права. В предисловии диссертации автор подчеркнул: «При этих исследованиях [Законника и его законодателя] я весьма часто делал сравнения с русскими, чешскими, польскими, хорватскими и болгарскими актами, так как, по моему мнению, не одно из славянских законодательств не может быть изучено отдельно» [7].

Сравнительно-исторический метод стал основным методом исследования историка славянского права, являющегося представителем позитивистской методологии [8, с. 160–161]. Такой новый для российских ученых подход позволял историку выявлять сходства права родственных славянских народов. Как справедливо подчеркивает Л. П. Лаптева, Ф. Ф. Зигель принадлежал к числу наиболее передовых ученых, учитывающих новые концепции науки [5, с. 269].

С 1873 г. Ф. Ф. Зигель читал лекции в Императорском Варшавском университете по различным отраслям юридической науки: истории славянских законодательств, энциклопедии права, истории русского права, истории римского права [9, с. 3–6].

Историю славянских законодательств в своей программе лекций, составленной еще на начальном педагогическом пути, профессор разделял на два периода:

1) время правового быта славян до принятия ими христианства (примерно до X в. н. э.);

2) существование отдельных самостоятельных государств у славян.

Освещение первого периода сопровождалось изложением общих сведений о древних славянах, их местожительстве, характере занятий, семейном быте. Ф. Ф. Зигель охарактеризовал общественный быт, мировоззренческую картину ценностей славян дохристианского периода, их древнейшие представления о праве и законах; уделил внимание факторам принятия христианства и внешней опасности, которые привели к расколу единства славянских народов и к образованию славянских государств [5, с. 262].

Характеристика второго периода истории славянских законодательств построена с учетом развития национальных правовых культур и создания правовых памятников. Ф. Ф. Зигель исследует юридические памятники Чехии — правовые акты 1272–1627 гг.; юридические памятники Польши со времени обычного польского права XIII в. до 1778 г.; законодательство хорватских сеймов, статуты сельских и городских общин Винодола, Загреба, Полицы — источники хорватского права, а также памятники сербского права — Хрисовулы и «Законник Стефана Душана» [5, с. 262–263].

Читая лекции для студентов юридического факультета Императорского Варшавского университета, Ф. Ф. Зигель продолжал изучать историю славянского права, совершенствуя и дополняя свою учебную программу. Так как

самостоятельная государственная жизнь чехов и поляков, в отличие от болгар, сербов и хорватов, продолжалась довольно долго [10], подчеркивал Зигель во введении к «Курсу истории славянских законодательств» (1888/1889 учебный год), то неслучайным было его внимание к исследованию именно чешского и польского права, а также к общим закономерностям государственно-правового развития славянских народов.

Отдельного внимания заслуживает периодизация славянского права Ф. Ф. Зигеля. В курсе по истории чешского права первый этап (с середины X до середины XIII в.) ознаменован господством обычного права и борьбой древнеславянских идеалов о народоправстве, личной свободе народа с романо-германскими правовыми идеями. Модель управления в Чехии уже во второй половине XIII в. напоминала государственное устройство Германской империи. В рамках второго периода (XIII–XV вв.) возникает уникальное по своей сущности гуситское движение против интенсивности немецкого влияния в Чехии; немецкое право теряет влияние из-за гуситских войн. Третий период (1434–1626) ознаменован тем, что иноземные права получили «чешскую окраску». С приходом на престол Фердинанда II началась борьба светской и духовной власти за первенство в государстве. В 1627 г. было издано «Обновленное земское уложение», которое усилило римское влияние в Чехии [11].

В курсе по истории права Польши, просуществовавшей еще более 150 лет после падения Чехии, Ф. Ф. Зигель также выделяет три ключевых периода с момента образования Польского государства в X в. В хронологических рамках первого периода (с X в. по 1300 г.) происходит борьба двух противоположных мировоззрений: старославянского и христианского. Второй период (1300–1505) ознаменован появлением юридических норм. Третий период (1505–1795) определяется преобладанием в праве светских начал. После третьего раздела Польши (3 января 1795 г.) между Пруссией, монархией Габсбургов и Российской империей каждое из государств вводит свои правовые порядки [12].

Ценность университетской работы Ф. Ф. Зигеля заключалась прежде всего в том, что он стремился к совершенствованию высшего образования в России и методики преподавания права. В 1893 г. ученый-славист, находясь в должности заслуженного профессора Императорского Варшавского университета, был командирован в Соединенные Штаты Америки. Для изучения методов преподавания права за рубежом профессора командировали в Германию, Францию, Англию, Италию, Испанию, в страны Восточной Европы. В 1900 г. профессор, находясь уже в должности декана Императорского Варшавского университета, был приглашен в Оксфордский университет для чтения лекций об источниках славянского права. Первая лекция из пяти прочитанных на английском языке была посвящена Болгарии и Сербии, вторая лекция — России,

третья — Чехии [13]. Четвертая и пятая лекции были посвящены Польше и Хорватии. С лекциями о славянском праве Ф. Ф. Зигель выступал в Париже. Историк славянского права был почетным членом Чешской Академии наук и Чешского Исторического Общества [14, с. 1074].

Научное наследие профессора Ф. Ф. Зигеля включает в себя монографии, большое число рецензий, научных статей по различным вопросам истории права и современным ему юридическим проблемам. Крупной работой ученого является труд по истории славянских законодательств, состоящий из двух частей: «История чешского права» (часть I) и «История польского права» (часть II). Среди наиболее важных научных трудов «Очерк чешского процесса в верховном земском суде» (1880), «Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше» (1884), «История права» (1886), «Общественное значение деятельности Кирилла и Мефодия» (1885), «Об ученой деятельности Р. М. Губе» (1891), «Периодизация славянского права» (1905) [14, с. 1074].

Научный подход Ф. Ф. Зигеля отличался от позиции многих крупных русских историков-славистов, в том числе от позиции его наставника — В. И. Ламанского. В 1903 г. в Петербурге на съезде русских филологов разгорелась дискуссия из-за исторической части проекта славянской энциклопедии, составленного Отделением русского языка и словесности Российской академии наук. Ф. Ф. Зигель в противовес точке зрения о том, что славянский мир следует рассматривать как «единый организм» (подобно германо-романскому миру), предложил свою программу освещения истории отдельных славянских государств, основанную не на расовом принципе, а на государственном. К первой группе он отнес государства православия: Болгарское государство (до XVIII в.), Сербское государство (до конца XVIII в.) и Россию (период отдельных княжеств, Московское и Литовское княжества, Российская империя), во вторую группу — католические государства: Чешское государство (до конца XVIII в.), Польское государство (до 1795 г.), Хорватское государство (до конца XVIII в.). Ф. Ф. Зигель предлагал осветить историю славянского возрождения и дальнейшую судьбу славянства до XX в., историю славянских государств: России, Сербии, Болгарии, Черногории. Второй отдел исторической части проекта славянской энциклопедии, по мнению Ф. Ф. Зигеля, должен быть дополнен освещением славянства прибалтийского и словенцев. В четвертый отдел ученый предложил включить два отдела: историю церкви и историю славянского права [5, с. 271–272].

В беспокойный для Варшавы 1915 год преподаватели, студенты с оборудованием, частью библиотеки русского Императорского Варшавского университета перебрались в Ростов-на-Дону. После революции был учрежден Донской

университет, в котором и продолжил свою деятельность Императорский Варшавский университет с прежним профессорским составом [14, с. 1072].

1917 год стал переломным для всех университетов. Прежние юридические факультеты были закрыты; исчезло многообразие научных подходов в области юриспруденции; славяноведение было признано отжившей наукой империалистической буржуазии, не соответствующей единой марксистско-ленинской идеологии. До прихода большевиков в январе 1920 г. академические традиции университетского преподавания были сохранены. Занимая пост декана юридического факультета, Ф. Ф. Зигель продолжал читать лекции по истории славянских законодательств. Он поддерживал сохранение «добавочных» юридических предметов, которые являлись «могучими средствами к расширению кругозора юриста»: судебной медицины, судебной психиатрии, русской и всеобщей истории, психологии, логики [5, с. 258].

Летом 1920 г. на смену юридическому факультету Донского университета пришел факультет общественных наук, имевший в своем составе правовое отделение. В этот период были арестованы и впоследствии приговорены к расстрелу коллеги Ф. Ф. Зигеля — И. А. Малиновский и П. В. Верховской. 8 февраля 1921 г. оборвался жизненный путь специалиста по истории славянского права, автора свыше 80 научных работ на русском, французском, немецком, английском, чешском, польском и других языках. В. В. Есипов в статье, посвященной памяти Ф. Ф. Зигеля, написал: «Верный идее долга, он и заболел на посту, и больной продолжал чтение лекций до последней возможности...» [9, с. 6].

Таким образом, Ф. Ф. Зигель являлся основателем и единственным представителем в России новой отрасли юридической науки — истории славянского права. Сравнительно-исторический метод исследования стал основным научным инструментом ученого. Историю славянского права Ф. Ф. Зигель рассматривал как часть исторического развития славянских народов, неразрывно связанную с их политической, экономической и религиозной историей. В XIX–XX вв. благодаря педагогической и научной деятельности профессора была заложена основа юридической славистики, позволяющей выделить закономерности государственно-правового развития славянских народов. Имя Ф. Ф. Зигеля, внесшего значительный вклад не только в российскую, но и в мировую правовую мысль, не должно быть предано забвению.

1. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49. [Вернуться к статье](#)

2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. [Вернуться к статье](#)
3. Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2024. № 1 (101). С. 34–50. [Вернуться к статье](#)
4. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека — проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)
5. Лаптева Л. П. Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля (1845–1921) // История и историки: историогр. вестн. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2007. С. 257–303. [Вернуться к статье](#)
6. Лаптева Л. П. Университетское славяноведение в России за первое столетие его существования (1835–1935) // Славянский альманах. 2011. № 2010. С. 94–110. [Вернуться к статье](#)
7. Зигель Ф. Ф. Законник Стефана Душана / печ. иждивением Имп. С.-Петерб. ун-та. Вып. 1. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1872. 152 с. [Вернуться к статье](#)
8. Славяноведение в дореволюционной России : биобиблиогр. словарь / [редкол.: В. А. Дьяков (отв. ред.) и др.]. М. : Наука, 1979. 429 с. [Вернуться к статье](#)
9. Есипов В. В. Старейший русский ученый профессор Ф. Ф. Зигель. Очерк его трудовой и научной деятельности // Изв. Северо-Кавказ. гос. ун-та. 1926. Т. 8. С. 3–6. [Вернуться к статье](#)
10. Зигель Ф. Ф. История славянских законодательств. Чешское право : курс лекций. 1888/9 ак. год. Варшава : Литография. 325 с. [Вернуться к статье](#)
11. Зигель Ф. Ф. История чешского права: курс, читанный для студентов I и II курса Варшавского университета 1909–1910 г. Курс ред. студента Л. А. Годяева. Варшава : Тип. варшав. учеб. округа, 1910. 200 с. [Вернуться к статье](#)
12. Зигель Ф. Ф. История польского права: курс, читанный для студентов I и II курса Варшавского университета 1909–1910 г. Курс ред. студента Н. М. Гутковского. Варшава : Типогр. варшав. учеб. округа, 1910. 95 с. [Вернуться к статье](#)
13. Lectures on Slavonic Law. Oxford : Oxford University Press, 1902. 152 p. [Вернуться к статье](#)
14. Краковский К. П. История права и государства на юридическом факультете «Варшавского-Ростовского» университета (1869–2018 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.) : сб. ст. Екатеринбург, 2019. Т. 1. Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования. С. 1072–1108. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.82(476)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В АРЕСТАНТСКИХ РОТАХ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА

С. Н. Чайкин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат исторических наук

Аннотация. На основе изучения нормативных правовых актов исследуется порядок отбывания наказания в первой половине XIX в. в военизированных местах лишения свободы Российской империи — арестантских ротах инженерного военного ведомства. Определяются причины создания арестантских рот, порядок управления ими, исследуется режим отбывания наказания в арестантских ротах, материально-бытовое обеспечение заключенных, а также организация привлечения осужденных в арестантских ротах к труду. Оценивается значение деятельности арестантских рот инженерного военного ведомства для исправления осужденных и благоустройства городов.

Ключевые слова: Российская империя, места лишения свободы, арестантские роты, тюрьмы.

Annotation. Based on the study of regulatory legal acts, the order of serving a sentence in the first half of the 19th century in the militarized places of deprivation of liberty of the Russian Empire — the prisoner companies of the engineering military department is investigated. The reasons for the creation of prisoner companies, the order of their management are determined, the regime of serving a sentence in prisoner companies, the material and domestic provision of prisoners, as well as the organization of involving convicts in prisoner companies in work are studied. The significance of the activities of the prisoner companies of the engineering military department for the correction of convicts and the improvement of cities is assessed.

Keywords: the Russian Empire, the prison system, the prisoner companies, prisons.

Функционирование пенитенциарной системы любого государства, в том числе Республики Беларусь, является важнейшей составляющей правоохранительной деятельности. Значение деятельности мест лишения свободы состоит не только в предупреждении совершения осужденными новых преступлений, но и в исправлении осужденных, одним из средств достижения которого является привлечение их к труду. Отечественная пенитенциарная система имеет значительный исторический опыт такой деятельности, в том числе в период нахождения белорусских земель в составе Российской империи. С начала XIX в. в Российском государстве, включая и белорусские земли,

предпринимались меры по организации привлечения осужденных к труду, в том числе в местах лишения свободы, альтернативных тюрьмам, — в рабочих домах, исправительных арестантских ротах гражданского ведомства и арестантских ротах инженерного военного ведомства.

Причины создания арестантских рот инженерного военного ведомства были обусловлены кризисом феодально-крепостнической системы Российской империи, что привело, в свою очередь, к росту преступлений среди крестьян, в первую очередь — краж, а также увеличению количества бродяг — крестьян, бежавших от помещиков [1, с. 532]. Назначение указанным лицам отбывания наказания в тюрьмах не представлялось возможным в связи с недостаточным количеством самих тюремных замков, а также отсутствием средств для их комплектования — служащими тюремного ведомства и тюремными надзирателями. Направление же осужденных в ссылку увеличивало как расходы казны на их конвоирование, так и рост численности заключенных в местах ее отбывания до такой степени, что местные власти не могли качественно организовать надзор за ними.

Первые арестантские роты инженерного военного ведомства были созданы по распоряжению императора Александра I от 3 июня 1823 г. в крепостях Динабурге и Бобруйске для отбывания наказания совершившими преступления военнослужащими. Инициатором создания указанных мест лишения свободы стали министр внутренних дел граф Д. Н. Блудов и будущий император, а в то время — инспектор по инженерной части великий князь Николай Павлович [2]. До конца 1820-х гг. было создано более двадцати арестантских рот, в том числе в Брест-Литовске, действовавших на основании определяемого для каждой роты «Положения». Унифицировался порядок отбывания наказания во всех арестантских ротах Российской империи изданным 21 февраля 1834 г. «Положением об арестантских ротах инженерного ведомства», на основании которого по Российской империи определялся перечень из 43 арестантских рот военного ведомства наполняемость от 150 до 225 заключенных, размещавшихся в крепостях [3, с. 676].

В соответствии с указанным «Положением», в арестантские роты инженерного ведомства в первую очередь направлялись нижние военные чины (рядовые и унтер-офицеры), осужденные за «маловажные» (не представляющие большой общественной опасности) преступления, «для их исправления», а также офицеры, совершившие преступления, за которые определялось наказание в виде работ в крепостях либо в виде ссылки, лишенные званий и чинов по приговору суда. Кроме военнослужащих, в арестантские роты направлялись и гражданские лица, совершившие преступления, за которые определялось наказание в виде ссылки на определенный срок либо бессрочно, а также лица,

не совершавшие преступлений, но задержанные за бродяжничество [3, с. 677, 679].

Особенность назначения наказания в виде направления в арестантские роты инженерного ведомства заключалась в возможности его назначения только в отношении лиц, «не имеющих телесных недостатков, кои препятствуют поднимать и передвигать тяжести, и работать инструментами, употребляемыми при крепостных работах», для чего обвиняемые перед вынесением приговора подлежали соответствующему освидетельствованию [2, с. 6].

По прибытии в арестантские роты заключенные распределялись по трем «разрядам». К «первому разряду» относились преступники из числа как военнослужащих, так и гражданских лиц, осужденные на определенный срок, ко «второму разряду» — лица, задержанные за бродяжничество, «не имевшие письменных видов». В «третий разряд» определялись гражданские лица, которым наказание в виде бессрочной ссылки заменялось на направление в арестантские роты. Такие лица направлялись в арестантские роты «на работы навсегда» и, соответственно, именовались «всегдашними арестантами» [3, с. 678].

Общее руководство арестантской ротой (в том числе материально-бытовое обеспечение заключенных) возлагалось на крепостных комендантов, а непосредственное руководство «арестантскими работами» и обеспечение режима содержания заключенных — на плац-майоров и подчиненных им офицеров — «дежурных при ротах», основной задачей которых являлся надзор за заключенными при выполнении ими работ за пределами крепостей [3, с. 682]. Для качественного распределения заключенных на работы они размещались по соответствующим отделениям (землекопов, каменщиков, каменотесов, плотников), надзор за которыми осуществляли унтер-офицеры [2, с. 46].

Содержавшиеся в ротах заключенные обеспечивались вещевым имуществом по образцам, «утвержденным для каждого из трех разрядов арестантов». Для обеспечения в ротах надлежащего санитарного состояния заключенных предписывалось не более двух раз в месяц «посылать под надлежащим присмотром в баню». Заболевших заключенных предписывалось под конвоем содержать в ближайших воинских госпиталях либо полковых лазаретах и обеспечивать медикаментами и продовольствием «на тех же основаниях, как и нижних воинских чинов» [3, с. 678]. Для предотвращения совершения побегов «всегдашних арестантов» предписывалось постоянно содержать в кандалах. Заключенные других разрядов содержались без оков, но заковывались в кандалы в случае совершения осужденными из их отделений побега, «потому что они один за другого должны были ответственность» [2, с. 6]. Также в свободное от работы время заключенные должны были обучаться строевой подготовке —

«стойке и маршировке», однако «достижение того совершенства как от солдат» от них при этом не требовалось [2, с. 9].

Основным занятием заключенных в арестантских ротах, в соответствии с целью создания этих мест лишения свободы, являлось выполнение различных работ, в основном общественных, осуществляемых за пределами арестантских рот, заключающихся в ремонте и строительстве дорог и мостов, общественных зданий, мощении улиц, уборке улиц и площадей, осуществлении земляных и погрузочных работ. При этом не допускалось оставление в распоряжении арестантских рот на хозяйственных работах (в качестве уборщиков, истопников, кашеваров) заключенных, имевших профессиональные навыки — «знающих мастерства», а также привлечение осужденных к работам «кроме казенных», то есть в пользу частных лиц [3, с. 685]. На работы заключенных предписывалось выводить ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, запрещался также вывод на работы осужденных «во время выюг и сильных морозов зимой» [3, с. 682]. Заключенные работали под конвоем рядовых военнослужащих из расчета «один конвоир не более чем на 10 арестантов» [2, с. 8]. Конвоирам предоставлялось право стрелять в заключенных при попытках побега либо нападения на конвой. Контроль за осуществлением надзора за заключенными осуществляли унтер-офицеры [3, с. 682].

Стимулом правопослушного поведения и добросовестного отношения к труду являлась возможность для «всегдашних арестантов» перевода после десяти лет отбывания наказания «при благонадежном и хорошем поведении» в категорию «срочных арестантов», а после пяти лет отбывания наказания в этой категории — перевода их в военно-рабочие роты Инженерного корпуса, где они проходили военную службу на общих основаниях с рекрутированными солдатами. После 15 лет такой службы бывшие заключенные получали отставку. Что же касается «срочных арестантов», то в военно-рабочие роты они поступали либо после отбытия назначенного им судом наказания (совершившие преступления нижние воинские чины), либо после двух лет отбывания наказания (не совершавшие преступления лица, задержанные за бродяжничество) [2, с. 9].

В целом законодательное определение обязательности привлечения заключенных к труду и подчиненность арестантских рот военному ведомству обусловили в 1830–1860-х гг. достаточно эффективную организацию осуществления в них «арестантских работ». В то же время для осужденных к тюремному заключению «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» 1831 г. труд в качестве обязательного определен не был и, по свидетельству современников, «в камерах арестантов можно было найти удивительное разнообразие занятий, кроме производительного и полезного труда» [4, с. 57]. Не позволяла

организовать надлежащее привлечение осужденных к труду в тюрьмах и рабочих домах, особенно выполнение заключенными «внешних работ», и недостаточная штатная численность тюремных надзирателей и служащих Приказа общественного призрения.

Надлежащая организация «арестантского труда» в арестантских ротах военного ведомства положительно влияла как на исправление самих заключенных, так и на общественную жизнь в городах (в связи с выполнением заключенными работ по благоустройству мест общего пользования, развитию транспортной инфраструктуры, строительству общественных зданий и т. д.). Показателем эффективности использования «арестантского труда» в арестантских ротах военного ведомства стало увеличение их числа к началу 1840-х гг. с 43 до 55 с увеличением численности содержащихся в них заключенных (например, в Бобруйской арестантской роте к середине 1860-х гг. содержалось 1 363 человека) [4, с. 301]. По образцу арестантских рот военного ведомства 11 октября 1827 г. Положением Комитета министров в Российской империи учреждались исправительные арестантские роты гражданского ведомства для привлечения в них к принудительным работам сроком до десяти лет совершивших преступления представителей непривилегированных сословий, «знающих мастерства» [5, с. 1020]. Сами же арестантские роты военного ведомства 16 мая 1867 г. были преобразованы в военно-исправительные роты с содержанием в них исключительно совершивших преступления нижних воинских чинов на срок до 6 лет [2, с. 24].

Таким образом, учреждение в Российской империи в начале XIX в. арестантских рот инженерного военного ведомства было вызвано ростом численности осужденных, обусловленным, в свою очередь, кризисом феодально-крепостнической системы. Значение создания указанных мест лишения свободы заключается в том, что они являлись местами заключения, предназначенными исключительно для привлечения как военнослужащих, так и гражданских лиц к общественно полезному труду. Законодательное определение необходимости наличия у осужденных к водворению в арестантские роты необходимых профессиональных данных, а также установление в ротах военной дисциплины в совокупности с определением надлежащей штатной численности военнослужащих арестантских рот позволили обеспечить эффективное привлечение осужденных в арестантских ротах инженерного ведомства к труду, что положительно влияло как на исправление заключенных, так и на благоустройство городской инфраструктуры. Опыт правового регулирования отбывания наказания в арестантских ротах инженерного военного ведомства был использован при реорганизации их во второй половине XIX в. в военно-исправительные роты, а в дальнейшем — в дисциплинарные батальоны.

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Госюриздат, 1961. Т. 2. 582 с. [Вернуться к статье](#)
2. Никитин В. Н. Быт военных арестантов в крепостях. СПб. : Изд-во Колесова и Михина, 1873. 528 с. [Вернуться к статье](#)
3. Положение об арестантских ротах инженерного ведомства : мнение Гос. совета, 21 февр. 1834 г., № 6584 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. СПб., 1840. Т. 9, отд. 2. С. 676–698. [Вернуться к статье](#)
4. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1872. 719 с. [Вернуться к статье](#)
5. Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства : мнение Гос. совета, 15 авг. 1845 г., № 19285 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. СПб., 1845. Т. 20, отд. 1. С. 1016–1027. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.923:343.9

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Д. В. Яковчик

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Аннотация. В статье рассмотрены первые попытки составления психологического портрета личности преступника. Рассмотрение исторического опыта позволяет детально проанализировать существовавшие ранее подходы и скорректировать ныне существующие, учесть тактические ошибки прошлого.

Ключевые слова: личность преступника, психологический портрет, раскрытие преступлений.

Annotation. The article examines the first attempts to compile a psychological portrait of a criminal's personality. Consideration of historical experience allows us to analyze in detail the previously existing approaches and correct the existing ones, taking into account the tactical mistakes of the past.

Keywords: criminal's personality, psychological profile, crime detection.

Человек и его особенности являются предметом изучения ряда наук. Не являются исключением и науки, прямо или косвенно ставящие перед собой задачи по противодействию преступлениям. С этой точки зрения особое внимание должно быть уделено изучению человека, без которого немислимо совершение преступлений, — преступника.

Какие качества влияют на преступное поведение личности и могут характеризовать человека как преступника? Попытка ответа на данный вопрос и является предметом современного изучения личности преступника. Обобщение исторического опыта позволило исследователям в данной области продолжить рассмотрение данного термина с точки зрения практической ориентированности для правоохранительных органов. Данное изучение осуществляется с целью определения эффективных методов, позволяющих предупредить либо минимизировать противоправные проявления личности, своевременно воздействовать на детерминанты преступности и преступного поведения и, как следствие, уменьшить число преступлений. Одним из основных практико-ориентированных элементов изучения личности преступника является составление его психологического портрета.

Изучение исторического опыта составления психологического портрета личности преступника представляет собой важный этап в развитии

криминологии, психологии и правоохранительной деятельности. Понимание мотивов, внутренних конфликтов и поведенческих паттернов преступников позволяет не только раскрывать преступления, но и предотвращать их, а также разрабатывать эффективные методы реабилитации и ресоциализации. Исторический контекст этого процесса помогает проследить, как менялись подходы к анализу личности преступника, какие методы доказали свою эффективность, а какие оказались ошибочными.

Актуальность рассмотрения исторического опыта заключается в том, что преступность как социальное явление всегда была связана с глубокими психологическими и социальными факторами. Составление психологического портрета преступника — это не только инструмент для раскрытия преступлений, но и способ понять природу девиантного поведения, его корни и последствия. Исторические примеры показывают, как общество пыталось объяснить преступность.

Психологический портрет личности — это психолого-криминалистический метод и результат познания криминального события, ориентированный на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности субъекта преступления, проявившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности, где лицо описывается в терминах его устойчивого психологического и гражданского состояния [1, с. 38].

Составление психологического портрета личности — это сложный процесс, который требует анализа множества факторов, включая биографические данные, поведенческие паттерны, мотивацию, эмоциональные реакции и социальный контекст.

Изучение личности преступника берет свое начало еще в древности. В то время личность преступника — результат религиозного и философского осмыслений. В первом случае преступник становится таковым ввиду врожденных причин (первородный грех, несовершенство людей, карма прошлых жизней) и дальнейшего неследования божественным предписаниям, а во втором — также ввиду врожденных от первоначала причин (восточная философия) и неправильного воспитания (философия Запада) [2, с. 65–67]. В Средневековье и в большей степени в эпоху Нового времени были выработаны новые суждения касательно природы личности преступника, а вместе с этим и способы его изучения. Одним из таковых и стало составление психологического портрета личности преступника.

В художественной литературе первая попытка создания психологического портрета принадлежит Эдгару Аллану По. В рассказе «Убийство на улице Морг» (1841) психологический портрет преступника представлен через призму

детективного расследования, которое проводит Огюст Дюпен. Это произведение считается одним из первых в жанре детектива, и в нем автор заложил основы психологического анализа преступника. Хотя сам преступник (орангутан) не является человеком, его действия и мотивы анализируются с точки зрения логики и поведения, что позволяет говорить о своеобразном «портрете» [3]. На основании преступлений можно выделить такие черты преступника, как иррациональность, жестокость, нелогичность действий, отсутствие мотивации.

Первой научной попыткой создания психологического портрета был психологический профиль А. Гитлера, выполненный Эрихом Фроммом по заказу американского правительства в 1941 г. Эрих Фромм, известный немецкий психоаналитик, философ и социальный психолог, в своих работах анализировал личность Адольфа Гитлера с точки зрения психоанализа и социальной психологии. Э. Фромм рассматривал А. Гитлера как пример «авторитарной личности» и «деструктивного нарциссизма». Основными выделяемыми чертами портрета стали авторитаризм, деструктивность, ненависть, нарциссизм, иррациональность, «создание вокруг себя мифологии» [4]. Портрет был создан на основе биографических сведений без использования анкетных или проективных методов и был устроен в стиле теории либидо, пусть Э. Фромм частично и отошел от стандартного эдипова комплекса.

Применительно к портретированию преступника первая попытка воссоздать его психологические черты принадлежит американскому психиатру Дж. Брюсселю (Брасселю) в 1957 г. по делу Д. Метески (так называемого в прессе сумасшедшего бомбиста). Д. Брюссель на основе анализа материалов уголовного дела сделал очень точное предположение о признаках виновного, допустив ошибку только в том, что преступник жил с двумя сестрами: «Грузный, средних лет, иностранного происхождения, римско-католического вероисповедания, одинокий, живущий с братом и сестрой» [1, с. 50]. Портрет оказался чрезвычайно полезным для выявления преступника. Можно предположить, что это обстоятельство сыграло свою роль в деле становления идеи психологического портрета как нового метода обеспечения розыска неизвестного преступника.

Говоря об отечественном опыте, первой (и вполне успешной) попыткой составления психологического портрета личности является разработка портрета преступника А. Чикатило. Составление психологического портрета неустановленного преступника основано на тщательном анализе материалов дела, свидетельских показаниях, данных осмотров мест происшествя. При расследовании был составлен следующий портрет:

«“Х” страдает грубым тяжким brutальным половым извращением. Сексуальное наслаждение у “Х” возникает в ситуации максимального

доминирования, полного господства над партнером, дающего “Х” ощущение абсолютной власти, могущества, право распоряжаться партнером как вещью, включая его мучения, жизнь и смерть; с большой долей достоверности можно утверждать, что основу этого полового извращения представляет садизм. Вероятностный портрет: рост 170 ± 10 см. Возраст — старший, в районе 45–50 лет, астенический или лептосомный тип сложения, который характеризуется узкой, плоской грудной клеткой, длинной шеей, тонкими и длинными конечностями, продолговатым лицом, бледной и тонкой кожей. Склонность к неврозам, пониженное кровяное давление, туберкулез, хронические заболевания желудочно-кишечного тракта и язвенные болезни, а также своеобразное сочетание психической ранимости с недостаточной эмоциональной отзывчивостью. Правда, физическая сила не обязательно выдающаяся, хотя у “Х” она выше средней...» [5, с. 24]. Составленный портрет был удивительно точен: его автор предугадал около 85 % психологических и социальных черт преступника.

Помимо изучения биографических данных, осмотра места происшествия, рассмотрения свидетельских показаний, внимание при составлении психологического портрета личности преступника должно уделяться также и психологическим особенностям человека. Анализ данных черт позволяет сузить уже имеющийся круг лиц. Психологический подход к составлению психологического портрета преступника представляет Е. Г. Самовичев. Лицо, составляющее портрет, должно задаться вопросом: «Почему реализованы те, а не иные выборы?» Ответ на этот вопрос и будет характеристикой личности преступника. Выбор же реализуется на основании тех или иных психологических особенностей: типа темперамента, характера, психотипа личности и т. д. Труд Е. Г. Самовичева сводился к составлению динамической модели личности при взаимодействии с различными элементами и признаками криминалистической характеристики преступления в виде «баз данных». Они представляют собой соотношение признаков события с признаками лица. Если при исследовании получается установить связь между отдельными элементами преступления, это будет свидетельствовать о принадлежности данного преступления к уже известной модели поведения преступника. То есть можно исключить элемент случайности выбора предмета и объекта посягательства, а также места, времени, способа, орудия, средств поведенческого акта [6, с. 139–140]. Если по психологическим чертам предполагаемый преступник подходит под среднее значение людей, совершающих аналогичное преступление, он должен считаться подозреваемым и далее.

Таким образом, рассмотрение исторического опыта составления психологического портрета личности преступника важно для понимания эволюции криминологической мысли, совершенствования методов работы

правоохранительных органов и формирования гуманного и эффективного подхода к борьбе с преступностью. Этот опыт помогает не только лучше понимать преступников, но и находить пути предотвращения преступлений, что делает его изучение необходимым для современного общества.

-
1. Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06. М., 1997. 183 л. [Вернуться к статье](#)
 2. Яковчик Д. В. К вопросу о понятии «личность преступника»: история, подходы к изучению // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2024. № 2 (10). С. 64–69. [Вернуться к статье](#)
 3. По Э. Убийство на улице Морг / пер. М. Энгельгардта. М. : Феникс, 2023. 168 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии / пер. с англ. М. : Высш. шк., 1992. 143 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Бухановский А. О. Проспективный портрет Чикатило // Альманах «МОИ». М., 2017. Вып. 69. С. 22–24. [Вернуться к статье](#)
 6. Попов В. В., Тройченко Ю. Ю. Психологический портрет как способ идентификации личности // Юрист-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 137–141. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 338.2

РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ

С. Н. Белова

Академии управления МВД России,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. В настоящей статье приводится анализ некоторых мнений в части влияния дистанционных форм обучения, используемых в образовательных организациях высшего образования России, в том числе системы Министерства внутренних дел России, на формирование правового образования слушателей, проходящих обучение по программе магистратуры с использованием дистанционных форм обучения. Отмечается особая актуальность совершенствования правового образования, правового воспитания и правовой культуры при подготовке специалистов-цивилистов в современных условиях, а также обращено внимание на повышение требований к профессорско-преподавательскому составу образовательных организаций высшего образования России в условиях цифровизации.

Ключевые слова: правовое образование, правовая культура, правовое воспитание, правовая (финансовая) грамотность, дистанционные технологии, образовательные организации высшего образования, цифровизация.

Annotation. This article provides an analysis of some scientific opinions regarding the impact of distance learning used in higher education institutions, including the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, on the formation of legal education of students undergoing training in the Master's program using distance learning. The article notes the particular relevance of improving legal education, legal education and legal culture in the training of civil specialists in modern conditions, and also draws attention to the increasing requirements for the teaching staff of higher education institutions in Russia in the context of digitalization.

Keywords: legal education, legal culture, legal education, legal (financial) literacy, distance technologies, higher education institutions, digitalization.

Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнения, поскольку развитие и сохранение современного правового государства в условиях «цифровой экономики» невозможно без формирования качественного уровня правового образования (в том числе финансово-правового, гражданско-правового), повышения финансовой грамотности и культуры граждан. В сложившихся геополитических и связанных с ним информационных условиях особую значимость в российском обществе имеют вопросы формирования правового воспитания, правовой культуры и правового образования в образовательных организациях высшего образования России, в том числе системы МВД России.

Ежегодно вносимые в законодательство России изменения (в том числе в гражданское, финансовое и др.), касающиеся развития цифровой трансформации, требуют от профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования России (далее — ППС), в том числе системы МВД России, своевременной и качественной актуализации всего учебно-методического комплекса.

В свою очередь, внедрение цифровых технологий, предусматривающее оптимизацию всей системы управления в повседневной деятельности сотрудников правоохранительных органов, обуславливает организацию эффективной подготовки кадрового звена и повышение уровня преподавания в образовательных организациях России, в том числе системы МВД России.

Отметим, что законодательное определение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий утверждено ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Так, под *электронным обучением* (далее — ЭО) понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

Под *дистанционными образовательными технологиями* (далее — ДОТ) понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

Ключевое значение в настоящее время приобретает качество реализации правовых дисциплин с целью повышения правового образования, правового воспитания, правовой культуры и правовой грамотности (в том числе финансовой) с использованием информационных образовательных технологий (в связи с цифровизацией всех секторов экономики происходит увеличение уровня

мошенничества), повышаются требования к ППС, которые реализуют правовые (в том числе финансово-правовые, гражданско-правовые) учебные дисциплины.

Преподавание правовых дисциплин основано на применении комплексного подхода, так как процесс их изучения направлен на формирование у слушателей «целостного (системного) подхода к динамично происходящим экономическим явлениям с учетом отражения такой динамики в финансово-правовых нормах, что обеспечивается преподавателем путем формирования у обучающихся определенных знаний, навыков и умений через поставленные цели и задачи, обучает их практике применения актуальных норм финансового законодательства» [2].

В круг научных интересов автора в первую очередь входит финансово-экономическая и хозяйственная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Поскольку указанная деятельность основана в том числе на финансово-правовых и гражданско-правовых науках и тесно связана с конституционным, гражданским, административным правом и другими науками, то условием успешного освоения, например, такой дисциплины, как «Актуальные вопросы частного права в финансово-хозяйственной деятельности», является комплекс знаний, умений и навыков, сформированный в результате предварительного освоения таких дисциплин основной профессиональной образовательной программы высшего образования: «Гражданское право», «Организация государственных закупок и конкурсных процедур», «Организация тылового обеспечения правоохранительной деятельности», включая, например, такие как:

- знания: сущности развития материальных норм в области цивилистики и трудовых норм, гражданских процессуальных норм; концептуальных организационно-правовых и финансово-правовых основ механизмов сферы государственных закупок и тенденций их развития;

- умения: анализировать теоретические, концептуальные подходы, предлагаемые учеными-юристами в разрешении проблем, возникающих в управленческой практике; оперировать научными и финансовыми терминами, обобщать, логически обосновывать и системно излагать собственную позицию теоретических взглядов; описывать сущность финансовых и гражданско-правовых явлений и процессов, происходящих в сфере государственного управления при помощи качественных характеристик и количественно определенных показателей;

- навыки: владения категориальным аппаратом направления подготовки, методологией осуществления научной работы, различными информационными ресурсами и технологиями, справочно-правовыми базами.

Для формирования указанных компетенций необходимо совершенствовать уровень правовой культуры обучающегося, формировать умения и навыки по выбранной специальности и в целом уделять большое внимание правовому образованию [3, с. 60].

Поэтому в рамках изучения вышеназванной учебной дисциплины реализуются темы, касающиеся соотношения частного и публичного права, применения норм гражданского законодательства в деятельности органов внутренних дел, применения норм семейного законодательства в деятельности органов внутренних дел, норм гражданского процессуального права в деятельности органов внутренних дел. При этом заочная форма обучения по учебным дисциплинам может реализовываться частично или полностью с применением дистанционного обучения.

Правовое образование должно быть нацелено на обновление нормативно-правовой базы на системной основе. Особенную актуальность формирование качественного правового образования, правового воспитания и правовой культуры имеет при подготовке специалистов-цивилистов, и тем более — в образовательных организациях МВД России, поскольку будущая деятельность выпускников основывается в том числе на защите прав и свобод человека от возникающих посягательств на их права, противодействии преступности, охране общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

В соответствии с внесенными изменениями в законодательство об образовании России образовательные организации высшего образования (далее — ОО ВО) осуществляют поиск новых форм и методов обучения, разрабатывают и реализуют новые технологии в образовательную деятельность, в том числе различные формы электронного обучения и дистанционных образовательных технологий с полным или частичным участием ППС при проведении всех видов учебных занятий.

В настоящее время основным трендом развития высшего образования выступает внедрение цифрового формата. В связи с этим дистанционное обучение получило особую актуальность в период пандемии. По данным опроса, проводимого EUA и исследованного Т. В. Третьяковой [4], в котором участвовало 424 высших учебных заведения из 109 стран, в том числе 28 российских образовательных учреждений в период пандемии (в марте 2020 г.), 7 % ОО ВО полностью прекратили обучение; в 24 % — деятельность приостановлена, но развитие получили цифровое обучение или самообучение; 67 % — «заменили аудиторные занятия преподаванием и обучением в онлайн-формате».

При этом уже в июле 2020 г. 95 % ОО ВО перешли на дистанционное обучение в масштабах всего учебного заведения, а 4 % — только на отдельных

факультетах. Опрос EUA показал, что «подавляющее большинство учебных заведений намереваются после кризиса изучить новые способы обучения (87 %) и расширить возможности использования цифровых технологий (70 %)).

По данным аналитического доклада «Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее», разработанного по инициативе Министерства науки и высшего образования России в июле 2020 г. (на основе результатов ранее проведенных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и др.), констатируется, что несмотря на то, что система высшего образования выдержала стресс-тест во время пандемии, при этом была выявлена негибкость образовательного процесса в вузах, недостаточность существующих на то время их возможностей для качественного дистанционного формата обучения студентов и преподавателей, в том числе недостаточный уровень знаний преподавателей в части методов проведения таких занятий.

Также в докладе отмечается, что от 25 % до 40 % преподавателей, активно пользовавшихся цифровыми технологиями и до пандемии, поддерживают расширение использования дистанционного формата, а от 40 % до 50 % — ППС, знакомый с цифровыми технологиями, не поддерживают существенное расширение онлайн-обучения, но считают его приемлемым в отдельных случаях; 5 % — преподавателей дисциплин, которые требуют значительного объема практической, лабораторной работы, категорически против использования дистанционного формата и новых технологий в будущем; 5–30 % — преподавателей, которые в этот период не смогли освоить новые инструменты организации обучения (переход оказался травмирующим, не верят в эффективность дистанционного формата). Кроме того, 60 % ППС выразили сомнения в качестве результатов образовательного процесса в дистанционной форме, а 19 % ППС имели проблемы с необходимой для работы техникой [5].

В связи с этим одним из направлений совершенствования при осуществлении образовательной деятельности с применением ЭО и ДОТ является в первую очередь качественная подготовка ППС образовательных организаций в указанной сфере на системной основе. Так, например, в Академии управления МВД России реализация образовательных программ предусматривает использование с применением ДОТ и ЭО. В связи с этим ППС прошел обучение по дополнительной профессиональной программе — программе повышения квалификации сотрудников и работников образовательных организаций МВД России по теме «Использование электронной информационно-образовательной среды в образовательных организациях МВД России» (с применением исключительно дистанционных образовательных технологий).

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в настоящее время применение дистанционного обучения в формировании правового образования обучающихся является относительно новым, однако перспективным направлением. Дальнейшее развитие объекта исследования будет способствовать более глубокому и осмысленному освоению знаний и формированию компетенций в сфере совершенствования правового образования, правового воспитания, обогащению научно-теоретического кругозора обучающихся, а также повышению финансовой грамотности, внедрению современных методов обучения и дистанционных образовательных технологий ППС.

-
1. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 2. Царева О. Е., Ильин А. Ю. Некоторые особенности преподавания финансового права // Финансовое право. 2017. № 3. С. 10–12. [Вернуться к статье](#)
 3. Ахметов А. С. Применение дистанционных образовательных технологий в процессе преподавания правовых дисциплин // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2014. № 3-2. С. 55–62. [Вернуться к статье](#)
 4. Третьякова Т. В. О проблемных аспектах синхронного и асинхронного форматов обучения в процессе внедрения дистанционных технологий, обусловленных пандемией // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-4. С. 272–276. [Вернуться к статье](#)
 5. «Стресс-тест» пандемии выявил главные недостатки российских вузов. Как должна измениться система образования, чтобы не откатиться к доцифровому формату [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5efdf6e09a794734267c9521> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 351.741

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ СО СМИ:
АЛГОРИТМЫ РАБОТЫ С НЕГАТИВНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ****К. В. Богданова**

Волгоградская академия МВД России,
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения негативных комментариев о деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Автор предлагает конкретные методы и правила работы со средствами массовой информации для снижения градуса негатива по отношению к действиям сотрудников, а также способы выхода из ситуаций, когда негатив в средствах массовой информации уже опубликован.

Ключевые слова: электронные средства массовой информации, негативные комментарии, освещение дорожно-транспортного происшествия, пропаганда Государственной инспекции безопасности дорожного движения, алгоритм взаимодействия, социальные сети, блогеры.

Annotation. The article discusses the causes of negative comments about the activities of traffic police officers. The author suggests specific methods and rules of working with the media to reduce the degree of negativity towards the actions of employees, as well as ways out of situations where the negative in the media has already come out.

Keywords: electronic media, negative comments, accident coverage, traffic police propaganda, interaction algorithm, social networks, bloggers.

На сегодняшний день практически все средства массовой информации (далее — СМИ) перешли в режим онлайн. Все меньше газет выходит в печатном формате, происходит миграция информационного потока в глобальную Сеть. Как и у любой медали, у этой ситуации есть две стороны. С одной стороны, «бесбумажный» формат обходится намного дешевле, с другой стороны, теряется часть аудитории старшего поколения, которая не признает современные гаджеты и предпочитает классическую форму подачи материала. Дальнейший анализ преимуществ и недостатков цифровизации медиaproстранства выявляет следующие аспекты. С одной стороны, обеспечивается открытость дискуссии и возможность оперативной оценки эффективности информационных материалов посредством анализа показателей читательской активности. С другой стороны, негативная оценка контента, включая публичную критику авторов и изданий, происходит мгновенно и может иметь деструктивный характер.

В контексте взаимодействия средств массовой информации и правоохранительных органов, публикации информационных материалов о деятельности сотрудников полиции в Сети в полной мере реализуют принцип «открытости» [1]. С одной стороны, проводя мониторинг СМИ, у инспекторов есть возможность четко отслеживать общественное мнение о деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — ГИБДД), а с другой стороны, зачастую мы сталкиваемся с неадекватной оценкой проводимых мероприятий и негативными комментариями со стороны граждан. Причем с уверенностью можно сказать о том, что негатив встречается как со стороны журналистов, так и со стороны граждан.

Наряду с традиционными СМИ активно развиваются и совершенствуются такие форматы по распространению различных сведений, как блоги, форумы, социальные сети, поисковые системы. Особенность перечисленных ресурсов заключается в том, что они осуществляют более оперативное распространение информации, а также предлагают пользователям самим принять участие в ее создании, обсуждении и распространении [2, с. 27]. Однако если на журналистов распространяется Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» [3], элементарная этика журналистов, то на блогеров и комментаторов в Сети никаких рычагов воздействия нет — ни с правового аспекта, ни с морального.

В связи с этим сотрудникам полиции при подготовке к опубликованию информации необходимо помнить не только о ставящихся целях информационного материала или публикации, но и о том, какие реакции данный материал может повлечь за собой со стороны населения. Причем негативные последствия могут проявляться не только в неправильном восприятии поданных сведений, но и в прямо противоположной реакции на них. Например, «представители МВД намеревались опровергнуть или предотвратить слухи, но из-за некачественности подачи материала в итоге укрепили в их достоверности; пытались обеспечить осуждение конкретных поступков и действий — добились их одобрения и т. п.» [4, с. 39].

На наш взгляд, чтобы избежать подобных ситуаций и не вызывать на себя гнев общественности, сотрудникам подразделений пропаганды ГИБДД России необходимо придерживаться нескольких важных правил:

1. Никогда не скрывать реально произошедших инцидентов. В условиях современного информационного общества сокрытие информации о произошедших инцидентах является контрпродуктивным. В эпоху цифровых технологий информация распространяется чрезвычайно быстро. В случае возникновения чрезвычайного происшествия всегда нужно быть первыми, готовыми

грамотно сформулировать, что произошло. Оперативное предоставление достоверной информации позволяет предотвратить распространение спекулятивных и нерациональных гипотез со стороны блогеров и журналистов. Отключение телефонов сотрудников пропаганды как лиц, непосредственно взаимодействующих со СМИ, в таких случаях недопустимо. Прекращение коммуникации с представителями СМИ препятствует эффективному управлению информационным потоком и может привести к потере контроля над общественным мнением.

2. Не обманывать публику о причинах произошедшего инцидента. Формулировка «проводится проверка» — заезженный шаблон. Эффективной стратегией в данном случае является демонстрация оперативности реагирования на инцидент и акцент на профессионализме сотрудников ГИБДД в установлении истинных причин произошедшего. Такой подход, часто применяемый в PR-практике, способствует укреплению позитивного имиджа ведомства и повышению уровня доверия общественности.

3. Если имеет место реальное чрезвычайное происшествие, целесообразно выступление руководства ГИБДД с подробным изложением принятых мер реагирования, оказанной помощи пострадавшим, а также конкретных действий сотрудников и результатов проделанной работы. Такой подход способствует прозрачности и повышает уровень доверия к ведомству.

4. Информация об инциденте должна быть написана понятным языком. Апелляция к нормативным правовым актам должна быть безусловна, этим мы подчеркиваем законность действий сотрудников. Однако в релизе или ином другом материале о произошедшем событии должно быть грамотное толкование и объяснение написанного, потому что 2/3 населения пропускают правовую информацию целыми блоками, не понимая, о чем идет речь. Это способствует повышению негативного настроения в отношении действий сотрудников, а следовательно, негативных комментариев в СМИ.

5. Необходимо предоставлять подробное обоснование и мотивацию действий сотрудников в рамках проведения проверки и реагирования на инцидент. Открытость и прозрачность в отношении принятых решений способствуют укреплению доверия общественности. Важно подчеркнуть, что действия сотрудников основаны на четком алгоритме, предписанном законодательством и внутренними инструкциями. Подробное объяснение причин, по которым сотрудники действовали именно так, а не иначе, не только проясняет ситуацию, но и демонстрирует профессионализм и компетентность ведомства, предотвращая недопонимание и спекуляции. Это особенно актуально в условиях активного информационного поля, где недостоверные сведения распространяются очень быстро.

6. В случае, если блогеры и/или журналисты оказались первыми в опубликовании материала, характеризующего сотрудников ГИБДД не с лучшей стороны, можно использовать метод «признания малой ошибки». Ведомство признает часть действий неверными, объясняет причины и следом дает позитивный развернутый комментарий о том, как оперативно/грамотно/четко работали конкретные службы и сотрудники. Данный метод позволит снизить остроту негатива и повысить имидж сотрудников ГИБДД.

Профессионализм сотрудников пропаганды ГИБДД измеряется в обратной пропорции к количеству негативных комментариев в СМИ, т. е. чем выше уровень компетенций сотрудников подразделений пропаганды, тем меньше отрицательных статей и комментариев. Однако если мы можем говорить о долгосрочном выстраивании отношений с представителями СМИ и предупреждении появления негативных статей или материалов, то с блогерами и гражданами «в сети» дело обстоит сложнее.

Применение предложенных методов работы позволяет минимизировать негативное освещение деятельности ГИБДД в традиционных СМИ, а также снизить уровень негативных настроений в цифровом пространстве, способствуя формированию более объективного и позитивного общественного мнения. Дальнейшие исследования необходимы для оценки эффективности различных коммуникационных стратегий и выработки оптимальных подходов к управлению репутацией ГИБДД в условиях динамично меняющегося медиаландшафта.

1. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 28.12.2024 г. № 518-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

2. Орлов К. А. Контрпропаганда как средство повышения имиджа сотрудника полиции // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 3. С. 27–30. [Вернуться к статье](#)

3. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 : в ред. от 23.11.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Ильина И. А. Социальные обязательства прессы и общественные ожидания при восприятии материалов СМИ правоохранительной тематики // Социология и право. 2017. № 1 (35). С. 36–44. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

М. А. Бучакова

начальник кафедры конституционного и международного права
Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с повышением правовой культуры сотрудников органов внутренних дел. Отмечается, что уровень правовой культуры данных лиц обусловлен правовой культурой общества, а также общечеловеческой культурой. Формирование правовой культуры неразрывно связано с духовно-нравственным воспитанием, только в симбиозе высоких духовно-нравственных качеств и качественно-правового состояния личности формируется сотрудник органов внутренних дел, способный на высоком уровне выполнять служебные особо важные задачи по поддержанию правопорядка и обеспечению соблюдения законов Российской Федерации.

Ключевые слова: культура, формирование, ценности, сотрудник органов внутренних дел, законность.

Annotation. The article analyzes the problems associated with improving the legal culture of law enforcement officers. It is noted that the level of legal culture of these individuals is determined by the legal culture of society, as well as universal human culture. The formation of legal culture is inextricably linked with spiritual and moral education, and it is only in a symbiosis of high spiritual and moral qualities and a high-quality legal status of a person that an employee of the internal affairs bodies is formed who is able to perform particularly important official tasks at a high level to maintain law and order and ensure compliance with the laws of the Russian Federation.

Keywords: upbringing, education, values, law enforcement officer, legality.

На современном этапе развития общества в XXI в. интенсивно идет процесс становления и формирования правового государства, в котором табулируется принцип верховенства закона, а вся деятельность органов публичной власти, должностных лиц, граждан осуществляется в соответствии с нормами права, в иерархии которых конституция, как основной закон государства, обладает верховенством. Правовое государство декларируется как одна из его базовых фундаментальных конституционных характеристик, что закреплено в ст. 1 Конституции Российской Федерации [1]. В данном основополагающем документе также закреплён принцип равенства всех субъектов права перед законом и судом (ст. 19), взаимной ответственности государства и гражданина с установлением приоритета прав и свобод человека в качестве высшей ценности. Реализация конституционных норм о правовом государстве основывается

на постулате о том, что охрана и защита прав и свобод человека являются важной задачей для всех органов публичной власти.

Эффективное осуществление государством своих функций, в том числе правоохранительной, позволяет повысить не только роль права в жизни общества, но и уровень правовой культуры, способствуя тем самым формированию правового государства. Парадоксальность сущности правовой культуры заключается в том, что до настоящего времени отсутствует единое концептуальное понимание данного феномена, и ученые по-разному его рассматривают. Так, по мнению В. И. Каминской и А. Р. Ратинова, в него входят элементы, имеющие идеальный характер, особенностью которых является их правовой характер, они отражаются в сознании, поведении людей и общества в целом [2, с. 55–61]. Неоднозначный подход и к вопросу о содержательной составляющей правовой культуры. Одни называют четыре основных элемента, включающие: различные уровни правосознания; законность; совершенство законодательства; юридическую практику [3]. Другие ученые исходят из общей характеристики правовой культуры как всеобъемлющей формы правосознания, отмечая при этом, что правовая культура подразумевает включение как духовных характеристик, так и различных юридических учреждений, их организацию, отношения, возникающие внутри таких учреждений [4, с. 221].

Как видим, теоретиками права предлагается различный набор элементов, составляющих содержание правовой культуры, что влияет на терминологическое значение и его отражение в дефиниции правовой культуры. Тем не менее, общий вывод заключается в том, что правовая культура выступает в качестве формы правосознания. Кроме того, правовая культура всегда имеет правоприменительный аспект, так как ее уровень в определенной социальной группе имеет функциональное назначение, позволяя оценить эффективность их деятельности. Не случайно правовая культура рассматривается совместно с такими категориями, как «политическая культура», «служебная культура» и т. д. В. П. Сальников придерживается мнения о том, что при таком понимании правовая культура — это не что иное, как определенная юридическая надстройка. Фактически это социальное явление, которое включает в себя компоненты юридической реальности, что имеет огромную практическую значимость.

Правовая культура имеет большое значение в деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Она определяется уровнем профессиональных навыков и умений сотрудников, объемом правовых знаний, сформированных в процессе обучения, профессиональной деятельности, повышения квалификации. Основное предназначение сотрудника ОВД при выполнении служебных задач в своей профессиональной деятельности — это защита прав и свобод

граждан. Эффективность данной деятельности зависит во многом от того, насколько сотрудник владеет правовыми знаниями, как он может их применить в правоприменительной деятельности, от уровня правовой культуры общества.

В российском обществе правовая культура находится не на должном уровне [5], что объясняется целым рядом факторов, в числе которых правовой нигилизм граждан, проявляющийся в том, что даже законопослушные граждане не всегда неукоснительно исполняют правовые предписания, просто незнанием нормативных документов, а также неумением их применить. Эти факторы влияют на эффективность деятельности сотрудника ОВД, который, взаимодействуя с гражданами, должен демонстрировать высокий уровень правосознания и культуры. Во многом характер взаимодействия полиции и общества определяет состояние социальной стабильности в обществе, а также удовлетворенность граждан по защите их прав и свобод. Поэтому на законодательном уровне установлены особые требования к сотрудникам, проходящим службу в ОВД, к их личным качествам.

В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], сотрудники ОВД должны заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти (ст. 10, 13), т. е. уровень правовой культуры полицейских неразрывно связан с высокими нравственными качествами. При этом они добровольно выполняют обязанности, требования и запреты, установленные законом.

Повышение правовой культуры сотрудников ОВД — это постоянный повседневный процесс по повышению уровня правосознания, качества знаний правовых норм, умению их применить, соблюдению принципа законности в повседневной служебной деятельности. Этого можно добиться посредством правового воспитания, проводимого в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что правовое воспитание неразрывно связано с нравственным воспитанием, являясь в совокупности составными частями общего процесса воспитания. И если основой правового воспитания являются право и законы, то основой нравственного воспитания — нравственные нормы, традиции, нравственные ценности. Справедливо замечает А. А. Гогин: «Нравственность наиболее полно отражает уровень развития конкретной нации,

народности, общества и государства, поскольку ее нормы складываются на протяжении многих веков под воздействием исторических, культурных, национальных, религиозных и иных условий. Выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, указанные правила выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующую функции» [7, с. 13].

На формирование правовой культуры сотрудника ОВД оказывают воздействие также существующие социальные институты в виде семьи, школы, иные социальные институты. В частности, курсанты образовательных организаций Министерства внутренних дел России участвуют вместе с преподавательским составом в работе так называемых полицейских классов в школах, цель создания которых в патриотическом и нравственном воспитании подростков, повышении их правосознания и подготовке кадров для поступления в ведомственные образовательные организации. В процессе такой деятельности повышается и уровень правовой культуры самих обучающихся.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67. [Вернуться к статье](#)

3. Ромашов Р. А., Шукшина Е. Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде [Электронный ресурс] // Юрид. портал «CenterBereg» : [сайт]. URL: <https://center-bereg.ru/l3322.html> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. М. : Новый Юрист, 1998. 624 с. [Вернуться к статье](#)

5. Бучакова М. А., Дизер О. А. Категория нравственности как объект правового регулирования: теоретические вопросы // Алтайс. юрид. вестн. 2017. № 18. С. 19–22. [Вернуться к статье](#)

6. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ : в ред. от 28.12.2024 г. № 525-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Гогин А. А. К вопросу о защите нравственности как фундаментальной социальной ценности // История государства и права. 2015. № 13. С. 14–18. [Вернуться к статье](#)

УДК 342

**ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА —
ВАЖНАЯ ГАРАНТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА,
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА,
УКРЕПЛЕНИЯ ЕГО НРАВСТВЕННЫХ И ДУХОВНЫХ УСТОЕВ**

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет,
заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси

***Аннотация.** Статья посвящена некоторым аспектам развития идеологии белорусского государства. Главное внимание уделено Директиве Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства». Подчеркивается ее важное и своевременное принятие. Она будет служить, наряду с Конституцией Республики Беларусь, фундаментом в осуществлении идеологической деятельности, источником при проведении воспитательной работы, важным фактором, влияющим на восприятие непреходящих духовных и культурных ценностей белорусского народа.*

***Ключевые слова:** идеология белорусского государства, директива, духовные и культурные ценности белорусского народа.*

***Annotation.** The article is devoted to some aspects of the development of the ideology of the Belarusian state. The main attention is paid to the Directive of the President of the Republic of Belarus A. G. Lukashenko of 9 April 2025 № 12 «On the implementation of the foundations of the ideology of the Belarusian state». Its important and timely adoption is emphasised. It will serve, along with the Constitution of the Republic of Belarus, as a foundation for ideological activities, a source for educational work, an important factor influencing the perception of the enduring spiritual and cultural values of the Belarusian people.*

***Keywords:** ideology of the Belarusian state, directive, spiritual and cultural values of the Belarusian people.*

Длительное время в белорусской действительности продолжался спор относительно того, может ли у государства быть идеология, и если да, то как именовать совокупность тех ценностей, которым намерено следовать общество и государство: государственная идеология или идеология белорусского государства. К данной дискуссии привлекались ученые и практики, проводились круглые столы, семинары, конференции.

Отсутствие ясности в данном вопросе, противоречивость суждений по нему в какой-то мере объяснялись желанием избежать повторения чисто советской практики о закреплении идеологии одной партии в качестве

государственной. Не касаясь в данном случае позитивного и негативного, что было в советской практике, а также ответственной и целеустремленной работы в тот период партийных инстанций по строительству нового общества, отметим, что необходимо было некоторое время для осознания ценности духовных и культурных скреп, важности общего объединяющего начала.

Республика Беларусь, являясь президентской по форме правления республикой, имеет сильную вертикаль власти, позволяющую проводить в жизнь принятые высшими государственными инстанциями решения. Однако важно, чтобы у всех субъектов правовых, иных общественных отношений было осознанное понимание нашей духовной, нравственной культуры, необходимости сохранения всего того, что помогало белорусскому народу выстоять в дни испытаний и победить, сохранять здоровое общество.

Белорусские реалии отличаются от некоторых иных постсоветских государств следующим образом. Во-первых, изначально, то есть в принятой 15 марта 1994 г. Конституции Республики Беларусь, не было ограничения на формирование идеологии белорусского государства. Лишь в ч. 2 ст. 4 Конституции Республики Беларусь устанавливался запрет на установление в качестве обязательной для граждан идеологии политических партий, религиозных и иных общественных объединений, социальных групп. В этом отношении более предпочтительной выглядела указанная норма по сравнению с соответствующими положениями Конституции Российской Федерации. Во-вторых, благодаря курсу Президента Республики Беларусь с 1994 г. у нас проводилась социальная политика, нацеленная на сохранение наших традиционных ценностей, белорусское государство противостояло проникновению вредных для общества новых европейских «стандартов» в сфере семейно-брачных отношений, стремилось доносить правду о решающей исторической роли советского народа в победе над фашизмом, проявляло заботу о ветеранах и участниках Великой Отечественной войны.

Существенным решением явилась фиксация в ст. 4 Конституции Республики Беларусь по итогам республиканского референдума 2022 г. положения, согласно которому демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений. Считаем идеальной во всех отношениях данную норму, рассматривая ее во взаимосвязи с другими положениями Конституции Республики Беларусь (ст. 14, 15, 32, 54 и др.) [1].

В доктрине выделяют по меньшей мере три составляющие идеологии: а) соблюдение духовно-нравственных традиций; б) развитие народовластия; в) обеспечение национальной безопасности [2, с. 9]. Полагаем, что в этом контексте в Беларуси законодательство развивается успешно. Необходимо усилить

творческий подход к воспитательной и идеологической работе, исключать формализм, проявлять внимательное отношение к проблемам людей.

Наряду с Конституцией Республики Беларусь, ключевым юридическим документом, которым установлены четкие ориентиры и охвачен весь спектр ценностей, составляющих идеологическую основу белорусского государства и общества, является Директива Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» (далее — Директива) [3].

Конечно, и до издания Директивы существовал блок крупных актов, касающихся идеологической составляющей деятельности нашего государства: Кодекс Республики Беларусь об образовании [4], определяющий основы государственной политики в сфере образования, Законы Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [5], «О противодействии экстремизму» [6], «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [7]. Отметим также Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [8], Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773 «О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы» [9].

Однако в современных условиях Директива становится фундаментальным, комплексным актом, реализующим положения ст. 4 и иных статей Конституции Республики Беларусь.

В Директиве констатируется, что Республика Беларусь состоялась как государство, построенное на принципах народовластия, гуманизма, социальной справедливости, равенства прав и возможностей, исторической преемственности.

Целью идеологической работы, согласно Директиве, является построение социально справедливого общества через формирование всесторонне развитой личности, отстаивающей национальные интересы. Для достижения указанной цели определен ряд стоящих задач. Среди них отметим: укрепление в обществе единства, гражданского мира, стремления к созиданию, взаимного доверия государства и общества; воспитание патриотизма, в том числе как готовности каждого гражданина защищать интересы государства, его конституционный строй и территориальную целостность; стимулирование активного участия граждан в сохранении исторической памяти и национальных ценностей; повышение правовой, политической, личной культуры и социальной ответственности граждан; обеспечение эффективной коммуникации власти и общества и др.

В Директиве определены субъекты реализации идеологии белорусского государства (государственные органы, в том числе местные Советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы; учреждения образования, культуры, науки, спорта, здравоохранения, социальной защиты и иные общественные институты; юридические лица, на которые возложены функции редакций средств массовой информации; общественные объединения и политические партии и др.).

Образование, культура, наука, спорт, этноконфессиональные отношения, а также семейная, молодежная, информационная и историческая политика рассматриваются как приоритетные сферы, в которых идеологическая работа находится под особым контролем государства.

В Директиве дано определение идеологии белорусского государства — это система идей, взглядов и представлений, которая отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, определяет цели развития личности, общества и государства.

Директива определяет основные компоненты идеологии белорусского государства, их содержание. Полагаем, что это сильный по своему предназначению, актуальности и воздействию правовой акт, содержащий ответы на многие ранее существовавшие вопросы. Его осмысление и реализация на практике — важная задача каждого гражданина белорусского государства.

1. Василевич Г. А. Конституционная идеология как ядро идеологии белорусского государства // Право.by. 2025. № 1 (93). С. 6–13. [Вернуться к статье](#)

2. Арапов А. В. Конституционная идеология и ее философские основания // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2016. № 4 (20). С. 6–12. [Вернуться к статье](#)

3. О реализации основ идеологии белорусского государства [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой Представителей 2 дек 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред Закона Респ. Беларусь от 11.11.2024 г. № 37-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З : в ред. от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г.

№ 60-3 : в ред. от 04.06.2015 № 275-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 дек. 2021 г. № 773 : в ред. от 05.12.2024 г. № 906. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ПРАВОВОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

И. Л. Вершок

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,
заместитель директора,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются наиболее распространенные методы информационной правовой работы с несовершеннолетними. Делается вывод о том, что методы ограничения и запрета не всегда оказывают положительный эффект на их правовое сознание. Предлагаются иные методы информационной правовой работы, осуществляемой в различных формах коммуникации с несовершеннолетними.

Ключевые слова: правовое сознание несовершеннолетних, метод ограничения и запрета, правовая коммуникация среди детей и подростков, доверие к праву.

Annotation. The most common methods of informational legal work with minors are considered. It is concluded that the methods of restriction and prohibition do not always have a positive effect on their legal consciousness. Other methods of informational legal work carried out in various forms of communication with minors are proposed.

Keywords: legal consciousness of minors, method of restriction and prohibition, legal communication among children and adolescents, trust in law.

В настоящее время произошла глобальная цифровизация коммуникации, особенно в среде несовершеннолетних. Информационное воздействие на детей и подростков приобретает более стремительный, массовый, сложно контролируемый и часто непредсказуемый характер.

Технический прогресс при отсутствии глубокого криминогенного анализа обладает сильной деликтогенностью, порождает все новые составы правонарушений, усложняет и делает более опасными прежние [1, с. 67]. Интенсивное и широко распространенное использование информационных сетей способствует увеличению случаев трансляции деструктивной информации, оказывающей разрушительное влияние и несущей угрозу национальной безопасности и государственным интересам. Особую опасность представляют размещаемые в сети Интернет информационные продукты, содержащие пропаганду идей экстремизма и терроризма, искаженные и противоречивые факты, сведения, не согласующиеся с идеологией белорусского государства.

В сложившейся обстановке являются важными вопросы обеспечения надежности источников, способов трансляции и качества содержания

информации, используемой в общении среди детей и подростков. Кроме этого, особенно актуальным представляется правильный выбор методов информационной работы, проводимой с несовершеннолетними и учитывающей специфику психологии детей и подростков (внушаемость, конформность, жажда приключений, интерес к новому).

Одной из существенных особенностей поведения несовершеннолетних является то, что они, будучи вовлеченными в коммуникацию онлайн, испытывают сложности, связанные с самостоятельным и ответственным выбором платформ и способов взаимодействия, убеждены в анонимности общения онлайн и, следовательно, в ненаступлении для них ответственности за правонарушения в цифровой среде. Вместо равноправного и равноценного субъекта, самостоятельно и ответственно определяющего круг, цель и содержание коммуникации, ребенок становится объектом воздействия, причем среди несовершеннолетних это происходит чаще и быстрее по сравнению со взрослыми. В источниках, целенаправленно транслирующих деструктивный информационный контент, для ребенка создается иллюзия выбора, свободы, мнимой самореализации.

В настоящее время практика складывается так, что основной целью профилактической работы является защита несовершеннолетних от информации деструктивного содержания, от сведений о доступных, но при этом незаконных быстрых заработках, экстремальных развлечениях, ярких знакомствах и иных способах самовыражения. Соответственно, Министерство информации, органы внутренних дел и иные субъекты профилактики правонарушений используют такие императивные методы, как ограничение распространения вредной и деструктивной информации, криминализация новых составов преступлений (введение юридических запретов), в некоторых случаях — снижение порога деликтоспособного возраста.

На данном фоне правовое просвещение, относимое к мерам общей профилактики в ст. 10 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [2], и правовая пропаганда как функция комиссии по делам несовершеннолетних по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (ст. 12 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3]) фактически предполагают трансляцию информации о юридически запрещенных моделях поведения, осуществляемую в направлении от субъектов просветительских и пропагандистских мероприятий к аудитории. Обратного воздействия или взаимодействия при правовом просвещении или пропаганде не предполагается, отсутствует обязательная обратная связь, мониторинг мнения аудитории,

инклюзивность несовершеннолетних в процессы официальной правовой коммуникации. Причем из названия указанных форм профилактики следует, что в правовом просвещении и пропаганде должна распространяться информация лишь правового содержания, то есть в основном сведения об имеющихся границах юридически допустимого или запрещенного поведения.

Образующийся в результате введения и распространения юридических ограничений и запретов информационный вакуум закономерно получает свое новое наполнение. Существует большая вероятность, что он заполнится развлекательным контентом иных популярных среди несовершеннолетних сайтов, телеграм-каналов, печатных изданий, содержащих искаженную, противоречивую или запрещенную информацию и обуславливающих в дальнейшем еще большее ужесточение контроля, введение новых законодательных ограничений и запретов.

Однако в юридической литературе высказывается мнение, что ни усовершенствование запретов, ни постоянное моральное суждение и осуждение не устраняют и даже не уменьшают количества преступлений. Закон необходим, но не достаточен [4, с. 487, 488]. Право в целом и нормы уголовного права в частности не могут породить страх там, где не создано уважение к закону иными средствами. Более того, установление новых запретов и ограничений может вызвать обратную реакцию, связанную с массовой утратой доверия к праву «не только со стороны его потребителей, но и со стороны законодателей и “распространителей” права» [5, с. 13, 18–19].

В конечном счете преступность сдерживает традиция законопослушания, а она, в свою очередь, основана на убеждении, что право имеет отношение к высшей цели [5, с. 18–19] справедливости. Реализация принципа справедливости обуславливает постоянный поиск более совершенных форм и методов правового воздействия [6, с. 178]. Исследования психологов показали, что в обеспечении подчинения правилам такие факторы, как доверие, честность, правдивость и чувство причастности, гораздо важнее принуждения [5, с. 18].

В этой связи имеются большие перспективы не столько юридического регулирования, сколько психологического воздействия на подростков [7, с. 27], формирования установок на активный самостоятельный поиск необходимого им и безопасного контента, ответственный моральный выбор интересных и действительно полезных информационных материалов, поиск незапрещенных площадок для общения, платформ и сетей коммуникации со сверстниками (онлайн и офлайн).

Полагаем, что ограничительный и запретительный методы необходимо гармонично сочетать с иными способами воздействия на правовое сознание несовершеннолетних, а правовое просвещение и пропаганду дополнять

способами правовой коммуникации, интересными и доступными для современной аудитории детей и подростков.

Например, к перспективным направлениям воздействия можно отнести следующие виды информационной правовой работы с несовершеннолетними, организуемой с учетом особенностей возраста, интересов, психологии и других индивидуальных признаков подростков:

- мероприятия по правовому информированию в форме беседы (в малых группах), общение на юридические темы, обсуждение типичных жизненных ситуаций криминального содержания [7, с. 358], в том числе на хорошо известных и популярных среди молодежи площадках (онлайн и офлайн);
- организация мероприятий на юридические темы в совершенно незнакомой для подростка обстановке, вызывающей у него новые эмоции и впечатления;
- разработка современных настольных и компьютерных игр с участием психологов, юристов;
- создание совместно с учащимися в учреждениях образования тематических выставок, экспозиций, а также организация подготовки презентаций и проектов на правовую тематику;
- формирование паттернов правомерного поведения в молодежной моде (мода на определенный тип поведения [7, с. 62]);
- привлечение подростков к работе по созданию роликов для социальных сетей.

Проведение соответствующей работы необходимо осуществлять при обязательном соблюдении мер безопасности (подробнее о вопросах безопасности досуга детей см.: А. И. Швед «Роль органов прокуратуры Беларуси в защите прав несовершеннолетних» [8]).

Для формирования соответствующих установок у несовершеннолетних требуется совместная работа родителей, учреждений образования, органов государственной власти и управления, правоохранительных и иных органов. Например, в целях защиты жизни и здоровья несовершеннолетних Генеральная прокуратура предложила разработку с учетом современных вызовов, связанных с цифровизацией, новых методик выявления суицидального поведения, начиная с 10-летнего возраста [8, с. 10]. Важен обмен опытом конструктивного взаимодействия с подростками и по другим проблемам, связанным с тем, что несовершеннолетние часто становятся объектом информационного воздействия, а не субъектом взаимодействия. В таких условиях подростки (в небольших коллективах и группах, сформированных с учетом возрастных особенностей, интересов), смогут легче и быстрее осваивать варианты самостоятельного и ответственного правового поведения, а также сами станут источником полезной

правовой информации для своих друзей (по известному выражению Маршалла Маклюэна, «носитель информации и есть сама информация» [5, с. 21]). Указанные и иные методы правового взаимодействия должны проявляться не столько в правовом просвещении детей и подростков о запрещенных моделях поведения, сколько в вовлеченности и эмоциональном воздействии на каждого из них с целью побуждения к правомерному поведению и воспроизведению образцов такого поведения.

Взаимодействие в указанном направлении может способствовать консолидации молодежи, более конструктивной коммуникации среди несовершеннолетних и их вовлечению в решение общественно важных задач.

-
1. Казьмин И. Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М. : Юрид. лит., 1986. 192 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : ред. от 08.07.2024 г. № 26-З. Доступ из информ. правовой системы Пех. [Вернуться к статье](#)
 3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З : в ред. от 08.07.2024 г. № 22-З. Доступ из информ. правовой системы Пех. [Вернуться к статье](#)
 4. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 845 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Берман, Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. Д. Шабельникова, М. Тищенко. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2008. 463 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности // Государство и право. 2024. № 3. С. 176–184. [Вернуться к статье](#)
 7. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2007. 704 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Швед А. И. Роль органов прокуратуры Беларуси в защите прав несовершеннолетних // Законность и правопорядок. 2024. № 4 (72). С. 8–11. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ЗНАЧЕНИЕ НОРМ МОРАЛИ И ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат юридических наук, доцент

А. В. Григорьев

Академия МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры философии и идеологической работы
научно-педагогического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Исследуется проблема влияния норм морали и права как социальных регуляторов общественных отношений на уровень правосознания и формирование правовой культуры населения, состояние законности и правопорядка. Обращается внимание на взаимопроникновение норм права и норм морали в регулировании общественных отношений с целью эффективной реализации правовых предписаний, сохранения целостности общества и его дальнейшего развития. Авторы приходят к выводу о том, что высокий уровень знания правовых и морально-этических норм, а также их реализация в правомерном поведении выступают индикатором правовой культуры белорусского общества.*

Ключевые слова: *правовая культура, право, правовое регулирование общественных отношений, мораль.*

Annotation. *The problem of the influence of moral and legal norms as social regulators of social relations on the level of legal consciousness and formation of legal culture of the population, the state of law and order is studied. Attention is drawn to the interpenetration of norms of law and norms of morality in the regulation of social relations for the purpose of effective realization of legal prescriptions, preservation of the integrity of society and its further development. The authors come to the conclusion that a high level of knowledge of legal and moral-ethical norms, as well as their implementation in lawful behavior are an indicator of legal culture of the Belarusian society.*

Keywords: *legal culture, law, legal regulation of social relations, morality.*

В теоретической юридической науке под правовой культурой понимается обусловленное социальными, духовными, политическими и экономическими особенностями качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических

актов, правосознания, а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека.

Правовая культура общества тесно связана с социальными регуляторами общественных отношений. При этом ведущая роль в формировании правовой культуры белорусского общества принадлежит праву и морали как главным социальным регуляторам общественных отношений. Насколько справедливо данное утверждение? Ведь нормы морали выступали главными регуляторами социальной жизни только в ранние периоды развития человеческого общества. Насколько они значимы в условиях кризиса морали и появления индивида, практически свободного от социального контроля? И не переоцениваем ли мы значение права в жизни современного общества?

Зачастую юристы неоправданно игнорируют роль морали как социального регулятора общественных отношений. Занимаясь научными изысканиями, находясь в постоянном научном поиске, направленном на совершенствование или разработку новых норм права, иногда мы забываем о том, что право регулирует лишь часть общественных отношений, конечно же, наиболее важных и значимых для общества и государства. Определенные общественные отношения не регулируются нормами права в силу того, что относятся к личной сфере (дружба, товарищество) и не поддаются внешнему контролю. Поэтому в процессе жизнедеятельности граждане нашего государства должны всегда руководствоваться едиными и строгими нормативными предписаниями, а также следовать высоким моральным идеалам, придерживаться неписаного золотого правила нравственности: не делай другому того, что не желаешь себе, и поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой, — что обеспечит развитие нашего государства и благополучие населения. Порой мы наивно полагаем, что с помощью правовых предписаний в виде запретов и дозволений мы можем решить существующие проблемы. Но это не так, и наш правовой идеализм разбивается о камни правоприменительной практики.

Важная роль в регулировании поведения людей принадлежит и иным социальным нормам, прежде всего, моральным. Студенты юридических специальностей узнают об этом еще на первом курсе, но зачастую забывают об этом, когда становятся законодателями или учеными, которые считают своим долгом внедрить положительный зарубежный опыт. Однако он «не работает», поскольку игнорируется социальная обусловленность права — та самая роль нравственных представлений белорусского общества. Отсюда возникают вопросы об оценке эффективности правовых норм, например, досудебного соглашения в уголовном процессе либо института защитного предписания в административном праве. Собственно, по этой причине в свое время был подвергнут критике законопроект «О противодействии домашнего насилия»,

проблемы в сфере семейно-бытовых отношений до настоящего времени не решены.

В современных условиях значение нравственных представлений значительно возрастает. Мы сталкиваемся с множеством вызовов, а интенсивный информационный поток меняет мировоззрение и образ жизни людей. С каждым днем появляются новые соблазны и искушения. В стремлении к материальным благам и поверхностным ценностям люди могут утрачивать истинную красоту — добрые чувства и благородные поступки, которые так характерны для нашего народа. Эти процессы, усугубленные доминированием глобализации, могут привести к утрате национальной идентичности. На это обстоятельство обратил внимание и Глава государства, указав: «Сегодня, когда извне навязываются некие усредненные ценности, порождающие безвкусицу, бездуховность, для нас очень важно показать это богатство, сохранить свои идеалы, чувство собственного достоинства, а значит — сохранить силу страны, ее независимость. Мы должны сделать все для того, чтобы сберечь и приумножить наше культурное наследие, воспитать на нем новые поколения» [1].

Действительно, такие реалии медленно, но верно подрывают систему устоявшихся нравственных ценностей. В данный момент особенно важно не упустить время и сохранить нашу духовную суть. Ключевую роль в этом играют моральные нормы, культура, искусство и религия. Их влияние на человеческое сознание огромно, и зачастую мы недооцениваем его. Именно в этих сферах формируются образы и идеалы, которые многие принимают за ориентиры и эталоны.

На основе теоретического осмысления норм морали как социального регулятора общественных отношений мы можем сделать вывод о влиянии данной социальной нормы на уровень правосознания и правовой культуры населения, состояние законности и правопорядка. Право как система общеобязательных правил поведения, установленных или санкционированных государством, основывается на универсальных моральных императивах — гуманизм, порядочность, справедливость и другие, которые ориентируют социум на гармоничное устройство и мирное сотрудничество.

Нравственные начала в праве связаны с духовностью, милосердием и справедливостью в правовых предписаниях. Следовательно, за правом признается определенная претензия на моральную правильность. Древнеримский афоризм гласит «*Jus est ars boni et aequi*» — Право есть искусство добра и справедливости» [2].

Русский философ В. С. Соловьёв также обращает внимание на то, что содержание права определяется морально-этическими взглядами, доминирующими в обществе: «Право есть низший предел или определенный минимум

нравственности, т. е. осуществления определенного минимального добра» [3, с. 954].

Право и мораль служат основой для формирования общественного порядка и гармонии, обеспечивая всеобщее согласие относительно того, что считается приемлемым, а что — недопустимым. Как право, так и мораль могут выступать в роли регуляторов, которые помогают разрешать конфликты и поддерживать стабильность в обществе. Например, нормы морали, такие как честность и уважение к другим людям, могут перекликаться с правовыми нормами, регулирующими, к примеру, договорные отношения или охрану прав человека.

Право и мораль как система важнейших социально необходимых координат, играя ключевую роль в формировании правовой культуры белорусского общества, включают нормы поведения в государственно-организованном обществе, служат целям нормальной и безопасной жизнедеятельности человечества, его благополучия и стабильности, направлены на достижение всеобщего блага. Именно поэтому национальная правовая система Республики Беларусь призвана не только обеспечивать включение норм морали, но и защищать традиционные духовно-нравственные ценности и принципы социальной справедливости. Дальнейшему социальному прогрессу, на наш взгляд, будет способствовать принятие нормативного правового акта, определяющего основы государственной политики Республики Беларусь в сфере сохранения, укрепления и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей белорусского народа. В этой связи представляет интерес опыт Российской Федерации, где с 2022 г. «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» получили нормативное закрепление [4].

Таким образом, право как один из важных инструментов регулирования общественных процессов закрепляет и внедряет в жизнь требования морали, закладывает базовые моральные принципы в основу конституционного строя, чем обеспечивает социальное согласие и социальную безопасность.

Нормы права характеризуются всеобщностью, закрепляя основополагающие моральные принципы, которые формируются и развиваются в социальной системе, определяют эталон должного поведения согласно «закону» среди всех членов общества, демонстрируя тем самым взаимопроникновение норм права и норм морали в регулировании общественных отношений с целью эффективной реализации правовых предписаний, сохранения целостности общества и его дальнейшего развития.

Можно утверждать, что высокий уровень знания правовых и морально-этических норм и их реализация в правомерном поведении является

необходимой чертой гражданина-патриота Республики Беларусь, индикатором правовой культуры белорусского общества в целом.

1. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 19 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903> (дата обращения: 07.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. IUS EST ARS BONI ET AEQUI [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: https://soviet_legal.academic.ru/77/IUS_EST_ARS_BONI_ET_AEQUI (дата обращения: 07.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Липень С. В., Лазарев В. В. История государственно-правовых учений : хрестоматия. М. : Спарк, 2006. 1076 с. [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=1> (дата обращения: 07.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 316.61

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

А. В. Войтов

Волгоградская академия МВД России,
доцент кафедры философии,
кандидат социологических наук

Аннотация. В статье рассматривается влияние правовой социализации на формирование правовой культуры личности, особенно в контексте профессионального образования в правоохранительных органах. Автор анализирует особенности правовой социализации студентов юридического направления гражданских и ведомственных учебных заведений, подчеркивая важность практического опыта, роли семьи и иных факторов.

Ключевые слова: правовая социализация, правовая культура, правосознание, правоохранительные органы, правовые ценности, правовая реальность.

Annotation. The article examines the influence of legal socialization on the formation of the legal culture of an individual, especially in the context of professional education in law enforcement agencies. The author analyzes the features of legal socialization of students of the legal direction of civil and departmental educational institutions, emphasizing the importance of practical experience, the role of family and other factors.

Keywords: legal socialization, legal culture, legal consciousness, law enforcement agencies, legal values, legal reality.

Современное российское общество находится в настоящее время на очередном крутом историческом повороте. Фактически по-новому выстраивается целый ряд важнейших социальных практик. Новые задачи встают и перед правовой и правоохранительной системами. Они предполагают весьма высокие требования прежде всего к самим правоохранителям. В частности, необходимо по-новому подходить к формированию их правосознания и правовой культуры. Как и во многих других сферах (здравоохранение, образование), в правоохранительной сфере (в частности, в деятельности полиции) необходимо уйти от восприятия этой деятельности как сферы услуг и вернуться к проверенной столетиями российской истории модели служения обществу и государству [1, с. 80].

Сознание российской молодежи, в том числе получающей образование, заражено идеей потребительства, коммерциализации всех без исключения отношений. Любое социальное действие воспринимается как услуга, имеющая свою цену. Оплаченные услуги должны быть выполнены любой ценой, а если услуга не оплачивается, то может и не выполняться. Однако во многих

системообразующих социальных институтах и сферах данный подход не просто не уместен, но и критически опасен.

Достижение всеобщего социального прогресса в условиях становления правового государства возможно благодаря формированию культуры, связанной с распространением таких правовых ценностей, которые обогащают личность и обеспечивают обществу необходимые условия для спокойного и упорядоченного развития. Именно правовая культура выступает своеобразной формой гармонического бытия общества и человека [2, с. 187].

Под правовой культурой ряд авторов предлагают понимать «систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей» [3, с. 67]. Правовая культура включает правовые ценности, нормы и установки, которые вплетены в сложную культурную реальность, обеспечивающую существование общества во всем многообразии его структур и институтов, а также социальную и правовую ориентацию людей.

В то же время правовая культура общества и правовая культура личности представляют собой хотя и взаимосвязанные, но различающиеся понятия, которые отображают проявления правосознания на индивидуальном и социальном уровнях.

Если правовая культура общества выступает результатом социально-правовой деятельности индивидов, коллективов, институтов и других субъектов права, то правовая культура личности представляет собой совокупность правосознания и поведения в сфере права. Необходимо отметить, что правосознание как важнейшая часть правовой культуры личности включает в себя не только наличие правовых знаний, но и сформированные правовые убеждения, готовность действовать в соответствии с этими убеждениями, установку на правомерное (или, напротив, противоправное) поведение.

Правовая культура не есть нечто врожденное, она формируется в том числе благодаря правовой социализации. Именно в ходе правовой социализации личность не просто копирует и усваивает правовую культуру общества, но и воспринимает и воспроизводит ее по-своему, в зависимости от множества влияющих на это факторов, главными из которых выступают общий уровень культуры социума, уровень правовой культуры конкретной семьи и т. д. В рамках данной работы, по нашему мнению, важно выделить профессиональное образование, а также профессионально-групповой опыт как факторы правовой социализации.

Указанные выше факторы наиболее ярко проявляются в правовой культуре профессионального сообщества как своеобразном промежуточном звене правовой культуры общества и правовой культуры личности. В данном случае

объектом нашего внимания становится студенческая молодежь, получающая юридическое образование.

Именно данная социальная категория характеризуется высоким уровнем понимания правовых явлений и обилием теоретических знаний по разнообразным юридическим дисциплинам. Однако в то же время студенческая молодежь, получающая юридическое образование в гражданских учебных заведениях, не имеет существенного практического опыта работы в правовой среде и достаточно часто воспринимает юридическую деятельность (вне зависимости от ее вида) как услугу, что привносит в правовую социализацию свои особенности. Краткая и порой формальная производственная практика не позволяет в должной мере отработать правовые умения и навыки, а нередко — даже и познакомиться с правовой реальностью. Этому способствуют многочисленные уловки и ухищрения, когда студенты лишь числятся в юридических организациях формально или выполняют множество иных, не связанных с правовыми обязанностями. Возникает эффект оторванности правосознания от самой правовой реальности. Последняя может «уходить» далеко вперед, отрываясь от устаревших правовых норм и знаний о них. На важность практической деятельности в процессе формирования правовой культуры обращают внимание не только исследователи, но и сами представители студенческой молодежи [4, с. 134].

Ситуация несколько меняется, когда мы рассматриваем студенческую молодежь, получающую юридическое образование в рамках ведомственных учебных заведений. Их курсанты и слушатели проходят учебную и производственную практику в территориальных органах внутренних дел на 2-м или 3-м курсе в течение месяца и на 5-м курсе в течение 4 месяцев. При этом осуществляется централизованное распределение по местам прохождения практики, а курсанты и слушатели не воспринимают практику как дополнительные услуги, которые должны оплачиваться и вознаграждаться отдельно. Для будущих полицейских практика выступает важнейшим механизмом правовой социализации, когда в реальных условиях они применяют свои знания и умения. Более опытные коллеги-практики выступают агентами подобной социализации.

Другим агентом правовой социализации выступает семья. Достаточно часто случается так, что курсанты образовательных организаций системы Министерства внутренних дел России идут путем своих родителей, продолжая правоохранительную династию [5, с. 140]. В данном случае мы можем говорить о более ранней правовой социализации. Еще в семье ребенок видит отношение родителей к закону и правоохранительной деятельности и примеряет на себя данные социально-профессиональные роли. Данный фактор продолжает влиять на курсантов и слушателей в дальнейшем, когда они задумываются о той

оценке их профессионально-правовой культуры, которую дадут родители, иные значимые взрослые.

Среди множества особенностей правового образования, отличающих учебу в гражданских учебных заведениях от учебы в вузах системы Министерства внутренних дел, внимания заслуживают такие факторы, как дисциплина и порядок, неукоснительное следование уставным требованиям, а также привлечение курсантов и слушателей к реальной охране общественного порядка.

Данные элементы унаследованы еще от советской системы ведомственного образования, но сохраняют свое значение и сегодня. В то же время в современных условиях благодаря использованию ряда технических и воспитательных решений, удастся (в идеале) надлежащим образом подготовить сотрудника правоохранительных органов. Он ни в коем случае не должен превратиться в бездушный механизм, в своего рода «робокопа», умеющего лишь выполнять приказы. Цель образования в данном случае — всесторонне развитая личность с особой правовой культурой. С одной стороны, в ней представлено понимание и оценка современных правовых и общекультурных реалий, с другой же стороны, у сотрудника формируется особое отношение к службе в правоохранительных органах государства, к своему профессиональному долгу, внутреннее принятие принципа верховенства закона и готовность его отстаивать.

Другими словами, правовая социализация способствует формированию у личности правовой идентичности — осознания себя как субъекта права, обладающего определенными правами и обязанностями [6, с. 120]. Это включает понимание своей роли (весьма важной в случае сотрудника органов внутренних дел) в правовой системе общества и готовность ее добросовестно исполнять.

Таким образом, мы можем отметить, что правовая социализация — процесс крайне сложный и многовекторный [7, с. 344]. Именно в процессе социализации формируются не только представления о праве, но и правовые установки, готовность участвовать в правовой жизни общества, например, защищать свои и чужие права, обращаться в суд или участвовать в выборах. Правовая культура включает не только знание законов, но и активное использование правовых механизмов для решения как индивидуальных, профессионально-групповых, а также общесоциальных — государственных проблем. Нацеленность именно на решение последних должна безусловно доминировать в правосознании курсанта полицейского вуза, а затем и действующего правоохранителя.

В то же время эффективная правовая социализация помогает предотвратить правовой нигилизм — отрицание или фактическое игнорирование значения правовых норм для жизни социума. Личность, усвоившая надлежащие

правовые ценности, с большой вероятностью будет соблюдать законы и уважать права других. В обратном случае, когда правовые ценности не усваиваются или же усваиваются в искаженной форме, мы можем наблюдать дезориентированную и дезадаптированную в правовом пространстве личность — личность потенциального правонарушителя.

-
1. Матвиенко Е. А. Социокультурные аспекты оценки эффективности государства в производстве публичных услуг: к постановке проблемы // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспективы : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 29–30 нояб. 2013 г. / под ред. А. Н. Садкова. Волгоград : Арт линия, 2013. С. 79–81. [Вернуться к статье](#)
 2. Nishanova F. M. Legal culture and the main factors of its formation // EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR) — Peer Reviewed Journal. May 2021. Vol. 7. Is. 5. P. 187–190. [Вернуться к статье](#)
 3. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67. [Вернуться к статье](#)
 4. Вассалатий Ж. В., Верхотурова С. В., Лосев С. Г. Правовое сознание студенческой молодежи (на примере Тюмени) // Социологические исследования. № 7. 2023. С. 133–141. [Вернуться к статье](#)
 5. Шаламова О. О., Котлярова Т. С., Шаламов Г. В. Факторы выбора профессии старшеклассниками, планирующими поступление в вузы МВД // Вестн. ОГУ. 2024. № 1 (241). С. 137–142. [Вернуться к статье](#)
 6. Каландаришвили З. Н. Влияние правовой социализации на процесс конструирования правовой культуры личности в современном российском обществе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 137. С. 116–123. [Вернуться к статье](#)
 7. Хасанова А. А. Правовая социализация как составляющая правовой жизни населения // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 342–345. [Вернуться к статье](#)

УДК 378

О РОЛИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

А. Х. Войтович

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
преподаватель кафедры философии, иностранных языков
и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД

Аннотация. В статье обозначена необходимость и актуальность формирования межнационального и межрелигиозного мира как основы стабильности и процветания государства, также обозначены основные механизмы, позволяющие регулировать процессы формирования толерантности в обществе. Основной упор сделан в том числе на правовое просвещение и подготовку действующих сотрудников органов внутренних дел с целостным и ценностным представлением о полиэтничности и мультикультурности социального и религиозного пространства современной России. Показана важность учета национальных и религиозных особенностей национально-культурных общественных организаций и автономий, традиционных конфессий в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: межэтническая компетенция, национальность, толерантность, веротерпимость, конфессии, диаспоры, полиция, органы внутренних дел, правопорядок.

Annotation. The article outlines the necessity and relevance of forming both interethnic and interreligious peace as the basis of stability and prosperity of the state, as well as the main mechanisms allowing to regulate the processes of forming tolerance in our society. The main focus is on the legal education and training of current internal affairs officers with a holistic and value perception of polyethnicity and multiculturalism of the social and religious space of the modern Russia. The article shows the importance of considering the national and religious peculiarities of national-cultural public organizations and autonomies, traditional confessions in the activities of internal affairs officers.

Keywords: interethnic competence, nationality, patience, toleration, confessions, diasporas, police, internal affairs bodies, legal order.

Гармония межнациональных отношений на сегодняшний день является одним из безусловных факторов консолидации нашего российского общества.

Из выступления Президента России В. В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 мая 2023 г.¹

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Администрация Президента России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71165> (дата обращения: 06.03.2025).

Формирование межэтнической культуры общения в России — это сложный и многофакторный процесс, который требует внимания к различным аспектам взаимодействия между народами; это вполне осязаемая инвестиция в будущее, в котором глобальное сотрудничество и взаимопонимание становятся все более важными.

Для нашей страны, объединяющей 196 этносов и культур, более 250 языков и диалектов, задача по формированию и укреплению межэтнической стабильности, созданию комфортной среды между разными этносами является первостепенной. И важнейшая роль в этих процессах принадлежит системе образования. Так, с 2015 г. российским Министерством образования в школьную программу введена учебная дисциплина «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР). Предмет является логическим продолжением курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), который изучается в начальной школе. Цель учебных дисциплин — привитие учащимся ценностей общероссийской культуры, формирование представлений об этапах ее исторического развития, основ духовно-нравственного взаимодействия в социальном пространстве, опирающегося на нормы и ценности культуры различных народов, населяющих страну, а самое главное — формирование межкультурной коммуникативной компетентности, которая является незаменимым элементом в сложносоставной структурной мозаике современной России. Интеграция в учебные программы материалов, рассказывающих о различных культурах мира (через изучение литературы, музыки, искусства, традиций и обычаев разных народов), получила широкое одобрение родительской и педагогической общественности. Надо отметить, что одним из модулей предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» является проектная деятельность. Учащиеся под руководством своих педагогов могут самостоятельно заняться изучением культуры, обычаев и традиций определенного этноса, проводить исследования, создавая творческие работы и развивая навыки командной работы.

Еще один важный ресурс, доступный к использованию, — потенциал национально-культурных автономий, общественных организаций и некоммерческих объединений. Различные тематические мероприятия, фестивали, художественные выставки, дни культуры, мастер-классы и спортивные состязания становятся местом сближения различных культур и способствуют формированию межкультурной коммуникации через личный опыт общения.

Свою заметную роль в формировании межкультурной коммуникации играют средства массовой информации и различные информационные платформы. Социальные сети, блоги и онлайн-платформы объединяют людей из разных

регионов, позволяя делиться впечатлениями и традициями, вести дискуссии и находить точки соприкосновения.

Наконец, роль государственного управления в формировании межкультурной политики неопределима. Следует отметить важность правительственных программ, направленных на поддержку межкультурного диалога. Реализация федеральных и региональных инициатив, направленных на укрепление мира и согласия между различными этносами, играет ключевую роль в формировании дружелюбной атмосферы. Гранты, субсидии и программы, направленные на защиту культурного наследия и увеличение доступности языковых курсов для изучения, например, языков малых народов, могут играть значительную роль в сохранении уникальности каждой культуры, при этом поддерживая единое гармоничное общество.

Государственная политика России сегодня носит национально-региональный характер и учитывает специфику Северного Кавказа, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Как показала практика, такие подходы ведут не только к сохранению самоидентичности народов России, но и ее самобытности. Это объединяет граждан Российской Федерации, которая демонстрирует стремление и дальше строить сильное демократическое государство, в котором учитываются интересы даже малочисленных этносов, например алеутов, чукотцев, энцев, ижоров, численность которых в некоторых случаях составляет всего несколько сотен человек.

Основой развития государственной национальной политики России, которая базируется на конституционных принципах единства и целостности страны, равноправия и самоопределения всех народов Российской Федерации, является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 19 декабря 2012 г. № 1666 [1]. Государственная национальная политика исходит из согласования общегосударственных интересов и интересов всех населяющих ее народов на основе учета исторического опыта развития культур, национальных (родных) языков, традиций и вероисповеданий.

Государственные органы, в том числе правоохранительные, призваны соблюдать и воспитывать у населения культуру межнационального и межрелигиозного общения, почитать обычаи и традиции народов России, способствовать межнациональному и межрелигиозному согласию. Согласно п. 6.5. Кодекса этики и служебного поведения, утвержденного приказом Министерства внутренних дел России от 26 июня 2020 г. № 460, сотрудник должен *«учитывать национальные обычаи и традиции, религиозные чувства граждан, культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп, конфессий, способствовать согласию между ними»* [2]. По сути, п. 6.5.

регламентирует основные требования, предъявляемые к сотруднику органов внутренних дел в рамках нравственных принципов службы: гуманизма, законности, объективности, толерантности и других. Эти требования в полном объеме относятся не только к качественной и профессиональной реализации своих оперативно-служебных задач, но и к культуре межнационального и межрелигиозного общения с гражданами, в котором нет места предвзятости по религиозным либо национальным признакам.

Формирование межэтнической коммуникативной компетенции у сотрудников органов внутренних дел является важной задачей для обеспечения эффективного взаимодействия с различными этническими и культурными группами в обществе. Это способствует предотвращению межэтнических конфликтов, повышению уровня доверия к правоохранительным органам и улучшению общественной безопасности. Так, в связи с этим отмечается: *«Опыт межэтнического взаимодействия дает сотруднику полиции больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания, формированию коммуникативных навыков»* [3, с. 19].

Приведем некоторые ключевые аспекты и методы, которые можно использовать для развития этой компетенции:

- регулярные курсы и семинары, посвященные изучению культурных особенностей различных этнических групп, проживающих в регионе;
- обучение основам языков тех национальностей, которые преобладают в конкретной местности, что может значительно улучшить коммуникацию;
- развитие эмоционального интеллекта и способность распознавать и уважать культурные различия;
- участие в культурных мероприятиях и публичных обсуждениях, организованных этническими сообществами, для укрепления сотрудничества и доверия;
- разработка и поддержка инициатив, направленных на взаимодействие с общественными организациями и лидерами этнических сообществ.

Внедрение подобных современных методов и подходов национально-религиозного образования и просвещения может значительно улучшить способность сотрудников органов внутренних дел к эффективному взаимодействию с разнообразными этнокультурными группами и содействовать построению более мирного и гармоничного общества. Исследователи пишут: *«Поликультурная среда позволяет воспитывать курсантов в духе толерантности в условиях реального диалога культур. Отсутствие должного внимания к поликультурной образованности индивида приводит к проявлению с его стороны социально-культурной нетерпимости и враждебности к окружающим»*

его людям. Поликультурное образование предполагает не стирание национальных различий между этносами, оно создает основу для взаимообогащения культур в учебно-воспитательном процессе» [4, с. 249].

Не менее значимым аспектом является использование современных технологий для оптимизации процесса обучения. Виртуальные платформы могут предложить интерактивные тренинги, вебинары и мультимедийные ресурсы, что сделает процесс обучения более доступным и эффективным. Создание онлайн-платформ для обучения и обмена информацией может привлечь внимание сотрудников полиции к актуальным вопросам и помочь им в реальном времени получать доступ к необходимым знаниям и ресурсам. Виртуальные тренинги также могут быть полезными для преодоления географических барьеров и повышения доступности обучения. Например, по этому вопросу исследователи пришли к такому мнению: *«Специфика организации образовательного процесса в рамках курсов подготовки сотрудников полиции состоит в том, что... слушатели различаются по уровню образования... учебные группы отличаются разнообразием национально-этнического состава... слушатели имеют непродолжительный первоначальный профессиональный опыт... Отмеченные факторы обуславливают необходимость целенаправленной педагогической деятельности, направленной на формирование и развитие коммуникативных компетенций как средства повышения качества профессиональной подготовки и общественно ориентированной деятельности сотрудников МВД. Решение этой задачи мы видим в использовании методов и форм интерактивного обучения»* [5, с. 121].

Важным шагом является также внедрение программ наставничества, где более опытные сотрудники делятся наработками с молодыми полицейскими, акцентируя внимание на значимости и качестве межэтнического взаимодействия. Этот подход способствует формированию единого видения важности культурной компетенции и улучшению качества работы правоохранительных органов в многонациональном обществе. Как было отмечено следующее: *«Многолетний опыт воспитательной работы в вузах МВД показывает, что кураторство является эффективной и незаменимой системой взаимодействия преподавателей с курсантами и слушателями. Это процесс межнационального общения, построенный на доверии и понимании»* [6, с. 246].

Кроме того, важно интегрировать межэтническую коммуникативную компетенцию в повседневную практику полицейских и развивать механизмы обратной связи с представителями этнических сообществ. Создание рабочих групп, состоящих из полицейских и представителей различных культур, может способствовать более глубокому пониманию актуальных проблем и потребностей этих групп. Это взаимодействие позволяет полиции оперативно

реагировать на возникающие сложности и адаптировать свои действия в соответствии с ожиданиями общества. Так, отмечается: *«Непосредственная деятельность сотрудников ОВД имеет двухвекторный характер: во-первых, профессионально обусловленное взаимодействие с не представляющими угрозы общественной безопасности представителями различных этнических, национальных, конфессиональных, половозрастных и иных групп населения; во-вторых, определенное законом противодействие проявлениям антисоциального поведения отдельных представителей общества, включая вышеуказанные группы людей. Последнее, в первую очередь, касается необходимости усвоения сотрудниками полиции знаний об уровнях, степени, формах влияния этнокультурных, конфессиональных, внутригрупповых особенностей этих групп населения на их правосознание и способов противодействия им»* [7, с. 201].

Дополнительно важно учитывать, что формирование межэтнической коммуникативной компетенции требует создания устойчивой культуры уважения и взаимопонимания внутри полиции. Это может быть достигнуто через внедрение этических кодексов и стандартов поведения, акцентирующих значимость многообразия. Регулярные встречи и интеграционные мероприятия среди сотрудников разных этнических и культурных групп помогут создать атмосферу взаимного уважения и доверия. В связи с этим отмечается: *«Для предупреждения внутрислужебных межэтнических противоречий необходимо учитывать микрогрупповые и индивидуально-психологические внутриколлективные отличия — языковые, возрастные, гендерные, семейно-бытовые, характерологические и пр.; выстраивать служебные взаимоотношения с опорой на лучшие качества и поступки друг друга (представителей разных национальностей и народностей); создавать условия и предпосылки для национальной самореализации и плодотворного сотрудничества в профессии»* [8, с. 373].

В итоге интеграция межэтнической компетентности в повседневную практику органов внутренних дел — это не только долгосрочный процесс, требующий постоянных усилий и адаптации к изменяющимся условиям, но и комплексная задача, требующая системного подхода и учета множества факторов. Последовательное применение этих подходов может привести к значительному улучшению качества взаимодействия между правоохранительными органами и многонациональным обществом Российской Федерации. Это, в свою очередь, позволит снизить уровень преступности, в том числе этнической, объединить усилия правоохранительных органов и этнических сообществ по обеспечению общественного порядка и безопасности, поднять на новый уровень профилактику правонарушений за счет выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений на этнической почве.

Реализация этих направлений требует консолидации усилий всех заинтересованных сторон: правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, этнических сообществ, общественных организаций, средств массовой информации. Только совместными усилиями можно добиться реальных позитивных изменений в области взаимодействия между правоохранительными органами и многонациональным обществом Российской Федерации.

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Гарант: информ.-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 06.03.2025). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России от 26 июня 2020 г. № 460. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Скворцова Е. В. Этнокультурная компетентность сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3 (66). С. 15–19. [Вернуться к статье](#)

4. Гирин А. В. Формирование готовности курсантов МВД к работе в поликультурной среде региона: компетентностный подход // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 246–250. [Вернуться к статье](#)

5. Жигалова Е. А. Интерактивное обучение в профессиональной подготовке сотрудников МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. С. 120–123. [Вернуться к статье](#)

6. Нестеренко И. С., Нефедова Н. А., Хромых А. А. Поликультурное воспитание курсантов в рамках кураторской деятельности в образовательных организациях МВД // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-2. С. 245–247. [Вернуться к статье](#)

7. Селин Б. Н. Межкультурный аспект профессиональной подготовки будущих сотрудников полиции в новых условиях трансформации России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 199–203. [Вернуться к статье](#)

8. Зверев В. О., Максимов А. С., Тихонова Е. А. Этнопсихология служебных отношений в коллективах органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 4 (79). С. 369–374. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.337.5

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УЧАСТИЯ
В ГЕНОЦИДЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ — ПОСОБНИКОВ
НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА**

О. Ф. Воспякова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам ответственности пособников нацистского режима за геноцид белорусского народа.*

***Ключевые слова:** геноцид, белорусский народ, коллаборанты, уголовная ответственность.*

***Annotation.** The article is devoted to the issues of responsibility of collaborators of the Nazi regime for genocide of the Belarusian people.*

***Keywords:** genocide, Belarusian people, collaborators, criminal responsibility.*

Не многие государства так пострадали в годы Великой Отечественной войны, как Беларусь. В истории нашего Отечества не было более чудовищных преступлений, которые совершали фашисты в отношении мирных граждан. Они не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Безжалостно уничтожались люди, материальные и культурные ценности, проводилась откровенная политика геноцида нашего народа.

На протяжении почти четырех лет Генеральной прокуратурой Республики Беларусь расследуется уголовное дело о геноциде белорусского народа. Установлены многочисленные факты уничтожения, в том числе вместе с жителями, белорусских деревень, наличие на территории БССР сотен лагерей смерти, проведение многочисленных карательных операций. К сожалению, устанавливаются новые факты преступных деяний, и этот список пополняется.

В геноциде мирного населения принимали участие не только немецко-фашистские захватчики, но и их союзники из ряда европейских стран (Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и др.). Приходится констатировать, что в политику геноцида была вовлечена и некоторая часть местного населения, поддавшаяся паническим настроениям, имеющая антисоветские взгляды. Коллаборационисты привлекались к охране концентрационных лагерей, служили в полицейских подразделениях, участвовали в карательных операциях против местного населения. Но надо признать, что белорусы неохотно шли в такие подразделения, поэтому на оккупированные территории направлялись украинские, польские, прибалтийские и другие коллаборационистские формирования.

Только 12-м литовским батальоном в 1941 г. на территории Минской области убито более 10 тыс. мирных граждан. В феврале – марте 1943 г. каратели уничтожили 387 населенных пунктов. Было убито свыше 13 тыс. мирных граждан, более 7 тыс. жителей насильно угнаны на принудительные работы. Преступная деятельность этого батальона привела к тому, что только в одном Освейском районе Витебской области, где до войны проживало 21 тыс. человек, после оккупации осталось только 8 тыс. человек. То есть численность населения сократилась более чем на 60 % [1].

Согласно документальным данным, в 1941–1942 гг. немецко-фашистские оккупанты использовали военно-полицейские подразделения из коллаборационистов различных национальностей численностью около 160 тыс. человек [1].

Уже 12 декабря 1941 г. НКВД СССР был издан приказ № 001683 «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника», в соответствии с которым следовало выявлять лиц, сотрудничающих с оккупантами, и предавать их суду [2].

На службе у оккупантов коллаборационисты выполняли различные функции — от обслуживающего персонала до карателей и диверсантов. Имели место как откровенное предательство, так и отдельные факты пособничества оккупационным властям. Поэтому 18 февраля 1942 г. вышеуказанный приказ был дополнен указаниями НКВД СССР, которые предусматривали, что если сотрудничество было незначительным, то за гражданами просто устанавливалось наблюдение [3].

Для расследования преступлений оккупантов и их пособников была специально создана Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК), которая изучала документальные данные, свидетельские показания очевидцев событий и другие материалы. С начала 1944 г. такая работа велась и в Беларуси по мере освобождения ее территории.

19 апреля 1943 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (далее — Указ) [4]. Он действовал и после войны вплоть до 1953 г.

Указ предусматривал суровые наказания за преступные деяния в отношении мирного населения и пленных красноармейцев. Из его содержания видно, что к наказанию коллаборационистов применялся дифференцированный подход. Так, изменники Родины из числа советских граждан-военнослужащих приговаривались к смертной казни через повешение. Такое же наказание применялось и к немецко-фашистским захватчикам. Если подобные преступления

совершали пособники из числа мирного населения, то для них Указ предусматривал ссылку и каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Дела рассматривались военно-полевыми судами. Указ применялся и в отношении преступных деяний, которые были совершены до его принятия, т. е. ему была придана обратная сила [4].

Процесс выявления и наказания коллаборационистов продолжался и в послевоенные годы. Так, в 60–70 гг. XX в. в Белорусской ССР прошел ряд громких судебных процессов над участниками карательных операций против партизан и мирного населения. В соответствии с Уголовным кодексом (далее — УК) Белорусской ССР, вступившим в силу 1 апреля 1961 г., их действия расценивались как измена Родине в форме перехода на сторону врага [5]. Так, по ч. 1 ст. 61 УК БССР были осуждены Г. Н. Васюра, В. А. Мелешко, Г. Г. Лакуста и другие лица, принимавшие активное участие в карательных операциях на территории Белорусской ССР в составе 118-го украинского полицейского батальона [6]. Как самостоятельное преступление геноцид в отечественном уголовном законодательстве того времени не был предусмотрен.

Как известно, понятие «геноцид» было введено в международное право Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [7]. Хотя Белорусская ССР ратифицировала Конвенцию еще в 1954 г., новелла о геноциде впервые появилась только в УК Республики Беларусь 1999 г. (ст. 127) [8]. Применима ли данная правовая норма к событиям времен Великой Отечественной войны, исходя из положения ч. 3 ст. 9 УК Республики Беларусь, согласно которому закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет?

Вопрос представляется актуальным в связи с расследованием уголовного дела о геноциде белорусского народа. В ст. 9 УК Республики Беларусь речь идет о законе, который признает уголовно наказуемыми деяния, ранее не считавшиеся преступлением. Относится ли это к ст. 127 УК Республики Беларусь? Представляется, что нет. Уже в Уставе Нюрнбергского международного трибунала от 8 августа 1945 г. [9], а также в резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 февраля и 11 декабря 1946 г. [10; 11] были закреплены признаки геноцида, которые по существу соответствуют содержанию ст. 127 УК Республики Беларусь, что позволяет признать преступную деятельность фашистских оккупантов и их пособников, в том числе коллаборационистов, на территории Белоруссии геноцидом белорусского народа.

В целях обеспечения принципа неотвратимости наказания в отношении ушедших от ответственности нацистских преступников и их пособников в 2023 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь выступила с инициативой внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство,

обеспечивающих возможность расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях, не имеющих срока давности, в отношении лиц, умерших к этому времени.

Первым таким уголовным делом стало дело по обвинению Владимира Катрюка, уроженца Украинской ССР, который осенью 1941 года вступил в украинскую националистическую организацию «Буковинский курень», а затем добровольно перешел на службу в 118-й батальон охранной полиции. В составе этого батальона он принимал непосредственное участие в жестоких карательных операциях против мирных жителей и партизан на территории БССР. После окончания Второй мировой войны В. К. Катрюк скрылся на территории Канады, где умер в 2015 г. Приговором Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 2024 г. В. К. Катрюк признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 127 УК Республики Беларусь. В связи со смертью обвинительный приговор в отношении В. К. Катрюка постановлен без назначения наказания.

Приговором Верховного Суда Республики Беларусь от 30 декабря 2024 г. признан виновным в геноциде К. А. Смовский, который, будучи командиром 118-го батальона охранной полиции, принимал непосредственное участие в массовых убийствах партизан и мирных граждан на территории Витебской, Минской и Гродненской областей. Как и в отношении В. К. Катрюка, приговор постановлен без назначения наказания в связи со смертью К. А. Смовского в Соединенных Штатах Америки в 1960 г. [6].

Расследование уголовного дела о геноциде белорусского народа продолжается, выявляются все новые факты жестоких злодеяний. Очевидно, что наказание виновных не является его главной целью. Таких лиц осталось немного, они проживают за границей, ввиду чего привлечение их к ответственности представляется весьма проблематичным. Более важным является восстановление исторической справедливости, недопущение реабилитации нацизма и фальсификации исторической правды. Это необходимо для защиты фундаментальных ценностей белорусского народа.

1. Историческая справка о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://prokuratura.gov.by/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 07.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Приказ НКВД СССР № 001683 об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника. 12 декабря 1941 г. [Электронный

ресурс] // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177238-prikaz-nkvd-sssr-locale-nil-001683-ob-operativno-chekistskom-obsluzhivanii-mestnostey-osvobozhdennyh-ot-voysk-protivnika-12-dekabrya-1941-g> (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Журавлев Е. И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время [Электронный ресурс] // Via in tempore. История. Политология. 2013. № 22 (165). Вып. 28. С. 154–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-i-vnesudebnye-nakazaniya-kollaboratsionistov-v-sssr-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-poslevoennoe-vremya/viewer> (дата обращения: 06.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 19 апр. 1943 г. № 39 // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина : [сайт]. URL: <https://www.prilib.ru/item/1954894> (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Белорусской ССР. Общая часть [Электронный ресурс] : 1 апр. 1961 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ob_utvergdenii_UK_BSSR_1960_goda.pdf (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Судебные решения и иные процессуальные документы в отношении нацистских карателей [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/iz-materialov-ugolovnogo-dela/sudebnye-resheniya-i-inye-protsessualnye-dokumenty-v-otnoshenii-natsistskikh-karateley/> (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] : принята резолюцией 260 (III) Генер. Ассамблеи ООН от 9 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. О выдаче и наказании военных преступников [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 февр. 1946 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/3\(I\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/3(I)) (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 11 дек. 1946 г. // Организация Объединенных

Наций : [сайт]. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_95-I/ga_95-I_r.pdf (дата обращения: 05.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 371

ЯЗЫК ЖЕСТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Г. С. Галямова

Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России,
доцент кафедры философии, иностранных языков
и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел,
кандидат филологических наук

Аннотация. В статье рассматривается роль знаний основ жестового языка в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Уделяется внимание формированию готовности сотрудника полиции применять жестовый язык в соответствующей сфере профессиональной деятельности.

Ключевые слова: жестовый язык, глухой, слабослышащий, инклюзия, сотрудник полиции, коммуникативная компетенция.

Annotation. The article examines the role of knowledge of the basics of sign language in the professional activities of law enforcement officers. Attention is paid to the formation of a police officer's willingness to use sign language in the relevant field of professional activity.

Keywords: sign language, deaf, hard of hearing, inclusion, police officer, communicative competence.

Любая профессиональная деятельность связана с людьми и предполагает процесс общения, владение определенными лингвистическими способностями, даже если человек не имеет гуманитарного образования. Необходимость организации специального обучения сотрудников полиции взаимодействию с глухими людьми обусловлена нормативно-правовыми актами [1].

30 декабря 2012 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 296-ФЗ «О внесении изменений в ст. 14 и 19 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”» [2]. Жестовый язык становится одним из официальных языков Российской Федерации и получает государственную поддержку в изучении и развитии.

Жестовый язык функционирует как средство межличностного общения лиц с нарушением слуха. Следовательно, лексический компонент национально-жестового языка должен обеспечивать коммуникативные потребности глухих собеседников [3, с. 206]. Инвалиды имеют право наравне с другими на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности, включая жестовые языки и культуру глухих [4].

В современном мире большое внимание уделяют образу жизни людей с нарушениями слуха: демонстрируют их положительный, творческий потенциал и возможности. Обмен опытом в области культуры и творчества среди инвалидов по слуху — это уникальная возможность для всех глухих людей и других пользователей языка жестов сохранить свою языковую самобытность и культурное разнообразие. Несмотря на активную работу государственной программы «Доступная среда», инклюзивного образования, возможности инвалидов в нашем обществе по-прежнему остаются ограниченными.

Знание языка жестов является ценным навыком не только для людей с нарушениями слуха и их партнеров по общению, но и для сотрудников органов внутренних дел. Всероссийская организация глухих участвует в организации системы подготовки переводчиков и преподавателей жестового языка, а также помогает развивать проекты, направленные на исследование и развитие русского жестового языка. Тем не менее, специалистов, владеющих языком жестов, недостаточно, что создает трудности для глухих в получении образования, в трудоустройстве, в доступе к информации, здравоохранению. Язык жестов жизненно важен для когнитивного, социального, эмоционального и языкового развития каждого глухого человека.

Объектом анализа является взаимодействие сотрудников органов внутренних дел с инвалидами по слуху посредством жестового языка.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в Российской Федерации русским жестовым языком владеют 239 930 человек [5].

По данным Росстата, с 2014 по 2020 г. телевизоры с телетекстом для приема программ со скрытыми субтитрами получили 111 972 инвалида по слуху; телефонные устройства с текстовым выходом — 104 903 инвалида по слуху [6].

Законодательство в сфере инвалидности по слуху является одной из дидактических единиц, которые необходимо освоить представителям правоохранительных органов, изучающим русский жестовый язык [7, с. 5].

В образовательных организациях системы МВД России и зарубежных стран уделяется внимание языковой подготовке сотрудников полиции, т. е. обучению сотрудников правоохранительных органов основам жестового языка. Знание жестового языка сотрудниками органов внутренних дел облегчает коммуникацию с глухими и слабослышащими людьми.

В Тюменском институте повышения квалификации МВД России дисциплина «Основы русского жестового языка» относится к циклу факультативных и ставит целью оказание практической помощи сотрудникам полиции в решении проблемы при общении с глухими и слабослышащими людьми.

Формирование коммуникативной компетенции, необходимых знаний, нужных практических навыков для эффективного общения сотрудников

полиции с глухими — основная задача дисциплины «Основы русского жестового языка».

К занятиям по указанной факультативной дисциплине предъявляются современные требования. В рамках комплексного подхода слушателям предлагается к изучению: представление классификации нарушений слуха; ознакомление с основами инклюзивного общения с людьми с нарушениями функции слуха; обзор законодательства в сфере инвалидности по слуху и зрению; формирование у слушателей представления о дактильной речи и жестовой речи как системах коммуникации людей с нарушениями функции слуха.

Программа факультативной дисциплины предусматривает лекционные и практические занятия — 20 часов, из них 2 часа — итоговый зачет.

Полицейские часто вступают в контакт с глухими, и им необходимо уметь общаться с ними. У глухих часто возникают проблемы с пониманием и сообщением о своих потребностях, хотя это не сразу заметно. Возможно, они не понимают определенных законов, и общение с ними иногда отличается от общения с людьми без проблем со слухом. Именно по этой причине полицейские изучают язык жестов. Главная цель — познакомить полицейских с миром глухих и научить основным жестам; проинформировать их о различиях между миром слышащих и глухими людьми и преодолеть любые коммуникативные барьеры. Сотрудники со знаниями жестового языка должны быть во всех основных службах, которые ведут прямую работу с гражданами.

Полицейский должен знать общую теорию перевода, основы русского жестового языка, его распространенные стили и специфическую полицейскую терминологию, а также должен уметь перевести устную речь на язык жестов, не теряя смыслового содержания речи и соблюдая принятые определения в области права.

Согласно ч. 3.1 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», знание основ русского жестового языка вменено в обязанность сотрудников органов внутренних дел [8].

В соответствии с приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка», должности, требующие владения навыками русского жестового языка, вводятся в подразделениях территориальных органов МВД России [1].

Приказом МВД России от 22 июня 2017 г. № 405 «О внесении изменений в Порядок определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка, утвержденный приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544», дополнительно внесены должности подразделений по вопросам миграции и исключены должности вневедомственной охраны в связи с реорганизацией подразделений [9].

Приказом МВД России № 681, Минобрнауки России № 587 от 15 июня 2015 г. «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации» установлен объем владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации [10].

Изучение жестового языка за последние десятилетия значительно продвинулось вперед. Терминологический аппарат русского жестового языка непрерывно пополняется новыми понятиями. Полноценное развитие русского жестового языка должно происходить не только в теоретическом плане, но и в плане лексикографическом.

Общество лингвистики языка жестов (SLLS) ставит своей главной целью продвижение исследований языка жестов в международном масштабе и поддержание высоких научных и этических стандартов таких исследований.

Всемирная федерация глухих (WFD) работает над продвижением и укреплением прав глухих людей. Как подчеркивает Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов, язык жестов неотделим от прав человека глухих людей.

Всемирная федерация глухих сыграла постановляющую роль в пропаганде и развитии Конвенции Организации Объединенных Наций о правах инвалидов, которая была принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 2006 г. и вступила в силу в 2008 г. [4].

Проблема нарушений слуха является глобальной. Согласно последним данным, в России проживает около 14,5 миллионов людей с нарушениями слуха, людей с полной потерей слуха, и тех, кто имеет значительные нарушения. В мире насчитывается более 1,5 миллиарда человек, страдающих от той или иной степени потери слуха. Из них 430 миллионов имеют умеренную или более серьезную потерю слуха [11].

Таким образом, совершенствование языковой культуры сотрудников органов внутренних дел — это процесс постоянный, непрерывный, и важно, чтобы полицейский осознал это. Задача факультативной дисциплины «Основы

русского жестового языка» заключается в формировании коммуникативной компетентности, толерантного и уважительного отношения к субкультуре, правам и свободам людей с ограниченными возможностями здоровья, готовности осуществлять социальное взаимодействие с людьми с нарушениями функции слуха, что обеспечивает успешность профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. Важным критерием профессионального поведения полицейского при общении с инвалидами по слуху являются как уровень культуры речи, создающий речевой имидж, так и нравственное поведение.

1. Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России от 12 мая 2015 г. № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 дек. 2012 г. № 296-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Томашева Е. П. Особенности лексики национального жестового языка // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. С. 205–210. [Вернуться к статье](#)

4. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : заключена в г. Нью-Йорке 13 дек. 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Итоги всероссийской переписи населения 2020 года [Электронный ресурс] // Всероссийское общество глухих : [сайт]. URL: <https://voginfo.ru/society/2023/02/09/itogi-vserossijskoj-perepisi-naselenija-2020-goda/> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Сколько глухих в России [Электронный ресурс] // Первый информационный сайт глухих, слабослышащих и всех в России : [сайт]. URL: <https://www.deafnet.ru/new.phtml?c=70&id=21339> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Степанов Р. И. Подготовка сотрудников полиции к взаимодействию с глухими людьми : учеб. пособие. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2018. 52 с. [Вернуться к статье](#)

8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О внесении изменений в Порядок определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует

владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка, утвержденный приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России от 22 июня 2017 г. № 405. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России и Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

11. Всемирная организация глухих [Электронный ресурс]. URL: <https://wfdeaf.org/> (дата обращения: 10.04.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

НАРКОТИЗАЦИЯ СРЕДИ ЖЕНЩИН: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАВИСИМОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

А. Н. Дрозд

Академия МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры психологии и педагогики,
кандидат юридических наук

Аннотация. Статья посвящена исследованию гендерных особенностей наркопотребления, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых женщинами. Приводятся особенности потребления наркотических средств, а также формирования зависимости у женщин. Отдельные характеристики раскрываются на фоне общемировых тенденций и обуславливают предлагаемые профилактические мероприятия, отражающие гендерную специфику.

Ключевые слова: женская преступность, наркотические средства, незаконный оборот наркотиков, потребление, профилактика, уголовная ответственность.

Annotation. The article is devoted to the study of gender characteristics of drug use, as well as crimes related to illegal drug trafficking committed by women. The features of drug use, as well as the formation of addiction in women, are given. Individual characteristics are revealed against the background of global trends and determine the proposed preventive measures reflecting gender specificity.

Keywords: female crime, drugs, drug trafficking, consumption, prevention, criminal liability.

В Республике Беларусь к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (далее — наркотические средства), ежегодно привлекаются порядка 150–200 женщин [1], что составляет в среднем 6–10 % от общего числа лиц, осужденных за такие преступления.

В мире ситуация выглядит более тревожной. В глобальном масштабе женщины подвергаются наказанию в виде лишения свободы за наркопреступления чаще, чем за любые другие преступления: в некоторых странах доля женщин, осужденных за преступления, связанные с наркотическими средствами, составляет 35–75 % [2].

В связи с этим представляется актуальным более подробное рассмотрение различных вопросов женской наркотической зависимости и мер противодействия. Важность проблемы изучения и предупреждения женской наркомании и

наркопреступности как двух взаимосвязанных и взаимообусловленных негативных социальных явлений отмечается мировым общественным [3] и научным сообществом [4].

Первый блок вопросов касается характеристики женщин, потребляющих наркотические средства. Согласно оценкам специалистов ООН, лица женского пола составляют во всем мире треть лиц, употребляющих наркотические средства в целом, и пятую часть среди лиц, потребляющих их путем инъекций [5, с. 5]. Среди лиц, состоящих на наркологическом учете в Республике Беларусь, женщины составляют меньшинство — 15 % [6]. Проведенный ранее институтом социологии Национальной академии наук Беларуси социологический опрос населения Беларуси показал, что среди взрослого населения соотношение мужчин и женщин, употребляющих наркотические средства, составляет 4 к 1, а аналогичное соотношение в молодежной среде — 2 к 1 [7, с. 440].

Среди употребляемых наркотических средств как мужчинами, так и женщинами доминируют опийные наркотические средства. Но на втором месте по частоте потребления у женщин-наркопотребителей, в отличие от мужчин, для которых характерно широкое потребление марихуаны, находятся наркотические анальгетики и транквилизаторы, седативно-снотворные средства. Эта проблема усугубляется повышенной уязвимостью женщин перед депрессией, тревогой, травматическим состоянием и виктимизацией по сравнению с мужчинами, а также более активным предложением рецептурных успокоительных препаратов различных категорий для лечения данных состояний [8].

Что касается мотивов потребления психоактивных веществ, то здесь можно выделить два основных аспекта. В более молодом возрасте мотивы потребления наркотических средств, как правило, вызваны желанием продемонстрировать зрелость и опытность и возникают на фоне асоциального поведения, промискуитета и раннего начала половой жизни [9]. При этом по некоторым данным до трети женщин, употребляющих инъекционные наркотики, также занимаются проституцией [9]. У женщин взрослого возраста мотивы потребления часто вызваны чувствами одиночества, нервозности и депрессивности [10].

Еще одна существенная черта женской наркомании связана с условиями ее появления. Согласно различным исследованиям, женщины в большинстве случаев в первый раз пробуют наркотические средства по предложению или под влиянием партнера (друга, сожителя). Женщины с большей вероятностью, чем мужчины, начинают употреблять инъекционные наркотики в контексте социальных и/или сексуальных взаимоотношений [11; 12]. При этом имеет место и обратная связь: отказу от наркотиков и большей продолжительности ремиссий нередко способствует положительное влияние мужа, родителей и детей [9].

Следует отметить, что женщины обычно начинают употреблять психоактивные вещества позже, чем мужчины, но после приобщения их показатели потребления начинают расти быстрее, чем у мужчин. Эффект «телескопирования», то есть краткосрочного перехода от приобщения к потреблению психоактивных веществ к развитию расстройств на этой почве объясняется значительным количеством гормона эстрогена, который способствует быстрому привыканию к употреблению психоактивных веществ, и как результат — формирование наркозависимости [5, с. 7].

Что касается совершения женщинами преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, то необходимо отметить следующее. В зарубежной правоприменительной практике (например, в Аргентине, Мексике, Индии, США, некоторых странах Африки) имеют место факты, когда женщины возглавляли международные организации наркобизнеса. Также задокументированы факты широкого участия женщин в некоторых странах (Афганистан, Колумбия, Перу и т. д.) в культивировании запрещенных к возделыванию растений, а также их участие в незаконном обороте наркотических средств в роли «мулов», то есть лиц, осуществляющих их перевозку [5, с. 8]. Еще одной функцией, которую выполняют женщины, в частности, в Латинской Америке, где женщины выполняют роль «подсадных уток» в целях отвлечения внимания от более крупных контрабандных партий наркотических средств, перевозимых через государственные границы.

В целом же согласно законодательству Республики Беларусь лица женского пола могут быть субъектами любых составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Понятно, что все употребляющие наркотические средства так или иначе совершают незаконные их приобретение, хранение или изготовление. Однако в последние десятилетия сфера участия женщин в незаконном обороте наркотиков расширилась за счет совершения незаконного перемещения наркотиков через Государственную границу, а также сбыта наркотиков [13], хотя доля таких женских преступлений все еще гораздо меньше осуществляемых без целей сбыта.

Согласно исследованиям, проводимым в Беларуси и в Российской Федерации (что вполне может быть использовано в качестве ориентирующей информации в связи с близостью менталитета), как правило, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, совершают незамужние женщины, проживающие в городах, в возрасте до 35 лет, со средним образованием, не занятые общественно полезной деятельностью и имеющие корыстные жизненные цели [5; 14].

Очевидно, что все рассмотренные выше аспекты и специфические признаки женского наркотизма, которые в целом соответствуют у нас общемировым тенденциям, должны отражаться в политике и программах, касающихся наркотиков, учитывающих гендерную проблематику. В то же время комплексный план мероприятий по профилактике наркомании и противодействию незаконному обороту наркотиков, социальной реабилитации наркозависимых лиц на 2025–2026 гг., утвержденный Заместителем Премьер-министра Республики Беларусь, не содержит (как и аналогичные планы на предыдущие периоды) специальных положений, касающихся женщин. С одной стороны, это может быть оправдано в контексте подходов гендерного равенства и недискриминации. В то же время, как представляется, может быть целесообразным выделить отдельные направления профилактики среди женщин, как это сделано, например, для возрастных групп. Так, к таким мероприятиям можно отнести:

- отработку женщин, находящихся в близких отношениях с лицами мужского пола, являющихся наркоманами;
- проведение профилактической работы с лицами, занимающимися проституцией;
- проведение профилактической работы с лицами, в отношении которых совершены преступления против половой свободы (сексуальное принуждение в детском возрасте и насилие со стороны интимного партнера являются однозначными факторами риска антисоциального поведения и наркомании среди женщин и могут предсказывать рецидив по прошествии многих лет);
- проведение консультаций нарколога с лицами, находящимися в тяжелых депрессивных состояниях, а также подвергаемых домашнему насилию в целях предупреждения злоупотребления рецептурными лекарствами;
- наличие возможности для женщин оказания им помощи и лечения со стороны лиц того же пола. Это положение касается поручения расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных женщинами, наиболее опытным следователям-женщинам в целях достижения наибольшего психологического контакта с обвиняемыми и полного установления всех обстоятельств дела, в том числе причин и условий совершения женщинами наркопреступлений;
- возможность получения помощи без риска изъятия ребенка, если при этом отсутствуют иные основания;
- пропаганду здорового образа жизни и распространение сведений об особенностях беременности лиц, употребляющих наркотики, в женских консультациях и др.

Таким образом, женщины потребляют наркотические средства меньше мужчин, и в структуре преступности процент наркопреступлений,

совершаемых женщинами, не составляет подавляющего большинства, хотя и является значительным, вызывает тревогу и требует мер реагирования. Проводимые исследования показывают, что женский наркотизм характеризуется определенными отличительными чертами, среди которых мотивы начала и продолжения потребления, выбор наркотических средств, характер развития зависимости, характер участия в незаконном обороте, и научное познание в данной сфере должно быть продолжено. Физиологические, интеллектуальные, эмоционально-волевые особенности женщин, их ценностные ориентации, потребности и способы их удовлетворения должны учитываться при проведении профилактики девиантного поведения женщин в сфере наркотизма и отражаться в конкретных мероприятиях планов противодействия наркомагии и незаконному обороту наркотических средств и реабилитации зависимых лиц.

1. Численность женщин, совершивших преступления по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000007> (дата обращения: 14.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Более 31,000 женщин в Европе и Центральной Азии находятся в местах лишения свободы по статьям, связанным с наркотиками [Электронный ресурс] // Сеть Полиция и ВИЧ : [сайт]. URL: <https://www.leahn.org/ru/archives/948> (дата обращения: 16.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Отчет о научно-исследовательской работе «Причины латентности наркомагии, эффективность методик реабилитации и лечения, мер профилактики и предупреждения, прогнозирование развития наркоситуации, направления корректировки мер по противодействию наркоугрозе» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций в Беларуси : [сайт]. URL: https://belarus.un.org/sites/default/files/2022-09/Final%20Version%20of%20Drug%20Policy%20Assessment_13.07.2021-1.pdf (дата обращения: 04.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Киркина Н. В. Женщина наркоманка и наркопреступница // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 157–158. [Вернуться к статье](#)

5. Женщины и наркотики. Наркопотребление, наркоснабжение и их последствия [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности : [сайт]. URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2018/V1804959_BOOKLET5_russX4.pdf (дата обращения: 14.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Наркопотребление как общемировая угроза. Профилактика наркомагии в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Брестский областной онкологический диспансер : [сайт]. URL: <https://www.oncology.brest.by/informatsiya/edinyj-den-informirovaniya/92-edinyj-den-informirovaniya/1373-narkopotreblenie-kak-obshchemirovaya-ugroza-profilaktika-narkomanii-v-respublike-belarus> (дата обращения: 14.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Барановский Н. А. Социологический мониторинг антиобщественных явлений в системе обеспечения национальной безопасности в социальной сфере // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 434–446. [Вернуться к статье](#)
8. Женщины и наркотики [Электронный ресурс] // Международный комитет по контролю над наркотиками : [сайт]. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/Thematic_chapters/Russian/AR_2016_R_ChapterI.pdf (дата обращения: 14.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Тиганов А. С. Экзогенные психические расстройства. Наркомании и токсикомании у женщин [Электронный ресурс] // Научный центр психического здоровья : [сайт]. URL: <https://www.psychiatry.ru/lib/54/book/32/chapter/47> (дата обращения: 14.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Соломатина Е. А. К вопросу о проблеме употребления наркотиков лицами женского пола как формы девиантного поведения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 12. С. 62–66. [Вернуться к статье](#)
11. Такман Э. Практика инъекционного употребления наркотиков женщинами по их собственным словам: качественное исследование [Электронный ресурс] // Журнал снижения вреда : [сайт]. URL: <https://harmreductionjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12954-015-0041-6> (дата обращения: 13.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Брэд К., Рэндалл К. Гендерные различия в расстройствах, связанных с употреблением веществ [Электронный ресурс] // Elsevier : [сайт]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0193953X05700745> (дата обращения: 13.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
13. История «Бонни и Клайда», наркотики с пеленок и дело «великолепной» пятерки: рассказываем об актуальной проблеме [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://sk.gov.by/special/ru/news-usk-minsk-ru/view/istorija-bonni-i-klejda-narkotiki-s-pelenok-i-delo-velikolepnoj-pjaterki-rasskazyvaem-ob-aktualnoj-probleme-10970/> (дата обращения: 15.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
14. Свило С. М. Криминологическая характеристика преступности женщин в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3 апр. 2015 г. / [редкол.: А. В. Яскевич (отв. ред.) и др.]. Минск : Акад. МВД, 2015. С. 161–162. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.72/.73

ЗАЩИТА ПРАВ КАК ИНДИКАТОР СФОРМИРОВАННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

А. А. Дыжова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальной в настоящее время темы защиты прав и законных интересов молодежи, а также особенностям их реализации. Анализируются данные социологического опроса в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси», проводимого в 2022–2024 гг.

Ключевые слова: правовая культура, молодежь, защита прав, правовое сознание.

Annotatoin. The article is devoted to the consideration of the currently relevant topic of protecting the rights and legitimate interests of young people, as well as the features of their implementation. The data of a sociological survey are analyzed within the framework of the research topic «Legal culture of youth in the context of the formation of a single socio-legal space of Russia and Belarus» conducted in 2022–2024.

Keywords: legal culture, youth, protection of rights, legal consciousness.

В соответствии с Молодежной политикой ООН сегодня в мире проживает 1,8 миллиарда молодых людей. Согласно Молодежной стратегии ООН «Молодежь — 2030» (далее — Молодежная стратегия), расширение прав и возможностей молодежи и обеспечение ее развития и участия в жизни общества являются как целями, так и средствами построения лучшего мира. Одной из приоритетных задач Молодежной стратегии является установление приоритета в информационно-пропагандистской деятельности и разработке политики защиты прав молодых людей, предотвращение нарушения прав и борьба с данными нарушениями, повышение внимания к нуждам молодежи, а также доступ их к правосудию [1].

Для эффективной реализации прав и законных интересов молодым людям необходимо обладать знаниями в области права. В этой связи особое значение приобретает правовое просвещение граждан, которое включает в себя не только усвоение ими правовых знаний, но и понимание его требований и дозволений, а также умение эффективно применять их на практике. Позитивное развитие правосознания и оформление правовой культуры напрямую зависит от качества

общения граждан и государственных органов. Одним из показателей такого диалога выступает «уровень защищенности» граждан [2, с. 63].

В рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси», осуществляемой по Соглашению о научно-исследовательской деятельности учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» с федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет» автором был проведен социологический опрос. Объектом исследования являлась студенческая молодежь в возрасте от 18 до 31 года, обучающаяся в высших учебных заведениях г. Могилева, Могилевской области (Республика Беларусь) и г. Москвы (Российская Федерация). Число опрошенных составило 655 респондентов, 320 из них — студенты высших учебных заведений России и 335 — Беларуси. В ходе социологического опроса молодым людям был задан вопрос о том, что является помехой в реализации их прав и свобод. Результаты анкетного опроса отражены на рисунке 1.

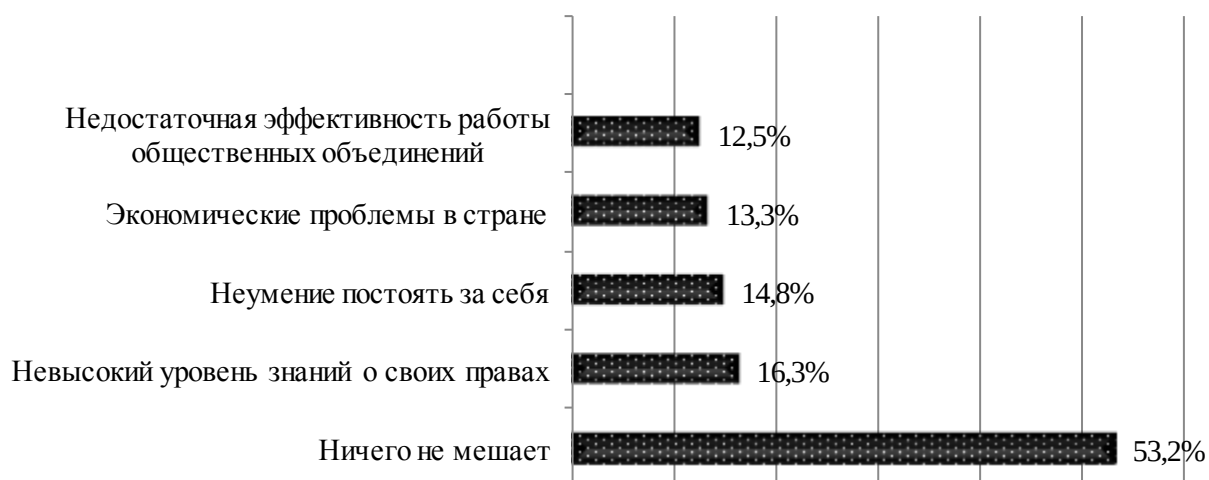

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что мешает Вам в реализации прав и свобод?» (Российская Федерация), в процентах*

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Как видим на диаграмме, больше половины юношей и девушек, обучающихся в учебных заведениях России, не видят препятствий для реализации своих прав и законных интересов, данный ответ выбрали 53,2 % опрошенных.

* Данные получены автором в ходе социологического опроса.

Однако 16,3 % молодежи отметили, что у них нет достаточных правовых знаний, что позволило бы им в полной мере защитить свои законные права и интересы. Неумение постоять за себя как причину невозможности в полной мере реализовать свои права и законные интересы указали 14,8 % респондентов, экономические проблемы отметили 13,3 % опрошенных, недостаточно эффективный уровень работы общественных объединений — 12,5 % юношей и девушек.

Что касается анализа результатов социологического опроса, проводимого среди студенческой молодежи Республики Беларусь, то их результаты отражены на рисунке 2.

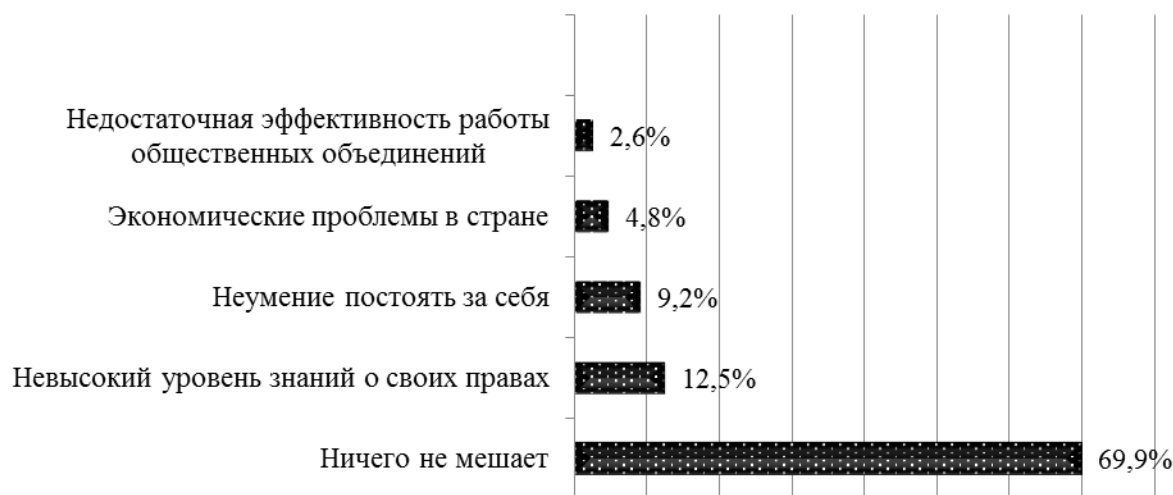

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что мешает Вам в реализации прав и свобод?» (Республика Беларусь), в процентах*

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Как видим на диаграмме, об отсутствии преград в защите прав и законных интересов указали 69,9 % респондентов, это на 16,7 % больше по сравнению с ответами, которые были даны российской молодежью. Невысокий уровень знаний о своих правах отметили 12,5 % юношей и девушек, неумение постоять за себя — 9,2 %, экономические проблемы в стране — 4,8 %, недостаточную эффективность работы общественных объединений — 2,6 % молодых людей (этап 2.5 НИР «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси»).

Данные результатов социологического опроса указывают на необходимость усиления роли общественных организаций в повышении правовой грамотности и, как следствие — правовой культуры молодежи. Так, согласно

* Данные получены автором в ходе социологического опроса.

постановлению Совета Министров Республики Беларусь «О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года» (далее — Стратегия) 19 июня 2021 г. № 349, на 1 января 2021 г. в республике зарегистрировано 384 молодежных общественных объединения. Основная деятельность общественных организаций в соответствии со Стратегией направлена на расширение практики работы организаций с молодежью, участие в обеспечении правовой защищенности молодежи и совершенствование условий по реализации прав [3]. Необходимо также учесть важность снижения процента молодых людей, у которых недостаточные знания в области права, путем повышения их правовой грамотности и уровня правовой культуры.

Зачастую молодые люди при защите своих прав и законных интересов не могут рассчитывать только на собственные силы. Это может быть связано в том числе и с отсутствием достаточных знаний норм права, а также возможности их применения на практике. В этом случае они обращаются за помощью, о чем свидетельствуют данные социологического опроса, результаты которого приведены в таблице 1.

Таблица

*Распределение ответов на вопрос «На чью помощь рассчитываете в случае нарушения Ваших прав?», в процентах**

Варианты ответа	Российская Федерация	Республика Беларусь
Семья	56,5	40,1
Правоохранительные органы	38,2	37,5
Юристы/адвокаты	48,1	26,5
Рассчитываю на собственные силы	36,3	32,0
Суд	24,4	17,3
Представители государственной власти	14,1	25,0
Администрация организации	14,9	2,6
Общественные организации	10,7	2,9

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Среди официальных структур доверием молодежи пользуются специалисты в области права (юристы, адвокаты), их отметили 48,1 % юношей и девушек Российской Федерации и 26,5 % — Республики Беларусь. И это не случайно, поскольку сфера юриспруденции в настоящее время — одна из наиболее сложных и динамично развивающихся, в связи с чем молодым людям никак не обойтись без квалифицированной юридической помощи. Однако возможность

* Данные получены автором в ходе социологического опроса.

обратиться к специалисту не говорит о том, что самому гражданину не нужно владеть основами правовых знаний. Все это указывает на необходимость повышения уровня правового образования, активизации личностного потенциала юношей и девушек, расширения возможности реализации собственных прав. Как видим из таблицы, в первую очередь за помощью молодежь обращается к семье и это вполне закономерно, данный ответ выбрали 56,5 % респондентов России и 40,1 % — Беларуси. Вторыми по значимости, как мы уже отметили ранее, являются квалифицированные специалисты и правоохранительные органы, их указало 38,2 % молодежи России и 37,5 % — Беларуси. Треть молодых людей, участвовавших в социологическом опросе, отметили, что рассчитывают на собственные силы (36,3 % и 32 % соответственно). На помощь представителей государственной власти рассчитывают 14,1 % опрошенной молодежи Российской Федерации и 25 % белорусов. В суд с иском о восстановлении прав и законных интересов готовы обратиться 24,4 % молодых людей России и 17,3 % — Республики Беларусь. Также молодежь рассчитывает на помощь администрации организаций (14,9 % и 2,6 % соответственно) и общественных организаций (10,7 % и 2,9 % соответственно).

В заключение отметим, что молодежь задействована во всех сферах жизнедеятельности общества, молодые люди наделены социальными, духовными, экономическими и политическими правами, при этом важно, с одной стороны, обеспечить данные права со стороны государства, а с другой — каждый гражданин должен обладать знаниями в области права с целью реализации, а при необходимости и защиты своих прав и законных интересов. В ходе анализа результатов социологического опроса молодежи в рамках научно-исследовательской темы становится понятным, что большая часть респондентов указывает на отсутствие каких бы то ни было препятствий для защиты своих прав (53,2 % молодежи России и 69,9 % — Беларуси). При этом треть анкетированных юношей и девушек самостоятельно осуществляют защиту своих прав (36,3 % и 32 % соответственно). Большинство молодых людей (56,5 % и 40,1 % соответственно) отмечают вклад семьи в их правовое образование и защиту законных интересов, так как именно семья занимает значимое место в структуре ценностей молодежи. Именно в семье происходит первичная социализация и воспитание молодых людей, формируются морально-ценностные установки, которые в дальнейшем определяют характер и поведение молодежи. В целом сегодня для поведения молодежи в сфере социально-правовых отношений характерно устойчивое стремление решать проблемы правовым путем. Формируя правосознание молодежи, необходимо добиваться повышения ее правовой культуры, которое включает в себя не только знание правовой теории, но и позитивное отношение к правовым ценностям; установки на проявление

социально-правовой активности, на развитие готовности не просто следовать правовым предписаниям, но и активно реализовывать свои права и обязанности.

1. Молодежная стратегия ООН «Молодежь — 2030» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Молодежь Содружества» : [сайт]. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/2583> (дата обращения: 25.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Дыжова А. А., Демидова А. В. Правовая культура и правовое сознание учащейся молодежи: социолого-правовой анализ : моногр. Могилев : МГУП, 2013. 165 с. [Вернуться к статье](#)

3. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 : с изм. и доп. от 05.12.2024 г. № 906. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 37.014

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Дыжова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

А. В. Демидова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
доцент кафедры социологии и культурологии,
кандидат социологических наук, доцент

Аннотация. Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность по повышению правовой культуры граждан. В статье анализируется опыт Республики Беларусь и Российской Федерации по повышению уровня правовой культуры молодежи путем целенаправленной деятельности государства по правовому воспитанию граждан.

Ключевые слова: правовая культура, правовое образование, молодежь, правовое воспитание, правовое сознание.

Annotation. Legal education is a targeted activity to improve the legal culture of citizens. The article analyzes the experience of the Republic of Belarus and the Russian Federation in raising the level of legal culture of young people through targeted activities of the state on legal education of citizens.

Keywords: legal culture, legal education, youth, legal education, legal consciousness.

Правовое воспитание как особая форма общественной деятельности начало складываться с появлением права как специфического средства регулирования поведения человека. Как правило, ученые дают определение правового воспитания в широком и узком смыслах. В широком смысле речь идет о правовой социализации, которая представляет собой процесс развития способностей личности к осознанию норм права и уважительному к нему отношению [1, с. 48]. Правовое воспитание в узком смысле направлено на формирование правового сознания личности, изучение правовых норм, регулирующих правовое поведение, и осознание готовности соблюдения законодательства.

Правовое воспитание представляет собой вид деятельности государственных органов по формированию и повышению правовой культуры граждан. Осуществление правового воспитания и просвещения граждан Республики Беларусь и Российской Федерации происходит в рамках Молодежной политики стран и регулируется в частности постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 января 2024 г. № 24 «О правовом воспитании и

просвещении граждан в 2024–2029 годах» [2]. В Российской Федерации отметим утвержденные Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [3] и иные нормативные правовые акты.

Правовое воспитание напрямую связано с правовым образованием, благодаря которому оно и реализуется. Правовое воспитание выступает способом выражения и передачи теоретического правового материала субъекту воспитания. При этом важным является довести до граждан определенную правовую информацию.

Роль правового воспитания как основы повышения правовой культуры молодежи была выявлена нами в ходе осуществления социологического опроса, проводимого в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси», осуществляемой по Соглашению о научно-исследовательской деятельности учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» с федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет». Объектом исследования являлась студенческая молодежь в возрасте от 18 до 31 года, обучающаяся в высших учебных заведениях г. Могилева и Могилевской области (Республика Беларусь) и г. Москвы (Российская Федерация). Число опрошенных составило 655 респондентов, 320 из них — студенты высших учебных заведений России и 335 — Беларуси.

Определяя агентов правовой социализации молодежи в ходе социологического опроса, нами был задан вопрос о том, кто внес значительный вклад в правовое воспитание юношей и девушек. Результаты анализа опроса отражены на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Кто внес наиболее значимый вклад в Ваше правовое воспитание?» (Российская Федерация), в процентах

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Данные, приведенные на диаграмме, подтверждают тот факт, что семья является важнейшим агентом социализации молодежи Российской Федерации. Семью отметило 73 % респондентов. Именно она составляет первое и самое близкое «социальное окружение» человека. Именно с помощью семьи индивид вписывается в общество, она формирует первичную социальную сущность индивида. Но, не смотря на то, что значимый вклад в правовое воспитание молодых людей вносят их родители, зачастую этот процесс заключается не в усвоении норм права, а в понимании обыденных правил поведения.

Не менее важную, а зачастую корректирующую роль в формировании правового сознания и воспитания молодежи выполняет система образования, ее отметили 63,9 % опрошенных. Важно, на наш взгляд, чтобы знания, полученные в семье, подкреплялись и совершенствовались именно учреждениями образования. Отметим, что 46,4 % юношей и девушек указали, что самостоятельно изучают нормы права, а 14,9 % в качестве агентов указали общественные организации.

При анализе результатов социологического опроса, проводимого в белорусских учреждениях высшего образования, картина выглядит иначе. Результаты отражены на рисунке 2.

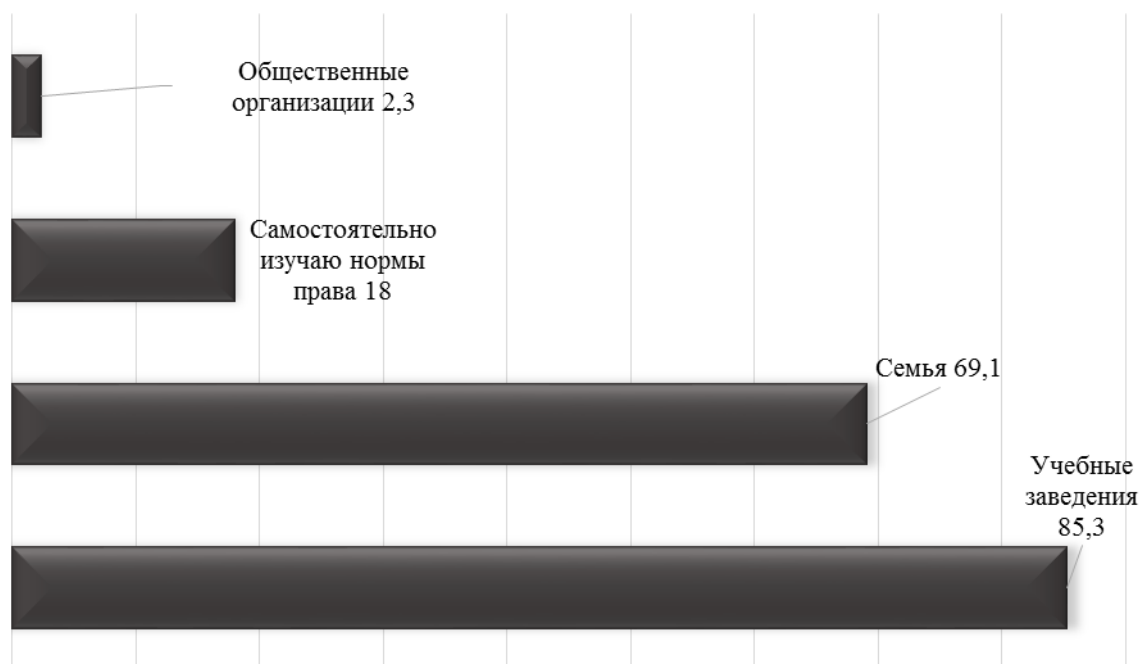

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кто внес наиболее значимый вклад в Ваше правовое воспитание?» (Республика Беларусь), в процентах

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

На первом месте среди молодежи нашей республики в качестве агента отмечают учебные заведения, их указало 85,3 % опрошенных, далее семья — 69,1 % респондентов, самостоятельно изучают нормы права 18 % юношей и девушек, 2,3 % отметили общественные организации (этап 2.5 НИР «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси»).

В ходе проводимого социологического опроса также было изучено мнение молодежи о роли права в государстве. Результаты анкетного опроса отражены в таблице 1.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Какова, по Вашему мнению, роль права в государстве?», в процентах

Варианты ответа	Российская Федерация	Республика Беларусь
Обеспечение прав и свобод граждан	66,9	72,1
Обеспечение безопасности граждан	49,8	29,0
Обеспечение социальной справедливости	42,6	23,2
Затруднились ответить	11,8	3,7

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100 %.

Большинство респондентов Российской Федерации (66,9 %) и Республики Беларусь (72,1 %) выразили уверенность в том, что нормы права служат для обеспечения прав и свобод граждан, а также для обеспечения их безопасности (49,8 % и 29 % соответственно). Ответ «Обеспечение социальной справедливости» выбрало 42,6 % молодых людей России и 23,2 % Беларуси. Таким образом, большинство респондентов считают, что право реализует свое основное предназначение в демократическом государстве, обеспечивая свободное развитие личности и порядок в обществе.

Как видим из результатов исследования, для молодежи России и Беларуси основными субъектами правового воспитания являются семья и учреждения образования. Сегодня образовательная среда должна стать базовым элементом правового воспитания и формирования правовой культуры студентов, при этом необходимо научить молодых людей правильно и избирательно использовать современные методы получения актуальной правовой информации.

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что важным ключевым моментом в развитии правовой культуры, начиная с правового воспитания, является реализация системы мер по комплексному обеспечению граждан полной и актуальной официальной правовой информацией, а также применение различных методов и средств правового просвещения и повышения юридической грамотности как граждан в целом, так и молодежи в частности.

1. Дыжова А. А., Демидова А. В. Правовая культура и правовое сознание учащейся молодежи: социолого-правовой анализ : моногр. Могилев : МГУП, 2013. 165 с. [Вернуться к статье](#)

2. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 янв. 2024 г. № 24 : с изм. и доп. от 28.06.2024 г. № 453. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации от 28 апр. 2011 г. № Пр-1168. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 378.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РЕГУЛЯЦИИ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Р. И. Канунников

Уральский юридический институт МВД России,
доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин,
кандидат психологических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены особенности формирования правовой культуры курсантов и иностранных слушателей в вузах Министерства внутренних дел России. Автор проанализирована сущностная характеристика понятия правовой культуры, поликультурности. Изучены аспекты регуляции отношений в образовательном пространстве учреждений высшего образования Министерства внутренних дел России. На основе полученных данных представлены рекомендации по формированию правовой культуры у иностранных слушателей и курсантов вузов Министерства внутренних дел России.

Ключевые слова: правовая культура, курсанты, иностранные слушатели, регуляция взаимоотношений, поликультурность.

Annotation. The article examines the features of the formation of legal culture of cadets and foreign students in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author analyzes the essential characteristics of the concept of legal culture, multiculturalism. The aspects of regulating relations in the educational space of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are studied. Based on the data obtained, recommendations are presented for the formation of legal culture among foreign students and cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: legal culture, cadets, foreign students, regulation of relationships, multiculturalism.

Правовая культура — это основополагающий фактор развития гражданского общества. Уровень правовой культуры во многом определяет развитие и функционирование общества. Важно понимать, что первоочередной задачей любого государства является формирование норм права, правовых ценностей у подрастающего поколения. Именно у молодежи в большей степени подвержено трансформации правосознание, что может приводить к формированию искаженных представлений о своем поведении в обществе. Представители молодежи не имеют обширного жизненного опыта, не имеют системы правовых ценностей, ориентируются при этом чаще всего на поведение значимых людей [1, с. 102].

Современное развитие общества требует создания и развития качественной системы высшего образования. В рамках системы высшего образования

важно эффективно организовать правовое обучение и воспитание, направленное на развитие поликультурности в условиях построения многонационального общества.

При поступлении молодых людей в вуз, как правило, возникает необходимость в целенаправленной систематической работе по формированию правовой культуры. Не являются исключением и вузы Министерства внутренних дел (далее — МВД) России. В этих вузах также существует необходимость в такой работе с курсантами, особенно на начальном этапе обучения. Проблемой формирования правовой культуры в вузах МВД России занимались такие ученые, как А. С. Тюлина, В. В. Шанько, И. С. Нестеренко, А. А. Хромых, Н. А. Нефедова и др.

Имеет место точка зрения, что правовая культура — это совокупность накопленных юридических ценностей обществом и уровень осознанной реализации их отдельной личности.

Понятие правовой культуры достаточно многообразно. Так, например, по мнению Н. А. Славовой, правовая культура — это накопленные юридические понятия и ценности, реализуемые в системе общественных отношений [2, с. 49].

Правовая культура позволяет сфокусироваться на правовых аспектах. Поликультурность выступает основой для уважения и признания культурного многообразия. Поликультурность реализуется в образовательном процессе за счет признания равноценности всех этнических и социальных групп. Правовая культура позволяет создать прочную основу для регуляции отношений в поликультурном многообразии обучающихся в вузах МВД России. Поликультурная реальность способствует взаимопроникновению различных культур, создает условия для аккультурации. У обучающихся в условиях поликультурности происходит осознание разных культур, формируется стремление к пониманию традиций, взглядов людей, представляющих иные культуры [3, с. 245].

В вузах МВД России учатся представители различных национальностей: русские, татары, дагестанцы, моголы, никарагуанцы и т. д. В связи с этим необходимо у курсантов развивать поликультурность, делая упор на выработку навыков межкультурной компетенции. Формирование навыков взаимодействия с представителями разных культур является основой для межнационального общения и понимания, способствует преодолению разного рода конфликтных ситуаций. Конечно, такое взаимодействие будет наиболее эффективным, если будет развиваться на основе правовой культуры.

Начиная с первого курса необходимо формировать навыки правовой культуры не только у иностранных слушателей, но и у курсантов.

В поликультурном курсантском сообществе важно выделить следующие особенности, направленные на формирование правовой культуры:

Овладение курсантами и иностранными слушателями правовыми знаниями в процессе межличностного взаимодействия. Такое взаимодействие может включать проведение совместных научных исследований, организацию и проведение совместных праздников и т. д.

Как считает В. В. Шанько, выработанные правовые ценности способствуют формированию правосознания, позволяют повысить межкультурное взаимодействие. Организация и проведение учебного курса по основам правовой культуры не только России, но и тех стран, из которых слушатели проходят обучение в вузе. Нужно организовывать целенаправленное поликультурное воспитание, а также создавать условия для самообразования не только курсантов и слушателей, но и кураторов, курсовых офицеров, преподавателей [4, с. 178].

Усвоение обучающимися специфики системы правовых знаний. Правовые знания должны формироваться в рамках профессионально ориентированного характера обучения, с учетом правовых норм Российской Федерации. При этом основополагающим подходом должен стать индивидуально-личностный, направленный на осознание и принятие правовых норм.

Выработка социально значимых мотивов. Именно мотивы являются основой формирования уважительного отношения к правовым нормам, стремления соблюдать их в условиях поликультурного общества, при этом уважительно относиться к правовым нормам представителей других государств. Мотивы также позволяют сформировать убеждения у обучающихся в необходимости соблюдения законов [5].

Отработка навыков правомерного поведения на основе применения теоретических знаний в практической деятельности. Правовая культура является базой для такого поведения, которое отражает суть будущей профессиональной деятельности. В образовательном процессе важно не только развивать стремление курсантов и слушателей к реализации правовой культуры, но и учитывать это при работе с профессорско-преподавательским составом, курсовыми офицерами и кураторами. Фиксация нарушений правомерного поведения позволит вести учет такого рода нарушений и разбирать конкретные ситуации с целью их недопущения в будущем. Сформированная правовая культура позволяет регулировать в поликультурном пространстве систему взаимоотношений между курсантами и иностранными слушателями в образовательных учреждениях МВД России [6, с. 61].

Высокий уровень правовой культуры в условиях поликультурности позволяет сформировать у обучающихся позитивное восприятие культур,

традиций, религий. В результате у обучающихся появляется возможность объективно оценивать межкультурные и межэтнические различия, выстраивать эффективное взаимодействие с представителями других культур.

Правовая культура способствует осознанию ценности прав и свобод личности, формированию уважительного отношения к культуре других народов, развивает стремление к познанию особенностей других культур.

Таким образом, формирование правовой культуры в условиях поликультурности в высших образовательных учреждениях МВД России имеет свои особенности. Учет данных особенностей позволит повысить эффективность формирования правовой культуры. Высокая правовая культура не только является основой нетерпимости к нарушениям порядка и законности, но и способствует развитию межнациональных отношений среди курсантов и слушателей, обучающихся в вузах МВД России.

1. Брутян В. А. Аксиологический аспект правового воспитания, правосознания и правовой культуры [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 8. С. 101–105. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36111> (дата обращения: 01.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. № 3. С. 48–55. [Вернуться к статье](#)

3. Нестеренко И. С., Хромых А. А., Нефедова Н. А. Поликультурное воспитание курсантов в рамках кураторской деятельности в образовательных организациях МВД // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-2. С. 245–247. [Вернуться к статье](#)

4. Шанько В. В. Построение социокультурного образовательного пространства как условие формирования профессионально-правовой культуры курсантов вузов МВД России // Перспективы науки. 2020. № 5 (128). С. 177–179. [Вернуться к статье](#)

5. Ефимов А. А., Евдошенко В. В., Шумакова Е. В. Пути совершенствования поликультурного воспитания сотрудников полиции // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1. С. 231–233. [Вернуться к статье](#)

6. Тюлина А. С. Особенности формирования профессионально-правовой культуры курсантов образовательных организаций МВД России // Гуманитар. исслед. Педагогика и психология. 2022. № 12. С. 55–65. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

**АКАДЕМИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И АКАДЕМИЯ ФСИН
РОССИИ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ****Н. В. Кийко**

Академия МВД Республики Беларусь,
начальник уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуется опыт взаимодействия Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России в области подготовки высококвалифицированных кадров для пенитенциарных систем Беларуси и России. Проанализированы ключевые направления взаимодействия и достигнутые результаты.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; подготовка кадров; образовательный процесс; научно-методическая работа.

Annotation. The article examines the experience of cooperation between the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus and the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia in the field of training highly qualified personnel for the penitentiary systems of Belarus and Russia. Key areas of cooperation and achieved results are analyzed.

Keywords: penal system; personnel training; educational process; scientific and methodological work.

Взаимодействие Академии МВД Республики Беларусь и Академии ФСИН России имеет большое значение для формирования эффективной уголовно-исполнительной политики государств. С учетом происходящих геополитических событий Республика Беларусь и Российская Федерация усилили работу, направленную на повышение степени защищенности национальной безопасности, и в частности, на борьбу с преступностью. В основе этой деятельности выступает подготовка высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы обоих государств. Особую актуальность рассматриваемого направления обуславливает тесное сотрудничество в применении единых подходов борьбы с преступностью, в том числе и в вопросах исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности, что является ключевым аспектом реализации эффективной уголовно-исполнительной политики. В связи с изложенным представляется важным раскрыть опыт взаимодействия ведущих учебных заведений пенитенциарного профиля Беларуси и России.

Взаимодействие Академии МВД с Академией ФСИН в подготовке научных и учебно-методических изданий берет свое начало с середины 90-х гг. XX в. 14 апреля 1993 г. на базе Учебного центра Главного управления

исполнения наказаний МВД Республики Беларусь создан факультет по обучению и повышению квалификации сотрудников исправительно-трудовых учреждений, службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, Академии милиции МВД Республики Беларусь. В июле 1994 г. он стал называться факультетом по подготовке сотрудников исправительно-трудовых учреждений и спецкомендатур, а в его составе образована кафедра исполнения наказаний, которая для качественной подготовки кадров нуждалась в формировании комплекса учебных дисциплин специализации «Уголовно-исполнительная деятельность».

Особенно остро данная проблема ощущалась в связи с распадом СССР и необходимостью обновления законодательства БССР и правоприменительной практики. Решением указанного вопроса занимался начальник кафедры доктор исторических наук, профессор А. В. Шарков, который в период с 1994 по 1995 г., используя положительный опыт и материалы, полученные в рамках взаимодействия с Рязанской высшей школой МВД России, совместно с коллективом кафедры осуществил разработку собственной учебно-программной документации, создание необходимой учебно-методической базы. На высоком научно-методическом уровне был обеспечен образовательный процесс, что позволило осуществлять качественную подготовку специалистов для уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, учитывая положительный опыт Рязанской высшей школы МВД в указанной сфере.

Не менее важный вклад в развитие сотрудничества в указанный период времени внес доктор юридических наук, профессор В. Б. Шабанов, который на момент становления кафедры уголовно-исполнительного права занимал должность заместителя начальника Комитета исполнения наказаний Республики Беларусь и обеспечивал взаимодействие Рязанской высшей школы, а в последующем — Рязанского института права и экономики МВД России и Академии МВД Республики Беларусь по линии межведомственного сотрудничества уголовно-исполнительных ведомств Беларуси и России.

Наряду с формированием научно-методической документации, немаловажным направлением развития факультета и кафедры уголовно-исполнительного права являлась разработка учебного фонда, соответствующего современным трендам развития науки уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительной системы. Большое значение в рамках реализации данного направления деятельности кафедры приобрела совместная работа представителей Академии ФСИН России и Академии МВД Республики Беларусь по подготовке совместных монографий, учебников, учебных пособий и аналитических обзоров. Указанная работа началась в 1994 г. и осуществляется на постоянной основе до настоящего времени. Так, авторским коллективом

с участием представителей Академии МВД Республики Беларусь и Академии ФСИН России ведется работа по подготовке совместного учебного пособия «Ресоциализация и пробация в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и Республики Беларусь», запланированная к изданию в текущем году. Всего с момента начала сотрудничества подготовлено более 30 совместных работ. Кроме этого, представители обоих учебных заведений выступают в качестве рецензентов по изданиям, подготавливаемым авторскими коллективами.

На постоянной основе представители Академии МВД Республики Беларусь и Департамента исполнения наказаний принимают участие в проводимом с 2013 г. Академией ФСИН России Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», а также в международных научно-практических конференциях, в рамках которых осуществляется обмен опытом в сфере исполнения наказаний. Помимо участия в научных мероприятиях, представители Академии МВД Республики Беларусь публикуют результаты своих исследований в научных журналах, издаваемых Академией ФСИН России, что позволяет осуществлять апробацию результатов. Кроме этого, представители Академии МВД входят в состав редакционной коллегии журнала «Уголовно-исполнительное право».

Следующим значимым направлением является подготовка кадров высшей научной квалификации Академией ФСИН для Республики Беларусь. Первым значимым событием в указанной области стала защита в 2000 г. В. Г. Стукановым в диссертационном совете, функционирующем на базе Рязанского института права и экономики Министерства юстиции Российской Федерации, диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.06 «Юридическая психология» на тему «Особенности исправительной коррекции личности корыстных преступников в условиях лишения свободы», подготовленной под руководством доктора психологических наук, профессора А. Н. Пастушени.

20 декабря 2006 г. между Академией МВД Республики Беларусь и Академией права и управления ФСИН России подписан Протокол о сотрудничестве, предусматривающий расширение возможностей для углубленного сотрудничества в сфере подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы России и Беларуси. В рамках Протокола осуществлялось обучение представителей Академии МВД Республики Беларусь на факультете подготовки научно-педагогических кадров в период с 2011 по 2014 г., инициатором и организатором которого выступил В. Б. Шабанов, являвшийся в тот период заместителем начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе. В 2014 г. Н. В. Кийко под руководством доктора юридических наук, профессора В. Б. Шабанова защищена диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» на тему «Законные интересы осужденных к лишению свободы: правовое регулирование и практика реализации (на примере Республики Беларусь)», а в 2015 г. К. С. Суховаровым под руководством доктора юридических наук, профессора Ю. А. Кашубы — по аналогичной специальности на тему «Уголовные наказания имущественного характера как альтернатива лишению свободы».

На сегодняшний день подготовка кадров в рамках взаимодействия Академии МВД Республики Беларусь и Академии ФСИН России осуществляется на основании соглашения о сотрудничестве № 548, подписанного 9 сентября 2020 г. Предметом соглашения является организация сотрудничества в целях взаимного обмена нормативной, правовой, научной, учебной, методической, статистической и иной информацией, представляющей взаимный интерес для Академии МВД Республики Беларусь и Академии ФСИН России. Уверен, что проработка вопроса и возобновление подготовки как кандидатских, так и докторских диссертаций на базе Академии ФСИН России в интересах Республики Беларусь будет способствовать укреплению взаимодействия и сотрудничества наших образовательных организаций. Подтверждением актуальности указанного вопроса является Указ Президента Республики Беларусь от 11 декабря 2024 г. № 461 «О проекте международного договора», которым одобрен проект соглашения о подготовке кадров для пенитенциарных служб государств — участников Содружества Независимых Государств в качестве основы для проведения дальнейших переговоров. И 12 декабря 2024 г. в Москве главами правительств стран СНГ подписано «Соглашение о подготовке кадров для пенитенциарных служб государств — участников Содружества Независимых Государств», направленное на создание эффективных механизмов взаимодействия в рассматриваемой сфере.

Также взаимодействие осуществляется и в рамках подготовки научных кадров высшей квалификации для Российской Федерации. Так, доктор юридических наук, профессор В. Б. Шабанов выступал в качестве научного руководителя и официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, защищавшимся в диссертационном совете при Академии ФСИН России. Кроме этого, представители Академии ФСИН осуществляют подготовку отзывов на авторефераты и акты внедрения в интересах Академии МВД Республики Беларусь, аналогичная работа проводится и сотрудниками Академии МВД в интересах ВУЗов ФСИН России.

Значимым направлением взаимодействия является участие с 2013 года представителей Академии МВД Республики Беларусь в Международной неделе творчества курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России

«Виват, курсанты!». В 2013–2025 гг. курсантские команды Академии МВД Республики Беларусь под руководством Н. В. Кийко, Т. Г. Терещенко, С. И. Проценко, С. Л. Гайковича, А. А. Тита, Е. Г. Терещенко, П. Н. Высоцкой стали победителями в общей совокупности в более чем 50 номинациях. Уверен, что подобная практика будет продолжаться.

Важным направлением взаимодействия выступает участие представителей Академии ФСИН в мероприятиях, проводимых Академией МВД Республики Беларусь. Представители Академии ФСИН, как и иных ВУЗов и научно-исследовательского института ФСИН России, принимают активное участие в научных мероприятиях Академии МВД, из числа которых можно отметить ежегодную международную научно-практическую конференцию «Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов», а также научно-практические конференции, проводимые кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета «Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права, криминологии и исполнения наказаний». В совокупности представители Академии ФСИН России приняли участие в более 50 конференциях, проводимых в Академии МВД Республики Беларусь.

Кроме конференций, апробацию научных идей представители Академии ФСИН России осуществляют в научно-практическом журнале «Вестник Академии МВД Республики Беларусь», который выходит один раз в полугодие.

Не остаются в стороне и курсанты Академии ФСИН России, которым на базе Академии МВД Республики Беларусь предоставляются возможности реализовать свой научный и творческий потенциал. Здесь можно выделить ежегодную научную конференцию по юриспруденции для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов «Актуальные проблемы юридической науки: взгляд молодежи», участие в которой принимают курсанты Академии ФСИН России. Также курсанты Академии ФСИН России неоднократно принимали участие в Международном турнире по интеллектуальным играм «Щит и меч» и Международном конкурсе ораторского мастерства среди студентов «Цицероний».

Таким образом, более 30 лет осуществляется взаимовыгодное и результативное взаимодействие между Академией МВД Республики Беларусь и Академией ФСИН России, направленное на подготовку высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы обоих государств, совершенствование нормативного и методического обеспечения исполнения наказаний. Тесное сотрудничество в области формирования единых подходов борьбы с преступностью, в том числе и в вопросах исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности, является ключевым аспектом реализации эффективной уголовно-исполнительной политики. Проводимая работа позволяет

развивать и укреплять образовательный и научный потенциал Союзного государства Беларуси и России, отвечающий современным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

УДК 351.85

ПРАВОВОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ МИНИСТЕРСТВУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, В РОССИИ

Е. С. Лапова

Краснодарский университет МВД России,
преподаватель кафедры теории и истории права и государства

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности использования правового обучения населения и сотрудников органов внутренних дел средствами массовой информации, подведомственными Министерству внутренних дел.

Правовое обучение рассматривается как углубленное и профессионально ориентированное правовое просвещение, осуществляемое с помощью различных каналов распространения информации с целью развития правосознания, формирования правовых знаний и умений.

Ключевые слова: правовая культура; профессиональная правовая культура; правовое информирование; правовое обучение; средства массовой информации, подведомственные Министерству внутренних дел.

Annotation. The article describes the features of the use of legal education for the population and employees of internal affairs bodies by the mass media subordinate to the Ministry of Internal Affairs.

Legal education is considered as an in-depth and professionally oriented legal education carried out through various information dissemination channels in order to develop legal awareness, form legal knowledge and skills.

Keywords: legal culture; professional legal culture; legal information; legal education; mass media subordinate to the Ministry of Internal Affairs.

Правовая культура — сложный многогранный феномен, отражающий состояние и трансформации жизненных реалий. Правовая культура является детерминантой реализации государственных функций (в том числе правоохранительной [1; 2]), в связи с чем основными субъектами формирования правовой культуры общества выступают государство и государственные органы, одним из которых в России является Министерство внутренних дел (далее — МВД).

Для эффективного управления информационно-коммуникационной деятельностью МВД России в 1980-х гг. создало специализированную службу по связям с общественностью [3, с. 86], которая благодаря наличию широкого спектра информационно-коммуникационных ресурсов является одним из субъектов формирования правовой культуры российского общества [4, с. 28].

Формирование правовой культуры общества выступает как целенаправленный комплексный процесс создания и развития всей совокупности элементов, составляющих правовую культуру общества [5, с. 66].

Средствами формирования правовой культуры являются правовое воспитание и правовое информирование. Формы, методы и средства, с помощью которых они осуществляются, направлены на закрепление в обществе политико-правовых идей, норм и принципов, являющихся ценностями мировой и национальной правовой культуры [6, с. 364].

Основными формами правового информирования являются правовые осведомление, просвещение и обучение [7, с. 158].

Правовое обучение — углубленное и профессионально ориентированное правовое просвещение, осуществляемое с помощью различных каналов распространения информации с целью развития правосознания, формирования правовых знаний и умений. Основным каналом трансляции правовой информации (в силу сложности юридической информации) являются печатные (прежде всего ведомственные) средства массовой информации (далее — СМИ).

Правовое обучение начало использоваться в периодике МВД России в 1900–1910-х гг. в журналах «Вестник полиции», «Правительственный Вестник» («Русское Государство» с 1906 г.) и было востребовано в течение всего советского периода развития связей МВД с общественностью для повышения уровня правового сознания и правовой культуры как сотрудников/работников органов внутренних дел, так и широких слоев населения. Правовая информация в советских ведомственных СМИ для удобства восприятия была в основном структурирована по разделам и рубрикам, дополнялась консультативными и сравнительными материалами, подготавливаемыми учеными-правоведами и практикующими юристами; включала в себя и теоретические вопросы, и анализ практики с примерами, и задания для аудитории; включала проекты как всесоюзных, так и локальных (ведомственных) нормативных правовых актов, предназначенных для обсуждения и внесения предложений от читателей.

Ведомственные СМИ Российской Федерации продолжили многие традиции использования правового образования, сложившиеся в советское время. В ведомственных СМИ продолжилось размещение разъяснений и комментариев к законодательству, консультативных и сравнительных статей, правовых рубрик «Закон: Дух и буква», «Школа молодого следователя», «Милицейский практикум» (вопрос — решение), «Юрист для всех» (вопрос от читателя — ответ юриста), раздела «Право. Общество. Преступность», рубрик «Ваше право» («Право»), «Кто защитит защитника?», «Твои права и льготы»; вновь издаваемых статей кодексов и комментариев, а также изменений к статьям.

В 2000-х гг. в ведомственных СМИ печатались разъяснения и комментарии к законодательству, правовые рубрики «Читатель спрашивает», «Следственная практика», «ВНИИ МВД РФ разъясняет», «Практикум», «Трибуна молодых ученых», «Словарь профессиональных терминов», «Наука — практика», «Профилактика», разъяснялись права и обязанности, публиковались консультативные статьи.

В 2010-х гг. в ведомственных СМИ осуществлялось размещение разъяснений и комментариев к законодательству, правовых рубрик «Судебная практика», «Опыт: предупреждение преступлений и правонарушений», «Пресечение преступлений: проблемы и практика», «Закон и служба», «Закон “О полиции”»: практика и комментарии», «Социальные гарантии: закон и реальность», «Детская комната полиции», «Правовое просвещение», «Право», разъяснений прав и обязанностей, консультативных статей.

В 2020-х гг. и по настоящее время в печатных ведомственных СМИ публикуются разъяснения и комментарии к законодательству, консультативные статьи, разделы «Право» с различными рубриками, правовые рубрики «Следственная практика», «Освобожденные территории», «Правовой ориентир», «Прокурор разъясняет».

Правовое информирование и правовое обучение как его форма осуществляется службой МВД России по связям с общественностью и в сети Интернет (с 2010-х гг.) на более чем ста интернет-страницах аппаратно-программного комплекса «Официальный сайт МВД России», официальных страницах МВД России и его территориальных органов в социальных сетях с помощью специальных вкладок [8].

Таким образом, использование ведомственными СМИ правового обучения как формы правового информирования практиковалось с конца XIX в. Правовое обучение вплоть до наших дней активно используется ведомственными СМИ для повышения уровня правового сознания и правовой культуры и сотрудников/работников ОВД, и широких слоев населения. Сотрудники/работники ОВД являлись основной целевой аудиторией. Деятельность ведомственных СМИ направлена на формирование у сотрудников ОВД профессионального уровня правовой культуры. Ведомственные СМИ Российской Федерации продолжили многие традиции использования правового образования, сложившиеся в советское время, хотя их деятельность имеет и особенности:

- отсутствие в ведомственных СМИ обсуждений нормативных и локальных (ведомственных) правовых актов;
- большое внимание уделялось разъяснению прав и обязанностей сотрудников ОВД;

– использование для правового информирования сети «Интернет», позволившей добиться большей структурированности письменной правовой информации и обеспечения ее наглядными средствами, позволяющими упростить восприятие сложного правового текста.

1. Нижник Н. С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 106–114. [Вернуться к статье](#)
2. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 410–426. [Вернуться к статье](#)
3. Лапова Е. С. Служба по связям с общественностью МВД России — субъект формирования правовой культуры современного российского общества // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всерос. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей, г. Санкт-Петербург, 23 дек. 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 81–86. [Вернуться к статье](#)
4. Лапова Е. С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества — предмет исследований в современной Российской науке // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 1 (97). С. 27–37. [Вернуться к статье](#)
5. Лапова Е. С. О факторах формирования правовой культуры современного общества // Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 64–75. [Вернуться к статье](#)
6. Балшикеев С. Б., Карасартова М. М. Средства формирования правовой культуры личности // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2. С. 364–366. [Вернуться к статье](#)
7. Осипов Р. А. Правовое информирование: понятие и соотношение со смежными категориями // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2015. № 3 (104). С. 153–158. [Вернуться к статье](#)
8. Договорно-правовой департамент МВД России [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации : [сайт]. URL: <https://дпд.мвд.рф/> (дата обращения: 28.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 316.013

**ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К КОРРУПЦИИ
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

С. Н. Лихачева

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заведующий кафедрой политологии и социологии,
кандидат социологических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматривается феномен коррупции и отношение к нему со стороны общественного мнения. На материалах социологического исследования, проведенного в Могилевской области, изучаются основные формы проявления коррупции, возможности ее профилактики через изменение отношения общественного мнения.*

***Ключевые слова:** коррупция, взяточничество, общественное мнение, профилактика коррупции.*

***Annotation.** The phenomenon of corruption and the attitude of public opinion towards it are considered. Based on the materials of a sociological study conducted in the Mogilev region, the main forms of manifestation of corruption and the possibilities of its prevention through changing public opinion are studied.*

***Keywords:** corruption, bribery, public opinion, corruption prevention.*

Обращение к проблеме коррупции через изучение общественного мнения актуально для понимания распространенности этого явления, зачастую имеющего скрытый характер. Это особый вид преступности, который наносит вред не только конкретным людям, но и устоям общества и государства. «Развитие коррупции является причиной правового нигилизма в обществе. У населения заметно снижается чувство долга перед Родиной и государством. В обществе распадается система моральной регуляции — общепринятые и широко распространенные представления о добре и зле, о нравственном и безнравственном нивелируются» [1]. Исследователи подчеркивают социальность этого явления, связывая его со сложившимся менталитетом и традициями общества.

Понятие «коррупция» определяется как использование должностным лицом служебного положения в корыстных целях. Стремление получить дополнительную выгоду может присутствовать у руководящей элиты любых структур общества, но наибольшее распространение оно получает в сфере социальных услуг и, прежде всего, в государственном управлении, медицинском обслуживании и образовании. Деятельность этих институтов связана с удовлетворением повседневных потребностей людей, в силу чего они вынуждены к ним постоянно обращаться. Неоднозначно коррупционные действия

могут осознаваться на уровне личности: «в ходе социализации индивид может освоить такие представления, в которых некоторые коррупционные практики (в частности, касающиеся решения бытовых вопросов, когда индивид полагает, что не наносит вред обществу) будут считаться нормой, поэтому восприниматься как часть повседневной реальности, как данность [2, с. 90].

Явление коррупции достаточно многогранно, нередко некоторые действия могут не восприниматься как коррупционные или считаться допустимыми. Как показало исследование, проведенное в Могилевской области управлением социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» в 2023 г., несмотря на четкую трактовку в законодательстве, в общественном мнении могут быть распространены разнообразные его интерпретации (таблица 1).

Таблица 1

*Распределение ответов на вопрос
«Что, на Ваш взгляд, точнее описывает понятие коррупции?», %*

Варианты ответа	Общее распределение	До 31 года	От 32 до 49 лет	Старше 50 лет
Взятничество	79,5	86,8	79,2	73,0
Злоупотребление служебным положением	47,8	50,9	50,0	40,5
Откат	33,8	33,3	37,7	27,0
Использование бюджетных средств в личных целях	31,3	34,0	33,1	25,2
Кумовство, блат	23,5	23,3	24,4	22,1
Вымогательство	22,5	32,1	20,1	17,8
Протекционизм (покровительство)	20,3	23,3	19,2	19,6
Подношение подарков должностным лицам	20,2	28,3	18,5	15,3
Получение незаконного пособия, льгот, вознаграждений	19,8	20,8	19,8	19,0
Предоставление заказов, кредитов и т. п. с личной выгодой	18,3	11,3	23,7	14,7
Мошенничество	17,1	18,9	17,5	14,7
Оказание встречных услуг должностному лицу	15,6	14,5	15,9	16,0
Искажение данных в финансовых декларациях	15,4	20,1	14,3	12,9

В общественном мнении за коррупцией закрепилось представление как о взяточничестве. Во всех возрастных группах подавляющее большинство видят в этом основное проявление коррупции. Также многие рассматривают коррупцию как злоупотребление служебным положением, т. е. она ассоциируется

с должностными лицами, злоупотреблением властными полномочиями. Кумовство, блат, подношение подарков, обозначающее по сути взятки и злоупотребления, рассматриваются как менее значительные преступления, что косвенно указывает на их большую допустимость в общественном мнении, а также распространенность. Менее всего считается коррупцией искажение данных в финансовых декларациях, оказание встречных услуг должностному лицу, мошенничество, рассматривающиеся, скорее, уже как другие преступления.

Поскольку к коррупции нередко бытует отношение как к негативному, но в некоторых ситуациях допустимому явлению, степень его выраженности уточнили отдельным вопросом «Согласны ли Вы с тем, что в обществе к коррупции стали относиться как к норме?». К сожалению, 25,2 % населения Могилевщины согласны с таким утверждением, почти столько же затруднились ответить, отрицательно ответили 44,8 %. Таким образом, в общественном мнении распространена позиция по поводу укорененности коррупции в общественных отношениях.

Опрос показал, что распространенность коррупционных преступлений имеется практически во всех основных сферах общества. Наиболее часто сталкиваются со взяточничеством в сфере здравоохранения, наименее часто — в сфере культуры и развлечений. Однако здесь стоит учитывать, что частота обращений в медицинские учреждения значительно выше, чем, например, частота участия в музыкальных конкурсах и необходимости подкупа жюри. Поэтому больше стоит беспокоиться не о месте в «рейтинге», а о тех социальных, политических и экономических последствиях, которые могут быть для развития бизнеса, создающего новые рабочие места, доверия государственным и правоохранительным органам со стороны населения, воспитания молодежи. Например, злоупотребления в строительстве могут поставить под угрозу безопасность зданий, способствовать возникновению долгостроев, угрозам экологии и др. (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, в каких сферах наиболее распространена коррупция?», %

Исходя из таблицы 1, взяточничество — наиболее часто встречающийся вид коррупционных преступлений, по мнению населения, точнее, с этим чаще сталкиваются, а, возможно, участвуют сами. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что для решения своих проблем граждане прибегают к даче взяток?» показывает, что только около 70 % населения однозначно негативно относятся к взяточничеству, остальные в тех или иных случаях его допускают или относятся безразлично (10,8 %).

Таблица 2

*Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к тому, что для решения своих проблем
граждане прибегают к даче взяток?»
с учетом социально-демографических характеристик, %*

Варианты ответа	Муж- чины	Жен- щины	До 31 года	От 32 до 49 лет	Стар- ше 50 лет
Этого нужно избегать, поскольку коррупция разлагает нас и наше общество	71,9	67,0	66,7	69,8	68,7
Этого можно избежать, но так решать дела легче	12,2	14,7	15,1	14,9	10,4
Это необходимая часть нашей действительности, без этого ничего не сделать	5,9	5,6	5,7	4,2	8,6
Безразлично	10,0	11,2	11,3	9,7	12,3

Распределение на вопрос с учетом социально-демографических признаков (табл. 2) существенной разницы в ответах не показало, однако женщины немного больше склонны к допущению взяточничества, люди старшего возраста — более пессимистичны в оценке ситуации. К сожалению, можно утверждать, что многие участники исследования с разной степенью интенсивности либо сами давали взятку, либо брали ее, либо слышали от родственников и знакомых о таких фактах. Стоит особое внимание обратить на наличие поведенческой установки — давать взятку у определенной части населения (табл. 3).

Таблица 3

*Распределение ответов на вопрос
«Лично Вы готовы материально “благодарить” работника
за оказанную помощь в каком-либо учреждении?», в том числе по возрасту, %*

Варианты ответа	Общее распределение	До 31 года	От 32 до 49 лет	Старше 50 лет
Нет, не буду платить ни при каких обстоятельствах	52,2	54,1	54,2	46,6
Возможно, заплачу, в зависимости от обстоятельств	23,8	22,6	25,3	22,1
Заплачу, не задумываясь	1,7	2,5	1,3	1,8
Не хотел бы отвечать	21,0	19,5	17,9	28,2

Только половина опрошенных выступили категорически против предложений взятки за какую-либо услугу, однако готовых заплатить не задумываясь — единицы. Каждый четвертый готов заплатить таким образом в зависимости от обстоятельств. По возрастным группам существенной разницы во мнениях нет, но старшие в большей мере старались уклониться от ответа.

Вопросам антикоррупционного законодательства, пресечению и профилактике такого рода преступлений уделяется большое внимание со стороны разных ветвей власти в нашей стране уже на протяжении многих лет. Правовая культура и правовая грамотность прививается через средства массовой информации, систему образования, специальное информирование в трудовых коллективах. Сравнительно высокие показатели коррупционных преступлений указывают не только на их наличие, но и на хорошую раскрываемость в результате активной работы правоохранительных органов, а также широкое ее освещении в средствах массовой информации. Содействовать снижению такой преступности могло бы повышение сознательности граждан в информировании о случаях коррупции, с которыми приходится сталкиваться.

Таблица 4

*Распределение ответов на вопрос
«Согласны ли Вы заявлять в соответствующие органы о случаях коррупции?», %*

Варианты ответов	Общее распреде- ление	Муж- чины	Жен- щины	До 30 года	31-49 лет	50 и старше
Нет, это ничего не изменит	15,9	15,8	15,9	11,3	15,3	21,5
Нет, опасаясь преследования, не хочу проблем	12,2	8,6	14,2	11,3	13,0	11,7
Нет, не знаю, как это сделать, куда обратиться	5,4	6,3	4,9	8,2	3,9	5,5
Да, при условии анонимности	28,3	27,6	28,6	26,6	31,2	21,5
Да, могу заявить об этом открыто	12,2	19,9	8,1	17,6	10,1	11,0
Не хотел бы отвечать	22,7	20,8	23,7	20,1	22,7	25,2

Результаты исследования показывают, что открыто готова информировать правоохранительные органы о случаях коррупции только небольшая часть населения (12 %). При условиях анонимности готовы сделать это большее число респондентов, однако в большей степени преобладает настроение безысходности или опасения за последствия. Около трети опрошенных отказались отвечать на вопрос, и можно предположить, что они поступят в зависимости от сложившихся обстоятельств. Распределение ответов по социально-демографическим признакам существенных отличий не выявило. Немного большую решительность в открытой борьбе с коррупцией демонстрирует молодежь, но она недостаточна, и, скорее всего, ситуация будет воспроизводиться и в последующих поколениях. Таким образом, общественное мнение отмечает существование проявлений коррупции в нашем обществе, но ситуацию рассматривает как контролируруемую.

1. Платов Е. В. Коррупция как социальное явление в обществе [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 2 (26). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/platov_ev_2019_2_13.pdf (дата обращения: 09.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Пинчук А. Н. Коррупция в свете социологических теорий // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 80–95. [Вернуться к статье](#)

УДК 004:340

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ РОССИИ

Д. В. Меняйло

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
профессор кафедры специальных информационных технологий
учебно-научного комплекса информационных технологий,
кандидат юридических наук, доцент

Л. Н. Меняйло

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат политических наук, доцент

А. В. Кузнецов

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат философских наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения широкого спектра цифровых технологий в сфере правового воспитания сотрудников полиции. Определены наиболее значимые цифровые технологии, используемые в данной сфере.

Ключевые слова: цифровизация, правовое воспитание сотрудников полиции, сервисы Информационной системы обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД России, киберполиция.

Annotation. The article is devoted to the application of a wide range of digital technologies in the field of legal education of police officers. The most significant digital technologies used in this field have been identified.

Keywords: digitalization, legal education of police officers, services of Information system for supporting the activities of internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, cyber police.

В условиях необходимости построения новой системы правового государства в Российской Федерации правовое воспитание сотрудников полиции становится ведущим инструментом формирования настоящих профессионалов своего дела, а также главным способом совершенствования образа как отдельных представителей органов внутренних дел, так и всей структуры в целом.

Выделим основные пути организации правового воспитания в контексте цифровизации:

- правовое обучение в образовательных организациях МВД России;
- направление по постоянному и своевременному ознакомлению сотрудников органов внутренних дел и обучающихся в образовательных органи-

зациях системы МВД с текущим изменением законодательства, с актуальными методиками поведения в различных ситуациях как на службе, так и в быту;

– правовое пропагандирование верного образа сотрудника полиции и государственных органов, установок следования законодательным и общественным нормам [1].

Процесс правовой пропаганды, обучения, ознакомления с правовой сферой у сотрудников органов внутренних дел в современном обществе проходит с применением информационно-коммуникационных технологий, а именно таких цифровых технологий, которые используются для создания, обмена, передачи правовой информации. В качестве таких технологий, например, выступают: компьютеры и их программы, мультимедийное оборудование, технические средства связи и образуемые сети (проводные и беспроводные, локальные, национальные и глобальные). К глобальным сетям можно отнести Интернет, к национальным — такую ведомственную сеть, которая существует в рамках Информационной системы обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД России (далее — ИСОД МВД России).

ИСОД МВД России включает в себя широкий перечень информационных ресурсов, в значительной степени повышающих качество и эффективность деятельности сотрудников полиции, влияющих на их правовое воспитание. Так, приказом МВД России от 23 декабря 2016 г. № 888 «Вопросы организации работы сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России» с 1 марта 2017 г. введено в эксплуатацию программное обеспечение для реализации сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России (далее — СОДПП). Основной задачей СОДПП является организация единого информационного пространства в сфере правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

В состав СОДПП входят следующие модули: «Мониторинг», «Иск», «Правовая экспертиза», «Антикоррупционная экспертиза», «Конструктор НПА», «НПА-3», «Портал правового информирования».

Так, в подразделе «Правовые ресурсы» «Портала правового информирования» размещаются: методические материалы по борьбе с новой коронавирусной инфекцией; новости законодательства, экспресс-информация; методические материалы по подготовке проектов нормативных правовых актов; сборники, методические пособия, обзоры, положения; бюллетень правового информирования; методические материалы для проведения мероприятий по правовой пропаганде; реализация Федерального закона «О бесплатной юридической помощи»; правовые акции, правовая помощь; обучающие курсы и многое другое. Данное программное обеспечение предназначено для повышения производительности труда сотрудников органов внутренних дел

при подготовке и согласовании проектов правовых актов, снижения трудозатрат юристов при проведении правовой и антикоррупционной экспертизы, а также позволяет использовать многочисленные информационно-правовые ресурсы как в деятельности правовых подразделений, так и всех сотрудников органов внутренних дел [2].

Также еще одним сервисом ИСОД МВД России, способствующим проведению служебных мероприятий и правовому воспитанию, является Сервис видео-конференц-связи МВД России (СВКС-м). Этот инструмент цифровых технологий предназначен для ускорения обмена информацией между сотрудниками, находящимися на расстоянии. Возможными типами конференций являются:

- видеозвонок (между 2 сотрудниками);
- групповая видеоконференция; конфигурация конференции может быть симметричной и ассиметричной (до 16 участников), а также ролевая (до 250 участников с несколькими ведущими).

Не менее важным элементом механизма правового воспитания является применение методов воспитательной работы. Методы правового воспитания — это такие способы и приемы воздействия на правовое сознание и поведение, которые направлены на формирование позитивных установок на благо общественного порядка и безопасности, а также построение правового государства. Это методики и приемы педагогического, эмоционального воздействия: принуждение, убеждение, предупреждение, ознакомление и т. д. [3].

При использовании методов воспитания сотрудников полиции необходимо учитывать используемые ими цифровые средства коммуникации. Например, сегодня наблюдается тенденция по снижению интереса молодежи к телевидению. Информация, получаемая с центральных телевизионных каналов, нередко подвергается критике, а приоритетной областью получения всех знаний становятся сеть Интернет и социальные сети.

Но при этом необходимо четко осознавать степень объективности получаемых правовых знаний и доверия к контенту, транслирующему эти правовые знания. В условиях информационного противоборства, существующего в условиях сложной геополитической ситуации в мировом сообществе, этот аспект как никогда актуален. Сотрудник органов внутренних дел (далее — ОВД) должен критически относиться к источнику получения правовой информации, если такая информация исходит от неофициального источника. В современном мире существует широкий спектр средств массовой информации в сети Интернет. Полученную первичную правовую информацию из неофициальных источников сотрудникам ОВД необходимо перепроверять через официальные источники,

например, справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», «СТРАС “Юрист”», или на официальных сайтах публичных органов власти.

Для развития навыков использования справочных правовых систем, например, в Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина традиционно проводятся турниры среди курсантов и слушателей по профессиональному использованию СПС «КонсультантПлюс».

В условиях интенсивного развития современных цифровых масс-медиа при их функционировании на основе принципов актуальности, объективности, всесторонности, таковые могут оказывать значительную роль в вопросах правового просвещения и воспитания сотрудников ОВД. Например, интерес представляют, официальные телеграм-каналы, созданные МВД России: МВД МЕДИА (около 47 тысяч подписчиков) [4] и официальный телеграм-канал Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России — «Вестник Киберполиции России» (около 68 тысяч подписчиков) [5].

При модернизации правового воспитания сотрудников ОВД в образовательном процессе с использованием цифровых технологий необходимо учитывать существование в сети Интернет «противоправного контента», который носит деструктивный характер. В этой связи, помимо привития навыков поиска достоверной информации, полученной из первоисточников, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России необходимо обучать выявлению «противоправного контента» [6], ложной информации, которая размещается, «репостится» как умышленно, так и неумышленно. На данный аспект стоит обращать особое внимание в условиях тотального идеологического, политического и иного давления «коллективного Запада» на Россию с началом проведения специальной военной операции на территории Украины, а также в условиях информационного противоборства [7].

Это обстоятельство послужило основой для создания в октябре 2023 г. в Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина клуба «Киберполицейский» (далее — Клуб), в который входят на добровольной основе обучающиеся института и профессорско-преподавательский состав.

Члены клуба во взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений осуществляют мониторинг сети Интернет с целью выявления противоправного (деструктивного) контента: экстремистского характера, в том числе содержащего возможные угрозы объектам транспортной инфраструктуры (например, в части поджогов релейных шкафов); пропагандирующего наркотические и психотропные вещества, в том числе их незаконный оборот и иные виды противоправного контента.

Другая сторона правового воспитания — автоматизация и цифровизация организации учебного процесса, которая способствует появлению свободного времени у профессорско-преподавательского состава, которое можно было бы перенаправить на развитие методической и научной работы. При этом необходимо минимизировать дублирование фиксации информации в бумажной и электронной формах. Для этого следует предусмотреть в системе накопления данных, электронных документов вопрос сохранности таковых на случай технических неполадок и сбоев в работе программного обеспечения. А это и система бесперебойной работы электрооборудования, резервное копирование данных и документов и так далее.

С помощью цифровых технологий быстрее и эффективнее достигается желаемый уровень правового воспитания среди сотрудников ОВД.

Нельзя однозначно сказать о положительном или отрицательном влиянии цифровых технологий на современное общество, однако можно заметить, что этап перехода к информационно-коммуникационным технологиям неизбежен. В настоящее время процесс цифровизации необходим, несмотря на имеющиеся отрицательные моменты [8].

Правовое воспитание сотрудника ОВД имеет принципиальное значение в связи с его социальной ролью и принадлежностью к институтам государственной власти в глазах граждан. Цифровизация является неотвратимым следствием эволюционного развития общества, и в этой связи необходимо извлечь из нее максимальную практическую пользу и минимизировать отрицательные последствия. Цифровизация общества и системы управления влияет на процессы правового воспитания по следующим направлениям: модернизация административного направления данной работы, что включает в себя освоение новых систем унификации представления знаний и оценки уровня правового воспитания сотрудников ОВД; цифровизация процесса получения знаний, общение с применением видео-конференц-связи с целью получения правовых знаний; применение общего и специального программного обеспечения при выполнении задач, стоящих перед сотрудниками полиции. Особое значение в деятельности ОВД сегодня играет Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России. С развитием цифровых технологий их влияние на правовое воспитание будет только усиливаться.

1. Мельников В. Ю. Значение правовой культуры для развития человека и гражданского общества // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 3. С. 18–26. [Вернуться к статье](#)

2. Сервис обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://23.mvd.pf/document/20616869> (дата обращения: 26.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. 4-е изд., испр. и доп. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 528 с. [Вернуться к статье](#)
4. Официальный канал МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://mvdmedia.ru/> (дата обращения: 27.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Вестник Киберполиции России [Электронный ресурс] // Официальный телеграм-канал Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России. URL: https://t.me/cyberpolice_rus (дата обращения: 27.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Меняйло Д. В., Карпушин О. Е., Крупенникова К. К. Меры по противодействию противоправному контенту, пропагандирующему наркотические средства в сети Интернет // Противодействие незаконному обороту наркотиков в условиях цифровизации общества : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 17 нояб. 2022 г. Белгород, 2023. С. 96–100. [Вернуться к статье](#)
7. Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н., Горковенко В. С. Некоторые аспекты информационной безопасности деятельности органов внутренних дел в контексте информационного противоборства // Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов : сб. ст. 10-й Всерос. науч.-практ. конф., Белгород, 19 мая 2023 г. Белгород, 2023. С. 132–136. [Вернуться к статье](#)
8. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел : моногр. / А. Н. Александров [и др.]. Белгород, 2024. 165 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.858

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ — ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. С. Нижник

Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье охарактеризованы отдельные результаты исследований исторической памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне, проведенных учеными России и Беларуси. Перечислены основные направления исследований коллективной памяти в Беларуси.

Историческая память о Победе в Великой Отечественной войне рассматривается как фактор интегрирующего воздействия на массовое сознание, инструмент социальной коммуникации, детерминанта укрепления позитивной идентичности представителей разных социальных страт, а научные исследования — как условие для противодействия переписыванию и фальсификации итогов Второй мировой войны, как ресурс для определения идейных и организационно-правовых оснований политики памяти в условиях современности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллективная память, историческая память, социологические исследования исторической памяти, память поколений, политика памяти в Республике Беларусь.

Annotation. The article describes some of the results of research on the historical memory of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War conducted by scientists from Russia and Belarus. The main research directions of collective memory in Belarus are listed.

The historical memory of the Victory in the Great Patriotic War is considered as a factor of integrating influence on mass consciousness, a tool of social communication, a determinant of strengthening the positive identity of representatives of different social strata, and scientific research as a condition for countering the rewriting and falsification of the results of the Second World War, as a resource for determining the ideological and organizational and legal foundations of memory policy in the context of modernity.

Keywords: the Great Patriotic War, collective memory, historical memory, sociological research of historical memory, memory of generations, memory policy in the Republic of Belarus.

Победа СССР в Великой Отечественной войне — важнейшее событие в новейшей истории человечества, ключевой факт в истории всех народов бывшего СССР.

Советский Союз принял на себя самые тяжелые удары фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны. «Планы нацистов по захвату Совет-

ского Союза разбились о поистине железное единство страны... Героизм народа был массовым, все республики несли общую, тяжелую ношу войны, — подчеркнул в речи на Параде, посвященном 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 9 мая 2025 г. в Москве Президент Российской Федерации В. В. Путин. — Миллионы людей, знавших лишь мирный труд, взяли в руки оружие и насмерть стояли на всех высотах, плацдармах и рубежах, определили исход всей Второй мировой войны безоговорочными победами в крупнейших битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и Днепре; мужеством защитников Белоруссии, которые первыми встретили врага; стойкостью участников обороны Брестской крепости и Могилева, Одессы и Севастополя, Мурманска, Тулы, Смоленска; героизмом жителей блокадного Ленинграда, отвагой всех, кто сражался на фронте, в партизанских отрядах и в подполье, доблестью тех, кто под огнем врага эвакуировал заводы страны, кто трудился в тылу не жалея себя, на пределе сил» [1].

Историческая память о Победе в Великой Отечественной войне выступает как фактор интегрирующего воздействия на массовое сознание, как инструмент социальной коммуникации и детерминанта укрепления позитивной идентичности представителей разных социальных страт.

Переживание истории Великой Отечественной войны, победа в которой была достигнута уже 80 лет назад, сегодня сопровождается развернутым в обществе дискурсом, который проблематизирует определенные аспекты истории войны и вызывает необходимость освоения обыденным сознанием неоднозначно трактуемых вопросов. Обсуждение истории войны происходит с радикально противоположных позиций, составляющих оппозиции: от традиционной — официально признанной советской — трактовки событий и фактов до модернизированной — ревизии средств и итогов победы. Такая полемика развернута под воздействием внешних и внутренних факторов, когда «дегероизаторы, поправ все нравственные нормы и принципы, усилили атаки на ратный и трудовой героизм военных лет» [2, с. 18]. Несмотря на регулярные и настойчивые атаки изнутри страны и извне, историческое сознание демонстрирует значительную устойчивость.

Множество разнообразных суждений о событиях и итогах Второй мировой войны, с которыми обыватель сегодня, благодаря Интернету, может познакомиться, расширяют возможности получения информации, осложняя при этом (из-за объема информации и наличия множества толкований фактов различными политическими силами) конструирование собственной позиции и личной интерпретации событий. А так как коллективная память остается важным фактором конструирования настоящего и будущего, сохраняется активный дискурс на темы войны.

Историческая память о Великой Отечественной войне является предметом исследования ученых различных специальностей. Характеристике состояния коллективной памяти россиян о Великой Отечественной войне посвящены социологические исследования А. И. Афанасьевой и В. И. Меркушина [2], Ю. Р. Вишневого [3; 4], Т. П. Емельяновой [5], Н. В. Немировой [6], Н. В. Проказиной [7; 8], З. Х. М. Саралиевой и С. С. Балабанова [9], П. В. Фадеева [10], О. В. Черновой [11] и других исследователей [12; 13; 14; 15; 16; 17].

Историческая память о Великой Отечественной войне не одна для всех даже внутри единого государства, она своя у каждого поколения.

Респонденты социологических опросов отметили, что источниками формирования их представлений о Великой Отечественной войне являются: семья, учебные заведения, встречи с ветеранами, армия, средства массовой информации, художественная литература, кинофильмы, театральные спектакли, музеи, воинские мемориалы, друзья [11]. Коллективная память о Великой Отечественной войне сформирована прежде всего мемуарами очевидцев и современников, многочисленными произведениями литературы и искусства, работой масс-медиа, межличностным дискурсом. Сегодня, когда носители устной памяти уходят из жизни, но их непосредственные потомки продолжают участвовать в межличностном дискурсе, «живые» воспоминания еще сохраняются в пространстве общественного сознания. При этом возрастает роль институционализированной истории — школьных программ, обязательной для изучения литературы, официальных мероприятий по мемориализации исторической памяти, коммеморативных практик.

Историческая память подвергается политизации и юридизации. Пределы интерпретации и репрезентации дат, имен, событий и символов прошлого, имеющих значение для идентификации человека и народа, определяются легальным представителем общества — государством.

Россияне, отмечая ведущую роль власти в поддержании памяти о Великой Отечественной войне, констатируют, что общество и без усилий власти отмечало бы Победу в войне. Подтверждением этого является ежегодное шествие «Бессмертного полка». В 2025 г., в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, шествие «Бессмертного полка» в очном режиме прошло в 120 странах (это абсолютный рекорд за все годы проведения акции с 2011 г.). Прошел «Бессмертный полк» и по городам Беларуси. В России из соображений безопасности колонны «Бессмертного полка» из 89 субъектов федерации очно прошли только в 57 регионах. В 17 регионах шествия были организованы не только в крупных городах, но и в районных центрах и селах. На улицы городов

России вышли 7 млн человек [18]: в Санкт-Петербурге — 1 млн 200 тыс. человек, Челябинске — 200 тыс., Уфе — 180 тыс., Казани, Екатеринбурге, Тюмени — 150–160 тыс. человек, Ставрополе — около 100 тыс. Состоялись автопробеги, возложения цветов и другие акции в память об участниках Великой Отечественной войны. В Усть-Илимске Иркутской области участники шествия плели маскировочные сети для участников специальной военной операции; в Барнауле сшили знамя Победы с именами дедов-победителей и тружеников тыла; шествие сельскохозяйственных тракторов придумали в Саратовской области; авто- и мотопробеги прошли от Владивостока до Калининграда, горные подъемы — на Кавказе, погружение под воду — на озере Байкал и в Белом море у Мурманска [18]. Состоялось и шествие виртуального «Бессмертного полка», несмотря на то, что с 1 по 12 мая 2025 г. имели место 13 волн кибератак на сайт «Бессмертный полк», а попытки взлома сайта и кибератак достигали 232 млн запросов в секунду. Все атаки были успешно отражены. «Даже виртуальная борьба с ненавистью показала, что потомкам нацистов не удалось... запретить день 9 мая... и сократить полк памяти» [18].

Результаты исследований П. В. Фадеева показали, что исторические знания большей части россиян обрывочны и не всегда корректны [10, с. 19]. Память о войне становится все более мифологизированной. Многие события и персоналии в сознании перемешаны. Но при этом в сознании современников Великая Отечественная война остается главным историческим событием.

Как показали исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ), проведенные в 2025 г., для россиян 9 Мая — День Победы — не просто праздник, а символ национальной гордости и единства; памятная дата, связанная с освобождением от фашизма, ценностью мира.

С чем связывают День Победы россияне? По данным ВЦИОМ, для россиян Победа в Великой Отечественной войне — это прежде всего «национальная гордость (58 % респондентов), эмоции (35 %), память (24 %), родные и ветераны (24 %), освобождение (18 %)» [19]. 9 Мая — это общие коллективные эмоции: радости и надежды, благодарности и скорби.

И хотя среди россиян есть опасения, что современная молодежь придает Победе в Великой Отечественной войне меньшее значение, чем предыдущие поколения, ВЦИОМ с этим не соглашается. Память о Победе не уходит, но трансформируется от поколения к поколению:

— для поколений эпохи «оттепели» (рожденные до 1947 г.) и «застоя» (1948–1967) — тех, кто ближе всего к событиям войны, — победа символизирует прежде всего личную историю, а не коллективное переживание: их близкие или они сами были свидетелями войны, послевоенных лет;

– реформенное поколение (1968–1981) воспринимает Победу, сочетая элементы и коллективного, и личного — национальной гордости с акцентом на память и историю;

– миллениалы (1982–2000) и зумеры (2001 г. и позднее) более отстранены от переживаний войны через личные истории, но сильнее ощущают значимость Победы как части национальной идентичности и единства; для них война — это память коллективная.

Память о Победе будет трансформироваться и дальше. Зумеры — те, кто могли уже не застать живыми носителей воспоминаний о войне и получали знания о ней в образовательном и медиадискурсе, рассуждают о Победе в контексте истории, борьбы с фашизмом, а их главная эмоция меняется от радости к уважению, преклонению. Но роль Победы в Великой Отечественной войне и для них остается важной.

В памяти подавляющего большинства россиян сохраняются имена героев Великой Отечественной войны. Центральное место занимают исторические фигуры — те, чьи имена ассоциируются с военной доблестью, героизмом, страданиями. В их числе: Г. Жуков, З. Космодемьянская, К. Рокоссовский, А. Матросов и Верховный главнокомандующий И. Сталин. Известны и памятны А. Мересьев, А. Покрышкин, И. Кожедуб, Н. Гастелло, И. Конев, Д. Карбышев, В. Чкалов, Н. Ватутин, В. Талалихин, О. Кошевой, Р. Малиновский и другие герои — летчики, партизаны, полководцы.

9 Мая воспринимается как личная дата, когда вспоминают родных, бабушек и дедушек; обращаются к семейной истории и памяти тех, кто отдал жизнь ради будущих поколений. Для части респондентов героями стали родственники, а также все, кто воевал. Такая массовая героизации означает признание, что война коснулась каждой семьи и стала общим подвигом всего народа.

Абсолютное большинство россиян всех возрастов убеждены, что память о Великой Отечественной войне важно сохранять (98 % респондентов), а День Победы следует отмечать масштабно.

Что нужно делать для сохранения памяти о Великой Отечественной войне? У россиян есть ответы на этот вопрос:

– «говорить о войне с молодежью во всех образовательных организациях и не только;

– активно освещать в средствах массовой информации и на мероприятиях массовой культуры темы войны и Победы;

– поддерживать историческую память через музеи, мемориалы и места боевой славы;

– помнить и чтить ветеранов войны, а также своих родственников — участников войны;

– достойно праздновать День Победы» [19].

Проблемам формирования, функционирования, закрепления, охраны и защиты исторической памяти о Великой Отечественной войне посвящены и работы современных исследователей Беларуси, основными направлениями в которых являются:

– состояние исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь [20; 21];

– деятельность органов государственной власти по увековечиванию исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь [22; 23];

– содержание и реализация государственной политики по сохранению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь [24; 25; 26; 27];

– сохранение и защита исторической правды как важнейший фактор национальной безопасности [28; 29; 30];

– формирование исторической памяти у молодежи современной Беларуси [31; 32; 33; 34];

– использование средств культуры и искусства для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь [35; 36; 37; 38].

Переживание истории исследователи рассматривают как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим, важную характеристику самоидентификации народов.

Важным в контексте современных проблем правового регулирования является вопрос о праве на историческую память, связанном с наличием у человека возможности конструировать образ индивидуального и социального прошлого, позволяющей ему комфортно ощущать себя в социальной реальности. Особое значение реализация права на историческую память приобретает в условиях цифровизации, расширяющей репрезентативные потенции человека. Защита права на историческую память должна включать не только предоставление человеку права сохранить свое прошлое и поделиться с окружающими результатами своей рефлексии о нем, но и создание нормативных средств предотвращения негативного воздействия исторического нарратива на сознание и поведение граждан. Особую актуальность защита права на историческую память приобретает в транзитивных обществах, переживающих беспокойное прошлое и требующих символических возмещений не только на уровне сознания, но и на уровне социального порядка. Гарантом ответственности за нарушение права на историческую память должно выступать государство, обеспечивающее дефинирование, номинацию, трансляцию, репрезентацию, защиту и охрану духовно-нравственных ценностей.

Историческая память о Победе в Великой Отечественной войне — инструмент самоидентификации народа, скрепа его целостности. В современных условиях приходится учитывать и то, что в отдельных государствах стали предприниматься активные попытки переписывания истории, фальсификации итогов Второй мировой войны, демонтажа, сноса и ликвидации объектов военно-мемориального наследия. Все это — часть целенаправленной европейской исторической политики, задачей которой является искажение хода и результатов Второй мировой войны, уничтожение памяти о советском подвиге в Победе над нацизмом и фашизмом.

Историческая память о Великой Отечественной войне позволяет использовать образ прошлого для ориентации в настоящем и для определения перспектив развития в XXI в. России и Беларуси, народы которых в самой кровопролитной войне в истории человечества сумели одержать убедительную победу.

Научные исследования, посвященные событиям Великой Отечественной войны, состоянию и детерминантам формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне, являются значимым ресурсом интеллектуального обеспечения политики памяти в условиях современности.

1. Парад в честь 80-летия Великой Победы [Электронный ресурс] // Администрация Президента России : [сайт]. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/76879 (дата обращения: 11.05.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Афанасьева А. И., Меркушин В. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5 (253). С. 11–21. [Вернуться к статье](#)

3. Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданской ответственности / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : УрФУ, 2011. 510 с. [Вернуться к статье](#)

4. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 312 с. [Вернуться к статье](#)

5. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях Отечественной истории: социально-психологический подход. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. 299 с. [Вернуться к статье](#)

6. Немирова Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования // Ученые зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер.: Социол. науки. 2015. № 4 (63). С. 157–165. [Вернуться к статье](#)

7. Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ /

под общ. ред. Н. В. Проказиной. Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014. 220 с. [Вернуться к статье](#)

8. Проказина Н. В., Дорохова Ю. В., Хатнюк Н. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 260–271. [Вернуться к статье](#)

9. Саралиева З. Х. М., Балабанов С. С. Отечественная война в памяти трех поколений // Социол. исслед. 2005. № 11 (259). С. 29–36. [Вернуться к статье](#)

10. Фадеев П. В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестн. Ин-та социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54. [Вернуться к статье](#)

11. Чернова О. В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. 2011. № 1. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=138> (дата обращения: 17.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. Историческая память о Великой Отечественной войне в процессе социализации студентов Ростовской области (по материалам социологических исследований 2012 – 2020 – 2022 – 2023 гг.) : в 2 т. / В. И. Филоненко [и др.]. Т. II. Ростов н/Д ; Таганрог : Юж. федер. ун-т, 2023. 332 с. [Вернуться к статье](#)

13. Арясова А. Ю. Историческая память о Великой Отечественной войне в социологических исследованиях // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 4 (77). С. 63–67. [Вернуться к статье](#)

14. Гефнер О. В. Отношение современной молодежи к Великой Отечественной войне // Каталог научных разработок ФГБОУ ВО «Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина». Сер.: Гуманитарные науки. Омск : Ом. гос. аграр. ун-т им. П. А. Столыпина, 2024. С. 15–16. [Вернуться к статье](#)

15. Гижов В. А., Учаев А. Н., Шалаева Н. В. Механизм формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне среди молодежи (по результатам социологического опроса студентов Саратова 2021 г. и 2024 г.) // Историческая память и региональные коммеморативные практики: опыт XX–XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф., Саратов, 25 окт. 2024 г. Саратов : Амирит, 2024. С. 37–43. [Вернуться к статье](#)

16. Малтабаров Б. А. Социологическое исследование среди студентов ОШГУ с целью выявления отношения и уровня знаний современной молодежи о Великой Отечественной войне // Вестн. Жалал-Абадского гос. ун-та. 2024. № 3-1 (61). С. 134–142. [Вернуться к статье](#)

17. Харитонов Е. М., Хоружая С. В. Великая Отечественная война в исторической памяти современного студенчества (опыт социологического исследования) // Соц.-гум. Вестн. : Всерос. сб. науч. тр. Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2024. С. 79–82. [Вернуться к статье](#)

18. Полк памяти. «Бессмертный полк» прошел в 120 странах и в 57 регионах России [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты» : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2025/05/12/bessmertnyj-polok-proshel-v-120-stranah-i-v-57-regionah-rossii.html> (дата обращения: 11.05.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

19. Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты опроса россиян, приуроченного к празднованию 80-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 03.05.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

20. Слободенюк В. В. Великая Отечественная война в исторической памяти Республики Беларусь // Голос минувшего. 2023. № 1. С. 31–36. [Вернуться к статье](#)

21. Бровчук Н. М. Историческая память жителей Беларуси (взгляд сквозь призму социологии) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2024. № 1-2 (60-61). С. 19–25. [Вернуться к статье](#)

22. Кульчицкая А. Ч. Опыт взаимодействия парламента и правительства Республики Беларусь в вопросе увековечивания памяти Великой Отечественной войны с 2014 по 2024 гг. // Встречи в Таврическом — 2024. Парламентаризм: история и современность : сб. науч. ст. Молодеж. (студенч.) науч. конф., Санкт-Петербург, 10 апр. 2024 г. СПб. : Центр науч.-информ. технологий «Астерион», 2024. С. 23–26. [Вернуться к статье](#)

23. Маркина А. Д. Опыт взаимодействия парламента и правительства Республики Беларусь в вопросе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в 1994–2014 гг. // Встречи в Таврическом — 2024. Парламентаризм: история и современность : сб. науч. ст. Молодеж. (студенч.) науч. конф., Санкт-Петербург, 10 апр. 2024 г. СПб. : Центр науч.-информ. технологий «Астерион», 2024. С. 28–31. [Вернуться к статье](#)

24. Саковец Я. С. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь // 80-я науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : материалы конф., Минск, 10–20 марта 2023 г. : в 3 ч. Минск : БГУ, 2023. С. 104–107. [Вернуться к статье](#)

25. Биюмена А. А. Дискурс исторической памяти в белорусских печатных медиа // Медиалингвистика : материалы докладов участников VII Междунар. конф., Санкт-Петербург, 28 июня 2023 г. СПб. : Медиапапир, 2023. С. 490–494. [Вернуться к статье](#)

26. Саковец Я. С. Политика по сохранению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь // 79-я науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : материалы конф., Минск, 10–21 мая 2022 г. : в 3 ч. Минск : БГУ, 2023. С. 189–192. [Вернуться к статье](#)

27. Кудрякова Д. В. Правовое наследие Республики Беларусь в Великой Отечественной войне и его роль в сохранении исторической памяти // Историческая память: ценностные ориентиры консолидации общества Беларуси и России : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. 2023 г. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2024. С. 108–111. [Вернуться к статье](#)

28. Бессольнов А. Б. Сохранение и защита исторической правды — важнейший фактор национальной безопасности Союзного государства Беларусь — Россия // Евразийское пространство в условиях вызовов и рисков современности : сб. науч. тр. Гомель : Белорус. гос. ун-т транспорта, 2023. С. 12–22. [Вернуться к статье](#)

29. Пухов А. А. Правовые основы сохранения в Республике Беларусь исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27 окт. 2023 г. СПб. : Астерион, 2023. С. 46–54. [Вернуться к статье](#)

30. Великая Отечественная война в судьбе белорусского народа : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию проведения Белорус. стратег. наступательной операции «Багратион» и освобождения Беларуси, Минск, 12 июня 2024 г. Минск : БГУ, 2024. 397 с. [Вернуться к статье](#)

31. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования цивилизационной идентичности молодежи в России и Беларуси (по итогам Международной акции памяти «Находки семейных архивов») / И. И. Маслова [и др.] // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2023. № 10. С. 102–105. [Вернуться к статье](#)

32. Петрашевич И. И., Кадира В. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне в гражданско-патриотическом воспитании учащейся молодежи Республики Беларусь // X Юбилейные Сталинградские исторические чт. : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-й годовщине начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, Волгоград, 18 нояб. 2023 г. Волгоград : Планета, 2023. С. 47–51. [Вернуться к статье](#)

33. Скрыбина Л. С. Историческая память о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны — важный фактор патриотического воспитания молодёжи // Инновационный опыт идеологической, воспитательной и информационной работы в вузе : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 21 апр. 2023 г. / под общ. ред. Г. М. Чаянковой. Гомель : Белорус. гос. ун-т транспорта, 2023. С. 81–85. [Вернуться к статье](#)

34. Стариченок В. В. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи Беларуси // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2023 г. Гомель : Редакция газеты «Гомельская праўда», 2023. С. 193–196. [Вернуться к статье](#)

35. Сазанович Н. В. Историческая память и ее отражение в музыке белорусских композиторов — защитников Отечества в Великой Отечественной войне // Сталинградская битва в историко-культурной памяти народов : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Сталинградской битве, Волгоград, 3 февр. 2023 г. Волгоград : ИП Никулина М. Г, 2023. С. 137–145. [Вернуться к статье](#)

36. Саковец Я. С. Мероприятия по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне в культурной жизни Республики Беларусь // Современное состояние инфосферы учреждений культуры : материалы VI Междунар. студенч. науч.-практ. форума, Орел — Минск, 5 апр. 2023 г. / науч. ред. и сост. Д. Н. Грибков, Н. Е. Беляева. Орел : Орл. гос. ин-т культуры, 2023. С. 126–132. [Вернуться к статье](#)

37. Крикливец Е. В. Социальные и культурные импликации исторической памяти в современной белорусской прозе о Великой Отечественной войне // Аксиологический диапазон художественной литературы : сб. науч. ст. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2024. С. 169–175. [Вернуться к статье](#)

38. Постников С. В. Образ Беларуси во время Великой Отечественной войны в творчестве художников // Актуальные проблемы гуманитар. и соц.-экон. наук. 2024. № S18-1 (105). С. 35–41. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.511.1

СТАТУСНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ К ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Г. Скороход

Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры теории и истории права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В Республике Беларусь отсутствует нормативное закрепление единой этикетной формы обращения к Президенту Республики Беларусь. Показаны различные формулировки обращений к Президенту. Отмечается, что статусные апелляции к Президенту не находятся в отрыве от конституционных ценностей. Делается вывод о том, что в коммуникации с Президентом преобладают вокативы-антропонимы с различными модификациями слова «Уважаемый».

Ключевые слова: Президент; Конституция; права человека; обращение; язык обращения; статусные вокативы.

Annotation. In the Republic of Belarus, there is no normative consolidation of a unified etiquette form of appeal to the President of the Republic of Belarus. Various formulations of appeals to the President are shown. It is noted that status appeals to the President are not in isolation from constitutional values. It is concluded that anthroponyms with various modifications of the word «Dear» prevail in communication with the President.

Keywords: President; Constitution; human rights; circulation; language of conversion; status vocatives.

Конституция Республики Беларусь определяет, что Президент Республики Беларусь является, во-первых, Главой государства, во-вторых, гарантом Конституции, в-третьих, гарантом прав и свобод человека и гражданина, в-четвертых, Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики Беларусь, в-пятых, возглавляет Совет Безопасности Республики Беларусь. Кроме этого, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании», Президент является делегатом Всебелорусского народного собрания. К тому же Законом от 3 января 2024 г. № 335-З «Об изменении Закона Республики Беларусь “О Президенте Республики Беларусь”» установлено, что Президент возглавляет систему государственной службы Республики Беларусь [1; 2].

В дополнение ко всему стоит отметить, что Конституция нашей страны юридически устанавливает множественность Президентов: 1) Президент Республики Беларусь, 2) вновь избранный Президент, 3) Президент, прекративший исполнение своих полномочий.

Как видно, Конституция и законы Республики Беларусь официально удостоверяют различные статусные состояния Президента Республики Беларусь.

При всем многообразии подобных разрядов возникает вопрос: как обращаться к Президенту? Ведь формы обращения отражают социальные отношения и наилучшим образом характеризуют собеседников [3].

Таким образом, актуальность темы определяется, во-первых, необходимостью дальнейшего уяснения конституционно-правового статуса Президента Республики Беларусь. Во-вторых, фактической неизученностью речевых обращений (вокативов) в праве в целом и в науке конституционного права в частности.

В лингвистической литературе нет единого, общепризнанного определения понятия «вокатив». Как отмечают ученые-лингвисты, первоначально вокатив рассматривался в виде стилистического явления и фигуры поэтического синтаксиса. До второй половины XIX в. данный объект имел название «звательный падеж», который в настоящее время не сохранился [4, с. 6].

Лексической базой для образования вокативов служат «собственные имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному или возрастному признаку, по взаимоотношениям людей и т. д.» [5, с. 227].

Применительно к теме работы нас интересуют статусные вокативы (их еще называют специальными), направленные на выражение дистанции между участниками общения по принципу «равный — неравный» с ярко выраженной социальной дистанцией. «Специальные вокативы приняты по отношению к лицам, занимающим высокие должности в государственных, общественных образованиях. Например, в государственных органах, в армии, в суде, в образовательных и медицинских учреждениях» [6, с. 213]. Некоторые специальные вокативы имеют многосоставный (многословный) характер. Это свидетельствует о высоком социальном статусе адресата. Названные вокативы используются при обращениях к монарху и его близким, высшему дворянству, церковным иерархам, руководителям государства, высшим чиновникам. Например, «Ваше высокопревосходительство, господин Президент», «Уважаемый Председатель совета», «Господа Присяжные заседатели».

Если обратиться к формально-юридической стороне вопроса, то ни Конституция Республики Беларусь, ни Закон Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь», ни другие правовые акты не определяют речевую форму обращения к Президенту Республики Беларусь. В Указе Президента «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» от 15 октября 2007 г. № 498 лишь сказано, что обращения, поступившие

на имя Президента Республики Беларусь, могут рассматриваться от имени Президента Администрацией Президента Республики Беларусь.

На сайте Президента Республики Беларусь в разделе «Обращения граждан и юридических лиц» также ничего не сказано о речевом этикете при обращении к Президенту. Надо полагать, что если Конституцией заявлено о строительстве в Республике Беларусь демократического государства, то выбор формы обращения к Президенту — личное дело каждого. Главное, чтобы все было вежливо и не допускалось употребление нецензурных либо оскорбительных слов или выражений.

Формы обращения к президентам и монархам в зарубежных странах определяются многовековыми обычаями, национальными традициями и культурными особенностями. В настоящее время формализованных правовыми актами речевых вокативов при обращении граждан к главам государств нет, пожалуй, ни в одной стране. Повсеместно используются «Господин Президент», «Уважаемый Господин Президент», «Достопочтенный Президент», «Товарищ Президент», «Пан Президент», «Ваше Превосходительство», «Ваше высокопревосходительство», «Ваше Высокопревосходительство Господин Президент», «Ваше Величество», «Ваше Высочество», «Ваша Светлость», «Ваше Сиятельство», а также по имени и отчеству (с возможными этикетными модуляциями: уважаемый, глубокоуважаемый, многоуважаемый, дорогой) и другие составные статусные вокативы.

Далее будет интересным посмотреть примеры отдельно взятых словоизложений при обращении к Президенту Республики Беларусь.

«Уважаемый Александр Григорьевич», «Уважаемый Александр Григорьевич, Вы — Президент от Бога!», «Александр Григорьевич, ...», «Дорогой Александр Григорьевич!». Такие слова преобладают в обращениях к Президенту, размещенных на сайте «СБ Беларусь Сегодня» в статье «О чем люди пишут Главе государства».

«Президенту Республики Беларусь Александру Григорьевичу Лукашенко, Уважаемый Александр Григорьевич!». Вот так в открытом письме обращаются к Президенту члены Русского космического общества после его выступления на Всемирном саммите по борьбе с изменением климата в Дубае 1 декабря 2023 г.

«Уважаемый Александр Григорьевич!» — слова обращения из поздравительного письма Президента Азербайджана Ильхама Алиева Президенту Республики Беларусь и народу Беларуси по случаю Дня Независимости 3 июля 2024 г.

«Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!». Так обращается в поздравлении Президента с днем рождения 30 августа 2023 г. Председатель партии «Белая Русь» О. А. Романов.

«Досточтимый Александр Григорьевич, Президент Республики Беларусь!». Вот так обращался к Президенту Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси на инаугурации Президента Республики Беларусь 21 января 2011 г.

«Многоуважаемый Александр Григорьевич ...». Это обращение к Президенту Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаила Мясникова в поздравлении с Днем Независимости 3 июля 2023 г.

«Дорогой Александр Григорьевич!» — слова обращения руководителя фракции КПрФ в Государственной думе, Председателя ЦК КПрФ Г. А. Зюганова в поздравлении Президента с днем рождения.

«Достопочтенный Александр Григорьевич!» — такое обращение Ларисы Калининой из села Новая Ханинеевка Барышского района Ульяновской области Российской Федерации от 14 марта 2022 г.

«Его Превосходительству Александру Григорьевичу Лукашенко, Президенту Республики Беларусь. Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Александр Григорьевич!» — слова из поздравления А. Г. Лукашенко с победой на выборах Президента Республики Беларусь в августе 2020 г. от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

«Товарищ Президент» — так к Президенту обращаются представители силового блока страны.

«Товарищ Главнокомандующий!» — так обращаются к Президенту военнослужащие Вооруженных Сил Республики Беларусь.

«Уважаемый господин Президент Александр Григорьевич Лукашенко» — это обращение к Президенту жителей д. Переседы Борисовского района Минской области.

«Господин Президент, Александр Григорьевич Лукашенко ...» — обращение к Президенту польского политолога Даниэля Микусека.

«Добрый вечер, господин Президент. Уважаемый господин Президент» — так к Президенту обращалась Канцлер ФРГ Ангела Меркель в телефонном разговоре 15 ноября 2021 г.

«Шаноўны спадар Прэзідэнт!» — слова из благодарности польского фермера Яна Трешчотко Президенту Беларуси за подарок — трактор нового поколения «Беларусь-820».

В обращениях к Президенту с использованием слов «господин», «товарищ», «спадар» отражается не столько современное состояние белорусского общества, сколько предшествующие его состояния и структура в прошлом.

Если мы посмотрим на статусные обращения к высшим должностным лицам государства в историческом разрезе, например, во времена вхождения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской Империи и БССР, то увидим, что они кардинально различаются. Такой подход дает нам более полное представление о конституционном развитии нашего государства, о его социальной структуре, об изменениях общественных правил поведения применительно к социальной градации. В обращениях отражаются правовые и социальные реалии, характерные для каждой эпохи. Иначе говоря, в статусных обращениях мы обнаруживаем «приметы места» и «приметы времени».

Большим эмпирическим материалом для нашего исследования служат пресс-конференции, а также встречи Президента с журналистами, представителями общественности, экспертного и медийного сообщества.

Надо сказать, что при таком формате коммуникации с Президентом Республики Беларусь нет единой этикетной формы обращения. В своем большинстве гражданами используются «паспортные» антропонимические вокативы (имя и фамилия) с различными вариациями слова «*Уважаемый*».

Язык не существует вне права, в отрыве от правовой культуры, характеризующей наш образ жизни.

Называя адресатом Президента, мы обозначаем его социальное положение и наше личное отношение к нему. Тем самым вокатив является показателем правовых статусов коммуникаторов, поскольку устанавливает дистанцию между Президентом и обратившимся к нему лицом. Это значит, что статусные апелляции к Президенту не отрываются от прав и обязанностей человека и гражданина, правового государства, верховенства права, непосредственной демократии, многообразия мнений и других конституционных ценностей. В обращениях к Президенту конституционный капитал получает свое развитие. Т. е. речевое обращение к Президенту — это один из способов реализации гражданином своих конституционных прав.

Анализируя тексты статусных вокативов, можно получить существенные результаты, показывающие реальное отношение граждан к Президенту и государственным институтам. Очевидны будут и нерешённые вопросы, побуждающие Президента как гаранта прав и свобод человека и гражданина к их изучению и разрешению.

Язык обращения к Президенту — это также показатель отражения социальной структуры общества, параметр его расслоения либо солидаризации.

В настоящее время в Республике Беларусь нет нормативного закрепления формы обращения к Президенту Республики Беларусь. В письменной и устной коммуникации с Президентом преобладают вокативы-антропонимы

с различными модификациями слова «Уважаемый». Поэтому на сегодняшний день это наиболее приемлемый вариант обращения к Президенту.

-
1. О Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 февр. 2023 г. № 248-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 2. Об изменении Закона Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 3 янв. 2024 г. № 335-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 3. Леонтьева Л. Е. Аксиологическая характеристика вокативов в дискурсе // Концепт. 2014. Т. 20. С. 551–555. [Вернуться к статье](#)
 4. Леонтьева Л. Е. Функционально-семантическое описание вокативов в разноструктурных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. М., 2011. 20 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. 543 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Карасик В. И. Язык социального статуса / Рос. Акад. Наук, Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. М. : Перемена, 1992. 329 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ И УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Е. Г. Терешенко

Академия МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь профессиональной деформации и правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, профессиональная деформация, правовая культура сотрудников уголовно-исполнительной системы, профилактика профессиональной деформации.

Annotation. The article reveals the relationship between professional deformation and legal culture of employees of the penal system.

Keywords: penal system, professional deformation, legal culture of employees of the penal system, prevention of professional deformation.

Исправительные учреждения представляют собой среду с повышенным уровнем риска профессиональной деформации для работающих в них сотрудников. В условиях работы в таких учреждениях сотрудник, взаимодействующий с осужденными к лишению свободы, подвергается значительным психологическим нагрузкам, в результате которых может происходить привыкание к нахождению в пенитенциарной среде, перерастающее в профессиональную деформацию.

Рассуждая о сущности профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы, Н. В. Романова характеризует ее как появление у сотрудника уголовно-исполнительной системы в период прохождения им службы определенного набора качеств, которые приводят к совершению с его стороны противоправных деяний коррупционной направленности. Также указанный ученый подчеркивает, что для профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы характерно проявление изменений в личности, приводящих к правовому нигилизму и осознанному допущению нарушений [1, с. 59], тем самым рассматривая снижение правовой культуры сотрудника как естественное последствие его профессиональной деформации.

Мы согласны с такой точкой зрения и полагаем, что без должной профилактической работы и в условиях постоянного взаимодействия со спецконтингентом может иметь место риск снижения уровня правовой культуры

сотрудника, частичного замещения в его сознании авторитета права неформальными нормами поведения, свойственными для осужденных в местах лишения свободы. Первичными внешними признаками таких процессов может выступать перенятие определенных черт поведения, жаргона осужденных, далее — руководство неформальными нормами пенитенциарной среды в разрешении возникающих социальных конфликтов между осужденными. Одним из наиболее явно выраженных признаков снижения правовой культуры может выступать вступление сотрудника в неслужебную связь с осужденным.

Осужденные к лишению свободы подвергаются в процессе отбывания наказания ограничениям, которые варьируются в зависимости от вида режима. Главные из таких ограничений касаются общения с родственниками, свободы передвижения, выбора досуга и других аспектов, обусловленных самим нахождением осужденных в исправительных учреждениях. Вместе с тем часть ограничений, которые претерпевают осужденные к лишению свободы, связаны с запретом приобретения, хранения и использования определенных предметов. С целью их получения частью осужденных могут предприниматься попытки организации незаконной доставки таких предметов на территорию исправительного учреждения. Для реализации подобного умысла со стороны осужденных могут предприниматься попытки установления неслужебных связей с сотрудниками исправительного учреждения: осужденные предпринимают попытки наладить контакт, войти в доверие, а далее — манипулировать сотрудником исправительного учреждения с целью использования его для доставки осужденным запрещенных предметов за вознаграждение. И здесь будет справедливым отметить, что наиболее высокому риску вовлечения в деятельность по доставке запрещенных предметов в исправительное учреждение подвержены именно сотрудники с наиболее выраженной профессиональной деформацией и сниженным в связи с ней уровнем правовой культуры. Такие сотрудники обладают достаточным уровнем правосознания, однако для их поведения характерно отрицательное и пренебрежительное отношение к праву [2, с. 34], что требует принятия серьезных мер со стороны подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, осуществляющих работу с личным составом, по профилактике профессиональной деформации и поддержанию должного уровня правовой культуры. Под профилактикой профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы нами подразумевается комплекс мер, направленных на нейтрализацию негативного воздействия профессиональной деятельности сотрудников на их личность, в то время, как поддержание должного уровня правовой культуры у сотрудников уголовно-исполнительной системы мы рассматриваем как постоянное

поддержание в их сознании авторитета права как главного источника регулирования общественных отношений.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем целесообразным оптимизировать работу подразделений идеологической работы и кадрового обеспечения и сотрудников подразделений психологического обеспечения, осуществляющих работу с личным составом, чтобы в дальнейшем включить в качестве одного из направлений их работы проведение мероприятий по профилактике профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы и поддержанию у них должного уровня правовой культуры. При этом важно подчеркнуть, что для эффективной реализации такого комплекса мероприятий сотрудники названных подразделений сами должны иметь необходимый уровень знаний, умений и навыков, которые позволят реализовывать данные мероприятия эффективно. Для этого предлагается с представителями соответствующих категорий сотрудников на регулярной основе проводить занятия по формированию умений и навыков работы с личным составом на базе Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, а также в рамках повышения квалификации в учреждениях образования МВД Республики Беларусь. Такие занятия могут быть направлены на формирование навыков убеждения, публичного выступления, завоевания авторитета в среде сотрудников уголовно-исполнительной системы, психолого-педагогических основ профилактики профессионального выгорания и противодействия манипуляциям со стороны спецконтингента.

В дальнейшем проведение коллективных и индивидуальных мероприятий с личным составом сотрудниками подразделений идеологической работы и кадрового обеспечения и сотрудниками подразделений психологического обеспечения, осуществляющими работу с личным составом, прошедшими обучение по данным направлениям, позволит на системной основе и более эффективно осуществлять профилактику профессиональной деформации сотрудников и вести работу по поддержанию их правовой культуры на необходимом уровне в каждом исправительном учреждении.

1. Романова Н. В. Детерминанты, способствующие совершению коррупционных преступлений сотрудниками УИС // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2022. № 3 (49). С. 56–60. [Вернуться к статье](#)

2. Бисекенов А. С., Ежова О. Н. Профессиональное сознание и правовая культура сотрудников УИС // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов, г. Самара, 27 апр. 2018 г. / Самар. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. Самара, 2018. Т. 6, ч. 1. С. 33–37. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.7:004

КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Е. А. Терещенко

Северо-Кавказский федеральный университет,
заведующий кафедрой правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассмотрение культурного суверенитета как неотъемлемой части и одновременно необходимого условия обеспечения государственного суверенитета. Отмечено, что культура становится полем информационно-психологического противоборства, что создает угрозы социально-политической стабильности и подрывает национальную безопасность России.

Ключевые слова: культура, общество, культурный суверенитет, традиционные ценности, информационный суверенитет.

Annotation. Consideration of cultural sovereignty as an integral part and at the same time a necessary condition for ensuring cultural sovereignty. It is noted that culture is becoming a field of informational and psychological warfare, which poses threats to socio-political stability and undermines Russia's national security.

Keywords: culture, society, cultural sovereignty, traditional values, information sovereignty.

В силу распространения не только экономического, но и единого культурного пространства глобализационные процессы поставили перед человечеством проблему утраты уникальности собственной национальной культуры.

Культура все чаще становится полем информационно-психологического противоборства. Организаторы информационных войн нового поколения стремятся не только исказить историю, но и фальсифицировать культурные ценности, что проявляется в распространении зачастую низкопробных суррогатов массовой культуры.

В сложившихся обстоятельствах вопрос обеспечения культурного суверенитета страны становится как никогда актуальным, что требует глубокого понимания структуры и основных элементов данной категории.

В настоящее время крайне важно и необходимо обратить внимание на проблему обеспечения культурного суверенитета в контексте

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 25-28-01643 «Информационный суверенитет (суверенитет в информационной сфере): российский и зарубежный опыт правового регулирования и обеспечения».

информационной безопасности. Научное исследование данной темы станет основой для последующего правоприменения.

Теория суверенитета — сложная категория, по-прежнему активно разрабатываемая современной наукой. В процессе эволюции происходит дифференциация его видов, выделяют информационный, правовой и другие виды суверенитета.

Понятие «культурный суверенитет Российской Федерации» впервые было закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, утвердившем Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, как фактор, способствующий «укреплению национальной безопасности в области культуры». Указан и механизм его обеспечения: «принятие мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости» [1].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400 констатируется, что на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов [2].

Введенное нормативными актами понятие «культурный суверенитет», по сути, является не только частью или видом собственно суверенитета, а согласно придаваемому стратегическими документами смыслу может рассматриваться как условие достижения государственного суверенитета. Такая двойственная природа культурного суверенитета дает основание для рассмотрения культурного суверенитета в научной литературе и публицистике как триады «суверенитет — идентичность — безопасность», своеобразной пограничной полосы, водораздела, барьера от трансграничной экспансии [3].

Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 внесены изменения в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 [4]. Названным Указом Президента в раздел III Основ государственной культурной политики включена характеристика введенного понятия «культурный суверенитет», а разделом IV Основ государственной культурной политики обеспечение культурного суверенитета определено как задача государственной национальной политики. Тем самым данные стратегические нормативные акты

наделяют обеспечение культурного суверенитета признаками, соответствующими формам и методам реализации государственной политики. Такое воплощение осуществляется посредством артикулирования интересов, т. е. их преобразования в ясные и четкие политические положения.

Содержание легального определения культурного суверенитета позволяет рассматривать его как комплекс социально-культурных элементов, позволяющих избежать «зависимости от внешнего влияния, быть защищенным от деструктивного идеологического и информационного воздействия» и придерживаться традиционных «духовно-нравственных ценностей» [4].

Российская научная литература в последние десятилетия неоднократно апеллировала к понятию культурного суверенитета.

Так, например, одни авторы рассматривают культурный суверенитет с позиции задач и части государственной политики, другие авторы — в качестве объекта, на который направлены согласованные действия органов власти, местного самоуправления и гражданского общества, которые они должны осуществлять в рамках своей компетенции [5, с. 9].

При формировании направлений и форм реализации государственной культурной политики важной задачей становится определение границ и пределов влияния на национальную культуру.

Что является основой национальной культуры? Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой в ее основе лежит национальный дух, определяющий идентичность народа. Общеизвестно, что в основе культуры каждого народа и государства должны лежать традиционные ценности, что и привело к принятию ряда законодательных инициатив и решений, направленных на установление и охрану данной категории.

Где та грань, за которой свобода превращается во вседозволенность? Невозможно отделить человеческую составляющую от других аспектов. Мы часто говорим: при таком развитии событий будет то-то, а при таком — то-то. Однако криминалистическое моделирование эффективно только в тех случаях, когда преступление уже совершено. Наша же задача — профилактика. Конституционный принцип свободного и безопасного существования, здоровья и безопасности жизненной среды гарантирован каждому человеку в нашей стране.

Режим безопасного существования российской цивилизации и российской культуры как составляющей включает духовную безопасность. Культурный суверенитет в этом контексте выступает как условие, обеспечивающее духовную безопасность народа.

Стратегия национальной безопасности России делает упор на том, что сегодня человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, общих

традиционных установок. Все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни.

Как сохранить гражданскую идентичность? Важную роль в сохранении гражданской идентичности играет формирование правосознания и гражданского самосознания. Их можно рассматривать как залог и условие такого сохранения.

Культурный суверенитет сталкивается с различными внешними угрозами — как субъективными, так и объективными [6, с. 659], внешними и внутренними. Среди них стоит выделить информационную агрессивность геополитических конкурентов, направленную на уничтожение национальной идентичности и историко-культурной самоидентификации. В этом контексте культура используется как инструмент дискредитации суверенитета.

Фальсификация истории и посягательство на духовные ценности и культурные смыслы нации представляют серьезную угрозу национальной безопасности. В условиях мирового культурного кризиса культура может и должна стать мощным оружием духовной защиты. Именно в этом контексте культура рассматривается как способ сохранения национального кода.

Документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [7]. Они конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1], Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124) [8], Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) [9], Основ государственной культурной политики (утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808) [10], Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203) [11] и других правовых актов стратегического значения.

В связи с повсеместным распространением и проникновением информационных технологий подходы к пониманию территориального пространства меняются. Традиционная черта суверенитета — территориальное единство — приобретает новые грани. Речь идет о сохранении единства и безопасности культурного и информационного пространства страны, что требует решения

задачи по обеспечению и развитию института воспроизводства традиционных ценностей, основанных на суверенном ценностном выборе народа. Продолжаются исследования о взаимосвязи и отражении традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе российского государства, их присутствии в информационном пространстве [12, с. 5].

Очевидно, что ключевая роль в защите суверенитета принадлежит государству. Охраняя культурный суверенитет, который проявляется в защите традиционных ценностей нации, государство опирается на те же правовые принципы и правовые основы, что и в случае защиты государственного суверенитета [5, с. 6].

Согласно Конституции Российской Федерации, народ является единственным носителем и источником власти [13]. Он наделяет государство как выразителя национальных интересов качеством суверенитета.

Как и государственный суверенитет, культурный суверенитет обладает признаками верховенства, самостоятельности и независимости государственной власти в тех сферах и пространствах, которые наиболее характерны для культуры. Это позволяет государству принимать политические и правовые решения для защиты национальной системы ценностей от деструктивного воздействия.

Часть 4 ст. 68 Конституции Российской Федерации предусматривает охрану культуры как одну из задач государства, понимая под культурой уникальное наследие многонационального народа.

Управленческие функции государства и государственной власти включают не только нормотворчество, но и право на ограничение деятельности, посягающей на идентичность нации. Особенно опасно, когда такие действия направлены на исторически сложившиеся национальные и культурные ценности граждан. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации рассматривает эту угрозу как ключевую социокультурную опасность для национальных интересов.

В качестве отдельного приоритета следует рассматривать охрану культурного суверенитета в аспекте защиты традиционных ценностей, культуры и исторической памяти. В этом и заключается функция публичных органов власти в пределах своих полномочий и во взаимодействии с гражданским обществом.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Воронова О. Е. Культурный суверенитет как основа национальной безопасности России [Электронный ресурс] // История.РФ. Главный исторический портал страны : [сайт]. URL: <https://histrf.ru/read/articles/kulturnyi-suvierienitiet-kak-osnova-natsionalnoi-biezopasnosti-rossii> (дата обращения: 01.03.2025). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
4. Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 : в ред. от 25.01.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Шашкин П. А. Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании // Российское право онлайн. 2024. № 2. С. 5–12. [Вернуться к статье](#)
6. Черняховский С. Ф., Черняховская Ю. С. Вызовы и угрозы культурному суверенитету Российской Федерации и меры по противодействию им // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : сб. материалов круглого стола. М., 2021. С. 657–669. [Вернуться к статье](#)
7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 28 дек. 2024 г. № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 : в ред. от 15.01.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
10. Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 : в ред. от 25.01.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
11. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
12. Митин А. Н., Лебедев Д. В. Духовно-нравственные ценности в правовых документах России: отражение в информационном пространстве // Современное право. 2024. № 9. С. 5–7. [Вернуться к статье](#)
13. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.627

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТА СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ

С. Н. Ховратова

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

Аннотация. В данной статье автором проводится анализ понятия медиации, анализируется сущность и правовая основа института семейной медиации. Автором отмечаются особенности процедуры медиации в брачно-семейных отношениях как досудебного способа разрешения правовых конфликтов в семье.

Ключевые слова: досудебное урегулирование семейного спора, конфликт, медиация, примирение сторон, семейная медиация, семья, семейный спор.

Annotation. In this article, the author analyzes the concept of mediation, analyzes the essence and legal basis of the institution of family mediation. The author notes the peculiarities of the mediation procedure in marriage and family relations as a pre-trial method of resolving legal conflicts in the family.

Keywords: pre-trial settlement of a family dispute, conflict, mediation, reconciliation of the parties, family mediation, family, family dispute.

Конституция Республики Беларусь в ч. 1 ст. 33 провозглашает: брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [1]. Несомненно, задача по укреплению престижа семьи, семейных ценностей в современном обществе является весьма актуальной. Нельзя не отметить, что семья является сложным институтом со своими индивидуальными особенностями и потребностями. В настоящее время молодые люди не спешат официально оформлять свои отношения и все чаще фактически сожительствуют.

Многие проблемы, которые возникают внутри семьи, связаны именно с тем, что супруги не смогли договориться между собой. Также необходимо отметить, что за последнее время наметился рост конфликтов в семье, нередко приводящих к распаду брака. Согласно официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2024 г. органами, регистрирующими акты гражданского состояния (далее — органы ЗАГС), было зарегистрировано 46 242 брака, для сравнения в 2023 г. — более 56 тыс. браков. Прекратить свои брачные отношения в 2024 г. решили 34 866 семей, учитывая, что среди городского населения эта статистика выше, чем среди сельского населения: 87,9 % и 12,1 %, соответственно в 2023 г. через органы ЗАГС и судебные решения около 34 000 расторжений браков [2].

Исходя из цели укрепления семейного потенциала, развития ребенка в психологически здоровой семье, необходимо более обстоятельно относиться

к заключенным бракам, тем самым создавая правовые предпосылки для минимизации распада семейных отношений. Представляется эффективным такой способ решения проблемы, как совершенствование бракоразводного законодательства в части определения формы расторжения брака, исходя из наличия или отсутствия юридического спора между супругами, а также применение дополнительных процедур, которые направлены на устранение разногласий между супругами. Такой процедурой может выступать медиация как альтернативный способ разрешения споров.

В Республике Беларусь супруги вправе расторгнуть брак в судебном либо административном порядке. Законодатель определяет административное расторжение брака бесспорным, однако в случае возникновения у супругов личных неимущественных и имущественных споров, то они разрешаются в судебном порядке. Вместе с тем не все возникающие семейные споры могут разрешаться в суде или при обращении в органы ЗАГС. Альтернативой разрешения семейных конфликтов является процедура медиации.

История института медиации восходит к эпохе Античности. Этимологически термин «медиация» происходит от латинского «mediatio» — посредничество, производное от слова «medium», что в буквальном переводе означает «середина». Следует отметить, что становление медиации соотносится с возникновением в обществе социальных конфликтов и развитием социальной коммуникации.

Институт посредничества получил логическое развитие в Древней Греции, где медиаторов называли «prohetas», а затем и в Древнем Риме. В эпоху политического расцвета Византийской империи при Юстиниане в дигестах положение медиаторов было закреплено на законодательном уровне. Следует отметить, что в текстах римских источников права можно встретить различные подходы к семантическому полю, определяющему медиатора: «internunciatus», «medium», «intercessor», «philantropus», «interpolator», «conciliator», «interlocutor», «interpres» и, наконец, «mediator» [3].

В Российской империи на законодательном уровне были закреплены и использовались на практике процедуры примирения сторон. К примеру, в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. содержался раздел IV «О примирительном разбирательстве», в котором была сформулирована цель деятельности посредников — примирение сторон, а в случаях, если примирение сторон невозможно, тогда выносится решение по существу. Обратим внимание, что активную позицию в разрешении семейных проблем прихожан занимала церковь.

После свержения власти Временного правительства первыми актами по вопросам регулирования семьи и брака, принятыми советским

правительством, были Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16 декабря 1917 г. «О расторжении брака» и Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния». В указанных законодательных актах отмечалось, что церковные браки отменялись, законным браком же признавался только гражданский брак, процедура расторжения брака становилась общедоступной. Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. был введен в действие Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., нормы которого распространялись на лиц, фактически состоявших в брачных отношениях, но не зарегистрировавших его.

В период Великой Отечественной войны был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждения ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”», в соответствии с которым регистрация в органах ЗАГС с указанием срока совместной жизни являлась единственным способом признания фактического брака.

Укрепление семьи, охрана материнства и детства декларировались одними из важнейших задач Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. Вместе с тем, несмотря на вышеуказанную задачу, процедура расторжения брака упрощалась, что привело к негативному последствию — резкому росту количества распада семей, и, соответственно, к девальвации традиционных ценностей и брачно-семейной морали. В ст. 31 Кодекса о браке и семье РСФСР был также закреплен запрет на предъявление супругом требования о расторжении брака в период беременности супруги и спустя год после рождения ребенка [4, с. 42–43].

Следует резюмировать, что примирительные процедуры супругов нашли отражение в нормативных правовых актах советского периода, однако их правовое содержание существенно отличалось от современного понимания. Супругов, относящихся к партийно-государственной номенклатуре, вызывали на партийные собрания, целью которых было убеждение в необходимости сохранения семьи. Аналогичной практикой занимались и комсомольские организации. Примирением супругов занимались и семейные терапевты, однако масштаб их деятельности значительно уступал практике специалистов в западноевропейских странах. Кроме того, к числу семейных медиаторов следует отнести семейных консультантов, осуществлявших свою деятельность в 1980-е гг. преимущественно на безвозмездной основе, и только с 1990-х гг. с получением полной свободы в предоставлении услуг в области семейного права их деятельность коммерциализировалась.

Необходимо отметить, что как в зарубежных странах, так и в Беларуси наибольшую долю составляет медиация споров между расстающимися супругами, особенно в случаях, затрагивающих интересы детей. В Республике Беларусь семейная медиация стала систематически развиваться с 2013 года.

Закон Республики Беларусь «О медиации» и другие законодательные акты, регулирующие медиацию, вступили в силу 24 января 2014 г. Теоретическая возможность с 2014 г. получения сторонами медиативной помощи на стадии расторжения брака не оказала заметного влияния на снижение количества прекращенных браков в нашей стране, в то время как незначительная в масштабах страны практика медиации по таким делам с 2015 по 2018 г. дает результат урегулирования от 80 до 90 %.

В декабре 2019 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон № 277-З «Об изменении законов», предусматривающий внесение изменений в Кодекс о браке и семье (далее — КоБС), а также в Закон Республики Беларусь «О медиации», который вступил в силу с 1 июля 2020 г. Данное новшество предусматривало, что сотрудники отдела ЗАГС или суд станут информировать супругов при расторжении брака о возможности применения медиации для урегулирования разногласий вплоть до сохранения брака (ст. 35–36) [5; 6].

Следует также констатировать, что важнейшими векторами изменений в области медиации представляются активное применение процедуры внесудебной медиации и распространение информации о перспективах использования данного института в семейных правоотношениях. Обозначенные направления способствуют созданию дополнительных гарантий по соблюдению достигнутых соглашений по результатам применения медиации. Полагаем, что данные изменения содействовали созданию в Республике Беларусь благоприятных условий для сохранения семьи и семейных ценностей.

С целью конкретизации дефиниции семейной медиации в семейном праве необходимо обратиться к понятию медиации. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О медиации», медиация представляет собой переговоры сторон с участием медиатора с целью урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Далее законодатель в ст. 2 определяет допустимость применения медиации с целью примирения супругов при бракоразводном процессе [6].

По мнению К. Н. Тарановой, семейная медиация представляет собой процесс, в ходе которого независимое третье лицо способствует налаживанию коммуникаций и принятию решений по урегулированию личных неимущественных и имущественных притязаний участников семейного конфликта [7, с. 29].

Нельзя не отметить точку зрения Д. Л. Давыденко, который трактует данный термин как «...процедуру посредничества, при которой третье лицо не дает рекомендаций в отношении возможных условий урегулирования спора, а оказывает им профессиональное содействие в организации и ведении процесса переговоров» [8, с. 131].

Как утверждает О. Н. Здрок, термин «семейная медиация» может употребляться в трех значениях: как одно из направлений медиативной практики, разновидность медиативной технологии и социальный институт.

Семейная медиация как направление медиативной практики применяется при урегулировании разногласий сторон, возникающих при расторжении брака, в частности по вопросам, связанным с определением места проживания несовершеннолетнего ребенка, порядка установления времени общения с ребенком отдельно проживающего от него родителя, размера алиментных выплат, а также распределения долгов и раздела совместно нажитого имущества.

Как разновидность медиативной технологии семейная медиация является собирательным термином, который включает в себя семейно-ориентированную, трансформативную, нарративную, провокативную, восстановительную, интервенционную медиации. С учетом указанного, определение «семейная медиация» отождествляется с семейно-ориентированной медиацией, которая на практике является более востребованной.

По мнению О. Н. Здрок, «...повышенная эмоциональность межличностных конфликтов требует от медиатора соответствующих компетенций по работе с эмоциями, а также отведения для этой работы более длительного времени в общей структуре медиативной сессии. В результате появились так называемые постклассические (постструктуралистские) модели медиации, перечисленные выше, которые характеризуют как психологическое, терапевтическое направление в медиации» [9, с. 213].

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что семейная медиация при расторжении брака — это альтернативная процедура, особый способ защиты прав участников бракоразводного процесса для разрешения личных неимущественных и имущественных интересов при участии нейтрального лица — медиатора. Данная процедура призвана способствовать разрешению имеющегося конфликта между супругами, достижению компромисса интересов в спорных вопросах между ними. Поэтому необходимо развивать и активизировать правовые исследования применения процедуры медиации по большинству споров и конфликтов в семье, особенно затрагивающих интересы несовершеннолетних детей.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. 109 с. [Вернуться к статье](#)

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://belstat.gov.by> (дата обращения: 15.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Белова В. С. Медиация как способ разрешения споров, связанных с расторжением брака [Электронный ресурс] // Концепт. 2016. Т. 11. С. 1306–1310. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86281.htm> (дата обращения: 15.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Гурко Т. А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2 (14). С. 40–69. [Вернуться к статье](#)

5. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 277-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З : в ред. от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Таранова К. Н. Семейная медиация: понятие, основные характеристики, обзор процедур медиации // Медиация как альтернативный способ разрешения споров и технология формирования бесконфликтной среды : сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. школьников, студентов и молодых ученых, Минск, 29 апр. 2022 г. / БГЭУ ; редкол.: А. Н. Шкляревский, Т. Н. Михалева, И. В. Орловская. Минск, 2022. С. 29–31. [Вернуться к статье](#)

8. Давыденко Д. Л. Основные термины медиации // Медиация : учеб. / под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. СПб. ; М. : Редакция журн. «Третейский суд» : Статут, 2016. С. 129–143. [Вернуться к статье](#)

9. Здрок О. Н. Семейная медиация: стандарты ЕС и перспективы развития в Республике Беларусь // Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества : сб. тез. докл. II Междунар. конф., Минск, 2 июня 2016 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : Издат. Центр БГУ, 2017. С. 210–214. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

**АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ****И. Г. Хомицевич**Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

Аннотация. В статье проведен анализ основных международных правовых стандартов, регулирующих права несовершеннолетних осужденных, а также осуществлена оценка степени их имплементации в национальное законодательство Республики Беларусь. Особое внимание уделено вопросам гуманности и законности в контексте исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних. Рассмотрены ключевые международные акты, такие как Конвенция о правах ребенка, Пекинские правила и Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с заключенными. На основе проведенного анализа выявлены пробелы в законодательстве и предложены рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: несовершеннолетние, осужденные, международные стандарты, отбывание наказаний, имплементация, правосудие в отношении несовершеннолетних.

Annotation. The article analyzes the main international legal standards regulating the rights of convicted juveniles and assesses the degree of their implementation in the national legislation of the Republic of Belarus. Particular attention is paid to the issues of humanity and legality in the context of the execution of punishments for minors. Key international acts, such as the Convention on the Rights of the Child, the Beijing Rules, and the United Nations Minimum Standard Rules for the Treatment of Prisoners, are considered. Based on the analysis, gaps in the legislation are identified, and recommendations for improving law enforcement practice are proposed.

Keywords: minors, convicted persons, international standards, serving sentences, implementation, juvenile justice.

Имплементация международно-правовых норм и стандартов в уголовно-исполнительную систему является важным аспектом обеспечения гуманности и законности в процессе исполнения наказаний, особенно в отношении несовершеннолетних осужденных. Несовершеннолетние в силу своих возрастных и психологических особенностей требуют особого подхода как в процессе судопроизводства, так и в период отбывания наказания. Международные стандарты, закрепленные в различных актах, направлены на защиту прав и интересов этой уязвимой категории лиц, что делает их изучение и внедрение в национальное законодательство крайне актуальным.

Согласно ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, «уголовно-исполнительное законодательство основывается на Конституции Республики Беларусь, общепризнанных принципах и нормах международного права, а также международных договорах, регулирующих исполнение наказаний и обращение с осужденными» [1]. Данная норма подчеркивает приоритет международных стандартов в национальной правовой системе, что является важным шагом в направлении гармонизации законодательства с международными требованиями.

Международные стандарты, регулирующие исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних, исходят из того, что несовершеннолетний осужденный представляет собой личность, находящуюся в процессе формирования. Для нее характерны неустойчивая психика, незавершенные процессы социализации, а также недостаточная сформированность нравственных ориентиров. В связи с этим международные акты подчеркивают необходимость особого подхода к несовершеннолетним, включая минимизацию сроков лишения свободы и акцент на воспитательные меры.

1. Международные акты общего характера.

Среди международных актов общего характера, регулирующих права несовершеннолетних, можно выделить следующие:

- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) — данный документ закрепляет основные права и свободы человека, включая право на справедливое судебное разбирательство и защиту от жестокого обращения [2].
- Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) — акт, который подчеркивает необходимость учета возрастных особенностей несовершеннолетних при отправлении правосудия [3].
- Конвенция о правах ребенка (1989 г.) — ключевой документ, регулирующий права детей, включая несовершеннолетних осужденных. Конвенция закрепляет право ребенка на образование, медицинскую помощь, защиту от насилия и эксплуатации [4].

2. Специализированные международные акты.

Среди специализированных актов, регулирующих обращение с несовершеннолетними осужденными, можно выделить:

- Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы, 2015 г.) — данные правила устанавливают стандарты гуманного обращения с заключенными, включая несовершеннолетних [5].
- Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних

(Пекинские правила, 1985 г.), — правила, которые подчеркивают, что лишение свободы должно быть крайней мерой, а сроки наказания — минимальными [6].

- Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.), — акт, который закрепляет право несовершеннолетних на образование, профессиональную подготовку, медицинскую и психологическую помощь [7].

Анализ национального законодательства Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что большинство норм международного права, регулирующих права несовершеннолетних осужденных, нашли свое отражение в национальных правовых актах. Однако, как отмечают исследователи, некоторые положения, такие как «пробация» и «участие в групповой психотерапии», до сих пор не получили достаточной законодательной регламентации. В частности, данные меры остаются на уровне рекомендаций в локальных нормативных актах, что снижает их эффективность в правоприменительной практике.

Таким образом, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь развивается под влиянием международных норм, регулирующих права несовершеннолетних осужденных. Однако, несмотря на значительный прогресс в данной области, остается ряд вопросов, требующих дальнейшей проработки. В частности, необходимо законодательное закрепление таких мер, как probation и участие в групповой психотерапии, что позволит повысить эффективность реабилитации несовершеннолетних осужденных. Кроме того, целесообразным представляется введение в штат сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних должности психолога, что будет способствовать более глубокому анализу причин девиантного поведения и оказанию своевременной психологической помощи.

1. Уголовно-исполнительный кодекс [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 фев. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс] : приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 45/113 Генер. Ассамблеи от 14 дек. 1990 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 23.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 37.013.42

**ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ МГУ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «БЕЗОПАСНОСТЬ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»****В. Р. Шлычков**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
преподаватель кафедры защиты и действий населения
в чрезвычайных ситуациях,
кандидат психологических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется качество правового образования, мотивационные аспекты обучения студентов правовым знаниям, особенности методики преподавания правовых знаний студентам по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности».

Ключевые слова: правовое образование, правовое обучение, безопасность жизнедеятельности.

Annotation. The article analyzes the quality of legal education, the motivational aspects of teaching students legal knowledge, and the specifics of the methodology of teaching legal knowledge to students in the discipline of Life Safety.

Keywords: legal education, legal training, life safety.

Качественная подготовка специалистов в учебных заведениях высшего образования является важнейшим элементом образовательной политики государства и тесно связана с его устойчивым развитием в будущем. На решение этой задачи направлены усилия органов управления, научной и педагогической общественности, профессорско-преподавательского состава вузов и усилия самих студентов. Не всегда полученные результаты от этих усилий совпадают с ожиданиями и намеченными целями, с современными требованиями к уровню профессиональной подготовки молодых людей, поэтому постоянное совершенствование процесса образования становится неизбежным и важным элементом развития системы высшего образования в стране.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации», «образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1].

Стремление дать молодому специалисту важные базовые компетенции по направлению подготовки дополняется воспитательными задачами в образовании. Выпускник высшего учебного заведения должен быть не только высокообразованным человеком, но и личностью с активной гражданской позицией и твердыми нравственными принципами, патриотом своей страны и полезным членом общества.

Правовое образование можно рассматривать как одно из направлений в общей системе образования, которое включает в себя и правовое обучение, и правовое воспитание, способствующие освоению правовых знаний и формированию правовой культуры личности.

Правовое образование начинается не в вузе, а намного раньше, и справедливо утверждать, что элементы правовой социализации личности должны начинаться в семье и поддерживаться всеми социальными институтами общества на протяжении всей жизни человека. Сформированные правовые убеждения личности нуждаются в социальном подкреплении, когда правовые нормы исполняются без искажений, а неотвратимость привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении правонарушений, реализует важнейший принцип справедливости.

Как правовое воспитание, так и правовое обучение взаимно дополняют друг друга и способствуют развитию личности, которая знает не только свои права и обязанности, но и права других людей, умеет их реализовывать и защищать.

Признаки правового воспитания и правового обучения гражданина убедительно представлены в работах профессора А. М. Столяренко [2].

В работе по юридической педагогике к признакам правового обучения были отнесены:

- знание минимума нормативных документов, необходимых для жизни, работы и поведения в быту;
- формирование навыков и умений, правомерного поведения в юридически значимых ситуациях и решения проблем, возникающих в его жизни и деятельности;
- знание возможности, порядка и правил юридической защиты своих прав и интересов, обращения в правоохранительные органы и к юристам;
- формирование знаний и навыков поведения, действий, использование средств личной защиты в криминально опасных ситуациях, знание пределов необходимой обороны [2].

Процесс правового образования сложен, и конечным итогом усилий всей педагогической системы должно стать высокое правосознание обучающихся, готовность реализовывать в жизни навыки правомерного поведения.

В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (далее — МГУ) правовому образованию студентов в рамках изучения предмета «Безопасность жизнедеятельности» уделяется пристальное внимание. Это во многом связано с содержанием самой дисциплины, которая опирается на большой объем нормативно-правовой литературы, регламентирующей мероприятия по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Учебная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» относится к базовой части основной профессиональной образовательной программы высшего образования и является обязательной для студентов всех форм обучения и на всех факультетах МГУ. Целью учебной дисциплины является формирование у студентов культуры безопасной жизнедеятельности в процессе профессиональной подготовки в вузе.

В МГУ учебная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» проводится, как правило, со студентами первого курса по всем направлениям подготовки в объеме 72 часов (2 зачетные единицы). В результате освоения учебной программы по данной дисциплине обучающиеся должны приобрести универсальные компетенции:

УК-12. Способен создавать и поддерживать в повседневной деятельности и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов.

УК-13. Способен использовать базовые знания в области охраны окружающей среды и устойчивого развития, понимать экологические ограничения и последствия в сфере профессиональной деятельности.

Основная ответственность по решению этих учебных задач возложена на общеуниверситетскую кафедру «Защиты и действий населения в чрезвычайных ситуациях», которая оперативно подчинена Военному учебному центру при МГУ.

В процессе изучения учебной дисциплины студенты должны усвоить положения таких нормативных правовых актов, как:

- 1) Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [3];
- 2) Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» [4];
- 3) Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-З «О пожарной безопасности» [5];
- 4) Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [6];

5) Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7];

6) Указ Президента Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года» [8];

7) Указ Президента Российской Федерации от 11 января 2018 г. № 12 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года» [9].

8) Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [10] (с изменениями и дополнениями) и многих других.

Знание этих правовых документов, даже на уровне прав и обязанностей граждан и юридических лиц, способствует становлению правового сознания студентов и лучшему пониманию специфики работы уполномоченных государственных органов в Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Следует признать, что правовое обучение и получение практико-ориентированных знаний по учебной дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» проходит с определенными трудностями не только на факультетах с математическим и естественнонаучным уклоном подготовки, но и на юридическом факультете МГУ. Анализ этих трудностей позволяет выделить ряд причин, влияющих на качество обучения. Среди них:

- низкая мотивация к учебе по предмету у значительной части студентов, а, следовательно, и невысокая посещаемость «непрофильных» занятий, и низкая текущая успеваемость, и «недооценка» сложности предмета после школьной программы по учебной дисциплине «Основы безопасности жизнедеятельности»;

- высокий учебный ритм по профессионально важным предметам на первом курсе создает дефицит времени для углубленного изучения правовых основ защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, проявляется в неумении перераспределить время и часто исключает любые формы учебной активности и инициативы;

- теоретическая перегруженность учебного материала и отсутствие в рабочей программе дисциплины практических занятий снижают возможности преподавательского состава по сохранению у студентов на занятии устойчивого внимания к рассматриваемым темам;

– отсутствие у студентов навыков быстрой записи учебного материала «на слух», высокая зависимость восприятия информации только через демонстрацию презентационного материала, ненатренированная память — все это приводит к неоправданному замедлению в подаче учебного материала;

– телефоны (и иные гаджеты), искусственный интеллект и доступные интернет-ресурсы, которые оказывают медвежью услугу студентам в процессе обучения: отбивают у них желание самостоятельно искать учебный материал и ответы на вопросы, способствуют обману преподавателя, позволяя нечестным студентам выдать чужой труд за свой.

Определенные сложности для формирования правосознания студентов, их правового обучения представляют некоторые средства массовой информации, которые подают искаженную и субъективную интерпретацию событий, оставляя за их рамками все хорошее, что делается для защиты населения и территорий, и по реализации прав граждан в условиях чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, качество правового образования будет оцениваться не только по сформированности у студентов некоторых правовых знаний, но и по уважению к этим нормативно-правовым актам, по осознанному их соблюдению и применению в жизни.

1. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : в ред. от 28.02.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Столяренко А. М. Юридическая педагогика : курс лекций. М. : Тандем : Экмос, 2000. [Вернуться к статье](#)

3. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс] : Федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ : в ред. от 08.08.2024 г. № 232-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О гражданской обороне [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 февр. 1998 г. № 28-ФЗ : в ред. от 08.08.2024 г. № 232-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О пожарной безопасности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 21 дек. 1994 г. : в ред. от 08.08.2024 г. № 232-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. от 28.02.2025 г. № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года [Электронный ресурс] :

Указ Президента Рос. Федерации от 20 дек. 2016 г. № 696. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 11 янв. 2018 г. № 12 : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 дек. 2003 г. № 794 : в ред. от 17.01.2024 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

ТРИБУНА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат юридических наук, доцент

В. О. Зимин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

***Аннотация.** Правовое воспитание является ключевым элементом развития правового сознания человека и правовой культуры общества. В представленной статье обосновывается значимость правового воспитания в формировании правовой культуры общества, рассматриваются понятие, субъекты и формы правового воспитания. Предлагаются способы повышения эффективности организации и проведения правового воспитания в контексте позитивного воздействия на прогрессивное развитие белорусского общества.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое воспитание, правомерное поведение, общество, государство.*

***Annotation.** Legal education is a key element in the development of legal consciousness of a person and legal culture of society. The article substantiates the significance of legal education in the formation of legal culture of society, considers the concept, subjects and forms of legal education. The ways of increasing the efficiency of organization and carrying out of legal education in the context of positive influence on progressive development of the Belarusian society are offered.*

***Keywords:** legal culture, legal education, lawful behavior, society, state.*

В современном мире, где происходит эволюционная трансформация социальной системы, правовые отношения становятся все более сложными и многообразными. В этих условиях возрастает значимость осознанного правомерного поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, регулируемых правом. Правовое воспитание выступает средством воздействия на сознание личности индивида с целью формирования и развития социально-полезных свойств и качеств, правовых взглядов, убеждений, оценок, что выражается в законопослушном поведении людей.

При характеристике правового воспитания необходимо исходить из базового понимания данного понятия. Так, белорусскими учеными правовое воспитание понимается как «систематическая и целенаправленная деятельность государства, негосударственных объединений, направленная на формирование у граждан правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву, на развитие и поддержание у них позитивной активности в сфере правотворчества и реализации права» [1, с. 299]. Представленный подход позволяет говорить не только о важности формирования у граждан знаний о действующем законодательстве посредством правового воспитания, но и утверждения посредством него чувства уважения к праву, значимости правопорядка, активной гражданской позиции.

Следует отметить, что в широком плане правовое воспитание представляет собой воздействие всех факторов общественной жизни на индивида, в узком — целенаправленное воздействие на сознание людей, их нравы, черты характера, образ поведения посредством системы правовых воспитывающих средств и оказывает влияние на правосознание индивидов, что, в свою очередь, формирует определенный уровень правовой культуры человека [2, с. 47]. В данном аспекте заметим, что правосознание личности индивида, выступающее как часть его сознания, представляет собой совокупность идей, убеждений, чувств, традиций, проявляющихся в отношении к правовым явлениям общественной жизни. Это представления о законодательстве, законности, правосудии, о правомерном или неправомерном поведении, которые посредством волевых действий индивида проецируются на окружающий его мир [3, с. 461].

Правовое воспитание осуществляется на протяжении всей жизни человека. Субъектами правового воспитания выступают различные социальные институты. Первоначальные основы правовых знаний и отношение к правовым нормам закладываются в семье. Кроме того, важную роль в обеспечении правового воспитания личности, повышении уровня правовой культуры населения играют такие институты, как учреждения начального, среднего и высшего образования, органы государственной власти (например, Министерство внутренних дел Республики Беларусь), различные общественные объединения (например, Белорусский республиканский союз молодежи).

Среди актуальных направлений правового воспитания необходимо выделить государственно-правовую пропаганду среди населения посредством распространения правовой политики государства, разъяснения норм законодательства; популяризацию правовых знаний в учреждениях системы образования; трансляцию юридической информации и формирование системы правовых ценностей на телевидении, радио, в сети Интернет; публикация в социальных сетях роликов на правовую тематику, проведение конкурсов, игр,

направленных на развитие правовых знаний. Кроме того, можно использовать различные тренинги и упражнения для выработки у человека готовности к правомерному поведению в юридически значимых ситуациях и адекватного реагирования на события, которые происходят в окружающей действительности [3, с. 461–462]. Правовые знания также могут быть получены посредством самообразования, личного опыта по анализу правовых ситуаций.

Согласимся с мнением А. А. Данилевича, который утверждает: «Правовое воспитание достигает цели, только если оно будет проводиться комплексно и вместе с этим дифференцированно, умело сочетаться с идейно-политическим, трудовым, нравственным и эстетическим воспитанием, что указывает на необходимость применения форм правового воспитания на начальных образовательных этапах становления личности в целях раннего формирования положительной правовой культуры человека» [4, с. 108].

Интересны результаты социологического исследования, посвященного изучению проблематики правового просвещения граждан, проведенного в 2024 г. учеными Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Объем выборочной совокупности составил 900 респондентов со всех регионов страны, методом исследования являлся опрос посредством телефона и компьютеризированной системы CATI ASSO. На вопрос «Как часто в повседневной жизни Вы сталкиваетесь с ситуациями, для разрешения которых необходимы правовые знания?» 18 % опрошенных указали, что такие ситуации у них возникают часто, 59,4 % — редко, 17,8 % — вовсе не сталкивались с ними, 4,8 % участников опроса затруднились с ответом. На вопрос «Каким образом Вы действуете в ситуациях, требующих использования правовых знаний?» 50,2 % участников опроса отметили, что обращаются за помощью к квалифицированным специалистам, 32,7 % — используют советы родственников, друзей, коллег, 31,9 % — самостоятельно изучают нормативные правовые акты по интересующему вопросу в сети Интернет, 25,7 % — осуществляют поиск решений аналогичных ситуаций в сети Интернет, 7 % — предпочитают обращаться в центры правовой информации, 9 % — затруднились описать, как действуют в таких ситуациях, 4,8 % респондентов указали иные ответы, среди которых обращение в средства массовой информации, звонки на «горячую линию» [5]. Проведенный опрос показывает, что большинство белорусов так или иначе встречаются с ситуациями, требующими наличия у граждан правовых знаний. В случае возникновения подобных обстоятельств граждане страны осуществляют различные действия. При этом каждый второй человек обращается за помощью к специалистам в области юриспруденции.

Из вышеизложенного следует, что приоритетной задачей современного белорусского общества является повышение правовой культуры и

правосознания граждан. Правовое воспитание сегодня приобретает особо актуальное значение, ключевую роль в формировании знаний граждан о праве, правовой системе государства, чувства уважения к государству, законодательству, обществу. Высокая правовая культура населения выступает важным аспектом обеспечения режима законности, стабильного правопорядка в Республике Беларусь, что позволяет обществу гармонично развиваться.

В целях повышения уровня правового сознания и правовой культуры населения необходимо проводить мероприятия по правовому воспитанию граждан системно, комплексно и дифференцированно, что позволит улучшить уровень правовых знаний населения, оптимизировать правовые отношения, повысить социально-полезную активность граждан. Эффективное правовое воспитание требует активного участия всех субъектов — и государства, и образовательных учреждений, и общественных организаций, и непосредственно самих граждан. Необходимо максимально внедрять разнообразные инновационные формы правового воспитания в жизнь общества и государства, все чаще включать правовые знания в различные образовательные программы, проводить интересные просветительские мероприятия, создавать доступные ресурсы для познания правовых основ.

Таким образом, правовое воспитание не только формирует правосознание и правовую культуру, но и способствует укреплению демократических институтов, социальной справедливости, установлению общественного порядка. В конечном итоге это ведет к созданию более устойчивого общества, где каждый гражданин осознает и реализует свои права и выполняет обязанности, а также активно участвует в жизни общества, способствуя его процветанию.

1. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учеб. 3-е изд. Минск : Акад. МВД, 2009. 478 с. [Вернуться к статье](#)

2. Демидова И. А. Правовое воспитание: актуальная проблематика направлений научных исследований и понимание в правоведении [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2021. 1 CD-ROM. [Вернуться к статье](#)

3. Воропаев Д. А., Герасименко Р. В. Формирование правовой культуры личности и правовое воспитание [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2019. 1 CD-ROM. [Вернуться к статье](#)

4. Данилевич А. А. Правовое воспитание студентов — одно из необходимых условий подготовки всесторонне-развитых специалистов // Актуальные вопросы совершенствования воспитательной работы и профилактики правонарушений среди студенчества : тез. докл. Респ. науч.-метод. конф., г. Минск, 24–25 марта 1988 г. Минск, 1988. С. 107–108. [Вернуться к статье](#)

5. Правовая культура населения Беларуси в социологическом измерении [Электронный ресурс] // Институт социологии НАН Беларуси. URL: <https://socio.bas-net.by/pravovaya-kultura-naseleniya-belarusi-v-sotsiologicheskom-izmerenii> (дата обращения: 23.02.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340(15)

**СКАНДИНАВСКИЙ ЭЛЕМЕНТ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ФОРМИРОВАНИИ
И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
В IX – НАЧАЛЕ X В.
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ)**

Р. Д. Галынский

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук

Я. В. Ковалевский

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

***Аннотация.** В статье рассматриваются первые международные соглашения между населением Восточной Европы, Скандинавией и Византией на основе «Повести временных лет» как свидетельство наличия скандинавского влияния в формировании Древнерусского государства.*

***Ключевые слова:** Русь, Скандинавия, Византия, договор, документ, князь, регент, дружина.*

***Annotation.** The article examines the first international agreements between the population of Eastern Europe, Scandinavia and Byzantium based on the Tale of Bygone Years, as evidence of the presence of Scandinavian influence in the formation in the formation of the Old Russian state.*

***Keywords:** Rus, Scandinavia, Byzantium, treaty, document, prince, regent, squad.*

В формировании государственности в восточноевропейском регионе значительную роль играла эволюция правовой системы. На протяжении всего изучаемого исторического периода народы, проживавшие в рассматриваемом регионе, оказывали существенное влияние друг на друга и являлись двигателями эволюции как государства, так и права. Нами рассматривается период с середины IX по начало XI в. Ключевое внимание мы уделяем скандинавскому влиянию на формирование договорной системы в зарождающихся восточнославянских государствах. Под Восточной Европой нами понимается регион от Карелии до северочерноморского побережья и от Западного Буга до Волги. В указанном регионе проживали славяне, балты, кочевники (хазары, венгры, печенег и т. д.), финно-угры, оказывали влияние на эти земли и Византия, и регионы Скандинавии и Центральной Европы.

Наиболее яркими документами, в которых фигурируют выходцы из скандинавского региона, являются договоры древнерусских князей с Византией.

В качестве первоисточника нами используется «Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи [1; 2].

Присутствие скандинавского элемента в международной договорной системе Восточной Европы весьма интересно и специфично. По своей сути эти договоры являются одними из первых международных документов восточных славян. Более того, они выступают фундаментом в формировании правовой системы современной Республики Беларусь.

Как известно, Скандинавские страны известны своей достаточно устойчивой и архаичной правовой системой. В ее основу входило традиционное право, в котором присутствовало и право поединка, и право выкупа (вира/вергельд), и каноническое право (клятва). При этом отмечается стремление к верховенству закона.

При изучении договоров нами обращалось внимание на наличие в них скандинавского элемента, отсылки к будущим белорусским землям, а также форме заключения договоров, как и их объектов.

Начнем мы с 862 г., когда славяне пригласили править у себя Рюрика (он же Хрёрик Фрисландский) в Новгороде (Новгород), Синеуса в Белоозере и Трувора в Изборске. Тут и берет свое начало скандинавское влияние на территории Восточной Европы в русле государствообразования, так как данные имена имеют именно скандинавское происхождение. То положение, которое занимали данные лица в обществе, уже наталкивает нас на ряд интересных фактов. Норманны пришли в качестве воинского контингента, вероятно, в составе экипажей не менее чем из трех судов (не менее 50 человек). Повод призвания скандинавов — организация руководства: «... земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите и владейте нами...» [1, с. 20]. Следовательно, у славян уже сложилось четкое представление о государственном устройстве, однако имела место борьба местных элит за власть. Рюрик со своей дружиной представлял стороннюю силу, третейского судью, не имеющего непосредственной (в первую очередь родственной) связи с местными вождями. Более того, это были профессиональные воины, которые «кормились со своего меча», имели достаточно тесные связи с торговыми партнерами с западного побережья Балтики, что уже само по себе предопределяло выгоду данного союза.

Следующая рассматриваемая нами дата — 907 г. Это время правления Олега (скандинавское — Хельг). Он был регентом при малолетнем князе Игоре Рюриковиче. Олег вел активную завоевательную внешнюю политику, в том числе и против Византийской империи. Под указанным годом мы находим запись: «... Иде Олег на Греки. Игоря оставя в Киеве, позва множество Варяг и Словень и Чуди и Словене и Кривичи и Мерю и Деревляны и Радимичи и Поляны и Северян и Вятичи и Хорваты и Дулебы и Тиверцы... все звались

у Греков Великая Скифь» [1, с. 30]. Тут мы можем видеть еще деление на союзы племен и народов, среди обилия которых присутствуют скандинавы и союзы славянских племен, проживавших на территории современной Беларуси (радимичи, кривичи).

После осады Царьграда (Константинополя) Олег отправил своих послов: «Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида...». Как видим, все вышеперечисленные имена имеют скандинавское происхождение. В условиях договора присутствовала скандинавская правовая традиция [1, с. 30–31; 2, с. 38]. Отметим также и выплату дани греками для «русских городов», а именно: «Киева, Чернигова, Переяслава, Полоцка, Ростова, Любеча и прочие». В указанных городах правила князя, подвластные Олегу [1, с. 32; 2, с. 38–39]. Интересно то, что Полоцк фигурирует как «русский» город, в то время как Новгород — нет.

Кроме того, внимание привлекает скрепление договора. Оно осуществлялось не подписью и печатью, а клятвой. Греки целовали крест, а дружина Олега клялась на оружии и «...Перуном, богом своим и Волосом (Велесом — наше) скотьим богом и утвердиша мир» [1, с. 32; 2, с. 39]. Также присутствует разделение в договоре «Руси» и «славян», так как для обеих категорий воинов греками были изготовлены паруса из разных материалов [1, с. 32; 2, с. 39].

Через пять лет в 912 г. Олег направил своих людей для заключения очередного договора между «Греками» (Византия) и Русью: «Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид» [1, с. 32–33; 2, с. 40]. Заглянув в условия того договора, можно увидеть большую схожесть со скандинавским правом. В данном договоре было прописано, что за убийство наказание предусматривается лишь одно — смерть, а если убийца смог скрыться, то его имущество передается близким родственникам погибшего. Если же пострадавшим будет пойман вор, то он может убить его и не будет за это осужден. Данные условия с точностью копируют законы, которые на тот момент действовали у скандинавов. В целом, договор содержит условия торговли, описывает режим содержания торговцев, послов и выходцев из Руси на территории Византийской империи. Также в договоре затронуты вопросы берегового права (распоряжение выброшенным на морской берег имуществом), поиск беглых рабов/слуг, обращение с пленными и рабами, равно как и торговля ими [1, с. 33–36; 2, с. 40–41].

Олег умер в том же 912 г., как считается (это одна из версий), от укуса змеи [1, с. 36; 2, с. 41]. Этот факт внес необходимость серьезных изменений

в законодательной и договорной системе в рассматриваемом нами регионе, так как Олег был регентом при малолетнем князе Игоре.

На основании изложенного мы можем констатировать следующее:

1. В первых письменных источниках, затрагивающих тему зарождения государственности у восточных славян, этот вопрос напрямую связан со скандинавским влиянием. Уже зародившееся государство возглавил иноземец, не имеющий родственных связей среди местной элиты. Тем самым он обеспечивал беспристрастное руководство и суд.

2. Договоры с иными государствами (в первую очередь с Византией) заключались с отсылкой к скандинавской судебно-договорной традиции (клятва на оружии, клятва богами). Кроме того, ведение судебных процессов включало традицию талиона (око за око).

3. В орбиту влияния как Рюрика, так и Олега входило население современных белорусских земель (радимичи и кривичи). Однако кривичи — это достаточно многочисленный племенной союз, проживавший на Полотчине, Смоленщине и Псковщине. Конкретно упоминается город Полоцк как «русский город», т. е. со скандинавской династией, либо входящий в орбиту Рюриковичей. Как известно, несколько позднее там будет проживать династия Рогволодовичей. Она обретет непосредственную связь с Рюриковичами.

4. Именослов представителей дружины Олега содержит исключительно германоязычные имена, характерные для Скандинавии.

5. В договорах Олега с Византией присутствует четкое разделение дружины на «Русь» и «славян». Данный факт также подтверждает наличие значительного количества скандинавов, и в первую очередь в ее командном составе (не говоря уже о руководителях дружин: Рюрике, Синеусе, Труворе и Олеге).

1. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною историко-археографической комиссией Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1926–1928. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2. Ленинград, 1926. 212 с. [Вернуться к статье](#)

2. Русские летописи XI–XVI веков. Избранное / [сост., предисл. А. Г. Боброва]. СПб. : Амфора, 2006. 438 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.951

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО ПЕРЕСМОТРУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

О. Г. Каразей

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел
факультета милиции общественной безопасности,
кандидат юридических наук, доцент

В. А. Молодьянов

Академия МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции общественной безопасности

Аннотация. Рассматриваются вопросы такого института административного процесса, как прокурорский надзор. Проведен анализ полномочий прокурора при пересмотре решений по делам об административных правонарушениях. Определены перспективы оптимизации законодательства.

Ключевые слова: административный процесс, прокурорский надзор, жалоба, государственная пошлина.

Annotation. The issues of such institution of the administrative process as prosecutorial supervision are considered. The analysis of the prosecutor's powers in reviewing decisions on administrative offenses is carried out. Prospects for improving regulatory legal regulations are determined.

Keywords: administrative process, prosecutorial supervision, complaint, state duty.

Никакие иные меры государственного принуждения не применяются с такой интенсивностью, как меры административной ответственности. По итогам 2024 г. около 3 млн физических лиц привлечены к административной ответственности, в отношении еще 1,3 млн — принято решение об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения. Иными словами, практически каждый второй взрослый житель нашей страны ежегодно привлекается к административной ответственности.

В этой связи эффективно работающее, непротиворечивое законодательство, определяющее порядок административного процесса, позволяет избегать ошибок при привлечении граждан к административной ответственности. Одним из институтов права, направленного на недопущение, пресечение и своевременное исправление таких ошибок, является прокурорский надзор, имеющий важное значение для реализации ключевых принципов административного процесса: законности, обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов, презумпции невиновности, неприкосновенности личности и других.

Для реализации данной функции законодатель предоставил прокуратуре широкие полномочия в различных сферах жизнедеятельности.

В ч. 2 ст. 2.16 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) содержится перечень полномочий прокурора, которые он осуществляет в рамках надзора за исполнением законодательных актов при ведении административного процесса [1]. Из всего данного перечня, состоящего из 11 пунктов, в рамках настоящего исследования нас интересуют полномочия, направленные на устранение нарушений законов, причин и условий, им способствующих [2, с. 85].

Так, в соответствии с п. 11 ч. 2 указанной статьи, прокурор отменяет своим постановлением постановление о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенное органом, ведущим административный процесс, по окончании подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению и противоречащее законодательным актам постановления, вынесенные в соответствии со ст. 10.3 и 10.5 ПИКоАП.

То есть у прокурора имеются реальные полномочия отменить юридически значимые решения, принятые на стадии подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению и вынесенные при применении ускоренного порядка ведения административного процесса.

В то же время решения, принятые на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, отменены непосредственно прокурором быть не могут, последний имеет полномочия лишь опротестовать противоречащие законодательным актам постановления по делам об административных правонарушениях (п. 7 ч. 2 ст. 2.16 ПИКоАП).

Анализ указанных положений законодательства позволяет классифицировать соотношение полномочий прокурора по пересмотру юридически значимых решений, принимаемых по делам об административных правонарушениях, с их значимостью для защиты прав, свобод и законных интересов физических лиц, интересов общества и государства, прав и законных интересов юридических лиц.

Отмена прокурором постановления о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенного по окончании его подготовки к рассмотрению, применяется в ситуации, когда права граждан затронуты в минимальной степени: к административной ответственности никто не привлекается, какие-либо сведения об административном правонарушении в единый государственный банк данных о правонарушениях не вносятся. Речь может идти только о заинтересованности потерпевшего наказать виновное, с его точки зрения, лицо либо о необходимости защитить интересы общества и государства.

Другое дело, когда речь идет об ускоренном порядке ведения административного процесса. Постановления, вынесенные в соответствии со ст. 10.3 и 10.5 ПИК_оАП, являются, по сути, постановлениями по делу об административном правонарушении, что прямо указано в ст. 9.5 ПИК_оАП. В порядке, предусмотренном ст. 10.3 ПИК_оАП, налагается административное взыскание, постановления об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения (ст. 10.5 ПИК_оАП) также подлежат учету и имеют преюдициальное значение для последующего привлечения к административной ответственности. В то же время применяются данные положения только в связи с совершением административных проступков и отдельных значительных правонарушений, то есть деяний, степень общественной вредности которых не высока. Административные взыскания (штрафы) за их совершение налагаются в минимальных размерах, причем это делегировано органам, которые по общему правилу имеют полномочия составлять только протоколы об административных правонарушениях. Условием вынесения постановлений, в соответствии со ст. 10.3 и 10.5 ПИК_оАП, является признание лицом факта совершения им правонарушения и выражение согласия на применение ускоренного порядка ведения административного процесса. Все вместе данные обстоятельства свидетельствуют о том, что данными процессуальными решениями права заинтересованных затрагиваются больше, чем в первом случае, однако недостаточно существенно.

Очевидно, что самое значимое в административном процессе решение — это постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное в соответствии с гл. 12 ПИК_оАП. Оно принимается должностными лицами, перечень которых четко определен в законе, сопряжено с применением любых административных взысканий, в том числе самых строгих. Именно данным постановлением максимально, насколько это возможно в рамках административного процесса, затрагиваются права и законные интересы граждан. В этой связи и для пересмотра таких решений определен особый порядок, не рассматривающий прокурора как субъекта их принятия.

При этом в научной литературе высказываются предложения о пересмотре существующего порядка. С. Г. Василевич считает, что прокурор должен обладать полномочиями отменять любое постановление (кроме судебных), включая вынесенное в порядке, предусмотренном гл. 12 ПИК_оАП. Реализация такого предложения, по мнению автора, будет способствовать более оперативной отмене незаконных решений, обяжет компетентные органы, рассматривающие дела об административных правонарушениях, более тщательно подходить к своей работе, а также более внимательно относиться к соблюдению принципа презумпции невиновности [3].

По нашему мнению, данное предложение является дискуссионным. Так, полагаем допустимым обсуждать делегирование прокурорам принятия решения об отмене постановления и направлении дела на новое рассмотрение, а также об его отмене и направлении дела на рассмотрение компетентного органа, если постановление по делу об административном правонарушении вынесено лицом, неправомочным рассматривать данное дело (пп. 3 и 6 ч. 1 ст. 13.10 ПИКоАП).

Однако по результатам рассмотрения жалобы (протеста) на постановление по делу об административном правонарушении принимаются не только такие решения, но и об оставлении постановления без изменения, а жалобы — без удовлетворения; отмене постановления и прекращении дела об административном правонарушении; изменении постановления в части; изменении меры и (или) вида взыскания (соответственно пп. 1, 2, 4 и 5 ч. 1 ст. 13.10 ПИКоАП).

То есть речь идет о решениях, которые ставят точку в деле, соответственно, их принятие может затронуть права и законные интересы заинтересованных участников административного процесса. Приняв такие решения, прокурор превратится из надзорной инстанции в орган, чьи действия обжалуются, что противоречит сути прокурорского надзора, принципам административного процесса, не будет способствовать защите прав его участников, интересам общества и государства.

Тем не менее в ч. 3 ст. 13.12 ПИКоАП косвенно упомянуто, что прокурор все же рассматривает жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях: шестимесячный срок принесения протеста не считается пропущенным, если жалоба на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении подано прокурору до истечения этого срока.

Данная норма подтверждается и подп. 1.4 п. 1 ст. 284 Налогового кодекса Республики Беларусь, согласно которому объектом обложения государственной пошлиной признается рассмотрение органами прокуратуры жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях [4]. Согласно приложению 17 к данному Кодексу, указанная ставка государственной пошлины определяется исходя из принятого решения по делу об административном правонарушении: от 0,5 до 3 базовых величин.

Подобный подход считаем противоречивым по следующим основаниям:

- жалобы на действия и решения должностных лиц, ведущих административный процесс, а также на постановления о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенные по окончании подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, рассматриваются

прокурорами бесплатно, при этом природа и суть правовых последствий принятых решений схожи;

- возможность направления прокурору таких жалоб ПИКоАП не предусмотрена, соответственно, не регламентируется и порядок их рассмотрения, не определены решения, которые могут быть приняты по результатам рассмотрения;

- положения, предписывающие уплачивать государственную пошлину при направлении жалоб прокурору, в ПИКоАП отсутствуют, в то время как соответствующее требование к уплате пошлины прямо предусмотрено при подаче жалобы в суд (ч. 3 ст. 13.3 ПИКоАП);

- согласно подп. 1.3.3 п. 1 ст. 285 Налогового кодекса Республики Беларусь, физические лица освобождаются от государственной пошлины при обращении в суд за рассмотрением жалоб на не вступившие в законную силу постановления о наложении административного взыскания в виде административного ареста. Прокуратура же, согласно положениям данного Кодекса, будет такую же жалобу рассматривать только за 1 базовую величину.

Однако данные претензии к положениям законодательства можно отнести к числу формальных. Основной же проблемой, по нашему мнению, является содержание рассматриваемого института. Общепринятой является точка зрения, что полномочия представляют собой единство прав и обязанностей. То есть каждому праву прокурора соответствует какая-либо обязанность и наоборот [5, с. 16].

Другими словами, в ситуации, когда прокурор из поступившего обращения гражданина видит, что тот незаконно привлечен к административной ответственности, имеет ли он право не принимать меры прокурорского реагирования только лишь по тому основанию, что заявителем не представлен документ об уплате государственной пошлины? Согласно законодательству — да.

В Инструкции о порядке организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административных правонарушениях и законодательства, определяющего порядок административного процесса, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 23 июня 2021 г. № 67, определено, что жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях, предусмотренные ч. 1 ст. 12.11 ПИКоАП, принимаются к рассмотрению с учетом требований налогового законодательства о необходимости уплаты государственной пошлины за подачу такой жалобы.

Считаем, что выше рассмотренные положения нормативных и локальных правовых актов противоречат сути института прокурорского надзора. Прокурор

должен принять меры по защите гражданина, что соответствует как принципам ПИКоАП, так и задаче, направлениям деятельности и принципам прокуратуры.

В свою очередь, предоставленных ст. 2.16 ПИКоАП полномочий прокурору достаточно для принятия необходимых мер реагирования в рамках осуществления надзора, при этом адресуемые в прокуратуру «жалобы» на постановления по делам об административных правонарушениях должны иметь ориентирующее значение для изучения того либо иного дела и рассмотрения вопроса о принесении протеста.

На основании изложенного полагаем необходимым исключить из законодательства положения, регламентирующие порядок участия прокурора в рассмотрении жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, что позволит эффективнее обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов участников административного процесса, реализовывать его основные принципы.

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Плоскунов Д. В. Статус прокурора в административном процессе // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. 2019. № 2. С. 82–93. [Вернуться к статье](#)

3. Василевич С. Г. Процессуальные аспекты привлечения к административной ответственности [Электронный ресурс]. Доступ из информ. правовой системы iLex (дата обращения: 16.12.2024). [Вернуться к статье](#)

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2024 г. № 47-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Прокурорский надзор : учеб. пособие / В. П. Ашитко [и др.] ; под общ. ред. М. А. Шостака ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2019. 439 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.352(47)(091)

ЗАРАДЖЭННЕ КАРУПЦЫІ НА ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ ЗЕМЛЯХ
У ЧАСЫ КІЕЎСКОЙ РУСІ**В. М. Лянцэвіч**Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі права,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт**А. Д. Воінава**Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
студэнт факультэта права

Анотацыя. *Артыкул прысвечаны даследаванню зараджэння карупцыі на ўсходнеславянскіх землях у перыяд Кіеўскай Русі (IX–XIII ст.) для выяўлення прычын з’яўлення гэтага негатыўнага феномена.*

Ключавыя словы: *карупцыя, зараджэнне карупцыі, злоўжыванне паўнамоцтвамі, «кармленне», «абяцанне», ліхаімства, паднашэнне, гістарычны падыход.*

Annotation: *The article is devoted to the study of the emergence of corruption in East Slavic lands during the period of Kievan Rus (9th–13th centuries) with the aim of identifying the causes of this negative phenomenon.*

Keywords: *corruption, the origin of corruption, abuse of power, «feeding», «promising», malice, offering, historical approach.*

Даследаванне гістарычных вытокаў карупцыі на Беларусі і яе ўплыву на дзяржаўнае кіраванне адыгрывае важную ролю ў вывучэнні дадзенай з’явы. Разгляд ранніх формаў злоўжыванняў уладай дазваляе лепш зразумець іх эвалюцыю і сучасныя паралелі, што, у сваю чаргу, спрыяе аналізу механізмаў барацьбы з карупцыяй і фарміраванню празрыстых дзяржаўных інстытутаў.

Полацкая і Тураўская землі, асноўныя складнікі раннефеадальнай дзяржаўнасці на беларускіх землях, з X ст. з’яўляліся часткамі адносна цэнтралізаванай старажытнарускай дзяржавы з цэнтрам у Кіеве, якая фарміравалася на працягу IX–X стст., аб’ядноўваючы саюзы ўсходнеславянскіх плямёнаў пад уладай кіеўскага князя. Кіраванне дзяржавай было засяроджана ў руках князя, а таксама яго дружыны. Рэгуляванне паўнамоцтваў князя насіла звычайны характар і не замацоўвалася пісьмова. Пры гэтым ў раннефеадальны перыяд не прасочваецца падзел улады, што, у сваю чаргу, прыводзіла да злоўжыванняў прыбліжаных да князя мужоў.

Пачаткам карупцыйных праяў у апарате кіравання кіеўскага князя можна лічыць *палюддзе* — форму збору даніны з падуладных зямель. Калі восенню 945 г. кіеўскі князь Ігар (каля 878–945) па патрабаванні дружыны,

незадоволенай сваім станам, накіраваўся за данінай да драўлян «и при спе осень, нача мыслити на деревляны, хо ты примыслити большою дань», «в се же лето рекоша дружина Игореві: “Отроки Свеньльжи изоделися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы”» [1]. Адпусціўшы астатніх дадому, князь з малой часткай дружыны вярнуўся, жадаючы ўзбагаціцца яшчэ больш. Драўляне, даведаўшыся аб тым, што Ігар вяртаецца, вырашылі яго забіць. Такім чынам, за князем была замацавана рэпутацыя «першага карупцыянера» на Русі, а дзеянні драўлян могуць разглядацца як спроба супрацьдзейнічаць праяве карупцыі і злоўжыванню ўладай [2, с. 392–393].

У Кіеўскай Русі (IX–XIII стст.) першапачатковымі з’яўляліся тры формы карупцыі: ушанаванне, аплата паслуг, а таксама «абяцанне». Паднашэнне ў выглядзе ўшанавання давалася для дэманстрацыі павагі таму, хто быў яе варты. Значэнне «ўшанавання» закладзена ў старажытных славянскіх звычаях адорваць паважанага чалавека, высокае начальства. Паступова «ўшанаванне» стала ўсё больш успрымацца як «дазволены хабар».

Асаблівая форма праявы карупцыі — «абяцанне». Дадзенай формай выражалася плата за спрыяльнае вырашэнне спраў; за вынік здзяйснення пэўных дзеянняў чыноўнікам. «Абяцанне» праяўлялася ў пераплаце за паслугі, за вядзенне і афармленне спраў. Па гэтай прычыне розніца паміж дзвюма апошнімі формамі карупцыі заставалася практычна неадрознай.

Іншая форма карупцыі ў выглядзе паднашэння чыноўнікам была звязана з выдаткамі на само вядзенне і афармленне спраў. Гэтыя даходы, атрыманыя чыноўнікамі, ўлічваліся пры вызначэнні ім жалавання. Калі ж у загадзе было пазначана шмат спраў, з якіх можна было «карміцца», то чыноўнікам плацілі меншае жалаванне.

Апроч вышэйзгаданых формаў праявы карупцыі ў раннефеадальнай Русі, было распаўсюджана так званае *кармленне* княжых мужоў. Стаўленікі князя прывыкалі да той думкі, што маюць права карміцца за кошт іншага чалавека, а гэты чалавек, у сваю чаргу, павінен служыць княжым мужам. «Кармленне» перарасло ў «ліхаімства», што мела ў аснове атрыманне службовай асобай судовых органаў дазволеных законам пошлін звыш нормы, устаноўленай у законе [3, с. 231]. Сутнасць кармлення заключалася ў тым, што службовая асоба і падпарадкаваны яму апарат кіравання казённага жалавання не атрымлівалі, а прымалі на свой рахунак толькі добраахвотныя дары ад насельніцтва. Такая форма хабарніцтва была абсалютна легальнай, і княжыя мужы на законных падставах бралі з просьбітаў не толькі грошы. Справаздачныя ведамасці ўтрымліваюць згадкі пра такія прадукты, як мёд, мяса, рыба, проса і іншыя. «Кармленне» было адменена ў Маскоўскай дзяржаве ў сярэдзіне XVI ст., аднак

цалкам выкараніць яго не ўдалося. Даходы і выдаткі казны Старажытнарускай дзяржавы не дазвалялі рэгулярна выплачваць грашовае ўтрыманне службовай асобе. Рэанімавалі сістэму «кармлення» ў часы Расійскай Імперыі нерэгулярныя выплаты акладаў чыноўнікам і губернатарам. Да сярэдзіны XVIII ст. сярод жы-хараў губерняў існаваў звычай «карміць сваіх чыноўнікаў» у чатыры вялікія святы: Каляды, Масленіца, Вялікдзень і Пятроў дзень. Паборы з насельніцтва вызначаліся звычай, а адхіленне ад «нормы» магло справакаваць народнае хваляванне аж да паўстання супраць прадстаўнікоў улады [4, с. 178].

У перыяд IX–XIII стст. на Кіеўскай Русі ўсталявалася практыка заступніцтва княжацкай улады ў адносінах да насельніцтва той мясцовасці, дзе князь меў «княскі стол». Праз развіццё дзяржаўнасці сфарміраваліся «кормленыя акругі», якімі кіравалі ваяводы, прызначаныя князямі. З боку князёў прысутнічала неабходнасць выдачы статутных граматах (ваяводам) для папярэджання магчымых злоўжыванняў. У граматах змяшчаліся звесткі аб памерах «кармоў» і пошлін, якія спаганяліся з насельніцтва. Аднак збор сумы вышэй, чым указаная ў грамаце ў якасці падатку, лічыўся парушэннем. Ваявода быў абмежаваны толькі ў перавышэнні памераў збораў, астатнія паўнамоцтвы не звужаліся: паўната судовай і выканаўчай улады была ў яго руках [5, с. 384].

Неабходна адзначыць, што службовыя асобы ў Старажытнарускай дзяржаве патрабавалі даход у выглядзе судовых пошлін і ў тым самым «корме». Крымінальныя штрафы — віры і продажы — накіроўваліся князю, паколькі паступленні ў дзяржаўную казну і асабісты даход князя не размяжоўваўся, аднак, нягледзячы на гэта, памочнікі князя ўсё ж мелі асаблівы даход. Былі ўстаноўлены памеры гэтых даходаў на карысць некаторых займаемых памочнікамі пасадак. Так, вірнік (зборшчык віры, штрафу за забойства вольнага чалавека) з простага віры атрымліваў 8 грыўняў, а мяцельнік (прадстаўнік мясцовай абшчыны, які ўдзельнічае ў зборы віры) — 12 вячош; «отрак» (малодшы член княжацкага адміністрацыйнага апарата) з продажу (штраф за маёмасныя злачынствы) у 12 грыўняў — 2 грыўні 20 кун. Гэтак жа даходы запатрабаваліся такім шляхам з суда пасадак і цівунамі [6, с. 140]. Суддзя і выканаўчыя пры судзе органы атрымлівалі ад мясцовага насельніцтва неабходныя прадукты харчавання як для сябе саміх, так і для слуг і нават для коней. Гэта быў так званы корм. Кароткая Руская Праўда адзначала наступнае: «А от гривни (а) мечникоу коуна, а в десятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а от 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривенъ» (арт. 41) [7]. Артыкул усталяваў нормы прыбыткаў самога князя, службовых асоб княжацкага суда і хрысціянскай царквы ад продажаў. Чытанне «а от гривны» лічаць сапсаваным і замяняюць чытаннем: «а от 3 гривен». Такім чынам, артыкул у двух сваіх частках паказвае, каму колькі ішло ад тыповых продажаў: у 3 грыўны і

ў 12 грыўняў [8, с. 53–54]. Спосаб утрымання службовых асоб, які заключаўся ў прадастаўленні ім «корму», з цягам часу стаў насіць «прыватны» характар і разглядаўся кандыдатамі ў першую чаргу як сродак пражытку, а не сур’ёзнае становішча на дзяржаўным узроўні, што мела на ўвазе адказнасць за сваю пасадку.

З трох відаў «карыслівых даходаў» уладамі прызнаваліся законнымі грашовыя і натуральныя дары чыноўнікам да пачатку справы і дары пасля заканчэння справы, аднак строга каралася прыняцце чыноўнікам дароў пад назвай «абяцанне», якія заўсёды былі звязаныя з парушэннем закона, таму разглядаліся як «дрэнныя даходы».

На справе намеснікі і ваяводы на месцах, маючы вялікія паўнамоцтвы, не атрымлівалі належнага грашовага заахвочвання з дзяржаўнай казны, што прыводзіла да злоўжыванняў сваім становішчам.

У часы мангола-татарскага іга ў паўночна-усходняй Русі (1242 г. – канец XV ст.) рускія князі былі падудадныя мангола-татарскім ханам і іх намеснікам — баскакам; добразычлівасць заступнікаў уплывала на атрыманне ў сталіцы Залатой Арды імі граматы на княжанне (ярлыка). Без дароў хану і чыноўнікам правядзенне такога мерапрыемства было неэфектыўным. Дарункі такога роду з’яўляліся хабарам, а такая практыка для дадзенага этапу была звычайнай, як і для перыяду існавання Кіеўскай Русі [9].

Падводзячы вынік вышэйсказанаму, адзначым, што галоўнай прычынай учынення карупцыйных злачынстваў прадстаўнікамі ўлады ў Кіеўскай Русі была ўсёдазволенасць, якая не мела вызначаных межаў і не рэгулявалася на той час актамі заканадаўства. Нягледзячы на тое, што памеры дазволёных збораў былі прадугледжаны ў граматах, парушэнне дадзеных палажэнняў асобамі, якія займалі пасады, не цягнула за сабой ніякай адказнасці. Працідзеянне карупцыі праходзіла на інтуітыўным узроўні: насельніцтва разумела неадэкватнасць «пабораў» і імкнулася самастойна прадухіліць здзяйсненне чарговага карупцыйнага злачынства.

1. Лаврентьевская летопись. 1377 г. [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 550. Л. 14 Об. URL: https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=34&n=42 (дата обращения: 09.03.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Сафонов А. И., Бурак Я. А. Исторические предпосылки возникновения коррупции на территории Беларуси // Наука — образованию, производству, экономике: материалы 74-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февр. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Витебск, 2022. С. 392–393. [Вернуться к статье](#)

3. Гридякин Д. А. Коррупция в государственном механизме современной России // Науч. ведомости. 2009. № 7 (62). С. 230–235. [Вернуться к статье](#)
4. Касьянов В. С. Исторические аспекты противодействия коррупции в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые зап. СКАГС. 2012. № 2. С. 177–187. [Вернуться к статье](#)
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. 511 с. [Вернуться к статье](#)
6. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси : справоч. пособие для ВУЗов ; предисл. М. Н. Покровского. 4-е изд., испр. и доп. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 402 с. [Вернуться к статье](#)
7. Краткая Русская Правда (по Академическому списку половины XV в.) [Электронный ресурс] // Ист. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : [сайт]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/krp.htm> (дата обращения: 22.01.2025). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Правда русская : учеб. пособие / утв. Всесоюз. Ком. по делам высш. шк. при СНК СССР в качестве учеб. пособия для ист. фак., ун-тов и пед. ин-тов ; подгот. к изд. Н. Ф. Лавровым ; отв. ред. акад. Б. Д. Греков. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 112 с. [Вернуться к статье](#)
9. История государства Российского : в 12 т. / соч. Н. М. Карамзина ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 1989. Кн. 2 (т. 5–8) : История государства Российского / соч. Н. М. Карамзина ; отв. ред. А. Н. Сахаров. 560 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.22

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КАТЕГОРИЙ «САМОЗАНЯТЫЙ» И «ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Н. В. Пушко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат экономических наук, доцент

А. С. Лаврова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности правового регулирования категорий «самозанятый» и «индивидуальный предприниматель» в контексте законодательных новаций.

Ключевые слова: самозанятый, индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность.

Annotation: This article examines the features of the legal regulation of the categories «self-employed» and «individual entrepreneur» in the context of legislative innovations.

Keywords: self-employed, individual entrepreneur, entrepreneurial activity.

В настоящее время самозанятость как возможность заниматься любимым делом со стабильным доходом становится все более распространенной альтернативой не только обычной трудовой занятости, но и вытесняет при этом другие, более устоявшиеся формы, в том числе и индивидуальное предпринимательство. Отечественное законодательство не содержит легального определения понятия «самозанятые». При этом на практике под ними понимают физических лиц, которые участвуют в роде занятий, не относящимся к предпринимательской деятельности, без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей (далее — ИП). Самозанятые в Республике Беларусь имеют возможность заниматься различными видами деятельности, которые, согласно ст. 1 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), не относятся к предпринимательской [1].

Согласно приложению 2 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 июня 2024 г. № 457 «О видах индивидуальной предпринимательской деятельности» [2], самозанятые вправе выполнять по заказам организаций ограниченный перечень работ (услуг), который, в частности, включает выполнение разных видов работ от ремонтных и различных строительных отделочных работ до реализации разнообразных видов продукции

от самостоятельно изготовленных хлебобулочных и (или) кондитерских изделий, готовой кулинарной продукции до продукции цветоводства и декоративных растений, а также предоставление различных услуг в сфере образования, включая репетиторство и консультативные услуги по отдельным учебным предметам; уход за детьми, взрослыми, домашними животными, а также помощь в обеспечении бытовых нужд граждан; оказание развлекательных услуг, таких как музыкально-развлекательное обслуживание, актерская и аниматорская деятельность, фото- и видеосъемка мероприятий, предоставление услуг в сфере информационных технологий, включая разработку программного обеспечения, создание дизайн-проектов, а также техническое обслуживание компьютеров и многие другие. Таким образом, разнообразие выбора позволяет каждому найти подходящую сферу деятельности в соответствии с их интересами и навыками.

При этом отметим, что в понятие «самозанятые» не включают (абз. 5–8 ч. 4 п. 1 ст. 1 ГК) адвокатов, нотариусов, медиаторов, для осуществления деятельности которыми предусмотрены особые требования и отдельное законодательное регулирование (например, для медиаторов — Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» [3], для адвокатов — Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» [4], для нотариусов — Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» [5]).

Однако не каждое физическое лицо может стать самозанятым в Республике Беларусь — на это есть определенные ограничения:

- гражданство — самозанятыми не могут стать лица без гражданства Республики Беларусь или без вида на жительство (таким лицам можно только заниматься торговлей продукцией утвержденной категории);
- невозможность найма сотрудников — лица, которые планируют нанимать хотя бы одного работника, не могут стать самозанятыми;
- виды деятельности — самозанятые могут заниматься теми видами деятельности, которые установлены специальным перечнем.

Следовательно, хоть самозанятость и предоставляет определенные преимущества и упрощения в осуществлении деятельности (в части уплаты налогов, быстрой регистрации и др.), но не все лица могут ею воспользоваться из-за всяческих ограничений и требований, установленных законодательством.

Процедура регистрации самозанятого носит упрощенный характер. Для этого необходимо обратиться в налоговую службу по месту проживания с паспортом и заполненным по установленной форме заявлением. После этого лицу будет присвоен учетный номер плательщика (УНП), который выдается

на всю жизнь и не меняется при смене места жительства. Далее нужно оплатить ежемесячный единый налог за день до начала работы (сделать это можно как лично в ИМНС, так и онлайн через систему ЕРИП (в зависимости от вида деятельности и места работы он разнится)). Чтобы в будущем иметь возможность получить трудовую пенсию по возрасту, а также при возникновении различных обстоятельств иметь право и на социальную пенсию, можно обратиться в Фонд социальной защиты населения (далее — ФСЗН) и добровольно уплачивать страховые взносы (нужны заявление, паспорт и квитанция об уплате единого налога).

Отметим также, что самозанятые не осуществляют предпринимательскую деятельность в полном смысле этого слова, так как она не носит систематический характер, хотя и направлена на получение дохода от оказания услуг (выполнения работ). Таким образом, они имеют право не регистрировать индивидуальное предпринимательство, при этом осуществляя определенные виды деятельности, предусмотренные законодательством. Согласно п. 1 ст. 22 ГК [1], под ИП понимают граждан, которые занимаются предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Основные отличия самозанятых от ИП приведены в таблице 1.

Таблица 1

Отличительные особенности самозанятых и ИП

Критерии	Самозанятый	ИП
Виды деятельности	Осуществляет виды деятельности, которые не относятся к предпринимательской деятельности (абз. 11–51 ч. 4 п. 1 ст. 1 ГК, п. 3 ст. 337 НК, Перечень по приложению 2 Постановления Совмина № 457 [2], для плательщиков налога на профессиональный доход (далее — НПД) — по Приложению к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 08.12.2022 г. № 851 [6])	Вправе осуществлять любой вид деятельности в соответствии с ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности»
Наличие нанимателя	Нет, организует выполнение работы (оказание услуги) самостоятельно	Нет, организует свою деятельность самостоятельно (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК)
Право нанимать работников для осуществления деятельности	Нет (ч. 4 п. 1 ст. 1 ГК)	Есть, вправе привлекать физлиц по трудовым и/или гражданско-правовым договорам (до 3 чел.)

Окончание табл.

Учет в инспекции МНС	Состоит, присвоен УНП (п. 1 ст. 14, п. 1 ст. 22 НК [7])	Состоит, присвоен УНП (п. 1 ст. 14, п. 1 ст. 22 НК [7])
Уплата налогов	Уплачивает или единый налог, или НПД (гл. 33, 40 НК [8]; п. 2 Указа от 18.04.2019 г. № 151 [9])	Уплачивает единый налог или подоходный налог (гл. 18, 33 НК [8])
Ведение учета/отчетности	Не требуется	В зависимости от применяемого режима налогообложения обязан: вести учет доходов и расходов; представлять налоговую декларацию; вести учет валовой выручки от реализации товаров (работ, услуг); составлять первичные учетные документы
Срок уплаты налогов	По выбору плательщика: ежеквартально, ежемесячно или ежегодно	Ежеквартально
Взносы в ФСЗН	Не обязательно, если рабочий стаж не важен	Обязательно, если нет официального места работы
Расчетный счет в банке	Нет	Обязателен почти всегда
Прием платежей (от кого, способы)	От физических лиц и организаций любых стран (с оговорками), наличными, на карту или электронный кошелек	От физических лиц и организаций всех стран на банковский расчетный счет, по эквайрингу, через кассовый или платежный терминал, по квитанциям

Обобщая все вышеизложенное в таблице, можно отметить, что самозанятость и ИП представляют собой две разные формы предпринимательской деятельности, каждая из которых имеет свои особенности, преимущества и недостатки.

К преимуществам самозанятости можно отнести следующие:

- простота оформления — процедура занимает один рабочий день, можно зарегистрироваться со смартфона, нужен только паспорт: необходимо установить приложение «Налог на профессиональный доход», зарегистрироваться в нем и сообщить в налоговую инспекцию о намерении уплаты НПД;
- отсутствие необходимости вести отчетность и учетную документацию (возможно оформление сделки, в том числе устно);

- отсутствие обязанности вести книгу учета доходов, открывать расчетный счет в банке, использовать кассовый аппарат, платежный терминал;
- в качестве обязательных отчислений — единый налог (или НПД) в зависимости от характера деятельности с дифференциацией ставок и возможностью предоставления налоговых льгот;
- упрощенная процедура исчисления налога (единого или НПД), а также возможность работы со специальным приложением (после начала работы необходимо вносить данные о доходах в приложение; при добавлении суммы заработка формируется чек, который автоматически отправляется в ИМНС, и самозанятый не обязан выплачивать подоходный налог и налог на прибыль);
- возможность выбирать, платить им взносы в ФСЗН и включать свою деятельность в стаж начисления пенсии или нет;
- возможность работать с разными клиентами — как физическими лицами, так и организациями.

Однако самозанятость также имеет свои недостатки и ограничения, так, в частности, самозанятые не имеют права нанимать сотрудников и ограничены в выборе видов деятельности: они продают только то, что могут сделать сами, или сдают в аренду жилье. В отличие от них, индивидуальные предприниматели обязаны вести более строгую отчетность, включая ведение книги учета доходов и составление актов выполненных работ, они также обязаны регулярно уплачивать взносы в ФСЗН, но у них больше свободы в выборе видов деятельности и возможность нанимать сотрудников для расширения своего бизнеса, они могут оказывать возмездные услуги, производить и продавать различную продукцию. При этом отметим, что любой предприниматель вправе совмещать обе вышеприведенные формы ведения бизнеса, если он не имеет ограничений по гражданству, возрасту (до совершеннолетия или с 16 лет с официального разрешения законных представителей) и дееспособности. Но при этом следует учитывать, что все специальные режимы по налогообложению отменяются и налог рассчитывают по наивысшей ставке.

Следовательно, гражданину, который хочет совмещать оба статуса, необходимо учитывать: виды деятельности для самозанятых не должны пересекаться или перемешиваться с видами деятельности для ИП; необходимость вести книги учета доходов и расходов; обязанность по соблюдению сроков — отказ от особого режима поступает в течение 30 дней после регистрации самозанятости; затягивание сроков переоформления — до конца года придется платить налоги по общему режиму; отсутствие наемных работников (но можно привлекать, например, подрядчиков в рамках гражданско-правовых отношений).

Таким образом, выбор между самозанятостью и ИП зависит от индивидуальных предпочтений и потребностей самого предпринимателя. Каждая из этих

форм имеет свои преимущества и недостатки, и важно все хорошо взвесить перед принятием решения о том, какую форму ведения бизнеса выбрать. В конечном итоге переход из статуса ИП в самозанятого, а также их совмещение при выполнении вышеперечисленных условий обеспечивают гибкость в управлении своей деятельностью и упрощают процедуры налогообложения, экономят затраты на ведение деятельности.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. № 365-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О видах индивидуальной предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 июня 2024 г. № 457 : в ред. от 30.08.2024 г. № 637. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З : в ред. от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З : в ред. от 14.10.2022 г. № 213-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З : в ред. от 05.01.2024 г. № 343-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О перечне видов деятельности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 8 дек. 2022 г. № 851 : в ред. от 23.05.2024 г. № 366. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 19 дек. 2002 г. № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. от 13.12.2024 г. № 47-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. от 13.12.2024 г. № 47-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Об изменении указов Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 18 апр. 2019 г. № 151 : в ред. от 11.09.2023 г. № 283. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.772

ФОРМЫ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. А. Рябцева

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат педагогических наук

С. Р. Курин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. Авторы анализируют содержание незаконной добычи рыбы или других водных животных, принимая во внимание бланкетный характер уголовно-правовой нормы, устанавливающей уголовную ответственность за указанное общественно опасное деяние.

Ключевые слова: незаконная добыча, рыба, другие водные животные, Правила любительского рыболовства.

Annotation. The authors analyze the content of serious fishing or other marine animals, taking into account the blanket nature of the criminal law norm establishing criminal liability for the specified socially dangerous act.

Keywords: illegal extraction, fish, other aquatic animals, rules of amateur fishing.

Одной из ключевых задач Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) выступает охрана природной среды [1]. Совокупность нормативных актов, определяющих правовую основу такой защиты, в наиболее концентрированном виде представлена в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» [2] и в уголовно-правовом отношении связана с предметом противоправного посягательства.

Поскольку уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за совершение преступлений против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования, имеют признаки бланкетности, то изучение нормативных правовых источников, содержательно связанных с диспозицией, позволит более точно определиться с объемом отдельных признаков составов преступлений данной группы. В настоящей связи не является исключением норма, предусматривающая уголовную ответственность

за незаконную добычу рыбы или других водных животных (ст. 281 УК). Так, интерес представляет содержание самого понятия «незаконная добыча рыбы или других водных животных», хоть и представленного в ч. 2 ст. 281 УК путем перечисления возможных форм преступного поведения, но требующего дополнительного обращения к иным нормативным актам не уголовно-правового характера.

Так, согласно смыслу основного состава ст. 281 УК, запрещена добыча предметов преступления (рыба, другие водные животные) в случае, если она производится: 1) без надлежащего разрешения, 2) в запретное время или сроки; 3) в запрещенных местах; 4) запрещенными орудиями; 5) запрещенными способами. В настоящей связи для правильной правовой оценки содеянного важно четко представлять, что понимается под добычей как таковой и каково содержание каждого указанного признака.

Согласно Правилам любительского рыболовства, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284, добыча, или вылов, есть «изъятие рыбы из среды ее обитания» [3]. Вместе с тем указанные правила не распространяются на действия с таким предметом преступления, как водные животные. Так как перечень других водных животных определяется Правилами добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, утвержденными постановлением Совета Министров от 2 июня 2006 г. № 699, то представляется целесообразным обратиться к содержанию обозначенных Правил. Изучение последних позволяет установить наличие понятия добычи и в отношении других водных животных («добыча диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства» [4]) как предмета преступления, уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 281 УК. Искомое понятие добычи содержательно повторяет определение, значащееся среди терминов Правил любительского рыболовства, однако словом «вылов» по отношению к другим водным животным законодатель по неясным причинам не пользуется. Вместе с тем добыча как рыбы, так и других водных животных представляет по своей сути изъятие указанных предметов из среды их обитания.

Возникает вопрос, когда такого рода изъятие будет признаваться как осуществляемое без надлежащего разрешения. Так, например, согласно Правилам любительского рыболовства, подводная охота как способ любительского рыболовства требует наличия разрешительных документов (исключение составляют лица, указанные в абз. 3 п. 17 названных Правил) — удостоверения на право подводной охоты [3]. Соответственно, добыча рыбы в отсутствие последнего будет являться незаконной.

Добыча, осуществляемая в запретное время или сроки, также подпадает под признаки незаконной. Так, п. 30 Правил любительского рыболовства регламентированы сроки запрета на вылов определенных видов рыб, например, «щуки обыкновенной — с 1 марта по 15 апреля, в Витебской области — с 9 марта по 23 апреля». То есть ее добыча в указанные сроки в обозначенных регионах находится под полным безусловным запретом.

С точки зрения закона также недопустимо осуществлять добычу во время, запрещенное Правилами любительского рыболовства. Например, п. 30 Правил любительского рыболовства определяет, какие сроки добычи являются запретными применительно к конкретн(-ому,-ым) регион(-у,-ам) Республики Беларусь. Однако в указанные сроки будет возможным осуществлять вылов рыбы при условии использования для этих целей одной удочки с одним крючком или одного спиннинга с одной искусственной приманкой с одним или двумя одинарными/двойными/тройными крючками, но исключительно с берега, либо со льда, либо с искусственных сооружений (исключая объекты, перечисленные в абз. 15 ч. 1 п. 38 названных выше Правил) и *в светлое время суток*. Исходя из этого, добывать рыбу в темное время суток («начинается спустя один час после захода солнца и заканчивается за один час до его восхода» [3]) в обозначенные сроки запрещено. В противном случае такие действия будут признаны незаконными.

Противоречащим закону действием будет выступать добыча рыбы или других водных животных в запрещенных местах, к которым, например, могут быть отнесены зимовальные ямы, где запрещена добыча всех видов рыб в период с 1 октября по 15 апреля. В качестве запрещенных мест также будут выступать железнодорожные и другие мосты, плотины, места у шлюзов, насосных станций, иных гидротехнических сооружений, в отношении которых установлены ограничения и запреты на хозяйственную деятельность, на расстоянии ближе 50 метров в обе стороны от границ указанных технических сооружений, за исключением проведения соревнований по спортивному рыболовству, осуществляемых в соответствии с пп. 28, 29 Правил любительского рыболовства [3].

К числу незаконных действий, согласно УК, в том числе отнесена добыча запрещенными способами или орудиями. Надо полагать, что запрещенным способом будет являться также способ вылова с заходом в воду, когда это, с точки зрения закона, недопустимо (время действия запрета на вылов рыбы в регион(-е, -ах)). В указанном случае во время действия запрета заход в воду разрешен исключительно для того, чтобы обойти препятствие или отцепить приманку.

Относительно запрещенных орудий вылова рыбы в Правилах любительского рыболовства определено, что к таким, наряду с колющими орудиями, относятся огнестрельное либо пневматическое оружие, а также орудия, в основу работы которых положены действие электромагнитного поля, ультразвука, и иные орудия, использование которых запрещено обозначенными выше Правилами. При этом в указанный перечень запрещенных орудий не входят подводные ружья, пистолеты [3].

Представляется, что к иным запрещенным орудиям добычи рыбы следует отнести те, использование которых либо недопустимо ни при каких обстоятельствах, либо является возможным при определенных условиях. Так, Правила любительского рыболовства разрешают осуществлять добычу, в том числе с использованием «экрана-телевизора размером не более 1 x 1,5 метра и шагом ячеей не более 30 миллиметров в количестве не более 2» [3]. Однако если указанные параметры относительно экрана-телевизора не будут соблюдены, то такой способ добычи признают не соответствующим закону.

Таким образом, альтернативные формы незаконной добычи рыбы или других водных животных хотя и перечислены в диспозиции ч. 2 ст. 281 УК, однако для понимания содержания каждой из них возникает необходимость обращения как минимум к Правилам любительского рыболовства, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284, анализ положений которых позволит судить о том, какая именно добыча требует получения соответствующего разрешения, какие сроки, время будут являться запретными, а места, орудия, способы — запрещенными, что, в свою очередь, станет основанием для объективного принятия решения о наличии признаков общественно опасного деяния, описанного в диспозиции ст. 281 УК.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2024 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 18 дек. 2003 г. № 13 : в ред. от 27.06.2024 г. № 4. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О рыболовстве и рыболовном хозяйстве [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284 : в ред. от 23.06.2023 г. № 180. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Правил добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 июня 2006 г. № 699 : в ред.

от 12.12.2023 г. № 872. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

О. А. Хотько

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры государственного управления юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

О. А. Сыромаха

Белорусский государственный университет,
студент юридического факультета

Аннотация. В статье рассмотрены способы воздействия на правовое сознание несовершеннолетних посредством проведения психологических тренингов и иных мероприятий. Отдельно освещается ретрит как форма психологического тренинга. На основе перечисленных способов сделан вывод о важности профилактического воздействия в сфере социализации личности.

Ключевые слова: правовое сознание, несовершеннолетние, психологический тренинг, ретрит, профилактическое воздействие.

Annotation. The article discusses ways to influence the legal consciousness of minors through psychological training and other activities. Retreat as a form of psychological training is highlighted separately. Based on the listed methods, a conclusion was made about the importance of preventive influence in the field of personal socialization.

Keywords: legal consciousness, minors, psychological training, retreat, preventive influence.

В настоящее время профилактическая деятельность в целях предупреждения правонарушений (преступлений) представляет собой систему специальных мер (правовых, организационных, информационных и др.), направленных на устранение причин и условий противоправного поведения, а также комплекса социальных воздействий, которые будут носить антикриминогенный характер [1, с. 3]. Объектом такой деятельности являются субъекты-носители правового сознания, в том числе несовершеннолетние лица. Закономерно заметить, что особое значение имеет необходимость формирования правового сознания как одного из внутренних мотивов правомерного вектора социального поведения личности.

Правовое сознание является персонифицированным, потому как основано на системе ценностей конкретного индивида, уровне его познания объективной действительности, степени профессиональных умений и навыков последнего [2]. Что касается несовершеннолетних, в литературе отмечается хаотичность,

несформированность у них собственной системы взглядов, позиций и ценностей, повышенная зависимость поведения от мнения и оценок друзей, эмоциональность и неспособность критически анализировать свои поступки и поведение других людей. Перечисленные особенности личности включаются и начинают действовать в механизме преступного поведения не автоматически, а при конфликтных ситуациях в семье, в дружеском окружении, безнадзорности, беспризорности и др. [3, с. 792].

В этой связи формирование и развитие правового сознания несовершеннолетних представляет исключительную значимость, поскольку его искаженность, пробелы и иные дефекты часто стимулируют неправомерное поведение, что во многом определяет состояние преступности в обществе.

Итак, профилактическое воздействие на правовое сознание несовершеннолетних, формирование устойчивости детей к воздействию криминогенных факторов наиболее результативны при грамотном психологическом подходе к детям, правильном установлении эмоционального контакта и умении заинтересовать подростка. Перечисленное может быть реализовано посредством проведения психологических тренингов.

Психологический тренинг является одним из видов активного обучения, при котором человек самостоятельно формирует навыки и умение выстраивать межличностные отношения, учебную и иную деятельность, анализировать ситуации со своей точки зрения и с точки зрения другого человека, развивать в себе способности познания и понимания себя и других [1, с. 35]. В последнее время особой эффективностью и популярностью пользуется ретрит в качестве формы психологического тренинга, который подразумевает временный уход от привычной реальности для осмысления каких-либо важных вопросов.

Понятие «ретрит» происходит от англ. retreat — бегство. Оно зародилось в буддизме и означало некую духовную практику. В настоящее время данное понятие укоренилось и широко используется в контексте мировых религий, а также в философии и психологии. Под ретритом в широком смысле слова понимается особая форма деятельности (времяпрепровождения), когда участнику ретрита предлагается интенсивная работа над собой, реализуемая в ситуации, отличной от повседневности, и сочетаемая с тишиной, физическими нагрузками или активным общением [4].

Использование техники ретрита может иметь особую эффективность в профилактической деятельности с подростками. В условиях ретрита происходит смещение интенциональной направленности ребенка на иные, ранее непривычные образы. Примером ретрита в целях воздействия на несовершеннолетних может быть проведение профилактических мероприятий за городом, в санаториях, в лесу и иных местах, отличных от повседневной жизни.

Так, информационное воздействие, осуществляемое в условиях ретрита, влияет на эмоциональный фон ребенка и носит ярко выраженный характер по сравнению с получением аналогичных сведений в обычной, хорошо знакомой обстановке, что способствует более осознанному восприятию информации, острому переживанию несовершеннолетними обсуждаемой темы и саморефлексии, а также лучшему усвоению полученного знания.

Эффектом ретрита обладает также, например, участие несовершеннолетних в судебных заседаниях по делам об административных правонарушениях, уголовным делам, а также присутствие на выездных судебных заседаниях на базе школ.

При этом важно, чтобы группа участников формировалась из преобладающего большинства законопослушных подростков и нескольких подростков, имеющих дефекты правового сознания (например, совершивших или потенциально способных совершить противоправный поступок) [1, с. 36].

Действенный результат достигается и при стимулировании ситуаций, в которых несовершеннолетний сам выступает субъектом воздействия. Например, это самостоятельное создание профилактического видеоролика для социальных сетей, где, наряду с самопрофилактикой, быстрым и более широким распространением информации среди других детей, несовершеннолетнего мотивируют интерес к процессу и ожидание результатов (одобрение и поддержка сверстников, популярность ролика и др.).

Также целесообразно, чтобы работа по формированию правового сознания и культуры правомерного поведения несовершеннолетних была направлена на вовлечение их в соответствующую специально организованную деятельность, оказывающую моделирующее влияние на их сознание и поведение. Указанная деятельность может осуществляться путем организации их трудоустройства, волонтерской деятельности, оздоровительного отдыха и досуга [1, с. 42].

Как видно, профилактическое воздействие на несовершеннолетних должно представлять собой систему превентивных мер широкого спектра, которая функционирует с учетом популярности среди детей тех или иных занятий, тенденций и должна осуществляться в первую очередь в сфере социализации личности [4, с. 53]. Особое значение при этом имеет психологическое воздействие на подростков, поскольку такое воздействие наряду с формированием представлений о праве и его роли в социальной структуре возвращает в них чувство социальной ответственности и высокую антикриминальную устойчивость.

1. Схопчик О. Э. Формирование правосознания и предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних : пособие для практ. сотрудников органов внутр. дел / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия

Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2011. 44 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ковалёва А. М. Правосознание: понятие и сущность // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 41–43. [Вернуться к статье](#)

3. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 912 с. [Вернуться к статье](#)

4. Пеннер Р. В. Ретриты в философской практике: прошлое, настоящее, будущее // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 86–90. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.923:343.9

**СОСТАВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ
ПРЕСТУПНИКА: КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ****Д. В. Яковчик**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин**Д. Д. Кулакова**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. В статье рассмотрены способы составления психологических портретов личности преступника, предложена их классификация на портретирование неустановленного и установленного преступника.

Ключевые слова: личность преступника, психологический портрет, раскрытие преступлений.

Annotation. The article examines methods for compiling psychological portraits of a criminal's personality and proposes their classification into portraits of an unidentified and identified criminal.

Keywords: criminal's personality, psychological profile, crime detection.

Изучение личности преступника является одной из ключевых задач современной криминологии, психологии и правоохранительной деятельности. Понимание мотивов, особенностей мышления и поведения лиц, совершающих преступления, позволяет не только раскрывать уже совершенные правонарушения, но и предотвращать потенциальные угрозы обществу. В условиях роста сложности и разнообразия преступной деятельности анализ личности преступника становится важным инструментом для разработки эффективных стратегий борьбы с преступностью. Кроме того, такое изучение помогает выявить социальные, психологические и биологические факторы, способствующие формированию девиантного поведения, что открывает возможности для профилактики и реабилитации.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью не только наказания, но и понимания причин преступного поведения, что способствует созданию более справедливой и безопасной социальной среды. В данной статье рассматриваются основные подходы к изучению личности преступника, их значение для следственной практики и профилактики преступлений, а также роль психологического портрета личности в раскрытии преступлений.

Среди ряда способов изучения личности преступника в последнее время в качестве наиболее перспективного выделяют психологическое портретирование. А. И. Анфиногенов дает следующее определение психологического

портрета личности: «Психологический портрет личности — это психолого-криминалистический метод и результат познания криминального события, ориентированный на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности субъекта преступления, проявившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности, где лицо описывается в терминах его устойчивого психологического и гражданского состояния» [1, с. 38].

С учетом имеющихся сведений о преступнике, стадии рассмотрения преступления, доступности преступника к исследованию, возможным представляется выделить два основных вида психологических портретов личности преступника:

- психологический портрет личности неустановленного преступника;
- психологический портрет личности установленного преступника.

Очевидно, что и способы составления обоих видов портретирования, и цели такого составления различны. В случае с неустановленным преступником акцент делается на прогнозирование и сужение круга подозреваемых, а в случае с известным — на глубокое понимание личности и причин его действий. Составление психологического портрета личности — это сложный процесс, который требует анализа различных аспектов поведения, мотивов, личностных черт и обстоятельств. В зависимости от того, составляется портрет неизвестного преступника или известного, подходы будут различны.

Говоря о портретировании неустановленного преступника, основным методом его составления является прогноз психологических особенностей лица на основе доказательственной базы осмотра места происшествия. В таком случае составление психологического портрета может быть рассмотрено с позиции двух подходов:

1. Статистического, где составление психологического портрета основано на анализе статистики ранее раскрытых аналогичных дел. Предполагается, что в ходе изучения статистики возможно выделение характерных для похожих преступлений черт преступника, и, как следствие, их применение при поиске лица, совершившего раскрываемое преступление. Данный метод чаще используется в западных странах и значительным недостатком имеет отсутствие содержательных суждений по поводу выводимых признаков преступника.

2. Аналитико-психологического, где преступление рассматривается как результат конкретных событий преступника, а портрет преступника составляется на основе субъективно-личностных характеристик. Здесь связь признаков лица с признаками поведения опосредована психологической, смысловой взаимосвязью [2, с. 266]. В отличие от первого подхода, осмотр места происшествия позволяет не найти общестатистические признаки и на их основании

сузить круг подозреваемых, а выделить конкретные признаки лица, совершившего конкретное преступление, и сузить круг на основании самих признаков, а не статистики.

Экспертами в области криминалистики отмечается, что составление психологического портрета личности возможно и в рамках изучения почерка преступника. Исследование почерка позволяет выявить психологические свойства и эмоциональные состояния личности, что важно для составления психологического портрета преступника: интеграция почерковедческих особенностей в комплексный, общий психологический портрет повышает эффективность расследования преступления. Почерк при этом не описывает психологические свойства человека в целом, но позволяет оценить психологическое состояние лица в момент преступления, а на основе этого предположить склонность лица к тем или иным эмоциям, что также позволяет сузить круг подозреваемых [3, с. 102–103].

Одним из элементов криминалистического профилирования является географический профайлинг, под которым понимается «совокупность методов расследования, в которых места связанных между собой преступлений используются для определения наиболее вероятного места жительства преступника» [перевод наш. — Д. Я.] [4, р. 1]. Основой географического профайлинга является:

1) теория рационального выбора, означающая, что преступник обладает достаточной рациональностью, и, выбирая место совершения преступления, исходит из максимальной выгоды и минимальных затрат;

2) теория рутинной активности, определяющая расположение в пространстве при наличии мотивации, подходящего объекта преступления и отсутствия субъективно-факторного комплекса помех;

3) теория паттернов преступлений, предполагающая, что преступления не совершаются случайно и в то же время не поддаются полному закономерному прогнозированию, в том числе и в рамках пространства;

4) теория круга, описывающая радиус мест совершения преступлений одним лицом [5, с. 580].

Создание психологического портрета установленного преступника имеет другие цели (уточнение мотива преступления и психологических черт преступника с целью выделения типологизации) и, соответственно, другие способы. Поскольку преступник известен, зачастую имеется возможность взаимодействия с ним. В связи с этим одним из наиболее доступных способов составления психологического портрета личности установленного преступника являются анкетные способы. Одной из анкет, способствующих составлению психологического портрета личности, является личностный многофакторный

опросник Рэймонда Кэттелла. Интерпретация результатов позволяет выделить 16 факторов личности (отсюда и второе название опросника «16PF»), расставленных по двум противоположным полюсам (положительному и отрицательному: особенности динамики эмоциональных переживаний (циклотимия либо сизотимия), мощность интеллекта, степень эмоциональной устойчивости, эмоциональную возбудимость, степень доминантности, меру эмоциональности, саморегуляцию поведения, чувствительность вегетативной нервной системы, тонкость эмоциональных переживаний, степень интереса к участию в общих делах, эмоциональное отношение к людям, степень абстрактности мышления, расчетливость в поведении, наличие «депрессивной тенденции», стремление к новому, уровень конформизма, импульсивность, уровень возбуждения и напряжения. Для составления психологического портрета удобно пользоваться графическим способом представления результатов, расположив по оси абсцисс буквенные обозначения факторов, а по оси ординат — стены. Соединив точки, отложенные по факторам значений стенов, можно получить профиль личности, исходя из которого и проводится интерпретация. Профиль позволяет выделить те факторы, значения которых существенно отличаются от средних величин, т. е. так называемые крайние, критические точки личности. Как правило, такие значения указывают на ключевые проблемы личности, компенсирующие механизмы, а иногда — на сильное желание или стремление иметь то или иное качество [6].

Качества самоактуализации позволяет определить тест САТ, предложенный российскими учеными Л. Я. Гозманом, М. В. Крозом и М. В. Латинской. Он предназначен для измерения свойств личности, относящихся к самоактуализационным потребностям: ориентации во времени, поддержки, ценностных ориентаций, гибкости поведения, сензитивности к себе, спонтанности, самоуважения, самопринятия, представлений о природе человека, синергии, принятия агрессии, контактности, познавательных потребностей, креативности [7]. Аналогично многофакторному опроснику Кэттелла, каждая из указанных черт создает шкалу, и показатель описывается крайними значениями. Подсчет происходит по специальной формуле для каждого свойства, позволяющей выразить его в числовом формате от 0 до 1. Анализ значений шкал методики САТ рекомендуется проводить для каждого испытуемого отдельно. Выбирают шкалы, у которых значения или меньше 0,35, или больше 0,65, свидетельствующие о выраженных у испытуемого соответствующего свойства личности. Если значения шкалы САТ меньше 0,35, то у испытуемого выражено свойство личности, соответствующее низкому значению шкалы. Если значения шкалы САТ больше 0,65, то у испытуемого выражено свойство личности, соответствующее

высокому значению шкалы. Именно эти показатели и составляют психологический портрет личности.

Помимо использования анкетных способов составления психологического портрета личности, возможным кажется использование проективных методов. По сравнению с анкетами, их основным преимуществом является относительная оперативность проводимого исследования. Вместе с тем возникают сомнения насчет валидности подобных процедур.

Одним из проективных способов является использование полного цветового теста Макса Люшера. Сама процедура тестирования состоит в упорядочивании цветов испытуемым по степени их субъективной приятности. Тестирование проводится при естественном освещении, однако недопустимо воздействие на таблицу цветов прямого солнечного света. Инструкция предусматривает просьбу отвлечься от ассоциаций, связанных с модой, традициями, общепринятыми вкусами, и постараться выбирать цвета только исходя из своего личного отношения. Тест также позволяет определить высокие и низкие значения (в зависимости от последовательности выбранных цветов) следующих показателей: гетерономность, концентричность, баланс личностных свойств, баланс автономии, работоспособность, стрессовое состояние [8, с. 113].

Изучение личности преступника играет важнейшую роль в современной системе борьбы с преступностью. Оно позволяет не только раскрывать преступления, но и понимать глубинные причины противоправного поведения, что способствует разработке эффективных мер профилактики и реабилитации. Психологический анализ, криминологические исследования и междисциплинарный подход к изучению личности преступника помогают правоохранным органам прогнозировать поведение преступников, выявлять их мотивы и предотвращать повторные правонарушения.

Важность этого направления заключается также в его социальной значимости: понимание личности преступника способствует созданию более гуманной и справедливой системы правосудия, где акцент делается не только на наказании, но и на предотвращении преступлений. Внедрение современных методов анализа личности преступника в практику правоохранных органов и судебной системы открывает новые возможности для повышения уровня безопасности общества и снижения уровня преступности. Таким образом, изучение личности преступника остается актуальной и востребованной задачей, требующей дальнейшего развития и интеграции научных знаний в практическую деятельность.

1. Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.06. М., 1997. 183 с. [Вернуться к статье](#)
2. Прикладная юридическая психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / И. И. Аминов [и др.] ; под ред. А. М. Столяренко. М. : ЮНИТИ (UNITY), 2001. 639 с. [Вернуться к статье](#)
3. Зубцова М. Н. О психологическом портрете личности неустановленного преступника // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2019. № 4. С. 98–105. [Вернуться к статье](#)
4. Rossmo D. K. Geographic profiling. Boca Raton : CRC Press, 2000. 378 p. [Вернуться к статье](#)
5. Бахтеев Д. В., Леднёв И. В. Географическое профилирование и геоинформационные системы в изучении и расследовании преступлений // Всерос. криминол. журн. 2023. Т. 17. № 6. С. 577–585. [Вернуться к статье](#)
6. Выборщик И. В., Шакурова З. А. Личностный многофакторный опросник Р. Кэттелла : учеб. пособие. Челябинск : Изд. ЮУрГУ, 2000. 54 с. [Вернуться к статье](#)
7. Некрасов С. Д. Как составить психологический портрет человека : учеб.-метод. пособие. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2016. 67 с. [Вернуться к статье](#)
8. Мельников В. И., Леонтьев В. Г. Применение модифицированного теста Люшера для диагностики психических состояний личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 2. С. 112–114. [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

**РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ
ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ**

Афонченко Т. П. РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ «КУЛЬТУРНОГО КОДА».....	7
Василевич С. Г. ЛЕГАЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА КАК ПРИЗНАК ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	12
Гамалей А. А. К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ	17
Демидова И. А. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ...	21
Ковалёв О. Н., Шаркова Е. А. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	26
Ковальчук А. В. ОТРАЖЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИДЕИ СОРАЗМЕРНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ	32
Кордобовская К. Е. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕФОРМИРОВАНИЯ	37
Костян И. И. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ.....	43
Лебедев С. Я. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	50
Лясович Т. Г. ПОНЯТИЕ «ПЕРЕХОДНАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА» В РОССИЙСКОЙ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ	56
Орлов К. А. РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ОТВЕТ НА ЗАПРОС В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	64
Павлов В. И. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ОПТИКЕ АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА.....	69
Попов В. В. ДЕФЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СВЯЗИ С ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	75

Реутская Е. А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗНАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ»	79
Савельева М. В. МОРАЛЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СУБСУМЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ	85
Стабровский Е. И. ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	90
Стародубцев Г. С. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	95
Степанов М. М. К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА.....	100
Хомич В. М. ИНТЕГРАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВА И ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК УСЛОВИЕ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА	105
Шабалина Е. И. ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЯ.....	112
Щербик Д. В. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА» И «ДИКТАТУРЫ ПАРТИИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В. И. ЛЕНИНА	118
Ярмоц Е. Н. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	123

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ)

Амельченя Ю. А. РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ПУБЛИЧНОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК	128
Андрианова А. С. ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	134
Блинников А. С. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА АВТОРСКОГО ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	139
Бойко О. А. ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	143
Боровая Е. В. СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТРУДА И ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДЕЖИ	147

Бородич А. И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	152
Вербицкая И. К. СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА	157
Ефременко Е. М. ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА.....	163
Иванцова А. И. ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ	168
Иванцова Ю. Г., Кудряшова Е. Н. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	173
Катушонок О. В. РОЛЬ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЖЕРТВЫ СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ.....	178
Ковпаев С. С. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	184
Корень Т. А. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	189
Кравченко И. О. ОСМЫСЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИН ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	195
Маслакова А. А. ПАРТИЦИПАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА И ЕЕ ОТЛИЧИЯ ОТ ДРУГИХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР	201
Минько Н. С. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	206
Пантелеева Н. В. ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	214
Пацкевич А. П. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	220
Пушко Н. В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ АВТОРА СЛУЖЕБНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	225

Раюшкин В. К. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГРАЖДАН В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.....	229
Садовников С. В. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ОПЛАТЕ ТРУДА КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ГАРАНТИЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ И ЗРЕЛОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	236
Свиридов Д. А. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА УСТАНОВЛЕНИЯ ОТРАЖАЕМОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ (ЛИЦЕНЗИИ)	243
Скобелев В. П. О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ВИДА ПРАВОСУДИЯ (ГРАЖДАНСКОГО ИЛИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА) ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ.....	248
Тарасов П. А. О ЗНАЧЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА ИНФОРМАЦИЮ	254
Терещенко Т. Г. О РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	258
Якубук В. В. О НЕКОТОРЫХ ВЫВОДАХ ИЗ АНАЛИЗА СТАТИСТИКИ РЕШЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	262

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Волкова И. В., Хрипунков И. Д. ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	268
Заборовская Ю. М. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ИСПРАВЛЕНИИ ПОЖИЛОГО ОСУЖДЕННОГО, ОТБЫВАЮЩЕГО ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: ОПЫТ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	275
Карягин Р. С. К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПЕРЕВОЗКИ ДЕТЕЙ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ	279

Клочихин В. А., Бероев М. Т. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	285
Кузнецова Н. И. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА.....	290
Медведев А. Д. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНТРАБАНДЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОПЫТ РОССИИ И БЕЛАРУСИ	296
Мурин Д. А. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	301
Небогатикова Е. И. НАТУРАЛИЗАЦИЯ: СПОСОБ, СРЕДСТВО ИЛИ ПРОЦЕСС?.....	306
Овчинников Ю. Г., Шохалевич С. А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДОЗРЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	310
Плаксицкая К. С. АКТУАЛЬНЫЕ МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	316
Рыжков Д. А. ВОПРОС О НЕОБХОДИМОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	323
Самолысов П. В. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ	327
Спильная В. А. МЕСТО И РОЛЬ НАЛОГОВОГО ПРАВА В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО ПОЛЯ	333
Тепляшин П. В. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБАЦИОННЫХ НОРМ	337
Трубачев Н. А. ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ.....	342
Турчина О. В. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	346
Шашин Д. Г. О СУЩНОСТИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	350
Шевченко А. А. МОШЕННИЧЕСТВО, СОВЕРШЕННОЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	355

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Белоусова С. Д. ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ХОЛДИНГАХ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	360
Гаджиев Т. К. ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	367
Ігнатовіч А. Я. КЛАСІФІКАЦЫЯ ПРАВАВЫХ РЭФОРМ У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ	374
Ломова Т. В. ПРАВОВЕДЫ НАЧАЛА XX ВЕКА О ВЛИЯНИИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ 1905 Г.	378
Мазан А. В. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	383
Новицкая М. В. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	388
Солонченко А. Д. ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ЗИГЕЛЬ: ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ПРАВА.....	397
Чайкин С. Н. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В АРЕСТАНТСКИХ РОТАХ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА	404
Яковчик Д. В. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	410

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Белова С. Н. РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ.....	415
Богданова К. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ СО СМИ: АЛГОРИТМЫ РАБОТЫ С НЕГАТИВНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ	421
Бучакова М. А. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	425

Василевич Г. А. ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА — ВАЖНАЯ ГАРАНТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА, УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, УКРЕПЛЕНИЯ ЕГО НРАВСТВЕННЫХ И ДУХОВНЫХ УСТОЕВ.....	429
Вершок И. Л. О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	434
Вишневская Т. И., Григорьев А. В. ЗНАЧЕНИЕ НОРМ МОРАЛИ И ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА	439
Войтов А. В. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ.....	444
Войтович А. Х. О РОЛИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ.....	449
Воспякова О. Ф. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УЧАСТИЯ В ГЕНОЦИДЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КОЛЛАБОРАЦИОНISTОВ — ПОСОБНИКОВ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА	456
Галямова Г. С. ЯЗЫК ЖЕСТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	462
Дрозд А. Н. НАРКОТИЗАЦИЯ СРЕДИ ЖЕНЩИН: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАВИСИМОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....	468
Дыжова А. А. ЗАЩИТА ПРАВ КАК ИНДИКАТОР СФОРМИРОВАННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ.....	474
Дыжова А. А., Демидова А. В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	480
Канунников Р. И. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РЕГУЛЯЦИИ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗОВ МВД РОССИИ	485
Кийко Н. В. АКАДЕМИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И АКАДЕМИЯ ФСИН РОССИИ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	489
Лапова Е. С. ПРАВОВОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ МИНИСТЕРСТВУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РОССИИ	495

Лихачева С. Н. ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К КОРРУПЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	499
Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н., Кузнецов А. В. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ РОССИИ.....	505
Нижник Н. С. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ — ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	511
Скороход И. Г. СТАТУСНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ К ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	521
Терешенко Е. Г. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ И УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....	527
Терещенко Е. А. КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	530
Ховратова С. Н. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТА СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ	536
Хомищевич И. Г. АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ.....	542
Шлычков В. Р. ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ МГУ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ».....	546

Трибуна молодых исследователей

Вишневская Т. И., Зимин В. О. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА	552
Галынский Р. Д., Ковалевский Я. В. СКАНДИНАВСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ФОРМИРОВАНИИ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В IX – НАЧАЛЕ X В. (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ).....	557
Каразей О. Г., Молодыхнов В. А. ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО ПЕРЕСМОТРУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ.....	561
Лянцэвіч В. М., Воінава А. Д. ЗАРАДЖЭННЕ КАРУПЦЫІ НА ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ ЗЕМЛЯХ У ЧАСЫ КІЕЎСКОЙ РУСІ	567

Пушко Н. В., Лаврова А. С. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КАТЕГОРИЙ «САМОЗАНЯТЫЙ» И «ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ	572
Рябцева Л. А., Курин С. Р. ФОРМЫ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	578
Хотько О. А., Сыромаха О. А. СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	583
Яковчик Д. В., Кулакова Д. Д. СОСТАВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ	587

[Вернуться к началу издания](#)